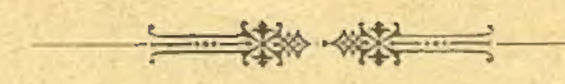
Н. КАРѢЕВЪ.

ВВЕДЕНІЕ
ВЪ ИЗУЧЕНІЕ СОЦІОЛОГІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 5 лин., 28.

1897

2598

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Этой книгѣ суждено выйти въ свѣтъ между двумя годовщинами, связанными съ именемъ основателя соціологіи. 7 (19 по новому стилю) января 1898 г. исполняется сто лѣтъ со дня рожденія Конта, 23 августа (5 сент. по н. с.) 1897 г. исполнилось сорокъ лѣтъ со дня его кончины. Эти сорокъ лѣтъ прошли не даромъ для основанной имъ науки. Въ годъ смерти Конта по соціологіи, кромѣ трехъ послѣднихъ томовъ „Курса положительной философіи", содержащихъ въ себѣ его соціологію, существовала только „Система логики" Милля, въ коей, между прочимъ, давался опытъ методологіи новой науки, да „Соціальная статика" Спенсера, самая ранняя изъ соціологическихъ работъ этого мыслителя. За эти сорокъ лѣтъ выросла обширная соціологическая литература на разныхъ языкахъ—на французскомъ (во Франціи и Бельгіи), англійскомъ (въ Англіи и Америкѣ), нѣмецкомъ (въ Германіи, Австріи и Швейцаріи), итальянскомъ, русскомъ и т. д. Соціологическая точка зрѣнія успѣла оказать вліяніе на другія, болѣе старыя общественныя науки—на государствовѣдѣніе, на юриспруденцію, на политическую экономію, на исторію Въ самое послѣднее время возникли спеціальные соціологическіе журналы, и начали происходить международные съѣзды соціологовъ. Дѣлались попытки и основанія особыхъ соціологическихъ обществъ. Наконецъ, соціологія стала даже входить въ число предметовъ университетскаго преподаванія. Возростающій интересъ къ соціологіи характеризуетъ не однихъ представителей

науки, литературы и преподаванія: онъ характеризуетъ и общественное настроеніе нашего времени. Можно даже сказать, что соціологія, лишь кое-гдѣ только начинающая проникать въ университеты и вовсе еще не пользующаяся признаніемъ старыхъ академій, является одною изъ наиболѣе популярныхъ наукъ въ образованномъ обществѣ. Доказательство этому у насъ на глазахъ. Во-первыхъ, на русскомъ языкѣ мы имѣемъ массу переводовъ иностранныхъ соціологическихъ сочиненій; число ихъ могло бы быть даже гораздо бо̀льшимъ, если бы нѣкоторыя изъ нихъ не оставались непереведенными по причинамъ совершенно внѣшняго свойства (вспомнимъ, напр., что у насъ нѣтъ перевода „Курса" Конта, что „Динамическая соціологія" Уорда не могла появиться въ русскомъ переводѣ). Во-вторыхъ, многія важныя произведенія русской соціологической литературы печатались (особенно это относится къ семидесятымъ годамъ) въ общихъ журналахъ, распространявшихся въ такъ называемой большой публикѣ, и, сколько извѣстно, находили въ ней многочисленныхъ читателей.

Правда, у соціологіи есть не только сторонники, но и противники — и среди ученыхъ, и въ обществѣ. Еще не такъ давно, напр., берлинскій профессоръ Дильтей категорически заявлялъ въ своемъ „Введеніи въ гуманитарныя науки", что соціологія не можетъ считаться настоящею наукою, что ея задача неразрѣшима, что ея методъ ложенъ и т. п. [1]). Кто, однако, захотѣлъ бы познакомиться съ аргументами Дильтея, тотъ увидѣлъ бы только, что авторъ самъ очень мало вникъ въ сущность предмета, о коемъ судитъ. Еще меньшее знаніе дѣла обнаруживаютъ многіе противники соціологіи, не имѣющіе болѣе спеціальнаго соприкосновенія съ философіей и общественными науками: зная о соціологіи лишь по наслышкѣ, они нерѣдко основываютъ свое отрицательное отношеніе къ этой наукѣ не столько на теоретическихъ, сколько на практическихъ соображеніяхъ. Существуетъ же анекдотъ о томъ, что кто-то въ соціальной динамикѣ (или въ динамической соціологіи, — навѣрное не помню)

---

[1]) W. *Dilthey*. Einleitung in die Geisteswissenschaften Berlin. 1883. I, 108—140.

заподозрѣлъ нѣчто опасное—по связи съ соціализмомъ и динамитомъ... Немудрено, что еще до сихъ поръ соціологамъ приходится быть апологетами своей науки, приходится доказывать, что она имѣетъ право на существованіе [1]).

Авторъ настоящей книги уже ранѣе принималъ участіе въ разработкѣ вопросовъ соціологіи. До извѣстной степени въ своемъ „Введеніи въ изученіе соціологіи" онъ резюмируетъ, развиваетъ далѣе и систематизируетъ взгляды, которые высказалъ ранѣе въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи", въ „Сущности историческаго процесса и роли личности въ исторіи", въ „Старыхъ и новыхъ этюдахъ объ экономическомъ матеріализмѣ" и въ цѣломъ рядѣ журнальныхъ статей, перепечатанныхъ отчасти въ „Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ". Пришлось, конечно, внести въ книгу и немало новаго, тѣмъ болѣе, что за послѣдніе годы соціологическая литература обогатилась множествомъ новыхъ книгъ и статей, коихъ нельзя не принимать въ расчетъ, говоря объ изученіи соціологіи и о современномъ ея состояніи. Отмѣчая здѣсь прежнія свои работы, авторъ имѣетъ въ виду, между прочимъ, указать читателю, незнакомому съ этими работами, что въ нихъ онъ можетъ найти болѣе подробное обоснованіе или развитіе нѣкоторыхъ взглядовъ, изложенныхъ въ предлагаемой его вниманію книгѣ. Въ частности это относится, напр., къ вопросамъ объ экономическомъ матеріализмѣ и о роли личности въ исторіи, затронутымъ въ главахъ VI и XI настоящей книги, но болѣе подробно разсмотрѣннымъ въ двухъ особыхъ сочиненіяхъ, которыя названы выше.

Составляя этотъ новый трудъ, авторъ ставилъ своею цѣлью дать лицамъ, интересующимся соціологіей, общее руководство, которое помогло бы имъ оріентироваться въ соціологической литературѣ, познакомило бы ихъ съ важнѣйшими вопросами, въ ней поставленными, позволило бы имъ критически отнестись къ рѣшеніямъ, какія получали эти вопросы у разныхъ писателей. Соціологія, какъ особый предметъ, у насъ нигдѣ не преподается. Авторъ

---

[1]) См., напр., предисловіе французскаго переводчика (Combes de Lestrade) къ „Principes de Sociologie par *Fr. H. Giddins*". Paris. 1897.

сдѣлалъ, однако, попытку изложенія съ университетской каѳедры наиболѣе важныхъ соціологическихъ вопросовъ съ историко-критической точки зрѣнія. Эти вопросы, сильно занимающіе учащуюся молодежь, трактуются въ многочисленныхъ соціологическихъ книгахъ, въ журнальныхъ статьяхъ, въ частныхъ бесѣдахъ, и университетская каѳедра не можетъ ихъ чуждаться. На юридическомъ факультетѣ есть даже особый предметъ преподаванія,—такъ называемая энциклопедія права (съ исторіей философіи права),—который при современномъ состояніи общественныхъ наукъ не можетъ излагаться сколько-нибудь научно безъ соціологическаго элемента. Современное состояніе исторической науки тоже требуетъ со стороны занимающихся исторіей усвоенія соціологическихъ идей и теорій. Исходя изъ этого соображенія, авторъ съ осени 1891 г. ежегодно читаетъ небольшой (въ одну лекцію) курсъ „исторической энциклопедіи“, въ которомъ разсматриваетъ какой-либо изъ наиболѣе общихъ вопросовъ соціологической теоріи исторіи [1]). Признавая за такими вопросами общеобразовательное значеніе, авторъ придавалъ имъ и соотвѣтственный характеръ. Сдѣланный имъ опытъ въ общемъ онъ не можетъ не признать удачнымъ, ибо при необязательности такого курса всегда находилъ слушателей изъ студентовъ разныхъ факультетовъ [2]). Настоящая книга можетъ до нѣкоторой степени считаться воспроизведеніемъ этихъ курсовъ исторической энциклопедіи, причемъ въ ея основу даже прямо положенъ общій планъ курса 1896—97 гг. Самая мысль объ этой книгѣ явилась у автора отчасти подъ вліяніемъ часто высказывавшагося нѣкоторыми его слушателями желанія видѣть читанныя имъ лекціи въ печати. Но автора навело на мысль о составленіи „Введенія въ изученіе соціологіи“ и другое обстоятельство.

За послѣднее время въ русскомъ обществѣ замѣтно усили-

[1]) Еще 1890 г. былъ прочитанъ курсъ, въ коемъ разсматривался вопросъ о роли личности въ исторіи: одновременно писалась и книга, посвященная этому вопросу. Другой разъ предметомъ значительной части курса былъ „экономическій матеріализмъ“, коему тоже посвящена особая книга.

[2]) Ср. нашу статью „Энциклопедія права и общее образованіе“ (Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній, т. I. М. 1893 г.).

лось стремленіе къ самообразованію. На встрѣчу этому симпатичному стремленію пошли какъ отдѣльные представители науки, такъ и особые кружки спеціалистовъ, поставившіе себѣ задачею выработать программы самообразовательнаго чтенія съ указаніями на пособія по отдѣльнымъ наукамъ или научнымъ вопросамъ. Авторъ принялъ участіе въ занятіяхъ одного такого кружка („Отдѣлъ для содѣйствія самообразованію“, въ Петербургѣ), уже издавшаго свои „Программы чтенія для самообразованія“. Здѣсь ему поручено было составить двѣ программы по соціологіи: одну, какъ часть болѣе общей, энциклопедической программы, другую самостоятельную и съ характеромъ болѣе спеціальнымъ. Исполняя эту нелегкую задачу, онъ долженъ былъ, между прочимъ, указать на какой-либо трудъ, по которому читатель могъ бы познакомиться съ исторіей соціологіи, съ ея предметомъ, задачей и методомъ, съ главными вопросами, какіе въ ней въ настоящее время ставятся, и съ отвѣтами, какіе на нихъ даютъ существующія въ соціологической литературѣ направленія. Современное состояніе нашей науки именно таково, что безъ подобной книги изучать соціологію довольно трудно, а между тѣмъ подходящаго пособія въ литературѣ ни нашей, ни заграничной не оказывается. Вотъ почему авторъ и задумалъ пополнить этотъ пробѣлъ, написавъ именно такое, какое ему казалось нужнымъ, введеніе въ изученіе соціологіи. Читанные имъ за послѣдніе годы въ петербургскомъ университетѣ курсы облегчили ему эту задачу: курсы эти также имѣли общеобразовательную задачу и должны были помогать слушателямъ оріентироваться въ различныхъ теоріяхъ общественныхъ явленій и историческаго процесса, существующихъ въ современной соціологической и историко-философской литературѣ. По времени эта работа совпала съ пересмотромъ авторомъ его „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи“ для третьяго ихъ изданія, которое онъ также счелъ нужнымъ, сравнительно съ первыми двумя изданіями, болѣе приспособить къ потребностямъ большого круга читателей, стремящихся къ самообразованію. Понятное дѣло, что пересмотръ для новаго изданія книги, написанной около пятнадцати лѣтъ тому назадъ и появившейся во второмъ изданіи назадъ тому

десять лѣтъ, долженъ былъ привести автора къ пересмотру собственныхъ его взглядовъ: въ настоящей книгѣ онъ и занялся этимъ дѣломъ. Авторъ не можетъ не выразить удовольствія, что ему удается издать свой новый соціологическій трудъ къ тому времени, когда двѣ упомянутыя въ началѣ предисловія годовщины заставляютъ образованный міръ вспомнить основателя соціологіи.

Въ намѣреніяхъ автора не было изложить собственную соціологическую теорію. Его задачей было дать историко-критическій очеркъ главнѣйшихъ направленій, существующихъ въ соціологической литературѣ, особенно тѣхъ направленій, которыя нашли представителей въ Россіи. Соціологія стала разрабатываться сравнительно недавно, причемъ въ этой разработкѣ приняли участіе весьма рано и русскіе писатели,—раньше, напр., чѣмъ американцы. Авторъ пристально слѣдилъ за движеніемъ русской соціологической мысли съ появленія самыхъ первыхъ соціологическихъ работъ въ нашей литературѣ. Подъ ихъ вліяніемъ складывались и его собственные соціологическіе взгляды. Особенно важными принципами русской соціологіи онъ считаетъ 1) признаніе ею психической основы общественныхъ явленій, 2) ея взглядъ на значеніе личности и 3) защиту ею такъ называемаго субъективнаго отношенія къ общественнымъ явленіямъ. Пріятно отмѣтить, что эти же принципы начинаетъ провозглашать въ послѣдніе полтора десятка лѣтъ и американская соціологія. Съ точки зрѣнія этихъ принциповъ ведется въ настоящей книгѣ и критика разныхъ соціологическихъ направленій. Авторъ, однако, не скрываетъ, что и то общее направленіе соціологіи, которое онъ считаетъ наиболѣе научнымъ, весьма далеко еще отъ того, чтобы расчитывать на полное торжество въ наукѣ. Онъ даже думаетъ, что и въ этомъ направленіи есть свои недостатки, что вообще каждое изъ существующихъ направленій заключаетъ въ себѣ долю истины, и что соціологія будущаго явится синтезомъ тѣхъ частныхъ истинъ, какія содержатся въ отдѣльныхъ направленіяхъ соціологіи. Но синтезъ этотъ можетъ произойти лишь на почвѣ наименѣе исключительнаго направле-

нія, а таковымъ слѣдуетъ признать то, которое отводитъ свое мѣсто и Конту, и Спенсеру, и Дарвину, и Марксу, не предполагая, что кто-либо изъ нихъ сказалъ всю истину, наоборотъ, исходя изъ того убѣжденія, что каждый изъ нихъ пролилъ свѣтъ (да и то не весь, какой можно пролить) лишь на одну сторону предмета. Далекій отъ всякаго догматизма, авторъ и придалъ своему труду критическій характеръ, не исключивъ изъ этой критики ни одного изъ существующихъ въ соціологической литературѣ направленій.

Въ его намѣренія не входило также представить полный обзоръ всей соціологической литературы. Подробнѣе онъ останавливается лишь на нѣкоторыхъ трудахъ, особенно на основныхъ, какимъ прежде всего является, конечно, „Курсъ положительной философіи" самого Конта, а также на самыхъ новыхъ произведеніяхъ соціологической литературы, характеризующихъ современное состояніе науки. Одни изъ соціологическихъ трактатовъ онъ счелъ нужнымъ разсмотрѣть подробнѣе, относительно другихъ ограничился лишь одними указаніями на ихъ значеніе въ соціологической литературѣ. Такъ поступилъ онъ между прочимъ съ русскими работами, которыя, по его мнѣнію, должны быть прочитаны всѣми русскими читателями, интересующимися общественной наукой. О многихъ лишь упоминаемыхъ сочиненіяхъ авторъ притомъ подробно говорилъ раньше или въ другихъ своихъ книгахъ, или въ отдѣльныхъ статьяхъ, и потому здѣсь не хотѣлъ повторяться. Нѣкоторая краткость замѣчаній о разныхъ работахъ, написанныхъ въ духѣ экономическаго матеріализма, даже прямо объясняется тѣмъ, что они были предметомъ болѣе подробнаго разбора въ недавно изданныхъ авторомъ „Старыхъ и новыхъ этюдахъ объ экономическомъ матеріализмѣ".

Заявляя свое сочувствіе къ такъ называемой субъективной школѣ соціологовъ, авторъ просилъ бы читателей, которые пожелали бы подробнѣе познакомиться съ основаніями, заставляющими его защищать соціологическій субъективизмъ, обратиться, кромѣ сочиненій, указываемыхъ выше, къ популярнымъ его

брошюрамъ „Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія“, „Мысли объ основахъ нравственности“ и „Мысли о сущности общественной дѣятельности“.

NB. Просимъ сдѣлать небольшое исправленіе на стр. 56, гдѣ между строками 16 и 17 снизу слѣдуетъ вставить нѣсколько словъ, по недосмотру пропущенныхъ при печатаніи, а именно: „Въ другомъ сознаніе разлито по всему аггрегату“. Все это мѣсто должно читаться такъ: „Въ одномъ сознаніе сконцентрировано въ одной небольшой части аггрегата. Въ другомъ сознаніе разлито по всему аггрегату: всѣ его единицы“ и т. д.

ГЛАВА I.

Происхожденіе соціологіи.

Разсматривая возникновеніе соціологіи, какъ самостоятельной науки, мы должны имѣть въ виду, во-первыхъ, ея предметъ, во-вторыхъ, ея задачу, и въ-третьихъ, ея методъ.

Предметъ соціологіи. Обозрѣвая болѣе раннія попытки основанія общественной науки, родоначальникъ современной соціологіи Огюстъ Контъ прежде всего называетъ Аристотеля, „Политика" котораго является у него, такъ сказать, первообразомъ всѣхъ послѣдующихъ сочиненій подобнаго рода. Не касаясь вопроса о томъ, какъ самъ Контъ относится къ Аристотелю, мы должны отмѣтить, что предметомъ науки, созданной великимъ греческимъ философомъ, было не общество, а государство, т.-е. общество, взятое, какъ государство, слѣдовательно, лишь въ одной изъ сторонъ своего бытія. Только гораздо позднѣе понятію государства стали противополагать понятіе общества, беря, однако, послѣднее въ болѣе узкомъ смыслѣ совокупности отдѣльныхъ лицъ, находящихся между собою въ юридическихъ или экономическихъ отношеніяхъ. Понятно, что явленія государственной жизни не исчерпываютъ всего содержанія общественной жизни въ широкомъ смыслѣ этого слова, и что поэтому политическая наука, созданная Аристотелемъ, не можетъ претендовать на значеніе общаго ученія объ обществѣ. Если отъ грековъ мы унаслѣдовали политику, какъ ученіе о государствѣ, то римляне завѣщали намъ юриспруденцію, какъ ученіе о правѣ. Юриспруденція, конечно, есть также общественная наука, но она не есть наука объ обществѣ, а только объ одномъ изъ явленій общественной жизни, называемомъ правомъ. Разумѣется, и этой наукѣ приходится имѣть дѣло съ обществомъ, но только съ обществомъ, взятымъ съ особой точки зрѣнія, именно какъ съ совокупностью частныхъ лицъ, находящихся между собою

въ особыхъ отношеніяхъ, называемыхъ правовыми. Возможна и еще одна точка зрѣнія на общество, которая даетъ начало новой общественной наукѣ. По тѣсной связи, существующей между всѣми общественными явленіями, не только политики и юристы должны были въ своихъ работахъ вторгаться въ области одни другихъ, но одинаково и политики, и юристы должны были касаться такихъ сторонъ общественной жизни, которыя, имѣя отношеніе и къ государству, и къ праву, составляютъ, однако, совершенно самостоятельную категорію общественныхъ явленій. Говоря это, мы имѣемъ въ виду народное хозяйство. Особая наука о явленіяхъ этого рода возникла подъ названіемъ политической экономіи лишь въ XVIII вѣкѣ, и одинъ изъ ея основателей, Адамъ Смитъ, самимъ Контомъ зачисляется въ его предшественники въ дѣлѣ созданія соціологіи. Не касаясь и здѣсь личнаго отношенія Конта къ родоначальнику современной политической экономіи, мы отмѣтимъ только то, что и эта наука разсматриваетъ общество опять-таки лишь въ одной сторонѣ его бытія, имѣя своимъ предметомъ исключительно такъ называемое народное хозяйство. Однимъ словомъ, науки политическія, юридическія и экономическія, т.-е. всѣ отрасли трехъ названныхъ направленій въ изученіи общества берутъ послѣднее съ извѣстныхъ, частныхъ точекъ зрѣнія, которыя между собою не совпадаютъ и даже въ своей совокупности не исчерпываютъ всего содержанія общественной жизни. Дѣло въ томъ, что, кромѣ государства, права и народнаго хозяйства, въ жизни общества мы наблюдаемъ еще явленія, которыя не могутъ быть подведены ни подъ одну изъ этихъ трехъ категорій. Это—явленія духовной культуры общества, языкъ, нравы и обычаи, религіозныя вѣрованія общества, его міросозерцаніе, его литература и искусство. Наше общее представленіе объ обществѣ было бы весьма одностороннимъ, если бы мы ограничивали себя при его разсмотрѣніи только тремя упомянутыми точками зрѣнія: даже соединеніе политическаго, юридическаго и экономическаго отношенія къ обществу не можетъ еще дать полнаго представленія о томъ, что̀ такое общественная жизнь.

Мы уже упомянули, что изслѣдователи той или другой стороны общественнаго бытія нерѣдко вынуждались задѣвать сосѣднія области. Прежде нежели явилось представленіе о соціологіи, какъ наукѣ, дѣлающей своимъ предметомъ общество во всѣхъ сторонахъ его бытія, существовали уже научные труды, въ которыхъ общественная жизнь получала весьма разностороннее освѣщеніе. Съ наибольшимъ правомъ здѣсь долженъ быть упомя-

путь прежде всего „Духъ законовъ“ Монтескье, о которомъ Контъ тоже говоритъ, какъ объ одномъ изъ своихъ предшественниковъ. Мы и здѣсь опять не касаемся личнаго отношенія основателя соціологіи къ автору „Духа законовъ“, но не можемъ не признать, что, если кто-либо имѣетъ право на имя соціолога, когда не было еще соціологіи, то это право принадлежитъ, конечно, Монтескье. Однако, Монтескье скорѣе только предчувствуетъ будущую науку объ обществѣ, чѣмъ сознаетъ ея необходимость. Во всякомъ случаѣ, онъ не представляетъ себѣ еще, что надъ старыми общественными науками должна воздвигнуться новая наука, которая имѣла бы своимъ предметомъ не отдѣльныя стороны общественной жизни, а самыя, такъ сказать, ея общія основы. Въ послѣднемъ смыслѣ возникновеніе соціологіи находитъ аналогію въ появленіи другой подобной науки. Мы знаемъ именно, что жизнь на землѣ изучается особыми науками, которыя носятъ названіе зоологіи и ботаники, анатоміи и физіологіи, смотря по тому, занимаются ли онѣ царствомъ животныхъ или царствомъ растеній, строеніемъ животныхъ и растительныхъ организмовъ или происходящими въ нихъ процессами, отправленіями ихъ органовъ. И въ области этихъ наукъ потребовалось точно также установить общее ученіе объ органической жизни, которое развилось въ цѣлую науку—біологію. На современную біологію мы имѣемъ право смотрѣть, какъ на философію всѣхъ отдѣльныхъ наукъ, изучающихъ отдѣльныя стороны органической жизни на землѣ: значеніе совершенно такой же обобщающей и объединяющей философіи принадлежитъ и соціологіи.

Задача соціологіи. При научномъ изслѣдованіи того или другого предмета мы можемъ ставить себѣ задачи двоякаго рода, смотря по тому, будетъ ли у насъ стоять на первомъ планѣ та или другая практическая цѣль или же будетъ нами руководить чисто теоретическій интересъ къ данному предмету. На этомъ основано раздѣленіе наукъ на прикладныя и чистыя, и нужно замѣтить, что на первыхъ порахъ каждая изъ существующихъ наукъ имѣла преимущественно прикладной, практическій характеръ. Первоначально политическія науки должны были служить главнымъ образомъ руководствомъ для правителей и государственныхъ людей. О чисто практическомъ характерѣ изученія права въ ранніе его періоды и говорить нечего. Самое названіе политической экономіи, т.-е. государственнаго домостроительства указываетъ на то, что первоначальною цѣлью этой науки было вовсе не простое теоретическое изслѣдованіе народнаго хозяйства. Нельзя, однако, отрицать того,

что въ дѣлѣ возникновенія и развитія наукъ играла роль и чистая любознательность, отвлеченное, такъ сказать, желаніе знать и понимать окружающую насъ дѣйствительность, которое впослѣдствіи должно было получить лишній стимулъ, когда было сознано, что чисто теоретическое изученіе независимо отъ непосредственнаго удовлетворенія нашего ума отражается полезнымъ образомъ и на практической нашей дѣятельности, поскольку практика всегда предполагаетъ извѣстную теорію, и безъ хорошей теоріи не можетъ быть хорошей практики. Въ областяхъ знанія, ранѣе другихъ достигшихъ извѣстной степени совершенства, уже давнымъ давно признали необходимость строгаго разграниченія между теоретическими вопросами и практическими задачами, между науками чистыми и прикладными, между науками въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова и соотвѣтствующими имъ искусствами. Въ области политическихъ, юридическихъ и экономическихъ знаній смѣшеніе того и другого, конечно, не могло способствовать правильной постановкѣ научно-теоретическихъ вопросовъ. Въ высшей степени важно, что, по мысли своего основателя, соціологія должна была быть именно чистою наукою объ обществѣ. Контъ въ этомъ отношеніи хотѣлъ стать на исключительно теоретическую точку зрѣнія, признавъ, что приложеніемъ соціологическихъ знаній къ практической жизни должна заниматься другая научная дисциплина, которую онъ называлъ политикой. Подобно тому какъ ранѣе уже создавались общія теоріи государства, права и народнаго хозяйства, соціологія должна была быть общей теоріей общества, т.-е. изслѣдованіемъ тѣхъ законовъ, коими управляются явленія общественной жизни.

Методъ соціологіи. Съ тѣхъ поръ, какъ въ человѣческомъ умѣ возникла потребность въ объясненіи окружающей насъ дѣйствительности, умъ человѣческій сталъ создавать разныя теоріи для объясненія совершающихся вокругъ насъ явленій. Во всѣхъ областяхъ знанія самыя раннія теоріи отличаются полнымъ отсутствіемъ научности. Первою причиною этого было то, что мысль человѣка искала объясненія занимавшихъ ее явленій за предѣлами міра, доступнаго опыту и наблюденію; второю же причиною—то, что мысль находила возможнымъ отвѣчать на поставленные себѣ вопросы, совсѣмъ не прибѣгая къ опыту и наблюденію, а также и не изслѣдуя тѣхъ данныхъ, которыя могли бы ей доставить опытъ и наблюденіе. Въ первомъ отношеніи предметомъ теоріи становились не сами явленія, а наши о нихъ представленія или общія о нихъ понятія, которыя при-

нимались совершенно ошибочно за какія-то сверхчувственныя сущности, а во второмъ изученіе тѣхъ отношеній, въ какихъ могутъ находиться логически между собою эти понятія, и той связи, въ какой можно ихъ себѣ представить, заступало мѣсто изслѣдованія реальныхъ отношеній, существующихъ между дѣйствительными явленіями, и той связи, въ какой намъ ихъ представляетъ дѣйствительность. Уже до „Политики" Аристотеля существовала общая теорія государства его учителя—Платона. Но теорія Платона была метафизическая, такъ какъ по его философіи объясненія дѣйствительныхъ предметовъ нужно было искать за предѣлами чувственнаго міра въ особомъ мірѣ Идей. Аристотель именно потому и можетъ считаться однимъ изъ родоначальниковъ науки объ обществѣ, что строилъ свою теорію на основаніи систематическихъ наблюденій надъ государственною жизнью современныхъ ему народовъ. И Монтескье въ этомъ отношеніи стоялъ равнымъ образомъ на чисто научной почвѣ, тогда какъ его младшій современникъ, Руссо, создалъ совершенно раціоналистическую, идеологическую теорію государства (за что, замѣтимъ кстати, и получилъ у Конта нелестное названіе софиста). Изгнанныя изъ области естествознанія метафизика и идеологія продолжали еще весьма долго царить въ наукахъ гуманитарныхъ и соціальныхъ. Зарожденіе соціологіи стоитъ въ самой тѣсной связи съ мыслью о томъ, что общество должно быть изучаемо совершенно такъ же, какъ естественныя науки изучаютъ явленія природы. Именно естествознаніе ограничило себя однимъ міромъ явленій, не задаваясь разрѣшеніемъ вопроса о лежащей въ нихъ основѣ сверхчувственной сущности. Міръ же явленій оно изучаетъ путемъ опыта и наблюденія. До появленія мысли о необходимости создать общественную науку по типу наукъ естественныхъ, между обществовѣдѣніемъ и естествознаніемъ существовала непроходимая пропасть, и напримѣръ, научное понятіе закона, какъ выраженія постояннаго отношенія между двумя явленіями, получало весьма странное примѣненіе въ общественныхъ наукахъ. Говорили, что и общественная жизнь управляется законами, но подъ законами разумѣли или требованія нравственнаго долга, или юридическія нормы, или какіе-либо другіе принципы такого же характера. Уже въ „Духѣ законовъ" Монтескье можно обнаружить своего рода предчувствіе закономѣрности общественныхъ явленій, но едва Монтескье начинаетъ разсуждать о законахъ вообще, какъ мысль его путается. Мысль о закономѣрности общественныхъ явленій характеризуетъ и французскую школу экономистовъ

XVIII в., такъ называемыхъ физіократовъ, но и они, признавая существованіе нѣкотораго „естественнаго порядка“, представляли его себѣ такимъ образомъ, какъ будто его законы постоянно нарушаются людьми, т.-е. у нихъ и мысли не было о непреложности естественныхъ законовъ, управляющихъ общественными явленіями. Только въ началѣ XIX в. особенно въ зарождавшейся тогда научной лингвистикѣ и въ исторической школѣ права стало признаваться въ принципѣ, что развитіе языка и права, подобно развитію растительныхъ и животныхъ организмовъ, совершается съ извѣстною закономѣрностью. Крушеніе раціоналистическихъ теорій XVIII в. поставило тогда вопросъ о необходимости общей реформы въ ученіи объ обществѣ, и въ то время, какъ одни искали основъ для этого въ богословіи, возвращаясь къ средневѣковому міросозерцанію, другіе обратились за принципами этой реформы къ естественнымъ наукамъ. Однимъ изъ первыхъ, ставшихъ на эту точку зрѣнія, былъ Сенъ-Симонъ, самъ изучавшій естественныя науки, а въ числѣ приверженцевъ С.-Симона находился Огюстъ Контъ, равнымъ образомъ воспитавшій свой умъ на изученіи положительныхъ наукъ. По мысли С.-Симона и Конта необходимо было создать положительную науку объ обществѣ, которую Контъ первоначально называлъ „соціальной физикой“,—названіе, характерно передающее основную мысль Конта. То же самое названіе „соціальной физики“ далъ своему труду „О развитіи человѣческихъ способностей“ и родоначальникъ новѣйшей статистики Кетле, математикъ, физикъ и астрономъ, примѣнившій свои математическія знанія къ изученію количественныхъ отношеній общества и открывшій въ нихъ существованіе закономѣрности. Такимъ образомъ, соціологія явилась результатомъ стремленія замѣнить въ изученіи общества прежній метафизическій методъ методомъ научнымъ, образцы котораго представляли собою болѣе развитыя отрасли естествознанія.

Философія исторіи и соціологія. Къ основанію соціологіи приводило не только развитіе общественныхъ наукъ, но и внесеніе въ исторію философскаго начала. Политика, юриспруденція и политическая экономія брали общество, какъ неизмѣнное бытіе, весьма мало пользуясь или совсѣмъ не пользуясь историческимъ изученіемъ государства, права и народнаго хозяйства: историческая школа права возникла лишь въ началѣ XIX в., историческое направленіе въ политической экономіи— лишь въ срединѣ столѣтія. Если сближеніе исторіи съ названными общественными науками произошло въ такое позднее

время, то еще въ XVIII в. исторія сблизилась съ философіей. Общее направленіе мысли того времени заставляло и передовыхъ историковъ задаваться вопросомъ о законахъ въ примѣненіи къ исторической жизни человѣчества. Идея о томъ, что политическія перемѣны происходятъ въ извѣстномъ порядкѣ, не была, впрочемъ, совсѣмъ новою,—въ древности ее высказывалъ Полибій, въ новое время Боденъ,—по впервые представленіе о нѣкоторой идеальной исторіи, лежащей якобы въ основѣ всякой дѣйствительной исторіи, было высказано въ „Новой наукѣ" итальянскаго мыслителя Вико въ началѣ XVIII в. Особенно же важно было стремленіе нѣсколькихъ писателей второй половины столѣтія уловить закономѣрность въ общемъ ходѣ исторіи, который началъ тогда разсматриваться, какъ постепенное совершенствованіе человѣческаго рода. Эта идея могла получать различное примѣненіе, и еще въ XIX в. весьма крупные писатели вносили въ такое философское изображеніе исторіи богословскія или метафизическія соображенія. Однако уже въ XVIII в. думали построить такую философію исторіи на чисто научной основѣ. Въ числѣ своихъ предшественниковъ Контъ называетъ и Кондорсэ, автора знаменитаго „Наброска исторической картины успѣховъ человѣческаго ума", написаннаго въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія. Кондорсэ принадлежалъ къ самому младшему поколѣнію „философовъ" XVIII в. и воспиталъ свой умъ на изученіи положительныхъ наукъ, преимущественно математики: это обстоятельство не могло не отразиться на общемъ взглядѣ Кондорсэ; по своему желанію научно понять исторію человѣчества онъ былъ несомнѣннымъ предшественникомъ Конта. Впослѣдствіи Контъ раздѣлилъ свою соціологію на статику и динамику. Образцемъ статики были старыя научныя дисциплины, бравшія общество, такъ сказать, въ неподвижномъ состояніи, такъ какъ и политика, и юриспруденція, и политическая экономія имѣли своимъ предметомъ общество, какъ нѣчто разъ навсегда данное, а не постоянно развивающееся. Философія исторіи, какъ между прочимъ понималъ ее и Кондорсэ, имѣла дѣло съ процессомъ общественнаго развитія: изъ нея-то Контъ и заимствовалъ свою идею соціальной динамики. Если мысль о закономѣрности общественныхъ явленій при изученіи общества, какъ всегда самому себѣ равнаго предмета, порождала представленіе объ естественномъ порядкѣ, лежащемъ въ основѣ общественнаго бытія, то представленіе о закономѣрности общественныхъ измѣненій порождено было именно философіей исторіи. Послѣдняя мало-по-малу выработала идею развитія, которой суждено было занять

такое важное мѣсто во всемъ научно-философскомъ міросозерцаніи XIX в. Въ то самое время, какъ на точку зрѣнія развитія становятся отдѣльныя науки, изучающія разныя стороны культурной и соціальной жизни человѣчества (особенно языкъ и право), и соціологія, какъ общая теорія общества, беретъ послѣднее не въ качествѣ предмета, всегда самому себѣ равнаго, а въ качествѣ чего-то постоянно развивающагося. На первыхъ же порахъ возникающая наука ставитъ вопросъ не только о законахъ общественнаго строенія, но и о законахъ общественнаго развитія.

Ближайшія условія возникновенія соціологіи. Въ числѣ лицъ, оказавшихъ извѣстное вліяніе на соціологическія воззрѣнія Конта, слѣдуетъ назвать прежде всего С.-Симона, съ которымъ Контъ находился въ весьма близкихъ отношеніяхъ въ теченіе шести лѣтъ (1818—1824) ранняго періода своей жизни. Въ позднѣйшихъ идеяхъ С.-Симона и въ идеяхъ Конта мы находимъ очень много общаго, и какъ бы ни велика была доля участія Конта въ выработкѣ общественныхъ взглядовъ С.-Симона въ послѣдніе годы его жизни, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что весьма многое въ соціологическихъ взглядахъ основателя позитивной философіи объясняется вліяніемъ на него со стороны названнаго родоначальника соціализма XIX в. С.-Симонъ отличался крайнею подвижностью ума и постоянно былъ занятъ грандіозными проектами весьма разнообразнаго свойства. Въ первые годы XIX столѣтія онъ мечталъ о реорганизаціи всей области научнаго знанія и въ этихъ цѣляхъ самъ изучалъ разныя естественныя науки подъ руководствомъ профессоровъ политехнической и медицинской школъ въ Парижѣ. Въ какомъ направленіи предполагалась эта реформа знанія, можно видѣть изъ двухъ мемуаровъ С.-Симона, написанныхъ въ 1810 году. Одинъ изъ нихъ былъ посвященъ „наукѣ о человѣкѣ“, и въ немъ проводилась мысль о постепенномъ совершенствованіи человѣчества. Другой трактатъ имѣлъ предметомъ законъ всеобщаго тяготѣнія, къ которому С.-Симонъ находилъ возможнымъ свести всѣ другіе естественные законы. Въ тѣ годы, на которые приходится сближеніе Конта съ С.-Симономъ, послѣдній занимался уже вопросомъ о реорганизаціи общества и вырабатывалъ для этого дѣла теоретическія основанія. Въ 1822 году подъ несомнѣннымъ вліяніемъ С.-Симона Контъ издаетъ „Планъ научныхъ трудовъ, необходимыхъ для преобразованія общества“. Здѣсь отмѣчалось то, что Европа переживаетъ кризисъ: происходило постепенное крушеніе старыхъ вѣрованій и учрежденій, и нарождалось новое общество, которое должно было прійти на

смѣну старому,—Контъ указывалъ на то, что выясненіе формъ новаго общества прежде всего требуетъ чисто теоретической разработки общественныхъ вопросовъ.

Стремленіе создать новую общественную философію, характеризующее умственныя усилія С.-Симона и Конта, было однимъ изъ симптомовъ общаго недовольства общественною философіей XVIII в. послѣ того практическаго испытанія, какому она подверглась во время революціи. Однихъ революція напугала, другихъ разочаровала. Ея ужасы и ея неуспѣхъ приписывались ея принципамъ, т.-е. идеямъ раціоналистической философіи XVIII в. Но въ то время, какъ одни противополагали метафизичности этой философіи старыя религіозныя вѣрованія и богословскія воззрѣнія, другіе искали выхода въ научномъ изслѣдованіи реальныхъ явленій. И С.-Симонъ, и Контъ, занимавшіеся преимущественно точными науками, становились на точку зрѣнія научной реакціи противъ политической метафизики XVIII в., но на обоихъ сказалось и вліяніе современнаго имъ возрожденія мистическихъ идей противъ разсудочности XVIII в.: и С.-Симонъ, и Контъ создавали новыя религіи. Въ своей оппозиціи противъ политической метафизики XVIII в. Контъ пользовался отчасти и аргументами чисто реакціонной школы. И для него, какъ для реакціонеровъ, философія XVIII в. представлялась силою чисто критическою, отрицательною, разрушительною, и потому требовалось нѣчто органическое, положительное, созидательное. Одною изъ задачъ, которыя Контъ поставилъ своей положительной философіи, было вывести человѣчество изъ состоянія умственной анархіи, и хотя средствомъ для этого должно было служить научное знаніе, однако идеаломъ Конта было возвращеніе къ тому господству духовнаго авторитета въ обществѣ, какое наблюдается въ средневѣковомъ католицизмѣ. Въ этомъ отношеніи на Контѣ замѣтно вліяніе тѣхъ реакціонныхъ идей, которыя нашли наиболѣе рельефное выраженіе у Жозефа де Местра. Общій взглядъ Конта на средневѣковой католицизмъ былъ ему какъ бы прямо подсказанъ знаменитою книгою этого писателя „О папѣ“.

Реакція противъ политической метафизики XVIII в. Реакція противъ политической метафизики XVIII в. отразилась на Контѣ и въ другомъ отношеніи. Раціоналистическая философія прошлаго столѣтія видѣла въ обществѣ и отдѣльныхъ сторонахъ общественнаго бытія продукты сознательнаго творчества человѣка, своего рода произведенія искусства. Самымъ яркимъ выразителемъ такого взгляда въ XVIII вѣкѣ былъ Руссо, къ ко-

торому Контъ и отнесся весьма неблагосклонно, а Руссо именно и объяснялъ происхожденіе языка изобрѣтеніемъ, происхожденіе государства—договоромъ. Въ религіи и правѣ въ XVIII в. видѣли также нѣчто, сознательно придуманное людьми—жрецами и законодателями. Великая французская революція 1879 г. должна была какъ-разъ перестроить общество и государство по идеямъ тогдашней философіи. Реакціонные писатели отвергли точку зрѣнія XVIII в., какъ опасную въ политическомъ отношеніи, отвергли взглядъ на искусственное происхожденіе государства, признавъ этотъ взглядъ революціоннымъ, и направили всѣ свои усилія на опроверженіе политической метафизики Руссо. Воспитавшись, однако, подъ вліяніемъ того же раціонализма, они не могли всецѣло стать на теологическую точку зрѣнія и должны были искать объясненія общественныхъ явленій не въ одной волѣ Божіей. Общій выводъ, къ которому они приходятъ, тотъ, что общественныя явленія не суть дѣла рукъ человѣческихъ. а чисто естественныя явленія, возникающія и развивающіяся подобно организмамъ. Нельзя утверждать, чтобы такой взглядъ былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ исключительно политической реакціи противъ французской революціи: въ эту эпоху стали, напримѣръ, смотрѣть и на языкъ, какъ на явленіе, возникающее совершенно непреднамѣренно и развивающееся чисто органически. Но съ другой стороны, несомнѣнно и то, что политическая реакція помогла перемѣнѣ взглядовъ въ области юриспруденціи и политики. Какъ-разъ въ это время знаменитый прусскій юристъ и государственный дѣятель Савиньи, отличавшійся сильнымъ консерватизмомъ въ политикѣ и протестовавшій противъ стремленія нѣмцевъ создать обще-германскій кодексъ права по образцу французскаго, основалъ такъ-называемую историческую школу юриспруденціи, разсматривавшую право, какъ естественный продуктъ народнаго духа, возникающій и развивающійся, подобно языку, совершенно органически. Еще ранѣе та же самая идея была примѣнена французскими реакціонными писателями къ ученію о государствѣ. Въ данномъ случаѣ особенно любопытны заявленія Жозефа де Местра, идущія въ разрѣзъ съ политической метафизикой Руссо: государственныя тѣла родятся, развиваются и умираютъ буквально, какъ живыя тѣла; будучи произведеніемъ природы, т.-е. Бога, общество такъ же возникаетъ и развивается, какъ и растеніе; всякая конституція есть твореніе, а твореніе вообще превышаетъ человѣческія силы. Въ соціологіи Конта эти новые взгляды на общество нашли также свое отраженіе. Основатель позитивной философіи раздѣ-

ляетъ отрицательное отношеніе реакціонной школы къ политической метафизикѣ XVIII в. и видитъ въ обществѣ не произведеніе искусства, а естественное явленіе, склоняясь при этомъ къ той мысли, что общество слѣдуетъ понимать по аналогіи съ организмомъ. Признаніе за обществомъ органической природы естественно приводило къ идеѣ закономѣрности общественнаго развитія, а это послѣднее должно было устранить изъ новаго взгляда мысль о какомъ бы то ни было произволѣ человѣка, способномъ прерывать закономѣрную преемственность соціальныхъ явленій. Объявляя себя послѣдователемъ Кондорсэ, Контъ въ то же самое время выступалъ до извѣстной степени ученикомъ Жозефа де Местра.

ГЛАВА II.

Соціологія Огюста Конта.

Намъ нѣтъ надобности излагать здѣсь общефилософскіе взгляды Конта, такъ какъ рѣчь должна итти только объ его соціологіи. Мы дѣлаемъ исключеніе лишь для его ученія о „трехъ различныхъ теоретическихъ состояніяхъ“, черезъ которыя проходитъ каждая отрасль нашихъ знаній, и о той іерархіи, какая между этими знаніями существуетъ. Первое изъ этихъ двухъ ученій опредѣляетъ общій характеръ соціологіи, второе указываетъ на то мѣсто, какое, по мысли Конта, наука эта должна была занять въ общей системѣ человѣческихъ знаній.

Законъ трехъ фазисовъ. „Каждая вѣтвь нашихъ знаній, говоритъ Контъ, проходитъ послѣдовательно чрезъ три разныя теоретическія состоянія: состояніе теологическое или фиктивное; состояніе метафизическое или отвлеченное; состояніе научное или положительное (позитивное)... Отсюда три рода философій или общихъ системъ взглядовъ на совокупность явленій, причемъ эти системы взаимно исключаются“. На первой ступени человѣческій умъ объясняетъ совершающіяся вокругъ него явленія „прямымъ и постояннымъ дѣйствіемъ сверхъестественныхъ агентовъ“, которые на второй ступени „замѣняются отвлеченными силами, настоящими сущностями (олицетворенными абстракціями), воплощенными въ разныхъ существахъ міра“. Что касается до позитивнаго состоянія, то Контъ характеризуетъ его тѣмъ, что „че-

ловѣческій умъ, признавъ невозможность достигнуть безусловныхъ знаній, отказывается отъ рѣшенія вопроса о происхожденіи и назначеніи вселенной, равно какъ отъ познанія внутреннихъ причинъ явленій, чтобы единственно заниматься—посредствомъ надлежащаго соединенія разсужденія и наблюденія—открытіемъ дѣйствительныхъ законовъ этихъ явленій, т.-е. неизмѣнныхъ отношеній послѣдовательности и сходства между ними". Понятное дѣло, что соціологія Конта должна была быть именно позитивною, а не теологическою или метафизическою: этимъ Контъ, такъ сказать, вдвигалъ новую науку въ рядъ другихъ наукъ, достигшихъ ранѣе, нежели она, положительной ступени развитія. „Основной характеръ положительной философіи, говоритъ онъ, заключается въ томъ, чтобы разсматривать всѣ явленія, какъ подчиненныя неизмѣннымъ естественнымъ законамъ, точное опредѣленіе коихъ и сведеніе къ возможно меньшему числу суть цѣль всѣхъ нашихъ усилій, принимая въ расчетъ, что изслѣдованіе такъ называемыхъ первыхъ и конечныхъ причинъ совершенно недоступно человѣческому уму". Указавъ на то, какъ постепенно положительная философія стала выясняться, благодаря успѣхамъ точныхъ наукъ, Контъ ставитъ вопросъ, охватываетъ ли она уже всѣ категоріи явленій. На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ отрицательно. Именно онъ находитъ, что совершенно научно стали изучаться только явленія астрономическія, физическія, химическія и физіологическія, но что этого нельзя сказать о явленіяхъ общественныхъ, которыя,—прибавляетъ Контъ,—„хотя и охватываются явленіями физіологическими, имѣютъ, однако, право—какъ по своей важности, такъ и по трудностямъ своего изученія — на то, чтобы составить особую категорію". Отсталость научнаго пониманія общественныхъ явленій Контъ объясняетъ ихъ особою сложностью и зависимостью отъ явленій другихъ категорій. „Вотъ, говоритъ Контъ, великій, по несомнѣнно единственный пробѣлъ, который нужно уничтожить, чтобы завершить позитивную философію. Въ настоящее время, когда человѣческій умъ основалъ уже физику небесную и физику земную, какъ механическую, такъ и химическую, а также физику органическую, какъ растительную, такъ и животную, ему остается закончить систему наблюдательныхъ наукъ посредствомъ основанія *физики общественной*". Этимъ, прибавляетъ Контъ, философская система современности достигнетъ полнаго единства во всѣхъ своихъ частяхъ и будетъ представлять единое цѣлое, хотя и раздѣленное на отдѣльныя части. Между прочимъ Контъ указываетъ и на то, что лишь такая, чисто научная

соціальная физика можетъ послужить „прочнымъ основаніемъ для общественнаго переустройства, которое должно положить конецъ кризису, переживаемому столь долгое время самыми цивилизованными націями“.

Изъ своего закона о трехъ умственныхъ состояніяхъ Контъ захотѣлъ сдѣлать основной принципъ самой соціологіи въ качествѣ закона, который долженъ былъ объяснить всю исторію человѣчества. Это было одно изъ увлеченій Конта, и оно неоднократно уже подвергалось основательной критикѣ. Но спеціально для исторіи наукъ формула Конта можетъ быть признана весьма важною и плодотворною. Желаніе отрѣшиться отъ теологическихъ и метафизическихъ соображеній и основать общественную науку исключительно на данныхъ опыта и наблюденія, пользуясь лишь научными способами ихъ истолкованія, само по себѣ въ высшей степени знаменательно.

Іерархія положительныхъ знаній. Контъ не только опредѣлилъ тотъ характеръ, какой должна была имѣть новая наука, но и сдѣлалъ попытку указать на ея мѣсто среди другихъ наукъ. Раздѣливъ всю область нашихъ знаній на науки теоретическія и практическія (или на науки въ собственномъ смыслѣ и искусства), онъ помѣстилъ соціологію между первыми, чѣмъ и отмѣтилъ ея чистый, а не прикладной характеръ. Но и науки въ собственномъ смыслѣ Контъ раздѣлилъ на два разряда, назвавъ однѣ абстрактными, другія—конкретными. „Однѣ науки, говоритъ онъ, абстрактныя, общія, имѣютъ предметомъ открытіе законовъ, управляющихъ разными классами явленій, разсматривая всѣ случаи, какіе только можно опредѣлить; другія науки, конкретныя, частныя, описательныя, состоятъ въ приложеніи этихъ законовъ къ дѣйствительной исторіи различныхъ существующихъ предметовъ“. Это различеніе между науками о законахъ явленій и науками о самихъ явленіяхъ въ высшей степени важно, и его слѣдовало бы почаще и въ настоящее время напоминать тѣмъ, которые понимаютъ подъ соціологіей нѣчто описательное только и конкретное. По мысли Конта, соціологія должна была быть именно наукою абстрактною, общею, подобною, напримѣръ, физикѣ. Самъ Контъ поясняетъ, что общая физіологія (біологія), напримѣръ, есть наука абстрактная, а зоологія и ботаника — науки конкретныя. Абстрактныя науки онъ считаетъ основными, конкретныя—второстепенными. Вотъ, напримѣръ, какъ съ этой точки зрѣнія онъ опредѣляетъ взаимныя отношенія такой абстрактной науки, какъ химія, къ такой конкретной наукѣ, какъ минералогія. „Въ химіи, гово-

ритъ онъ, разсматриваютъ всѣ возможныя комбинаціи молекулъ и при всѣхъ обстоятельствахъ, какія можно вообразить, а въ минералогіи изучаютъ лишь тѣ комбинаціи, какія мы встрѣчаемъ въ дѣйствительности въ окружающей насъ природѣ и которыя образовались подъ вліяніемъ условій именно этой природы. Особенно ясно можно видѣть различіе между химической и минералогической точкой зрѣнія, хотя обѣ науки и занимаются одними и тѣми же предметами, изъ того, что бо̀льшая часть фактовъ, коими занимается первая наука, имѣетъ только искусственное существованіе, такъ что тѣло, подобное хлору или поташу, можетъ имѣть большую важность въ химіи, благодаря распространенности и энергіи своихъ соединеній, тогда какъ въ минералогіи такое тѣло не будетъ имѣть никакой важности, и наоборотъ — составное тѣло вродѣ гранита или кварца, съ которыми имѣетъ дѣло бо̀льшая часть минералогическихъ соображеній, въ химическомъ отношеніи представитъ весьма незначительный интересъ".

Знаменитая классификація наукъ Конта касается именно наукъ абстрактныхъ, общихъ, основныхъ. Контъ замѣтилъ, что не всѣ отрасли знанія съ одинаковой быстротою достигаютъ положительной ступени: здѣсь наблюдается извѣстный порядокъ, опредѣляемый степенью общности, простоты и взаимной независимости изучаемыхъ явленій. Тотъ порядокъ, въ какомъ отдѣльныя науки достигаютъ положительной ступени въ общей исторіи наукъ, Контъ и кладетъ въ основу своей классификаціи или, какъ самъ онъ выражается, іерархіи: тѣ науки, которыя поставлены имъ впереди, старше и развитѣе тѣхъ, которыя поставлены послѣ. Этому историческому принципу классификаціи соотвѣтствуетъ другой принципъ—догматическій, какъ его называетъ Контъ: послѣдній заключается въ логическомъ и естественномъ сцѣпленіи разныхъ наукъ, вытекающемъ изъ сравненія различныхъ разрядовъ явленій, открытіемъ законовъ которыхъ эти науки занимаются. Всѣ эти явленія распредѣляются по немногимъ естественнымъ категоріямъ, находящимся въ томъ отношеніи одна къ другой, что раціональное изученіе каждой категоріи основано на знаніи главныхъ законовъ предыдущей и дѣлается основаніемъ для изученія послѣдующей. Чѣмъ явленія общѣе, тѣмъ они проще и, слѣдовательно, тѣмъ легче они для изученія, а потому и занимающіяся ими науки тѣмъ скорѣе достигаютъ положительной ступени, и, наоборотъ, явленія болѣе частныя оказываются и болѣе сложными, а тѣмъ самымъ и ихъ изученіе—болѣе труд-

нымъ. При этомъ Контъ устанавливаетъ тотъ принципъ, въ силу котораго болѣе частныя и сложныя явленія зависятъ отъ болѣе общихъ и простыхъ, такъ что и въ логическомъ порядкѣ науки, занимающіяся болѣе частными и сложными явленіями, зависятъ отъ наукъ, изучающихъ явленія болѣе общія и простыя. Всѣ абстрактныя науки Контъ дѣлитъ на два большихъ отдѣла, смотря по тому, занимаются ли онѣ „феноменами мертвыхъ тѣлъ" или „феноменами тѣлъ организованныхъ", которыя сложнѣе первыхъ и отъ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ зависятъ. Такимъ образомъ получаются двѣ „физики"—неорганическая и органическая, и вотъ что̀ говоритъ самъ Контъ о второй изъ нихъ: „всѣ живыя существа представляютъ два разряда явленій существенно различныхъ, изъ коихъ одни имѣютъ отношеніе къ индивидууму, другія—къ виду, особенно если онъ общителенъ. Это различеніе имѣетъ основное значеніе главнымъ образомъ по отношенію къ человѣку. Послѣдній разрядъ феноменовъ, очевидно, сложнѣе и частнѣе перваго; онъ отъ него зависитъ, но на него не вліяетъ. Отсюда два большихъ отдѣла въ органической физикѣ: физіологія въ собственномъ смыслѣ и основанная на ней соціальная физика". Въ концѣ-концовъ, у Конта получается рядъ наукъ, расположенныхъ по убывающей общности и возростающей сложности: математика, астрономія, физика, химія, физіологія (біологія) и соціальная физика (соціологія). Не разсматривая этой іерархіи наукъ въ ея цѣломъ, остановимся лишь на томъ, что̀ касается соціологіи. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе мѣсто, отведенное соціологіи въ концѣ этого ряда наукъ, что̀ вполнѣ совпадаетъ съ замѣчательнымъ принципомъ, положеннымъ въ основу іерархіи. Во-вторыхъ, соціологія Конта получаетъ свое непосредственное обоснованіе въ біологіи. Извѣстно, что Контъ отрицалъ самостоятельность психологіи, полагая, что для изученія психическихъ явленій достаточно одной физіологіи мозга. Здѣсь не мѣсто указывать на то, въ чемъ заключается ошибочность подобнаго взгляда, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время никто его и не раздѣляетъ. Но разъ мы признаёмъ существованіе самостоятельной абстрактной науки о душевныхъ явленіяхъ, мы должны, слѣдуя принципу самого Конта, помѣстить ее между біологіей и соціологіей. На необходимость такого включенія психологіи въ контовскій рядъ наукъ указывалъ еще Милль. Въ синтетической философіи Спенсера психологіи также принадлежитъ мѣсто между біологіей и соціологіей.—Далѣе, Контъ разсматриваетъ соціальную физику, какъ простой подъ-отдѣлъ

физики органической, занимающейся „феноменами организованныхъ тѣлъ", чѣмъ общество подводится подъ одну категорію съ организмомъ, если только не разсматривается прямо, какъ организмъ. Это — пунктъ особенно важный, такъ какъ такимъ пониманіемъ соціологіи Контъ уже предвосхищалъ основную идею будущей органической школы въ соціологіи. Интересно также отмѣтить, что біологію Контъ ограничивалъ изученіемъ явленій органической жизни индивидуума, не подозрѣвая того, что эта наука направитъ свои усилія и на изученіе видовой жизни организмовъ, и что это изученіе не будетъ тождественно изученію общественныхъ явленій. Говоря это, мы имѣемъ въ виду тотъ переворотъ въ біологическихъ наукахъ, который созданъ дарвинизмомъ. Въ настоящее время уже не приходится проводить ту черту различія между біологіей и соціологіей, которую провелъ Контъ: явленія борьбы за существованіе, естественнаго подбора, наслѣдственности и т. п. касаются не особи, но вида, а между тѣмъ это — явленія несомнѣнно біологическаго, отнюдь не соціологическаго характера. Однимъ словомъ, классификація наукъ Конта требуетъ по отношенію къ соціологіи значительныхъ исправленій, и эти исправленія могутъ быть произведены на основаніи собственнаго же принципа Конта.

Въ „Курсѣ Положительной философіи" Конта на соціологію отведено три тома, изъ которыхъ для насъ наиболѣе важнымъ является первый (по общему счету четвертый), хотя при изложеніи соціологическихъ идей Конта обыкновенно выдвигаютъ на первый планъ какъ-разъ два другіе тома (5-ый и 6-ой по общему счету). Позднѣе мы укажемъ, почему мы не приписываемъ здѣсь большого значенія этимъ двумъ томамъ. Мы не станемъ останавливаться на первыхъ двухъ главахъ четвертаго тома, въ которыхъ Контъ доказываетъ важность и необходимость соціальной физики для нашего времени и дѣлаетъ бѣглый обзоръ главныхъ философскихъ попытокъ, дѣлавшихся въ прежнія времена для основанія общественной науки: и то, и другое весьма интересно для исторіи новой науки, но не имѣетъ ближайшаго отношенія къ самому ея предмету.

Раздѣленіе соціологіи на статику и динамику. Первая важная мысль, съ которою мы встрѣчаемся въ соціологіи Конта, заключается въ дѣленіи имъ всей области этой науки на двѣ части, которымъ онъ даетъ названіе *соціальной статики* и *соціальной динамики*. Понятія статическаго и динамическаго состоянія употребляются Контомъ и въ другихъ частяхъ „Курса" въ примѣненіи къ различнымъ категоріямъ явленій, но въ сущ-

ности,—какъ и самъ онъ въ этомъ признается,—въ примѣненіи къ явленіямъ соціальнымъ оба эти понятія заимствуются имъ, собственно говоря, изъ одной біологіи. „Въ простой біологіи, говоритъ онъ, мы дѣлаемъ раціональное различеніе между точкою зрѣнія чисто анатомическою, относящеюся къ идеѣ организаціи, и точкою зрѣнія физіологическою, въ собственномъ смыслѣ, непосредственно присущею идеѣ жизни... Въ соціологіи расчлененіе должно происходить совершенно аналогичнымъ способомъ и быть столь же рѣзкимъ, такъ какъ нужно радикально различать въ отношеніи каждаго политическаго предмета между основнымъ изученіемъ существованія общества и изученіемъ законовъ его непрерывнаго движенія. Это различіе,—продолжаетъ Контъ,—кажется мнѣ достаточно характернымъ для того, чтобы мнѣ позволить... расчленить соціальную физику на двѣ главныя науки подъ названіями, напримѣръ, соціальной статики и соціальной динамики, столь же отличныя одна отъ другой, какъ отличны въ настоящее время индивидуальная анатомія и физіологія". Правда, Контъ оговаривается, что такое дѣленіе въ настоящее время, пожалуй, было бы и преждевременно, но это не мѣшаетъ ему раздѣлить и свой собственный трудъ на двѣ совершенно независимыя одна отъ другой части, при чемъ соціальной статикѣ посвящена у него лишь вторая половина четвертаго тома „Курса", а изложеніемъ соціальной динамики заняты почти цѣликомъ два послѣдніе тома.

Статическому и динамическому состояніямъ общества у Конта соотвѣтствуютъ „съ совершенною точностью" понятія порядка и прогресса. „Ибо, поясняетъ онъ, очевидно, что статическое изученіе общественнаго организма должно въ сущности совпадать съ положительною теоріей порядка, который на самомъ дѣлѣ существеннымъ образомъ можетъ заключаться только въ вѣрной постоянной гармоніи между различными условіями существованія человѣческихъ обществъ; съ другой стороны, еще болѣе ясно, что динамическое изученіе коллективной жизни человѣчества необходимо устанавливаетъ положительную теорію соціальнаго прогресса". Итакъ, Контъ даетъ, самъ того не замѣчая, два совершенно различныхъ толкованія для соціальной статики и динамики. Съ одной стороны, это какъ-бы анатомія и физіологія общественнаго организма, изъ коихъ первая изучаетъ явленія общественнаго строенія, вторая—совершающіяся въ общественномъ организмѣ отправленія, такъ сказать, процессы общественной жизни; а съ другой стороны, статика играетъ роль теоріи общественнаго равновѣсія, динамика—роль

теоріи общественнаго развитія. Въ дальнѣйшемъ Контъ сводитъ чисто статическіе законы соціальнаго организма къ „неизбѣжной всеобщей гармоніи (consensus), которая характеризуетъ всѣ явленія, представляемыя живыми тѣлами, и которую общественная жизнь необходимо проявляетъ въ высочайшей степени". Отсюда задачею статической соціологіи Контъ признаетъ изученіе взаимодѣйствія, происходящаго постоянно между различными отдѣльными частями общественной системы, а это изученіе должно показать, что отдѣльные соціальные элементы не имѣютъ безусловнаго и независимаго существованія, а тѣсно связаны между собою. Этотъ принципъ солидарности или гармоніи общественныхъ явленій, взятыхъ одновременно, принимаетъ у Конта характеръ основного закона соціальной статики. Такъ какъ постоянныя и неизмѣнныя отношенія, формулируемыя въ научныхъ законахъ, могутъ существовать между явленіями одновременными и послѣдовательными, то статическіе законы касаются именно взаимной связи между явленіями одновременными, динамическіе—между явленіями послѣдовательными. Становясь на эту точку зрѣнія и принимая въ расчетъ, что разные случаи постоянныхъ и неизмѣнныхъ отношеній между явленіями послѣдовательными суть главнымъ образомъ случаи причинной связи, можно было бы дать мысли Конта и такое толкованіе, которое сообщило бы динамической соціологіи совершенно новый характеръ, но Контъ послѣдовательность явленій беретъ не въ смыслѣ ряда причинъ и слѣдствій, а въ смыслѣ преемственности фазисовъ развитія.

Соціальная статика является наименѣе разработанною частью соціологіи Конта, но его соціальная динамика, надъ которою онъ больше всего работалъ, имѣетъ не строго соціологическій, а чисто историко-философскій характеръ, такъ какъ въ этой части своего труда Контъ занимается не изслѣдованіемъ законовъ той послѣдовательности, какая вездѣ и всегда должна существовать между извѣстными явленіями, а изображаетъ ту конкретную последовательность, какая наблюдается въ дѣйствительности между историческими фактами, данными намъ только одинъ разъ въ извѣстныхъ мѣстахъ и въ извѣстныя времена. Примѣняя къ соціальной динамикѣ Конта его же собственное различеніе между абстрактными и конкретными науками мы находимъ, что его соціальная динамика занимается не открытіемъ общихъ законовъ послѣдовательной связи явленій, а приложеніемъ уже найденныхъ законовъ (т.-е. такихъ, какіе Контъ считалъ найденными) къ разсмотрѣнію дѣйствительно существовавшихъ фактовъ.

Главное содержаніе соціальной статики Конта. Возвращаемся къ его соціальной статикѣ Эту часть своей соціологіи Контъ отождествляетъ съ ученіемъ объ естественномъ порядкѣ человѣческихъ обществъ. Главнымъ закономъ этой теоріи признаётся уже упоминавшійся выше consensus между отдѣльными сторонами общественной организаціи. Этотъ законъ существуетъ для Конта и въ другихъ областяхъ,—напримѣръ, и въ астрономіи,—но нигдѣ онъ не играетъ у него такой роли, какъ при изученіи наиболѣе сложныхъ и наименѣе общихъ явленій. Отсюда Контъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что въ сущности всякое изолированное изученіе отдѣльныхъ сторонъ общественнаго бытія безплодно. Съ этой точки зрѣнія онъ нападаетъ, напримѣръ, на политическую экономію, которая разсматриваетъ только одну сторону общественной жизни. Въ такой мысли Конта вѣрно то, что соціологія должна брать общественную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ и изслѣдовать взаимоотношенія отдѣльныхъ ея элементовъ, откуда еще вовсе не слѣдуетъ, однако, чтобы каждая такая сторона не могла съ пользою изучаться до извѣстной степени изолированно отъ другихъ сторонъ. Собственно говоря, Контъ даетъ очень немногое для выясненія того, какъ представлялись ему самому главныя очертанія соціальной статики; но несомнѣнно одно то, что непосредственныхъ основъ его пониманія въ этой области нужно искать въ тѣхъ общихъ взглядахъ, какіе у него существовали относительно человѣческой природы. Хотя онъ и устранилъ психологію изъ своего ряда наукъ, въ ней, а не въ чемъ другомъ, искалъ онъ объясненія общественной жизни, потому что всѣ его разсужденія на этотъ счетъ имѣютъ чисто психологическій характеръ. Весьма любопытно, что и основнымъ принципомъ соціальной динамики Конта является законъ умственнаго развитія, содержащійся въ его формулѣ о трехъ послѣдовательныхъ стадіяхъ міросозерцанія. Контъ даже утверждаетъ, что всякій общественный порядокъ въ концѣ концовъ покоится на извѣстныхъ мнѣніяхъ. Но рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемся у него и съ воззрѣніями другого рода, которыя впослѣдствіи получили дальнѣйшее развитіе въ такъ называемой органической школѣ. Дѣло въ томъ, что Контъ иногда разсматриваетъ общество, какъ своего рода организмъ, и примѣняетъ къ общественному организму нѣкоторыя идеи, найденныя въ біологіи по отношенію къ организмамъ индивидуальнымъ. Біологія, говоритъ онъ, доказываетъ, что „возростающее совершенство животнаго организма въ особенности заключается во все болѣе дѣлающейся рѣзкою спеціализаціи различныхъ отправленій, совершаемыхъ органами, все

болѣе и болѣе между собою несходными и тѣмъ не менѣе всегда между собою совершенно солидарными", причемъ единство цѣли все болѣе и болѣе сочетается съ разнообразіемъ средствъ. Контъ не только находитъ, что въ этомъ отношеніи человѣческій организмъ совершеннѣе всѣхъ другихъ животныхъ организмовъ, но и утверждаетъ даже, что соціальный организмъ въ томъ же смыслѣ совершеннѣе всякаго организма индивидуальнаго. Это единство цѣли при разнообразіи средствъ или,—какъ говоритъ Контъ въ другомъ мѣстѣ,—это раздѣленіе работъ при соединеніи усилій напоминаетъ намъ болѣе ученую формулу Спенсера, соединяющаго дифференціацію частей съ интеграціей цѣлаго. При такомъ взглядѣ на общество мнѣнія составляющихъ его единицъ утрачиваютъ свой рѣшающій характеръ, и послѣдовательное проведеніе органическаго взгляда должно естественно и необходимо завершиться признаніемъ за мнѣніями весьма и весьма второстепеннаго значенія. У Конта оба взгляда на общество высказываются рядомъ одинъ съ другимъ, и происходитъ это благодаря тому, что Контъ не становится рѣшительно ни на ту, ни на другую точку зрѣнія, какъ бы не подозрѣвая даже, что послѣдовательное проведеніе одной необходимо должно исключать другую. Въ дальнѣйшемъ развитіи соціологическихъ воззрѣній органическій взглядъ сдѣлался основой теоріи Спенсера, какъ другой взглядъ, приписывающій важное значеніе умственному состоянію, сдѣлался исходнымъ пунктомъ историко-философской теоріи Бокля „Прогрессъ человѣчества, писалъ этотъ историкъ, зависитъ отъ успѣха, съ которымъ разрабатываются законы явленій, и отъ мѣры распространенія этихъ знаній".

Главное содержаніе соціальной динамики Конта. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего „Курса" Контъ замѣчаетъ, что изъ двухъ частей соціологіи главное значеніе принадлежитъ той, которая занимается изученіемъ послѣдовательности общественныхъ явленій Въ постоянномъ прогрессѣ или, вѣрнѣе, постепенномъ развитіи человѣчества онъ видитъ основную идею соціальной динамики, полагая вмѣстѣ съ тѣмъ, что именно эта идея кладетъ грань между „соціологіей въ собственномъ смыслѣ", съ одной стороны, и „простой біологіей". съ другой. Чтобы понять послѣднее замѣчаніе, нужно вспомнить, что біологическія воззрѣнія Конта отражали на себѣ еще то состояніе біологіи, когда въ изученіе органической природы не была еще окончательно внесена точка зрѣнія эволюціи: въ настоящее время такого различія между біологіей и соціологіей никто и не вздумалъ бы устанавливать. Для изслѣдованія законовъ развитія

человѣчества Контъ считаетъ весьма полезною нѣкоторую научную абстракцію, заимствованную имъ у Кондорсэ: это — „гипотетическое представленіе единаго народа, къ которому были бы идеально отнесены всѣ послѣдовательныя общественныя измѣненія, наблюдаемыя у различныхъ племенъ". Дальнѣйшія поясненія Конта указываютъ на то, что эту гипотетическую исторію онъ понималъ не въ смыслѣ идеальной и вѣчной исторіи, повторяемой, по представленію Вико, отдѣльными народами, а въ смыслѣ всемірно-историческаго процесса съ тѣмъ преемствомъ отдѣльныхъ народовъ, которое наблюдается въ исторіи человѣчества, — точка зрѣнія, напоминающая основной взглядъ Гегеля. Такъ какъ соціальная динамика Конта написана именно съ такой точки зрѣнія, то она и получаетъ характеръ не изслѣдованія законовъ, коими управляется послѣдовательность общественныхъ явленій вездѣ и всегда, а характеръ философскаго изображенія дѣйствительныхъ судебъ человѣчества, т.-е. можетъ быть скорѣе названа философской исторіей, а не соціологіей. Высказывая свои общія соображенія относительно соціальной динамики, Контъ между прочимъ находитъ возможнымъ вовсе не употреблять слова „*совершенствованіе*, замѣняя его всегда просто научнымъ выраженіемъ *развитіе* (développement), которое обозначаетъ безъ всякой моральной оцѣнки общій непререкаемый фактъ". Эти слова Конта представляютъ собою одно изъ первыхъ заявленій о необходимости замѣнить выработанное въ XVIII в. субъективное понятіе *прогресса* новымъ чисто объективнымъ понятіемъ *эволюціи*, о чемъ у насъ рѣчь будетъ итти еще впереди. Съ другой стороны, въ XVIII в. въ прогрессивномъ движеніи человѣчества большое значеніе приписывалось людскимъ усиліямъ, направленнымъ къ достиженію заранѣе поставленныхъ цѣлей. Контъ разсматриваетъ это движеніе, „какъ подчиненное неизмѣннымъ естественнымъ законамъ, вмѣсто того, чтобы быть управляемымъ какими бы то ни было волями". — „Геніальные люди, говоритъ онъ, которымъ обыкновенно слишкомъ исключительно приписывались сдѣланные успѣхи, были только какъ бы собственными органами предопредѣленнаго движенія". Въ этихъ словахъ мы равнымъ образомъ встрѣчаемся съ возраженіемъ противъ взгляда на роль личности въ исторіи, который господствовалъ въ XVIII в. Въ данномъ случаѣ Контъ повторялъ лишь то, что говорилось до него и вокругъ него, и это вполнѣ соотвѣтствовало замѣнѣ стараго взгляда на разныя общественныя явленія, какъ на произведенія человѣческаго искусства, новымъ взглядомъ, пріучавшимъ видѣть въ этихъ

явленіяхъ продукты чисто естественнаго развитія. Нельзя сказать, чтобы Контъ всегда послѣдовательно выдерживалъ объективную и органическую точку зрѣнія, но онъ все-таки придалъ ей ясную формулировку, и то, что другіе называли органическимъ развитіемъ, онъ обозначалъ непереводимымъ съ точностью на русскій языкъ выраженіемъ évolution spontanée, т.-е. естественнымъ развитіемъ или саморазвитіемъ.

Общія свои соображенія относительно основныхъ законовъ соціальной динамики Контъ излагаетъ въ послѣдней главѣ четвертаго тома. Для соціологіи въ строгомъ смыслѣ она имѣетъ гораздо большее значеніе, нежели два послѣдніе тома, посвященные спеціально изложенію самой соціальной динамики, превращающейся у Конта въ философскую исторію. Самое любопытное въ общей теоріи Конта,—это то, что, по его словамъ, „умственное развитіе является необходимо преобладающимъ принципомъ совокупности развитія человѣчества". — „Если статическій анализъ нашего общественнаго организма, спрашиваетъ Контъ, показываетъ, что въ концѣ концовъ по всей необходимости онъ покоится на нѣкоторой системѣ основныхъ мнѣній, то какимъ образомъ постепенныя измѣненія такой системы могли бы не оказывать преобладающаго вліянія на послѣдовательныя измѣненія, какія представляетъ собою непрерывная жизнь человѣчества?" Въ другомъ мѣстѣ Контъ называетъ „общую исторію человѣческаго ума естественною и постоянною руководительницею всего историческаго изученія человѣчества". Соотвѣтственно съ этимъ „естественные законы, присущіе неотвратимому шествію человѣческаго ума", становятся у него главными законами соціальной динамики, и благодаря этому, всей исторіи дается не только вообще чисто психологическое объясненіе, но въ добавокъ еще объясненіе исключительно идейное. Законъ трехъ фазисовъ міросозерцанія становится главнымъ, самымъ общимъ и основнымъ закономъ всей эволюціи человѣчества. Здѣсь не мѣсто разсматривать, какъ въ пятомъ и шестомъ томахъ „Курса" Контъ прилагаетъ его къ построенію своей философіи исторіи. Отмѣтимъ только, что, по его представленію, тремъ категоріямъ духовныхъ вождей общества, соотвѣтствующихъ тремъ стадіямъ развитія, т.-е. жрецамъ, философамъ и ученымъ въ свою очередь соотвѣтствуютъ три категоріи свѣтскихъ вождей общества, а именно, военные, юристы и промышленники. Конту никогда не удавалось — да и въ голову, повидимому, не приходило — обосновать сколько-нибудь серьезно необходимость соединенія военныхъ съ жрецами, юристовъ съ философами и

промышленниковъ съ учеными, но любопытно, что, ставя смѣну духовныхъ вождей общества одпихъ другими въ зависимость отъ смѣны міросозерцаній, онъ какъ бы подчинялъ тому же самому процессу смѣну общественныхъ классовъ, коимъ принадлежало матеріальное господство въ обществѣ. Это только указываетъ на то, что въ своемъ объясненіи исторіи Контъ становился на чисто идеалистическую точку зрѣнія. Въ этомъ отношеніи онъ былъ вполнѣ наслѣдникомъ воззрѣній XVIII в. и, въ частности, историко-философской идеи Кондорсэ, и этотъ же самый взглядъ роднитъ его съ современными ему нѣмецкими метафизиками вродѣ Гегеля, для которыхъ исторія человѣчества была процессомъ исключительно духовнымъ. Пусть Гегель и Контъ совершенно различнымъ образомъ—даже діаметрально противоположнымъ образомъ—понимали значеніе и содержаніе идей, но и для того, и для другого историческій процессъ былъ прежде всего процессъ идейный. Сколько бы ни стремился Контъ къ самому строгому реализму, его соціальная динамика одинаково далека и отъ органическаго направленія Спенсера, и отъ экономическаго матеріализма Маркса.

Односторонность соціологической теоріи Конта. Понятно, что Контъ, сводя весь историческій процессъ къ одному принципу, даетъ теорію весьма одностороннюю. Какъ ни велико общественное значеніе человѣческихъ міросозерцаній, изъ нихъ однихъ не можетъ объясняться вся полнота явленій соціальной жизни. Самую исторію міросозерцаній Контъ представляетъ такъ, какъ будто бы въ нихъ все дѣло сводилось исключительно къ одному объясненію явленій природы, т.-е. къ пониманію вещей, подлежащихъ въ настоящее время вѣдѣнію положительныхъ наукъ. Это лишь одна изъ сторонъ умственной исторіи человѣчества, а сама эта исторія, въ свою очередь, есть лишь одна изъ сторонъ общаго культурнаго и соціальнаго развитія человѣчества. Самый фактъ умственнаго развитія вообще—съ болѣе частнымъ фактомъ прогресса нашихъ знаній—суть факты психологическіе, а не соціологическіе. Въ этомъ отношеніи теорія органической эволюціи Спенсера и экономическій матеріализмъ Маркса имѣютъ болѣе соціологическій характеръ, чѣмъ соціальная динамика Конта, ибо въ нихъ на первомъ планѣ все-таки вопросы общественной организаціи, тогда какъ у Конта на первомъ планѣ—пониманіе человѣкомъ явленій природы. Мы менѣе, чѣмъ кто-либо, склонны отрицать вліяніе общихъ міросозерцаній на общественныя отношенія, но выводить, напримѣръ, господство того или другого класса въ обществѣ изъ состоянія его тео-

ретическихъ представленій, это—уже совсѣмъ другое дѣло. Если бы даже и можно было фактически доказать, что свѣтская власть въ обществахъ, находящихся на теологической ступени развитія, всегда принадлежитъ представителямъ военной силы, то едва-ли оказалось бы возможнымъ объяснить, почему теологическое состояніе ума порождаетъ такую форму политическаго быта: совпаденіе обоихъ фактовъ нужно разсматривать не какъ соединеніе причины съ своимъ слѣдствіемъ, а какъ проявленіе въ двухъ разныхъ результатахъ дѣйствія однихъ и тѣхъ же общихъ условій соціальнаго существованія на извѣстной ступени развитія. Знаменитая формула Конта находитъ свое законное и естественное примѣненіе въ исторіи философіи и наукъ, гдѣ можетъ почерпать свои аргументы (не можетъ, конечно, и оспариваться); въ области вопросовъ соціальной организаціи этой формулѣ нѣтъ надлежащаго мѣста, какъ нѣтъ, напримѣръ, мѣста измѣренію аршиномъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь можетъ итти только объ измѣреніи единицами вѣса. Между тѣмъ Контъ утверждаетъ, что „совокупность матеріальнаго развитія должно неизбѣжно итти по пути не только аналогичному, но и совершенно соотвѣтствующему тому пути, по которому идетъ умственное развитіе“. Именно, процессу перехода отъ теологическихъ воззрѣній къ воззрѣніямъ позитивнымъ соотвѣтствуетъ столь же неизбѣжный переходъ общества отъ военнаго быта къ быту промышленному, причемъ процессомъ основнымъ по представленію Конта, является первый процессъ. Замѣтимъ, что противоположеніе военнаго общества обществу промышленному мы находимъ у С.-Симона, и что въ возникновеніи этого противоположенія играла свою роль происходившая во Франціи борьба между феодальной аристократіей, представительницей традицій военнаго общества, и буржуазіей, стоявшей во главѣ общества съ чисто промышленнымъ характеромъ. Отмѣчаемъ здѣсь это противоположеніе потому, что оно встрѣтится намъ въ соціологіи Спенсера, въ которой оно занимаетъ даже далеко не послѣднее мѣсто.

Раздѣленіе общественной власти на духовную и свѣтскую. По теоріи общественной гармоніи (consensus), изложенной въ соціальной статикѣ Конта, должно было бы выходить, что между носителями духовной и свѣтской власти въ обществѣ существуетъ всегда солидарность. Но Контъ находитъ, что „вслѣдствіе слабости нашей природы между умозрительной и дѣятельной властями возникаетъ постоянно глубокое соперничество“, и что „обѣ власти весьма часто игнорируютъ свою необходимую координацію и не обращаютъ вниманія на общія границы своихъ

взаимныхъ отношеній". Это раздѣленіе общественной власти на духовную и свѣтскую, играющее большую роль не только въ соціологіи и философіи исторіи Конта, но и въ практическомъ построеніи его „Политики", заимствовано имъ изъ теоріи средневѣкового католицизма, подновленной реакціонными писателями эпохи реставраціи. Ученые, по представленію Конта, должны сдѣлаться на позитивной ступени общественнаго развитія настоящими наслѣдниками жреческаго и церковнаго сословій. представителями духовной *власти* въ обществѣ. Въ этомъ заключается и одна изъ чертъ сходства между ученіемъ Конта и сенъ-симонизмомъ, который, подобно позднѣйшему контизму, былъ своего рода „католицизмомъ безъ христіанства". Конта особенно печалила умственная анархія, которая, въ сущности, является однимъ изъ проявленій индивидуализма, и философъ, смотря на все съ точки зрѣнія точныхъ наукъ, гдѣ для всѣхъ — дважды два четыре, считалъ чѣмъ-то неразумнымъ свободу личнаго мнѣнія и чѣмъ-то безсмысленнымъ—свободу совѣсти, которой, конечно, и въ самомъ дѣлѣ быть не можетъ въ вопросахъ физики или химіи. Правда, въ данномъ случаѣ Контъ противополагаетъ нерѣдко субъективному произволу метафизическихъ идей объективную обязательность научныхъ истинъ, но изъ-за этого сквозитъ и болѣе общая мысль—мысль, находившая весьма разнообразныя выраженія въ общей реакціи противъ индивидуалистическаго направленія философіи XVIII в.

Отношеніе Конта къ другимъ общественнымъ наукамъ. Выше было сказано, что до возникновенія новаго соціологическаго изученія общественныхъ явленій послѣднія разсматривались съ точекъ зрѣнія политической, юридической, экономической и исторической. Соціологія Конта, въ которой на первый планъ выдвинута соціальная динамика, глубоко проникнута историческимъ характеромъ. Въ этомъ отношеніи Контъ былъ настоящимъ сыномъ своего вѣка, именно и характеризующагося внесеніемъ исторической точки зрѣнія въ изученіе предметовъ, бравшихся прежде, такъ сказать, внѣ пространства и времени. Въ одномъ мѣстѣ онъ даже съ особенною силою указываетъ на важное значеніе „историческаго метода". Къ сожалѣнію, Контъ сильно ограничивалъ свое историческое чтеніе, особенно въ періодъ, когда онъ предавался имъ самимъ изобрѣтенной „мозговой гигіенѣ". Но это могло отразиться только на количествѣ знаній Конта и на степени пониманія имъ прошлаго но никакъ не на общемъ характерѣ его общественной философіи, которая, повторяемъ, вся проникнута историческимъ

духомъ. Интересъ къ политическимъ явленіямъ также весьма силенъ у Конта, хотя его отношеніе къ политическимъ вопросамъ современности было очень далекимъ отъ политическихъ теорій тогдашняго либерализма, исходившихъ изъ индивидуалистическихъ принциповъ. Въ этомъ отношеніи Контъ сходился съ С.-Симономъ, который былъ довольно равнодушенъ къ конституціоннымъ вопросамъ эпохи. Съ гораздо бо́льшимъ вниманіемъ оба они относились къ вопросамъ экономическимъ, но въ то время, когда Контъ создавалъ свою соціологію, еще не существовало ни исторической школы въ политической экономіи, ни экономическаго направленія въ исторіи; да и самый исходный пунктъ Конта—чисто психологическаго характера—былъ не таковъ, чтобы экономизмъ могъ играть надлежащую роль въ его соціологическихъ построеніяхъ. Какъ ни высоко ставилъ Контъ Адама Смита, созданная послѣднимъ политическая экономія казалась ему все-таки слишкомъ метафизическою, и онъ готовъ былъ приписать этой „яко бы наукѣ“ (prétendue science) чисто вре́менное значеніе. Индивидуалистическій характеръ теоріи экономистовъ, вышедшихъ изъ школы Адама Смита, менѣе всего, кромѣ того, соотвѣтствовалъ и всему міросозерцанію Конта. Отсюда — его неблагопріятные отзывы о современной ему экономической наукѣ, которыхъ можно было бы привести не малое количество. Развитіе политической экономіи въ XIX в., однако, есть лучшее доказательство того, что Контъ былъ неправъ въ своей общей критикѣ политической экономіи. Впрочемъ, неблагопріятное отношеніе къ экономическимъ теоріямъ эпохи все-таки не мѣшало Конту обращать вниманіе на экономическія явленія, которыя, какъ извѣстно, играли такую видную роль и въ соціальныхъ воззрѣніяхъ С.-Симона. И отношенія окружающей дѣйствительности, и чисто реалистическій принципъ, внесенный въ пониманіе этой дѣйствительности, одинаково выдвигали важность экономическихъ факторовъ соціальной жизни, бывшіе раньше въ такомъ пренебреженіи у политическихъ писателей. Въ соціологіи Конта основанная имъ наука, такъ сказать, безъ его вѣдома заключала тѣсный союзъ съ политической экономіей: современный намъ экономическій матеріализмъ есть не что иное, какъ поглощеніе всей соціологіи одною экономикою, но это вообще—лишь крайнее выраженіе реалистической мысли о важности экономическихъ факторовъ соціальной жизни. Политическая метафизика XVIII в., яркимъ образчикомъ которой былъ „Общественный договоръ“ Руссо, или идеалистическое міросозерцаніе современниковъ Конта въ родѣ Гегеля, были

очень далеки отъ всякаго даже намека на какой бы то ни было „экономическій матеріализмъ".

Менѣе всего имѣетъ какого-либо отношенія соціологія Конта къ юриспруденціи. Чисто практическія дисциплины, входящія въ составъ этой отрасли знанія, конечно, по самому характеру своему и дать ничего не могли для зарождавшейся теоретической науки объ обществѣ. Съ другой стороны, изъ всѣхъ общественныхъ наукъ болѣе всего общая теорія права всегда грѣшила метафизичностью своихъ построеній. Не даромъ Контъ ставилъ рядомъ юристовъ, какъ свѣтскихъ вождей общества, съ метафизиками, его духовными вождями на второй ступени развитія. Самое понятіе права кажется Конту такимъ, которое слѣдовало бы изгнать совершенно изъ положительной общественной науки. Быть можетъ, — позволяемъ себѣ здѣсь нѣкоторую догадку, — отрицательное отношеніе Конта къ этой области объясняется не только тѣмъ, что отвергаемая имъ политическая метафизика XVIII в. исходила изъ идеи „естественнаго права", понятія совершенно „метафизическаго", но и тѣмъ, что право возникаетъ на почвѣ потребностей отдѣльной личности, а не общества. Какъ бы тамъ ни было, соціологія въ самомъ началѣ словно сторонится отъ изученія чисто правовыхъ явленій, да и юристы, въ свою очередь, въ большинствѣ случаевъ долго игнорировали вновь народившуюся науку. И то, и другое было не къ выгодѣ какъ соціологіи, такъ и теоретической юриспруденціи. Право до такой степени проникаетъ собою разные факты экономической и политической жизни, что правильное пониманіе этой жизни немыслимо безъ научной теоріи права, самое понятіе котораго Контъ прямо подвергалъ остракизму. Съ другой стороны, изученіе права внѣ всякаго отношенія къ другимъ сторонамъ соціальной жизни — къ государству и народному хозяйству, къ нравственности и общему міросозерцанію народа — не можетъ итти далѣе чисто схоластическаго и казуистическаго отношенія къ своему предмету. Необходимы были расширеніе соціологическаго горизонта и внесеніе соціологической точки зрѣнія въ юриспруденцію для того, чтобы могло окончиться это взаимное отчужденіе обѣихъ общественныхъ наукъ.

Право находится въ тѣсной связи съ моралью. Нравственность представляетъ изъ себя не только чисто психическое явленіе индивидуальной жизни, какъ смотрѣли на нее старые моралисты, но и явленіе соціальное. У Конта есть также своя теорія нравственности, и онъ даже былъ изобрѣтателемъ слова

альтрюизмъ, обозначающаго собою основное понятіе въ его теоріи нравственности. Альтрюизмъ есть любовь къ другимъ въ противоположность эгоизму, т.-е себялюбію, на которомъ многіе „философы" XVIII в. думали основать всю этику. И на этомъ сказался общій анти-индивидуалистическій духъ общественной теоріи Конта. Притомъ Контъ признаётъ въ человѣчествѣ не одинъ умственный, но и нравственный прогрессъ, отрицавшійся впослѣдствіи Боклемъ. Наконецъ, отмѣтимъ, что полагая главный источникъ нравственности въ альтрюизмѣ, Контъ тѣмъ самымъ выводитъ ее изъ человѣческой природы,—точка зрѣнія, которая впослѣдствіи подверглась весьма острой, хотя и строго не обоснованной критикѣ со стороны экономическаго матеріализма.

Раздѣленіе среди послѣдователей Конта. Послѣдователи Конта раздѣлились на два лагеря, смотря по тому, въ какое отношеніе становился тотъ или другой изъ этихъ послѣдователей къ „Системѣ положительной политики", изданной Контомъ въ послѣдній періодъ своей жизни. Этотъ новый трудъ основателя позитивной философіи отличался отъ главнаго его произведенія не только своимъ болѣе прикладнымъ характеромъ, но и внесеніемъ въ соціологическую теорію Конта религіозно-мистическихъ соображеній. Одни изъ послѣдователей философа, которыхъ можно назвать контистами, „приняли" и „Курсъ", и „Систему"; позитивисты отвергли послѣднее сочиненіе, признавъ, что учитель измѣнилъ въ немъ здравымъ началамъ, положеннымъ въ основу его „Курса". Изъ лагеря правовѣрныхъ контистовъ вышло нѣсколько сочиненій, въ которыхъ не сдѣлано ни одного шага впередъ въ дѣлѣ разработки соціологіи. Все дальнѣйшее развитіе соціологіи могло совершаться лишь среди тѣхъ людей, которые посмотрѣли на „Систему положительной политики", какъ на произведеніе совершенно ненаучнаго характера. Но и среди позитивистовъ научнаго направленія образовалось также своего рода правовѣріе, главнымъ органомъ котораго долго былъ журналъ La philosophie positive, издававшійся Литтре и Вырубовымъ. Этотъ журналъ уже давно прекратилъ свое существованіе, и можно сказать, что особаго вліянія на дальнѣйшее развитіе соціологіи онъ не оказалъ. Правовѣрные позитивисты слишкомъ догматически отнеслись къ теоріи своего учителя, а всякій догматизмъ носитъ въ себѣ зародышъ естественной смерти научнаго движенія, принимающаго такой характеръ. Продолжателями научной традиціи Конта явились не контисты и не правовѣрные позитивисты, а писатели, такъ или

иначе примкнувшіе къ Конту, но въ то же время подвергшіе критикѣ самыя основы его соціологической теоріи и внесшіе въ новую науку точки зрѣнія, пріемы мысли и общія идеи изъ другихъ направленій знанія, имѣющаго своимъ предметомъ общественныя явленія.

ГЛАВА III.

Основныя соціологическія направленія.

Намъ предстоитъ теперь познакомиться съ отдѣльными направленіями, возникшими въ соціологической литературѣ послѣ Конта. Главныя причины различій, какія нами въ данномъ отношеніи наблюдаются, сводятся, во-первыхъ, къ различію въ основныхъ взглядахъ на то, что нужно прежде всего видѣть въ обществѣ и какъ понимать его природу, во-вторыхъ, къ различію методовъ, могущихъ быть примѣненными къ изученію общественныхъ явленій.

Разныя направленія въ пониманіи природы общества. Въ какихъ бы отношеніяхъ къ Конту ни стояли отдѣльные соціологи XIX в., всѣ они въ большей или меньшей степени зависятъ отъ воззрѣній Конта Даже противоположности, существующія между соціологическими направленіями нашего времени, могутъ быть сведены къ тѣмъ различнымъ мнѣніямъ, какія относительно одного и того же предмета мы находимъ у самого Конта. Нашей задачей не можетъ быть разсмотрѣніе всѣхъ попытокъ дать болѣе или менѣе полную научную теорію общественныхъ явленій. Мы выдѣлимъ только нѣкоторыя наиболѣе важныя направленія, обнаружившіяся въ соціологической литературѣ во второй половинѣ XIX в.

Одно изъ нихъ можно назвать органическою школою соціологіи. Оно, такъ сказать, раздѣляетъ основной взглядъ Конта, по которому соціологія, непосредственно примыкая къ біологіи, составляетъ съ этою послѣднею „физику организованныхъ тѣлъ“,— и разсматриваетъ общество, какъ своего рода организмъ, хотя и высшаго порядка. Главнымъ представителемъ этого направленія въ соціологіи является Гербертъ Спенсеръ. Хотя онъ между біологіей и соціологіей помѣщаетъ психологію, но это не оказываетъ замѣтнаго вліянія на его общее представленіе

объ обществѣ, въ которомъ первое мѣсто принадлежитъ біологической аналогіи.

Выше было сказано, что Контъ видѣлъ въ соціологіи науку, занимающуюся видовою жизнью особей: къ этому взгляду примкнуло то соціологическое направленіе, которое думало объяснить явленія, происходящія въ общественной жизни, по аналогіи съ явленіями, совершающимися въ видовой жизни. Появившаяся въ серединѣ нынѣшняго столѣтія біологическая теорія Дарвина должна была оказать весьма сильное вліяніе на соціологію. По ученію Конта, общественныя явленія находятся въ зависимости отъ явленій біологическихъ, и новая теорія этихъ послѣднихъ, конечно, не могла не отразиться на изученіи соціальной жизни, причемъ образовалось цѣлое направленіе, представители котораго думали объяснить всѣ общественныя явленія безъ всякаго остатка дѣйствіемъ лишь однихъ тѣхъ факторовъ, которые играютъ роль въ видовой жизни организмовъ. Это направленіе можно назвать дарвинистическимъ.

Органическая школа и дарвинистическое направленіе дѣлаютъ непосредственною основою соціологіи индивидуальную или коллективную біологію. Мы видѣли, что Контъ, самъ того не подозрѣвая, въ дѣйствительности объяснялъ общественныя явленія дѣйствіемъ чисто психическихъ факторовъ, и по этому пути пошли нѣкоторые соціологи, которые поэтому отнеслись къ обществу, какъ къ явленію, не находящему себѣ аналогіи ни въ жизни отдѣльнаго организма, ни въ жизни цѣлаго вида. Это направленіе, признавая важность психическаго момента, не составляетъ какой-либо одной школы, но изъ него нельзя не выдѣлить особаго направленія, которое интересуется не столько явленіями общественной организаціи, сколько процессами и продуктами психическаго взаимодѣйствія, совершающагося въ общественной жизни. Этому послѣднему направленію можно дать названіе соціально-психологическаго

Совершенно особую соціологическую школу составляютъ въ настоящее время экономическіе матеріалисты, которые имѣютъ своимъ родоначальникомъ не Конта, а Карла Маркса. Экономическій матеріализмъ до сихъ поръ не имѣетъ ни своей классификаціи наукъ, ни опредѣленнаго взгляда на взаимныя отношенія біологіи, психологіи и соціологіи. Съ другой стороны, общая философская теорія экономическаго матеріализма съ его діалектической теоріей историческаго процесса коренится въ метафизической системѣ Гегеля, а потому и занимаетъ совершенно изолированное положеніе въ современной

соціологической литературѣ. Можно даже сказать, что все развитіе соціологическихъ воззрѣній, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ Конту, для экономическаго матеріализма прошло безслѣдно. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, и общій взглядъ на общество, положенный въ основу экономическаго матеріализма, не стоитъ совершенно особнякомъ, такъ какъ Карлъ Марксъ воспринялъ его у французскихъ соціалистовъ и въ ихъ числѣ отъ С.-Симона, идеи котораго нашли, какъ было сказано, выраженіе и во всей системѣ Конта.

Гипотетичность всѣхъ указанныхъ направленій. Каждое изъ этихъ направленій, собственно говоря, имѣетъ исходнымъ пунктомъ извѣстную гипотезу, т.-е. извѣстное предположеніе, предвзятую точку зрѣнія. Безъ гипотезъ не обходится ни одна наука, но отъ каждой гипотезы, дабы она могла получить научное значеніе, требуется два условія. Во-первыхъ, каждая гипотеза должна быть согласована съ другими общими положеніями, принимаемыми нами за истинныя, а во-вторыхъ, гипотеза должна выдержать провѣрку на фактахъ, которые берется объяснить и, чѣмъ вѣрнѣе гипотеза, тѣмъ бо́льшее количество фактовъ она объясняетъ и тѣмъ меньшее количество фактовъ ей противорѣчитъ. Отождествленіе общества съ организмомъ, сведеніе всей общественной жизни къ явленіямъ видовой жизни организмовъ, объясненіе всѣхъ соціальныхъ явленій одними психическими или одними экономическими факторами, все это—простыя соціологическія гипотезы, или предвзятыя точки зрѣнія, заранѣе опредѣляющія тотъ или другой общій взглядъ на общество. Иногда бываетъ такъ, что гипотеза заключаетъ въ себѣ лишь долю истины и при всемъ томъ дѣлается совершенно невѣрною, если только стремится подогнать подъ одну точку зрѣнія *всѣ* явленія данной категоріи, когда на самомъ дѣлѣ съ успѣхомъ объясняетъ лишь *нѣкоторыя* явленія. Настоящее развитіе науки требуетъ строго критическаго отношенія къ каждой гипотезѣ и сравненія отдѣльныхъ гипотезъ между собою, причемъ все, хорошо теоретически обоснованное и какъ слѣдуетъ фактически провѣренное, должно занимать надлежащее мѣсто въ общемъ содержаніи науки.

Разсмотримъ, что можетъ быть сказано по поводу каждой изъ этихъ гипотезъ на основаніи самыхъ общихъ соображеній.

Органическая теорія. Органическая теорія основывается на отождествленіи общества съ организмомъ. Главную силу она полагаетъ въ своихъ аналогіяхъ, но разъ дѣло идетъ о сравненіи между собою двухъ предметовъ, нужно обращать одинаковое

вниманіе не только на черты сходства, но и на черты различія. Органическая теорія старается игнорировать послѣднія, тогда какъ на самомъ дѣлѣ эти черты различія такъ глубоки, что органическая и соціальная жизнь становятся предметами двухъ совершенно различныхъ наукъ. Контъ, который видѣлъ въ обѣихъ этихъ наукахъ, такъ сказать, подъ-отдѣлы одной „органической физики“, на самомъ дѣлѣ рѣзко отдѣлилъ одну отъ другой. Спенсеръ нашелъ нужнымъ между біологіей и соціологіей помѣстить психологію и даже назвалъ общественное развитіе развитіемъ высшаго порядка, чѣмъ органическая эволюція, именно развитіемъ надъ-органическимъ. Это послѣднее опредѣленіе находится въ прямомъ противорѣчіи съ отождествленіемъ общества и организма: если общество есть надъ-организмъ, то оно, понятное дѣло, не можетъ быть въ то же время простымъ организмомъ. Органическая теорія приравниваетъ вполнѣ развитой индивидуумъ, живущій притомъ своею собственною психическою жизнью, къ простой клѣточкѣ, такъ сказать, поглощенной въ организмѣ, и не придаетъ особаго значенія тому обстоятельству, что соединеніе индивидуумовъ въ общество вовсе не требуетъ того чисто физическаго между ними сцѣпленія, безъ котораго отдѣльныя клѣточки не могли бы составлять организма. Эта теорія кое въ чемъ помогаетъ намъ понять природу общества, но въ большинствѣ случаевъ не по вопросу о томъ, что есть общество, а по вопросу о томъ, чѣмъ общество не есть и быть не можетъ.

Дарвинистическая соціологія. Контъ подвелъ понятія организма и общества подъ одно общее понятіе организованнаго тѣла. Всякое живое существо и всякое общество имѣютъ извѣстную организацію, предполагающую существованіе нѣкоторой солидарности между отдѣльными частями одного и того же цѣлаго. Объяснять общественныя явленія дѣйствіемъ однихъ только тѣхъ факторовъ, которые играютъ роль въ видовой жизни организмовъ, не приходится уже потому, что основной принципъ видовой жизни заключается въ борьбѣ за существованіе, основной принципъ жизни общественной—въ солидарности. Конечно, живя въ обществѣ, люди не перестаютъ быть животными организмами, находящимися между собою въ борьбѣ за существованіе, но именно не эта борьба, а нѣчто ей противоположное ложится въ основу общественной жизни. Если уже искать аналогій для человѣческаго общества въ животномъ мірѣ, то уже никакъ не въ явленіяхъ видовой жизни, а въ тѣхъ общежитіяхъ, которыя мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ видахъ

животныхъ. Изученіе послѣднихъ важно, однако, не только для пониманія того, чѣмъ могли быть первыя соединенія людей, но и для обнаруженія тѣхъ глубокихъ различій, какія существуютъ между общежитіями животныхъ и человѣческимъ обществомъ. Соціологи, думавшіе объяснять общественныя явленія дѣйствіемъ однихъ біологическихъ законовъ, конечно, вскрывали въ обществѣ многое такое, что только съ этой точки зрѣнія и объясняется. Но уже сама общественная жизнь животныхъ, немыслимая безъ психическаго взаимодѣйствія находящихся въ общеніи особей, заставляетъ насъ обратиться къ помощи психологіи. Тѣмъ съ бо̀льшимъ правомъ мы можемъ говорить это относительно человѣческаго общества, въ которомъ „психологія“ играетъ еще большую роль и въ которомъ принципъ соціальной солидарности способенъ распространять свое дѣйствіе на гораздо бо̀льшее количество отношеній и на неизмѣримо бо̀льшое число индивидуумовъ.

Общія черты органическаго и дарвинистическаго направленій. Органическое направленіе и дарвинистическая соціологія имѣютъ между собою много общаго. Каждая изъ обѣихъ этихъ гипотезъ стремится свести, такъ сказать, безъ остатка соціальныя явленія на явленія чисто біологическаго характера, устраняя всѣ психическіе моменты и, въ сущности, прибѣгая къ простой аналогіи. Первое изъ нихъ превращаетъ общество въ организмъ, т.-е. въ явленіе низшаго порядка, какимъ организмъ долженъ быть по сравненію съ обществомъ и съ точки зрѣнія Конта, и съ точки зрѣнія Спенсера. Точно также другая изъ названныхъ гипотезъ, если можно такъ выразиться, распускаетъ общество въ простую совокупность отдѣльныхъ индивидуумовъ, взаимныя отношенія между которыми сводятся лишь къ добыванію каждымъ пищи и къ временнымъ соединеніямъ существъ разнаго пола, служащимъ для продолженія вида. Это заставляетъ насъ отнестись отрицательно къ обѣимъ гипотезамъ, но у каждой изъ нихъ есть и своя положительная сторона, поскольку явленія высшей категоріи зависятъ всегда отъ явленій категорій низшихъ. Поскольку общественныя организаціи могутъ разсматриваться, какъ естественное продолженіе и дальнѣйшее развитіе біологическихъ организмовъ, можетъ итти рѣчь и о существованіи нѣкоторыхъ общихъ законовъ строенія и отправленій, равно какъ возникновенія и развитія всякихъ организацій вообще. Съ другой стороны, явленія видовой жизни продолжаютъ происходить въ нѣдрахъ жизни общественной, и существуютъ нѣкоторые общіе законы этой жизни, которые

имѣютъ одинаковую силу и для животныхъ, ведущихъ изолированную жизнь, и для тѣхъ, у которыхъ мы обнаруживаемъ общественныя связи. Однако, ни предполагаемыми общими законами явленій организаціи, ни общими законами видовой жизни мы не можемъ объяснить *всѣ* явленія, совершающіяся въ обществѣ, и въ особенности тѣ изъ этихъ явленій, коихъ мы не находимъ нигдѣ, кромѣ человѣческаго общества. Во всякомъ случаѣ органическая теорія болѣе соотвѣтствуетъ идеѣ общества, нежели перенесеніе въ соціологію принциповъ видовой жизни.

Общія черты психологическаго и экономическаго направленій. Гораздо болѣе важное значеніе имѣютъ двѣ другія гипотезы, которыя были названы выше. Одна изъ нихъ ищетъ объясненія соціальныхъ явленій въ фактахъ умственной жизни, именно въ идеяхъ, мнѣніяхъ; другая—въ экономическихъ отношеніяхъ. Оставимъ пока въ сторонѣ противоположность этихъ двухъ точекъ зрѣнія. Въ нихъ есть и нѣчто общее. Идеи и экономическія отношенія суть явленія, наблюдаемыя только въ мірѣ человѣка, и основать соціологію на изученіи такихъ проявленій духовнаго и общественнаго развитія, какихъ мы не наблюдаемъ въ животномъ мірѣ, значитъ дѣйствительно поднять соціологію надъ біологіей. Въ обоихъ случаяхъ главное вниманіе обращено на такія отношенія, какихъ нѣтъ ни между клѣточками одного и того же организма, ни между особями одного и того же вида, хотя бы послѣдній и былъ общителенъ. Какъ ни одностороння каждая изъ этихъ теорій въ отдѣльности, обѣ онѣ имѣютъ антропологическій, а не зоологическій характеръ. Обѣ онѣ притомъ строятся при помощи фактовъ, представляемыхъ дѣйствительною жизнью обществъ, а не при помощи простыхъ аналогій. Обратимся теперь къ каждой изъ этихъ гипотезъ по одиночкѣ. По принципу классификаціи наукъ Конта, какъ мы видѣли, непосредственною основою соціологіи должна быть психологія. Тамъ, гдѣ нѣтъ психической жизни, не можетъ быть и жизни общественной. Сами экономическія отношенія, которыя другою гипотезою кладутся въ основу всѣхъ общественныхъ явленій, т.-е. всѣ случаи взаимнаго обмѣна услугъ или продуктовъ труда, на какихъ бы условіяхъ этотъ обмѣнъ ни происходилъ, дѣлаются возможными лишь на почвѣ психическаго взаимодѣйствія. Экономическій матеріализмъ выводитъ всю общественную психику изъ экономическаго строя общества, игнорируя то важное обстоятельство, что лежащія въ основѣ этого строя экономическія отношенія сами являются лишь

извѣстнаго рода результатами психическаго взаимодѣйствія между отдѣльными индивидуумами. Но и вѣрная мысль можетъ получать невѣрное примѣненіе.

Объясненіе общественныхъ явленій психическими факторами. Выводить всѣ общественныя явленія изъ дѣйствія однихъ духовныхъ факторовъ возможно было бы лишь тогда, когда бы люди были существами исключительно духовными. Кромѣ того, психическіе факторы общественной жизни нельзя понимать только въ смыслѣ идей или мнѣній, т.-е. тѣхъ или другихъ представленій, какія существуютъ въ умахъ отдѣльныхъ членовъ общества. Что тому или другому міросозерцанію слѣдуетъ всегда приписывать важное общественное значеніе, объ этомъ не можетъ быть и спора, но чтобы можно было однимъ міросозерцаніемъ объяснять всѣ общественныя явленія, —это уже совсѣмъ другой вопросъ. Соціологія должна разъ навсегда отрѣшиться отъ чистаго интеллектуализма психологіи. Въ созданіи общественныхъ явленій едва ли не болѣе важную роль играютъ эмоціональная и волевая стороны психической природы человѣка. Господствующія въ обществѣ настроенія и стремленія являются такими же продуктами психическаго взаимодѣйствія, какъ и господствующія представленія. Человѣкъ можетъ передать человѣку не только свою мысль, но и свое настроеніе, даже внушить ему—иногда простою подачею примѣра—извѣстное стремленіе или дѣйствіе. Пока не будетъ изслѣдована вся эта область психическихъ явленій, происходящихъ въ коллективной жизни людей, до тѣхъ поръ не будетъ прочныхъ основаній для рѣшенія многихъ соціологическихъ вопросовъ. Но и коллективная психологія не будетъ въ состояніи объяснить всѣхъ явленій общественной организаціи, если будутъ игнорироваться матеріальныя условія человѣческой жизни, какъ тѣ условія, которыя созданы непосредственно природою, такъ и тѣ, которыя создаются потребностями людского общежитія.

Экономическое объясненіе общества. Эти послѣднія условія изучаются между прочимъ политической экономіей, а экономическій матеріализмъ превращаетъ ихъ въ основу всѣхъ общественныхъ явленій. Минуя психическіе факторы, онъ, собственно говоря, былъ бы прямымъ возвращеніемъ къ дарвинистической соціологіи, если бы не придавалъ особеннаго значенія тому, что въ обществѣ борьба за существованіе происходитъ иначе и ведется иными средствами, нежели въ животномъ быту. И дарвинистическая соціологія, и экономическій мате-

ріализмъ видятъ въ человѣкѣ лишь животную особь, добывающую себѣ средства къ существованію и вступающую поэтому въ весьма различныя отношенія къ другимъ такимъ же животнымъ особямъ. Въ животномъ быту эти отношенія одни, въ обществѣ—другія. Экономическій матеріализмъ хорошо понимаетъ послѣднее. Его представители не дѣлаютъ изъ соціологіи, такъ сказать, спеціальной части біологіи. Но все-таки въ основѣ ихъ теоріи скрытымъ образомъ лежитъ нѣкоторая гипотеза, именно мысль о томъ, что общественность лишена всякаго духовнаго характера и потому можетъ быть цѣликомъ объяснена изъ дѣйствія однихъ матеріальныхъ факторовъ. Это—такая же предвзятая мысль, какъ и противоположная ей мысль о томъ, что общественныя явленія въ послѣднемъ анализѣ сводятся къ нѣкоторымъ чисто умственнымъ состояніямъ людей. Теорія, противоположная экономическому матеріализму, часто грѣшила, приписывая слишкомъ большую роль сознанію. Экономическій матеріализмъ, напротивъ, за сознаніемъ не признаётъ значенія, и въ этомъ отношеніи онъ сходится съ органической теоріей— особенно въ пониманіи общественнаго развитія, какъ чисто стихійнаго процесса. Дарвинистическая соціологія и интеллектуалистическая гипотеза общества, какъ ни различны онѣ между собою, все-таки одинаково признаютъ самостоятельное значеніе каждой индивидуальности: въ органической теоріи личность превращается въ простую клѣточку высшаго индивидуума, называемаго общественнымъ организмомъ, и въ аналогичное отношеніе къ личности, какъ quantité négligeable, становится и экономическій матеріализмъ.

Различное отношеніе къ личности, какое мы находимъ въ разныхъ соціологическихъ направленіяхъ, приводитъ насъ къ еще одному, весьма важному, вопросу.

Объективизмъ и субъективизмъ въ соціологіи. Старыя метафизическія теоріи общества грѣшили тѣмъ, что не изучали общества такимъ, каково оно есть, и выдавали нерѣдко за изображеніе дѣйствительности то, что, въ сущности, было лишь продуктомъ творческой мысли, направленной на рѣшеніе вопроса, какимъ должно было бы быть общество. Называя соціологію первоначально общественной физикой, Контъ тѣмъ самымъ указывалъ на характеръ новой науки: она должна была заниматься только тѣмъ, что есть, а не тѣмъ, что должно быть. Впослѣдствіи въ своей „Положительной политикѣ" Контъ занялся построеніемъ общественнаго идеала, замѣнивъ „объективный методъ" своей соціологіи „методомъ субъективнымъ" (mé-

thode subjective). Собственно говоря, слово „методъ" употреблено было здѣсь совершенно неумѣстно, но вопросъ былъ затронутъ важный. Дѣло въ томъ, что къ разнаго рода явленіямъ, кромѣ чисто теоретическаго отношенія, создающаго науку, съ нашей стороны могутъ существовать и другія отношенія. Изъ нихъ одно есть отношеніе чисто утилитарное, которое и становится основою всѣхъ прикладныхъ наукъ (или искусствъ). Мы можемъ, далѣе, находиться въ разнаго рода эмоціональныхъ отношеніяхъ къ разсматриваемымъ предметамъ: это—отношенія поэзіи, эстетики, публицистики, патріотизма, національнаго чувства и т. п.,—отношенія, которыя весьма часто мѣшаютъ научному объективизму и потому, конечно, должны совершенно отсутствовать тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ исканіи научной истины. Въ своей книжкѣ „Изученіе соціологіи" Спенсеръ даетъ хорошую общую характеристику и детальное разсмотрѣніе подобнаго рода „субъективныхъ затрудненій". Теоретическое, утилитарное и эмоціональное отношенія къ окружающей дѣйствительности возможны съ нашей стороны одинаково и къ явленіямъ природы, и къ явленіямъ человѣческой жизни. Но моральная и соціальная сторона человѣческой жизни вызываетъ къ себѣ еще и то этическое отношеніе, которое занимало столь видное мѣсто всегда въ метафизическихъ теоріяхъ общества. „Субъективный методъ" позднѣйшихъ лѣтъ Конта былъ, въ сущности, субъективнымъ отношеніемъ къ обществу, вытекавшимъ изъ этическаго отношенія къ личности, какъ ни ложно было въ данномъ случаѣ направлено это этическое отношеніе. Отвергнувъ вторую половину дѣятельности Конта, значительная часть позитивистовъ стала проповѣдовать, что въ соціальной наукѣ общество можетъ быть предметомъ одного лишь теоретическаго отношенія, и что, слѣдовательно, человѣческая личность есть такой же объектъ науки, какъ и всѣ другіе предметы окружающаго насъ міра. Это направленіе стало называть себя объективнымъ. Органическая школа превратила личность въ простую клѣточку соціальнаго организма. Соціологи-дарвинисты видѣли въ человѣческой личности только животную особь. Точно также и въ экономическомъ матеріализмѣ мы имѣемъ дѣло съ представленіемъ о личности, какъ объ одномъ изъ факторовъ общественнаго производства, взятаго въ хозяйственномъ смыслѣ. Иногда даже представители трехъ названныхъ соціологическихъ направленій принципіально заявляютъ, что къ личности иного отношенія въ наукѣ быть не можетъ и не должно быть. Противъ такого воззрѣнія въ самой позитивной соціологіи чисто научнаго харак-

тера возникла, однако, оппозиція, которая считаетъ невозможнымъ теоретически понять общество безъ самаго внимательнаго отношенія къ внутреннему міру личности, а это внутреннее отношеніе признаётъ неполнымъ безъ этическаго элемента. По этому поводу въ соціологической литературѣ (главнымъ образомъ, русской) возникъ споръ, въ которомъ, къ сожалѣнію, вопросъ былъ затемненъ выраженіями „объективный методъ“ и „субъективный методъ“, когда рѣчь должна была бы итти не о вытѣсненіи одного другимъ, а о дополненіи *теоретическаго отношенія* къ человѣку *отношеніемъ этическимъ*. Въ какомъ бы смыслѣ мы ни рѣшали этотъ послѣдній вопросъ, только его и можно поставить въ соціологіи: споръ объ объективномъ и субъективномъ методахъ порожденъ недоразумѣніемъ, потому что дѣло идетъ здѣсь не о методѣ, а кромѣ того, объективнымъ и субъективнымъ методъ и быть не можетъ. Понятно, что объ этическомъ отношеніи къ личности можетъ итти рѣчь лишь при такомъ общемъ на нее взглядѣ, который исключается какъ органическою теоріей, такъ и дарвинистами въ соціологіи, а равно и экономическими матеріалистами: для представителей этихъ направленій внутренній міръ личности и ея нравственное достоинство кажутся иногда какой-то метафизикой.

Различное пониманіе практическаго значенія соціологіи. Практическое значеніе соціологіи также различно понимается различными писателями. Несмотря на чисто теоретическій характеръ, съ какимъ является соціологія Конта, на мысль объ этой наукѣ натолкнули его чисто практическія соображенія. Контъ мечталъ о реорганизаціи общества, которую считалъ возможною лишь подъ условіемъ хорошаго знанія законовъ, управляющихъ общественными явленіями. Лишь такую науку онъ считалъ вполнѣ достигшею положительной ступени, которая позволяетъ предвидѣть будущее. Самое предвидѣніе это онъ признавалъ драгоцѣннымъ, главнымъ образомъ, не потому, что оно расширяетъ область нашего знанія, а потому, что позволяетъ намъ вѣрнѣе и успѣшнѣе поступать въ нашей практической дѣятельности. Основатель позитивной философіи вѣрилъ въ произвольное измѣненіе явленій путемъ человѣческой дѣятельности, опирающейся на знаніе законовъ этихъ явленій, и въ этомъ онъ видѣлъ основаніе для искусства, какъ пользованія научной теоріей для практическихъ цѣлей. Къ этому нужно прибавить, что всякое искусство есть не что иное, какъ совокупность средствъ, къ коимъ мы прибѣгаемъ для достиженія тѣхъ

или другихъ цѣлей. Ни одно искусство, однако, само не ставитъ цѣлей для нашей дѣятельности: эти цѣли ставятся нашею волею, и опредѣленіе ихъ есть уже задача не искусства, даже не науки, а того, что̀ въ данномъ случаѣ носитъ названіе этики, или моральной философіи. Въ этомъ смыслѣ свою соціологію, какъ науку о *законахъ* общественной жизни, Контъ во второй періодъ своей дѣятельности хотѣлъ дополнить политикой въ смыслѣ ученія о правильныхъ *принципахъ* общественной жизни. Къ сожалѣнію, онъ сталъ рѣшать эту задачу та̀къ, что вызвалъ противъ себя совершенно справедливую критику и со стороны положительной науки, и со стороны здравой этики. Не касаясь послѣдняго пункта, замѣтимъ только, что „субъективный методъ", къ которому сталъ прибѣгать Контъ, первоначально имѣлъ значеніе лишь творчества общественнаго идеала и только мало-по-малу сталъ обозначать добываніе самой истины изъ источниковъ собственнаго разума. Конечно, послѣднее было абсурдомъ, но относительно *всей* мысли Конта можно еще спорить. Признавая за соціологіей значеніе теоретической основы для практическаго воздѣйствія на общество, Контъ тѣмъ самымъ допускалъ возможность этого воздѣйствія со стороны человѣка и считалъ нужнымъ указать на ту цѣль, какую долженъ человѣкъ при этомъ себѣ ставить. Такое пониманіе соціологіи и было усвоено такъ называемою „субъективною школою", которая такимъ образомъ придаетъ значеніе постановкѣ человѣкомъ своихъ цѣлей и усиліямъ, какія онъ употребляетъ для ихъ достиженія. Совсѣмъ иначе взглянули на дѣло представители объективной школы, которые доходятъ иногда до отрицанія самой мысли о какомъ бы то ни было искусствѣ въ общественныхъ дѣлахъ. хотя очень часто такая теорія совершенно не соотвѣтствуетъ собственнымъ соціальнымъ стремленіямъ объективистовъ. Ихъ положенія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) Процессъ общественныхъ измѣненій совершается по естественнымъ законамъ независимо отъ людского желанія или нежеланія. 2) Постановка какихъ-либо цѣлей этому процессу со стороны человѣка и усилія, направленныя къ достиженію этихъ цѣлей, не имѣютъ поэтому смысла. 3) Общественная эволюція совершается сама собою, и для того, чтобы она приводила къ своимъ естественнымъ результатамъ, со стороны человѣка не требуется никакого вмѣшательства. 4) Разъ это такъ, то не можетъ быть и не должно быть никакого искусственнаго воздѣйствія на общественную жизнь, и лучшее соціальное искусство заключается въ невмѣшательствѣ Къ такому именно взгляду

весьма близко подходитъ Спенсеръ, который въ данномъ случаѣ только возобновляетъ традицію прежнихъ экономистовъ, вѣрившихъ въ спасительность принципа laissez faire, laissez passer. Однако и тутъ извѣстнаго рода требованіе опредѣляется общественнымъ благомъ, какъ цѣлью, и это требованіе предъявляется человѣку, какъ норма его соціальнаго поведенія. Замѣчательно, что многіе послѣдователи экономическаго матеріализма прямо противополагаютъ свою соціологическую теорію, какъ строго объективную, ученіямъ субъективной школы, обвиняя послѣднія въ утопичности, хотя, напримѣръ, въ Германіи теорія экономическаго матеріализма признаётся за вѣрную какъ разъ тою частью общества, которая выступаетъ съ весьма опредѣленнымъ общественнымъ идеаломъ и дѣлаетъ большія усилія для доставленія торжества своимъ соціальнымъ принципамъ въ дѣйствительной жизни. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о методѣ соціологіи не такъ простъ, какъ можетъ это показаться съ точки зрѣнія той или другой чисто догматической доктрины.

Взглядъ Конта на методъ соціологіи. Общею мыслью Конта было сдѣлать изъ соціологіи положительную науку по образцу другихъ наукъ, изучающихъ разныя категоріи естественныхъ явленій. Уже самъ основатель позитивной философіи посвятилъ соціологическому методу цѣлое разсужденіе въ IV т. своего „Курса“. По его представленію, оба способа ненаучнаго отношенія къ естественнымъ явленіямъ характеризуются преобладаніемъ воображенія, тогда какъ первое условіе научнаго метода заключается въ необходимомъ и постоянномъ подчиненіи воображенія наблюденію. Понятное дѣло, однако, что наблюденіе совершается весьма неодинаково при изученіи разныхъ категорій явленій; да и притомъ наблюденіе является лишь первымъ шагомъ науки, за которымъ должны слѣдовать новые шаги, требующіе въ свою очередь различныхъ пріемовъ мысли въ разныхъ наукахъ. Если существуетъ вообще логика наукъ, то каждая наука должна имѣть свою особую логику, свою методологію, приноровленную къ предмету науки. Хотя Контъ въ принципѣ и отвергалъ самостоятельность методологическихъ изслѣдованій, однако, совсѣмъ обойтись безъ нихъ онъ не могъ, и его мысли на этотъ счетъ признаются высоко поучительными такимъ авторитетнымъ писателемъ въ данной области, какимъ былъ Джонъ Стюартъ Милль. Рядомъ съ чистымъ наблюденіемъ Контъ ставитъ, съ одной стороны, экспериментацію, съ другой— сравнительный методъ, которому приписываетъ особенно важное значеніе въ соціологическомъ изслѣдованіи. Отъ сравнительнаго

метода онъ отличаетъ методъ историческій, въ коемъ видитъ „единственную настоящую основу, на которой дѣйствительно можетъ покоиться система политической логики“, какъ выражается самъ Контъ.

Методологическая литература общественныхъ наукъ. И въ этомъ вопросѣ Контъ является родоначальникомъ цѣлой литературы о научныхъ методахъ изученія общественныхъ явленій. Въ этой литературѣ можно различить нѣсколько отдѣльныхъ категорій. Первую составляютъ общія изслѣдованія о методахъ изученія общественныхъ явленій вообще, и здѣсь, конечно, на первомъ мѣстѣ нужно поставить „Логику“ Милля, оказавшаго громадное вліяніе на всѣхъ авторовъ, которые послѣ него писали объ этомъ предметѣ. Ко второй категоріи мы причисляемъ методологическія изслѣдованія въ области отдѣльныхъ общественныхъ наукъ, напримѣръ, о методахъ политической экономіи или исторіи и т. п. Въ третью категорію можно включить сочиненія, посвященныя разсмотрѣнію лишь одного какого-либо метода, напримѣръ, метода статистическаго, историческаго, сравнительнаго и т. п. Наконецъ, къ вопросамъ методологіи можно отнести и тѣ, которые возбуждаются въ спорѣ между представителями объективной и субъективной школы. Не входя пока въ подробности всего этого сложнаго предмета, мы ограничимся лишь самыми главными сторонами вопроса, поскольку различіе методовъ отражается на разнообразіи направленій, представляемыхъ соціологической литературой.

Значеніе дедуктивнаго метода въ соціологіи. Вспомнимъ прежде всего, что соціологія, какъ понималъ её Контъ и какъ ее слѣдуетъ понимать, есть наука абстрактная, и что рядомъ съ нею существуютъ еще науки конкретныя, также занимающіяся изученіемъ общественныхъ явленій. Одною изъ первыхъ абстрактныхъ общественныхъ наукъ была политическая экономія, какъ создалъ ее Адамъ Смитъ, а наука эта была обязана главнѣйшими своими истинами широкому примѣненію дедуктивнаго метода. Въ сущности, путемъ дедукціи идутъ и представители четырехъ названныхъ соціологическихъ направленій. Самъ Милль придаетъ важное значеніе дедуктивному методу въ изслѣдованіи общественныхъ явленій. Но пользованіе дедукціей въ соціологіи,—какъ, впрочемъ, и во всякой наукѣ,—должно быть обставлено извѣстными условіями. Напримѣръ, дедуктивная политическая экономія исходитъ, какъ извѣстно, изъ гипотетическаго представленія о человѣкѣ, занятомъ исключительно промышленною дѣятельностью и руководящемся въ ней однимъ лишь хозяй-

ственнымъ расчетомъ, причемъ политическая экономія, изолирующая эту сторону человѣческой жизни, изучаетъ только дѣйствіе въ этой жизни извѣстной тенденціи, нарочно игнорируя существованіе другихъ тенденцій. Совершенно такимъ же образомъ, напримѣръ, физика изучаетъ законы паденія тѣлъ, исходя изъ идеи о притяженіи ихъ землею и устраняя изъ своего разсмотрѣнія всѣ другія условія, при которыхъ можетъ совершаться паденіе тѣлъ въ дѣйствительности. Если подобнаго рода пріемы непримѣнимы въ соціологіи, которая имѣетъ своимъ предметомъ всю совокупность общественныхъ явленій, а не ту или другую категорію, изолированно взятую, то указанныя нами четыре направленія соціологіи также пользуются дедукціей, прилагая къ изученію общественныхъ явленій принципы, заимствованные изъ другихъ наукъ, каковы индивидуальная и коллективная біологія, психологія и политическая экономія. Въ извѣстныхъ границахъ такого рода дедукціи (и между прочимъ сужденія по аналогіи) вполнѣ законны, но полагаться только на нихъ не приходится.

Индуктивное изученіе общественныхъ явленій. Одно изъ требованій научности заключается въ томъ, чтобы дедуктивные выводы выдерживали провѣрку со стороны данныхъ опыта и при помощи обобщеній, сдѣланныхъ на основаніи однородныхъ наблюденій. Въ соціологіи дедукція должна итти рука объ руку съ индукціей, но какъ ни важна роль послѣдней, нельзя утверждать, чтобы одинъ индуктивный методъ былъ въ состояніи удовлетворять всѣмъ потребностямъ соціологическихъ изслѣдованій. Во всякомъ случаѣ, соціологія, какъ абстрактная теорія общества, не можетъ быть основана на однихъ эмпирическихъ обобщеніяхъ конкретныхъ фактовъ, что̀ превосходно было выяснено Миллемъ. Понятное дѣло, впрочемъ, что безъ изученія самихъ общественныхъ явленій тѣми методами, какими для этого располагаетъ наука, соціологія никогда не будетъ въ состояніи выработать сколько-нибудь вѣрное и прочное ученіе объ обществѣ. Какъ и въ другихъ областяхъ знанія, и здѣсь абстрактная теорія должна находиться въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ научными дисциплинами совершенно конкретнаго характера. Конкретныя общественныя науки должны доставлять научно обработанный и обобщенный матеріалъ для отвлеченныхъ построеній и дедукцій въ соціологіи. Это-то особенно и имѣлъ въ виду Контъ, когда ставилъ соціологіи въ образецъ другія науки. Между тѣмъ нерѣдко въ научной литературѣ встрѣчаются взгляды, принявъ которые пришлось бы отождествить соціологію съ той или другой конкретною наукой.

Соціологическое значеніе исторіи. Изъ конкретныхъ наукъ самое важное значеніе для соціологіи имѣетъ, несомнѣнно, исторія. Конечно, соціологія можетъ весьма многое извлекать изъ непосредственныхъ наблюденій надъ современностью, особенно если эти наблюденія ведутся по извѣстному плану, въ извѣстной системѣ, какъ это дѣлается, напримѣръ, въ статистикѣ. Но главный фактическій матеріалъ соціологъ будетъ всегда получать изъ изученія прошлаго. Само изслѣдованіе современныхъ соціальныхъ явленій можетъ дать настоящіе плоды подъ условіемъ изученія не только взаимной связи между этими явленіями, но и породившихъ ихъ причинъ въ прошломъ, равно какъ и тѣхъ слѣдствій, которыя должны обнаружиться лишь тогда, когда сами эти явленія сдѣлаются фактами прошлаго. Съ другой стороны, многіе факты современности получаютъ надлежащее освѣщеніе лишь тогда, когда къ объясненію ихъ мы привлекаемъ аналогичные факты, наблюдавшіеся въ прошломъ, или когда знаемъ генезисъ объясняемыхъ нами фактовъ. Наконецъ, то, что мы называемъ современностью, такъ сказать, съ каждою новою минутою само дѣлается прошлымъ, т.-е. становится достояніемъ исторіи. Но самое важное, это—то, что въ лѣтописяхъ исторической науки мы имѣемъ такое громадное количество соціологическаго матеріала, какого намъ не даетъ и дать не можетъ непосредственное наблюденіе надъ окружающею насъ дѣйствительностью. Если мы примемъ еще въ расчетъ, что современная соціологія разсматриваетъ общество не какъ неизмѣнное бытіе, а какъ развивающееся явленіе, то мы поймемъ, почему историческая наука имѣетъ особое право на вниманіе со стороны соціологовъ.

Для того, однако, чтобы соціологія могла пользоваться исторіей, какъ вспомогательной наукой, необходимо, чтобы сама исторія стояла на извѣстной высотѣ научнаго развитія. Въ XIX в. исторія сдѣлала весьма крупные успѣхи въ разработкѣ своего предмета, благодаря, главнымъ образомъ, научному методу и научному духу, которые были внесены въ самую работу надъ историческимъ матеріаломъ. Но мы здѣсь не касаемся этого предмета. Кромѣ того, исторія стала сближаться съ естествознаніемъ, и на мысли о такомъ сближеніи была даже основана попытка цѣлой реформы исторической науки, сдѣланная Боклемъ въ его „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“ и стоящая въ прямомъ родствѣ съ основными взглядами Конта. Вмѣстѣ съ этимъ произошло сближеніе между исторіей и другими общественными науками: параллельно съ „историческими школами“ въ юриспруденціи и политической экономіи возникаютъ въ самой исторіи совер-

шенно новыя юридическое и экономическое направленія. Новая постановка соціальныхъ вопросовъ въ жизни и зарожденіе новой общественной науки отражаются на исторіи тѣмъ, что она все болѣе и болѣе сосредоточиваетъ свое вниманіе на тѣхъ же самыхъ явленіяхъ, которыя болѣе всего занимаютъ и соціологовъ. Однимъ словомъ, въ процессѣ своего развитія историческая наука все болѣе и болѣе подчиняется соціологической точкѣ зрѣнія, дѣлая главнымъ своимъ предметомъ общество въ его строѣ и бытѣ. При такомъ пониманіи исторіи наука эта и соціологія—одна конкретная, другая абстрактная—должны взаимно дополняться. Къ сожалѣнію, нужно только прибавить, что далеко еще не всѣ писатели, касавшіеся предмета, понимаютъ надлежащимъ образомъ различіе между соціологіей и исторіей и ихъ взаимныя отношенія. Иногда во имя одной науки за другою даже не признается права на существованіе, а иногда различныя задачи обѣихъ наукъ страннымъ образомъ смѣшиваются. Это—одно изъ печальныхъ явленій современной соціологической и историко-философской литературы. Особенно много путаницы вносится авторами, не понимающими чисто абстрактнаго характера соціологіи и думающими, что соціологія есть лишь извѣстнымъ образомъ преобразованная исторія [1]).

Внесеніе историческаго метода въ другія общественныя науки. Мы здѣсь совсѣмъ ничего не говоримъ о методахъ исторической науки, какъ таковой, отъ которыхъ нужно отличать историческій методъ въ другихъ наукахъ. Выше было уже сказано, что въ XIX столѣтіи историческій методъ былъ примѣненъ къ изученію юридическихъ и экономическихъ явленій. Дѣло дошло даже до того, что крайніе представители исторической школы въ политической экономіи стали прямо отрицать научное значеніе за примѣненіемъ къ изученію экономическихъ явленій какого бы то ни было другого метода за исключеніемъ историческаго. Представители этого направленія способны были договариваться до отрицанія какихъ бы то ни было общихъ абстрактныхъ законовъ политической экономіи. Стать на точку зрѣнія такого односторонняго историзма значитъ совсѣмъ не признавать возможности абстрактнаго изученія экономическихъ явленій. Примѣненіе такой точки зрѣнія къ соціологіи было бы равносильно уничтоженію этой науки, какъ науки абстрактной. Вотъ почему литература по методологіи политической экономіи,

[1]) Нечего говорить, что столь же неосновательно видѣть истинную соціологію въ статистикѣ, къ чему были склонны нѣкоторые писатели, увлеченные примѣромъ Кетле. О послѣднемъ см. выше, стр. 6.

въ которой разсматриваются взаимныя отношенія абстрактной дедукціи и историческаго изученія конкретныхъ явленій, имѣетъ не только спеціальный, политико-экономическій, но и общій, соціологическій, интересъ.

Важность этнографическаго матеріала для соціологіи. Фактическій матеріалъ соціологіи заключается не только въ данныхъ исторіи и статистики, но и въ данныхъ другихъ наукъ, изучающихъ жизнь народовъ. Сюда прежде всего нужно отнести этнографію съ изученіемъ такъ называемыхъ переживаній въ народномъ быту цивилизованныхъ странъ и съ изученіемъ быта дикарей, который не можетъ быть предметомъ исторіи. Съ другой стороны, изслѣдованіе въ области первобытной культуры, пользующееся между прочимъ данными этнографіи, расширяетъ область соціологическаго матеріала, захватывая такъ называемыя доисторическія времена, откуда уже прямой переходъ къ чисто животному, такъ сказать, досоціологическому состоянію человѣчества. Въ сущности, это—все одинъ и тотъ же матеріалъ, т.-е. конкретныя явленія культурнаго быта и соціальнаго строя, и все различіе заключается въ томъ, что одни явленія относятся къ болѣе позднимъ эпохамъ и болѣе высокимъ ступенямъ развитія, другія—къ эпохамъ болѣе раннимъ и къ болѣе примитивнымъ ступенямъ развитія. Для соціологіи изученіе жизни дикарей и первобытнаго человѣка получало столь важное значеніе, что многіе (конечно, по явному недоразумѣнію) въ этомъ и полагаютъ настоящую задачу соціологіи, какъ будто бы это была тоже своего рода преобразованная этнографія.

Сравнительное изученіе общественныхъ явленій. Историческій и этнографическій матеріалъ можетъ быть предметомъ весьма различной обработки, и не всякая обработка этого матеріала имѣетъ соціологическое значеніе. Задача соціологіи заключается въ открытіи общихъ законовъ, управляющихъ соціальными явленіями. Въ числѣ способовъ, коими пользуется наука для достиженія этой цѣли, важное мѣсто принадлежитъ обобщенію однородныхъ фактовъ. Этимъ открывается широкое поле для примѣненія къ историческому и этнографическому матеріалу такъ называемаго сравнительнаго метода. Въ жизни народовъ мы встрѣчаемся съ однородными явленіями, которыя часто могутъ быть объяснены или происхожденіемъ изъ общаго источника, или заимствованіями однимъ народомъ у другого. Но есть и еще одинъ способъ для объясненія подобнаго рода сходствъ: вотъ этотъ-то способъ въ чисто соціологическихъ изслѣдованіяхъ и имѣетъ особенно важное значеніе. Сходныя явленія могутъ возни-

вать и при отсутствіи общаго источника или безъ помощи заимствованія. Разъ общественныя явленія совершаются закономѣрно, одинаковыя причины должны порождать и одинаковыя слѣдствія, а потому обнаруженіе сходствъ въ тѣхъ случаяхъ, когда и рѣчи быть не можетъ объ общемъ источникѣ или заимствованіи, всегда является первымъ шагомъ къ установленію какого-либо соціологическаго закона. Правда, такимъ путемъ можно открывать лишь такъ называемые эмпирическіе законы, требующіе еще дедуктивнаго обоснованія для того, чтобы стать законами научными, но и это въ высшей степени важно. Таково значеніе сравнительнаго метода для соціологіи, и мы не касаемся значенія этого метода для чисто конкретныхъ статистическихъ, историческихъ и этнографическихъ изслѣдованій: тамъ этотъ методъ оказываетъ свои особыя услуги, не подлежащія нашей оцѣнкѣ въ настоящемъ обзорѣ.

Литература, обязанная своимъ происхожденіемъ примѣненію сравнительнаго метода, весьма обширна. Ранѣе всего этотъ методъ былъ примѣненъ (еще въ началѣ XIX в.) къ языкознанію, откуда онъ постепенно распространился и на другія науки, изучающія культурную сторону исторической жизни народовъ: за сравнительнымъ языкознаніемъ послѣдовали сравнительная миѳологія и сравнительно-историческое изученіе религіозныхъ вѣрованій, сравнительная исторія литературы и т. п. Сравнительное изученіе явленій политическихъ, юридическихъ и экономическихъ возникло нѣсколько позже и уже теперь имѣетъ громадную литературу, которая, несомнѣнно, обладаетъ весьма значительнымъ соціологическимъ интересомъ.

Примѣненіе эволюціонной точки зрѣнія къ изученію общественныхъ явленій. Еще одна особенность сравнительно-историческихъ и сравнительно-этнографическихъ изслѣдованій состоитъ въ томъ, что всѣ они ведутся съ эволюціонной точки зрѣнія, т.-е. въ томъ, что каждое явленіе изучается въ его развитіи, причемъ дѣлаются попытки,—не всегда, впрочемъ, удачныя,—формулировать общіе для всѣхъ народовъ законы развитія такихъ общественныхъ формъ и учрежденій, каковы семья и родъ, собственность и государство. Переворотъ, совершенный въ біологіи эволюціонной теоріей Дарвина, значительно оживилъ однородное направленіе въ изученіи культурныхъ и соціальныхъ формъ. Но не нужно забывать, что біологическому эволюціонизму уже предшествовало примѣненіе эволюціонной точки зрѣнія къ такимъ явленіямъ, какъ языкъ и право: само историческое къ нимъ отношеніе уже заключало въ себѣ эволю-

ціонную точку зрѣнія. Наиболѣе грандіозною попыткою, какая была сдѣлана въ философіи второй половины XIX в., для того, чтобы представить все мірозданіе, какъ эволюцію, является, конечно, синтетическая философія Спенсера; но не нужно забывать, что этой реалистической и позитивной попыткѣ предшествовала въ первой половинѣ XIX в. идеалистическая и метафизическая попытка Гегеля понять міръ, какъ развитіе. Въ этомъ отношеніи философія XIX в. отличается отъ философіи, такъ сказать, неподвижнаго бытія, господствовавшей въ болѣе раннія эпохи.

Особая важность эволюціонной точки зрѣнія при соціологической обработкѣ конкретнаго матеріала заключается въ томъ, что на почвѣ, ею созданной, совершается сближеніе между двумя нерѣдко другъ другу враждебными направленіями, т.-е. направленіемъ абстрактнымъ и теоретическимъ, склоннымъ къ повторенію раціоналистическихъ ошибокъ XVIII в., и направленіемъ историческимъ и конкретнымъ, которое въ своей односторонности могло бы иной разъ довольствоваться, пожалуй, однимъ грубымъ эмпиризмомъ.

Общій выводъ о разныхъ направленіяхъ соціологіи. Соціологія представляетъ изъ себя науку въ высшей степени сложную. Будучи наукою абстрактною, она должна питаться данными наукъ конкретныхъ и въ свою очередь направлять работу этихъ послѣднихъ. Мы видѣли, какія направленія существуютъ въ соціологіи, благодаря четыремъ основнымъ взглядамъ на природу человѣческаго общества. Еще большее разнообразіе мы наблюдаемъ въ работахъ соціологическаго характера, исходящихъ не изъ той или другой гипотезы объ обществѣ, а изъ изученія того или другого фактическаго матеріала. Каждое направленіе имѣетъ свой raison d'être, и въ каждомъ есть своя доля истины; но каждое дѣлается неправымъ, когда одному себѣ приписываетъ всю истину. Это можно сказать не только относительно четырехъ основныхъ гипотезъ, но и относительно другихъ сторонъ вопроса: соціологія нуждается и въ дедукціи, и въ индукціи, и въ абстрактно-теоретическихъ построеніяхъ, и въ конкретно-историческихъ изслѣдованіяхъ, равно какъ и въ эмпирическихъ обобщеніяхъ, требующихъ раціональнаго обоснованія, чтобы стать вполнѣ научными законами, и въ формулахъ дедуктивнаго происхожденія, требующихъ фактической провѣрки для того, чтобы имѣть право также называться научными законами.

Къ счастью для соціологіи, отдѣльныя ея направленія и

школы не до такой степени между собою разобщены, чтобы не испытывали вліянія одна со стороны другой. Можно даже сказать, что въ дѣйствительности различныя школы и направленія не только раздѣляютъ многіе общіе взгляды, но и одна въ другую переходятъ, различнымъ образомъ комбинируя однѣ и тѣ же или родственныя идеи. Исключеніе изъ этого общаго правила представляетъ пока одинъ экономическій матеріализмъ, который, будучи впервые формулированъ въ серединѣ XIX в., получилъ сколько-нибудь замѣтное литературное развитіе только въ послѣднее десятилѣтіе, совершенно почти не отразивъ на себѣ общаго движенія соціологіи за эти сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ.

ГЛАВА IV.

Органическое направленіе въ соціологіи.

Происхожденіе аналогіи между обществомъ и организмомъ. Исходнымъ пунктомъ органическаго направленія соціологіи является гипотетическое отождествленіе общества съ организмомъ. Наука вообще идетъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, и въ данномъ случаѣ неизвѣстное есть общество, для объясненія котораго прибѣгаютъ къ организму, какъ къ чему-то, наоборотъ, уже вполнѣ извѣстному. Разъ общество есть организмъ, все то, что можно сказать объ организмѣ, можно будетъ сказать и объ обществѣ. Такой методъ изученія общества можетъ быть названъ аналогическимъ. Въ основѣ органической гипотезы, дѣйствительно, лежитъ аналогія.

Эта аналогія имѣетъ очень древнее происхожденіе. Въ Индіи четыре касты выводились изъ разныхъ частей тѣла Брамы. Во время извѣстнаго отшествія римскихъ плебеевъ на Священную гору Мененій Агриппа разсказалъ басню о томъ, какъ стали спорить между собою члены человѣческаго тѣла. Выраженія — „тѣло“ (corpus), „глава“ (caput), „члены“ (membra) — стали употребляться примѣнительно къ государству или обществу въ политической литературѣ также весьма рано. Къ этой же категоріи выраженій относятся и такія, какъ: органы власти, организація государства и т. п. Правда, все это болѣе относится къ терминологіи, нежели къ пониманію, но и само органическое пониманіе существовало уже гораздо ранѣе возникно-

венія мысли о позитивной соціологіи. Въ нѣмецкой государственной наукѣ, въ основѣ которой лежали метафизическія идеи, уже существовало цѣлое органическое направленіе (die organische Staatslehre). Органическій взглядъ на общество сдѣлался, какъ мы видѣли, даже весьма популярнымъ въ реакціонной политической литературѣ начала XIX в., и съ чисто научной точки зрѣнія это былъ шагъ впередъ сравнительно съ механическимъ взглядомъ, господствовавшимъ въ XVIII столѣтіи.

На органическую школу въ соціологіи (особенно у нѣмцевъ) можно смотрѣть поэтому, какъ на продолженіе болѣе старой научной традиціи; но здѣсь, кромѣ того, мы имѣемъ и нѣчто новое.

Въ то самое время, какъ разсматриваемое направленіе въ соціологіи отождествило общество съ организмомъ, біологія, съ своей стороны, стала видѣть въ организмѣ своего рода общество, состоящее изъ недѣлимыхъ низшаго порядка — клѣточекъ или біоновъ. Это было уже пониманіемъ организма по аналогіи съ обществомъ, какъ бы перенесеніемъ соціологическихъ понятій въ область явленій индивидуальной біологіи. Найдены были даже переходныя ступени между обществомъ и организмомъ, т.-е. такія формы жизни, которыя не могутъ быть подведены ни подъ одно изъ двухъ названныхъ понятій. Наконецъ, самое происхожденіе индивидуальныхъ организмовъ стало объясняться путемъ, такъ сказать, сростанія живыхъ существъ низшаго порядка. Это новое пониманіе организма было какъ нельзя болѣе на руку отождествленію общества съ организмомъ. Оставалось только развивать далѣе основную аналогію, и за этимъ дѣло не стало. Уже прежде существовали грубыя уподобленія мозга правительству, артерій путямъ сообщеній, кровяныхъ шариковъ деньгамъ; теперь такія поверхностныя сравненія были оставлены для сближеній болѣе абстрактнаго характера (что не мѣшало, впрочемъ, по аналогіи съ біологическими науками создавать разныя анатоміи, физіологіи, эмбріологіи общества и т. п.). Развивая въ подробностяхъ основную аналогію, каждый представитель органическаго направленія дѣлалъ это, однако, по-своему, благодаря чему явилось нѣсколько органическихъ теорій общества, между собою несходныхъ и даже прямо одна съ другою непримиримыхъ. Оно и понятно, такъ какъ каждый могъ понять самую задачу такъ или иначе, могъ посмотрѣть на общество съ той или иной точки зрѣнія, воспользоваться для своего соціологическаго построенія весьма различными данными и соединить съ своею основною концепціей результаты, добытые не одпѣми и тѣми же общественными науками.

Представители органическаго направленія въ соціологіи. Самымъ замѣчательнымъ представителемъ органическаго направленія въ соціологіи нужно, конечно, признать Герберта Спенсера, о которомъ у насъ, главнымъ образомъ, далѣе и будетъ итти рѣчь. Но кромѣ Спенсера, можно указать и на другихъ писателей, исходнымъ пунктомъ которыхъ также является отождествленіе общества съ организмомъ. Таковы преимущественно Шеффле и Лиліенфельдъ.

Сочиненіе Шеффле „Строеніе и жизнь общественнаго тѣла“ вышло въ свѣтъ въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ гг. Авторъ этого труда разсматриваетъ общество преимущественно съ экономической точки зрѣнія (тогда какъ у Спенсера преобладаетъ точка зрѣнія политическая), причемъ клѣточкою общественнаго тѣла является у него не индивидуумъ, а семья, матеріальныя же, экономическія блага играютъ роль междуклѣточныхъ веществъ. Съ другой стороны, однако, Шеффле самъ отмѣчаетъ глубокую разницу между способомъ органическаго и соціальнаго развитія, придавая важное значеніе духовному фактору и стремленію къ реформѣ (Reformtrieb), наблюдаемымъ въ общественной жизни. Не входя въ разборъ этой теоріи, укажемъ только на то, что самъ Шеффле такимъ образомъ не берется объяснить общественное развитіе безъ чисто психическаго фактора.

Еще болѣе психологическій характеръ имѣетъ соціологическая теорія Лиліенфельда, изложенная въ шеститомномъ трудѣ Лиліенфельда „Мысли о соціальной наукѣ будущаго“, — сочиненіи, которое, строго говоря, подчасъ представляется чисто метафизическимъ трактатомъ, хотя, съ другой стороны, на немъ сильно сказалось вліяніе позитивной и эволюціонной мысли второй половины XIX в. Замѣтимъ еще, что, говоря о духовной сторонѣ общественной жизни, Лиліенфельдъ выдвигаетъ на первый планъ умственный элементъ. Что касается до біологическихъ аналогій, то въ соціологіи Лиліенфельда онѣ играютъ весьма видную роль. Наконецъ, отмѣтимъ еще, что въ своемъ взглядѣ на общество авторъ стремится поддерживать равновѣсіе между политической, экономической и юридической точками зрѣнія на общество, такъ что въ данномъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ его нельзя упрекнуть въ одностороннемъ пониманіи общественныхъ явленій. Ниже, въ другой связи намъ придется упомянуть еще оставшуюся малоизвѣстною попытку Линднера примѣнить къ пониманію общества органическую аналогію.

Представителемъ той же идеи является и Эспинасъ, сочи-

ненie котораго „Общественная жизнь животныхъ“ относится, впрочемъ, къ другой области.

Соцiологическiе труды Спенсера и его отношенiе къ Конту. Переходимъ теперь къ Герберту Спенсеру. Первый соцiологическiй трактатъ этого философа подъ заглавiемъ „Соцiальной статики“ вышелъ въ свѣтъ въ 1850 г., а черезъ десять лѣтъ послѣ того Спенсеръ предпринялъ работу надъ обширною „Системою синтетической философiи“, въ составъ коей вошли слѣдующiе отдѣльные труды: „Основныя начала“, „Основанiя бiологiи“, „Основанiя психологiи“, „Основанiя соцiологiи“ и „Основанiя этики“. Кромѣ того, Спенсеръ написалъ нѣсколько статей, имѣющихъ отношенiе къ общественной наукѣ; первому же тому его соцiологическаго трактата („Основанiя соцiологiи“), вышедшему въ свѣтъ въ 1876 году, предшествовала особая книга подъ заглавiемъ „Изученiе соцiологiи“. Когда появились „Основныя начала“ Спенсера, въ одномъ французскомъ журналѣ была напечатана статья, авторъ которой высказалъ мнѣнiе, что Спенсеръ является ученикомъ Конта. Спенсеръ протестовалъ противъ этого книжкой подъ заглавiемъ „Классификацiя наукъ“ съ прибавленiемъ статьи „О причинахъ разногласiя съ Контомъ“ (1864). Цѣлью написанiя этой книжки Спенсеромъ было доказать независимость его философiи отъ Конта. Тѣмъ не менѣе Спенсеръ называетъ философское предпрiятiе Конта „замысломъ, полнымъ величiя“, а попытку осуществить его — „заслуживающею удивленiя и одобренiя“. Признавая себя „солидарнымъ съ Контомъ относительно тѣхъ основныхъ доктринъ, которыя являются ихъ общимъ наслѣдiемъ“, и заявляя о своемъ несогласiи съ Контомъ „относительно принциповъ, которые составляютъ личную философiю послѣдняго“, т.-е. отвергая свою зависимость отъ основателя позитивной философiи, Спенсеръ, однако, перечисляетъ пункты прямого заимствованiя у Конта. Къ числу такихъ заимствованiй онъ относитъ понятiе соцiальнаго consensus'а, а также изобрѣтенное Контомъ слово соцiологiя. Отмѣтивъ далѣе, что между ихъ политическими убѣжденiями существовала самая крайняя противоположность, и что его собственные взгляды въ этой области должны были бы вызвать со стороны Конта „самое полное отвращенiе“, Спенсеръ указываетъ на то, что оба они сходятся тѣмъ не менѣе на „аналогiи между индивидуальнымъ организмомъ и организмомъ соцiальнымъ, предвидѣнной Платономъ и Гоббсомъ“. Но и тутъ онъ заявляетъ, что его взглядъ на этотъ предметъ внушенъ ему, собственно говоря, натуралистомъ Бэромъ, а не Контомъ. Совпаденiе названiя перваго сво-

его труда „Соціальная статика“ съ совершенно такимъ же выраженіемъ у Конта Спенсеръ называетъ совершенно случайнымъ и доказываетъ, что здѣсь было сходство только въ словахъ, а не въ самомъ понятіи. Спеціально въ работѣ о „Классификаціи наукъ“ онъ критикуетъ классификацію Конта, замѣняя ее своею собственною. Здѣсь не мѣсто разбирать вопросъ, насколько основательны всѣ эти заявленія Спенсера. Замѣтимъ только, что нѣкоторые писатели высказываютъ мнѣніе, по которому Спенсеръ былъ не всегда правъ, хотя отсюда, конечно, еще далеко до утвержденія, будто Спенсеръ былъ только ученикомъ Конта. Между обоими существуетъ дѣйствительно громадная разница, и вліяніе, оказанное Контомъ на Спенсера, отнюдь не уничтожаетъ его самостоятельности.

Мы только что сказали, что Спенсеръ замѣняетъ классификацію наукъ Конта своею. Въ послѣдней онъ также употребляетъ выраженія „абстрактная наука“ и „конкретная наука“ и создаетъ даже классъ наукъ абстрактно-конкретныхъ. Но уже Милль замѣтилъ, что Спенсеръ употребляетъ термины совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ Контъ. Прибавимъ, впрочемъ, что терминологія Конта сама порождаетъ большія недоразумѣнія: мы бы предложили называть однѣ науки номологическими, другія—феноменологическими, т.-е. науками о законахъ и науками объ явленіяхъ. Для насъ важно только, что Спенсеръ помѣстилъ между біологіей и соціологіей психологію и этимъ дѣйствительно исправилъ недостатокъ классификаціи Конта. Спенсеръ, далѣе, не раздѣляетъ и ученія о трехъ фазисахъ міросозерцанія, но, въ сущности, и онъ стоитъ на позитивной точкѣ зрѣнія, такъ какъ строго отличаетъ непознаваемое отъ познаваемаго и лишь послѣднее дѣлаетъ предметомъ науки. Какъ и Контъ, къ тому же онъ видитъ въ философіи высшее единство научнаго знанія и устраняетъ изъ своей философіи всякія гаданія о сущности непознаваемаго. Изъ другихъ пунктовъ различія между обоими мыслителями отмѣтимъ еще два. Во-первыхъ, Спенсеръ несогласенъ съ тѣмъ, что весь соціальный механизмъ покоится въ концѣ концовъ на мнѣніяхъ и что идеи управляютъ міромъ. вносятъ въ міръ перевороты: „міръ, говоритъ Спенсеръ, управляется и измѣняется черезъ чувства, для которыхъ идеи служатъ только руководителями. Соціальный организмъ покоится въ концѣ концовъ не на мнѣніяхъ, но почти всецѣло на характерахъ“ и т. д. Такимъ образомъ (считаемъ нужнымъ это здѣсь отмѣтить) Спенсеръ все-таки, какъ и Контъ, стоитъ за психологическое объясненіе „соціальнаго механизма“, хотя это

и не особенно вяжется съ превращеніемъ общества въ организмъ. Во-вторыхъ, Спенсеръ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что его политическія убѣжденія относятся къ числу тѣхъ, „къ коимъ Контъ питалъ самое полное отвращеніе". „По мнѣнію Конта, поясняетъ Спенсеръ, самое совершенное общество есть такое, въ которомъ управленіе достигло своего высшаго развитія.... и въ которомъ индивидуальная жизнь должна быть подчинена по большей части жизни соціальной. По моему мнѣнію, напротивъ,—продолжаетъ онъ,—идеаломъ, къ которому мы идемъ, является общество, въ коемъ управленіе будетъ доведено до возможно меньшихъ предѣловъ, а свобода достигнетъ по возможности наибольшей широты". Это весьма важный пунктъ различія. Мы уже ранѣе указали на то, что Контъ былъ отъявленнымъ врагомъ индивидуализма и стоялъ за самую неограниченную правительственную регламентацію. Спенсеръ, наоборотъ, является представителемъ индивидуализма и стоитъ за самое широкое правительственное невмѣшательство, видя въ усиленіи государственной регламентаціи „грядущее рабство". И съ точки зрѣнія оцѣнки органической гипотезы этотъ пунктъ заслуживаетъ большого вниманія. Нѣкоторые критики органической теоріи Спенсера возражали противъ нея именно съ той точки зрѣнія, что отождествленіе общества съ организмомъ противорѣчитъ стремленію къ индивидуальной свободѣ, не дозволяющему человѣческой личности играть роль простой клѣточки общественнаго организма. Дѣйствительно, отождествленіе общества съ организмомъ благопріятствуетъ въ гораздо большей степени идеѣ Конта, нежели идеѣ Спенсера. Англійскаго соціолога, по справедливости, обвиняютъ въ томъ, что его политическія убѣжденія весьма близки къ буржуазному либерализму съ его безусловнымъ требованіемъ laissez faire, laissez passer, тогда какъ Контъ заслуживаетъ, наоборотъ, упрека въ авторитарномъ соціализмѣ въ родѣ соціализма сенъ-симонистовъ, безусловно подчинявшихъ человѣческую личность распоряженіямъ духовной и свѣтской власти общества.

Эволюціонизмъ Спенсера. Въ основу всей философіи Спенсера положена идея эволюціи, чѣмъ его система напоминаетъ систему Гегеля. Только философія Спенсера—реалистическая, философія Гегеля—идеалистическая. Эту же идею эволюціи положилъ въ основу своей біологической теоріи и Дарвинъ. Но біологическая эволюція составляетъ только часть міровой эволюціи, о которой говоритъ Спенсеръ. Соціальную эволюцію англійскій философъ не только понимаетъ по аналогіи съ орга-

пическимъ развитіемъ, но и въ зависимости отъ представленія о томъ, что можно назвать закономъ всякаго развитія. Между тѣмъ несомнѣнно, что общее понятіе объ эволюціи Спенсеръ заимствовалъ непосредственно изъ ученія біологіи. „Я позволю себѣ, говоритъ онъ, указать на то, что̀ дѣйствительно оказало глубокое вліяніе на ходъ моей мысли. Истина, которую смутно предвидѣлъ Гарвей въ своихъ эмбріологическихъ изслѣдованіяхъ и которую такъ ясно усвоилъ себѣ Вольфъ и, наконецъ, окончательно формулировалъ фонъ Бэръ,—истина, что всякое органическое развитіе состоитъ въ переходѣ изъ состоянія однородности въ состояніе разнородности, была тѣмъ принципомъ, изъ котораго я косвенно извлекъ всѣ свои окончательныя заключенія". Спенсеръ самъ свидѣтельствуетъ, что такое пониманіе эволюціи онъ прежде всего распространилъ на общественное развитіе, а затѣмъ и на всѣ другія явленія, дополнивъ позднѣе законъ эволюціи закономъ диссолюціи, т.-е. разложенія. Грандіозность философской попытки Спенсера именно въ томъ и заключается, что всѣ процессы міровой жизни онъ понялъ, какъ непрерывную эволюцію, подчиненную на всѣхъ своихъ ступеняхъ одному и тому же закону. Особенность этой системы въ томъ, что основной законъ эволюціи формулируется въ терминахъ, такъ сказать, взятыхъ изъ теоріи біологической эволюціи, притомъ не развитія видовъ, какъ у Дарвина, а развитія отдѣльнаго индивидуума, какъ у Бэра. Съ этой точки зрѣнія и человѣческое общество представилось Спенсеру, какъ своего рода организмъ. Позднѣе онъ различилъ три вида эволюціи: неорганическую, органическую и надъ-органическую (super-organic),—и общество явилось у него продуктомъ этого третьяго, надъ-органическаго развитія. Терминъ этотъ былъ усвоенъ нѣкоторыми другими писателями, и нельзя не назвать его весьма удачнымъ. Съ другой стороны, однако, нельзя не замѣтить, что разъ общество является продуктомъ надъ-органическаго развитія, оно тѣмъ самымъ должно разсматриваться, какъ нѣчто высшее, чѣмъ организмъ. Мы могли бы назвать неорганическое развитіе, положимъ, механическимъ, и тогда органическое развитіе было бы,—скажемъ такъ,—надъ-механическимъ: это одно уже не позволяло бы намъ отождествлять организмъ съ механизмомъ, хотя между обоими существуетъ тоже весьма большая аналогія. Помѣщая между біологіей и соціологіей психологію, строя „общественный организмъ" на фундаментѣ человѣческихъ эмоцій, Спенсеръ самъ указываетъ, гдѣ заключается то, отъ чего зависитъ главнымъ образомъ различіе между обществомъ и орга-

низмомъ, т.-е. между развитіемъ надъ-органическимъ и органическимъ, а это существенно колеблетъ отправной пунктъ его соціологической теоріи. Классификація наукъ Ог. Конта, по которой каждая высшая категорія явленій представляетъ новыя черты сравнительно съ категоріями явленій болѣе простыхъ, въ данномъ случаѣ заключаетъ въ себѣ весьма важный принципъ, не дозволяющій понимать надъ-органическое развитіе исключительно въ терминахъ развитія органическаго. Впрочемъ, и самъ Спенсеръ видитъ разницу между сравниваемыми имъ явленіями; онъ только не хочетъ извлечь изъ этой разницы все то, что въ ней заключается.

Аналогія между обществомъ и организмомъ у Спенсера. Спенсеръ смотритъ на общество, „какъ на особенный индивидуальный предметъ", который становится таковымъ „въ силу постоянства отношеній между его составными частями",— и спрашиваетъ, „не представляютъ ли эти постоянныя отношенія между частями общества какихъ-нибудь сходствъ съ постоянными отношеніями между частями, замѣчаемыми нами въ какихъ-либо другихъ бытіяхъ". Отвѣчая на этотъ вопросъ, онъ замѣчаетъ, что существуютъ два большіе класса аггрегатовъ, съ которыми мы можемъ сравнивать общественный аггрегатъ: классъ аггрегатовъ неорганическихъ и классъ аггрегатовъ органическихъ. Если мы вспомнимъ, что Спенсеръ различаетъ три вида развитія и что на этомъ основаніи общество должно было бы являться столь же отличнымъ отъ организма, насколько организмъ отличенъ отъ механизма, то не поймемъ, почему Спенсеръ (какъ бы слѣдуя въ этомъ отношеніи за Контомъ) включаетъ общество въ число органическихъ аггрегатовъ, а не называетъ его прямо аггрегатомъ надъорганическимъ. Цѣлую вторую главу второго тома своихъ „Основаній соціологіи" онъ посвящаетъ доказательству того, что общество есть организмъ. Мы не будемъ повторять здѣсь аргументаціи Спенсера. Какъ бы ни была она основательна, самъ онъ считаетъ нужнымъ обратиться въ концѣ главы „къ разсмотрѣнію тѣхъ крайнихъ несходствъ, которыя существуютъ между обществомъ и организмомъ". Этихъ несходствъ два. Во-первыхъ, говоритъ Спенсеръ, „всѣ части животнаго образуютъ одно конкретное цѣлое, но части, составляющія общество, образуютъ такое цѣлое, которое должно считаться раздѣльнымъ (discrete), а не конкретнымъ. Живыя единицы,—продолжаетъ онъ,—составляющія собою животное, тѣсно связаны между собою и находятся въ непосредственномъ или почти непосредственномъ соприкосновеніи другъ

съ другомъ, тогда какъ живыя единицы, составляющія собою общество, свободны, не находятся въ тѣсномъ соприкосновеніи, но разсѣяны болѣе или менѣе далеко другъ отъ друга". Это, дѣйствительно, важное различіе, ибо чисто физическая связь, какая существуетъ между клѣточками въ организмѣ, замѣняется въ обществѣ психическою связью между отдѣльными его членами, а это влечетъ за собою цѣлый рядъ важныхъ теоретическихъ послѣдствій. Спенсеръ, однако, такъ сказать, отворачивается отъ этого соображенія и, самъ же признавая, что указанное имъ различіе имѣетъ основной характеръ, старается доказать, что оно только *повидимому* устраняетъ всякую возможность сравненія, но на самомъ дѣлѣ менѣе важно, чѣмъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Во-вторыхъ, между обществомъ и организмомъ Спенсеръ обнаруживаетъ другой контрастъ,—„контрастъ, какъ онъ самъ выражается, имѣющій очень знаменательный смыслъ и вліяющій основнымъ образомъ на нашу идею относительно той цѣли, къ осуществленію которой должна стремиться общественная жизнь". Дѣло въ томъ, что „хотя раздѣльность соціальнаго организма не препятствуетъ раздѣленію отправленій и взаимной зависимости частей, однако, не позволяетъ такой дифференціаціи зайти такъ далеко, чтобы одна часть сдѣлалась органомъ чувства и мысли, а остальныя части взамѣнъ того утратили совершенно всякую чувствительность... Вотъ въ чемъ,—поясняетъ Спенсеръ свою мысль,—состоитъ основное различіе между этими двумя родами организмовъ. Въ одномъ сознаніе сконцентрировано въ одной небольшой части аггрегата: всѣ его единицы способны чувствовать наслажденіе и страданіе, если и не въ равной степени, то приблизительно одинаково. Слѣдовательно, тутъ не существуетъ ничего похожаго на какое-либо „общественное чувствилище" (social sensorium); а потому благосостояніе аггрегата, разсматриваемое независимо отъ благосостоянія составляющихъ его единицъ, никогда не можетъ считаться цѣлью общественныхъ стремленій. Общество существуетъ для блага своихъ членовъ, а не члены его существуютъ для блага общества. Слѣдуетъ всегда помнить, что, какъ бы ни были велики усилія, направленныя къ благосостоянію аггрегата, всѣ притязанія этого политическаго аггрегата сами по себѣ суть ничто, и что они становятся чѣмъ-нибудь лишь въ той мѣрѣ, въ какой они воплощаютъ въ себѣ притязанія составляющихъ этотъ аггрегатъ единицъ". Правда, это послѣднее соображеніе должно было бы считать, какъ замѣчаетъ самъ Спенсеръ, „скорѣе отклоненіемъ отъ предыдущей аргументаціи (т.-е. отъ аргу-

ментаціи въ пользу сходства между обществомъ и организмомъ), чѣмъ ея продолженіемъ"; однако и тутъ онъ не даетъ высказанной мысли того развитія, на которое она имѣетъ право. Благодаря дискретности общества, каждый членъ послѣдняго остается вполнѣ самостоятельнымъ существомъ, способнымъ самъ за себя наслаждаться и страдать, и предъявлять отъ себя обществу извѣстныя требованія. Стоитъ только хорошенько подумать надъ этимъ для того, чтобы отказаться отъ понимапія общества исключительно на почвѣ біологической аналогіи и обратиться за объясненіемъ общественныхъ явленій къ психическимъ факторамъ человѣческой жизни. Говоря о притязаніяхъ индивидуума, Спенсеръ, въ сущности, выражается въ гораздо большемъ соотвѣтствіи съ своимъ политическимъ индивидуализмомъ, чѣмъ съ своимъ органическимъ пониманіемъ общества. Съ другой стороны, отождествляя общество съ организмомъ, онъ строитъ свою соціологію непосредственно на біологической основѣ, хотя самъ же не только теоретически помѣщаетъ между біологіей и соціологіей психологію, но и практически вводитъ въ соціологію изученіе чисто психологическихъ явленій.

Дѣйствительное содержаніе соціологіи Спенсера. Тѣ главы, въ которыхъ Спенсеръ проводитъ аналогію между обществомъ и организмомъ, составляютъ не самое начало его соціологическаго трактата. Вся первая часть его „Основаній соціологіи" представляетъ изъ себя главнымъ образомъ изслѣдованіе первобытнаго человѣка, притомъ преимущественно въ его идеяхъ, въ его міросозерцаніи. Все это относится болѣе къ духовной, чѣмъ къ общественной жизни народовъ, составляетъ предметъ изслѣдованія чувствъ и вѣрованій первобытнаго человѣка, коимъ Спенсеръ приписываетъ соціологическое значеніе величайшей важности. Психическимъ моментамъ страха предъ живыми и передъ мертвыми (вѣра въ переживаніе души) Спенсеръ придаетъ значеніе факторовъ, опредѣляющихъ собою общественную жизнь, а разъ рѣчь идетъ здѣсь не только о чувствахъ, но и о вѣрованіяхъ, то въ объясненіи общественныхъ явленій признаётся роль не одного эмоціональнаго, но и интеллектуальнаго элемента. Почти вся первая часть „Основаній соціологіи" посвящена изображенію первобытной умственной культуры человѣчества; извѣстно даже, что на этой почвѣ Спенсеръ столкнулся съ Тэйлоромъ, которому такъ много обязана наука разъясненіемъ вопроса о первобытномъ міросозерцаніи. Все это не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ вопросу о томъ, есть ли общество организмъ или же нѣчто отличное отъ организма. Въ этой части

своего труда Спенсеръ пользуется исключительно данными и выводами сравнительнаго изученія культурнаго (этнографическаго и историческаго) матеріала. Эти же данныя и выводы доминируютъ и въ остальныхъ (начиная съ третьей) частяхъ „Основаній соціологіи", гдѣ рѣчь идетъ объ учрежденіяхъ домашнихъ, обрядовыхъ, политическихъ, церковныхъ, профессіональныхъ и промышленныхъ. Если гдѣ органическая аналогія и получаетъ настоящее примѣненіе, такъ это въ той части, въ которой Спенсеръ разсматриваетъ политическія учрежденія, т.-е. государство, которое, собственно говоря, и является у Спенсера настоящимъ соціальнымъ организмомъ. Впрочемъ, и тутъ многое не нуждается въ органическихъ объясненіяхъ и не даетъ повода къ біологическимъ аналогіямъ. [Отмѣтимъ, напримѣръ, установленіе воинственнаго и промышленнаго типовъ общества съ превращеніемъ одного въ другой, какъ у С.-Симона и Конта]. Въ этихъ частяхъ своего трактата Спенсеръ даетъ не мало матеріала, который для того, чтобы быть понятымъ, не только не нуждается въ отождествленіи общества съ организмомъ, но даже требуетъ признанія за обществомъ природы, отличной отъ природы организма. Можно даже сказать, что въ „Основаніяхъ соціологіи" Спенсера иногда чисто внѣшнимъ образомъ соединяются взгляды, подсказанные органической аналогіей, съ результатами сравнительнаго изученія этнографическихъ и историческихъ данныхъ, поставленнаго на эволюціонную точку зрѣнія, такъ что вся соціологія Спенсера въ дѣйствительномъ своемъ содержаніи характеризуется не столько органической аналогіей, сколько примѣненіемъ къ изученію общественныхъ явленій сравнительнаго метода для достиженія общихъ соціологическихъ истинъ.

Идея саморазвитія общества у Спенсера. Понятіе эволюціи гораздо шире понятія органическаго развитія. Можно быть эволюціонистомъ въ соціологіи, не признавая, что общественное развитіе должно быть всецѣло формулировано въ терминахъ органическаго развитія. Мы не разсматриваемъ здѣсь того общаго взгляда на эволюцію, который проникаетъ собою всѣ части синтетической философіи Спенсера, и отмѣчаемъ только одну сторону въ приложеніи этого взгляда къ соціологіи. „Общественный организмъ" Спенсера развивается, такъ сказать, самъ собою, какъ развивается всякій растительный или животный организмъ, какъ развивается языкъ или развивается право по ученію исторической школы въ юриспруденціи. Это — évolution spontanée Конта, т.-е. идея о томъ, что въ развитіи

общества все совершается, такъ сказать, непреднамѣренно, безъ усилій со стороны членовъ общества, безъ борьбы между ними, отъ исхода которой зависятъ побѣды и пораженія разныхъ общественныхъ возможностей. Допустимъ даже, что общественная эволюція вполнѣ подобна эволюціи органической и что сознательныя стремленія и преднамѣренныя усилія членовъ общества отнюдь не вліяютъ на закономѣрный ходъ этой эволюціи. Но если бы даже это было и вполнѣ справедливо, отсюда отнюдь не вытекало бы еще необходимости отождествлять общество съ организмомъ. Нѣкоторые послѣдователи экономическаго матеріализма даже ставятъ въ особую себѣ заслугу, что исповѣдуемая ими доктрина стоитъ на точкѣ зрѣнія саморазвитія общества (évolution spontanée) и отрицаетъ всякую „роль личности". Но такое пониманіе соціальной эволюціи соединяется у экономическихъ матеріалистовъ съ общей концепціей общества, которая далека отъ органическаго взгляда. Съ другой стороны, дарвинизмъ также представляетъ эволюцію, какъ саморазвитіе видовъ: перенесеніе этого взгляда на общество, приводя къ чисто механическимъ объясненіямъ соціальныхъ перемѣнъ, и тутъ не требуетъ отождествленія общества съ организмомъ. Но это еще вопросъ, дѣйствительно ли общественная эволюція можетъ быть объяснена безъ всякаго участія элементовъ сознанія, преднамѣренности и цѣлесообразной дѣятельности. Если въ современной біологіи мы наблюдаемъ возрожденіе ученій, не удовлетворяющихся чисто механическимъ объясненіемъ онтогенетическаго и филогенетическаго развитія (т.-е. развитія отдѣльныхъ организмовъ и развитія цѣлыхъ видовъ), то разныя „жизненныя силы" и телеологическія начала, къ которымъ при этомъ прибѣгаютъ, суть въ концѣ концовъ однѣ гипотезы, тогда какъ психическіе факторы общественнаго развитія, т.-е. мысли, чувства и акты воли членовъ общества являются, наоборотъ, уже настоящими реальностями. И если даже чисто механическое объясненіе біологической эволюціи совершенно вѣрно, отсюда отнюдь не слѣдуетъ, чтобы мы должны были закрывать глаза на существованіе въ соціальной эволюціи такихъ реальныхъ явленій, каковы сознательность, преднамѣренность, цѣлесообразность въ человѣческой жизни. Однимъ словомъ, есть основаніе не отождествлять соціальной эволюціи съ органическою, а если бы даже такое отождествленіе было вполнѣ законно, оно не давало бы намъ никакого права на то, чтобы отождествлять строеніе и отправленія общества съ строеніемъ и отправленіями организма. Самъ Спен-

серъ указалъ, въ чемъ заключается существенная разница между обществомъ и организмомъ, и его мысли объ этомъ предметѣ могутъ сдѣлаться исходнымъ пунктомъ для критики всякихъ органическихъ аналогій.

Ученіе Спенсера объ интеграціи и дифференціаціи. Извѣстно, въ чемъ, по теоріи Спенсера, заключается общій законъ эволюціи, который прилагается имъ къ разсмотрѣнію всѣхъ категорій явленій, начиная съ солнечной системы и кончая человѣческимъ обществомъ. Говоря коротко, эволюція, по его теоріи, состоитъ въ интеграціи, сопровождаемой дифференціаціей. Интеграція есть не что иное, какъ сплоченіе въ одно цѣлое того, что существовало ранѣе въ разсѣянномъ состояніи, причемъ происходитъ постепенное увеличеніе различія между первоначально однородными частями, составляющее именно процессъ дифференціаціи. Мы не станемъ воспроизводить здѣсь аргументацію Спенсера въ пользу такого пониманія эволюціи и распространенія этой формулы на весь міръ явленій. И для того, и для другого у Спенсера мы находимъ весьма важныя основанія. Общественное развитіе одною своею стороной, дѣйствительно, вполнѣ подходитъ подъ такое опредѣленіе эволюціи. Во-первыхъ, мы наблюдаемъ здѣсь процессъ интеграціи, т.-е. сплоченія болѣе мелкихъ общественныхъ группъ въ болѣе крупныя, а во-вторыхъ, однородность этихъ группъ все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто тому разнообразію отдѣльныхъ соціальныхъ элементовъ, изъ коихъ складывается всякое развитое общество. Чѣмъ болѣе скрѣпляется связь между частями соціальнаго цѣлаго, тѣмъ разнороднѣе дѣлаются части этого цѣлаго. Если мы, напримѣръ, сравнимъ такъ называемую сифонофору съ какимъ-либо индивидуальнымъ организмомъ, то увидимъ, что первая состоитъ изъ сросшихся медузъ, но такъ, что каждая изъ нихъ можетъ и вести самостоятельное существованіе, и исполнять такія же функціи, какъ и всякая другая медуза. Другое дѣло — развитой организмъ: сердце или печень, глазъ или ухо не могутъ имѣть существованія, независимаго отъ всего тѣла, а въ составѣ этого тѣла сердце не можетъ исполнять функцію печени, печень—функцію сердца, какъ не можетъ глазъ слышать, а ухо — видѣть. Высота органическаго развитія измѣряется степенью интеграціи цѣлаго и дифференціаціи частей: чѣмъ совершеннѣе организмъ, тѣмъ болѣе его части поглощены цѣлымъ и тѣмъ большее различіе существуетъ между частями. Если бы мы эту формулу приложили къ „соціальному организму", то должны были бы признать за самое совершенное—такое общество, въ которомъ каждая отдѣльная личность была бы, во-пер-

выхъ, совершенно поглощена цѣлымъ, а во-вторыхъ, способна исполнять только одну функцію. Что для соціальной эволюціи возможно пойти по такому пути, это доказывается весьма многими фактами: поглощеніе государствомъ личности гражданина въ античномъ мірѣ и существованіе кастъ въ древней Индіи являются наиболѣе извѣстными примѣрами подобнаго рода эволюціи. Но противъ такой органической тенденціи общественнаго цѣлаго въ немъ дѣйствуютъ и другія силы. Общественная интеграція находитъ свой естественный предѣлъ въ невозможности для отдѣльной личности вполнѣ утратить свою индивидуальную самостоятельность, дабы превратиться въ простую клѣточку общественнаго организма. Самъ Спенсеръ указываетъ на дискретность общества—въ отличіе отъ конкретности индивидуальнаго организма, ссылаясь при этомъ и на невозможность такой дифференціаціи между отдѣльными членами общества, какая встрѣчается между отдѣльными частями индивидуальнаго организма. Съ другой стороны, опять-таки самъ же Спенсеръ не соглашается приравнивать человѣческую личность къ служебной клѣточкѣ организма, заявляя, что въ данномъ случаѣ не части существуютъ для своего цѣлаго, а цѣлое — для своихъ частей. Соціальная эволюція можетъ совершаться по формулѣ эволюціи органической лишь подъ условіемъ незначительности личнаго развитія. Именно въ томъ и состоитъ это личное развитіе, что индивидуумъ борется за свое я, отстаивая свое право на самостоятельность и на полноту жизни. Съ человѣческой точки зрѣнія не то общество болѣе совершенно, которое болѣе уподобляется организму, а то, которое вѣрнѣе обезпечиваетъ за личностью наибольшую свободу и наибольшее разнообразіе жизни, какія только совмѣстимы съ существованіемъ человѣка въ организованномъ сообществѣ съ себѣ подобными. Если бы даже развитіе всякой соціальной организаціи и совершалось въ смыслѣ интегрированія и дифференцированія, во всякомъ случаѣ это было бы только одною стороною общественнаго развитія, взятаго въ его цѣломъ. Кромѣ организаціи, уподобляющей общество организму, въ немъ существуютъ вѣдь и организуемые элементы, съ которыми эволюція не можетъ совершить того же, что̀ дѣлается ею въ мірѣ неорганическомъ и органическомъ. Замѣтимъ, что тамъ, гдѣ Спенсеръ формулируетъ свой законъ эволюціи, онъ говоритъ постоянно о веществѣ, тогда какъ человѣческое общество не можетъ быть называемо вещественнымъ предметомъ, такъ какъ не есть же оно только простая совокупность человѣческихъ тѣлъ со всѣми тѣми матеріальными предметами, которые

служатъ для жилья, одежды, питанія и другихъ потребностей этихъ тѣлъ.

Отклоненія самого Спенсера отъ принятой имъ формулы. Законъ интеграціи и дифференціаціи имѣетъ непосредственное отношеніе къ обществу, какъ аггрегату, но соціологія не можетъ не обращать вниманія на то, какое значеніе тѣ или другія общественныя формы имѣютъ для отдѣльныхъ членовъ общества. Спенсеръ самъ говоритъ о разныхъ степеняхъ соціальной эволюціи и о разныхъ типахъ общественнаго устройства, но вѣдь и то и другое можетъ имѣть весьма различное значеніе въ жизни человѣческаго индивидуума. Въ своемъ сочиненіи „О справедливости“ онъ даже проводитъ ту мысль, что государство не всегда обладаетъ одною и тою же природою, а это значитъ, что *принципы* политическихъ системъ могутъ быть различны. Спенсеръ сопоставляетъ, какъ противоположности, „системы неизмѣнныхъ и іерархическихъ отношеній и системы договоровъ“. И каковы бы ни были цѣли отдѣльныхъ обществъ, въ сущности, всякое общество имѣетъ одну цѣль—благоденствіе его членовъ. Становясь на такую точку зрѣнія, мы должны внести уже нѣкоторый другой принципъ въ пониманіе соціальной эволюціи. Извѣстно, что Спенсеръ различаетъ военный и промышленный типы общества, отдавая предпочтеніе послѣднему, такъ какъ онъ болѣе соотвѣтствуетъ цѣли общежитія (хотя, прибавляетъ Спенсеръ, промышленный типъ пока не достигъ еще полнаго развитія). Переходъ отъ военнаго типа къ промышленному между тѣмъ не имѣетъ ничего общаго съ процессомъ эволюціи, взятомъ въ смыслѣ интеграціи и дифференціаціи. Мало того: въ своихъ „Основаніяхъ науки о нравственности“ Спенсеръ прямо говоритъ объ эволюціи поведенія въ терминахъ, также не имѣющихъ ничего общаго съ интеграціей и дифференціацией общественнаго аггрегата. Самое главное здѣсь, это—все болѣе и болѣе совершенное приспособленіе дѣйствій къ цѣлямъ. Такая формула эволюціи опять-таки имѣетъ особое значеніе. Наконецъ, и вообще Спенсеръ признаётъ, что каждая эволюція имѣетъ предѣлъ и что эволюція каждаго аггрегата заключается въ установленіи въ немъ внутренняго равновѣсія, а послѣднее, конечно, мыслимо по отношенію къ обществу лишь въ томъ случаѣ, если его устройство будетъ вполнѣ соотвѣтствовать тѣмъ цѣлямъ, какія человѣкъ ставитъ общественной жизни: изобразить общество, въ устройствѣ котораго эволюція достигла своего предѣла, значитъ построить общественный идеалъ. У Спенсера есть свой идеалъ такого рода, и какъ бы мы къ нему ни относились, это совер-

шенное общество Спенсера можетъ разсматриваться скорѣе, какъ противоположность совершенному организму, именно по тому положенію, которое Спенсеръ отводитъ въ немъ человѣческой личности. Мы уже говорили выше, что Спенсеръ является въ своей политической теоріи представителемъ принципа индивидуализма, а послѣдовательное проведеніе органической аналогіи, собственно говоря, отнимаетъ у индивидуализма всякія теоретическія основанія.

Критика органической школы Михайловскимъ. Органическая теорія общества и въ частности теорія Спенсера была предметомъ немалаго количества возраженій. Одни возраженія были направлены противъ уподобленія общества организму, другія—противъ уподобленія соціальной эволюціи органическому развитію. Критики какъ всего этого направленія, такъ и въ частности взглядовъ Спенсера весьма часто, однако, должны были признавать, что нѣкоторыя стороны общественнаго бытія могутъ подлежать истолкованію въ смыслѣ органической аналогіи, и что съ послѣднею необходимо считаться даже такимъ взглядамъ на природу общества, которые могутъ быть названы діаметрально противоположными исходной точкѣ зрѣнія всей органической школы.

Среди соціологовъ, критически разсматривавшихъ отождествленіе Спенсеромъ общества и организма, весьма видное мѣсто занимаетъ Н. К. Михайловскій. Его работы, прямо касающіяся вопроса объ обществѣ и организмѣ, относятся къ самому концу шестидесятыхъ годовъ и къ первой половинѣ слѣдующаго десятилѣтія. Мы имѣемъ въ виду именно слѣдующіе его труды: „Что такое прогрессъ?“, „Органъ, недѣлимое, общество“, „Что такое счастье?“ и „Борьба за индивидуальность“. Въ другихъ своихъ статьяхъ Михайловскій касался также дарвинизма въ соціологіи, равно какъ экономическаго матеріализма, и работалъ, наконецъ, въ области коллективной психологіи. Къ сожалѣнію, онъ не далъ систематическаго изложенія своихъ соціологическихъ взглядовъ, которые могли бы занять весьма важное мѣсто не въ одной только русской соціологической литературѣ. Михайловскій, какъ соціологъ, примыкаетъ къ Конту, принимая его классификацію наукъ и раздѣляя (съ извѣстными поправками) его ученіе о трехъ ступеняхъ развитія міросозерцанія. Онъ признаётъ компетентность біологическихъ законовъ въ соціологіи, но обнаруживаетъ въ соціальныхъ явленіяхъ и такія стороны, которыя не поддаются біологическому истолкованію. Но главное, это—то, что онъ убѣжденный защитникъ

субъективизма въ соціологіи. Его точка зрѣнія есть точка зрѣнія человѣка мыслящаго и чувствующаго, т.-е. цѣльной человѣческой личности, находящейся въ обладаніи всѣми свойствами человѣческаго существа. Въ названныхъ трудахъ онъ весьма внимательно разбираетъ вопросъ объ отношеніи индивидуальности къ разнымъ формамъ общественнаго бытія. Съ этой точки зрѣнія онъ разсматриваетъ и органическую теорію общества, выдвигая на первый планъ какъ-разъ ту сторону дѣла, которую Спенсеръ, повидимому, намѣренно оставляетъ въ тѣни: это и есть именно то, что не позволяетъ отождествлять общество съ организмомъ. Отсюда получается у Михайловскаго и своя формула прогресса общественности: не въ интеграціи общества, сопровождаемой дифференціаціей его членовъ, видитъ онъ этотъ прогрессъ, а въ постепенномъ увеличеніи цѣлостности индивидуумовъ, причемъ раздѣленіе труда (дифференціація) должно быть возможно бо̀льшимъ между органами индивидуума и возможно меньшимъ между самими индивидуумами. Въ своей критикѣ органической теоріи Михайловскій отстаиваетъ права какъ-разъ той самой индивидуальности, которую Спенсеръ игнорируетъ въ принятомъ имъ теоретическомъ отождествленіи общества съ организмомъ, хотя и дѣлаетъ ее главнымъ принципомъ своей политической доктрины, отличающейся чисто индивидуалистическимъ характеромъ. Основная причина, не позволяющая Михайловскому приравнивать человѣческую личность къ клѣточкѣ общественнаго организма, заключается въ признаніи за индивидуальностью человѣка значенія самостоятельнаго *я*, какъ существа, способнаго мыслить, чувствовать и стремиться. И въ этомъ отношеніи совершенно такъ же, какъ въ своей критикѣ дарвинизма въ соціологіи или экономическаго матеріализма, Михайловскій становится на психологическую точку зрѣнія. Послѣднее особенно замѣтно въ его работахъ по коллективной психологіи.

Критика идеи общественнаго „саморазвитія“ у Лестера Уорда. Когда рѣчь идетъ о примѣненіи органическаго взгляда къ общественнымъ явленіямъ, то подъ этимъ разумѣется не только уподобленіе общества организму, но и извѣстное пониманіе того, *какъ* совершается общественное развитіе. Выше было уже упомянуто, что съ начала XIX в. все болѣе и болѣе стала получать силу мысль о чисто естественномъ возникновеніи и развитіи культурныхъ и соціальныхъ формъ. Въ иныхъ случаяхъ такое представленіе доводилось до отрицанія всякаго значенія за преднамѣренными дѣйствіями людей и за усиліями съ ихъ стороны, направленными къ достиженію заранѣе поста-

вленныхъ цѣлей. Соціальная эволюція у Спенсера есть по существу дѣла эволюція безличная: это есть саморазвитіе общества, въ которомъ сознательной и цѣлесообразной дѣятельности людей какъ бы совершенно нѣтъ мѣста. И съ этой точки зрѣнія соціологическіе взгляды Спенсера, понимающаго соціальную эволюцію по аналогіи съ органической, были подвергнуты критикѣ въ сочиненіи американскаго соціолога Лестера Уорда, автора большого труда, носящаго слѣдующее заглавіе: „Динамическая соціологія, или прикладная соціальная наука, основанная на статической соціологіи и на менѣе сложныхъ наукахъ“ (1883). Лестеръ Уордъ признаетъ, что Контъ былъ „несомнѣнный творецъ современной и едва только складывающейся науки соціологіи“. Излагая ученіе Конта, онъ то и дѣло отмѣчаетъ вѣрность и важность его идей, хотя въ то же время вовсе не старается ослабить неблагопріятное впечатлѣніе, какое производятъ разныя ошибки и заблужденія Конта. Основная точка зрѣнія Уорда заключается въ томъ, что въ человѣческомъ обществѣ рядомъ съ такимъ же „генетическимъ“ процессомъ, какой наблюдается въ природѣ, дѣйствуетъ другой процессъ, который онъ называетъ „телеологическимъ“ или „антропо-телеологическимъ“. Онъ вводитъ этотъ послѣдній терминъ для того, чтобы дать понять, въ какомъ смыслѣ онъ разумѣетъ дѣйствіе цѣлесообразности въ процессѣ общественныхъ измѣненій: это — цѣлесообразность чисто человѣческаго происхожденія, т.-е. это — тѣ цѣли, которыя ставятъ своей дѣятельности сами люди. Спенсера Уордъ критикуетъ именно за то, что его эволюція является процессомъ чисто генетическимъ, какъ будто въ исторіи общества все дѣлается одною природою и ничего не производится человѣческимъ искусствомъ. Уордъ настаиваетъ на томъ, что многое въ соціальной жизни имѣетъ даже прямо искусственное происхожденіе и что практическая цѣнность науки для человѣка заключается въ ея наставленіяхъ относительно искусственнаго воздѣйствія на окружающую насъ дѣйствительность. Онъ не одобряетъ того упорства, съ которымъ Спенсеръ держится своей аналогіи между обществомъ и организмомъ, постоянно уклоняясь отъ мысли о человѣческомъ вмѣшательствѣ въ естественный ходъ вещей. Не безъ основанія, однако, американскій соціологъ замѣчаетъ, что для изгнанія этой идеи изъ своей теоріи Спенсеру приходится прибѣгать къ діалектическимъ уловкамъ. Признавая точку зрѣнія Спенсера ложною, онъ находитъ необходимымъ и вообще бороться съ воззрѣніями мыслителей, которые, основательно изучивъ процессы, совершающіеся въ природѣ, воображаютъ, будто ими най-

денъ ключъ къ пониманію способа человѣческой работы, ибо такіе мыслители совершенно не обращаютъ вниманія на то, что и составляетъ какъ-разъ отличительную черту духовнаго труда. Идею разсматриваемой школы Уордъ называетъ не только теоретически ложною, но и практически вредною. По его мнѣнію, общественный прогрессъ—полная противоположность естественнымъ процессамъ. Будемъ ли мы бездѣйствовать, исходя изъ вѣры въ сверхъестественныхъ дѣятелей, которые за насъ все сдѣлаютъ, или исходя изъ идеи, будто въ обществѣ, какъ и въ природѣ, все дѣлается само собою, мы одинаково будемъ противорѣчить истинному пониманію науки. Вѣдь наука говоритъ намъ лишь о томъ, что всѣ явленія находятся въ зависимости отъ предыдущихъ явленій, а это общее положеніе само становится основаніемъ для цѣлесообразнаго воздѣйствія со стороны человѣка на природу и для умѣнія пользоваться ея силами на благо человѣка. Совершенно основательно замѣчаетъ еще Уордъ, что взглядъ Спенсера вовсе не зависитъ отъ его неспособности понять противоположную идею, что эта идея даже безпрестанно вторгается въ цѣпь его разсужденій, и что только путемъ разныхъ хитростей устраняетъ онъ эту идею изъ своей теоріи. Какъ сторонникъ телеологіи, предполагающей въ свою очередь творческую роль человѣческаго ума, Уордъ признаётъ важное значеніе психическихъ факторовъ въ общественной жизни. Этимъ факторамъ, какъ мы увидимъ, онъ посвятилъ и отдѣльное сочиненіе.

Ученіе Фуллье о договорномъ организмѣ. На органическую школу позитивной соціологіи мы имѣемъ право смотрѣть, какъ на дальнѣйшее развитіе того органическаго отношенія къ государству, которое замѣнило собою при переходѣ отъ XVIII в. къ XIX в. знаменитую теорію общественнаго договора. У этой послѣдней теоріи въ настоящее время нѣтъ и быть не можетъ защитниковъ: никто болѣе не допускаетъ искусственнаго происхожденія государства, какъ никто не признаётъ, чтобы, напримѣръ, языкъ былъ изобрѣтенъ совершенно сознательно и преднамѣренно. Но ошибка Руссо заключалась именно въ объясненіи *происхожденія* государства путемъ общественнаго договора, тогда какъ у него рѣчь должна была бы итти лишь о постановкѣ идеальной *цѣли* для государства, которая могла бы быть только результатомъ подобнаго договора. Разъ мы признаемъ значеніе за индивидуумами, входящими въ составъ общества, но сохраняющими свою самостоятельность, и разъ мы признаемъ значеніе за цѣлями, какія люди ставятъ обществу, и за усиліями,

которыя они употребляютъ для достиженія этихъ цѣлей, мы не можемъ отказаться отъ взгляда, по которому совершеннѣйшее общество, какъ произведеніе политическаго искусства, могло бы быть результатомъ одного сознательнаго и свободнаго соглашенія между отдѣльными личностями, т.-е. результатомъ общественнаго договора. Органическая теорія совершенно устраняетъ всякую мысль о сознательности, преднамѣренности, телеологическомъ происхожденіи и искусственности соціальныхъ формъ. Показать односторонность органическаго воззрѣнія и вмѣстѣ съ этимъ выяснить, какая доля истины заключается въ теоріи общественнаго договора,—эту задачу взялъ на себя французскій философъ Фулье въ своей книгѣ „Современная наука объ обществѣ". Въ этомъ сочиненіи онъ устанавливаетъ понятіе „договорнаго организма", въ которомъ, по его теоріи, должны примириться противоположныя доктрины „общественнаго договора" и „общественнаго организма". Фулье также настаиваетъ на психическомъ элементѣ общественной жизни. Въ своемъ большомъ трудѣ „Психологія идей-силъ" онъ развиваетъ ту мысль, что каждая идея есть уже начало дѣйствія и что потому интеллектуальному фактору принадлежитъ въ жизни активная роль. И въ новѣйшемъ своемъ трудѣ „Позитивистическое движеніе и соціологическое воззрѣніе на міръ" Фулье говоритъ, что съ возникновеніемъ соціологіи начинается новая эра въ самой философіи, что основаніемъ соціологіи, какъ науки, мы обязаны Конту и что этого одного достаточно для безсмертія имени Конта въ потомствѣ. Такимъ образомъ Фулье, не будучи самъ позитивистомъ, въ соціологіи тоже примыкаетъ къ научному движенію, возбужденному Контомъ. Въ только-что названномъ сочиненіи Фулье перечисляетъ тѣ воззрѣнія Конта, которыя онъ считаетъ особенно важными, и между ними особое значеніе придаетъ тому, что Контъ положилъ начало самостоятельности соціологіи по отношенію къ біологіи. Замѣтимъ кстати, что тотъ идеализмъ, который онъ желаетъ удержать въ философіи, въ одномъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи (именно въ отношеніи къ общественнымъ вопросамъ) напоминаетъ намъ то, что другими соціологами (особенно русскими) называется субъективизмомъ.

Подобно тому какъ Эспинасъ въ своей „Общественной жизни животныхъ" для доказательства вѣрности органическаго взгляда на общество ссылается на древность этой традиціи, Фулье приводитъ, наоборотъ, идеалистическую традицію и защищаетъ теорію общественнаго договора,—не въ смыслѣ исторической реальности, конечно, а въ смыслѣ идеала общежитія Онъ совершенно спра-

ведливо замѣчаетъ, что на вопросъ, есть ли общество организмъ или нѣтъ, даются положительные или отрицательные отвѣты, смотря по тому, съ какой стороны подходятъ къ предмету. Въ то же время Фуллье принимаетъ и органическую теорію. „Общество, говоритъ онъ, не есть простое номинальное собраніе индивидуумовъ. Напротивъ, оно есть организмъ, а договоръ своею цѣлью именно и ставитъ сдѣлать этотъ организмъ болѣе совершеннымъ и болѣе прочнымъ". По мнѣнію, выраженному Фуллье въ другомъ мѣстѣ, самою характерною чертою „общественнаго тѣла" нужно считать то, что „главнымъ двигателемъ въ немъ является идея, которая осуществляется въ силу уже одного того, что сознается". Фуллье называетъ человѣческое общество договорнымъ организмомъ, прибавляя, что это организмъ, „который себя реализируетъ, сознавая и желая самого себя".

Совпаденіе критическихъ замѣчаній съ мыслями самого Спенсера. Если мы обратимся теперь опять къ Спенсеру и спросимъ себя, какъ отнесся бы онъ къ тремъ разсмотрѣннымъ критикамъ органической теоріи, то едва ли ошибемся, когда скажемъ, что нѣкоторые изъ указанныхъ взглядовъ могли бы и даже должны были найти у него прямое сочувствіе. Спенсера многіе упрекаютъ въ чрезмѣрности индивидуализма, и потому точка зрѣнія Михайловскаго, благопріятная индивидуализму, должна была бы быть вполнѣ понятна Спенсеру, особенно въ виду того, что самъ же онъ говоритъ о притязаніяхъ личности, когда отмѣчаетъ разницу между обществомъ и организмомъ. Для точки зрѣнія Уорда въ философіи Спенсера точно также можно было бы найти теоретическое оправданіе. Въ „Развитіи политическихъ учрежденій" Спенсеръ говоритъ, напримѣръ, что кооперація бываютъ двоякаго рода: однѣ — „безсознательныя (spontaneous), развивающіяся безъ участія мысли во время преслѣдованія частныхъ цѣлей"; другія — „придуманныя сознательно, предполагающія ясное признаніе общественныхъ цѣлей". Правда, Спенсеръ думаетъ, что кооперація первой категоріи создаются для удовлетворенія личныхъ нуждъ, а кооперація второй категоріи имѣютъ непосредственно въ виду задачи, предполагающія цѣлое общество, но это уже другой вопросъ, насколько правильно только-что указанное различеніе между индивидуальными и соціальными цѣлями въ примѣненіи къ вопросу объ естественномъ и искусственномъ возникновеніи коопераціи [1]). Важно то, что, значитъ, и Спенсеръ допускаетъ существованіе про-

[1]) Мы думаемъ, что предполагаемаго совпаденія нѣтъ, и что въ кооперація хъ обоего рода бываетъ и то, и другое.

цесса, который Уордъ называетъ антропо-телеологическимъ. Наконецъ, и по вопросу объ общественномъ организмѣ Спенсеръ довольно недвусмысленно высказывается въ своемъ этическомъ трактатѣ. Говоря о нравственности „съ соціологической точки зрѣнія“, онъ замѣчаетъ, что, „кооперація можетъ продолжать свое существованіе только подъ условіемъ выполненія безмолвныхъ договоровъ“. „Съ установленіемъ въ обществѣ раздѣленія труда, говоритъ еще Спенсеръ, кооперація можетъ выполняться гармонически только при существованіи добровольнаго соглашенія или договора, и притомъ явно выраженнаго и опредѣленнаго, а не безмолвнаго и неопредѣленнаго, какъ прежде“ (т.-е. при коопераціяхъ безъ раздѣленія труда [1]).

Новѣйшіе представители органическаго воззрѣнія въ соціологіи. Въ духѣ органической школы до сихъ поръ продолжаютъ появляться цѣлые соціологическіе трактаты. Такова, напр., „біо-соціологическая“ теорія Изуле, изложенная въ большомъ томѣ, носящемъ названіе: „La cité moderne“ съ подзаголовкомъ: „Метафизика соціологіи“ (второе изданіе 1895 г.). Другимъ трудомъ, о которомъ здѣсь слѣдуетъ упомянуть, является небольшая книжка Ніоже „Общественная жизнь, нравственность и прогрессъ“ (1894), въ коей проводится та мысль, что общество можно сравнивать лишь съ низшими организмами, ибо между его членами еще не существуетъ полной солидарности, и что соціальный прогрессъ заключается въ совершенствованіи этой низшей органической формы. Но особенно характерна книга Ренэ Вормса „Общественный организмъ“ (1896), вся написанная съ точки зрѣнія аналогіи между обществомъ и организмомъ. Наконецъ, изъ тѣхъ же, въ сущности, идей исходитъ и Дюркгеймъ, авторъ книги „О раздѣленіи общественнаго труда“ (1893).

---

[1]) Прибавимъ, что въ самое послѣднее время Спенсеръ по поводу сочиненій Ward'a и Giddins'a заявилъ, что онъ самъ всегда понималъ значеніе психологіи для соціологіи, но что прежде ему было не вполнѣ ясно, въ чемъ заключается различіе въ значеніи, какое для соціологіи имѣютъ біологія и психологія. Теперь онъ пришелъ къ тому выводу, что біологія важна для изслѣдованія матеріала, изъ коего складывается общество (аггрегатъ живыхъ единицъ), а психологія — для изслѣдованія строенія общества (взаимныхъ отношеній между этими единицами). Этимъ Спенсеръ призналъ зависимость устройства общества отъ психической дѣятельности человѣка.

ГЛАВА V.

Внесеніе принциповъ дарвинизма въ соціологію.

Дарвинизмъ и соціологія. Въ 1859 г. вышло въ свѣтъ сочиненіе Чарльза Дарвина „Происхожденіе видовъ путемъ естественнаго подбора", совершившее цѣлый переворотъ въ біологіи и оказавшее громадное вліяніе на современное міросозерцаніе вообще и въ частности на отдѣльныя отрасли знанія. Въ числѣ наукъ, испытавшихъ на себѣ это вліяніе, была и соціологія. Не всѣ стороны ученія Дарвина имѣютъ одинаковое значеніе для соціологіи, и не всякое примѣненіе принциповъ дарвинизма къ изученію общественныхъ явленій давало плодотворные результаты.

Основу ученія Дарвина составляетъ идея трансформизма, которая высказывалась уже ранѣе появленія въ свѣтъ „Происхожденія видовъ". Это — ученіе объ измѣняемости видовъ животнаго и растительнаго царства. По отношенію къ соціологіи трансформизмъ получаетъ значеніе лишь въ своемъ примѣненіи къ вопросу о происхожденіи человѣка и о развитіи его психическихъ способностей и общественныхъ инстинктовъ, равно какъ вообще къ вопросу о возникновеніи общественности въ животномъ мірѣ: здѣсь соціологіи остается только пользоваться данными и выводами біологіи вообще и въ частности антропологіи, какъ біологіи человѣческаго рода. Вторая особенность ученія Дарвина заключается въ томъ, что процессъ видоизмѣненія органическихъ формъ разсматривается въ немъ, какъ процессъ чисто механическій, причемъ изъ объясненія этого процесса совершенно изгоняется всякая телеологія. Правда, за послѣднее время среди біологовъ стали раздаваться голоса въ пользу телеологическихъ объясненій, за которыми скрывается своего рода возрожденіе стараго витализма, но этотъ споръ не имѣетъ прямого отношенія къ соціологіи. Если даже признать совершенную механичность процесса біологической эволюціи, это никоимъ образомъ не будетъ свидѣтельствовать въ пользу механическаго взгляда на общественное развитіе: существованіе психическаго фактора въ біологической эволюціи является только предположеніемъ, безъ котораго Дарвинъ считалъ возможнымъ обходиться, тогда какъ психическіе факторы общественной жизни суть совершенно реальныя величины. Въ-третьихъ, Дарвинъ свелъ всѣ явленія животнаго и растительнаго трансформизма

къ немногимъ принципамъ: въ органическомъ мірѣ господствуетъ борьба за существованіе, побѣдителями въ которой оказываются наиболѣе приспособленные къ даннымъ условіямъ, ибо они переживаютъ менѣе приспособленныхъ и оставляютъ болѣе многочисленное потомство; при этомъ всякое индивидуальное уклоненіе отъ типа, выгодное для вида въ борьбѣ за существованіе, закрѣпляется за потомствомъ путемъ органической наслѣдственности (естественный подборъ). Когда это ученіе впервые было обнародовано, весьма скоро послѣдовали попытки объясненія общественной эволюціи одними принципами борьбы за существованіе и естественнаго подбора. Съ этой точки зрѣнія общественная жизнь была понята, какъ жизнь видовая; основная ошибка такого пониманія заключается въ томъ, что общество, т.-е. извѣстное организованное цѣлое приравнивалось къ виду, имѣющему чисто собирательное существованіе. Въ послѣднее время въ ученіе Дарвина желаютъ внести дополненіе, сводя явленія біологической эволюціи не къ одной борьбѣ за собственное существованіе, но и къ борьбѣ за жизнь другихъ (именно потомства). Таковъ, напр., смыслъ книги Друммонда „Прогрессъ и эволюція человѣка“.

Біологическіе законы въ соціальной жизни. Но допуская даже, что біологическая теорія Дарвина, чтобы быть вполнѣ вѣрною, совсѣмъ не нуждается въ подобной поправкѣ, мы не можемъ признать, что одними указанными принципами коллективной біологіи можно было бы объяснить всѣ общественныя явленія. Въ обществѣ совершаются процессы біологическіе, психологическіе и соціологическіе, и чисто біологическія явленія общественной жизни, конечно, подчиняются законамъ, найденнымъ наукою для видовой жизни животныхъ организмовъ, но, во-первыхъ, эта видовая жизнь не исчерпываетъ всѣхъ явленій, совершающихся въ обществѣ, а, во-вторыхъ, она сама осложняется и видоизмѣняется подъ вліяніемъ психическихъ и соціальныхъ факторовъ. Человѣкъ, какъ животный организмъ, подчиненъ дѣйствію законовъ борьбы за существованіе и естественнаго подбора, но это не тѣ законы, коимъ подчиненъ человѣкъ, какъ существо общественное; да и самыя явленія борьбы за существованіе и естественнаго подбора должны въ обществѣ подвергаться видоизмѣняющему вліянію факторовъ, которыхъ не знаетъ видовая жизнь необщественныхъ животныхъ. Общество есть всегда извѣстная организація, въ основѣ которой необходимо лежитъ принципъ солидарности между отдѣльными индивидуумами, т.-е. нѣчто такое, что устраняетъ или, по крайней мѣрѣ,

ограничиваетъ борьбу между ними. Пусть сама эта солидарность возникаетъ и развивается, какъ важное орудіе борьбы за существованіе, но сама по себѣ она есть отрицаніе борьбы внутри самого общества. Вотъ на этомъ-то предметѣ намъ и нужно подробно остановиться.

Общественная солидарность и животная борьба за существованіе. Органическая школа въ соціологіи исходитъ изъ представленія не индивидуумовъ, вступающихъ между собою въ борьбу при преслѣдованіи своихъ частныхъ цѣлей, а изъ представленія общества, въ которомъ индивидуумы, солидарно подчиненные нѣкоторому высшему цѣлому, утрачиваютъ свою самостоятельность. Такъ смотрѣлъ на государство въ XVII вѣкѣ Гоббсъ. Хотя онъ и объяснялъ происхожденіе государства путемъ общественнаго договора, но самое государство онъ представлялъ себѣ, какъ организмъ, какъ единое существо (civitas est persona una), какъ громадное животное (Левіаѳанъ). Извѣстно, что, по теоріи Гоббса, люди, вступая въ общественный договоръ, безраздѣльно отдаютъ себя во власть этого единаго цѣлаго. Совершенно иначе представлялъ себѣ Гоббсъ естественное, внѣ-государственное существованіе: по его воззрѣнію, „человѣкъ для человѣка волкъ", и само естественное состояніе есть не что иное, какъ „война всѣхъ противъ всѣхъ"; для прекращенія этой войны и былъ заключенъ общественный договоръ. Въ этой теоріи обращаетъ на себя вниманіе—противоположеніе естественнаго состоянія, какъ состоянія борьбы, и существованія въ государствѣ, какъ прекращенія этой борьбы. Уже раньше отмѣчали сходство между представленіемъ естественнаго состоянія у Гоббса и понятіемъ борьбы за существованіе, играющимъ такую видную роль въ біологической теоріи Дарвина. Индивидуалистическіе писатели XVIII в., въ особенности экономисты, признавали существованіе въ обществѣ борьбы частныхъ интересовъ, а именно въ формѣ хозяйственной конкурренціи. Адамъ Смитъ, который въ своемъ этическомъ трактатѣ („Теорія нравственныхъ чувствъ") придаетъ главное значеніе симпатіи къ другимъ, основалъ всю свою систему политической экономіи на принципѣ прямо противоположномъ. Изучая явленія промышленной жизни, онъ исходитъ изъ того представленія, что въ этой области человѣкъ руководствуется своимъ личнымъ интересомъ, который приводитъ его къ соперничеству съ другими людьми, руководящимися также своими частными выгодами. Всякій видитъ, что въ такомъ пониманіи экономическая конкурренція въ обществѣ есть та же борьба всѣхъ про-

твв всѣхъ, но только видоизмѣненная подъ вліяніемъ условій общественности. И тотъ же самый Адамъ Смитъ разъясняетъ важное значеніе общественной солидарности въ видѣ экономической кооперацій (сотрудничество). Подобно другимъ мыслителямъ своей эпохи, онъ вѣрилъ, что свободная конкурренція одна можетъ осуществить гармонію интересовъ, по дальнѣйшее развитіе политической экономіи подорвало это понятіе гармоніи, которую сама природа будто бы устанавливаетъ въ обществѣ между борющимися частными интересами. Первая брешь въ эту теорію была пробита Мальтусомъ: этотъ писатель сталъ доказывать, что размноженіе людей идетъ въ геометрической прогрессіи, тогда какъ средства существованія возрастаютъ только въ прогрессіи ариѳметической, откуда неизбѣжность гибели всѣхъ, кому природа не приготовила прибора на своемъ пиру. Другая брешь въ ту же теорію естественной гармоніи была въ началѣ XIX в. пробита Рикардо, который обнаружилъ непримиримую противоположность интересовъ класса предпринимателей и класса рабочихъ. Развитіе этихъ соціологическихъ идей оказало несомнѣнное вліяніе на біологическую теорію Дарвина. Великій натуралистъ, какъ извѣстно, даже очень внимательно изучалъ Мальтуса. Онъ посмотрѣлъ на видовую жизнь организмовъ съ точки зрѣнія тѣхъ законовъ, дѣйствіе которыхъ среди людей ранѣе его уже признавали Гоббсъ и Мальтусъ. Такимъ образомъ, одна часть теоріи Дарвина была скорѣе перенесена изъ соціологіи въ біологію, нежели наоборотъ, и въ данномъ случаѣ ученіе Дарвина не давало соціологіи ничего новаго. Изображая гипотетическое до-общественное состояніе человѣка, Гоббсъ въ сущности высказывалъ свой взглядъ на то, въ какихъ отношеніяхъ находились бы между собою люди, если бы между ними не было никакихъ общественныхъ связей, но такое же точно состояніе отдѣльныхъ особей имѣетъ въ виду и Дарвинъ, когда формулируетъ законъ борьбы за существованіе. Точно также и Мальтусъ въ своемъ знаменитомъ законѣ народонаселенія формулировалъ общее положеніе о размноженіи людей независимо отъ того, живутъ ли они въ обществѣ или совершенно особнякомъ: размноженіе есть фактъ біологическій, а не соціологическій. Но уже Адамъ Смитъ и Рикардо создаютъ представленіе о такихъ явленіяхъ, которыя могутъ наблюдаться только въ общественной жизни, и именно въ общественной жизни человѣка. Если конкурренція должна разсматриваться, какъ видъ борьбы за существованіе, то всетаки отличительныя черты этого вида могутъ быть объяснены

лишь при помощи такихъ факторовъ, которые предполагаютъ извѣстную соціальную организацію: иначе борьба не была бы экономическою. Съ другой стороны, обнаруживъ противоположность между интересами предпринимателей и рабочихъ, Рикардо приводитъ насъ къ идеѣ классовой борьбы,—къ идеѣ, которую экономическіе матеріалисты кладутъ въ основу своего пониманія исторіи,—но самое понятіе классовой борьбы указываетъ на существованіе классовъ, т.-е. опять-таки извѣстной организаціи общества. Однимъ словомъ, если въ общественной жизни и продолжаетъ дѣйствовать законъ борьбы за существованіе, то дѣйствіе его въ извѣстной мѣрѣ является уже видоизмѣненнымъ подъ вліяніемъ чисто соціальныхъ факторовъ.

Борьба за существованіе и альтруизмъ. Но это еще не все. Психическая и соціальная жизнь заключаетъ въ себѣ такого рода явленія, которыя, такъ сказать, стремятся прекратить борьбу за существованіе, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ той или другой группы индивидуумовъ. Современная эволюціонистическая этика (напр., Спенсеръ) доказываетъ, что альтруизмъ имѣетъ такіе же глубокіе корни въ природѣ, какъ и эгоизмъ (отошлю еще къ Друммонду). Независимо отъ этого, самый принципъ всякаго общежитія заключается въ установленіи нѣкоторой солидарности между индивидуумами, ведущими совмѣстную жизнь. Перенесеніе въ соціологію цѣликомъ понятій дарвинизма для объясненія основныхъ общественныхъ явленій уже по одному тому не можетъ быть признано научнымъ, что въ своемъ принципѣ общество есть какъ-разъ отрицаніе борьбы за существованіе между составляющими его единицами. Конечно, эта борьба продолжается и въ обществѣ, но ея источникъ—не въ природѣ самого общества, а въ животной сторонѣ человѣческаго существа. Недаромъ мы всѣ проявленія борьбы за существованіе въ обществѣ,—будетъ ли то борьба между отдѣльными лицами или борьба между цѣлыми классами, — относимъ на счетъ дурного устройства общества. Недаромъ также идеаломъ общественнаго устройства мы признаёмъ полную солидарность между входящими въ составъ общества единицами и въ этомъ смыслѣ принимаемъ за образецъ солидарность, существующую между отдѣльными частями организма, хотя бы и не раздѣляли при этомъ остальныхъ взглядовъ органической теоріи общества. Эта нравственная солидарность, полное осуществленіе которой составляетъ основной идеалъ всѣхъ теоретиковъ и практиковъ общественной реформы, проявляется уже на низшихъ ступеняхъ животнаго развитія. Съ этой точки зрѣнія для соціологіи гораздо поучительнѣе

обратиться къ животнымъ общежитіямъ, тѣмъ болѣе, что, становясь на дарвинистическую же точку зрѣнія, въ человѣческомъ обществѣ мы должны видѣть дальнѣйшее развитіе тѣхъ зародышей соціальной жизни, которые мы находимъ у высшихъ и даже низшихъ животныхъ. Возникновеніе соціальной солидарности въ какой-либо животной группѣ, какъ бы мала ни была эта группа, представляетъ изъ себя ограниченіе, если не прекращеніе, борьбы за существованіе между членами этой группы. Въ настоящее время соціологи, ищущіе біологическихъ основаній для изучаемыхъ ими явленій, преимущественно и обращаютъ свои взоры въ эту сторону. Среди самихъ біологовъ за послѣдніе годы замѣчается стремленіе объяснять явленія коллективной жизни особей одного и того же вида не одною борьбою за существованіе. Но на первыхъ порахъ, когда мысль была поражена геніальнымъ открытіемъ Дарвина и обнаруживала вслѣдствіе этого склонность видѣть все въ свѣтѣ этого открытія, многіе думали, что стоитъ только разсматривать общественныя явленія съ точки зрѣнія борьбы за существованіе и естественнаго подбора, и ничего важнаго въ соціальной жизни не останется необъясненнымъ.

Разные виды борьбы за существованіе и коренныя ошибки старыхъ попытокъ основать соціологію на принципахъ дарвинизма. Говоря о борьбѣ за существованіе, необходимо различать отдѣльные ея виды. Первый видъ представляетъ изъ себя борьба съ окружающею природою. Эта борьба никогда не прекратится и чѣмъ успѣшнѣе она ведется, тѣмъ болѣе благопріятными дѣлаются шансы прекращенія другихъ видовъ борьбы. Сюда же можно отнести борьбу, въ какой люди находятся съ другими видами животнаго царства. Второй видъ борьбы, это — тотъ, который ведется между отдѣльными индивидуумами одного и того же вида. Когда нѣсколько такихъ индивидуумовъ соединяются для совмѣстной борьбы съ природой, то первымъ условіемъ подобнаго соединенія является прекращеніе борьбы или, по крайней мѣрѣ, ея ограниченіе между членами одного и того же общественнаго союза. Но это не исключаетъ третьяго вида борьбы, именно той, какая можетъ происходить не между отдѣльными индивидуумами, а между отдѣльными общественными группами индивидуумовъ одного и того же вида. Первые соціологи-дарвинисты, главнымъ образомъ, этотъ послѣдній видъ борьбы и имѣли въ виду, сравнивая въ данномъ случаѣ отдѣльныя націи или государства съ находящимися между собою въ борьбѣ видами. Къ сожалѣнію, они забывали при этомъ нѣкото-

рыя весьма существенныя обстоятельства. Во-первыхъ, если до извѣстной степени съ борьбою между отдѣльными видами (или скорѣе между разновидностями) можно еще сравнивать борьбу между отдѣльными расами человѣчества, отличными одна отъ другой въ біологическомъ отношеніи, то уже нѣтъ никакихъ основаній распространять это сравненіе на борьбу между національностями одной и той же расы или государствами, принадлежащими иногда къ одной и той же національности (примѣръ—война между отдѣльными греческими государствами). Во-вторыхъ, кромѣ чисто біологической борьбы мы имѣемъ здѣсь дѣло съ борьбою не между простыми собирательными единицами, каковы виды, разновидности, расы и племена, а съ борьбою между извѣстнаго рода организованными цѣлыми, каковы, напримѣръ, роды, государства, сословія, классы, партіи и т. п. Въ-третьихъ, борьба въ мірѣ человѣческомъ, будетъ ли она вестись людьми противъ природы, или однимъ человѣкомъ противъ другого человѣка, совершается при помощи средствъ, не только даваемыхъ каждому борцу природою, т.-е. средствъ, прирожденныхъ цѣлой расѣ или отдѣльному индивидууму, но и при помощи средствъ культурныхъ и соціальныхъ, органически не наслѣдуемыхъ, но получаемыхъ извнѣ. Это обстоятельство имѣетъ важное и существенное значеніе, потому что въ данномъ случаѣ обладаніе извѣстными культурными и соціальными средствами оказывается рѣшающимъ моментомъ въ побѣдѣ или пораженіи цѣлаго народа либо отдѣльнаго лица, весьма часто вопреки шансамъ чисто физическаго характера. Въ-четвертыхъ, въ животномъ мірѣ пораженіе индивидуумовъ одного вида въ прямой борьбѣ съ другими индивидуумами того же вида равносильно истребленію побѣжденныхъ. Другое дѣло — въ человѣческомъ обществѣ, гдѣ возникаютъ самыя разнообразныя формы эксплуатаціи людей людьми, причемъ все держится не столько на физической силѣ или численномъ превосходствѣ, сколько на организаціи однихъ и на дезорганизованности другихъ или на преимуществахъ и недостаткахъ чисто культурнаго характера. Наконецъ, уже совершенно неизвѣстною для животнаго міра является столь обычная въ мірѣ человѣческомъ борьба не за существованіе, а за преобладаніе тѣхъ или другихъ идей въ широкомъ смыслѣ этого слова, напримѣръ, борьба между отдѣльными религіями или отстаиванье отдѣльною личностью своихъ чисто духовныхъ интересовъ. Уже этотъ краткій анализъ показываетъ, что борьбу, происходящую въ человѣческомъ обществѣ, нельзя понимать и истолковывать исключительно съ точки зрѣнія при-

циповъ, установленныхъ путемъ наблюденія надъ тѣмъ, что совершается въ животномъ мірѣ. Только при очень поверхностномъ отношеніи къ предмету могли появиться скороспѣлыя и въ настоящее время большею частью позабытыя примѣненія дарвинизма къ соціологіи, въ коихъ не было недостатка на первыхъ порахъ.

Позитивные соціологи въ роли критиковъ ненаучныхъ примѣненій дарвинизма. Слѣдуетъ отмѣтить, что если подобныя примѣненія и встрѣтили отпоръ со стороны *позитивныхъ* соціологовъ, присоединившихся, однако, къ дарвинизму, какъ къ біологической теоріи, то это случилось главнымъ образомъ въ русской соціологической литературѣ, именно въ трудахъ Миртова, Михайловскаго и Южакова. Между прочимъ, названные писатели критиковали подобнаго рода примѣненіе не только съ точки зрѣнія новыхъ факторовъ, дѣйствующихъ въ общественной жизни, но и съ точки зрѣнія, которая получила названіе соціологическаго субъективизма: человѣческій прогрессъ нельзя разсматривать, только какъ выживаніе наиболѣе приспособленныхъ къ борьбѣ за существованіе. Если даже устранить это соображеніе, то все-таки останется не мало и чисто объективныхъ истинъ, которыя были установлены названными критиками ненаучныхъ примѣненій дарвинизма къ соціологіи.

Раздѣляя классификацію наукъ Конта, названные писатели исходятъ изъ той идеи, что законы біологіи не могутъ служить объясненіемъ для общественныхъ явленій. Это ихъ общая мысль. Кромѣ того, каждый изъ нихъ обратилъ вниманіе на одну какую-либо сторону вопроса. Первый изъ названныхъ писателей въ своихъ статьяхъ, печатавшихся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Знаніи“, особенно подчеркивалъ ту мысль, что основнымъ фактомъ общественной жизни является солидарность, а не борьба за существованіе, и что самая борьба, производящаяся въ обществѣ, не можетъ быть объясняема исключительно дѣйствіемъ силъ, которыя обнаруживаются въ чисто животной борьбѣ. Михайловскій, посвятившій дарвинизму сравнительно менѣе вниманія, чѣмъ органической школѣ, особенно остановился на выясненіи того, что человѣческій прогрессъ не можетъ быть результатомъ дѣйствія факторовъ біологической эволюціи. Южаковъ въ своихъ „Соціологическихъ этюдахъ“ поставилъ себѣ задачу — указать на то, что въ человѣческомъ обществѣ дѣйствуютъ силы, ограничивающія борьбу за существованіе, какъ въ ея проявленіяхъ, такъ и въ ея причинахъ, и что въ обществѣ естественный подборъ (и подборъ половой)

парализуется существованіемъ органически не наслѣдуемыхъ орудій въ борьбѣ за существованіе, каковы всѣ культурныя и соціальныя средства (образованіе, матеріальная обезпеченность, извѣстное положеніе въ обществѣ, власть и т. п.). Эти соображенія представляютъ изъ себя важный вкладъ въ соціологію и въ то же время служатъ выясненію тѣхъ отношеній, которыя должны существовать между соціологіей и біологіей. Тѣмъ важнѣе эти соображенія, что дѣлаются они людьми, которые не только стоятъ на дарвинистической точкѣ зрѣнія въ біологіи, но даже признаютъ ея законность при объясненіи нѣкоторыхъ сторонъ соціальной жизни. Но они не упускаютъ изъ виду и другія стороны, т.-е. дѣйствіе историческихъ и соціальныхъ факторовъ, объясняя и ихъ, впрочемъ, съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи. Въ послѣднемъ отношеніи особенно важны такія работы Миртова, какъ „Цивилизація и дикія племена“ и „До человѣка“, гдѣ дается вполнѣ правильное освѣщеніе вопросу объ общественной жизни животныхъ и о тѣхъ различіяхъ, которыя существуютъ между общественностью въ зоологическомъ мірѣ и въ человѣчествѣ. Въ концѣ-концовъ, авторъ связываетъ всѣ эти отличія съ высшимъ психическимъ развитіемъ человѣка и такимъ образомъ приводитъ соціологію въ связь съ широко понимаемой психологіей. Стоя на дарвинистической точкѣ зрѣнія, онъ отъ цивилизованныхъ обществъ спускается къ дикарямъ, къ первобытнымъ людямъ, къ человѣкообразнымъ обезьянамъ и другимъ общежительнымъ позвоночнымъ животнымъ. То новое, что вносится человѣкомъ въ общественную жизнь и что не можетъ быть объяснено чисто біологическимъ путемъ, разъясняется тутъ съ достаточною полнотою и убѣдительностью.

Соціологическое значеніе изученія животныхъ общежитій. Изученіе общественной жизни животныхъ интересовало раньше исключительно однихъ зоологовъ, какъ одинъ изъ частныхъ вопросовъ, входящихъ въ составъ общаго вопроса объ образѣ жизни животныхъ. Только позднѣе этотъ предметъ получилъ болѣе широкое значеніе. Во-первыхъ, имъ должна была заинтересоваться сама біологія вообще, въ частности въ связи съ возникшимъ къ ней ученіемъ о происхожденіи сложныхъ организмовъ путемъ сожительства организмовъ элементарныхъ. Во-вторыхъ, психологія, которая раньше ограничивалась изученіемъ одного человѣка, обратившись къ животнымъ, нашла и въ нихъ общественные инстинкты. Изслѣдованія послѣднихъ занимаетъ довольно видное мѣсто въ извѣстномъ сочиненіи Вундта „Душа человѣка и животныхъ“. Наконецъ, было обращено вни-

маніе на общественную жизнь животныхъ и социологами, увидѣвшими здѣсь одно изъ средствъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи общества. На такую точку зрѣнія становился, напримѣръ, упомянутый русскій соціологъ. Позднѣе его ту же тему, хотя и съ меньшимъ успѣхомъ въ философскомъ отношеніи, разрабатывалъ сторонникъ органической теоріи Эспинасъ въ своемъ трудѣ „Соціальная жизнь животныхъ". И въ этомъ вопросѣ сравненіе обнаруживаетъ черты сродства и черты различія, какъ и въ случаѣ органической теоріи. Едва ли, однако, полезно для соціологіи, какъ науки о *человѣческомъ* обществѣ, настаивать преимущественно на чертахъ сходства, притомъ иногда поверхностнаго и даже призрачнаго (напримѣръ, сравненіе пчелинаго роя съ монархическимъ государствомъ). Для того, чтобы съ особою ясностью видѣть всю разницу, какая существуетъ между человѣческимъ обществомъ и общежитіями даже самыхъ высшихъ животныхъ, стоитъ только обратиться къ частнымъ сравненіямъ, исходя изъ понятій, установленныхъ отдѣльными общественными науками, т.-е. разсматривая, напримѣръ, общества животныхъ съ экономической, юридической или политической точки зрѣнія (или съ точки зрѣнія культурно-исторической). Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ изслѣдователь найдетъ, что̀ говорить, разъ передъ нимъ будетъ хотя бы самое отсталое общество дикарей, но съ животными экономисту, юристу или политику дѣлать совершенно нечего (конечно, если только животное не разсматривается, какъ предметъ пользованія или собственности человѣка). Самое бо̀льшее, что можно тутъ найти, это—нѣкоторыя отношенія между индивидуумами, на почвѣ которыхъ въ человѣческомъ обществѣ выростаютъ учрежденія, этотъ настоящій продуктъ, выражаясь терминомъ Спенсера, надъ-органическаго развитія. Конечно, человѣческое общество чрезъ самыя элементарныя свои формы у дикарей можетъ быть поставлено въ эволюціонную связь съ общежитіями высшихъ животныхъ, но эволюція состоитъ именно въ появленіи новыхъ чертъ: эти-то новыя черты человѣческаго общества и составляютъ истинное содержаніе соціологіи. На всѣхъ ступеняхъ своего развитія, однако, общество имѣетъ своимъ принципомъ солидарность, отличающуюся отъ солидарности между частями организма тѣмъ, что индивидуумы сплачиваются здѣсь въ одно цѣлое безъ непосредственной физической связи; послѣднюю замѣняетъ психическое взаимодѣйствіе.

Это взаимодѣйствіе существуетъ уже въ животномъ мірѣ, да и самая общественность животныхъ была бы безъ такого

взаимодѣйствія немыслима. Для соціолога гораздо важнѣе психологическая, а не біологическая часть зоологіи. Дарвинъ и его послѣдователи своими изслѣдованіями въ области инстинкта животныхъ вообще и у стадныхъ животныхъ въ частности сдѣлали очень много для пониманія психической жизни въ зоологическомъ мірѣ. Кстати, теперь уже никто не станетъ утверждать вмѣстѣ съ Контомъ, будто человѣческая природа лишена инстинкта общественности. Но психическая жизнь животныхъ не можетъ быть сведена всецѣло къ инстинктамъ, передаваемымъ путемъ органической наслѣдственности, т.-е. къ однимъ прирожденнымъ качествамъ, ибо уже въ зоологическомъ мірѣ наблюдаются явленія подражанія и обученія, т.-е. явленія чисто психической передачи, достигающей въ человѣческомъ обществѣ наивысшей ступени своего развитія. Одна органическая наслѣдственность, къ которой иногда готовы исключительно прибѣгать соціологи-дарвинисты, не можетъ объяснить общественныхъ явленій, предполагающихъ существованіе культурной традиціи, какъ чисто психическаго фактора.

Соціологическая теорія Гумпловича. Но возвратимся къ понятію борьбы за существованіе. Не отрицая дѣйствія этого фактора въ общественной жизни, критики одностороннихъ примѣненій дарвинизма въ соціологіи не считали возможнымъ строить на немъ теорію общественныхъ явленій. Хотя для поверхностныхъ дарвинистическихъ построеній въ соціологіи и миновало время, однако, попытки сдѣлать изъ борьбы за существованіе основной принципъ соціологіи не прекращаются и до сихъ поръ. Самое любопытное явленіе этой категоріи представляетъ изъ себя теорія австрійскаго ученаго Людвига Гумпловича. По своей научной спеціальности Гумпловичъ — государствовѣдъ: это сказывается на его ученіи тѣмъ, что общество разсматривается имъ почти исключительно съ политической точки зрѣнія. Онъ совершенно правильно опредѣляетъ соціологію, какъ чисто абстрактную и теоретическую науку, но онъ думаетъ, что наиболѣе плодотворное развитіе этой науки возможно путемъ примѣненія къ ней дарвиновской борьбы за существованіе. Первые труды Гумпловича были посвящены вопросу о расахъ и національностяхъ и о борьбѣ между ними. Ставши на точку зрѣнія полигенизма, т.-е. различнаго происхожденія отдѣльныхъ человѣческихъ расъ, онъ объясняетъ самое возникновеніе общества тѣмъ, что первобытная орда одной расы подчиняла себѣ индивидуумовъ другой расы и организовала свое господство надъ ними. Съ точки зрѣнія Гумпловича, государство есть не что

ное, какъ организація господства меньшинства надъ большинствомъ, причемъ первобытныя этническія группы съ теченіемъ времени замѣняются соціальными классами. Это ученіе онъ развиваетъ въ „Очеркѣ соціологіи“ (1885), въ „Соціологіи и политикѣ“ (1892) и въ „Соціологической идеѣ государства“ (1892). Кое-что въ немъ напоминаетъ идеи экономическаго матеріализма. Основнымъ элементомъ общества Гумпловичъ признаётъ не личность, а соціальную группу. Борьба соціальныхъ группъ является у него основнымъ двигателемъ исторіи. Право толкуется въ смыслѣ системы, закрѣпляющей власть господствующей группы. Но есть и существенная разница въ воззрѣніяхъ Гумпловича и экономическихъ матеріалистовъ. Послѣдніе исходятъ изъ чисто экономическаго пониманія общества, тогда какъ у Гумпловича преобладаетъ точка зрѣнія политическая. Далѣе, экономическій матеріализмъ представляетъ изъ себя историческую теорію одной изъ фракцій современнаго соціализма, а Гумпловичъ—противникъ не только соціализма, но и правового государства, полагая, что государство не можетъ быть чѣмъ-либо инымъ, кромѣ организаціи господства меньшинства надъ большинствомъ, и что само право имѣетъ значеніе лишь упорядоченія неравенства. Гумпловичъ не допускаетъ, чтобы когда-либо прекратилась классовая борьба. Борьба группъ съ организованной эксплуатаціей большинства меньшинствомъ для него есть основной законъ. Это свое міросозерцаніе Гумпловичъ называетъ реалистическимъ, находя, что всякое иное воззрѣніе есть ненаучный и вредный оптимизмъ. Конечно, Гумпловича нельзя ставить на одну доску съ прежними авторами болѣе грубыхъ примѣненій дарвинизма къ соціологіи. Это—болѣе тонкое примѣненіе, и со многими частными взглядами Гумпловича наукѣ, конечно, нужно считаться. Прибавимъ, что Гумпловичъ хорошо знакомъ съ соціологической литературой и даетъ въ своихъ сочиненіяхъ краткіе ея очерки, иногда дѣлая весьма остроумныя замѣчанія объ отдѣльныхъ теоріяхъ.

Къ этой же литературѣ слѣдуетъ причислить книгу Кидда, о которой будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

ГЛАВА VI.

Экономическій матеріализмъ, какъ соціологическая теорія.

Происхожденіе экономическаго матеріализма. Родоначальникомъ экономическаго матеріализма былъ Карлъ Марксъ. Но онъ высказалъ только основную мысль этой теоріи, не давъ ей нигдѣ дальнѣйшаго развитія. Марксъ создалъ цѣлое экономическое ученіе, но если бы даже оно и было совершенно вѣрно, изъ него никоимъ образомъ нельзя было бы извлечь подтвержденіе вѣрности экономическаго матеріализма. Экономическая теорія Маркса есть именно теорія *экономическая*, отъ вѣрности или невѣрности которой отнюдь не зависитъ вѣрность или невѣрность самого экономическаго матеріализма, какъ своего рода теоріи соціологической. Между ученіемъ о томъ, откуда получается прибыль и какъ возникаетъ капиталъ, и ученіемъ о зависимости всей культурной и соціальной жизни отъ одной экономики нѣтъ никакой внутренней логической связи: одно ученіе можетъ держаться или падать совершенно независимо отъ того, какова будетъ судьба другого ученія. Можно, напримѣръ, соглашаться съ основною мыслью экономическаго матеріализма, не раздѣляя экономической доктрины Маркса, и можно быть „марксистомъ" въ политической экономіи, не будучи экономическимъ матеріалистомъ въ соціологіи. Благодаря тому, что Марксъ соединилъ съ своими теоретическими выводами опредѣленныя практическія требованія и потому сдѣлался родоначальникомъ одной изъ фракцій современнаго соціализма, — фракціи, замѣтимъ притомъ, получившей весьма видное значеніе въ жизни,—экономическій матеріализмъ пріобрѣлъ значеніе какъ бы оффиціальнаго ученія нѣмецкой соціальной демократіи и принялъ такимъ образомъ соціалистическую окраску. Но и тутъ нѣтъ необходимой связи между экономическимъ матеріализмомъ, какъ чисто теоретическимъ міросозерцаніемъ, съ одной стороны, и соціализмомъ, какъ практическимъ міросозерцаніемъ, съ другой. Даже признавъ, что всѣ общественныя явленія имѣютъ чисто экономическую основу, мы ничѣмъ еще не вынуждаемся дѣлать отсюда соціалистическіе выводы, которые, съ другой стороны, могутъ быть приняты и при иномъ взглядѣ на происхожденіе всей совокупности культурныхъ и соціальныхъ явленій. Кто думаетъ. что экономическій матеріализмъ является основою или слѣд-

ствіемъ экономической теоріи Маркса или принциповъ соціализма, тотъ смотритъ на экономическій матеріализмъ въ качествѣ соціологической теоріи съ совершенно невѣрной точки зрѣнія, будетъ ли при этомъ экономическій матеріализмъ защищаться или оспариваться. Соціологическая критика этой теоріи совсѣмъ не должна касаться вопроса о томъ, какъ нужно смотрѣть на экономическую теорію Маркса и на практическія требованія соціализма, потому что всякая научная идея должна отвѣчать сама за себя. Современное развитіе соціологіи дастъ притомъ и критеріи, при помощи которыхъ можно разсматривать экономическій матеріализмъ, совершенно не касаясь спеціально экономическаго ученія Маркса и стремленій современнаго соціализма.

Отношеніе экономическаго матеріализма къ соціологіи. Основная идея экономическаго матеріализма высказана была еще въ серединѣ текущаго столѣтія, но сколько-нибудь замѣтное вліяніе на научную литературу оказала лишь въ послѣднее десятилѣтіе. Въ тотъ промежутокъ времени, когда эта идея находилась, если такъ можно выразиться, подъ спудомъ, совершилось почти все развитіе современной соціологіи. Для теоріи экономическаго матеріализма оно прошло совсѣмъ безслѣдно: въ своемъ ученіи экономическіе матеріалисты исходятъ изъ мысли, высказанной Марксомъ около пятидесяти лѣтъ тому назадъ, игнорируя все то, что было сдѣлано за это время въ другихъ направленіяхъ соціологической литературы. Строго говоря, экономическому матеріализму можно даже отказать въ правѣ называться соціологической теоріей. Это скорѣе теорія историко-философская, зародившаяся притомъ въ нѣдрахъ гегельянства. Въ то самое время, какъ другія соціологическія теоріи настоящаго времени пользуются научнымъ понятіемъ эволюціи, созданнымъ современнымъ положительнымъ знаніемъ, экономическій матеріализмъ все еще держится того пониманія развитія, которое выработано было идеалистической метафизикой Гегеля. Этотъ нѣмецкій философъ представлялъ себѣ исторію, какъ процессъ, посредствомъ котораго всемірный духъ достигаетъ познанія своей сущности. Таково по Гегелю содержаніе исторіи. Что касается до формы историческаго процесса, т.-е. не того, въ чемъ онъ заключается, а какъ онъ происходитъ, то Гегель понялъ этотъ процессъ, какъ чисто діалектическій, признавъ въ немъ существованіе трехъ моментовъ—утвержденія, отрицанія и примиренія противоположностей (тезиса, антитезиса и синтезиса). Эту діалектическую форму, имѣвшую у Гегеля

идеалистическое содержаніе, Марксъ думалъ наполнить содержаніемъ, какъ онъ думалъ, матеріалистическимъ, а таковымъ ему представлялось то чисто экономическое пониманіе общества, которое онъ заимствовалъ у французскихъ соціалистовъ первой половины XIX в. Заслуга основателя соціологіи заключалась въ томъ, что онъ создалъ болѣе широкое понятіе объ обществѣ, нежели то, какое было въ ходу у представителей государствовѣдѣнія, юриспруденціи и политической экономіи. Въ этомъ смыслѣ экономическій матеріализмъ отражаетъ на себѣ состояніе соціологической мысли, предшествовавшее Конту. Особенно хорошо это видно изъ того, что, когда экономическіе матеріалисты говорятъ о соціальной средѣ, они всегда подъ нею разумѣютъ исключительно совокупность экономическихъ явленій общества, т.-е. его экономическихъ отношеній и формъ. Съ другой стороны, въ пониманіи того, какъ происходитъ общественное развитіе, они упорно держатся гегелевой идеи діалектическаго процесса. Въ самое послѣднее время они даже стали предпочитать термину „экономическій матеріализмъ" выраженіе „діалектическій матеріализмъ". Это также придаетъ всему ученію характеръ научной отсталости. Понимать развитіе общественныхъ формъ діалектически въ то самое время, какъ біологія, психологія и разныя направленія соціологическаго изслѣдованія создаютъ новыя формулы эволюціи, имѣющія свою основу въ положительномъ знаніи, значитъ закрывать глаза на то, что наиболѣе интереснаго сдѣлано было въ пониманіи эволюціи соединенными усиліями мыслителей, работавшихъ надъ изученіемъ реальнаго міра, а не надъ произвольнымъ построеніемъ вселенной, которымъ занимался Гегель.

Отношеніе экономическаго матеріализма къ матеріализму философскому. Одна изъ особенностей соціологіи, основанной Контомъ, заключается въ ея совершенной независимости отъ какой бы то ни было метафизики. Тѣ или другія положенія науки бываютъ вѣрны или невѣрны, смотря по тому, насколько они оправдываются фактами, а не потому, въ какомъ отношеніи эти положенія стоятъ къ такому или иному изъ возможныхъ способовъ пониманія міровой сущности. Между тѣмъ представители экономическаго матеріализма часто ставятъ свое соціологическое представленіе въ зависимость отъ метафизическаго матеріализма, который въ вопросахъ науки ничего не доказываетъ. Въ то время, какъ позитивная соціологія стремится изгнать изъ научной области всякую метафизику, экономическій матеріализмъ такимъ образомъ становится рѣзко на защиту одной

метафизики противъ другой. Въ этомъ заключается и его философская отсталость. Собственно говоря, однако, если бы даже матеріализмъ философскій и былъ совершенною истиной, изъ него экономическій матеріализмъ съ необходимостью еще вовсе не вытекалъ бы. Пусть даже духъ будетъ только продуктомъ или функціей организованной матеріи, это еще вовсе не значитъ, что вся общественная жизнь должна непремѣнно покоиться на экономическихъ отношеніяхъ. Реальныя психическія явленія и ихъ роль въ общественной жизни для науки будутъ имѣть совершенно одинаковое значеніе, будемъ ли мы духъ выводить изъ матеріи, или признавать его самостоятельнымъ началомъ, или же понимать его въ смыслѣ равносильнаго съ матеріей проявленія недоступной познанію сущности. Внося въ соціологію метафизическія соображенія, экономическій матеріализмъ дѣлаетъ шагъ назадъ.

Догматическій характеръ экономическаго матеріализма. Другая сторона дѣла заключается въ томъ, что основной тезисъ этого ученія—о зависимости всѣхъ общественныхъ явленій отъ одной экономики—является чисто догматическимъ утвержденіемъ, доказать которое представители этой теоріи даже не считаютъ нужнымъ. Вся аргументація ихъ въ пользу этого тезиса сводится къ критикѣ идеализма (спиритуализма) въ философскомъ пониманіи исторіи, какъ будто этотъ идеализмъ до сихъ поръ безраздѣльно царитъ въ соціологіи, какъ будто идеологія Гегеля не отжила еще своего вѣка. Критика, какою занимаются экономическіе матеріалисты, опять-таки отстала на полвѣка. Для нея какъ бы совершенно не существуетъ соціологическихъ теорій, развившихся во второй половинѣ нашего столѣтія. Обосновать себя на развалинахъ всѣхъ другихъ соціологическихъ теорій экономическій матеріализмъ могъ бы только въ томъ случаѣ, если бы своей критикою разрушилъ всѣ эти теоріи, но его представители, повидимому, даже и не подозрѣваютъ о существованіи подобной задачи.

Недостатки экономическаго матеріализма съ соціологической точки зрѣнія. Контъ создалъ замѣчательную классификацію наукъ, которая съ указанною въ своемъ мѣстѣ поправкою опредѣляетъ мѣсто соціологіи въ іерархіи человѣческихъ знаній. У экономическаго матеріализма нѣтъ своей классификаціи наукъ, и его представители не подозрѣваютъ ея важности. Они хотятъ построить всю соціологію на одной политической экономіи, но не задаются вопросомъ, какое на это они имѣютъ право. Явленія духовнаго характера, происходящія

въ обществѣ, т.-е. всю культурную жизнь общества, его религію, мораль, философію, литературу, искусство, равно какъ политическія и юридическія воззрѣнія они хотятъ вывести изъ экономики общества, иначе говоря, хотятъ объяснить факты коллективной психологіи принципами политической экономіи, какъ будто не существуетъ индивидуальной психологіи, которая въ эволюціонномъ и логическомъ порядкѣ предшествуетъ и коллективной психологіи, и самой политической экономіи. Вѣдь экономическія отношенія (обмѣнъ услугъ и обмѣнъ продуктовъ) уже предполагаютъ существованіе психическаго взаимодѣйствія, а въ такомъ случаѣ отношенія между психологіей и экономіей будутъ совершенно иныя, нежели тѣ, какія существуютъ въ представленіи экономическихъ матеріалистовъ. Чтобы доказать правильность своего пониманія въ этомъ вопросѣ, экономическіе матеріалисты должны были бы дать свою классификацію наукъ, а для этого имъ нужно было бы разрушить существующую. Ни того, ни другого послѣдователи этого направленія и не думали дѣлать.

Одною изъ важныхъ заботъ позитивной соціологіи была выработка научнаго метода для изученія общественныхъ явленій. Экономическій матеріализмъ не имѣетъ и собственной методологіи, если не считать взятаго напрокатъ у гегельянцевъ діалектическаго метода. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ методахъ, коими пользовался Марксъ въ теоретическихъ и историческихъ частяхъ своего „Капитала“, такъ какъ это важное произведеніе научной литературы не находится ни въ какой внутренней связи съ экономическимъ матеріализмомъ. Равнымъ образомъ этому ученію остались чужды весьма многіе научные понятія и термины, созданные новѣйшей соціологіей. Если чѣмъ изъ современной соціологической литературы и старается экономическій матеріализмъ воспользоваться для своихъ теоретическихъ цѣлей, то это относится лишь къ изученію первобытныхъ общественныхъ отношеній, въ которомъ такъ еще много гипотетическаго и, слѣдовательно, наиболѣе поддающагося проведенію предвзятыхъ взглядовъ.

Наконецъ, и еще въ одномъ отношеніи экономическій матеріализмъ можетъ считаться явленіемъ отсталымъ сравнительно съ позитивною соціологіей. Нѣкоторые его послѣдователи думаютъ основать его истинность на томъ соображеніи, что онъ составляетъ философію рабочаго класса, какъ будто при опредѣленіи вѣрности или невѣрности того или другого воззрѣнія рѣшающимъ моментомъ является не то, какія есть у воззрѣнія

логическія и фактическія основанія, а то, кѣмъ это воззрѣніе раздѣляется. Можно признавать правоту практическихъ требованій рабочаго класса, но это отнюдь не влечетъ за собою обязанности признавать, что рабочій классъ—лучшій судья въ теоретическихъ вопросахъ философіи, психологіи, соціологіи, политической экономіи и исторіи. Контъ различилъ чистыя и прикладныя науки, а экономическій матеріализмъ смѣшиваетъ воедино отвлеченную теорію и житейскую практику. Если нѣмецкій пролетаріатъ, организованный въ соціальную демократію,—а о немъ только и должна здѣсь итти рѣчь,—и думаетъ, что лишь въ экономическомъ матеріализмѣ и можетъ заключаться теоретическое оправданіе его практическихъ требованій, то причиною этого факта является только крупное недоразумѣніе: экономическій матеріализмъ ничего не прибавляетъ къ справедливости этихъ требованій, имѣющей совершенно другія основанія, и популярность теоріи у людей, которые цѣнятъ ее по чисто практическимъ соображеніямъ, не изслѣдуя ея логическихъ и фактическихъ основаній, равнымъ образомъ не можетъ служить аргументомъ въ пользу этой теоріи. То же самое можно сказать и о проповѣди экономическаго матеріализма въ русской литературѣ. У насъ защита этой теоріи соединена съ отрицательнымъ отношеніемъ къ общинному землевладѣнію, къ артелямъ и къ кустарнымъ промысламъ, за которые, наоборотъ, другіе ратуютъ. Это относится къ спору такъ называемыхъ марксистовъ и народниковъ, хотя рѣшеніе вопроса объ общинѣ, артели и кустаряхъ въ какую бы то ни было сторону отнюдь ничего не говоритъ ни противъ экономическаго матеріализма, ни за него, и хотя, съ другой стороны, многіе народники сами являются послѣдователями односторонне-экономическаго пониманія общества. Конечно, это только ненужнымъ образомъ осложняетъ и запутываетъ вопросъ, и многіе, вѣроятно, лишь потому готовы стать на сторону этой теоріи, что приписываютъ ей практическое значеніе, котораго по существу своему она вовсе не имѣетъ.

Теоретическая неразработанность экономическаго матеріализма. Какъ чисто теоретическое ученіе, экономическій матеріализмъ отличается крайнею неразработанностью. Въ этомъ отношеніи онъ остается далеко позади и органическаго направленія, и дарвинистической соціологіи. Въ послѣднихъ двухъ концепціяхъ общества есть, что̀ критиковать, такъ какъ существуютъ болѣе или менѣе разработанныя теоріи общества, написанныя съ каждой изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія. Критикъ экономическаго матеріализма находится въ болѣе затруднитель-

номъ положеніи: ему нечего критиковать, ибо основной тезисъ разсматриваемаго ученія принимается его послѣдователями чисто догматически, т.-е. вовсе не доказывается и, считаясь какъ бы уже доказаннымъ, прилагается непосредственно къ объясненію реальныхъ историческихъ фактовъ. Послѣдніе, какъ извѣстно, вообще съ разными натяжками легко подгоняются къ какимъ угодно теоріямъ, но именно только съ натяжками, т.-е. съ отступленіемъ отъ элементарныхъ требованій научности или съ недостаточнымъ знаніемъ и невѣрнымъ пониманіемъ пускаемыхъ въ дѣло фактовъ. Родоначальники экономическаго матеріализма, Карлъ Марксъ и его другъ Фридрихъ Энгельсъ, гораздо болѣе Маркса писавшій въ защиту этого ученія, сами представляютъ свою теорію, какъ замѣну гегельянскаго идеализма чисто матеріалистическимъ выводомъ, думая вмѣстѣ съ тѣмъ, что искать объясненія каждой эпохи нужно не въ ея философіи, а въ ея экономіи, т.-е. вообще не въ головахъ людей, а во внѣшней средѣ, понимаемой притомъ исключительно въ экономическомъ смыслѣ. Это было своего рода изгнаніемъ психологіи изъ соціологіи, отрицаніемъ самостоятельнаго значенія психическихъ факторовъ общественной жизни. Замѣчательно, однако, что всѣ, какія только дѣлались, попытки развить въ подробностяхъ основную идею экономическаго матеріализма, всегда приводили къ внесенію въ общественную теорію того самаго психическаго элемента, въ устраненіи котораго родоначальники экономическаго матеріализма именно и полагали всю свою заслугу. Въ данномъ случаѣ сторонниковъ экономическаго матеріализма можно раздѣлить на двѣ категоріи. Правовѣрные послѣдователи доктрины, отступая отъ безусловной строгости первоначальной концепціи, сами этого не замѣчаютъ или стараются представить дѣло такъ, будто здѣсь и противорѣчія никакого нѣтъ. И они смотрятъ, какъ на ересь, на заявленія тѣхъ сторонниковъ теоріи, которые находятъ нужнымъ дополнить теорію включеніемъ въ нее и чисто психологическихъ объясненій, хотя, конечно, такое включеніе разрушаетъ цѣльность чисто экономической концепціи. Наиболѣе яркими представителями правовѣрнаго экономическаго матеріализма являются Мерингъ и Бельтовъ, и съ ихъ точки зрѣнія, конечно, настоящими еретиками должны показаться Вейзенгрюнъ и Николаевъ, которые открыто взываютъ къ психологіи. Замѣтимъ, однако, что ни ортодоксія, ни гетеродоксія экономическаго матеріализма не представлены въ литературѣ ничѣмъ, кромѣ брошюръ и журнальныхъ статей, иногда даже чисто публицистическаго характера.

Невѣрная оцѣнка экономическаго матеріализма его

сторонниками. Иногда сторонники экономическаго матеріализма приписываютъ исключительно своей теоріи право собственности на такія идеи, съ коими мы встрѣчаемся и въ другихъ ученіяхъ. Выше мы уже говорили о пониманіи, напримѣръ, Спенсеромъ историческаго процесса, какъ безличной эволюціи, не оставляющей мѣста для „роли личности“ въ исторіи. Что экономическій матеріализмъ смотритъ на дѣло такимъ же образомъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ онъ самъ выросъ изъ аналогичнаго же пониманія исторіи у Гегеля. Было бы только ошибочно думать, что подобнымъ представленіемъ наука обязана лишь экономическому матеріализму. Оно старше этого послѣдняго и можетъ соединяться съ весьма разнообразными способами понимапія общества: кромѣ органической теоріи, склонность къ идеѣ безличной эволюціи, или саморазвитія общества мы встрѣчаемъ и въ дарвинистическихъ попыткахъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ объясненія исторіи на психологической почвѣ. Невѣрно также утвержденіе одного изъ русскихъ защитниковъ экономическаго матеріализма (Струве), будто только эта теорія отличается глубоко объективнымъ характеромъ: такой объективизмъ, какой имѣется въ виду въ данномъ случаѣ, возможенъ и въ другихъ направленіяхъ, но еще вопросъ въ томъ, дѣйствительно ли экономическій матеріализмъ такъ-таки и не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго субъективизма. Во-первыхъ, наиболѣе правовѣрные позитивисты являются проповѣдниками строгаго объективизма; то же самое можно сказать и о Спенсерѣ, да и социологи, думающіе искать объясненія соціальныхъ явленій въ принципахъ біологической теоріи Дарвина, полагаютъ, что это единственно объективный путь: въ виду всего этого почему экономическій матеріализмъ одинъ имѣетъ привилегію называться ученіемъ глубоко объективнымъ? Во-вторыхъ, въ виду фактически установившейся связи между экономическимъ матеріализмомъ и извѣстнымъ общественнымъ идеаломъ, къ осуществленію котораго ведетъ по этой теоріи діалектическій процессъ исторіи, можно ли говорить объ отсутствіи здѣсь субъективнаго элемента? Наоборотъ, экономическій матеріализмъ, взятый со всѣмъ тѣмъ, что съ нимъ срослось, отличается сильнѣйшимъ субъективизмомъ.

Какъ всякое явленіе умственной жизни, заставляющее о себѣ говорить, экономическій матеріализмъ долженъ былъ вызвать противъ себя критику, которая въ свою очередь должна была исходить изъ различныхъ принциповъ. Между прочимъ эта теорія подвергалась критическому разсмотрѣнію и съ соціоло-

гической точки зрѣнія. Выше было уже отмѣчено, что своему историческому міросозерцанію экономическіе матеріалисты умѣютъ противополагать только одинъ идеализмъ. Нужно прибавить, что подъ это понятіе русскіе сторонники теоріи подводятъ и воззрѣнія Миртова, Михайловскаго и др. Съ своей стороны, нѣкоторые изъ этихъ соціологовъ выступили критиками экономическаго матеріализма, исходя изъ тѣхъ же принциповъ, коими они руководствовались и при критикѣ органической или дарвинистической соціологіи. И здѣсь они стремились отдѣлить односторонніе взгляды и увлеченія отъ того, въ чемъ заключается сильная сторона экономическаго пониманія общества и его исторіи.

Положительное значеніе экономическаго матеріализма. Экономическій матеріализмъ возникъ, какъ реакція противъ крайняго идеализма, господствовавшаго въ философіи исторіи первой половины XIX в. Это ученіе обратило вниманіе на ту сторону общественной жизни, которая у философствующихъ историковъ находилась въ пренебреженіи. Но и эту заслугу экономическому матеріализму приходится раздѣлить съ двумя другими родственными направленіями въ наукѣ, развившимися во второй половинѣ XIX вѣка. Дѣло въ томъ, что до середины настоящаго столѣтія между политической экономіей и исторической наукой почти не было точекъ соприкосновенія: экономисты были только абстрактными теоретиками, историки мало обращали вниманія на экономическіе факты. Въ сороковыхъ годахъ нѣмецкій ученый Рошеръ, по спеціальности историкъ, положилъ начало такъ называемой исторической школѣ въ политической экономіи. Нѣсколько позднѣе (Роджерсъ въ Англіи и др.) возникло экономическое направленіе въ исторической наукѣ. Другими словами, произошло сближеніе между обѣими науками — исторіей и политической экономіей. Въ каждой изъ нихъ образовалось новое направленіе, которое стало даже претендовать на исключительное господство: односторонній историзмъ въ политической экономіи началъ вооружаться противъ всякаго отвлеченнаго теоретизированія, какъ односторонній экономизмъ въ исторической наукѣ, съ своей стороны, готовъ былъ игнорировать другія проявленія культурной и соціальной жизни. Крайніе представители исторической школы въ политической экономіи стали въ отрицательное отношеніе и къ классической школѣ, и къ соціализму. Историки экономическаго направленія высказывались иногда въ смыслѣ довольно близкомъ къ экономическому матеріализму. Положительное значеніе всѣхъ трехъ

направленій, т.-е. историческаго въ политической экономіи, экономическаго въ исторической наукѣ и соціологической теоріи экономическаго матеріализма заключается въ томъ, что въ нихъ поставлены были для мысли новыя проблемы: прослѣдить развитіе экономическихъ ученій и развитіе экономическихъ явленій, равно какъ опредѣлить ту роль, какая этимъ явленіямъ и ученіямъ принадлежитъ въ жизни общества и въ его исторіи. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ благотворномъ значеніи, какое принадлежитъ указаннымъ новымъ ученіямъ въ политической экономіи и исторической наукѣ, которыя, благодаря новой точкѣ зрѣнія, подверглись серьезному преобразованію. Насъ должна интересовать здѣсь одна соціологія, а въ ея развитіи появленіе экономическаго матеріализма должно считаться, какъ существенно важный моментъ, поскольку въ соціологію вносится новая точка зрѣнія, служащая законнымъ дополненіемъ къ другимъ точкамъ зрѣнія, существующимъ въ нашей наукѣ. Но всегда нужно помнить, что эта честь принадлежитъ не одному экономическому матеріализму и что послѣдній, какъ цѣльная теорія общества, является страшною односторонностью. Въ экономическомъ матеріализмѣ есть своя доля истины, какъ существуютъ свои доли истины и въ органической школѣ, и въ попыткахъ примѣненія дарвинизма къ соціологіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ экономическій матеріализмъ можетъ быть полезнымъ противовѣсомъ и противъ односторонняго психологизма въ соціологіи. Но для того, чтобы этотъ соціологическій экономизмъ могъ получить дѣйствительно научное значеніе, необходимо, чтобы онъ отказался отъ того, въ чемъ на теперешнемъ экономическомъ матеріализмѣ сказывается вліяніе гегельянской метафизики, т.-е. отъ сведенія всего содержанія общественной жизни къ одному абстрактному началу экономики и отъ пониманія соціальной эволюціи, какъ чисто діалектическаго процесса.

Все во второй половинѣ XIX в. ставитъ предъ соціологіей экономическую проблему. Мы не станемъ распространяться о томъ важномъ значеніи, какое въ самой жизни получили экономическіе вопросы, требующіе практическаго разрѣшенія, чѣмъ только усиливается теоретическій интересъ, ими возбуждаемый. Уже одно сближеніе политической экономіи, съ одной стороны, съ исторіей, а съ другой стороны, съ юриспруденціей исключаетъ возможность совершенно изолированнаго изученія экономическихъ явленій и подготовляетъ почву для сближенія между политической экономіей и соціологіей. Экономическое направленіе въ исторической наукѣ и экономическій матеріализмъ, какъ исто-

рико-философская теорія, прямо ставятъ задачу опредѣлить роль экономическаго фактора въ жизни и развитіи общества. Экономическій матеріализмъ видитъ исключительно въ одной хозяйственной структурѣ общества фундаментъ, по отношенію къ которому всѣ остальныя стороны духовной и общественной жизни во всей своей совокупности являются простою надстройкою. На самомъ дѣлѣ, эти отношенія гораздо сложнѣе. Нельзя даже юридическія и политическія формы считать порожденіями однихъ только экономическихъ отношеній, которыя вѣдь и въ свою очередь испытываютъ разнообразныя вліянія, идущія со стороны права и государства. Еще менѣе позволительно разсматривать всю духовную культуру общества, т.-е. религію и философію, мораль и искусство, литературу и науку, какъ нѣчто производное отъ данныхъ экономическихъ отношеній, тѣмъ болѣе, что сами эти отношенія дѣлаются возможными, благодаря лишь тому самому психическому взаимодѣйствію, результаты котораго и представляетъ собою вся духовная культура. Если экономическій матеріализмъ началъ свое развитіе съ изгнанія изъ соціологіи психическаго элемента, и если тѣмъ не менѣе послѣдователи этого ученія или безсознательно удерживаютъ этотъ психическій элементъ, хотя и въ замаскированномъ видѣ, или сознательно его вводятъ, какъ нѣчто необходимое для дальнѣйшаго развитія теоріи, то главною задачею соціологіи въ этомъ вопросѣ становится опредѣлить взаимныя отношенія между экономическимъ и культурнымъ моментами общественной жизни, между физическою и психическою сторонами человѣческаго существованія въ обществѣ. Это дѣйствительно важная научная проблема, въ разрѣшеніи коей, кромѣ соціологовъ, должны принять участіе и психологи, и историки, и экономисты. Чтобы рѣшить такой вопросъ научнымъ образомъ, они не должны предрѣшать его въ томъ или другомъ смыслѣ, т.-е. не должны сводить все къ одной экономикѣ или къ одной психикѣ. Они должны помнить, что экономическія явленія составляютъ лишь одну изъ многихъ категорій, подъ каковыя можно подвести все разнообразіе и богатство культурной и соціальной жизни: государство и право и разныя стороны умственной и нравственной культуры представляютъ изъ себя такія же частныя категоріи, какъ и народное хозяйство, да и все разнообразіе и богатство жизни возникаетъ, конечно, не изъ одной потребности человѣческаго тѣла въ пищѣ, одеждѣ и жильѣ, слѣдовательно, не изъ одной той стороны человѣческаго существа, которая порождаетъ экономическія явленія общества.

Взглядъ Лакомба на значеніе экономическаго фактора.

Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ научныхъ трудахъ дѣлались попытки опредѣлить общее значеніе экономическаго фактора въ общественной жизни. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія, напримѣръ, книга Лакомба „Объ исторіи, какъ наукѣ". Этотъ трудъ имѣетъ главнымъ образомъ содержаніе исторіологическое, но можетъ представить интересъ и для соціолога. Лакомбъ самымъ рѣшительнымъ образомъ признаётъ, что непосредственная основа соціологіи должна заключаться въ психологіи: даже физическія нужды дѣйствуютъ въ исторіи въ качествѣ почувствованныхъ потребностей, т.-е. извѣстныхъ психическихъ состояній человѣка, ибо, говоритъ онъ, для человѣческаго поведенія всякая нужда, которая не ощущается, все равно, что не существуетъ. Лакомбъ классифицируетъ всѣ потребности человѣка и на первомъ мѣстѣ ставитъ потребность въ поддержаніи человѣкомъ своего существованія, порождающую всю его промышленную дѣятельность: это — самая настоятельная необходимость, и ей принадлежитъ первенство, но не исключительное господство, такъ какъ рядомъ съ нею дѣйствуютъ еще половая потребность, симпатія, стремленіе къ почету и власти, а также эстетическое чувство и любознательность. Исходя изъ этого, Лакомбъ объясняетъ общественныя явленія не изъ одного, а разныхъ источниковъ, имѣющихся въ психической жизни человѣка. Его попытка опредѣлить сравнительную силу этихъ стремленій заслуживаетъ вниманія. Экономическіе матеріалисты могутъ быть довольны тою преобладающею ролью, которую Лакомбъ приписываетъ экономикѣ, но примѣръ того же Лакомба, весьма близко стоящаго къ экономическому матеріализму и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма скептически относящагося къ соціализму, служитъ только доказательствомъ тому, что склонность къ экономическимъ объясненіямъ и склонность къ соціализму не одно и то же. Но съ другой стороны, Лакомбъ старается сводить отдѣльныя учрежденія не къ одной экономической основѣ: вездѣ, по его мнѣнію, рядомъ съ экономическимъ интересомъ дѣйствуютъ и другіе мотивы. Притомъ онъ строго различаетъ между экономическими условіями всякаго даннаго явленія и причинами, или источниками этого явленія, каковые могутъ быть и не экономическими. Онъ даже прямо говоритъ, что нельзя сводить къ экономикѣ всѣ элементы культуры. Прибавимъ еще, что Лакомбъ не скрываетъ отъ читателя гипотетичности нѣкоторыхъ своихъ тезисовъ. Самымъ интереснымъ изъ нихъ является предположеніе о томъ, что не-экономическія измѣненія зависятъ отъ экономическихъ условій въ гораздо большей мѣрѣ, нежели эко-

номическія измѣненія—отъ условій иныхъ категорій. Къ сожалѣнію, Лакомбъ не даетъ для этого утвержденія достаточныхъ теоретическихъ и фактическихъ основаній. Вообще въ своей соціологической теоріи этотъ французскій писатель стремится сочетать экономизмъ и психологизмъ, принимая въ расчетъ одинаково и матеріальную сторону человѣческой природы, на основѣ коей возникаетъ вся экономика, и сторону духовную, являющуюся главнымъ источникомъ не-экономическихъ формъ общественнаго бытія. Авторъ „Исторіи, какъ науки" дѣлаетъ какъ-разъ то, необходимость чего ясно сознаютъ неправовѣрные послѣдователи экономическаго матеріализма, вродѣ Вейзенгрюна и Николаева. Это сочетаніе экономизма съ психологизмомъ было бы болѣе удачнымъ, если бы Лакомбъ нѣсколько иначе отнесся къ психологіи, какъ къ непосредственной основѣ соціологіи. Къ сожалѣнію, его психологія занимается только индивидуальнымъ человѣкомъ, будетъ ли это человѣкъ вообще, человѣкъ извѣстной національности либо эпохи или какая-либо отдѣльная опредѣленная личность. Анализируя индивидуальную душу, Лакомбъ оставляетъ въ сторонѣ явленія психическаго взаимодѣйствія, съ которыми только и можно сопоставлять явленія взаимодѣйствія экономическаго. Во всякомъ случаѣ въ чисто теоретическомъ отношеніи Лакомбъ гораздо ближе къ соціологической истинѣ, нежели экономическіе матеріалисты, какіе бы другіе недостатки и не представляло собою міросозерцаніе Лакомба.

Взглядъ Грееfа на значеніе экономическаго фактора. Другой писатель, стремящійся выяснить роль экономическаго фактора,—профессоръ соціологіи въ свободномъ брюссельскомъ университетѣ, Греефъ, авторъ нѣсколькихъ сочиненій, особеннаго значенія въ наукѣ не имѣющихъ. Главный недостатокъ его трудовъ, это—нѣкоторая невыдержанность основной точки зрѣнія. Тѣмъ не менѣе мы отмѣтимъ здѣсь его взгляды по интересующему насъ вопросу. Въ своемъ „Введеніи въ соціологію" (1886 и 1889), сводя сложныя общественныя явленія къ самымъ простымъ явленіямъ, которыя сами далѣе ни къ чему сведены быть не могутъ, онъ находитъ, что такими элементами слѣдуетъ признать, съ одной стороны, территорію, съ другой, населеніе. Все остальное является производнымъ, причемъ можетъ быть извѣстнымъ образомъ классифицировано по той роли, какую играетъ въ жизни общество. Но и между разнаго рода категоріями, на какія могутъ быть раздѣлены общественныя явленія, онъ устанавливаетъ своего рода градацію, или іерархію. Самыми общими и самыми простыми явленіями коллективной жизни Греефъ при-

знаетъ явленія экономическія (ставя ихъ, однако, послѣ явленій психическихъ). Это не мѣшаетъ, впрочемъ, Грееφу признавать извѣстную независимость болѣе частныхъ и сложныхъ явленій, каковы явленія эстетическія, философскія (и религіозныя), этическія, юридическія и политическія. Онъ настаиваетъ даже на томъ, „что органы высшихъ общественныхъ явленій служатъ регуляторами для органовъ низшихъ соціальныхъ явленій". Выводъ отсюда дѣлается тотъ, что разныя категоріи общественныхъ явленій находятся между собою въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Если наиболѣе сложныя общественныя явленія зависятъ отъ самыхъ простыхъ явленій, то, въ свою очередь, регулирующіе органы первыхъ оказываютъ вліяніе на организацію и функціонированіе вторыхъ. Таковы, напримѣръ, зависимость политическихъ отношеній отъ экономическихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ политическое воздѣйствіе, какому подвергается экономическая жизнь. Эти мысли Грееφъ повторилъ въ своей небольшой книжкѣ „Соціологическіе законы" (1893), а въ самое послѣднее время—въ книгѣ „Общественный прогрессъ и регрессъ" (1896). И здѣсь, т.-е. въ послѣднемъ изъ названныхъ сочиненій, онъ старается формулировать нѣсколько общихъ положеній объ отношеніи экономики къ другимъ сторонамъ культурной и соціальной жизни, пользуясь между прочимъ трудомъ Лоріа „Объ экономической основѣ общественнаго устройства" (1893). Это совсѣмъ уже плохое сочиненіе онъ называетъ, къ сожалѣнію, превосходнымъ. Дѣло въ томъ, что Лоріа, который далеко не можетъ называться марксистомъ, доводитъ основную идею экономическаго матеріализма до абсурда. Къ чести Грееφа нужно сказать, что у него все-таки есть желаніе выяснить взаимныя отношенія между разными сторонами общественной жизни,—отношенія, которыя кажутся экономическимъ матеріалистамъ (и Лоріа въ ихъ числѣ) не требующими никакого выясненія. Его исходный пунктъ напоминаетъ принципъ, положенный въ основу классификаціи наукъ Ог. Конта: дѣйствія и противодѣйствія экономическаго характера отличаются, по мнѣнію Грееφа, большею простотою и общностью сравнительно съ дѣйствіями и противодѣйствіями нравственнаго, юридическаго и политическаго характера; болѣе простыя и болѣе общія явленія оказываютъ и болѣе простое и болѣе общее вліяніе на явленія болѣе сложныя и болѣе частныя; явленія непосредственно предшествующія оказываютъ наиболѣе непосредственное и прямое воздѣйствіе на явленія, непосредственно за ними слѣдующія; дѣйствія и противодѣйствія между явленіями различныхъ классовъ, не слѣдующихъ другъ за дру-

гомъ непосредственно, отличаются и характеромъ менѣе прямымъ и непосредственнымъ; при возможности воздѣйствія со стороны явленій болѣе сложныхъ и частныхъ на явленія болѣе простыя и общія, послѣднія будутъ измѣняться подъ вліяніемъ первыхъ, но въ общемъ, чѣмъ болѣе явленія отличаются простотою и общностью, тѣмъ они древнѣе и устойчивѣе, а потому труднѣе поддаются измѣненію, хотя, съ другой стороны, измѣненія, происходящія въ этихъ явленіяхъ и оказываютъ наибольшее вліяніе на всѣ остальныя стороны жизни. „Общественныя функціи, говоритъ еще Грееф, прямо и косвенно вліяютъ другъ на друга согласно естественному и іерархическому порядку возростающихъ сложности и частности различныхъ классовъ явленій, къ которымъ онѣ относятся". Точно также, по словамъ Греефа, „общественныя функціи прямо и косвенно реагируютъ другъ на друга въ естественномъ и іерархическомъ порядкѣ убывающихъ сложности и частности различныхъ классовъ явленій, къ которымъ онѣ относятся". Бельгійскій соціологъ поэтому признаетъ возможность сознательнаго реагированія на экономическую жизнь и даже прямо основнымъ правиломъ сознательной научной политики считаетъ непосредственное или косвенное воздѣйствіе на организацію экономическихъ явленій въ смыслѣ видоизмѣненія ихъ въ согласіи съ потребностями и желаніями членовъ общества. Прибавимъ къ этому еще, что спеціально по отношенію къ экономической теоріи Маркса Грееф высказалъ нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній.

Сравненіе взглядовъ Лакомба и Греефа. Между соціологическими попытками Лакомба и Греефа существуетъ нѣкоторое сходство. Оба эти писателя признаютъ первенство (но не исключительное господство) экономическаго элемента и рядомъ съ этимъ существованіе самостоятельныхъ источниковъ для другихъ сторонъ общественной жизни. Оба они, далѣе, отмѣчаютъ то громадное вліяніе, которое оказывается экономическимъ факторомъ на всѣ остальныя категоріи культурныхъ и соціальныхъ явленій, но вмѣстѣ съ тѣмъ оба же признаютъ возможность воздѣйствія со стороны этихъ другихъ элементовъ (науки, морали, государства, права и т. п.) на экономику общества. Наконецъ, у обоихъ названныхъ писателей мы замѣчаемъ стремленіе классифицировать общественныя явленія, руководствуясь нѣкоторымъ общимъ принципомъ и опредѣляя степень близости или отдаленности одной категоріи отъ другой. Именно и Лакомбъ, и Грееф, считая экономическія явленія самыми общими и основными, совершенно справедливо отмѣчаютъ, что

всѣ остальныя явленія, наблюдаемыя въ общественной жизни, находятся не въ одинаковой степени зависимости отъ экономики и способны оказывать точно также и не одинаковое на нее дѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, напримѣръ, область искусства стоитъ дальше отъ экономики, чѣмъ область права, или что политическія учрежденія имѣютъ гораздо болѣе точекъ соприкосновенія съ явленіями хозяйственнаго быта, чѣмъ, положимъ, религіозныя вѣрованія. Мы не станемъ утверждать, чтобы Лакомбъ или Греефъ вполнѣ вѣрно разрѣшили ту задачу, которую они себѣ поставили, но не подлежитъ сомнѣнію, что путь, на который они вступили, есть болѣе вѣрный путь, нежели тотъ, по коему идутъ экономическіе матеріалисты. Во всякомъ случаѣ, для соціологіи здѣсь ставится новая задача — опредѣлить взаимныя отношенія между разными категоріями общественныхъ явленій. Среди частныхъ задачъ, входящихъ въ составъ этой общей задачи, свое мѣсто должно принадлежать и вопросамъ о значеніи экономическихъ явленій для общественныхъ явленій другихъ категорій и о вліяніи, какое та или другая категорія можетъ оказывать на экономическую сторону общественнаго бытія. Кромѣ общихъ соображеній, какія могутъ быть высказаны по этому вопросу, необходимо производить частныя изслѣдованія объ отношеніи экономики къ отдѣльнымъ категоріямъ въ родѣ нравственности, права, государства и т. п. Нельзя сказать, чтобы экономисты или моралисты, юристы и государствовѣды не занимались подобнаго рода вопросами, но этого еще мало: нужно именно, чтобы вопросъ ставился на соціологическую почву и чтобы при его рѣшеніи имѣлись постоянно въ виду основныя положенія экономическаго матеріализма. Въ послѣднемъ отношеніи, напримѣръ, заслуживаетъ въ настоящее время большого вниманія книга Рудольфа Штаммлера „Хозяйство и право въ матеріалистическомъ пониманіи исторіи“ (1896). Независимо отъ выясненія указанныхъ отношеній, необходимо изслѣдовать вопросъ о значеніи психическаго фактора въ экономической жизни, тѣмъ болѣе, что сама экономическая жизнь общества дѣлается возможною, лишь благодаря существованію въ обществѣ психическаго взаимодѣйствія между отдѣльными лицами. Съ этой точки зрѣнія, если бы даже и было позволительно считать политическую экономію единственною основою всей соціологіи вообще и въ частности такихъ общественныхъ наукъ, какъ юриспруденція и политика, то и въ такомъ даже случаѣ сама политическая экономія все-таки нуждалась бы еще

въ психологическомъ обоснованіи. Еще болѣе въ этомъ обоснованіи нуждается изученіе чисто культурныхъ явленій, происходящихъ въ обществѣ, каковы языкъ, миѳологія, религія, философія, мораль, наука, поэзія и литература вообще, а также и другія искусства. Превосходство воззрѣній Лакомба и Греефа надъ теоріей экономическаго матеріализма именно въ томъ и заключается, что при всей склонности обоихъ писателей выдвигать на первый планъ экономическій факторъ они не рѣшаются свести къ послѣднему духовную культуру общества, какъ къ ея источнику.

ГЛАВА VII.

Психологическое объясненіе общественныхъ явленій.

Важность психологіи для соціологіи. Все предыдущее изложеніе свидѣтельствуетъ о томъ важномъ значеніи, какое должно принадлежать психологіи при объясненіи общественныхъ явленій. Къ этому результату приводитъ насъ прежде всего критика контовской классификаціи наукъ, исходящая изъ самого же основного принципа этой классификаціи. Затѣмъ и три разсмотрѣнныя нами концепціи общества, изъ коихъ двѣ мы можемъ назвать натуралистическими, а третью ея собственные представители обозначаютъ, какъ матеріалистическую, именно въ томъ отношеніи совершенно одинаково и погрѣшаютъ, что стремятся объяснить общественную жизнь, игнорируя или, по крайней мѣрѣ, невѣрно понимая ея психическіе факторы и элементы. Наконецъ, существуетъ множество писателей, которые прямо доказываютъ важность психологіи для разныхъ общественныхъ наукъ и въ ихъ числѣ для исторіи и соціологіи. Не разсматривая здѣсь вопроса во всемъ его объемѣ, мы ограничимся въ дальнѣйшемъ лишь обзоромъ наиболѣе важныхъ трудовъ по соціологіи, въ которыхъ признается такъ или иначе значеніе психической основы общественныхъ явленій.

Какая психологія важна для соціологіи? Намъ нужно, однако, сначала установить нѣкоторые общіе принципы, съ точки зрѣнія коихъ слѣдуетъ разсматривать отдѣльныя проявленія психологическаго направленія въ соціологіи. Во-первыхъ, нужно различать въ психологіи изученіе трехъ разныхъ сторонъ ду-

ховнаго бытія человѣка: ума, чувства и воли. Старая психологія можетъ быть названа по преимуществу интеллектуалистической, и совершенно въ духѣ этой психологіи прежнія историческія и соціологическія теоріи стремились объяснить все главное и существенное въ жизни человѣчества одними умственными вліяніями. Не только идеалисты (напримѣръ, Гегель) понимали дѣло такимъ образомъ, но на ту же точку зрѣнія становились и такіе реалисты, какъ Контъ или Бокль. Выше уже было отмѣчено, что въ противоположность Конту Спенсеръ приписываетъ основное значеніе не идеямъ (представленіямъ или мнѣніямъ), а эмоціямъ (чувствованіямъ и настроеніямъ). Но вѣдь, кромѣ того, еще можетъ быть поставленъ вопросъ и о волевой сторонѣ общественной жизни. Всѣ общественныя явленія (и въ ихъ числѣ учрежденія) въ послѣднемъ анализѣ сводятся къ взаимнымъ отношеніямъ между членами общества, а эти отношенія суть не что иное, какъ разныя дѣйствія, воздѣйствія, противодѣйствія и взаимодѣйствія людей, въ основѣ коихъ лежатъ внутренніе акты воли. Отдѣльный человѣкъ участвуетъ въ общественной жизни всѣми сторонами своего духовнаго бытія, а потому нельзя искать объясненія общественныхъ явленій исключительно въ области ума, чувства или воли. Этимъ, конечно, осуждаются, какъ односторонія, всѣ попытки чисто интеллектуалистическаго объясненія общественныхъ явленій: общество не можетъ покоиться исключительно на мнѣніяхъ, какъ это думаетъ Контъ. Во-вторыхъ, та психологія, къ которой должна обращаться соціологія, не можетъ быть наукой объ индивидуальномъ человѣкѣ. Кромѣ психическихъ процессовъ, совершающихся внутри отдѣльныхъ людей, существуютъ еще процессы, тоже психологическаго характера, которые обусловливаются духовнымъ взаимодѣйствіемъ между людьми, находящимися въ общеніи другъ съ другомъ. Однимъ словомъ, обычная индивидуальная психологія должна быть дополнена психологіей коллективной, и необходимо, чтобы эта послѣдняя изучала процессы и результаты психическаго взаимодѣйствія между людьми по всѣмъ тремъ категоріямъ,—ума, чувства и воли. Въ данномъ случаѣ въ психологіи должно существовать то же раздѣленіе, какое мы находимъ въ біологіи, изучающей или индивидуальную жизнь организмовъ, жизнь особи или коллективную жизнь организмовъ, жизнь вида. Въ-третьихъ, въ обѣихъ своихъ частяхъ психологія должна обращать одинаковое вниманіе — какъ на вполнѣ сознательныя явленія, такъ и на тѣ, которыя называются безсознательными, хотя нерѣдко это послѣднее выраженіе

порождаетъ разныя недоразумѣнія. Конечно, въ настоящее время уже не приходится утверждать, будто всѣ человѣческія дѣйствія, имѣющія отношеніе къ общественной жизни, отличаются совершенною сознательностью и произвольностью, преднамѣренностью и цѣлесообразностью: мы постоянно встрѣчаемся съ цѣлою массою фактовъ, которые даже прямо наводятъ на мысль о саморазвитіи общества, столь популярную среди представителей органическаго направленія, дарвинизма въ соціологіи и экономическаго матеріализма. Психологическій анализъ долженъ показать, что такая эволюція происходитъ не иначе, какъ путемъ умственныхъ, эмоціональныхъ и волевыхъ вліяній однихъ людей на другихъ, хотя бы это совершалось безъ всякой преднамѣренности со стороны вліяющихъ и безъ вѣдома подвергающихся вліянію.

Общее понятіе о коллективной психологіи. Мысль о необходимости особой коллективной психологіи не нова. Мы встрѣчаемъ ее въ разныхъ философскихъ и научныхъ направленіяхъ, между собою часто имѣющихъ мало общаго. Послѣдователи нѣмецкаго философа Гербарта задумали даже основать подъ названіемъ „психологіи народовъ" цѣлую науку, для разработки которой болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ стали издавать спеціальный научный органъ. Во главѣ этого предпріятія выступили Лацарусъ и Штейнталь, и, по ихъ мысли, психологія народовъ должна была сдѣлаться своего рода абстрактною теоріей историческихъ явленій. Но это направленіе получило весьма одностороннее развитіе. Прежде всего, психологія народовъ изучаетъ не процессы, а только результаты психическаго взаимодѣйствія, каковы языкъ, миѳологія, поэзія, религія и т. п. (т.-е. то, что представители этого направленія на своемъ языкѣ называютъ „объективнымъ духомъ"). Далѣе, изучая результаты психическаго взаимодѣйствія, психологія народовъ занимается почти исключительно одною духовною культурою, весьма мало интересуясь явленіями соціальной организаціи. Наконецъ, эта наука ограничиваетъ понятіе коллективной жизни, сводя послѣднюю къ народности, или національности. Такимъ образомъ постановка вопроса о коллективной психологіи у Лацаруса и Штейнталя съ соціологической точки зрѣнія не можетъ не считаться одностороннею и узкою. Изъ той же школы Гербарта вышла и попытка Линднера („Мысли о психологіи общества", 1872), но это уже совсѣмъ ненаучная попытка. Авторъ исходитъ изъ той идеи, что индивидуумы въ обществѣ находятся между собою въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ въ душѣ отдѣльнаго человѣка нахо-

дятся между собою отдѣльныя представленія. Ему кажется еще. что психическія отношенія между людьми управляются тѣми же законами, коимъ подчинена связь представленій въ мозгу отдѣльнаго человѣка. Правда, онъ ближе подходитъ къ задачамъ соціологіи, разсматривая общество, не какъ культурную группу, а какъ соціальную организацію, но слишкомъ грубое уподобленіе государства организму, напоминая намъ ошибки органической школы, приводитъ Линднера и къ весьма рискованнымъ сопоставленіямъ отдѣльныхъ общественныхъ формъ съ разными умственными состояніями индивидуума. Напримѣръ, онъ проводитъ параллель между деспотіей и мономаніей, т.-е. подавленіемъ всѣхъ представленій въ пользу одного.

Нельзя точно также признать удачными и попытки основать коллективную психологію на почвѣ органической теоріи общества. Перенося въ соціологію понятія анатоміи и физіологіи и создавая анатомію и физіологію общественнаго организма, нѣкоторые представители этого направленія думаютъ по аналогіи построить и психологію общества, какъ единаго цѣлаго. Спенсеръ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что общественный организмъ лишенъ единаго соціальнаго чувствилища. Но это соображеніе не останавливаетъ, напримѣръ, Шеффле, и онъ уже прямо говоритъ о какомъ-то коллективномъ сознаніи. Нѣкоторые авторы высказывали даже мысль, что изъ множества индивидуальныхъ *я* членовъ общества складывается нѣкоторое высшее, общественное *я*, подобно тому, какъ каждое индивидуальное *я* обладаетъ только кажущимся единствомъ, будучи на дѣлѣ явленіемъ чисто собирательнаго характера. Это уже настоящая метафизика и притомъ метафизика не особенно высокаго сорта. Въ подобныхъ теоріяхъ, къ тому же, естественныя отношенія психологіи и соціологіи совершенно извращаются, т.-е. не общественныя явленія объясняются изъ духовныхъ, а наоборотъ, общество разсматривается, какъ бытіе, порождающее другое бытіе, которое, однако, не дается намъ ни во внѣшнемъ, ни во внутреннемъ опытѣ, но которое тѣмъ не менѣе весьма смѣло обозначается, какъ душа общества или коллективное сознаніе. Во всякомъ случаѣ изъ такихъ произвольныхъ построеній соціологія не можетъ извлечь для себя никакой пользы. Напротивъ того, на развитіи нашей науки подобныя ложныя психологическія теоріи могутъ отражаться только вреднымъ образомъ. Сторонниковъ психологическаго объясненія соціальныхъ фактовъ онѣ заставляютъ идти по совершенно невѣрнымъ путямъ, компрометтируя въ то же самое время идею психологическаго обоснованія соціологіи въ

глазахъ сторонниковъ соціологическаго натурализма или матеріализма.

Психологическое изслѣдованіе природы человѣка. Для того, чтобы психологія могла оказывать дѣйствительныя услуги соціологіи, необходимо, чтобы соціологи сами ставили психологамъ вопросы, научное разрѣшеніе которыхъ было бы особенно важно для пониманія общественныхъ явленій. Съ соціологической точки зрѣнія совершенно безразлично, какъ смотрѣть на взаимныя отношенія матеріи и духа: наука объ обществѣ должна быть вполнѣ независима отъ какой бы то ни было метафизики, будетъ ли то метафизика спиритуализма или матеріализма. Другое дѣло—вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ физической и психической сторонъ въ жизни отдѣльнаго человѣка и цѣлаго общества. Думать, что человѣкъ въ своихъ отношеніяхъ къ природѣ и къ другимъ людямъ руководствуется исключительно интересами своего тѣла, совершенно неправильно. Изъ окружающей природы человѣкъ извлекаетъ средства къ существованію, но та же самая природа является для него предметомъ религіознаго поклоненія, эстетическаго наслажденія и научнаго изслѣдованія. Физическая среда, окружающая человѣка, оказываетъ вліяніе не только на его тѣло, но и на его душу. То же самое— и въ гораздо большей еще степени—обнаруживаемъ мы во взаимныхъ отношеніяхъ между людьми. Это не есть одна борьба за существованіе съ эксплуатаціей однихъ другими, но это не есть даже только одна кооперація, въ которой члены общества приносятъ другъ другу матеріальную пользу путемъ взаимной помощи въ борьбѣ за существованіе: кромѣ такихъ отношеній, между людьми существуютъ еще и иныя, именно разнаго рода отношенія эмоціональнаго и моральнаго характера, имѣющія свой источникъ не въ матеріальной, а въ психической жизни человѣка. Сама эта жизнь не есть простой придатокъ къ чисто органическому существованію. Конечно, тѣ или другія психическія качества каждаго отдѣльнаго человѣка служатъ его физическому организму въ борьбѣ за существованіе, но это не мѣшаетъ психической жизни имѣть для человѣка и совершенно самостоятельное значеніе. Чѣмъ высшую ступень развитія занимаетъ отдѣльная личность или цѣлый народъ, тѣмъ болѣе самостоятельное мѣсто въ ихъ жизни принадлежитъ духовнымъ интересамъ и проявленію этихъ интересовъ въ религіи, поэзіи, искусствѣ, наукѣ и философіи. Соціологическая теорія, которая игнорируетъ духовную жизнь личности и общественныя проявленія этой жизни, не можетъ считаться результатомъ дѣй-

ствительнаго понимания человѣческой природы. Въ человѣкѣ заключены задатки не только эгоизма, но и альтруизма, объясняющагося изъ его психической природы; да и самый эгоизмъ не можетъ быть объясненъ изъ одной матеріальной стороны человѣческаго бытія: именно, эгоизмъ не можетъ быть сведенъ къ одному своекорыстію, ибо не меньшую роль въ возникновеніи эгоистическаго настроенія и поведенія играютъ, напримѣръ, властолюбіе, честолюбіе, тщеславіе и т. п. Замѣтимъ кстати, что, говоря о духовной жизни, мы вовсе не имѣемъ въ виду непремѣнно возвышенныя и благородныя ея проявленія: психологическаго объясненія требуютъ не только полезныя или справедливыя, но и вредныя или несправедливыя общественныя явленія. Равнымъ образомъ нельзя рекомендовать такое объясненіе соціальныхъ фактовъ на почвѣ психологіи, которое исходило бы изъ представленія о человѣкѣ, какъ о какомъ-то безтѣлесномъ существѣ: такое объясненіе было бы негоднымъ даже въ томъ случаѣ, если бы это существо бралось со всѣми недостатками и пороками, свойственными человѣческой природѣ и имѣющими свои корни не въ матеріальной сторонѣ жизни. Настоящее психологическое объясненіе общественныхъ явленій отнюдь не должно исключать тѣ соображенія, на которыхъ строится доктрина экономическаго матеріализма: напротивъ, оно обязано включать эти соображенія въ число другихъ, необходимо возникающихъ при всестороннемъ изученіи человѣческаго существа.

Принципъ личности. Личность есть единственное реальное существо, съ которымъ имѣетъ дѣло соціологія. Народы или отдѣльные классы одного и того же народа суть собирательныя единицы, состоящія изъ отдѣльныхъ личностей. Лишь послѣднія мыслятъ, чувствуютъ, желаютъ, стремятся и дѣйствуютъ. Національное и классовое самосознаніе есть не что иное, какъ самосознаніе отдѣльныхъ представителей націи или класса. Этого не могъ даже не отмѣтить Спенсеръ, смотрящій на общество, какъ на особое существо. Все, что мы относимъ къ понятіямъ духовной культуры или соціальной организаціи, существуетъ только въ личностяхъ и чрезъ личности, т.-е. или во внутреннемъ мірѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ или въ формѣ взаимныхъ отношеній, въ какихъ они между собою находятся. Явленія, которыя, слѣдуя терминологіи Спенсера, мы можемъ назвать надъ-органическими, внѣ людей и помимо людей не существуютъ и не могутъ существовать. Отсюда важное значеніе индивидуальной психологіи для пониманія всего надъ-органическаго. Соціологія, игнорирующая человѣческую индивидуаль-

ность, заранѣе обрекается на безплодность. Въ этомъ отношеніи особенно важны работы Мартова, который постоянно имѣетъ въ виду только-что указанное значеніе индивидуальности при изученіи культурныхъ и соціальныхъ формъ.

Психическое взаимодѣйствіе въ обществѣ. Но соціологія не можетъ довольствоваться человѣкомъ, взятымъ особнякомъ. Между людьми происходитъ постоянное взаимодѣйствіе, и процессы этого взаимодѣйствія, раздѣляющіеся на разныя категоріи, совершаются, какъ и все въ мірѣ, по извѣстнымъ законамъ. Человѣческіе индивидуумы, разсматриваемые, какъ животные организмы, находятся между собою въ такомъ же взаимодѣйствіи, какъ и другіе животные организмы. Существованіе между людьми общественной связи порождаетъ взаимодѣйствіе экономическое, предполагающее уже существованіе взаимодѣйствія психическаго. Послѣднее въ свою очередь представляетъ собою совокупность великаго множества явленій, происходящихъ въ коллективной жизни. Все это создаетъ зависимость одной личности отъ другихъ, зависимость отъ окружающей ее культурной и соціальной среды. Въ послѣднее время у многихъ писателей съ особенною силою стали обнаруживаться склонность разсматривать личность, какъ совершенно пассивный продуктъ извѣстной культурно-соціальной среды, а съ этимъ вмѣстѣ и наклонность видѣть первичные элементы общества не въ индивидуумахъ, а въ болѣе или менѣе обособленныхъ группахъ. Мало того: эти группы прямо разсматриваются, какъ нѣчто первичное, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онѣ являются результатомъ взаимодѣйствія между отдѣльными личностями, поставленными въ одинаковыя или приблизительно одинаковыя условія. Если и правильно, что личность формируется обществомъ, то вѣдь само общество состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей, и на дѣлѣ выходитъ такъ, что каждая личность формируется другими личностями, не играя при этомъ исключительно пассивной роли, ибо и сама она участвуетъ въ формировкѣ другихъ личностей. Какіе бы то ни было классы или группы суть чисто собирательныя единицы, реальны же только отдѣльныя личности, и все, что происходитъ въ такихъ классахъ и группахъ, равно какъ въ цѣлыхъ государствахъ и народахъ, въ послѣднемъ анализѣ сводится къ разнымъ видамъ взаимодѣйствія между отдѣльными людьми. Изученіе подобнаго рода процессовъ и составляетъ главнѣйшую задачу коллективной психологіи, науки, которая, какъ было сказано выше, должна быть непосредственною основою соціологіи.

Общій взглядъ на разработку вопросовъ коллектив-

ной психологіи. Къ сожалѣнію, коллективная психологія едва только зарождается. Даже тѣ писатели, которые указывали на ея необходимость, большею частью не углублялись въ разрѣшеніе вопросовъ объ ея задачѣ, предметѣ и методѣ. Между тѣмъ нѣкоторыя спеціальныя научныя дисциплины приводили къ постановкѣ разныхъ частныхъ вопросовъ коллективно-психологическаго характера, хотя при этомъ вовсе не имѣлось въ виду создавать новую науку. Дѣло въ томъ, что самымъ основнымъ явленіемъ, изъ котораго развивается все разнообразіе явленій коллективной психологіи, намъ должно представляться психическое дѣйствіе человѣка на человѣка, будетъ ли то дѣйствіемъ единицы на единицу, или единицы на массу, или, наконецъ, массы на единицу. Всѣ случаи такого дѣйствія могутъ быть сгруппированы въ нѣсколько категорій. Нѣкоторыя изъ этихъ категорій по тѣмъ или другимъ причинамъ должны были ранѣе другихъ обратить на себя особое вниманіе по своему практическому значенію въ жизни. Одну категорію случаевъ дѣйствія человѣка на другихъ людей мы имѣемъ предъ собой въ дѣлѣ воспитанія. Педагогика, какъ искусство, не можетъ не опираться на психологическую теорію, предполагающую обладаніе знаніемъ того, въ чемъ заключается и какими законами управляется психическое дѣйствіе воспитателя на воспитанника. Другія категоріи случаевъ такого дѣйствія издавна занимали криминалистовъ, сначала въ ученіи о соучастіи и особенно о подстрекательствѣ, затѣмъ по вопросу о такъ называемой преступной толпѣ. Съ своей точки зрѣнія и психіатры находили немало такихъ случаевъ дѣйствія однихъ людей на другихъ, которые точно также заслуживаютъ быть выдѣленными въ особую категорію. Самый вопросъ о преступной толпѣ подлежитъ вѣдѣнію на половину науки уголовнаго права, на половину—психіатріи, такъ какъ послѣдняя имѣетъ дѣло не только съ индивидуальными, но и съ коллективными помѣшательствами, переходящими иногда въ настоящія психическія эпидеміи. Изслѣдованія въ области перечисленныхъ явленій, конечно, создаютъ весьма важный матеріалъ для коллективной психологіи; но все это—явленія, обращающія на себя вниманіе или по своему практическому значенію, или по своей исключительности. Коллективная психологія, какъ наука теоретическая и общая, должна отрѣшиться отъ чисто практической точки зрѣнія и отъ предпочтенія къ явленіямъ исключительнымъ передъ явленіями нормальными. Дѣйствіе человѣка на человѣка проявляется въ столь разнообразныхъ формахъ и играетъ столь постоянную роль въ созданіи общественныхъ явленій, что лишь

очень немногое изъ этого дѣйствія можетъ быть разработано въ такихъ спеціальныхъ дисциплинахъ съ прикладнымъ характеромъ, каковы педагогика, криминалистика и психіатрія. Тѣ случаи, которые интересуютъ криминалиста и психіатра, суть случаи исключительные, ненормальные, поскольку преступныя дѣянія и болѣзненные припадки суть отклоненія отъ обычнаго теченія жизни. Въ этомъ обычномъ теченіи жизни педагогическое воздѣйствіе занимаетъ также исключительное мѣсто, такъ какъ касается лишь специфическихъ отношеній и принадлежитъ къ числу воздѣйствій искусственныхъ, характеризующихся преднамѣренностью. Таковы еще, напримѣръ, случаи воздѣйствія путемъ проповѣди и пропаганды въ самомъ широкомъ смыслѣ. За всѣмъ тѣмъ остается вѣдь вся жизнь общества со всѣми психическими дѣйствіями однихъ людей на другихъ,—дѣйствіями, по своей обыденности не обращающими на себя особаго вниманія, дѣйствіями, весьма часто лишенными всякой преднамѣренности и сознательности. Однимъ словомъ, педагогъ, криминалистъ и психіатръ могутъ воздѣлывать лишь маленькіе клочки громаднаго поля коллективной психологіи. Поэтому нельзя не привѣтствовать всякую теоретическую попытку выйти изъ тѣсныхъ рамокъ той или другой спеціальной дисциплины на широкій просторъ болѣе обобщеннаго разумѣнія явленій, о которыхъ идетъ рѣчь. Мы укажемъ на двѣ такія попытки, возникшія одна независимо отъ другой, но одинаково имѣющія своимъ предметомъ элементарный психическій фактъ — подражаніе. Замѣтимъ при этомъ, что въ дѣйствіи человѣка на человѣка нужно различать двѣ стороны—активную и пассивную, изъ коихъ первая можетъ быть названа внушеніемъ, другая—подражаніемъ. Обѣ попытки, на которыхъ мы остановимся, исходятъ именно изъ такого представленія дѣла.

Теорія Михайловскаго. Первую попытку представляютъ изъ себя работы Михайловскаго, печатавшіяся въ періодъ времени отъ 1882 до 1893 года: „Герои и толпа", „Научныя письма", „Патологическая магія" и др. Въ этихъ работахъ авторъ разсматриваетъ, какъ самъ онъ выражается, „непочатый вопросъ", поставить и разрѣшить который во всемъ его объемѣ наука никогда еще не пыталась. Въ этомъ смыслѣ Михайловскому принадлежитъ важная иниціатива. Вопросъ онъ ставитъ очень широко: у него рѣчь идетъ и о такъ называемомъ мимитизмѣ въ біологическомъ мірѣ, и о гипнотизмѣ, и о стадномъ чувствѣ у животныхъ, и о заразительности примѣра, и о психическихъ эпидеміяхъ и т. д. и т. д. Его работы при этомъ

опираются на большую литературу, которую онъ сводитъ воедино, называя рядомъ сочиненія, повидимому, между собою ничего общаго не имѣющія, но на дѣлѣ выясняющія разныя стороны одного и того же явленія. Прибавимъ, что эту свою тему Михайловскій ставитъ въ самую тѣсную связь съ вопросомъ объ индивидуальности, который онъ разрѣшалъ въ работахъ, посвященныхъ органической теоріи общества. Его интересуютъ преимущественно явленія безсознательнаго или мимовольнаго подражанія, наблюдаемаго въ тѣхъ случаяхъ, когда къ подражанію влечетъ человѣка какая-то непреодолимая сила, превращающая его какъ бы въ автомата: это суть именно случаи ослабленія или уничтоженія индивидуальности. Какъ ни широко, однако, авторъ ставитъ свой вопросъ, въ сущности онъ имѣетъ дѣло главнымъ образомъ лишь съ однимъ изъ многообразныхъ психическихъ отношеній, существующихъ между членами общества. Именно все его вниманіе направлено на то вліяніе, какое отдѣльная личность („герой“) оказываетъ на нѣкоторую совокупность другихъ личностей („толпа“). Онъ изучаетъ „механику отношеній“ между героемъ и толпою, но такъ, что его интересуетъ при этомъ въ неизмѣримо большей степени психическое настроеніе толпы, чѣмъ личныя свойства героя. Задача Михайловскаго въ названныхъ работахъ можетъ быть опредѣлена, какъ психологія толпы. И это не есть только подражаніе толпы герою: въ самой толпѣ происходитъ взаимное подражаніе. Къ сожалѣнію, изложенію своихъ выводовъ Михайловскій не придалъ законченности и систематичности, при которыхъ его попытка могла бы получить гораздо большее значеніе.

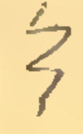
Теорія Тарда. Другую попытку представляютъ собою „Законы подражанія“ Тарда (1890), въ коихъ заключается цѣлая теорія общества на психологической основѣ. Авторъ этого сочиненія, по спеціальности криминалистъ, уже ранѣе въ нѣсколькихъ статьяхъ высказывалъ тотъ взглядъ, что общественность тѣсно связана съ подражательностью. Для него основнымъ закономъ всего сущаго является всемірное повтореніе, которое внѣ органической природы представляется намъ, какъ волнообразное движеніе, въ мірѣ органическомъ — какъ воспроизведеніе себѣ подобныхъ, а въ жизни общества — какъ подражаніе. Своею цѣлью Тардъ ставитъ выясненіе общественной роли подражанія и онъ даже приходитъ къ такому общему заключенію: „общество, это — подражаніе“. Въ такомъ взглядѣ Тарда заключается несомнѣнное преувеличеніе. Его книга вовсе не можетъ быть названа, какъ думаетъ авторъ, „чистой соціологіей“ или „общей

соціологіей". Это—работа по коллективной психологіи, притомъ не исчерпывающая вполнѣ своего предмета, такъ какъ Тардъ не касается нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ, которые, напримѣръ, были разсмотрѣны въ работѣ Михайловскаго. Но мы можемъ примѣнить идеи Тарда и къ основному предмету соціологіи, такъ какъ всякая соціальная организація въ послѣднемъ анализѣ сводится къ повторенію однихъ и тѣхъ же отношеній и въ пространствѣ, и во времени, а въ повтореніи этомъ важную роль играетъ взаимное подражаніе.

Общій взглядъ на теоріи Михайловскаго и Тарда. Выдвигая на первый планъ силу подражанія, и Михайловскій, и Тардъ отнюдь не думаютъ отрицать какъ возможность существованія, такъ и важное значеніе личной оригинальности. У Михайловскаго подражательность разсматривается, какъ одно изъ проявленій слабаго развитія индивидуальности. Тардъ рядомъ съ подражаніемъ, какъ силою консервативною, ставитъ прогрессивную силу изобрѣтенія, инноваціи, личной иниціативы. Оба они поэтому далеки отъ того представленія, будто каждый индивидуумъ является простымъ продуктомъ той соціальной группы, въ которой онъ живетъ и которой подражаетъ. Въ этомъ отношеніи обѣ теоріи весьма выгодно отличаются отъ нѣкоторыхъ другихъ ученій, видящихъ въ каждомъ индивидуумѣ лишь простое произведеніе или отраженіе окружающей общественной среды, будетъ ли эта среда пониматься, какъ извѣстная экономическая организація (точка зрѣнія экономическаго матеріализма), или какъ извѣстная духовная атмосфера, со всѣхъ сторонъ охватывающая каждаго члена общества. Послѣднее пониманіе, выдающее себя иногда за самое современное, отнюдь не можетъ быть названо новымъ, ибо въ немъ мы имѣемъ дѣло лишь съ такими или иными видоизмѣненіями понятія „народнаго духа", о которомъ съ самаго начала XIX вѣка говорилось въ нѣмецкой метафизикѣ, исторической школѣ права и національстической романтикѣ (включающей въ себя и наше славянофильство). Коллективная психологія должна показать, что и народный духъ, и всякая культурная среда, и какое бы то ни было групповое и классовое самосознаніе суть не что иное, какъ результаты психическаго взаимодѣйствія между отдѣльными индивидуумами, держащееся въ пространствѣ и времени силами внушенія и подражанія. Дѣло индивидуальной психологіи —объяснить возможность и необходимость личной оригинальности и иниціативы, изучить тѣ органическія, культурныя и соціальныя условія, при которыхъ личность можетъ проявлять

свою самобытность и вносить въ общественную жизнь нѣчто новое, распространяющееся и упрочивающееся потомъ путемъ подражанія.

Теорія Гиддинса. Весьма важный вкладъ въ ту часть соціологической литературы, въ которой выдвигается психическій элементъ, представляетъ изъ себя въ самое послѣднее время книга американскаго соціолога Гиддинса „Принципы соціологіи" (1896). Гиддинсъ примыкаетъ къ Конту, котораго признаетъ истиннымъ родоначальникомъ соціологіи, хотя и расходится съ нимъ по весьма важнымъ пунктамъ. У него своя собственная, весьма отличная отъ контовской, классификація наукъ, но, какъ и у многихъ, въ его классификаціи соціологіи непосредственно предшествуетъ психологія. Признавая, что соціальная жизнь состоитъ изъ матеріальныхъ и психическихъ явленій, существующихъ нераздѣльно и одни отъ другихъ зависимыхъ, онъ въ психической сторонѣ общественныхъ явленій выдвигаетъ на первый планъ волевые процессы коллективнаго характера. Одну сторону соціальной жизни онъ называетъ объективною, другую — субъективною, доказывая притомъ, что первичнымъ и основнымъ субъективнымъ фактомъ общества является „сознаніе рода" (the consciousness of kind), т.-е. „состояніе сознанія, при которомъ каждое существо, на какой бы ступени жизненнаго развитія оно ни находилось, признаетъ другое такое же существо за принадлежащее къ тому же роду". Это — фактъ коллективной психологіи, изъ коего Гиддинсъ выводитъ „полное субъективное объясненіе общества", съ особенною настойчивостью напирая на то, что въ общественной жизни дѣйствуетъ процессъ волевой (хотя и оспаривая мысль Торда о замѣнѣ естественнаго процесса искусственнымъ). Онъ равнымъ образомъ считаетъ въ высшей степени важными вопросы о психическомъ взаимодѣйствіи, о роли подражанія (между прочимъ и въ экономической жизни [1]), о духовной средѣ и ея значеніи сравнительно съ средою физическою и т. п. „Общество, говоритъ Гиддинсъ, не есть, конечно, физическій организмъ. Его части, если только у него таковыя есть, суть психическія отношенія. Онѣ не связываются между собою матеріальными узами, но пониманіемъ, симпатіей и интересомъ. Если общество — организмъ, то на него слѣдуетъ смотрѣть, какъ на организмъ физіо-психическій, какъ на существенно психическій, но съ физической основой".

[1]) Гиддинсъ приписываетъ важное значеніе теоріи Тарда, хотя и признаетъ, что онъ преувеличиваетъ значеніе подражанія.

Явленія духовной культуры и соціальной организаціи. Отъ процессовъ психическаго взаимодѣйствія между членами общества мы должны отличать продукты этого взаимодѣйствія, т.-е. нѣкоторыя постоянныя явленія, характеризующія жизнь того или другого общества. Эти постоянныя явленія могутъ быть раздѣлены на явленія духовной культуры и явленія соціальной организаціи. Первыя изъ нихъ должны быть также предметомъ вѣдѣнія психологіи, такъ какъ вся духовная культура того или другого общества сводится къ представленіямъ, настроеніямъ и стремленіямъ, раздѣляемымъ въ большей или меньшей мѣрѣ всѣми членами общества или громаднымъ ихъ большинствомъ, равно какъ отдѣльными группами и классами, на которые можетъ быть раздѣлено общество. Согласно принятому нами опредѣленію соціологіи, явленія общественной организаціи подлежатъ уже вѣдѣнію этой послѣдней науки. Наконецъ, обѣ категоріи явленій, какъ мы увидимъ далѣе, совершенно одинаково подвергаются сравнительному изученію. Для той цѣли, которую мы имѣемъ въ виду, намъ важно остановиться на разсмотрѣніи двухъ частныхъ вопросовъ — о вліяніи духовной культуры на соціальную организацію и о психической основѣ соціальной организаціи. Оба эти вопроса тѣсно связаны съ общимъ вопросомъ о значеніи коллективной психологіи для соціологіи.

Духовная культура каждаго общества есть не что иное, какъ совокупность идей, господствующихъ въ этомъ обществѣ или даже просто въ немъ встрѣчающихся. Эти идеи могутъ быть раздѣлены на разныя категоріи — по своему содержанію или по своей силѣ надъ умами, но во всѣхъ случаяхъ мы должны принимать въ расчетъ, что подъ идеями отнюдь не слѣдуетъ разумѣть однихъ отвлеченныхъ понятій, не имѣющихъ никакого отношенія къ настроенію и поведенію отдѣльныхъ членовъ общества. Идеи религіозныя и философскія, въ особенности же идеи нравственныя и общественныя, вовсе не могутъ считаться простыми фактами сознанія, такъ какъ всегда затрогиваютъ, кромѣ ума, еще и чувство, и волю человѣка, а черезъ это опредѣляютъ и то отношеніе, въ какое онъ становится къ существующему строю общества, къ его экономическимъ, юридическимъ и политическимъ формамъ. Когда Контъ утверждалъ, что всякій общественный порядокъ покоится на извѣстныхъ мнѣніяхъ, онъ имѣлъ въ виду, конечно, именно то, о чемъ мы здѣсь говоримъ. Мы уже знаемъ, что Спенсеръ поправляетъ Конта, замѣняя мнѣнія настроеніемъ, но въ сущности и онъ имѣетъ въ виду то же

самое. Вся разница лишь въ томъ, что они оба выдвигаютъ на первый планъ двѣ разныя стороны одного и того же явленія, Контъ—сторону интеллектуальную, Спенсеръ—сторону эмоціональную. Міросозерцаніе отдѣльнаго лица или какой-либо общественной группы вовсе не слѣдуетъ понимать въ исключительно умственномъ смыслѣ, такъ какъ оно складывается не только изъ теоретическихъ идей, нисколько не затрогивающихъ чувства и воли, но и изъ идей практическихъ, вызывающихъ въ насъ извѣстныя настроенія и стремленія. Духовная культура общества сказывается поэтому на поведеніи отдѣльныхъ его членовъ, а отъ этого поведенія зависятъ и ихъ практическія отношенія, лежащія въ основѣ общественныхъ формъ. Понятно, напримѣръ, что отношеніе къ одному и тому же политическому строю будетъ различное у двухъ людей, изъ коихъ одинъ вѣритъ, а другой не вѣритъ въ религіозную санкцію этого строя. Такихъ примѣровъ можно было бы привести великое множество, и въ этомъ смыслѣ всякій непредубѣжденный человѣкъ признаетъ важное общественное значеніе многихъ такихъ идей, которыя, повидимому, болѣе удовлетворяютъ духовныя потребности личности, нежели потребности общественной жизни. Таково именно значеніе всякаго міросозерцанія, вытекающаго изъ стремленія людей къ самопознанію и къ пониманію окружающаго міра, будетъ ли то міросозерцаніе религіозное, метафизическое или научное. Человѣкъ стремился бы къ такому міросозерцанію и вырабатывалъ бы его себѣ даже въ томъ случаѣ, если бы на землѣ и было только одно человѣческое существо. Жизнь человѣка среди другихъ людей и при извѣстныхъ общественныхъ порядкахъ вноситъ въ его міросозерцаніе и соотвѣтственныя идеи—моральныя и соціальныя, въ коихъ мыслится не только то, что есть, но и то, что должно быть. Въ какихъ бы отношеніяхъ идеи о должномъ ни находились къ инстинктамъ и интересамъ, онѣ несомнѣнно вліяютъ на поведеніе; притомъ сами инстинкты и интересы стараются оправдать себя идеями. Въ послѣднихъ такимъ образомъ мы можемъ находить объясненіе того или другого отношенія къ существующей соціальной организаціи со всѣми ея политическими, юридическими и экономическими формами, будетъ ли то отношеніе строго консервативнымъ или равносильнымъ желанію измѣненій въ прогрессивномъ или ретроградномъ направленіи. Вотъ почему тѣ или другія состоянія духовной культуры, а также и разныя движенія, въ ней происходящія, имѣя самостоятельное значеніе въ психической жизни людей, способны сверхъ того оказывать вліяніе на статику и

динамику соціальныхъ организацій. Не нужно только преувеличивать этого вліянія, особенно же не нужно дѣлать его единственнымъ факторомъ, опредѣляющимъ собою все содержаніе соціальной жизни. Крайности всегда вызываютъ противъ себя реакцію.

Несомнѣнно, что въ объясненіи соціальныхъ фактовъ культурными идеями были свои крайности. Во-первыхъ, метафизики-идеалисты весьма часто разсматривали идеи, какъ нѣкоторыя сущности, имѣющія самостоятельное бытіе внѣ человѣческаго сознанія, и съ этой точки зрѣнія учрежденія являлись воплощеніями какихъ-то трансцендентныхъ идей. Во-вторыхъ, и на реальной почвѣ многіе приписывали слишкомъ большое значеніе духовности, сознательности и идейности, забывая матеріальную сторону, безсознательные процессы и разнаго рода случайныя вліянія въ человѣческой жизни. Но съ необходимыми оговорками роль идей въ соціальной жизни не можетъ подлежать сомнѣнію, и на выясненіе этой роли направлены усилія многихъ мыслителей нашего времени. Въ русской литературѣ въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе работы Миртова, появлявшіяся въ семидесятыхъ гг.: въ нихъ общій вопросъ ставился на надлежащую почву, и были разсмотрѣны многія частныя стороны этого вопроса. Въ самое послѣднее время многое было сдѣлано для освѣщенія этого вопроса Фулье въ упоминавшейся выше „Психологіи идей-силъ“ и отчасти Лестеромъ Уордомъ въ „Психическихъ факторахъ цивилизаціи“.

Теоретическое изученіе духовной культуры. Укажемъ еще на то, что теоретическое изученіе духовной культуры должно входить въ область коллективной психологіи. Мы только-что сказали, что духовная культура можетъ быть опредѣлена, какъ совокупность существующихъ въ обществѣ представленій, настроеній и стремленій, но это все явленія, подлежащія вѣдѣнію психологіи. Въ частности, они должны изучаться коллективною психологіей потому, что суть результаты коллективнаго творчества и психическаго взаимодѣйствія. Наконецъ, даже въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ дѣло съ религіозными, моральными, философскими, научными и т. д. идеями отдѣльнаго лица, мы не должны забывать, что это лицо всегда въ большей или меньшей степени зависитъ отъ воззрѣній окружающаго общества, и что на процессы, совершающіеся во внутреннемъ мірѣ отдѣльнаго лица, всегда оказываютъ большее или меньшее вліяніе готовыя идеи, существующія въ общественной средѣ, равно какъ психическіе процессы, совершающіеся въ другихъ членахъ обще-

ства. При этомъ нужно еще помнить, что общія представленія, настроенія и стремленія могли бы существовать у отдѣльныхъ лицъ даже въ томъ случаѣ, если бы между ними не существовало никакихъ практическихъ отношеній и сами они не были другъ съ другомъ связаны складывающеюся изъ этихъ отношеній соціальною организаціей. Психическая жизнь каждаго отдѣльнаго лица способна породить все то, въ чемъ заключается содержаніе духовной культуры. Въ обществѣ, какъ соединеніи множества отдѣльныхъ психическихъ жизней, взятыхъ въ пространствѣ и времени, дѣйствуютъ силы внушенія и подражанія, примѣра и преданія и т. п., причемъ люди вступаютъ въ извѣстный психическій обмѣнъ и накопляютъ результаты коллективной психической работы. Для того, чтобы объяснить себѣ существованіе общаго языка или общихъ религіозныхъ представленій, одинаковыхъ обычаевъ или однѣхъ и тѣхъ же, напримѣръ, пѣсенъ у какого-либо народа, мы *логически* не нуждаемся въ предположеніи о томъ, что члены этого народа связаны между собою какими-либо практическими отношеніями и соціальными формами: для насъ достаточно одного того соображенія, что эти психическія единицы способны оказывать вліяніе другъ на друга и, слѣдовательно, находиться между собою въ духовномъ взаимодѣйствіи. Конечно, къ этому общему факту соціальная организація прибавляетъ много новаго и весьма важнаго, но это уже другой вопросъ, не касающійся генезиса духовной культуры. Одна изъ ошибокъ экономическаго матеріализма заключается въ томъ, что въ немъ духовная культура непостижимымъ образомъ выводится (или, вѣрнѣе, объявляется выводимою) изъ соціальной организаціи, взятой притомъ лишь въ одной изъ своихъ сторонъ, т.-е., по-просту говоря, изъ практическихъ отношеній экономическаго характера.

Психическая основа соціальной организаціи. Переходимъ ко второму изъ поставленныхъ выше вопросовъ. Взаимныя отношенія, существующія между отдѣльными лицами, могутъ имѣть двоякаго рода характеръ. Пока вліяніе одного человѣка на другого или ихъ взаимодѣйствіе ограничивается измѣненіями во внутреннемъ мірѣ каждаго изъ нихъ, т.-е. отражается на ихъ понятіяхъ, чувствованіяхъ и желаніяхъ, эти лица находятся между собою въ отношеніяхъ чисто психическаго характера. Другое дѣло, когда одинъ оказываетъ вліяніе на другого въ его поступкахъ, въ его поведеніи и когда между двумя лицами устанавливаются извѣстныя практическія отношенія, состоящія въ совершеніи тѣхъ или другихъ дѣйствій, требуемыхъ однимъ и

выполняемыхъ другимъ, или имѣющія двусторонній характеръ, т.-е. и требуемыхъ, и выполняемыхъ обоими лицами. Эти практическія отношенія, которыя были бы немыслимы безъ психическаго взаимодѣйствія, и являются самыми первичными элементами, изъ коихъ складываются всѣ сложныя системы практическихъ отношеній, называемыя въ отдѣльности экономическими, юридическими и политическими формами, а во всей своей совокупности — соціальной организаціей.

Психическое взаимодѣйствіе лежитъ одинаково въ основѣ тѣхъ чисто психическихъ отношеній, на почвѣ коихъ возникаетъ духовная культура, и тѣхъ отношеній, уже прямо практическаго характера, изъ коихъ складывается соціальная организація. Экономическій матеріализмъ упускаетъ это изъ виду, тѣмъ самымъ не замѣчая самостоятельнаго источника явленій духовной культуры, что, конечно, составляетъ весьма важную ошибку. Но и практическія отношенія между людьми не могутъ быть исчерпаны одною экономическою областью. Рядомъ съ экономическими взаимоотношеніями въ человѣческомъ обществѣ существуютъ практическія отношенія иныхъ родовъ. Для соціологіи въ высшей степени важно опредѣлить, къ какимъ элементарнымъ фактамъ могли бы быть сведены всѣ существующія въ обществѣ отношенія, въ коихъ дѣйствіе человѣка на человѣка не ограничивается одною внутреннею психическою сферою. Когда одинъ человѣкъ такъ или иначе вліяетъ на поведеніе другого человѣка или на его внѣшнюю судьбу, мы всегда уже имѣемъ дѣло съ фактомъ, могущимъ получить при извѣстной комбинаціи съ другими фактами такого же рода соціальное значеніе. Дѣло въ томъ, что всѣ явленія общественной организаціи, иначе говоря, всѣ экономическія, юридическія и политическія формы суть не что иное, какъ извѣстныя системы отношеній между людьми, складывающіяся изъ однородныхъ отношеній между отдѣльными лицами, а эти отношенія суть не что иное, какъ многократныя повторенія отдѣльныхъ дѣйствій, совершаемыхъ отдѣльными людьми. Возьмемъ для примѣра область политическихъ отношеній, а въ этой области — организацію власти. Въ послѣднемъ анализѣ та или другая правительственная форма сводится къ извѣстной системѣ отношеній между управляющими и управляемыми, а эти отношенія суммируютъ въ себѣ отдѣльные поступки приказыванія или повиновенія, т.-е. психическаго вліянія однихъ людей на другихъ въ активныхъ и пассивныхъ проявленіяхъ этого вліянія. Безъ извѣстной психической основы практическія отношенія этого рода между людьми были бы не-

возможны. То же самое разсужденіе можетъ быть примѣнено и къ сферѣ отношеній экономическихъ. Этихъ послѣднихъ не могло бы существовать, если бы люди не совершали одни для другихъ разнаго рода дѣйствій, послѣднія же въ свою очередь предполагаютъ, съ одной стороны, извѣстныя намѣренія однихъ людей относительно другихъ, а съ другой, опять-таки взаимныя психическія вліянія, выражающіяся въ тѣхъ или иныхъ поступкахъ. Теоретическая политика или экономика и основываетъ всѣ свои построенія на какихъ-либо предпосылкахъ, касающихся тѣхъ или другихъ отношеній практическаго характера, возникающихъ между людьми въ обществѣ.

Если для объясненія чисто культурныхъ явленій совершенно достаточно изслѣдованія интеллектуальныхъ и эмоціональныхъ явленій индивидуальной и коллективной жизни человѣка, то для объясненія явленій соціальныхъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова необходимо изученіе волевыхъ процессовъ и ихъ результатовъ, наблюдаемыхъ во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ общества. Поступки человѣка по отношенію къ другимъ людямъ могутъ вытекать изъ весьма различныхъ побужденій, и сами эти побужденія могутъ имѣть весьма различный характеръ. Эти поступки бываютъ проявленіями эгоизма и альтруизма и совершаются то въ силу прирожденнаго инстинкта, то по пріобрѣтенной привычкѣ, то на основаніи какихъ-либо соображеній въ виду заранѣе поставленной цѣли и т. п. Думать, что у человѣка по отношенію къ человѣку могутъ существовать только отношенія утилитарнаго характера, хотя бы и прямо кооперативныя, и что въ своихъ дѣйствіяхъ человѣкъ не можетъ руководиться чисто идейными соображеніями—значитъ не знать истинной природы человѣка и людского общежитія. Только игнорированіе психологіи дозволяетъ строить соціологическія теоріи, не принимающія въ расчетъ всего разнообразія реальныхъ взаимоотношеній, существующихъ между отдѣльными членами общества. Путемъ дѣйствія внутренней или внѣшней (психической или соціальной) необходимости, путемъ дѣйствія привычки, подражанія, повиновенія авторитету и т. п. эти отношенія складываются въ извѣстныя постоянныя системы, имѣющія иногда чисто естественное, непреднамѣренное происхожденіе, иногда происхожденіе искусственное, преднамѣренное. Къ этимъ системамъ воля отдѣльныхъ лицъ сама становится въ извѣстныя отношенія. Послѣднія могутъ имѣть характеръ положительный или отрицательный, активный или пассивный. Человѣкъ стремится поддержать или разрушить, сохранить въ неприкосновенности

или видоизмѣнить экономическія, юридическія и политическія формы, а эта дѣятельность человѣка, въ свою очередь, зависитъ отъ цѣлаго ряда самыхъ разнообразныхъ условій, среди которыхъ важное мѣсто принадлежитъ не только самимъ этимъ формамъ, но и духовной культурѣ общества съ ея интеллектуальными и эмоціональными воздѣйствіями на человѣческую волю. Къ сожалѣнію, психологія волевыхъ процессовъ, совершающихся въ личной и общественной жизни человѣка, крайне неразработана, и это несомнѣнно отражается на соціологіи, которая именно и должна была бы найти свое естественное обоснованіе въ изученіи взаимодѣйствія, происходящаго между индивидуальными волями подъ вліяніемъ физическихъ и психическихъ потребностей и въ зависимости отъ экономическихъ и культурныхъ условій людского общежитія.

Отношеніе экономическихъ матеріалистовъ къ психологическому объясненію. Психологическое объясненіе общественныхъ явленій подвергается за послѣднее время постоянной критикѣ со стороны приверженцевъ экономическаго матеріализма, которые въ этомъ объясненіи видятъ ненаучный идеализмъ. Собственно говоря, въ данномъ случаѣ экономическіе матеріалисты имѣютъ въ виду лишь одно изъ психологическихъ направленій, дѣйствительно, наиболѣе отсталое и наименѣе научное. Именно, они нападаютъ на попытки объясненія общественныхъ явленій изъ данныхъ индивидуальной психологіи, понимаемой притомъ преимущественно въ интеллектуалистическомъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время уже совсѣмъ не приходится думать, будто въ основѣ общественныхъ явленій лежатъ идеи, заключающіяся въ головахъ отдѣльныхъ личностей, хотя бы и взятыхъ во всей ихъ совокупности. Такое воззрѣніе, возникшее въ эпоху господства метафизическаго идеализма, теперь уже не имѣетъ видныхъ представителей, а потому критика экономическихъ матеріалистовъ оказывается запоздалою. Въ настоящее время все болѣе и болѣе выдвигается впередъ точка зрѣнія коллективной психологіи, которая должна изучать процессы и результаты психическаго взаимодѣйствія вообще и волевого взаимодѣйствія въ частности. Безъ существованія этого послѣдняго взаимодѣйствія были бы совершенно немыслимы и сами экономическія явленія. Между прочимъ эту послѣднюю мысль приводитъ въ своихъ „Принципахъ соціологіи“ и Гиддингсъ. Становясь рѣшительно на точку зрѣнія преимущественно психической природы общества, онъ нѣкоторыми своими заявленіями могъ бы удовлетворить самыхъ строгихъ экономическихъ мате-

ріалистовъ. Общество опредѣляется имъ, какъ нѣчто, имѣющее психическую природу, но на физической основѣ. И въ порядкѣ времени соціальные аггрегаты создаются у него чисто внѣшними условіями, къ числу каковыхъ онъ относитъ прежде всего обиліе пищи, заставляющее людей скучиваться въ извѣстныхъ мѣстахъ. Тѣмъ не менѣе экономическія отношенія возможны лишь подъ условіемъ существованія ассоціаціи, которое само требуетъ психологическаго объясненія.

ГЛАВА VIII.

Гипотетическое и фактическое въ соціологіи.

Необходимость синтеза отдѣльныхъ теорій. Мы разсмотрѣли четыре гипотетическія представленія объ обществѣ, господствующія въ соціологической литературѣ второй половины XIX вѣка. Каждая изъ этихъ точекъ зрѣнія представляетъ изъ себя своего рода исходный пунктъ для того или другого соціологическаго построенія. Понятное дѣло, что ни одна изъ этихъ точекъ зрѣнія не могла бы возникнуть, если бы не имѣла нѣкотораго оправданія въ фактахъ дѣйствительности. До извѣстной степени каждая изъ разсмотрѣнныхъ основныхъ теорій даже заключаетъ въ себѣ какую-либо вѣрную мысль, но эта же самая мысль дѣлается совершенно невѣрною, разъ получаетъ болѣе широкое примѣненіе, нежели то, какое ей должно принадлежать по существу дѣла. То, чѣмъ хорошо объясняются лишь нѣкоторыя явленія или только одна какая-либо сторона дѣла, не можетъ быть прилагаемо къ объясненію всѣхъ явленій и сторонъ дѣла. Вѣрная въ своей области, мысль дѣлается невѣрною, какъ только переступаетъ границы, полагаемыя ей дѣйствительностью. Съ точки зрѣнія этой мысли одно дѣйствительно хорошо объясняется, но все остальное можетъ быть объясняемо съ точки зрѣнія той же мысли лишь путемъ натяжекъ и подтасовокъ. Между обществомъ и организмомъ существуетъ нѣкоторое сходство, которое и оправдываетъ возникновеніе органической теоріи. Наблюдаемая въ зоологическомъ мірѣ борьба за существованіе продолжается и въ человѣческомъ обществѣ, и это даетъ свое значеніе дарвинистическому направленію въ соціологіи. Эта борьба принимаетъ въ обществѣ новый характеръ,

между прочимъ превращаясь изъ борьбы между отдѣльными особями въ борьбу между цѣлыми классами, происходящую главнымъ образомъ на почвѣ экономическихъ интересовъ, которые вообще играютъ важную роль въ общественной жизни. И въ этомъ смыслѣ экономическій матеріализмъ тоже заключаетъ въ себѣ значительную долю правды. Наконецъ, даже одностороннія психологическія объясненія въ родѣ исключительнаго приписыванія идеямъ первенствующаго значенія получаютъ частичное подтвержденіе въ дѣйствительныхъ фактахъ исторической жизни. Весь вопросъ заключается только въ томъ, въ какихъ границахъ и въ какой мѣрѣ дѣйствительные факты подкрѣпляютъ ту или другую точку зрѣнія, и какая комбинація этихъ точекъ зрѣнія допускается провѣркою каждой изъ нихъ на основаніи всего фактическаго матеріала соціальныхъ наукъ. По всей вѣроятности, въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ соціологи признаютъ относительную вѣрность каждой изъ разсмотрѣнныхъ точекъ зрѣнія, конечно, въ предѣлахъ, какіе будутъ установлены логикой и фактами, и тѣмъ самымъ будетъ признана невѣрность каждой точки зрѣнія, поскольку то или другое направленіе своей точкѣ зрѣнія приписываетъ исключительное значеніе. Вѣдь развитіе каждой науки совершается путемъ, если можно такъ выразиться, вылущиванія зеренъ истины изъ разныхъ теорій, выставляемыхъ отдѣльными учеными и цѣлыми школами. Правда, въ настоящее время нѣкоторымъ соціологическимъ писателямъ такой путь кажется заслуживающимъ порицанія эклектизмомъ, но въ основѣ такого мнѣнія лежитъ явное недоразумѣніе. Эклектизмъ можетъ имѣть мѣсто только въ философіи, въ которой личному пониманію и настроенію мыслителя принадлежитъ важное значеніе и въ которой всякое стремленіе примирить между собою двѣ системы обыкновенно совершается путемъ компромисса, опять-таки зависящаго отъ личныхъ свойствъ философа. Эклектикъ изъ разныхъ системъ беретъ то, что лично болѣе ему по вкусу, что болѣе соотвѣтствуетъ его собственнымъ духовнымъ стремленіямъ, хотя бы такое соединеніе разнородныхъ идей находилось въ противорѣчіи и съ логикой, и съ фактами. Иное дѣло въ наукѣ: ученый, разсматривая мнѣнія другихъ ученыхъ, принимаетъ изъ нихъ не то, что лично ему болѣе нравится, а то, что представляется ему болѣе обоснованнымъ, какъ со стороны логики, такъ и со стороны фактовъ. Будущее соціологіи, какъ науки, зависитъ отъ синтеза въ одну общепризнанную теорію тѣхъ частныхъ истинъ, которыя были уже добыты и впредь будутъ добываться отдѣльными соціологическими

школами. Можно предположить еще, что этотъ синтезъ совершится на почвѣ изученія коллективной психологіи, преимущественно на почвѣ изслѣдованія явленій волевого взаимодѣйствія въ обществѣ. Всякій общественный организмъ есть не что иное, какъ извѣстная организація людскихъ взаимоотношеній, въ которыхъ проявляется сознательно или безсознательно волевая сторона человѣческой жизни. Равнымъ образомъ біологическая борьба между отдѣльными личностями и экономическая борьба между отдѣльными классами являются внѣшними проявленіями волевыхъ процессовъ. Наконецъ, и сами экономическія отношенія были бы немыслимы безъ психическаго взаимодѣйствія вообще и взаимодѣйствія волевого въ частности. Выдвигая здѣсь на первый планъ волевую сторону психической жизни, мы должны, однако, помнить, что само волевое взаимодѣйствіе не могло бы совершаться безъ взаимодѣйствія интеллектуальнаго и эмоціональнаго, т.-е. безъ извѣстнаго общенія въ мысляхъ и чувствахъ. Во всякомъ случаѣ такая соціологическая гипотеза не противорѣчитъ логикѣ, примиряя въ себѣ вѣрныя стороны другихъ гипотезъ. Но и она для того, чтобы сдѣлаться вполнѣ научной истиной, нуждается въ фактическихъ подтвержденіяхъ.

Общее значеніе соціологическихъ гипотезъ. Гипотезамъ въ наукѣ можетъ принадлежать двоякое значеніе. Во-первыхъ, онѣ даютъ намъ болѣе или менѣе насъ удовлетворяющіе отвѣты по вопросамъ, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ въ данное время допускаютъ только предположительное рѣшеніе. Во-вторыхъ, изучая дѣйствительные факты, мы всегда руководствуемся извѣстными точками зрѣнія, иногда имѣющими чисто гипотетическій характеръ. Гипотезы, другими словами, иногда только руководятъ нами въ изслѣдованіи реальныхъ явленій, относительно которыхъ мы желаемъ знать истину. Подобнаго рода изученіе фактовъ или разрушаетъ гипотезу, или подтверждаетъ ее, хотя въ послѣднемъ случаѣ чаще всего вмѣстѣ съ тѣмъ ее видоизмѣняетъ, поправляетъ или ограничиваетъ. Даже невѣрныя гипотезы дѣлаются орудіемъ отысканія истины. Въ этомъ смыслѣ соціологія будущаго скажетъ спасибо каждому изъ разсмотрѣнныхъ гипотетическихъ отвѣтовъ на вопросъ, что такое общество: съ точки зрѣнія каждаго изъ этихъ отвѣтовъ, конечно, собирались, систематизировались и обобщались дѣйствительные факты общественной жизни. Такимъ образомъ рядомъ съ творчествомъ соціологическихъ гипотезъ шла и разработка фактическаго матеріала. Впрочемъ, эта разработка была бы крайне недостаточна, если бы происходила только въ цѣляхъ оправданія той или другой

предвзятой идеи. Рядомъ съ теоретической, болѣе или менѣе гипотетической разработкой основныхъ вопросовъ соціологіи шло и фактическое, такъ сказать, детальное изученіе отдѣльныхъ вопросовъ соціологіи или родственныхъ ей наукъ. Въ дальнѣйшемъ мы остановимся на этомъ построеніи соціологіи снизу, если только позволено назвать то, что мы до сихъ поръ расматривали, построеніемъ соціологіи сверху. Главнымъ орудіемъ въ этой новой соціологической работѣ является сравнительно-историческій методъ, получившій столь широкое и разнообразное примѣненіе въ изученіи культурной и соціальной жизни человѣчества. Настоящее содержаніе соціологіи создается именно изслѣдованіями сравнительно-историческаго характера; въ данномъ случаѣ въ области соціологіи повторяется то же самое, что даетъ такіе прекрасные результаты въ біологіи.

Научная разработка фактическаго матеріала соціологіи Какъ наука абстрактная, соціологія должна заключать въ себѣ истины общаго характера, въ отличіе отъ наукъ конкретныхъ, которыя всегда имѣютъ дѣло съ фактами даннаго мѣста и даннаго времени. Эти общія истины соціологіи могутъ имѣть двоякое происхожденіе, смотря по тому, что будетъ лежать въ ихъ основѣ, именно какія-либо общія же истины или какіе-либо частные факты. Разсмотрѣнныя нами направленія соціологіи основываютъ свои выводы на положеніяхъ общаго характера. Сравнительно-историческій методъ и состоитъ въ изученіи частныхъ фактовъ въ цѣляхъ выведенія изъ нихъ общихъ положеній путемъ обобщенія единичныхъ случаевъ одной и той же категоріи. Въ этомъ главнымъ образомъ и заключается соціологическая индукція. Соціологія въ данномъ отношеніи исходитъ изъ того же принципа, коимъ пользуются всѣ абстрактныя науки. Принципъ этотъ —единообразіе, господствующее въ природѣ: одинаковыя причины порождаютъ и одинаковыя слѣдствія, и существа одного и того же рода развиваются одинаковымъ образомъ. Соціологія и пользуется сравнительнымъ методомъ для того, чтобы, обнаруживая сходства и различія между однородными явленіями, восходить такимъ образомъ отъ частныхъ истинъ къ истинамъ общимъ, которыя мы и зовемъ законами. Съ этою цѣлью она подвергаетъ подобной обработкѣ фактическій матеріалъ, изучаемый разнаго рода конкретными общественными науками, каковы: до-историческая археологія, исторія, этнографія и т. п. Первый вопросъ, который тутъ ставится, касается причинной связи, въ какой могутъ между собой вездѣ и всегда находиться тѣ или другія явленія. Второй вопросъ

относится къ той эволюціонной послѣдовательности, въ силу коей явленія располагаются во времени лишь въ извѣстныхъ порядкахъ. Вотъ эта-то вторая точка зрѣнія и является господствующею въ современной соціологіи, стремящейся объяснить генезисъ и трансформаціи общественныхъ явленій. Благодаря послѣднему обстоятельству, сравнительный методъ есть не просто сравнительный, а сравнительно-историческій, такъ какъ общественныя явленія берутся здѣсь, выражаясь терминами Конта, не статически, а динамически, т.-е. въ своемъ развитіи, въ своей исторіи. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ, во-первыхъ, историческому направленію, образовавшемуся въ государствовѣдѣніи, въ юриспруденціи и въ политической экономіи, которыя сами начинаютъ пользоваться сравнительнымъ методомъ; а во-вторыхъ, соотвѣтствуетъ и общему эволюціонному принципу, господствующему въ философскомъ міросозерцаніи XIX в. Есть соціологи, равно какъ политики, юристы, экономисты и историки, которые сдѣлали изъ сравнительнаго метода, такъ сказать, свою спеціальность; но пользуются этимъ методомъ и получаемыми при его помощи результатами равнымъ образомъ и представители разсмотрѣнныхъ нами соціологическихъ направленій. Достаточно указать на Спенсера, на экономическихъ матеріалистовъ: Энгельса и Каутскаго, на самую психологію народовъ, которая сводится преимущественно къ сравнительному изученію явленій духовной культуры и т. д. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что важность сравнительно-историческаго метода вошла во всеобщее сознаніе ученаго міра. Къ сожалѣнію, общая неразработанность логики общественныхъ наукъ отражается и на общей постановкѣ вопроса о сравнительномъ методѣ. Въ соціологической литературѣ можно указать лишь крайне ограниченное количество сочиненій, посвященныхъ тому, что можно назвать общей теоріей сравнительно-историческаго метода (Фриманъ, М. Ковалевскій и др.). Будущему предстоитъ выяснить компетенцію этого метода и установить правила научнаго имъ пользованія: иногда отъ этого метода ожидаютъ большаго, чѣмъ онъ можетъ дать, или въ пользованіи дѣлаютъ немалыя погрѣшности. Но всѣ заблужденія и ошибки, какія могутъ быть здѣсь наблюдаемы, не умаляютъ общаго плодотворнаго значенія сравнительно-историческихъ изученій, и справедливость требуетъ напомнить, что это значеніе сравнительнаго метода было предугадано еще Контомъ.

Вопросъ о происхожденіи общества. Путемъ сравнительно-историческаго изученія культурныхъ и соціальныхъ фактовъ рѣшаются многіе важные вопросы соціологіи. Первый та-

кой вопросъ есть вопросъ о происхожденіи общества, взятаго въ смыслѣ организаціи совмѣстной жизни. На этотъ счетъ въ XVIII в. господствовала теорія договорнаго происхожденія государства. Ученіе, такъ сказать, объ искусственномъ изобрѣтеніи государства въ XIX в. смѣнилось взглядомъ, по которому государство возникло совершенно естественнымъ образомъ. Новый взглядъ оставался простымъ принципомъ безъ опредѣленнаго реальнаго содержанія или получалъ дальнѣйшее развитіе на почвѣ общихъ соображеній, въ которыхъ главную роль играла дедукція, и только обращеніе науки къ изученію раннихъ формъ быта цивилизованныхъ народовъ, равно какъ быта современныхъ низшихъ расъ и такъ называемыхъ пережитковъ внесло въ эту темную дотолѣ область нѣкоторый свѣтъ. Правда, весьма многое въ этой области остается неяснымъ и спорнымъ, многое критическому взору представляется гадательнымъ, но нѣкоторые пункты могутъ считаться установленными болѣе или менѣе прочно, а неизбѣжныя гипотезы все-таки имѣютъ за себя тѣ или другіе факты, которые могутъ быть подвергнуты переизслѣдованію и новымъ истолкованіямъ, а не общія соображенія, основанныя иногда на произвольныхъ предположеніяхъ, какія дѣлались раньше, т.-е. при полномъ господствѣ умозрѣнія въ общественныхъ теоріяхъ.

Въ прежнія времена вообще вопросъ о генезисѣ общественныхъ явленій мыслился въ формѣ вопроса о происхожденіи государства. Исторія застаетъ народы уже политически организованными, а до-историческая жизнь понималась сначала, какъ естественное состояніе, характеризующееся отсутствіемъ какихъ бы то ни было связей между людьми. Въ XVIII в. думали, что государство возникало сразу вслѣдствіе общественнаго договора, но въ XIX в. было установлено, что и въ до-государственный періодъ существованія народовъ уже была извѣстная общественная организація. Ранѣе всего историки новыхъ европейскихъ народовъ установили понятіе такъ называемаго родового быта. Для доказательства того положенія, что возникновенію государства предшествовалъ именно родовой бытъ, и для опредѣленія его характера историки прибѣгали къ сравненіямъ и къ сопоставленіямъ, къ коимъ мало-по-малу былъ привлеченъ этнографическій матеріалъ, какой заключается въ наблюденіяхъ надъ современнымъ бытомъ племенъ, находящихся и въ настоящее еще время на низшихъ ступеняхъ соціальнаго развитія. Родовое устройство было признано ступенью, переживаемою всѣми народами, самый же родъ разсматривался, какъ разросшаяся семья.

Послѣдняя уже издавна признавалась за самое первое и самое естественное сожительство людей, причемъ первобытная семья представлялась сознанію изслѣдователей въ видѣ моногамической семьи цивилизованныхъ народовъ съ господствующимъ положеніемъ въ ней мужчины, какъ мужа и отца. Историческое и этнографическое изученіе этого предмета показало, что такая семья сама является довольно позднимъ продуктомъ соціальной эволюціи, и что въ современномъ человѣчествѣ наблюдаются весьма разнообразныя формы семейныхъ отношеній, которыя соотвѣтствуютъ не однимъ и тѣмъ же ступенямъ соціальнаго развитія. Этимъ передъ наукою поставлена была новая задача—изслѣдованіе генезиса и эволюціи брачныхъ и семейныхъ отношеній въ ту эпоху, когда не было даже правильнаго родового устройства. Моногамическая семья перестала казаться самой естественной и первобытной формой людского общежитія. То же самое произошло и съ понятіемъ собственности. Въ былыя времена, когда заходила рѣчь о возникновеніи общества, дѣло представлялось такъ, какъ будто сразу установилась современная форма индивидуальной собственности: этимъ между прочимъ и отмѣчался выходъ изъ естественнаго состоянія, когда все принадлежало всѣмъ или ничто — никому, т.-е. когда не было никакой собственности. Правда, спорили между собою о томъ, возникаетъ ли частная собственность путемъ первоначальнаго захвата (Руссо), или въ силу приложенія труда (Локкъ), или же вслѣдствіе установленія государствомъ (Гоббсъ), но никто не подозрѣвалъ, что индивидуальная собственность современныхъ кодексовъ не есть нѣчто изначальное. Нѣчто подобное случилось и съ изученіемъ права. Старая юриспруденція, привыкшая видѣть въ римскомъ правѣ писанный разумъ, совершенно игнорировала разнообразіе правовыхъ явленій въ пространствѣ и времени. Съ ея точки зрѣнія естественность была равносильна разумности. Впервые историческая школа права внесла въ эту область идею развитія и обратилась къ изученію зародышей этого развитія. То, что ранѣе считалось естественнымъ, было признано за результатъ длинной исторической жизни. Къ историческимъ наблюденіямъ надъ юридическимъ бытомъ раннихъ эпохъ въ жизни цивилизованныхъ народовъ присоединились наблюденія надъ правовыми обычаями наиболѣе отсталыхъ частей человѣчества, каковыми являются, напримѣръ, современные дикари. Однимъ словомъ, вопросъ о происхожденіи государства, семьи, собственности, права получилъ совершенно новую постановку—на почвѣ сравнительнаго изученія данныхъ исторіи и этнографіи. Найдено

было, что на самыхъ раннихъ ступеняхъ развитія общественность и отдѣльныя стороны политическаго, юридическаго и экономическаго быта представляютъ замѣчательныя черты сходства, и что лишь путемъ установленія сходныхъ чертъ, представляемыхъ ранними эпохами въ исторіи всѣхъ народовъ, можно приблизиться къ рѣшенію проблемы о генезисѣ общественныхъ формъ.

Научное изученіе явленій духовной культуры. Въ обширной, разнообразной и сложной научной работѣ, объединяемой примѣненіемъ сравнительнаго метода, принимаютъ участіе не одни соціологи или государствовѣды, юристы и экономисты, но и представители разныхъ спеціальностей, изучающихъ духовную культуру общества, каковы лингвисты, миоологи, фольклористы и т. п. Образовалось цѣлое направленіе лингвистической палеонтологіи, которая при помощи данныхъ языка стремится къ установленію болѣе или менѣе точныхъ представленій о древнѣйшемъ бытѣ народовъ. Важное значеніе имѣетъ и сравнительно-историческое изученіе религіозныхъ вѣрованій и культа. Эти вѣрованія нерѣдко ложатся въ основу тѣхъ или другихъ практическихъ отношеній между людьми, изъ которыхъ складывается соціальная организація, или даютъ, по крайней мѣрѣ, свою окраску политическимъ, юридическимъ и экономическимъ формамъ. Религія представляетъ собою довольно сложное культурное явленіе. Между прочимъ она имѣетъ громадное значеніе для общественной морали. Сама нравственность имѣетъ происхожденіе не только во внутренней жизни личности и въ томъ психическомъ взаимодѣйствіи, которое происходитъ между отдѣльными членами общества, но и въ условіяхъ, создаваемыхъ соціальной организаціей. Сводя послѣднюю къ явленіямъ политическимъ, юридическимъ и экономическимъ, мы должны признать, что изъ этихъ явленій наибольшее родство съ нравственностью существуетъ у права. Весьма часто то, что въ нравственности является передъ нами, такъ сказать, въ неорганизованномъ видѣ, въ правѣ получаетъ только извѣстную организацію. На религію также нельзя смотрѣть исключительно, какъ на совокупность извѣстныхъ представленій и настроеній и порождаемыхъ ими дѣйствій (культъ), ибо и религія не бываетъ чужда извѣстной организаціи. То, что въ христіанствѣ называется церковью, мы наблюдаемъ и въ другихъ религіяхъ, въ какихъ бы отношеніяхъ подобныя религіозныя организаціи ни находились къ организаціямъ политическимъ. Раздѣльное существованіе церкви и государства есть явленіе, которому предшествовала ихъ нераздѣль-

ность, характеризующая, напримѣръ, гражданскія общины античнаго міра. Онѣ, какъ извѣстно, были одновременно союзами и политическими, и религіозными, и въ нихъ одна и та же организація была одновременно и государствомъ, и церковью. Только съ теченіемъ времени произошла дифференціація, благодаря которой обѣ организаціи одна отъ другой отдѣлились, хотя и продолжали сохранять между собою извѣстную связь. Вопросъ о генезисѣ этой религіозной стороны древняго государства (и родового быта, который ему предшествовалъ) также получаетъ новое освѣщеніе при помощи сравнительнаго изученія соотвѣтственныхъ историческихъ и этнографическихъ фактовъ. Между прочимъ, въ составъ этого общаго вопроса, какъ болѣе частный, входитъ вопросъ о происхожденіи жречества, въ качествѣ особаго общественнаго класса, появленіе коего не можетъ быть объяснено изъ чисто политическихъ, юридическихъ и экономическихъ отношеній.

Односторонность сведенія всей соціологіи къ сравнительному изученію. Эта литература сравнительнаго изученія первобытныхъ соціальныхъ формъ до такой степени разрослась и получила такое важное значеніе для соціологіи, что многіе на этомъ основаніи стали думать, будто главнымъ предметомъ этой науки является первобытная культура и бытъ современныхъ дикарей. По существу дѣла соціологія вовсе не описательная наука, и сравнительное изученіе въ ней играетъ роль средства, а не цѣли. Самая цѣль такого изученія состоитъ не только въ томъ, чтобы теоретически понять происхожденіе общественныхъ формъ, но и въ томъ, чтобы установить законы ихъ развитія. Догадка, что въ послѣдовательности общественныхъ измѣненій существуетъ извѣстный порядокъ, была высказана еще въ древности. По крайней мѣрѣ, Аристотель, а за нимъ и Полибій вѣрили въ возможность создать общую формулу однообразнаго хода перемѣнъ въ государственномъ устройствѣ. Въ новое время аналогичною мыслью прославились Боденъ и Вико. Но всѣ эти писатели обобщали слишкомъ недостаточный матеріалъ, и только сравнительно-историческое изученіе культурныхъ и соціальныхъ явленій поставило этотъ вопросъ на вполнѣ научную почву. До сихъ поръ однако многое здѣсь остается спорнымъ. Если именно такимъ путемъ и устанавливаются нѣкоторыя общія правила, обобщающія весьма большое число случаевъ, то всегда находится и немалое количество случаевъ, неподходящихъ подъ эти правила. Особенно это наблюдается каждый разъ, когда рѣчь идетъ о какихъ-нибудь подробностяхъ того

или другого явленія. Сравнительное изученіе не только устанавливаетъ черты сходства, но и вскрываетъ черты различія въ явленіяхъ, съ перваго взгляда сходныхъ между собой. Во всякомъ случаѣ общимъ законамъ развитія культурныхъ и соціальныхъ формъ приходится дѣйствовать среди крайне несходныхъ географическихъ, этнографическихъ и историческихъ условій. Каждая такая форма притомъ всегда есть нѣчто сложное, комбинирующее въ себѣ одни и тѣ же элементы различнымъ образомъ и находящееся опять-таки въ неодинаковыхъ комбинаціяхъ съ другими явленіями общественной жизни. Наконецъ, во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ оказывается почти невозможнымъ отдѣлить то, что объясняется условіями мѣста и времени, отъ того, что должно было бы разсматриваться, какъ закономѣрный моментъ развитія. Таковы трудности дѣла, которыя обусловлены свойствами самого изучаемаго предмета. Съ другой стороны, невыработанность теоріи сравнительнаго метода является причиною многихъ заблужденій и ошибокъ. Ограниченность силъ отдѣльнаго человѣка передъ такою громадною задачею составляетъ также одно изъ затрудненій. Изслѣдователь очень часто обладаетъ очень недостаточнымъ матеріаломъ, зная, напримѣръ, хорошо только извѣстные отдѣлы исторіи или этнографіи хотя бы и по всѣмъ сторонамъ быта. Или же изслѣдователь распоряжается только одностороннимъ матеріаломъ, хотя бы и взятымъ изъ всѣхъ странъ и эпохъ. Сравнительное изученіе спеціализируется, напр., между религіей, государствомъ, правомъ, хозяйствомъ, семьей, собственностью, жречествомъ и т. п., и очень часто изслѣдователь одного изъ этихъ предметовъ соблазняется извлекать изъ изученія этого предмета выводы болѣе универсальнаго характера. Прибавимъ къ этому, что нерѣдко обращеніе ко всему указанному матеріалу и сравненію между отдѣльными его фактами совершается не для того, чтобы отъ дознанныхъ частныхъ истинъ восходить къ неизвѣстнымъ истинамъ общимъ, а для того, чтобы подыскивать фактическіе аргументы въ пользу того или другого предустановленнаго взгляда. Въ виду такого положенія дѣла весьма важное значеніе для соціологіи имѣютъ, съ одной стороны, своды болѣе или менѣе прочно установившихся истинъ, а съ другой критическіе обзоры отдѣльныхъ теорій, освѣщающихъ вопросъ о генезисѣ и эволюціи соціальныхъ формъ путемъ сравнительно-историческаго ихъ изученія.

Общій взглядъ на сравнительно-историческую литературу. Здѣсь не мѣсто обозрѣвать всю эту обширную и разно-

образную литературу, такъ какъ пришлось бы говорить о постановкѣ и рѣшеніи множества частныхъ и даже очень спеціальныхъ вопросовъ и о спорахъ, возникавшихъ по этимъ вопросамъ. Даже классифицировать эту литературу весьма трудно. Можно только въ общихъ чертахъ намѣтить слѣдующія различія. Во-первыхъ, есть большія и малыя работы, въ которыхъ сравнительный методъ или выдвигается на первый планъ, или играетъ только второстепенную роль: въ однихъ именно случаяхъ авторы имѣютъ въ виду устанавливать путемъ сравненія общія истины, въ другихъ же случаяхъ цѣлью сравненія бываетъ лучше освѣтить тѣ или другія стороны какихъ-либо опредѣленныхъ, взятыхъ для разсмотрѣнія фактовъ. Во-вторыхъ, есть изслѣдованія, занимающіяся исключительно культурно-соціальными явленіями одной такъ называемой первобытной эпохи, не оставляющія въ сторонѣ дальнѣйшую ихъ эволюцію въ историческія времена, и есть, наоборотъ, сочиненія, посвященныя и этой эволюціи. Въ-третьихъ, эта литература состоитъ изъ изслѣдованій, касающихся одной какой-либо стороны общественнаго быта, и изъ трудовъ, стремящихся охватить этотъ общественный бытъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Наконецъ, на отдѣльныхъ произведеніяхъ этой литературы можно прослѣдить вліяніе тѣхъ или другихъ гипотетическихъ воззрѣній на общество, но рядомъ съ этимъ замѣчается и стремленіе тѣхъ или другихъ авторовъ устранять изъ своихъ работъ какія бы то ни было теоретическія разсужденія о природѣ общества и управляющихъ имъ законахъ. Нѣкоторые представители сравнительнаго изученія возникновенія и развитія общественныхъ формъ даже далеки отъ постановки себѣ какихъ-либо общихъ теоретическихъ вопросовъ, работая исключительно надъ изслѣдованіемъ строго опредѣленнаго матеріала. Довольно часто они дѣлаютъ весьма цѣнные вклады въ науку, о которой сами вовсе не думаютъ, причисляя себя къ антропологамъ, къ этнографамъ, къ юристамъ и т. п. Что касается до соединенія сравнительнаго изученія съ общими теоретическими взглядами, то въ видѣ примѣровъ укажемъ на два-три наиболѣе важныхъ случая. Прежде всего бо̀льшая часть „Основъ соціологіи“ Спенсера, являющагося представителемъ органической школы, построена преимущественно на выводахъ изъ сравнительнаго изученія этнографическихъ и историческихъ данныхъ, причемъ, гдѣ только возможно, Спенсеръ старается оправдать аналогію между обществомъ и организмомъ. Съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма равнымъ образомъ дѣлались попытки воспользоваться такого же рода данными. Сюда нужно отнести

небольшія работы Энгельса и Каутскаго, въ коихъ существующіе уже взгляды о происхожденіи семьи, собственности и государства приспособляются къ оправданію основного тезиса всей доктрины. Однимъ изъ первыхъ марксистовъ, обратившихся къ изученію первобытныхъ общественныхъ формъ, былъ, впрочемъ, русскій экономистъ Н. И. Зиберъ, авторъ книги „Очерки первобытной экономической культуры". Болѣе или менѣе отличны отъ такихъ трудовъ тѣ, которые совсѣмъ не заняты доказываніемъ какихъ-либо общихъ положеній или въ которыхъ развиваются болѣе широкія и всестороннія воззрѣнія на общество. Къ первой категоріи мы отнесемъ, напримѣръ, труды М. М. Ковалевскаго, котораго можно назвать послѣдователемъ англійскаго историка Мэна. Во второй категоріи видное мѣсто должны занять нѣкоторыя работы Миртова, въ коихъ добытый другими при помощи сравнительнаго метода матеріалъ получаетъ освѣщеніе съ точки зрѣнія весьма широкаго пониманія общественныхъ явленій.

Взглядъ Летурно на соціологію. Нѣкоторые соціологи думаютъ, что только путемъ сравнительнаго изученія этнографическаго и историческаго матеріала и можно построить соціологію. При этомъ нерѣдко очень строго осуждается всякое отвлеченное теоретизированіе. Къ сожалѣнію, представители такого воззрѣнія сами не обходятся безъ извѣстнаго рода теоретическихъ предпосылокъ. Приступая къ изученію фактовъ, они уже руководятся какими-нибудь общими соображеніями, хотя бы и недостаточно опредѣлившимися въ ихъ собственномъ сознаніи, и вотъ то, что имъ кажется выведеннымъ исключительно изъ фактовъ, очень часто на самомъ дѣлѣ бываетъ лишь фактическимъ обоснованіемъ исходной точки зрѣнія, причемъ это фактическое обоснованіе оказывается иногда довольно шаткимъ. Примѣръ такого отрицательнаго отношенія къ отвлеченному теоретизированію представляетъ изъ себя извѣстная книга Летурно „Соціологія по даннымъ этнографіи", и именно примѣръ этой книги показываетъ, что, не довѣряя абстрактному построенію соціологіи, можно тѣмъ не менѣе располагать соціологическій матеріалъ такимъ образомъ, чтобы изъ него получался какъ-разъ нужный теоретическій выводъ.

Лѣтъ тридцать тому назадъ въ парижскомъ антропологическомъ обществѣ былъ поднятъ вопросъ о сущности человѣческой цивилизаціи, и въ преніяхъ по этому вопросу принялъ участіе Летурно, тогда еще только-что начинавшій свою дѣятельность ученый. По высказанному имъ мнѣнію, въ рѣшеніи этого вопроса надлежало взять за основу порядокъ развитія отдѣль-

ной личности и уже отсюда заключать о порядкѣ развитія цѣлаго общества. Мысль о томъ, что общество въ своемъ развитіи переживаетъ такіе же фазисы, какъ и индивидуумъ, весьма стара и весьма произвольна. Въ жизни отдѣльнаго человѣка и всего человѣчества Летурно различилъ періоды, въ которые преобладаніе будто бы принадлежитъ послѣдовательно потребностямъ питанія, развитію внѣшнихъ чувствъ, дѣйствію аффектовъ и послѣ всего умственнымъ процессамъ. Эти фазисы Летурно считаетъ моментами закономѣрнаго развитія всего человѣчества, и къ этой же схемѣ онъ возвращается въ концѣ своей ученой дѣятельности, какъ къ выводу изъ цѣлаго ряда наблюденій надъ различными племенами человѣчества, взятаго во времени и пространствѣ. Это показываетъ, что Летурно скорѣе привнесъ свой взглядъ въ изученіе фактовъ, чѣмъ вынесъ его изъ этого изученія. Кромѣ общаго труда, названнаго выше, онъ написалъ еще цѣлый рядъ особыхъ сочиненій, въ коихъ разсматриваетъ эволюцію отдѣльныхъ сторонъ общественной жизни, напримѣръ, нравственности, собственности и т. п., но для насъ важно именно общее его сочиненіе. Здѣсь Летурно весьма рѣзко высказывается противъ „соціологовъ-систематиковъ“, которые „насильственно располагаютъ факты съ цѣлью во что бы то ни стало оправдать предвзятыя заключенія и ссылаются на слишкомъ ограниченное количество данныхъ“. Къ числу такихъ „соціологовъ-систематиковъ“ онъ относитъ и Конта; считая послѣдняго первоклассным умомъ, ~~Летурно находитъ, что~~ онъ не могъ основать соціологіи. Вся задача науки въ томъ, чтобы „скопить богатый матеріалъ хорошо установленныхъ и тщательно наблюденныхъ фактовъ“, послѣ чего только и можно „приступить къ подбору, распредѣленію и соподчиненію собраннаго матеріала“ для вывода надлежащихъ заключеній. Выполненіе такой громадной подготовительной работы, говоритъ самъ Летурно, потребуетъ цѣлыхъ тысячелѣтій, и пока работа не будетъ совершена, надѣяться на построеніе научной соціологіи нечего. По его мнѣнію, въ настоящее время возможны лишь соціологическіе наброски объ отдѣльныхъ сторонахъ общественной жизни. Онъ порицаетъ и Спенсера за то, что тотъ увлекся умозрительными систематическими взглядами. Себѣ Летурно отмежевалъ, какъ онъ выражается самъ, этнографическую часть соціологіи; соціологія же въ цѣломъ, по его словамъ, должна основываться на данныхъ, заимствованныхъ изъ многихъ наукъ, которыя онъ и перечисляетъ: естественная исторія, антропологія, этнографія, демографія, климатологія, политическая экономія,

исторія и т. д. Намъ извѣстно, что и Спенсеръ большую часть своего соціологическаго трактата основалъ на этнографическихъ данныхъ, но Летурно ставитъ ему въ упрекъ, что онъ отводитъ видное мѣсто и умозрѣнію. Это, впрочемъ, вѣчный упрекъ эмпириковъ по адресу мыслителей съ философскимъ складомъ ума.

Различіе между каузальными и эволюціонными законами соціологіи. Одна изъ задачъ сравнительнаго изученія эволюціи разныхъ общественныхъ явленій заключается въ открытіи общихъ законовъ, коимъ подчинено развитіе отдѣльныхъ сторонъ соціальной жизни. Исходя изъ той мысли, что въ исторіи каждаго народа повторяется въ сущности одинъ и тотъ же процессъ, нѣкоторые писатели утверждаютъ, что прошлое однихъ народовъ можетъ служить основаніемъ для предсказаній относительно будущаго другихъ народовъ. Между прочимъ у насъ въ послѣднее время возникъ горячій споръ между „народниками" и „марксистами" относительно обязательности для Россіи повторить въ своемъ экономическомъ развитіи фазисы, пережитые передовыми народами западной Европы. Уже Контъ возлагалъ на соціологію задачу предвидѣть будущее. Сторонники существованія полнаго параллелизма въ развитіи отдѣльныхъ народовъ и полагаютъ, что указанная Контомъ задача лучше всего рѣшается изученіемъ непреложныхъ законовъ соціальной эволюціи. На этой точкѣ зрѣнія въ данномъ спорѣ и стоятъ русскіе марксисты, хотя имъ еще подобало бы подвергнуть критическому изслѣдованію вопросъ, можно ли принимать формулу совершенно единообразнаго развитія безъ всякихъ ограниченій. Ихъ противники строятъ свои соображенія на той мысли, что исторія каждой страны зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ мѣстныхъ условій, которыя для разныхъ странъ различны. Съ этой точки зрѣнія соціологія не допускаетъ такихъ предсказаній, которыя имѣли бы безусловный характеръ. Именно она не можетъ утверждать, что нѣчто обязательно должно случиться, а въ состояніи лишь предсказывать, что если произойдетъ то-то и то-то, то изъ этого должно выйти то-то и то-то. Нельзя думать, чтобы вся правда была или на той, или на другой сторонѣ. Къ сожалѣнію, въ соціологической литературѣ не дѣлается никакого различія между двоякаго рода законами общественныхъ явленій. Дѣло въ томъ, что одни законы суть каузальные (причинные), другіе—эволюціонные. Первые касаются постоянной связи, существующей между причиной и слѣдствіемъ; напримѣръ, появленіе на рынкѣ какого-либо товара въ большомъ количествѣ влечетъ за собою пониженіе цѣны на этотъ товаръ. Другое

дѣло—необходимая послѣдовательность, въ которой совершается переходъ общества отъ одной формы хозяйства къ другой: если только существуетъ здѣсь закономѣрность, отношеніе послѣдующаго къ предыдущему будетъ не отношеніемъ слѣдствія къ причинѣ, а отношеніемъ болѣе поздняго фазиса къ фазису болѣе раннему въ развитіи одного и того же явленія. Въ настоящее время мы можемъ лишь сказать, что въ общественной жизни дѣйствуютъ и каузальные, и эволюціонные законы, но взаимное отношеніе ихъ требуетъ еще выясненія. Во всякомъ случаѣ соціологія не должна заниматься исключительно открытіемъ однихъ эволюціонныхъ законовъ, которые обыкновенно и имѣются въ виду при пользованіи сравнительно-историческимъ методомъ. Соціологіи необходимо съ такимъ же вниманіемъ изслѣдовать и тѣ случаи необходимой связи между двумя явленіями, когда одно имѣетъ значеніе причины другого.

Общій выводъ. Эволюціонная точка зрѣнія и сравнительный методъ суть научныя пріобрѣтенія XIX в. Мысль о томъ, что наука въ состояніи открывать причинную связь между общественными фактами и, обладая знаніемъ этой связи, предсказывать, что̀ должно произойти, разъ даны извѣстныя условія,—эта мысль легла въ основу той изъ соціальныхъ наукъ, которая ранѣе другихъ достигла позитивнаго фазиса. Мы говоримъ именно о политической экономіи, какъ она была создана Адамомъ Смитомъ. Между тѣмъ эта наука долгое время пользовалась исключительно тѣмъ методомъ, который называется или абстрактнымъ, или дедуктивнымъ, или гипотетическимъ, смотря по тому, какую сторону этого метода имѣютъ преимущественно въ виду. Успѣшность его примѣненія служитъ доказательствомъ его пригодности. Такой авторитетный въ вопросахъ логики писатель, какъ Милль, также стоитъ за пользованіе этимъ методомъ. Но извѣстно также, что исключительное употребленіе дедукціи можетъ приводить къ одностороннимъ результатамъ. Поэтому и въ тѣхъ случаяхъ, когда соціологія стремится открыть каузальные законы общественныхъ явленій, она не должна полагаться на однѣ дедукціи. Съ другой стороны, сравнительно-историческое изученіе вовсе не есть единственный способъ, какимъ наука можетъ извлекать изъ сходныхъ между собою единичныхъ фактовъ истины общаго характера. Поэтому не приходится думать, будто внѣ сравнительно-историческаго метода для соціологіи нѣтъ спасенія, даже въ томъ случаѣ, если бы мы стали думать, что всякія умозрѣнія должны быть исключены изъ этой области. Обработка фактическаго матеріала отдѣльными общественными

науками и въ томъ числѣ исторіей можетъ имѣть важное значеніе для соціологіи и тогда, когда она производится обыкновенными пріемами индуктивнаго изслѣдованія. Въ XIX в. науки политическія, юридическія и экономическія, равно какъ исторія, сдѣлали слишкомъ большіе успѣхи, чтобы можно было не видѣть, какую массу матеріала могутъ онѣ дать для соціолога. Особенно необходимо имѣть въ виду, что независимо отъ общихъ причинъ научнаго прогресса на постановку многихъ вопросовъ въ названныхъ наукахъ громадное вліяніе оказали тѣ запросы, съ коими къ этимъ наукамъ стала обращаться соціологія.

ГЛАВА IX.

Вліяніе соціологіи на другія общественныя науки.

Научныя стремленія XIX в., создавшія соціологическую литературу, должны были оказать свое вліяніе и на старыя общественныя науки. Въ частности возникновеніе соціологіи, какъ совершенно новой науки съ новыми задачами, не могло пройти безслѣдно для исторіи, равно какъ для теоретическаго изученія государства, права и народнаго хозяйства. Новая наука предъявляла старымъ наукамъ свои требованія, а старыя науки, преобразовываясь подъ общимъ вліяніемъ идей XVIII в., не могли избѣжать и спеціальнаго вліянія со стороны соціологіи. Дѣло, однако, не обходилось безъ взаимныхъ недоразумѣній.

Историческая теорія Бокля Въ XIX столѣтіи произошло сближеніе между философіей и исторіей. Стала зарождаться мысль о философской теоріи историческаго процесса. Такъ какъ въ первой половинѣ XIX в. господство принадлежало идеалистическимъ системамъ, то философскія теоріи историческаго процесса имѣли въ это время большею частью чисто метафизическій характеръ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вліяніе философіи на исторію было даже вредно, хотя, конечно, историческая наука шла въ своемъ развитіи совершенно самостоятельнымъ путемъ. Первымъ историческимъ сочиненіемъ, на которомъ сказалось вліяніе позитивизма и соціологіи, была знаменитая „Исторія цивилизаціи въ Англіи" Бокля, первый томъ которой вышелъ въ свѣтъ въ 1858 г. Извѣстно, какое громадное впечатлѣніе произвелъ этотъ трудъ на современниковъ. Одни встрѣ

тили его съ восторгомъ, какъ своего рода откровеніе; другіе, наоборотъ, стали возставать противъ попытки Бокля, какъ противъ своего рода опасной ереси. Многое въ его взглядахъ, дѣйствительно, оказалось ошибочнымъ, но въ книгѣ на самомъ дѣлѣ ставился важный вопросъ о научности исторіи, хотя, правда, авторъ имѣлъ въ виду не столько требованія, коимъ должна удовлетворять наука конкретная, каковою является исторія, сколько требованія, могущія быть предъявленными наукѣ абстрактной, каковой характеръ и принадлежитъ соціологіи. Бокль поставилъ въ упрекъ исторіи, что она не стремится „возвыситься надъ отдѣльными фактами и открыть законы, управляющіе этими фактами". Поэтому вопросъ о закономѣрности общественныхъ явленій занимаетъ довольно видное мѣсто въ его разсужденіи о сущности историческаго знанія. По его представленію, исторія должна пользоваться пріемами естествознанія, которое также занимается открытіемъ законовъ. Съ этой точки зрѣнія онъ принципіально осуждаетъ методъ, употребляемый метафизиками для открытія законовъ духа. Кромѣ того, онъ хочетъ, чтобы историческая наука широко пользовалась и результатами естествознанія, особенно настаивая на томъ, что законы природы оказываютъ непосредственное вліяніе на характеръ людей и устройство обществъ. Послѣдняя тема, впрочемъ, не была новостью: Бокль въ данномъ случаѣ шелъ по стопамъ Монтескье. Противники Бокля упрекали его въ матеріализмѣ, но современные экономическіе матеріалисты могли бы поставить ему въ упрекъ, наоборотъ, извѣстнаго рода идеализмъ. Бокль думаетъ именно, что главнымъ факторомъ историческаго движенія является умственное развитіе, въ частности прогрессъ нашихъ знаній о природѣ. Конечно, этотъ основной взглядъ Бокля отличается крайнею односторонностью, что съ особенною силою обнаруживается, напр., на его попыткѣ связать причинною связью успѣхи естествознанія въ XVIII в. и французскую революцію, но именно и въ самомъ увлеченіи этомъ сказалась общая реалистическая тенденція всего историческаго міросозерцанія Бокля. Въ этомъ стремленіи сблизить исторію съ естествознаніемъ, въ этой постановкѣ предъ исторіей задачи открывать законы общественныхъ явленій и, наконецъ, въ этомъ представленіи умственнаго развитія, какъ главной движущей силы исторіи, Бокль сходится съ Контомъ, испытываетъ на себѣ его вліяніе, (хотя, подобно Спенсеру, и совершенно въ разрѣзъ съ Контомъ является ярымъ проповѣдникомъ системы правительственнаго невмѣшательства). Задумывая реформировать исторію на новыхъ

началахъ, Бокль, въ сущности, если можно такъ выразиться, лишь въ теоріи упразднялъ исторію, замѣняя ее соціологіей, хотя по болѣе конкретнымъ свойствамъ своего ума самъ обнаруживалъ большую склонность къ исторіи (хотя бы и философской), чѣмъ къ соціологіи. Нападеніе Бокля на историковъ должно было встрѣтить со стороны послѣднихъ сильный отпоръ. Между прочимъ, противники Бокля инстинктивно чувствовали, что возникновеніе новой задачи—открывать законы общественныхъ явленій—отнюдь не устраняетъ со сцены старой задачи—научно изслѣдовать эти явленія во всей ихъ конкретности безъ какого бы то ни было отношенія къ установленію какихъ-либо общихъ истинъ. По другимъ пунктамъ критики Бокля сумѣли подмѣтить довольно вѣрно его частныя увлеченія, хотя нерѣдко, съ другой стороны, и обнаруживали неспособность подняться на ту высоту научнаго созерцанія, на которой стоялъ Бокль. Нѣкоторое недоразумѣніе въ спорахъ о „поднятіи исторіи на степень науки“ (названіе статьи Дройзена о Боклѣ) продолжалось и дальше. Иногда оно продолжается и до сихъ поръ.

Необходимость строго отличать соціологію отъ исторіи. Это недоразумѣніе вытекаетъ изъ смѣшенія задачъ абстрактной и конкретной науки. Исторія есть наука конкретная, соціологія—наука абстрактная. Обѣ онѣ могутъ существовать рядомъ, не только не мѣшая одна другой, но даже одна другой помогая. Весьма естественно, что когда исторія въ томъ видѣ, какъ она существуетъ, подвергалась нападкамъ за то, что не исполняетъ задачъ соціологіи, историки вооружались, чтобы защищать свою науку, совершенно правильно доказывая, что отъ своихъ задачъ и пріемовъ историческая наука отказаться не можетъ, и въ то же время совершенно неосновательно утверждая, будто никакой новой науки объ обществѣ и не нужно. Нѣкоторые представители исторической науки обнаруживали даже замѣчательное непониманіе основной идеи соціологіи. Съ этой стороны говорилось по этому не мало несправедливаго. Въ свою очередь представители соціологической мысли очень часто относились къ историкамъ нѣсколько свысока. Между прочимъ, въ этомъ можно упрекнуть, напр., Спенсера, который вообще обнаруживаетъ замѣчательно мало способностей къ пониманію драматической стороны исторической жизни съ ея борьбою, побѣдами и пораженіями въ борьбѣ, а также со всѣми общественными настроеніями, обусловливаемыми этою борьбою. Конечно, впрочемъ, многіе писатели старались разъяснить это недоразумѣніе. За послѣднее время, напримѣръ, объ этомъ весьма основательно говорилъ

Гумпловичъ въ „Соціологіи и политикѣ“ и Бернгеймъ въ „Руководствѣ исторической методологіи“. Первый изъ названныхъ писателей—соціологъ, второй—историкъ. По частнымъ вопросамъ здѣсь можно быть разнаго мнѣнія, но сущность дѣла отъ этого не измѣняется. Исторія и соціологія изучаютъ одно и то же, но только различными способами и съ различными цѣлями. Первая воспроизводитъ прошлое, вторая открываетъ общіе законы. Въ этомъ пунктѣ согласны между собою оба только-что названные писатели, и это вполнѣ совпадаетъ съ основною мыслью Ог. Конта. Лучшіе представители соціологической мысли въ Россіи никогда не впадали въ указанныя недоразумѣнія. Болѣе всего надъ разъясненіемъ этого вопроса работалъ Мировъ въ „Очеркахъ систематическаго знанія“, помѣщавшихся въ журналѣ „Знаніе“ за 1872 и 1873 гг.

Взглядъ Бурдо на задачу исторіи. Въ недавнее время (1878 и 1894 гг.) вопросъ о реформѣ историческаго знанія былъ поставленъ двумя французскими учеными—Бурдо и Лакомбомъ. Первый изъ нихъ выступилъ съ книгой подъ заглавіемъ „Исторія и историки. Критическій опытъ объ исторіи, разсматриваемой въ качествѣ положительной науки“. Этому автору, къ сожалѣнію, совершенно не дается различіе между исторіей и соціологіей. По его опредѣленію, предметъ исторіи составляетъ „совокупность всѣхъ фактовъ, которые управляются разумомъ или испытываютъ вліяніе разума“. Идеаломъ было бы знать всѣ лица и всѣ ихъ дѣла. Между тѣмъ историки вмѣсто того, чтобы наблюдать совокупность всѣхъ людей, занимаются только отдѣльными личностями и вмѣсто того, чтобы изслѣдовать „отправленія разума“, все дѣло сводятъ къ разсказу о событіяхъ. Бурдо различаетъ въ исторіи двоякаго рода факты, изъ коихъ одни называетъ событіями, другіе — отправленіями (fonctions). Подъ послѣдними онъ разумѣетъ то, что мы назвали бы формами общественнаго быта, духовною культурою и соціальною организаціей народовъ. Бурдо думаетъ, что главное въ исторіи не событія, а общія явленія матеріальной, духовной и общественной жизни (мы сказали бы: не факты прагматическіе, бытовые, а культурные въ широкомъ смыслѣ слова, или бытовые). Новаго ничего въ данномъ случаѣ Бурдо не говоритъ. Историческая наука въ XIX в. развивается именно въ этомъ направленіи. Повѣствованіе о дѣяніяхъ отдѣльныхъ лицъ или даже группъ все болѣе и болѣе отступаетъ на задній планъ передъ описаніемъ жизни цѣлаго общества въ отдѣльныхъ его классахъ. Несомнѣнно, что такое представленіе объ исторіи приближаетъ ее къ соціологіи,

которая тоже имѣетъ своимъ предметомъ общество. Но одно дѣло —разсказать исторію каждаго отдѣльнаго общества (государства, народа), другое дѣло — изложить законы, коимъ подчиняется жизнь всякаго общества. Между тѣмъ Бурдо думаетъ, что разъ историкъ перейдетъ отъ изученія единичныхъ событій къ общимъ бытовымъ фактамъ, то этимъ самымъ онъ вынужденъ будетъ измѣнить и самую задачу: вмѣсто научнаго воспроизведенія развитія духовной культуры и общественной организаціи даннаго народа или данной страны, заниматься открытіемъ законовъ культурнаго и соціальнаго развитія вообще. Бурдо даже полагаетъ, что исторія лишь тогда сдѣлается наукой, когда будетъ заниматься открытіемъ законовъ. Можно было бы совершенно обойти молчаніемъ мнѣніе Бурдо, если бы оно было только его мнѣніемъ. Напротивъ, оно очень распространено. Но въ основѣ такого мнѣнія лежитъ отождествленіе науки вообще лишь съ однимъ видомъ науки—съ наукою абстрактною. То, что Бурдо говоритъ о законахъ исторіи, когда онъ ихъ дѣлитъ на законы сходства, причинной связи и развитія, можетъ быть прямо отнесено къ соціологіи.

Взглядъ Лакомба на задачу исторіи. Во многихъ отношеніяхъ отъ книги Бурдо отличается книга Лакомба „Исторія, какъ наука". По нѣкотрымъ весьма существеннымъ пунктамъ пониманіе исторіи у обоихъ авторовъ даже трудно было бы хоть сколько-нибудь согласить. Это, однако, не мѣшаетъ Лакомбу повторять въ другихъ только выраженіяхъ то, что говоритъ и Бурдо. Замѣчательно, что и ему совсѣмъ не ясно различіе между исторіей и соціологіей (хотя, конечно, это не давало еще права русскому переводчику книги озаглавить ее „Соціологическія основы исторіи"). Лакомбу даже кажется, будто соціологія до сихъ поръ интересовалась исключительно одними дикими и варварскими народами,—взглядъ тоже довольно распространенный и ранѣе Лакомба между прочимъ высказанный однимъ критикомъ соціологіи Михайловскаго. Подобно Бурдо, Лакомбъ думаетъ, что для возведенія исторіи на степень науки нужно только произвести выборъ матеріала, устранивъ изъ обычнаго матеріала историковъ одни факты, а на другихъ, наоборотъ, сосредоточивъ все вниманіе науки. Науку Лакомбъ понимаетъ исключительно въ абстрактномъ смыслѣ: „наукою, говоритъ онъ, называютъ совокупность истинъ, т.-е. сужденій, указывающихъ на то, что существуютъ постоянныя сходства между такими-то и такими-то явленіями". По его мнѣнію, заниматься изученіемъ той связи, какая существуетъ между опредѣленными

фактами, есть задача исторической эрудиціи, а задача исторіи, какъ науки, заключается въ томъ, чтобы вырабатывать общія истины объ историческихъ явленіяхъ, приложимыя ко всѣмъ временамъ и всѣмъ народамъ. Въ сущности, Лакомбъ, самъ того не подозрѣвая, формулируетъ здѣсь различіе, существующее между исторіей и соціологіей. Но онъ ошибается, полагая, что это различіе обусловливается не разнымъ отношеніемъ къ однимъ и тѣмъ же явленіямъ, а различіемъ, существующимъ въ самихъ явленіяхъ. Послѣднія и онъ дѣлитъ на событія и учрежденія или установленія (institutions); прибавимъ, что послѣднему слову онъ даетъ весьма широкое значеніе, подводя подъ категорію установленій не только факты соціальной организаціи, но и факты духовной культуры. Событія, какъ факты, которые имѣли мѣсто лишь одинъ разъ, Лакомбъ исключаетъ изъ науки, признавая научное значеніе лишь за установленіями, какъ фактами, въ которыхъ много разъ повторяется извѣстное отношеніе. Это—все то же дѣленіе историческихъ фактовъ на прагматическіе (былевые) и культурные (бытовые). Лакомбъ даже очень хорошо понимаетъ, что въ дѣйствительной жизни событія и установленія, такъ сказать, переплетаются между собою и находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Но ему представляется, будто только факты второй категоріи могутъ быть предметомъ науки, т.-е. научной исторіи, которую, однако, онъ все-таки не умѣетъ отличить отъ соціологіи. Онъ говоритъ именно: „читайте историковъ,—я имѣю въ виду обыкновенную исторію, т.-е. повѣствовательную исторію, —читайте историковъ, и вы увидите, что въ исторіи какъ-будто нѣтъ ничего, кромѣ событій; читайте соціологовъ, и вамъ покажется, что они имѣютъ дѣло только съ установленіями". Конечно, это невѣрно. Историки одинаково имѣютъ дѣло и съ прагматическими, и съ культурными фактами, съ ихъ взаимодѣйствіемъ, съ ихъ причинными и эволюціонными отношеніями однихъ къ другимъ. Но историки изучаютъ эти факты, какъ пріуроченные къ извѣстнымъ мѣстамъ и къ извѣстнымъ временамъ. Даже въ томъ случаѣ, когда они сравниваютъ между собою сходные факты, взятые въ разныхъ мѣстахъ и въ разныхъ временахъ, они не перестаютъ быть историками, хотя бы сравнительно-историческому изученію и ставились соціологическія цѣли. Съ другой стороны, одинаково какъ прагматическіе, такъ и культурные факты могутъ изучаться соціологически. Относительно культурныхъ фактовъ, т.-е. „отправленій" по терминологіи Бурдо и „установленій" по терминологіи Лакомба въ данномъ случаѣ нѣтъ и быть не можетъ никакого сомнѣнія, но вѣдь и прагматическіе факты,

обозначенные у обоихъ писателей, какъ событія, могутъ изучаться не только конкретно (исторически), но и абстрактно (соціологически). Напримѣръ, всякая революція есть событіе, т.-е. единичный фактъ, который можетъ быть изслѣдованъ и разсказанъ, но возможно и сравнительное изученіе подобнаго рода единичныхъ событій въ цѣляхъ формулированія нѣкоторыхъ общихъ истинъ, такъ сказать, для всѣхъ странъ и эпохъ. Поскольку отдѣльныя событія складываются изъ единичныхъ людскихъ поступковъ, и эти послѣдніе могутъ быть предметомъ такого же соціологическаго изученія въ качествѣ факторовъ историческихъ событій. Прибавимъ, что книги Бурдо и Лакомба разсмотрѣны здѣсь лишь съ одной стороны. По другому поводу о трудѣ Лакомба рѣчь уже шла раньше, а въ дальнѣйшемъ точно также по совсѣмъ другому вопросу придется вернуться и къ книгѣ Бурдо.

Взглядъ Шопенгауера на исторію. Бурдо и Лакомбъ далеко не единственные писатели, которые отрицаютъ за исторіей значеніе науки, исходя изъ слишкомъ тѣснаго понятія о наукѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не единственные писатели, сливающіе въ одно понятіе понятія соціологіи и культурной исторіи. Извѣстно, напримѣръ, что называть исторію наукой не хотѣлъ и Шопенгауеръ. „Науки, говоритъ онъ, будучи системами понятій, всегда говорятъ о родахъ, исторія—всегда объ индивидуумахъ; первыя говорятъ о томъ, что бываетъ всегда, вторая — о случившемся однажды и болѣе не существующемъ". Поэтому, думаетъ философъ, матеріалъ исторіи способенъ только къ координаціи, совсѣмъ неспособенъ къ субординаціи познаваемаго. Дѣло въ томъ, однако, что и въ естествознаніи однѣ науки занимаются болѣе координаціей, другія субординаціей изучаемаго; на этомъ и основано контовское различеніе между конкретными и абстрактными науками. Шопенгауеръ подъ наукою вообще разумѣетъ только абстрактную науку и все его разсужденіе доказываетъ лишь одно, именно то, что исторія не есть абстрактная наука. Констатированіе дѣйствительныхъ фактовъ и нахожденіе между ними дѣйствительной связи (координированіе) есть такое же научное занятіе, какъ и открытіе общихъ истинъ и подведеніе подъ нихъ частныхъ явленій (субординація). „Главы исторіи народовъ, говоритъ еще Шопенгауеръ, различны въ сущности только по именамъ и цифрамъ годовъ: настоящее, существенное содержаніе вездѣ одно и то же". Вотъ это-то содержаніе и есть предметъ соціологіи.

Общее вліяніе соціологіи на историческую науку. Возникновеніе новой абстрактной науки, конечно, должно бы-

отразиться на соотвѣтственной наукѣ конкретной. Въ этомъ отношеніи нужно различить нѣсколько моментовъ. Чисто позитивная соціологія, совершенно отрѣшившаяся отъ метафизики, должна была нанести сильный ударъ прежней философіи исторіи, строившейся исключительно на метафизическихъ основаніяхъ. Во-вторыхъ, новая наука, сдѣлавшая своимъ предметомъ общество, отвлеченно взятое, окончательно опредѣлила и задачу исторіи въ смыслѣ изученія жизни общества въ его отдѣльныхъ конкретныхъ экземплярахъ, взятыхъ въ разныхъ странахъ и въ разныя эпохи. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что такое пониманіе основной задачи исторической науки возникло въ ней самой и раньше образованія самой соціологіи. Наиболѣе этому содѣйствовала французская исторіографія начала XIX в. (въ особенности Гизо). Въ-третьихъ, хотя самъ Контъ и совершенно неправильно на практикѣ отождествилъ динамическую соціологію съ философіей исторіи, однако, только благодаря его основной идеѣ, сдѣлалось возможнымъ различеніе между двумя разными способами относиться философски къ исторіи. Одинъ способъ и есть философія исторіи, соединеніе въ одно цѣлое исторіи человѣчества, т.-е. исторій отдѣльныхъ народовъ съ указаніемъ ихъ преемственности и значенія каждаго изъ нихъ и т. д. Это задача синтетическая. Другая задача — аналитическая, разложеніе каждой отдѣльной исторіи на ея составные элементы для выработки общей теоріи историческаго процесса, отвлеченно взятаго. Это и есть теорія исторіи, какъ самая главная часть динамической соціологіи.

Попытки построенія теоріи исторіи, хотя и не систематически, дѣлались еще въ нѣдрахъ прежней философіи исторіи на метафизической почвѣ. Соціологія не только оторвала теорію историческаго процесса отъ метафизики, поставивъ этой теоріи реальную задачу и указавъ ей на научные методы для разрѣшенія этой задачи, но и обособила теоретическое отношеніе къ исторіи съ характеромъ чисто аналитическимъ отъ чисто синтетической задачи разсмотрѣнія всемірной исторіи съ философской точки зрѣнія. Философія исторіи возможна и на позитивной почвѣ, но и тутъ ея задача заключается въ координированіи фактовъ. Одно дѣло, напримѣръ, понять, какое мѣсто принадлежитъ Греціи во всемірной исторіи, или какія причины создали морское могущество Англіи; другое дѣло — выяснить значеніе экономическаго или идейнаго фактора въ исторіи вообще. Между тѣмъ это различіе далось не сразу. „Несчастная особенность исторіи человѣка, говоритъ Бокль, состоитъ въ томъ, что, хотя искусно изслѣдованы ея отдѣльныя части, все же

почти никто не пробовалъ слить ихъ въ одно цѣлое и объяснить ихъ взаимную связь. Во всѣхъ другихъ великихъ сферахъ знанія, продолжаетъ онъ, необходимость обобщенія признана всѣми, и сдѣланы благородныя попытки возвыситься надъ отдѣльными фактами и открыть законы, управляющіе этими фактами". Въ этихъ словахъ говорится о двухъ совершенно несходныхъ задачахъ, но онѣ не различены одна отъ другой. Только подобнымъ неразличеніемъ, встрѣчающимся и у нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей, и можно объяснить, что иные изъ нихъ считаютъ возможнымъ писать философскіе обзоры всемірной исторіи не только безъ предварительной разработки теоріи историческаго процесса, отвлеченно взятаго, но и въ томъ предположеніи, будто ихъ способъ относиться къ исторіи исчерпываетъ всякую иную возможность философскаго отношенія. Такова, напримѣръ, одно время пользовавшаяся успѣхомъ „Культурная исторія въ ея естественномъ развитіи" Гелльвальда и другія подобныя сочиненія. Возростающее вліяніе соціологіи на философское отношеніе къ исторіи сказывается, однако, въ томъ, что въ научной литературѣ, посвященной этого рода вопросамъ, теорія исторіи, или исторіологія начинаетъ играть все болѣе и болѣе видную роль сравнительно съ философіей исторіи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова. И еще въ одномъ отношеніи соціологія оказала вліяніе на исторію. Сравнительно-историческое изученіе можетъ ставить себѣ цѣли трояекаго рода: сравнивая два сходныя явленія, указывать на ихъ происхожденіе изъ общаго источника или открывать, что однимъ народомъ сдѣлано у другого заимствованіе, или же устанавливать истины болѣе общаго характера. Историческая наука уже раньше въ своихъ собственныхъ итересахъ пользовалась сравненіемъ сходныхъ фактовъ, рѣшая вопросы объ общемъ просхожденіи или заимствованіяхъ. Это чисто историческія задачи. Соціологія поставила передъ историками и третью задачу. — Во многихъ случаяхъ вліяніе соціологіи на исторію было менѣе уловимо. Несомнѣнно только, что историческая методологія выработалась совершенно самостоятельно; да соціологія и не могла оказать здѣсь своего вліянія, ибо по существу дѣла методы наукъ конкретныхъ и абстрактныхъ не совпадаютъ [1]).

---

[1]) Въ печати приходилось встрѣчаться съ мнѣніемъ, по которому гораздо проще признавать одну исторію (она же и соціологія) и что нѣтъ никакихъ основаній различать исторію, соціологію, историку (т.-е. историческую методологію), исторіологію (т.-е. теорію историческаго процесса), философію исторіи, такъ какъ достаточно одной, всѣмъ понятной исторіи. Такое разсужденіе равно-

Различное пониманіе сущности историческаго процесса въ соціологической литературѣ. Отдѣльныя соціологическія направленія тоже оставили свои слѣды на способахъ понимать сущность историческаго процесса. Прежде, нежели органическая школа начала проводить свои естественно-историческія аналогіи, идея органичности историческаго процесса уже высказывалась самими историками, нерѣдко, впрочемъ, съ явно затаенными консервативными намѣреніями; послѣднее особенно относится къ исторической школѣ права. Понять исторію исключительно съ точки зрѣнія принциповъ дарвинизма дѣлалось тоже немало попытокъ, и онѣ даже имѣютъ большее значеніе въ качествѣ гипотезъ о движущихъ силахъ исторіи, чѣмъ гипотезъ объ элементахъ, лежащихъ въ основѣ общественнаго устройства. Оно и понятно: борьба за существованіе и естественный подборъ еще могутъ разсматриваться, какъ движущіе факторы, но совершенно не годятся для непосредственнаго обоснованія на нихъ общественной солидарности. Несмотря на всѣ недостатки экономическаго матеріализма, какъ теоріи историческаго процесса, это направленіе оказываетъ на историческую науку вліяніе, которое не можетъ не считаться благопріятнымъ. Хотя развитіе экономическаго направленія въ исторіи отнюдь нельзя приписать исключительному вліянію экономическаго матеріализма, тѣмъ не менѣе это направленіе несомнѣнно сказывается на современной исторіографіи, ставя передъ нею новыя задачи. Основательное изученіе экономической исторіи, которая прежде была въ большомъ пренебреженіи, само по себѣ весьма важная задача. Другая задача—изслѣдованіе роли экономическаго фактора въ соціальныхъ и культурныхъ движеніяхъ разныхъ категорій. Только такимъ путемъ и можетъ быть теоретически выяснено значеніе экономическихъ явленій въ соціальной жизни, степень и характеръ ихъ вліянія на другія культурныя и соціальныя явленія. Наконецъ, сами психологическія объясненія историческихъ фактовъ подъ вліяніемъ позитивной соціологіи стали получать болѣе научный характеръ. Позитивизмъ изгналъ изъ этой области представленія идеалистическаго спиритуализма: идеи были поняты, не какъ метафизическія сущности, а какъ реальныя явленія человѣческаго сознанія, оказывающія вліяніе на человѣческую волю и,

сильно тому, какъ если бы кто-либо, учившійся въ средней школѣ естественной исторіи, т.-е. минералогіи, ботаникѣ и зоологіи, сталъ бы высказывать недоумѣніе, зачѣмъ еще выдумывать разныя біологіи, анатоміи (да еще сравнительныя), гистологіи, эмбріологіи, физіологіи, зоотоміи и т. п.

слѣдовательно, объясняющія человѣческіе поступки, изъ коихъ складывается вся прагматическая сторона исторіи. Съ другой стороны, изъ общаго понятія законовъ, управляющихъ общественными явленіями, легко извлекается понятіе о законахъ, коимъ подчиняются психическія явленія, происходящія въ цѣломъ обществѣ, благодаря взаимодѣйствію между его отдѣльными членами.

Теоретическое изученіе государства, права и народнаго хозяйства, существовавшее уже до возникновенія соціологіи, также испытало на себѣ вліяніе послѣдней.

Соціологія и другія теоретическія общественныя науки. Политическая экономія съ самаго начала получила характеръ положительной науки. Если еще у физіократовъ и даже у Адама Смита мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми метафизическими представленіями, то они все-таки не оказываютъ существеннаго вліянія на изображенія дѣйствительныхъ явленій экономической жизни. Не то представляютъ намъ собою науки политическія и юридическія, въ которыхъ всегда былъ весьма силенъ метафизическій элементъ. Особенно это слѣдуетъ отмѣтить по отношенію къ юриспруденціи, ибо союзъ этой науки съ метафизической философіей длился цѣлые вѣка. Основаніе положили ему еще римскіе юристы, впервые создавшіе теоретическое изученіе права съ помощью греческой философіи, особливо стоицизма, у коего они заимствовали идею естественнаго права. Послѣднимъ фазисомъ этого вѣкового союза юриспруденціи и метафизики было то вліяніе, которое философія Гегеля оказала на юридическія теоріи середины XIX в. И вообще по самой природѣ своей право наиболѣе способно поддаваться метафизическому истолкованію. Первоначально оно изучалось исключительно съ практическими цѣлями. Это была наука прикладная, но уже въ древности возникла философія или теорія права, долгое время сохранившая главнымъ образомъ нормативный характеръ. Каждая нормативная наука имѣетъ своею цѣлью не изъясненіе дѣйствительности, а установленіе принциповъ должнаго. Такова логика для нашего мышленія, такова этика для нашего поведенія. Обѣ эти науки касаются тѣхъ же предметовъ, коими занимается и психологія, но только не съ той точки зрѣнія, съ какой психологія изучаетъ умъ, чувство и волю человѣка. Вотъ и юриспруденція на первыхъ порахъ развитія относилась къ праву совершенно такъ же, какъ логика и этика относятся къ духовной жизни человѣка, т.-е. ставя передъ нею извѣстныя нормы, а не изслѣдуя законы дѣйствительно совершающихся явленій. Начать изученіе права, какъ реальнаго явленія, значило для юрис-

пруденціи сдѣлать шагъ впередъ, и этотъ шагъ впервые былъ рѣзко отмѣченъ „Духомъ законовъ“ Монтескье и исторической школой права Савиньи, хотя послѣдняя и создавалась подъ вліяніемъ современной ей метафизики. Какъ теорія нормативная, юриспруденція по своему предмету ближе всего стоитъ къ этикѣ: нормы поведенія и нормы отношеній между людьми тѣсно между собою переплетаются. Долгое время казалось, что обосновать нравственныя и юридическія нормы можно лишь на чисто метафизическомъ разсмотрѣніи вопроса о томъ, что такое нравственность, что такое право. Это, такъ сказать, устанавливало задачу, опредѣляло методъ философіи права, т.-е. теоретической юриспруденціи. Съ такой нормативно-юридической, чисто идеологической точки зрѣнія изучалось и государство, хотя уже Аристотель въ своей „Политикѣ“ становился на болѣе позитивную почву. Соціологія, создавая науку объ обществѣ по образцу физики въ широкомъ смыслѣ этого слова, окончательно установила тотъ принципъ, въ силу котораго наука прежде всего должна изучать явленія и открывать управляющіе ими законы. Вліяніе соціологіи должно было сказаться одинаково и на государствовѣдѣніи, и на правовѣдѣніи, причемъ, конечно, въ обѣихъ этихъ областяхъ многія измѣненія совершались въ зависимости отъ общихъ условій научнаго движенія XIX в. Разсмотримъ въ отдѣльности вліяніе соціологіи на теоретическую политику и на теоретическую юриспруденцію.

Вліяніе соціологіи на государствовѣдѣніе. Теоріей государства можно заниматься двоякимъ образомъ—юридически и соціологически, хотя обѣ точки зрѣнія на практикѣ и могутъ одна съ другою смѣшиваться. Такъ называемое государственное право въ своихъ чисто теоретическихъ частяхъ, т.-е. тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ общихъ понятіяхъ, а не о конкретныхъ фактахъ исторіи и современности, имѣетъ характеръ или нормативный, или чисто научный въ самомъ тѣсномъ значеніи послѣдняго слова. Старое государственное право изучало свой предметъ преимущественно съ точки зрѣнія юридическихъ нормъ, обязательныхъ въ политической жизни. Такое отношеніе къ государству никогда не потеряетъ своего значенія, какъ никогда своего значенія не потеряютъ логика и этика — рядомъ съ психологіей. Но не съ такой точки зрѣнія соціологія интересуется государствомъ: для нея государство есть прежде всего реальное явленіе, которое должно изучаться совершенно такъ же, какъ изучаются всякія реальныя явленія — безотносительно къ какимъ бы то ни было нормамъ.

Государство не есть единственная форма общежитія. Раціоналистическая философія XVIII в. представляла себѣ до-государственное существованіе, какъ пресловутое естественное состояніе. Выше было сказано, какъ наука XIX в. разрушила это ложное представленіе. Человѣкъ съ самаго начала своего обособленія отъ остального зоологическаго міра является, выражаясь словами Аристотеля, животнымъ общественнымъ, но, конечно, самыя раннія соединенія людей не могутъ называться государствами. Между первобытною ордою и первымъ соединеніемъ людей, заслуживающимъ названія государства, располагается цѣлый рядъ формъ совмѣстнаго существованія. Сравнительно-историческое изученіе, какъ было показано выше, сдѣлало очень много для уясненія того быта, который предшествовалъ государству, и для рѣшенія вопроса о происхожденіи и развитіи чисто государственныхъ отношеній. То же сравнительное изученіе разнаго рода видовъ государственнаго устройства, какія только знаютъ исторія и современность, открыло новыя точки зрѣнія въ старомъ вопросѣ о классификаціи формъ правленія. Прежнія рубрики, установленныя чисто логическимъ путемъ, оказались слишкомъ узкими для живого разнообразія фактовъ дѣйствительности. На почвѣ новаго, сравнительно-историческаго изученія получилъ новую постановку и вопросъ о предѣлахъ власти государства. Ранѣе этотъ предметъ разсматривался исключительно съ точки зрѣнія извѣстнаго пониманія цѣли государства, и не изслѣдовались условія, вызывавшія государственное вмѣшательство въ разныя сферы общественной жизни на отдѣльныхъ ступеняхъ политическаго развитія. Сравнительно-историческое изученіе между прочимъ обнаружило, что въ разсматриваемомъ отношеніи государство явилось только наслѣдникомъ болѣе раннихъ или элементарныхъ соединеній политическаго характера, каковы учрежденія родовыя, общинныя и артельныя (гильдіи и цехи на Западѣ). Тѣмъ же путемъ было найдено, что форма правленія зависитъ и отъ соотношенія соціальныхъ силъ. Наконецъ, знаменитый со времени Монтескье вопросъ о раздѣленіи властей получаетъ на почвѣ сравнительно-историческаго изученія новое освѣщеніе, равно какъ и болѣе частные вопросы объ организаціи и дѣятельности властей законодательной, исполнительной и судебной. Старое государственное право или возводило въ принципъ дѣйствующее законодательство, или искало нормъ, по которымъ можно было бы перестроить дѣйствительность, и пользовалось фактами дѣйствительности для иллюстраціи или доказательства своихъ положеній, а не для установленія общихъ

законовъ, коимъ подчиняются явленія государственной жизни во всѣхъ странахъ и во всѣ эпохи. Для него юридическія нормы значили все, фактическія же отношенія имѣли мало значенія. Оно смѣшивало задачи чистой и прикладной науки, плохо иногда отличая послѣднюю отъ политическаго искусства, т.-е. непосредственнаго примѣненія на практикѣ правилъ прикладной политики. Особенно подъ вліяніемъ соціологіи въ области государствовѣдѣнія стало обнаруживаться стремленіе сдѣлать политическую жизнь предметомъ чистой науки въ смыслѣ такой же общей теоріи государства, какою по отношенію къ народному хозяйству является теоретическая политическая экономія.

Отношеніе къ соціологіи нѣкоторыхъ представителей государствовѣдѣнія въ Россіи. Какъ наука, имѣющая свою исторію и свои практическія задачи, государственное право, конечно, должно существовать независимо отъ соціологіи. Этимъ объясняется то обстоятельство, что представители этой науки, которые не желаютъ и не могутъ порвать связь съ ея традиціями и отказаться отъ ея прикладного значенія, или совершенно игнорируютъ точку зрѣнія позитивной соціологіи, или придаютъ ей второстепенное значеніе. Тѣмъ не менѣе свое вліяніе соціологія оказала на нѣкоторыхъ представителей государственныхъ наукъ и на университетскихъ каѳедрахъ, между прочимъ и въ Россіи. Однимъ изъ первыхъ выразилъ свое сочувствіе новому направленію В. И. Сергѣевичъ въ своей докторской диссертаціи „Задача и метода государственныхъ наукъ“ (1871). Излагая нѣмецкія, французскія и англійскія воззрѣнія на науку о государствѣ, онъ называетъ взглядъ французскихъ и англійскихъ ученыхъ „несравненно болѣе вѣрнымъ“ и прибавляетъ, что этому взгляду „внѣ всякаго сомнѣнія принадлежитъ будущее“. Онъ прямо прибавляетъ, что въ этомъ дѣлѣ иниціатива принадлежитъ Франціи въ лицѣ Ог. Конта. Правда, онъ отождествляетъ соціологію съ наукой о государствѣ, или политикой въ аристотелевскомъ смыслѣ, но задачу этой науки понимаетъ вполнѣ правильно. „Чистая наука, говоритъ онъ, ничего не предписываетъ; она изучаетъ только связь фактовъ. Она не говоритъ, что̀ должно быть, а только — что̀ есть и какъ есть“. Отъ этой чистой науки онъ отличаетъ науку прикладную, которая выработанныя чистою наукою начала должна предлагать въ формѣ, удобной для практическихъ цѣлей. Далѣе, онъ придаетъ важное значеніе тому обстоятельству, что во Франціи и Англіи гораздо болѣе, нежели въ Германіи, разрабатывался вопросъ о „правильныхъ пріемахъ изслѣдованія въ области политики“. Въ

этомъ, по его мнѣнію, заключается главная заслуга Конта: „путь, который имъ указанъ, говоритъ онъ, мы считаемъ совершенно вѣрнымъ, этимъ путемъ надо идти“. Характеристическую черту положительнаго метода, по его словамъ, „составляетъ то, что онъ прямо и рѣшительно отказывается отъ всѣхъ попытокъ въ духѣ метафизической школы и изученіе самыхъ явленій считаетъ единственно правильнымъ научнымъ пріемомъ“. Докторской диссертаціи Сергѣевича предшествовала магистерская на историческую тему („Вѣче и князь“). Ихъ авторъ вообще не теоретикъ, а историкъ государственнаго права, ограничившій притомъ свои занятія прошлымъ одной Россіи. На этихъ его занятіяхъ вліяніе соціологіи спеціально отразиться поэтому и не могло.

Въ гораздо большей степени соціологическая точка зрѣнія сказалась на общемъ направленіи другого университетскаго представителя государствовѣдѣнія въ Россіи, М. М. Ковалевскаго, занимавшаго каѳедру въ Москвѣ въ концѣ семидесятыхъ и въ восьмидесятыхъ годахъ. Онъ также не теоретикъ, а историкъ, весьма интересующійся между прочимъ ранними формами общественнаго быта и изучающій ихъ съ сравнительной точки зрѣнія. Въ своихъ работахъ и въ своихъ курсахъ онъ особенно настойчиво проводитъ ту мысль, что какъ біологія не могла обойтись безъ помощи естественной исторіи, такъ и соціологія не получитъ научной постановки раньше систематическаго описанія существующихъ и существовавшихъ обществъ. Соціологіи, какъ абстрактной наукѣ, недостаетъ, по его мнѣнію, прочнаго фундамента конкретныхъ фактовъ, установленныхъ этнографіей и исторіей. Признавая самостоятельность соціологіи и считая ея задачу чисто теоретическою (хотя чреватою послѣдствіями и для практики), онъ отдаетъ въ ней предпочтеніе историческому направленію передъ философскимъ. Въ этомъ смыслѣ между прочимъ онъ высказался въ брошюрѣ „Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и пріемы изученія исторіи права“ (1880). Его руководителями въ данномъ отношеніи явились, кромѣ Мэна, Тэйлоръ, Леббокъ, Морганъ, Спенсеръ и др. Въ такомъ пониманіи дѣла государственное право превращается у Ковалевскаго въ сравнительную исторію учрежденій, причемъ основнымъ предметомъ изученія является не столько государство, сколько „общественный строй“, который представляется, какъ основа, опредѣляющая собою въ большой мѣрѣ и политическій строй. Послѣднее воззрѣніе сложилось у Ковалевскаго до извѣстной степени подъ вліяніемъ Маркса, хотя недовѣріе, высказы-

ваемое Ковалевскимъ по отношенію ко всякимъ общимъ теоріямъ [1]), и его не исключительно экономическое пониманіе исторіи не позволяютъ причислять его къ экономическимъ матеріалистамъ. Во всякомъ случаѣ, въ его работахъ и курсахъ государственное право отрѣшается отъ узкой юридической точки зрѣнія и ставитъ себѣ соціологическія задачи. Въ этомъ отношеніи особенно характерна небольшая программа занятій государственнымъ правомъ, составленная Ковалевскимъ для одного общеобразовательнаго изданія. Наконецъ, назовемъ еще магистерскую диссертацію проф. Н. А. Звѣрева „Основанія классификаціи государствъ въ связи съ общимъ ученіемъ о классификаціи“ (1883). Правда, на этой книгѣ совсѣмъ не сказалось спеціальное вліяніе Конта, котораго авторъ, повидимому, и не изучалъ [2]), но, несомнѣнно, книга написана въ духѣ положительной науки объ обществѣ и представляетъ немаловажный вкладъ въ соціологическую методологію.

Другіе примѣры вліянія соціологіи на политическія науки. Можно было бы привести и другіе примѣры вліянія соціологической мысли на изученіе политическихъ учрежденій и отношеній. Вспомнимъ, напр., что Гумпловичъ тоже занимаетъ каѳедру государственнаго права (въ Грацѣ) и что, кромѣ названныхъ въ своемъ мѣстѣ сочиненій по соціологіи, онъ написалъ еще цѣлый рядъ трудовъ по государственному праву. Даже тѣ писатели, которые протестуютъ противъ термина „соціологія“, признаютъ основную идею этой науки. Напримѣръ, англійскій историкъ Фриманъ создаетъ по образцу сравнительной филологіи и сравнительной миѳологіи сравнительную политику, принимая послѣднее слово въ аристотелевскомъ смыслѣ и ставя задачею этой науки выясненіе законовъ, коимъ подчинены аналогичныя политическія учрежденія. При этомъ онъ рекомендуетъ „настроить свой умъ такъ, чтобы политическія формы представлялись столь же безразличными, какъ и формы грамматическія. Для цѣли сравнительнаго государствовѣдѣнія, говоритъ онъ еще, политическія формы являются предметомъ, который долженъ былъ быть изученъ,

[1]) Недавно онъ повторилъ то же самое въ бѣглой замѣткѣ „Соціологи и соціологія“ (Сборникъ въ пользу студентовъ Моск. унив., 1897).

[2]) Проф. Звѣревъ дѣлитъ науки на абстрактныя и конкретныя, но понимаетъ эти термины не такъ, какъ Контъ. Перечисляя абстрактныя науки, онъ совсѣмъ не упоминаетъ о соціологіи, а общественныя науки заносятся у него всѣ въ разрядъ наукъ конкретныхъ, кромѣ „имѣющей смѣшанный характеръ“ этологіи, которая „служитъ соединительнымъ звеномъ между психологіей и общественными науками“.

классифицированъ и опредѣленъ точно такъ же, какъ изучаютъ, классифицируютъ и опредѣляютъ животныхъ". Съ другой стороны, терминъ „соціологія" принимаютъ и представители старыхъ направленій государственной науки, давая, впрочемъ, этому термину свое особое значеніе. Напримѣръ, „Соціологіей" называетъ вторую часть своего „Курса государственной науки" Б. Н. Чичеринъ, котораго можно причислить къ метафизической школѣ Гегеля. Онъ даже принципіально высказывается противъ „безмѣрнаго расширенія понятія объ обществѣ", т.-е. превращенія его „въ совокупный организмъ, обнимающій самое государство, которое является только однимъ изъ органовъ или функцій этого цѣльнаго тѣла". Именно, по его опредѣленію, государство и гражданское общество суть „два разные союза, изъ которыхъ одинъ представляетъ общество, какъ единое цѣлое, а другой заключаетъ въ себѣ совокупность частныхъ отношеній между членами". Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ обществомъ „совокупность частныхъ отношеній между людьми, подчиняющимися общей политической власти", прибавляя, что названіе „гражданскаго" общество получаетъ въ юридическомъ смыслѣ, насколько оно управляется нормами частнаго права. Чичеринъ и полагаетъ, что предметомъ соціологіи должно быть изслѣдованіе такимъ только образомъ понимаемаго общества въ его составныхъ элементахъ и его вліянія на государство. Съ этой точки зрѣнія соціологія составляетъ лишь одну изъ частей государственной науки, — новый примѣръ того, насколько разнообразно понимается слово „соціологія".

Вліяніе соціологіи на юриспруденцію. Переходимъ къ вліянію соціологіи на юриспруденцію. Въ своемъ мѣстѣ было сказано, что изъ всѣхъ общественныхъ наукъ юриспруденція менѣе другихъ подготовляла собою соціологію и что, съ другой стороны, Контъ и его ближайшіе преемники и послѣдователи изъ всѣхъ общественныхъ явленій наименьшее вниманіе обращали на право. Въ свою очередь юристы не могли равнодушно относиться къ тому отрицанію юриспруденціи, которое характеризуетъ соціологовъ-позитивистовъ. Въ данномъ случаѣ послѣдніе заходили часто слишкомъ далеко, выбрасывая за бортъ безъ всякаго разбора всю юриспруденцію, какъ отжившую свой вѣкъ метафизику, даже не стараясь выдѣлять изъ ея ученій то, что могло бы быть цѣннымъ и съ позитивной точки зрѣнія. Уже историческая школа права представляла изъ себя переходъ юриспруденціи изъ области метафизическихъ абстракцій на почву положительнаго знанія. Сравнительно-историческое изученіе права

(особенно обычнаго права и наиболѣе раннихъ ступеней юридическаго развитія) было дальнѣйшимъ шагомъ впередъ на этомъ пути, такъ какъ включило въ кругъ соціологическихъ обобщеній вопросы, касающіеся не только общественныхъ учрежденій, но и частныхъ отношеній между людьми, способныхъ быть предметомъ юридическаго регулированія. Мало того: и вообще позитивизмъ нашелъ послѣдователей среди юристовъ, которые стали дѣлать попытки перестройки науки права на новыхъ началахъ, естественно стремясь при этомъ поставить преобразованную юриспруденцію въ извѣстныя отношенія къ соціологіи. Такимъ образомъ возникли новыя юридическія ученія, которымъ даютъ названіе реалистическихъ. Нѣсколько относящихся сюда фактовъ могутъ служить примѣрами отдѣльныхъ перемѣнъ, наблюдаемыхъ въ исторіи юриспруденціи второй половины XIX в.

Новыя научныя теченія въ юриспруденціи. Историческая школа права въ основу своей теоріи положила весьма неясную идею народнаго сознанія, какъ источника, изъ котораго вытекаетъ право въ его историческомъ развитіи. Болѣе реальное направленіе, поставившее историческое изученіе права въ связь съ другими явленіями общественной жизни, стало мало-по-малу замѣнять романтическое представленіе народнаго сознанія болѣе реальными явленіями общественной жизни. Съ другой стороны, эта школа понимала право слишкомъ отвлеченно, разсматривая его, какъ продуктъ чисто органическаго развитія, какъ будто тутъ были ни при чемъ жизненные интересы и борьба этихъ интересовъ. Ударъ такой идеѣ былъ нанесенъ преимущественно знаменитымъ юристомъ Іерингомъ въ его чисто теоретическихъ трудахъ „Борьба за право" (1872) и „Цѣль въ правѣ" (1877 и 1883). Выдающійся знатокъ римскаго права и его исторіи, Іерингъ внесъ въ эту область болѣе трезвое пониманіе, хотя самъ и стоялъ на метафизической точкѣ зрѣнія. Самое главное — то, что, признавъ относительность юридическихъ нормъ, онъ сталъ смотрѣть на нихъ, какъ на явленія, подлежащія такому же изученію, какому подлежатъ и всякія другія историческія явленія. Но и представители старой исторической школы, и новые историки права въ концѣ-концовъ занимались и занимаются своимъ предметомъ для разъясненія лишь даннаго права. Для того, чтобы изъ историческаго изученія извлекать общіе выводы, необходимо это изученіе сдѣлать сравнительнымъ. Сравнительный методъ и былъ на самомъ дѣлѣ примѣненъ къ юриспруденціи, какъ былъ примѣненъ и къ государствовѣдѣнію. Особенно въ этомъ отно-

шеніи замѣчателенъ нѣмецкій юристъ Постъ, авторъ цѣлаго ряда сочиненій, одни названія которыхъ весьма характеристичны: „Естественный законъ права“ (1867), „Введеніе въ естественную науку права“ (1872) и т. п. Главное его сочиненіе называется „Основами общей науки права на сравнительно-этнологическомъ базисѣ“ (1880). Постъ — принципіальный противникъ схоластически-догматическаго направленія, сохраняющагося еще въ обществовѣдѣніи. По его мнѣнію, въ юриспруденціи необходима реформа, которая должна состоять въ примѣненіи къ изученію общественной жизни „опытно-естественно-историческаго метода“, который одинъ только и въ состояніи создать юриспруденцію будущаго. Этотъ методъ, по его мысли, долженъ быть именно сравнительно-этнологическимъ, такъ какъ Постъ рекомендуетъ приходить къ общимъ истинамъ будущей научной юриспруденціи путемъ сравненія юридическихъ явленій, взятыхъ изъ жизни разныхъ народовъ. Въ сущности, основная мысль Поста та же самая, что и у другихъ представителей сравнительнаго изученія, но Постъ особенно настаиваетъ на мысли о возможности объяснять юридическія явленія изъ природы человѣка и о необходимости создать, такъ сказать, общій типъ развитія юридическихъ отношеній общества. Подобно другимъ представителямъ реалистическаго направленія въ юриспруденціи онъ желалъ сблизить свою науку съ естествознаніемъ, но онъ еще не сумѣлъ вполнѣ отдѣлаться отъ смѣшенія юридическихъ законовъ съ законами въ научномъ смыслѣ. Это было наслѣдіе старой метафизики, создавшей идею неизмѣннаго естественнаго права, которое въ ея пониманіи было равносильно законамъ природы, представляя изъ себя на самомъ дѣлѣ только наши идеальныя представленія о правѣ. Въ томъ и заключается заслуга Іеринга, что, признавъ относительность всякаго права, онъ тѣмъ самымъ отказался видѣть въ правѣ неизмѣнный законъ общественныхъ отношеній. Въ томъ пониманіи права, какое мы находимъ у Іеринга, оно и оказывается наиболѣе способнымъ сдѣлаться предметомъ изученія въ духѣ требованій позитивной соціологіи Конта. Сближеніе между іеринговскимъ пониманіемъ права и контовскимъ пониманіемъ задачи научнаго изученія мы наблюдаемъ въ трудахъ одного русскаго цивилиста, занимавшаго въ московскомъ университетѣ каѳедру исторіи римскаго права въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, С. А. Муромцева.

Юридическая теорія Муромцева. Въ теоретическомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія двѣ книги Муромцева: „Очерки общей теоріи гражданскаго права“ (1877) и „Опредѣленіе и

основное раздѣленіе права" (1879). Позднѣе онъ началъ „Соціологическіе Очерки", оставшіеся, къ сожалѣнію, неоконченными. Спеціальныя работы Муромцева посвящены исторіи римскаго права, въ которую авторъ старался внести идеи и пріемы позитивнаго пониманія общественныхъ явленій. Во всѣхъ своихъ трудахъ Муромцевъ выступаетъ послѣдователемъ Іеринга, но на немъ сказывается съ большою силою и вліяніе Конта. Его также не удовлетворяетъ современное состояніе науки гражданскаго права, и онъ думаетъ, что необходимая реформа должна быть произведена путемъ примѣненія къ теоретическому изученію гражданскаго права основныхъ требованій позитивной соціологіи. Онъ считаетъ вреднымъ, что наука, о которой идетъ рѣчь, слишкомъ изолировалась среди другихъ общественныхъ наукъ, и признаётъ въ высшей степени важнымъ, чтобы право дѣйствительно изучалось въ связи съ прочими элементами народной жизни и чтобы юриспруденція пользовалась идеями и пріемами болѣе развитыхъ общественныхъ наукъ. При этомъ ему приходится высказывать сожалѣніе по поводу того, что новая идея „встрѣчаетъ со стороны юристовъ пріемъ, далеко не соотвѣтствующій ни ея значенію, ни современному состоянію самой юридической науки". „Собственные интересы исторіи права, говоритъ онъ, вынуждаютъ ее приступить къ историческимъ обобщеніямъ, неосуществимымъ безъ соучастія сравнительнаго и философскаго изученія фактовъ какъ прошедшей, такъ и современной исторіи права". Муромцевъ строго различаетъ задачи чистой и прикладной науки: „задача науки заключается въ опредѣленіи законовъ, по которымъ происходятъ явленія. Задача искусства состоитъ въ томъ, чтобы указывать цѣли практикѣ и, слѣдуя научнымъ выводамъ, комбинировать средства для достиженія избранныхъ цѣлей". Путь, по которому должна итти наука гражданскаго права, намѣченъ „объективно" научнымъ изученіемъ соціальныхъ явленій", которое начато въ сочиненіяхъ Конта, Милля, Спенсера, Тэйлора, Леббока и др. Муромцевъ указываетъ и особую отсталость юриспруденціи. „Во многихъ отношеніяхъ научныя воззрѣнія являются только теоретизированіемъ обыденнаго явленія. Недостатки, которые характеризуютъ это послѣднее, повторяются въ сферѣ науки. Научное воззрѣніе, подобно обыденному, страдаетъ шаткостью сознанія о закономѣрности соціальныхъ явленій и неясностью понятія о самомъ законѣ". Муромцевъ, кромѣ того, ставя задачею общаго гражданскаго правовѣдѣнія изученіе законовъ развитія гражданскаго права, прибавляетъ, что эта наука „предполагаетъ,

какъ подготовительную стадію, описательное гражданское правовѣдѣніе, которое описываетъ въ правильной системѣ факты гражданскаго права". Особенно важно различеніе Муромцевымъ между законами въ юридическомъ и научномъ смыслахъ. Идеѣ закономѣрности историческихъ явленій въ юриспруденціи дано было неправильное толкованіе. Смотря на развитіе права, какъ на постепенное осуществленіе высшихъ принциповъ справедливости, закономѣрность историческихъ явленій юристы видѣли въ необходимости ихъ, какъ результата логически-историческаго развитія принциповъ, таящихся въ высшемъ разумѣ, въ высшей справедливости. „При такомъ взглядѣ, прибавляетъ Муромцевъ, законъ сливался съ принципомъ, и это смѣшеніе царитъ въ юриспруденціи по сію пору. Когда говорятъ о законахъ развитія права, тогда понимаютъ подъ ними обыкновенно нѣкоторые общіе юридическіе принципы. Но такое отождествленіе двухъ названныхъ предметовъ содержитъ глубокую ошибку. На самомъ дѣлѣ, принципъ относится къ совершенно иной категоріи предметовъ, нежели законъ. Принципъ, въ чемъ бы онъ ни состоялъ и какого бы происхожденія онъ ни былъ, есть не болѣе, какъ явленіе". Въ этомъ смыслѣ и разныя государственныя постановленія суть только явленія, которыя, подобно всѣмъ явленіямъ въ мірѣ, подчиняются законамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ моральными и юридическими принципами. Возставая противъ изолированности гражданскаго правовѣдѣнія, Муромцевъ прямо ставитъ ему широкую соціологическую задачу. Къ сожалѣнію, онъ не продолжалъ теоретической разработки этого предмета, столь удачно имъ начатой.

Общая теорія права Коркунова. Извѣстное вліяніе оказала позитивная соціологія на теорію права и въ лицѣ петербургскаго профессора энциклопедіи и исторіи философіи права Н. М. Коркунова. Первую изъ названныхъ наукъ онъ прямо понимаетъ въ смыслѣ общей теоріи права, на которую онъ смотритъ, какъ на чисто научную дисциплину. Въ его „Лекціяхъ по общей теоріи права" видное мѣсто отводится изслѣдованію общества, какъ среды, въ которой образуется и дѣйствуетъ право. На право и онъ смотритъ, какъ на явленіе, а „всякое явленіе, замѣчаетъ онъ, опредѣляется той средой, гдѣ оно совершается". Коркуновъ даетъ критику нѣкоторыхъ соціологическихъ воззрѣній, самъ исходя вездѣ изъ идеи закономѣрности общественныхъ явленій: и ему приходится доказывать относительность права и разъяснять, что между законами въ юридическомъ смыслѣ и законами въ научномъ смыслѣ не существуетъ ничего общаго,

кромѣ названія. Въ данномъ случаѣ онъ пользуется не только общими соображеніями на этотъ счетъ, но и спеціальнымъ разъясненіемъ вопроса у Муромцева. Такимъ образомъ, и эти примѣры, взятые изъ области юридической литературы и юридическаго преподаванія въ Россіи, указываютъ на то, что соціологическая мысль не осталась безслѣдною для юриспруденціи, которая была и во многихъ случаяхъ до сихъ поръ остается главнымъ оплотомъ метафизическаго отношенія къ явленіямъ общественной жизни человѣка. Примѣры вліянія соціологической мысли на юристовъ наблюдаются и въ другихъ странахъ.

Позитивная криминалистика. Особенно сильное вліяніе позитивизма испытала на себѣ наука уголовнаго права. Подобно другимъ юридическимъ наукамъ, и она имѣетъ дѣло съ законодательствомъ, которое вообще можетъ быть разсматриваемо, какъ одно изъ явленій общественной жизни. Но у науки уголовнаго права есть и другой объектъ — преступленіе, за которымъ стоитъ преступный человѣкъ. Позитивная школа криминалистовъ поставила своею задачею примѣнить къ изученію этого явленія естественно-историческій методъ. Это произошло въ двухъ смыслахъ: во-первыхъ, по вопросу о преступномъ человѣкѣ криминалисты стали искать основаній для своихъ соображеній въ данныхъ естествознанія. Уже раньше изученіе этого предмета приводило ихъ къ необходимости обращаться къ психіатріи. Позднѣе произошло сближеніе между криминалистикой и антропологіей. Въ Италіи возникла такъ называемая антропологическая школа уголовнаго права (Ломброзо), которая начала ставить преступныя дѣйствія въ зависимость отъ прирожденныхъ органическихъ свойствъ преступника. Исходя изъ этой идеи, криминалисты антропологической школы высказывали весьма несходные между собою взгляды, соглашаясь другъ съ другомъ лишь въ томъ, чтобы приписывать какъ можно менѣе вліянія чисто соціальнымъ условіямъ. Но въ самомъ позитивномъ направленіи науки уголовнаго права возникла и другая школа, которую можно назвать соціологическою. Ея представители указываютъ, что преступность зависитъ не отъ однѣхъ естественно-историческихъ причинъ, но и отъ причинъ соціальныхъ, хотя послѣдними представители соціологической школы пользуются различно, такъ какъ при этомъ выдвигаются на первый планъ то экономическія причины, то причины культурныя, въ частности бѣдность, невѣжество. соціально-политическая неприспособленность и т. п. И антропологическая, и соціологическая школа криминалистовъ отрѣшаютъ свой предметъ отъ исключительно юридической точки зрѣнія. Одно-

сторонность криминалистовъ-антропологовъ не подлежитъ сомнѣнію. Болѣе важное значеніе имѣютъ криминалисты-соціологи, которые ближе подходятъ и къ основной идеѣ Конта. Возникла даже мысль объ уголовной соціологіи (Ферри), своего рода патологіи общества. Эту послѣднюю идею мы находимъ между прочимъ у Тарда, который является одновременно и криминалистомъ, и соціологомъ. Въ своемъ мѣстѣ были указаны его труды и болѣе общаго характера, и характера болѣе частнаго (изслѣдованіе о преступной толпѣ). Но это еще не все. Уголовное право изучаетъ не только преступленія, но и направленную противъ нихъ общественную репрессію. Исторія уголовныхъ законовъ и наказаній можетъ быть тоже предметомъ сравнительнаго изученія съ цѣлью выведенія научныхъ законовъ, коимъ подчиняются общественныя явленія этой категоріи.

Вліяніе соціологіи на политическую экономію. Политическая экономія также не могла не испытать на себѣ вліянія позитивной соціологіи. Государствовѣдѣнію и юриспруденціи предстояло еще освободиться отъ метафизическихъ традицій, чтобы сдѣлаться совершенно положительными науками объ извѣстныхъ категоріяхъ общественныхъ явленій и объ управляющихъ ими законахъ. Въ частности, юриспруденціи нужно было еще научиться правильному пониманію того, что такое законъ въ научномъ, а не юридическомъ смыслѣ. Политическая экономія, можно сказать, сразу стала на чисто позитивную почву, съ самаго же начала почти совсѣмъ устранивъ всякую метафизику и усвоивъ болѣе или менѣе вѣрное пониманіе закономѣрности тѣхъ общественныхъ явленій, которыя она сдѣлала предметовъ своего изученія. Такъ называемая классическая школа экономистовъ подверглась только одной серьезной опасности — принимать многія изъ своихъ формулъ, выведенныя изъ наблюденій надъ явленіями мѣстнаго или временного характера, за безотносительныя и вѣчныя истины въ родѣ „естественнаго права“ старыхъ юристовъ. Эта опасность была устранена съ возникновеніемъ въ политической экономіи историческаго направленія, основателемъ котораго былъ, какъ извѣстно, нѣмецкій историкъ и экономистъ Рошеръ (1843). На образованіе этого направленія несомнѣнное вліяніе оказала историческая школа права. И въ свою очередь это направленіе очень много содѣйствовало возникновенію экономическаго направленія въ исторической наукѣ. У нѣкоторыхъ представителей историко-экономической школы реакція противъ абстрактной политической экономіи стала даже заходить такъ далеко, что самая возможность и необходимость

общей теоріи экономическихъ явленій подверглась сомнѣнію и даже прямому отрицанію. Историки и теоретики въ экономической области нерѣдко обнаруживали настоящую неспособность понимать другъ друга. Но и тутъ открылся новый путь, который былъ указанъ сравнительно-историческимъ изученіемъ экономическихъ явленій. Это—путь, отъ исторіи черезъ сравненіе ведущій къ теоріи. Соединеніе историческаго и теоретическаго элементовъ мы находимъ также въ ученіи Карла Маркса, который создалъ цѣлую теорію эволюціи экономическихъ формъ, принятой его послѣдователями за основной законъ соціальной динамики. Въ ученіи Маркса о чисто экономической основѣ общественныхъ явленій часть его послѣдователей усмотрѣла даже отвѣтъ на общій вопросъ о соціологіи, который былъ поставленъ Контомъ.

Вліяніе Конта на Милля, Книса, Шеффле и др. Все это показываетъ, что во второй половинѣ XIX в. и политическая экономія развивалась въ направленіи, которое сближало ее съ позитивной соціологіей. Несочувственное отношеніе Конта къ современной ему политической экономіи, конечно, не могло содѣйствовать тому, чтобы экономисты сами могли сначала сочувственно относиться къ идеямъ Конта, тѣмъ болѣе, что послѣдній шелъ въ разрѣзъ съ доктриной промышленной свободы, господствовавшей у экономистовъ. Весьма долгое время идеи Конта не только не оказывали никакого вліянія на экономистовъ, но и совершенно игнорировались ими. Первый политико-экономъ, который понялъ и оцѣнилъ основателя соціологіи, былъ Дж. Ст. Милль. Начавъ изучать политическую экономію еще около 1830 г., онъ въ 1841 г. вступилъ въ переписку съ Контомъ, произведшимъ на него весьма сильное впечатлѣніе. Милль принялъ общія положенія позитивной философіи и соціологіи, но не могъ согласиться съ взглядомъ Конта на политическую экономію. „Всякому знакомому съ сочиненіями по политической экономіи, говоритъ Милль, стоитъ только прочитать немногія страницы его нападокъ, чтобы понять, какъ поверхностенъ могъ быть иногда Контъ". Милль оспариваетъ его мнѣніе, будто „изученіе условій народнаго богатства, какъ изолированный предметъ, не имѣетъ философскаго характера въ виду того, что соціальныя явленія при ихъ дѣйствіи и реакціи другъ на друга не могутъ быть правильно поняты порознь". Но Милль соглашается, что при построеніи теоріи общества всѣ различныя стороны соціальной организаціи должны быть взяты во вниманіе одновременно. Взгляды Конта на методы изученія общественныхъ явленій онъ призналъ зато

въ высокой степени поучительными. Это вліяніе Конта на Милля сказалось и на двухъ самыхъ капитальныхъ трудахъ англійскаго мыслителя: на его „Системѣ логики“ (1843) и на „Основахъ политической экономіи“ (1848). Извѣстно, какимъ заслуженнымъ авторитетомъ пользуются оба эти труда, между прочимъ и въ Россіи, гдѣ они немало содѣйствовали распространенію позитивныхъ взглядовъ на задачи и методы общественныхъ наукъ. Совершенно въ духѣ соціологіи Конта понимаетъ Милль задачу политической экономіи. По его опредѣленію, это—чистая наука, ближе всего подходящая къ теоретической механикѣ: какъ таковая, она не должна себѣ ставить задачею непосредственное руководительство человѣческими дѣйствіями. Подъ вліяніемъ Конта была также оставлена мысль объ изученіи экономическихъ явленій, совершенно отрѣшенномъ отъ разсмотрѣнія общественныхъ явленій другихъ категорій. Самъ Милль уже выходитъ изъ болѣе узкихъ рамокъ своихъ предшественниковъ.

Чрезъ пять лѣтъ послѣ „Основъ политической экономіи“ Милля нѣмецкій экономистъ Книсъ выпустилъ въ свѣтъ свою „Политическую экономію съ точки зрѣнія историческаго метода“, въ которой онъ принципіально защищаетъ этотъ методъ въ экономической наукѣ. Нѣкоторыя мысли, высказанныя здѣсь Книсомъ, являются какъ-бы повтореніемъ мыслей Конта. Въ то время, однако, нѣмецкій экономистъ совсѣмъ не былъ знакомъ съ теоріей французскаго мыслителя. По крайней мѣрѣ, онъ утверждаетъ это въ новомъ изданіи своей книги, сдѣланномъ черезъ тридцать лѣтъ. Въ этотъ промежутокъ времени онъ успѣлъ познакомиться съ Контомъ, и въ 1883 г. онъ признаётся, что когда онъ началъ изучать трудъ Конта, то былъ страшно удивленъ, встрѣтившись въ немъ съ идеями, совершенно сходными съ тѣми, какія высказаны были имъ самимъ. Сошлемся еще на Шеффле, котораго тоже слѣдуетъ причислить къ экономистамъ, испытавшимъ на себѣ вліяніе Конта. Его „Строеніе и жизнь общественнаго тѣла“ есть цѣлый соціологическій трактатъ, написанный преимущественно съ точки зрѣнія экономической науки. Шеффле самъ называетъ Конта въ числѣ писателей, оказавшихъ на него вліяніе. Будучи представителемъ органической школы въ соціологіи, онъ ставитъ даже въ особую заслугу Конту установленное имъ отношеніе соціологіи къ біологіи, хотя на самомъ дѣлѣ и придаетъ важное значеніе психическому фактору. Наконецъ, нѣкоторые историки экономическихъ теорій (напримѣръ, Ингрэмъ) прямо отмѣчаютъ важное вліяніе соціологіи Конта на развитіе политической экономіи.

Соціологія и статистика. Параллельно съ политической экономіей и въ связи съ нею развивалась во второй половинѣ XIX в. и статистика, болѣе всего занимавшаяся вопросами народонаселенія и народнаго хозяйства. Раньше было уже указано, что Кетле находилъ возможнымъ видѣть въ этой наукѣ „соціальную физику“, т.-е. общую науку о законахъ, коимъ подчинены общественныя явленія. Весьма естественно, что разъ статистикѣ ставилась такая задача (въ сущности, превышающая ея силы и средства), то и эта наука не могла не отразить на себѣ развитія соціологической мысли. Это признаётся и самими спеціалистами статистики. Напр., у насъ покойный Янсонъ, дѣлая въ своей „Теоріи статистики“ обзоръ „главныхъ моментовъ въ исторіи научной статистики“, останавливается довольно подробно на характеристикѣ соціологіи Конта и на вліяніи, которое послѣдній оказалъ на Кетле: самое названіе „соціальной физики“ Кетле заимствовалъ у Конта. То же самое мы находимъ въ лекціяхъ „Статистики“ А. И. Чупрова (1895) и т. п. [1]).

Взаимное сближеніе общественныхъ наукъ на соціологической почвѣ. По отношенію къ наукамъ политическимъ, юридическимъ и экономическимъ соціологія сдѣлалась общею почвою, на которой онѣ стали сближаться между собою. Многія изъ этихъ наукъ первоначально ставили себѣ чисто практическія цѣли, весьма одна отъ другой далекія. Повидимому, что могло быть общаго между криминалистами и финансистами или между спеціалистами гражданскаго и административнаго права? Только постановка политическихъ, юридическихъ и экономическихъ вопросовъ на чисто теоретическую или историческую почву заставляла отдѣльныя общественныя науки сближаться между

---

[1]) Приводимъ здѣсь одно интересное мѣсто изъ „Логики“ Вундта (т. II, ч. 2. стр. 437—438, прим.): „нельзя не признать, что существуетъ общая общественная проблема, и что поэтому имѣетъ право на существованіе и общая наука объ обществѣ, частью какъ основа, частью какъ обобщающее завершеніе (abschliessende Zusammenpassung) всѣхъ отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ. И на дѣлѣ въ настоящее время это право получило общее признаніе именно среди представителей политической экономіи и государствовѣдѣнія. Только юристы и философы относятся отчасти скептически къ этой наукѣ, первые—вслѣдствіе консерватизма, который еще можно оправдать у юриспруденціи какъ весьма старой и пользующейся большимъ почетомъ науки, вторые—по той причинѣ, что при словѣ „соціологія“ они тотчасъ же начинаютъ думать о философскихъ системахъ, благодаря коимъ (и это будетъ навсегда ихъ заслугой, несмотря на всѣ ихъ ошибки) впервые распространилась идея такой общей дисциплины“. Вундтъ приглашаетъ философовъ отрѣшиться отъ ошибокъ въ исполненіи и правильно оцѣнить „вѣрное зерно мысли“.

собою. Установленіемъ понятія о consensus'ѣ всѣхъ общественныхъ явленій Контъ особенно сильно содѣйствовалъ тому, чтобы сознаны были тѣсная связь и постоянное взаимодѣйствіе между общественными явленіями разныхъ категорій. Но Контъ заходилъ слишкомъ далеко, стремясь замѣнить всѣ чисто теоретическія абстрактныя науки объ обществѣ одною наукою. Въ интересахъ раздѣленія труда и по существу дѣла нельзя отрицать необходимости и возможности отдѣльнаго изученія различныхъ вѣтвей обществовѣдѣнія. Въ своей „Системѣ логики“ Милль доказалъ, что, несмотря на общій consensus соціальныхъ явленій, различные ихъ виды „въ главныхъ чертахъ зависятъ непосредственно или въ первомъ источникѣ отъ различныхъ родовъ причинъ и, слѣдовательно, не только могутъ быть съ пользою изучаемы отдѣльно, но и должны быть такъ изучаемы: такъ напримѣръ, выдѣляется политическая экономія, которая разсматриваетъ общество, какъ будто-бы оно занято только производствомъ, распредѣленіемъ, обмѣномъ и потребленіемъ матеріальныхъ вещей“. На почвѣ уже сложившагося различенія между фактами политическими, юридическими и экономическими скорѣе можно основать и внутреннее раздѣленіе самой соціологіи. Во всякомъ случаѣ, такое раздѣленіе будетъ болѣе соотвѣтствовать предмету, чѣмъ перенесеніе въ соціологію заимствованныхъ изъ біологіи понятій анатоміи, физіологіи, эмбріологіи и патологіи въ примѣненіи къ обществу. На такую точку зрѣнія становятся уже нѣкоторые соціологи, различающіе въ общественной жизни стороны экономическую, юридическую и политическую. Такъ, напримѣръ, смотритъ на дѣло даже одинъ изъ представителей органической соціологіи Лиліенфельдъ въ своихъ „Мысляхъ о соціальной наукѣ будущаго“ (хотя онъ и пріурочиваетъ указанное дѣленіе къ своей біологической аналогіи различая именно въ развитіи организма стороны физіологическую, морфологическую и индивидуальную и приравнивая къ нимъ въ обществѣ стороны экономическую, юридическую и политическую: вопросъ касается или питанія, или внутреннихъ и внѣшнихъ формъ, или единства органическаго и соціальнаго цѣлаго).

Но если въ соціологіи возможно такое расчлененіе, то нельзя ли въ самой соціологіи видѣть лишь простое соединеніе въ одно цѣлое общихъ теорій, вырабатываемыхъ отдѣльно государствовѣдѣніемъ, наукою права и наукою о народномъ хозяйствѣ? Если принять такой взглядъ, пришлось бы отказаться отъ мысли о соціологіи, какъ единой и общей наукѣ. Соціологія сдѣлалась бы въ такомъ случаѣ только названіемъ для извѣстнаго кон-

плекса совершенно самостоятельныхъ наукъ, однимъ словомъ, чѣмъ-то собирательнымъ. Но дѣло въ томъ, что соціологія изучаетъ не три различные предмета—государство, право и народное хозяйство, а одинъ предметъ—общество. Поэтому соціологія не можетъ быть простымъ механическимъ соединеніемъ общихъ теорій политики, юриспруденціи и экономики. Каждая изъ этихъ теорій имѣетъ дѣло только съ извѣстною категоріей общественныхъ явленій, но ни одна изъ нихъ не можетъ считаться такимъ же отдѣломъ соціологіи, какими въ такъ называемой естественной исторіи являются минералогія, ботаника и зоологія. Названныя выше общественныя науки изучаютъ не существа трехъ разныхъ категорій, а отношенія трехъ разныхъ категорій, наблюдаемыя въ одномъ и томъ же предметѣ изученія — обществѣ. Поэтому можно сказать, что государствовѣдѣніе, правовѣдѣніе и наука о народномъ хозяйствѣ, поставленныя на позитивную почву, лишь вырабатываютъ матеріалъ для соціологіи, причемъ, однако, не все, ими вырабатываемое, бываетъ цѣнно для соціологіи, да и сама соціологія многіе вопросы должна ставить шире и полнѣе, чѣмъ они ставятся въ названныхъ частныхъ наукахъ. Нѣкоторые вопросы не могли бы даже быть поставленными ни въ одной изъ этихъ частныхъ наукъ: напримѣръ, вопросъ о взаимоотношеніи разныхъ сторонъ общественной жизни, объ общемъ consensus'ѣ соціальныхъ явленій выходитъ за предѣлы предметовъ, изучаемыхъ частными науками. Наконецъ, и въ методологическомъ отношеніи соціологія не вполнѣ совпадаетъ съ науками, изучающими или одно государство, или одно право, или одно народное хозяйство, что и будетъ нами показано въ слѣдующей главѣ.

Мнѣніе Вундта о мѣстѣ соціологіи среди общественныхъ наукъ. Вообще вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между соціологіей и другими общественными науками за послѣднее время сталъ все болѣе и болѣе привлекать къ себѣ вниманіе лицъ, интересующихся соціологіей. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ даютъ этому вопросу надлежащее рѣшеніе. Въ слѣдующей главѣ мы подробно еще остановимся на „Логикѣ“ Вундта, цѣлый томъ которой посвященъ методологіи гуманитарныхъ наукъ, среди коихъ отведено мѣсто и для соціологіи. Вундтъ совершенно вѣрно опредѣляетъ задачу соціологіи рядомъ съ тремя „самостоятельными общественными науками — этнологіей, политической экономіей и юриспруденціей“: соціологія изслѣдуетъ „явленія общественной жизни въ ихъ взаимоотношеніяхъ“ (in ihren wechselseitigen Beziehungen). Онъ думаетъ только, что эта наука, па-

ходясь еще подъ сильнымъ вліяніемъ философскихъ направленій, вмѣстѣ съ тѣмъ и недостаточно отграничена отъ другихъ наукъ, каковы культурная исторія и политическая экономія. Что на соціологію оказываютъ сильное вліяніе философскія направленія, это вѣрно, но невѣрно, будто соціологія не сумѣла до сихъ поръ еще провести границы между собою и, напр., двумя названными науками. Какъ бы то ни было, Вундтъ считаетъ важнымъ рѣшить вопросъ объ отношеніи соціологіи къ наиболѣе близкимъ наукамъ, каковы, по его мнѣнію, исторія, этнологія, политика, юриспруденція, политическая экономія. Его отвѣтъ заключается, однако, въ томъ, что „этнологія, демологія (ученіе о народонаселеніи) и политика (государствовѣдѣніе) составляютъ три области, которыя въ соединеніи своемъ рѣшаютъ самую главную часть задачъ, какія только можно поставить общей соціологіи". Онъ не думаетъ, впрочемъ, чтобы общая соціологія была по указанной причинѣ совсѣмъ ненужна: соціологія, по его представленію, должна заниматься „общими понятіями и принципами" всѣхъ общественныхъ наукъ. Такъ какъ въ этомъ только и можетъ заключаться ея задача, то соціологія, выходя за границы общихъ понятій и принциповъ и прямо вступая въ область явленій, изучаемыхъ отдѣльными науками, беретъ на себя уже то, что ея вовсе не касается. По мнѣнію Вундта, такія поползновенія соціологіи заключаютъ въ себѣ большую опасность, ибо съ этимъ соединяется „тенденція произвольно соединять факты въ угоду умозрительнымъ точкамъ зрѣнія, причемъ такія точки зрѣнія извлекаются не изъ самихъ фактовъ, но изъ чуждыхъ областей или берутъ свое начало въ какихъ-либо предвзятыхъ мысляхъ философскаго характера" (philosophischen Vorurtheilen). Онъ ставитъ нашей наукѣ въ вину и то, что она слишкомъ скоро вообще справляется съ своею философскою задачею, именно съ изслѣдованіемъ и критическимъ обоснованіемъ исходныхъ пунктовъ, молчаливо принимаемыхъ отдѣльными науками. Эта задача соціологіи имѣетъ чисто логическій характеръ. Въ приведенныхъ замѣчаніяхъ Вундта вѣрны мысли о томъ, что соціологія не должна брать своихъ точекъ зрѣнія изъ чуждыхъ областей (напр., скажемъ, изъ біологіи, какъ это дѣлаетъ органическая школа) или выводить ихъ изъ общихъ соображеній философскаго характера (какъ это случилось съ экономическимъ матеріализмомъ), и что соціологія должна быть наукой общихъ понятій и принциповъ, которые въ ней же должны получить свое критическое обоснованіе. Но Вундтъ совершенно не принялъ въ расчетъ одного: если соціологіи не слѣдуетъ вторгаться въ чужія области, то

изъ этого еще не слѣдуетъ, будто она не должна и по существу разсматривать факты, изучаемые отдѣльными общественными науками. Вѣдь каждая частная общественная наука (а таковы этнологія, демологія и политика у самого же Вундта) разсматриваетъ лишь одну сторону общественной жизни, социологіи же, и по опредѣленію Вундта, надлежитъ изучать общественную жизнь въ ея цѣломъ, т.-е. всѣ общественныя явленія въ ихъ взаимодѣйствіи. Каждый разъ, когда та или другая изъ частныхъ общественныхъ наукъ ставитъ вопросъ, для рѣшенія коего необходимо содѣйствіе какой-либо другой частной общественной науки, тѣмъ самымъ она выходитъ изъ сферы своей компетенціи и вступаетъ въ область социологическаго изученія. Таковы всѣ случаи, когда, напр., экономическое явленіе изучается съ политической или юридической точки зрѣнія, а явленіе политическое или юридическое съ экономической.

Гумпловичъ объ отношеніи социологіи къ другимъ общественнымъ наукамъ. Гораздо лучше рѣшается тотъ же вопросъ въ „Социологіи и политикѣ" Гумпловича. Параграфы, посвященные этому предмету въ названномъ трудѣ, имѣютъ апологетическій характеръ: Гумпловичъ приводитъ возраженія, которыя противъ социологіи, какъ самостоятельной науки, дѣлаются историками, статистиками, этнологами, а также экономистами и юристами. Онъ останавливается и на мнѣніяхъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ писателей, а мнѣнія эти нерѣдко свидѣтельствуютъ лишь о томъ, какъ еще много есть ученыхъ, которые совсѣмъ не освоились ни съ понятіемъ социологіи, ни съ понятіемъ общества въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ его беретъ новая наука. Указываемые параграфы книги Гумпловича можно прямо рекомендовать для прочтенія всякому, кто по незнанію дѣла или недоразумѣнію отрицаетъ социологію во имя той или другой общественной науки или, признавая социологію, отождествляетъ ее съ тою или другою частной общественной наукой. Но проводя ту мысль, что социологія занимается обществомъ вообще, тогда какъ, напр., политическая экономія или юриспруденція изучаютъ лишь извѣстныя стороны общественной жизни, Гумпловичъ не входитъ въ подробное разсмотрѣніе взаимныхъ отношеній, какія должны существовать между общей теоріей общества и частными общественными науками.

Взглядъ Гиддинса на отношеніе социологіи къ другимъ общественнымъ наукамъ. Вопросъ былъ поднятъ также и новѣйшимъ социологомъ Гиддинсомъ. Онъ говоритъ, что если

легко отграничить соціологію отъ психологіи, то уже гораздо труднѣе рѣшить вопросъ объ отношеніи такой общей науки, какъ соціологія къ частнымъ наукамъ, изучающимъ явленія, которыя суть лишь разныя стороны одного общаго процесса: тутъ тотчасъ же является вопросъ, остается ли что-либо для изученія общею наукою, если разныя стороны процесса уже изучены частными науками, и не есть ли соціологія простое имя для совокупности такихъ наукъ, какъ политическая экономія, философія права и теорія государства. Гиддинсъ высказывается противъ подобнаго толкованія. „Соціологія, говоритъ онъ, есть общая соціальная наука, но общая наука не есть непремѣнно группа наукъ... Когда, продолжаетъ онъ, явленія, принадлежащія къ одному и тому же классу и подвѣдомственныя поэтому одной и той же наукѣ, столь многочисленны и сложны, что никакой изслѣдователь не въ состояніи изучить ихъ всѣ, то они распредѣляются между нѣсколькими частными науками, но это не мѣшаетъ представить себѣ общую науку объ этихъ явленіяхъ въ ихъ цѣлостности, какъ извѣстнаго класса, подъ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы общая наука сохраняла аттрибуты, общіе всѣмъ ея подклассамъ, и не брала ни одинъ изъ тѣхъ аттрибутовъ, которые принадлежатъ только этимъ подклассамъ". Такіе общіе аттрибуты онъ называетъ элементарными, а общіе принципы—основными. „Общая наука есть такимъ образомъ наука объ элементахъ и первыхъ началахъ". Понятно, что такая общая наука должна быть основою частныхъ. По мнѣнію Гиддинса, обучать частнымъ наукамъ въ родѣ политической экономіи или теоріи государства „людей, которые не усвоили первыхъ началъ соціологіи, все равно, что обучать астрономіи и термодинамикѣ людей, незнакомыхъ съ ньютоновымъ закономъ движенія". Поэтому, говоритъ онъ, „анализъ общихъ свойствъ общественныхъ явленій и разсмотрѣніе общихъ законовъ соціальной эволюціи должны составлять основу спеціальныхъ занятій во всѣхъ отрасляхъ общественной науки". Соціологія логически предшествуетъ другимъ общественнымъ наукамъ, ибо послѣднія основываются на теоремахъ, являющихся выводами изъ болѣе элементарныхъ соціальныхъ истинъ. „Ни экономика, ни политика не могутъ восходить къ первичнымъ фактамъ общественнаго міра. Обѣ науки принимаютъ безъ объясненія явленіе людского общежитія... Естественное общество и для политики, и для экономики является даннымъ. Изслѣдованіе его происхожденія и развитія входитъ въ область соціологіи". Такъ дѣло представляется съ объективной стороны. Это соображеніе должны были бы принять въ

расчетъ экономическіе матеріалисты, у коихъ экономика логически предшествуетъ соціологіи. Но становясь и на точку зрѣнія субъективнаго объясненія, т.-е. обращаясь къ движущей силѣ общественныхъ явленій, Гиддинсъ находитъ, что и здѣсь спеціальныя общественныя науки принимаютъ „извѣстныя посылки, которыя послѣ болѣе глубокаго анализа оказываются ни простыми, ни первичными соціологическими истинами". Основныя понятія частныхъ наукъ нуждаются въ соціологическомъ объясненіи. Эту мысль Гиддинсъ развиваетъ съ особою послѣдовательностью, сравнивая указанное отношеніе съ тѣмъ, въ какомъ біологія находится къ другимъ органическимъ наукамъ. Можно только прибавить, что въ настоящее время всѣ эти науки находятся подъ общимъ вліяніемъ біологіи: то же самое должно быть и въ области изученія общественныхъ явленій такою общею наукою, какъ соціологія, и такими частными науками, какъ экономика, юриспруденція и политика. Вліяніе первой на послѣднія уже начинаетъ сказываться, но оно будетъ еще бóльшимъ по мѣрѣ того, какъ соціологія будетъ сама развиваться въ смыслѣ науки объ общихъ законахъ соціальной жизни.

ГЛАВА X.

Соціологическая методологія.

Необходимость методологіи отдѣльныхъ наукъ. Разработка соціологической методологіи тоже имѣетъ свою исторію, которую нельзя разсматривать отдѣльно отъ разработки вообще логики общественныхъ наукъ. Хотя въ основѣ своей научные методы, употребляемые отдѣльными науками, для всѣхъ наукъ одни и тѣ же, тѣмъ не менѣе каждая наука особеннымъ образомъ примѣняетъ общіе логическіе пріемы къ своему предмету, именно въ зависимости отъ свойствъ этого предмета, равно какъ отъ характера задачъ, какія ставятся при его изученіи. Недостаточно говорить вообще о логикѣ общественныхъ наукъ: и здѣсь возможно нѣкоторое разнообразіе. Поэтому и соціологія должна имѣть свою собственную методологію. Между тѣмъ, если вообще разработка логики общественныхъ наукъ оставляетъ желать еще весьма многаго, то въ частности это съ особеннымъ правомъ можно сказать о логикѣ соціологіи. Не забудемъ, что обществен-

ныя науки могутъ быть чистыми и прикладными, и что чистыя науки въ свою очередь раздѣляются на абстрактныя и конкретныя. Соціологія есть наука чистая и абстрактная, и этимъ должна опредѣляться вся ея методологія. Пояснимъ, какое значеніе имѣетъ это обстоятельство. Прикладныя науки ставятъ себѣ тѣ или другія практическія цѣли. Весь вопросъ здѣсь — въ средствахъ или путяхъ для достиженія этихъ цѣлей; о методахъ здѣсь рѣчь можетъ итти, только какъ о пріемахъ человѣческаго дѣйствованія: напримѣръ, можно говорить о методахъ преподаванія наукъ, о методахъ лѣченія болѣзней и т. п., когда рѣчь заходитъ о такихъ прикладныхъ наукахъ, какъ педагогія или медицина. Въ чистыхъ наукахъ методомъ называется спеціальный путь для изслѣдованія предмета, для открытія истины. Съ методами практическаго дѣйствія чистая наука можетъ имѣть дѣло, лишь какъ съ явленіями, подлежащими ея изученію. Далѣе, изслѣдовать предметъ, найти какую-либо новую истину въ наукахъ конкретныхъ и абстрактныхъ опять-таки не одно и то же. Конкретныя науки занимаются изученіемъ данныхъ фактовъ в данной между ними связи, абстрактныя — постоянными и неизмѣнными отношеніями между однородными явленіями. Напримѣръ, исторія есть наука конктретная, и особенности исторической методологіи вытекаютъ изъ тѣхъ научныхъ задачъ, которыя приходится рѣшать этой наукѣ. Она должна устанавлять факты, т.-е. опредѣлять достовѣрность тѣхъ свидѣтельствъ, которыя мы о нихъ имѣемъ, и этимъ обусловливается необходимость особыхъ методовъ такъ называемой исторической критики, т.-е. критики свидѣтельствъ, въ коихъ заключены извѣстія о фактахъ. О другихъ фактахъ, о которыхъ до насъ не дошло прямыхъ свидѣтельствъ, историческая наука вынуждена бываетъ говорить, пользуясь въ данномъ случаѣ умозаключеніями отъ слѣдствій къ ихъ причинамъ или аналогіями, дающими право судить о неизвѣстномъ по извѣстному. Тутъ необходимы свои особые пріемы, совокупность коихъ можетъ составить цѣлую дисциплину исторической эвристики (изслѣдованія „скрытыхъ фактовъ"). Затѣмъ историческая наука связываетъ отдѣльные факты, какъ причины и слѣдствія или какъ отдѣльные моменты эволюціоннаго процесса, либо обобщаетъ отдѣльные частные случаи для характеристики того или другого общественнаго состоянія, и въ этомъ должна также руководствоваться особыми правилами исторической конструкціи, дабы подобнаго рода работа могла имѣть научное значеніе. Но для соціологіи историческая методологія не можетъ быть пригодною, ибо здѣсь задача заключается въ открытіи общихъ

истинъ, которое требуетъ употребленія и соотвѣтственныхъ пріемовъ мысли. Мало того: какъ наука абстрактная, соціологія не можетъ даже пользоваться однимъ и тѣмъ же методомъ, напримѣръ, съ такою абстрактною же наукою, какую представляетъ изъ себя политическая экономія. И это понятно: политическая экономія изучаетъ только одну сторону общественнаго бытія, и это ей позволяетъ пользоваться для установленія своихъ общихъ истинъ такимъ методомъ, который оказывается совершенно неприложимымъ къ изслѣдованію общественной жизни, взятой во всей цѣлостности своихъ явленій. Къ сожалѣнію, въ литературѣ спеціальный вопросъ о методахъ соціологіи большею частью не выдѣляется изъ болѣе общаго вопроса о методахъ общественныхъ наукъ вообще.

Разный смыслъ, придаваемый слову „методъ“. Не въ этомъ одномъ заключается слабая сторона постановки вопроса. Кромѣ того, и самому слову „методъ“ въ примѣненіи къ соціологіи дается весьма часто несоотвѣтственное значеніе. Строго говоря, научная логика знаетъ только два метода—дедуктивный и индуктивный, которые въ свою очередь суть не что иное, какъ видоизмѣненія синтетическаго и аналитическаго мышленія, спеціально приноровленныя къ достиженію научныхъ цѣлей. Эти два метода могутъ имѣть разныя второстепенныя формы, сохраняя основныя особенности дедукціи и индукціи. Таковы методы гипотетическій, аналогическій, діалектическій и сравнительный, съ коими мы встрѣчаемся въ разныхъ общественныхъ наукахъ и соціологическихъ теоріяхъ. Съ меньшимъ правомъ названіе методовъ дается совокупности научныхъ пріемовъ, характеризуемыхъ не особенностями того или другого мыслительнаго процесса, а особенностями изучаемыхъ предметовъ или изучающихъ ихъ наукъ. Напримѣръ, говорятъ объ историческомъ методѣ въ политической экономіи: въ данномъ случаѣ имѣется въ виду не употребленіе какого-то особеннаго метода, а то, что политическая экономія оперируетъ въ такихъ случаяхъ надъ историческимъ матеріаломъ; историческій методъ противополагается здѣсь абстрактному, который называется такъ, однако, въ зависимости не отъ особыхъ пріемовъ мысли, а отъ особаго матеріала, каковымъ здѣсь являются абстрактныя понятія. То же самое относится и къ различію, существующему между историческимъ и догматическимъ изученіемъ права. Говорятъ еще о біологическомъ или психологическомъ методѣ въ соціологіи. Но и тутъ рѣчь идетъ лишь объ основаніи соціологіи непосредственно на біологіи или на психологіи. Хотя во всѣхъ подобныхъ случаяхъ

слову „методъ" придается значеніе не вполнѣ соотвѣтствующее основному понятію, такое словоупотребленіе не порождаетъ еще никакихъ недоразумѣній, а потому и можетъ быть допущено. Но бываютъ случаи, когда научная терминологія, дѣйствительно, порождаетъ весьма важное недоразумѣніе. Противополагаютъ, напримѣръ, научный методъ методу метафизическому, когда, собственно говоря, слѣдовало бы противополагать одинъ другому не методы, а задачи, которыя могутъ быть или метафизическими или научными, хотя къ рѣшенію тѣхъ и другихъ могутъ примѣняться совершенно одинаковые пріемы мысли. Предполагая, что все различіе между метафизикой и наукой въ методѣ, легко прійти къ заключенію, будто методъ, къ коему особенно охотно прибѣгали метафизики, совершенно неприложимъ въ наукѣ и будто настоящій научный методъ долженъ быть полною противоположностью того, какой господствуетъ въ метафизикѣ. Изъ того, что послѣдняя очень охотно пользовалась и весьма часто злоупотребляла дедуктивнымъ методомъ, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы послѣдній былъ совершенно ложенъ, и чтобы наука могла прибѣгать только къ индуктивному методу въ качествѣ единственно вѣрнаго. Но особенную путаницу въ соціологическую литературу внесли понятія методовъ объективнаго и субъективнаго. Если только подъ этою противоположностью не разумѣть разницы, существующей между наблюденіемъ и самонаблюденіемъ, то понятіе субъективнаго метода, какъ метода, теряетъ всякій смыслъ, разъ рѣчь идетъ объ изслѣдованіи явленій и объ открытіи законовъ, ими управляющихъ: тутъ никакого субъективнаго метода и существовать не можетъ, и единственный законный методъ въ соціологіи есть методъ научно-объективный, какой употребляется во всѣхъ наукахъ. При изученіи дѣйствительности можно, правда, и даже слѣдуетъ говорить объ объективномъ или субъективномъ къ ней отношеніи, но отношеніе и методъ не одно и то же. Накопецъ, отъ научнаго изученія дѣйствительности можно отличать еще творчество идеаловъ, и если подъ субъективнымъ методомъ разумѣется это послѣднее, то ставить его рядомъ съ научными методами, какъ одинъ изъ путей, ведущихъ насъ къ знанію дѣйствительности, конечно, не приходится. Впрочемъ, обо всемъ этомъ подробнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, такъ какъ вопросъ объ объективизмѣ и субъективизмѣ въ соціологіи имѣетъ важное принципіальное значеніе и занимаетъ довольно важное мѣсто въ соціологической литературѣ.

Пользованіе дедукціей и индукціей въ соціологіи.

Основной вопросъ соціологической методологіи касается пользованія дедукціей и индукціей въ цѣляхъ открытія законовъ, управляющихъ общественными явленіями. Вообще во второй половинѣ XIX в. мы замѣчаемъ у многихъ наклонность ставить дедукцію и индукцію въ такую рѣзкую противоположность, что нѣкоторымъ оба метода кажутся между собою совершенно непримиримыми въ принципѣ и несовмѣстимыми на практикѣ. Такъ какъ метафизическая философія пользовалась всегда преимущественно дедуктивнымъ методомъ, то въ глазахъ многихъ представителей научнаго мышленія тѣмъ самымъ дедуктивный методъ былъ дискредитированъ, хотя пользованіе имъ продолжало быть совершенно неизбѣжнымъ. На томъ же самомъ основаніи индуктивный методъ получалъ значеніе метода научнаго по преимуществу, хотя несомнѣнно, что изгнаніе изъ науки всякаго умозрѣнія должно было бы повлечь за собою самый грубый эмпиризмъ. Примѣръ огульнаго осужденія „метафизическаго метода“ въ пользу „метода историческаго“ мы находимъ, напримѣръ, у Бокля; но если бы разобрать всѣ его соображенія, то оказалось бы, что въ основѣ этихъ соображеній заключается большое недоразумѣніе. Достаточно отмѣтить, что Бокль въ данномъ случаѣ, выдѣляя изъ метафизиковъ вообще небольшую группу такихъ, которые высказываютъ болѣе широкіе взгляды, причисляетъ къ этой группѣ метафизиковъ и самого Конта, старающагося, по его словамъ, „соединить метафизическія изслѣдованія съ историческими“: въ данномъ случаѣ Бокль имѣетъ въ виду то, что Контъ не пренебрегалъ гипотезами и дѣлалъ изъ нихъ выводы, которые подвергалъ фактической провѣркѣ. Но „единственно вѣрнымъ“ Бокль считалъ только историческій путь въ изслѣдованіи законовъ человѣческаго духа, разумѣя подъ этимъ путемъ индуктивный методъ. Впрочемъ, у автора „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“ методологическіе вопросы разсмотрѣны весьма поверхностно, а потому подобнаго рода утвержденія могли только внушить и нѣкоторымъ сторонникамъ, и нѣкоторымъ противникамъ позитивизма совершенно невѣрное представленіе о томъ, будто это философское направленіе отрицаетъ употребленіе дедуктивнаго метода въ наукѣ. Вообще слишкомъ широкія и слишкомъ смѣлыя построенія метафизики въ видѣ естественной противъ себя реакціи вызвали въ нѣкоторыхъ умахъ сильное недовѣріе къ чистому умозрѣнію, ко всему, что имѣетъ болѣе или менѣе гипотетическій характеръ. Напримѣръ, крайніе представители исторической школы въ политической экономіи иногда готовы были отрицать всякое значеніе за абстрактнымъ

разсужденіемъ въ этой наукѣ. Точно такъ же нѣкоторые представители сравнительно-историческаго изученія общественныхъ явленій склоняются къ той мысли, что лишь въ этомъ методѣ заключается все спасеніе соціологіи, и что всякія широкія построенія въ этой области излишни или, по крайней мѣрѣ, преждевременны. Болѣе всестороннее изслѣдованіе вопроса не оправдываетъ подобныхъ предположеній.

Методологическіе взгляды Конта. Самъ Контъ широко пользовался дедукціей. Въ основу своей соціологіи онъ положилъ главныя идеи собственнаго философскаго міросозерцанія, такъ что вся его соціологія построена на идеяхъ, выведенныхъ дедуктивно изъ нѣкоторыхъ философскихъ обобщеній. Въ частности, ставя соціологію въ зависимость отъ біологіи, онъ до извѣстной степени пользуется и біологическими законами для дедуктивнаго обоснованія чисто соціологическихъ положеній. Насколько философскія и біологическія посылки Конта выдерживаютъ критику и насколько правильно пользуется здѣсь онъ дедукціей, это—другой вопросъ: важно то, что Контъ совсѣмъ не былъ завзятымъ индуктивистомъ. Но, къ сожалѣнію, основатель позитивной философіи самъ держался въ теоріи не совсѣмъ правильнаго взгляда на общее значеніе методологіи. Въ началѣ своего „Курса" онъ признаётъ еще возможность теоріи метода, такъ сказать, отрѣшеннаго отъ частныхъ его примѣненій; только такая теорія, хотя и возможная, кажется ему ненужною. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи эта мысль въ томъ же самомъ „Курсѣ" получаетъ характеръ уже прямого отрицанія самой возможности теоретически изучать методъ науки отдѣльно отъ ея доктрины. Эта, если можно такъ выразиться, нелюбовь къ чистой методологіи заставила Конта въ позднѣйшихъ трудахъ стать ко всякой теоріи метода прямо во враждебныя отношенія: въ концѣ своей жизни онъ находилъ такую теорію даже вредною. Тѣмъ не менѣе въ IV томѣ его „Курса" мы имѣемъ двѣ лекціи („Основныя черты позитивнаго метода въ раціональномъ изученіи общественныхъ явленій" и „Необходимыя отношенія соціальной физики къ другимъ основнымъ вѣтвямъ позитивной философіи"), изъ коихъ первая имѣетъ прямое, а вторая—косвенное отношеніе къ нашему вопросу. Правда, даже въ первой изъ этихъ лекцій вопросы метода перемѣшаны съ вопросами доктрины, но это не мѣшаетъ разсматривать ихъ отдѣльно. И то вѣрно, что Контъ ограничивается здѣсь главнымъ образомъ методологіей изслѣдованія или открытій, совершенно устраняя вопросъ о доказательности или способахъ, коими устанавливается оче-

видность нашихъ заключеній, но зато въ этой области онъ,— говоря словами Милля, — „разрабатываетъ предметъ съ такимъ совершенствомъ, что не имѣетъ до сихъ поръ соперника въ этомъ дѣлѣ“. (Милль находитъ еще, что Контъ „разработалъ вопросъ о значеніи научныхъ гипотезъ съ такимъ глубокимъ знаніемъ дѣла, которое оставляетъ желать весьма немногаго“).

Мысль о невозможности отдѣлить изученіе метода отъ изученія доктрины Контъ основываетъ на крайней сложности общественныхъ явленій, которая, по его мнѣнію, не дозволяетъ отдѣлять одно отъ другого. Серьезныхъ аргументовъ въ пользу такого утвержденія онъ, однако, не приводитъ. Если онъ самъ и отступаетъ отъ своей мысли, то лишь имѣя въ виду дать характеристику общаго духа соціологіи и совокупности средствъ, коими она пользуется. Такимъ образомъ, примѣръ самого же Конта, разсматривающаго вопросы метода, противорѣчитъ его взгляду, будто этого нельзя дѣлать, но именно какъ-разъ этотъ взглядъ помѣшалъ ему вполнѣ систематически сдѣлать то же самое, что онъ все-таки дѣлаетъ, только не систематически. Видя въ метафизикѣ „основное преобладаніе воображенія надъ наблюденіемъ“, Контъ характеризуетъ положительную философію словами: „необходимое и непрерывное подчиненіе воображенія наблюденію“. Онъ допускаетъ гипотезы, но лишь подъ условіемъ, чтобы онѣ подлежали фактической провѣркѣ. Это касается общаго духа положительной философіи. Кромѣ того, Контъ, какъ уже ранѣе упоминалось, вооружается противъ изолированнаго изученія отдѣльныхъ сторонъ общественнаго быта, ссылаясь въ данномъ случаѣ на consensus, существующій между всѣми общественными явленіями. Въ обоихъ случаяхъ такимъ образомъ Контъ ставитъ извѣстныя границы дѣятельности „воображенія“: можно, пожалуй, находить эти границы слишкомъ тѣсными, но важно то, что роль воображенія вообще не отрицается. Равнымъ образомъ, съ другой стороны, Контъ вооружается противъ „афоризма, существеннымъ образомъ эмпирическаго, некстати возведеннаго на степень абсолютнаго и неограниченнаго логическаго догмата“, который требуетъ „во всякомъ возможномъ вопросѣ итти постоянно отъ простого къ сложному“: единственное основаніе для этого Контъ видитъ въ томъ, что таковъ путь изслѣдованія въ неорганическихъ наукахъ, такъ сказать, властно диктовавшихъ свои правила всеобщей логикѣ. Но логическихъ основаній для этого нѣтъ. Очевидна только одна обязанность: итти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, а это правило не устанавливаетъ никакого предпочтенія. Контъ даже ду-

маетъ, что науки органическія должны именно итти отъ сложнаго къ простому. Споры объ абсолютномъ достоинствѣ того или другого метода онъ считаетъ поэтому совершенно праздными и ребяческими. Извѣстно еще, что, строя свою соціальную динамику, онъ прямо исходилъ изъ „неизбѣжной, какъ онъ выражается, научной абстракціи", а именно, изъ „необходимой гипотезы единаго народа, которому идеально были бы приписаны всѣ послѣдовательныя общественныя перемѣны, дѣйствительно наблюдавшіяся у разныхъ народовъ". Быть можетъ, такая концепція, которую Контъ заимствовалъ у Кондорсе, и не совсѣмъ пригодна для той цѣли, какую ставилъ себѣ Контъ, но отмѣтить ее важно для характеристики общихъ взглядовъ Конта на пріемы научнаго мышленія. Эта гипотетическая исторія единаго народа располагается у Конта по формулѣ трехъ фазисовъ міросозерцанія, и основатель позитивной философіи впадаетъ даже въ ту же ошибку, какую сдѣлалъ Гегель, задумавъ подогнать дѣйствительную исторію человѣчества къ формулѣ, совершенно апріорной по отношенію къ этой самой исторіи.

Къ сожалѣнію, все сказанное является воспроизведеніемъ лишь отдѣльныхъ мнѣній, выраженныхъ Контомъ по такому важному вопросу. Систематически, повторяемъ, Контъ не разрабатывалъ вопроса о дедуктивномъ методѣ. Зато у него есть нѣсколько страницъ въ концѣ 48-й лекціи, гдѣ онъ уже болѣе систематически разсматриваетъ научные пріемы, особенно, по его мнѣнію, пригодные для изученія общественныхъ явленій. Отъ этихъ пріемовъ онъ отличаетъ не менѣе, по его словамъ, необходимые случаи, когда соціологу приходится пользоваться указаніями наукъ, предшествующихъ соціологіи въ естественной классификаціи научнаго знанія. Пріемовъ первой категоріи онъ насчитываетъ три: чистое наблюденіе, опытъ въ собственномъ смыслѣ (экспериментъ) и „сравнительный методъ, существеннымъ образомъ приноровленный къ какому бы то ни было изученію живыхъ тѣлъ". Не входя въ подробности, отмѣтимъ, что подъ наблюденіями онъ разумѣетъ не только непосредственныя наблюденія, но и чужія свидѣтельства, и что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ протестуетъ противъ „систематическаго эмпиризма, который нѣкоторые стремятся навязать общественнымъ и особенно историческимъ наблюденіямъ, догматически запрещая подъ видомъ безпристрастія пользованіе какою бы то ни было теоріей". „Было бы, безъ сомнѣнія, трудно, говоритъ онъ еще, представить себѣ логическій догматъ, который былъ бы болѣе радикально противоположенъ истинному духу позитивной фило-

софіи, равно какъ спеціальному характеру, какой этотъ духъ долженъ имѣть въ изученіи собственно общественныхъ явленій. Въ какой бы то ни было категоріи явленій, даже при изученіи самыхъ простыхъ явленій настоящее наблюденіе возможно лишь подъ условіемъ, чтобы оно получало свое первоначальное направленіе и окончательное истолкованіе изъ какой-нибудь теоріи... Впредь должно быть очевидно, продолжаетъ Контъ, съ дѣйствительно научной точки зрѣнія, что всякое отдѣльное наблюденіе, совершенно эмпирическое, существеннымъ образомъ безполезно и даже радикально недостовѣрно: наука можетъ пользоваться только такими наблюденіями, которыя имѣютъ отношеніе, по крайней мѣрѣ, гипотетически къ какому-нибудь закону". Контъ даже думаетъ, что тамъ, гдѣ „дѣло идетъ о болѣе сложныхъ явленіяхъ, наблюдатель въ большинствѣ случаевъ даже не могъ бы знать, на чемъ же онъ долженъ установить свой взоръ въ фактѣ, совершающемся предъ его глазами", если у него не будетъ предварительной теоріи. Неопредѣленность и безсвязность общественныхъ наблюденій своего времени онъ объясняетъ отсутствіемъ всякой положительной теоріи. Говоря объ опытѣ, Контъ высказываетъ ту мысль, что „истинный философскій характеръ экспериментальнаго способа вовсе не заключается существеннымъ образомъ въ искусственномъ созданіи обстановки явленія", какъ это думаютъ многіе ученые. Въ послѣднемъ смыслѣ опытъ былъ бы и невозможенъ въ соціологіи, по Контъ прибавляетъ, что всякое рѣзко выраженное измѣненіе какого бы то ни было нормальнаго процесса доставляетъ здѣсь возможность пользоваться тѣмъ же пособіемъ, какое натуралистъ имѣетъ въ искусственномъ опытѣ. Дѣло не въ томъ, чтобы измѣненіе было вызвано преднамѣренно изслѣдователемъ, а чтобы оно вообще могло быть предметомъ изученія". Въ этомъ смыслѣ Контъ особенно рекомендуетъ „патологическій анализъ", т.-е. „изслѣдованіе, къ сожалѣнію, слишкомъ частыхъ случаевъ, когда основные законы гармоніи или преемственности испытываютъ въ общественномъ бытіи болѣе или менѣе рѣзкія пертурбаціи вслѣдствіе случайныхъ или преходящихъ причинъ, частныхъ или общихъ, какъ это особенно наблюдается въ разныя революціонныя эпохи". Контъ называетъ „благороднымъ употребленіемъ человѣческаго разума открытіе дѣйствительныхъ законовъ нашей природы какъ индивидуальной, такъ и общественной путемъ научнаго анализа болѣе или менѣе важныхъ безпорядковъ, необходимо сопровождающихъ ея развитіе". Важность этого способа, дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію: достаточно на-

помнить, напримѣръ, какую существенную услугу изслѣдованіе болѣзней памяти, воли или личности оказало современной психологіи. Въ соціологіи, благодаря ея большей сложности, этотъ способъ съ такимъ же успѣхомъ еще не примѣнялся. Важность сравнительнаго метода Контъ совершенно ясно сознавалъ, какъ въ изученіи біологіи, такъ и въ изученіи соціологіи. Въ частности, онъ настаивалъ на необходимости сравнивать наиболѣе раннія формы человѣческаго общества съ общежитіями животныхъ, хотя и не предвидѣлъ еще позднѣйшей эволюціонной теоріи, которая дала подобнымъ сравненіямъ совершенно новую постановку. Контъ совѣтуетъ также сравнивать „разныя существующія состоянія человѣческаго общества на различныхъ частяхъ земной поверхности, особенно у народовъ, другъ отъ друга совершенно независимыхъ". Но и сравнительный методъ Контъ считаетъ полезнымъ лишь подъ условіемъ, чтобы онъ былъ постоянно направляемъ нѣкоторою раціональною концепціей, весьма общею, но вполнѣ положительною—о совокупности человѣческаго развитія. И здѣсь онъ высказывается противъ „пустыхъ софистическихъ декламацій сторонниковъ систематическаго эмпиризма или слѣпыхъ безусловныхъ порицателей всякаго общественнаго умозрѣнія". Частнымъ видомъ сравнительнаго метода Контъ считаетъ методъ историческій, „единственную главную основу, на которой можетъ дѣйствительно покоиться система политической логики". Въ сущности, однако, то, что философъ называетъ историческимъ методомъ, есть не что иное, какъ сравненіе послѣдовательныхъ состояній общества съ цѣлью изображенія совершающагося въ немъ развитія. У Конта мы не находимъ еще ясной идеи о томъ сравнительно-историческомъ изученіи, которое играетъ такую роль въ современной соціологіи. Но и оно является лишь однимъ изъ частныхъ примѣненій общаго принципа, высказаннаго Контомъ. Не нужно, конечно, забывать того, на что самъ же онъ указываетъ въ началѣ разсужденія о трехъ разсмотрѣнныхъ способахъ: это—„чрезвычайная новизна предмета". Въ послѣднемъ Контъ, дѣйствительно, прокладывалъ совершенно новые пути, и онъ самъ ждалъ дальнѣйшаго усовершенствованія взглядовъ на этотъ вопросъ отъ успѣха самой науки. Уже здѣсь, какъ мы видѣли, за умозрѣніемъ Контъ признаетъ извѣстное значеніе. Еще рѣшительнѣе въ этомъ смыслѣ высказывается онъ въ слѣдующей главѣ, гдѣ касается вопроса о пользованіи выводами другихъ наукъ для соціологическихъ построеній. Главное значеніе онъ приписываетъ тутъ біологіи въ ея выводахъ и методахъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы соціологія

по его мысли, должна была отказаться отъ методологической самостоятельности. Напротивъ того, онъ высказываетъ мысль, что „каждая изъ основныхъ наукъ по природѣ своей обладаетъ важнымъ свойствомъ проявлять особеннымъ образомъ какой-либо изъ главныхъ аттрибутовъ всеобщаго позитивнаго метода, хотя всѣ эти аттрибуты необходимо должны заключаться въ извѣстной степени и во всѣхъ другихъ наукахъ". Главнымъ и наиболѣе характернымъ способомъ соціологическаго умозрѣнія онъ считаетъ историческій методъ въ томъ своеобразномъ пониманіи, какое мы видѣли выше. Быть можетъ, правильнѣе было бы назвать это эволюціонною точкою зрѣнія, но во всякомъ случаѣ пользованіе этимъ „методомъ" предполагало у самого Конта необходимость дедукціи изъ того, что онъ считалъ основнымъ закономъ общественнаго развитія. Во всякомъ случаѣ одинаково неправы и противники позитивизма, обвиняющіе его въ грубомъ эмпиризмѣ, и тѣ его сторонники, которые представляютъ себѣ, будто это ученіе запрещаетъ пользоваться дедуктивнымъ методомъ.

Открытіе законовъ соціологіи. Главный вопросъ соціологической методологіи касается способовъ открытія законовъ, коими управляются общественныя явленія. Въ качествѣ науки абстрактной,—употребляя терминологію Конта,—соціологія есть наука о законахъ явленій, и для нея самое важное дѣло—найти пути, идя по которымъ, она могла бы разрѣшить свою главную задачу. Стремясь создать соціологію, Контъ исходилъ изъ той мысли, что общественныя явленія не составляютъ исключенія и, какъ всѣ явленія міра, управляются нѣкоторыми общими законами. Обоснованіе этой мысли относится къ области общей философіи, которой и принадлежитъ право рѣшать вопросъ,—могутъ ли вообще происходить какія-либо явленія такъ, чтобы, напримѣръ, сегодня дважды два было четыре, а завтра—пять или сто. Тѣ, которые признаютъ въ дѣлахъ человѣческихъ дѣйствіе свободной воли въ смыслѣ возможности безпричинныхъ людскихъ поступковъ, тѣмъ самымъ отрицаютъ закономѣрность общественныхъ явленій, а потому и отрицаютъ возможность соціологіи, какъ положительной науки. Самой соціологіи и доказывать нечего закономѣрности изучаемыхъ ею явленій. Подобно другимъ наукамъ, она можетъ только примѣрами, заимствованными изъ изучаемой ею области, иллюстрировать общее положеніе о томъ, что въ мірѣ ничто не происходитъ безпричинно и произвольно. Было, однако, время, когда такая мысль имѣла всѣ признаки новизны, и ее приходилось проводить во всеобщее сознаніе съ особою настойчивостью. Напримѣръ, она занимаетъ довольно видное мѣсто въ

разсужденіяхъ англійскихъ представителей позитивизма—Милля и Бокля. Но и принявъ мысль о закономѣрности общественныхъ явленій, можно дать ей совершенно невѣрное примѣненіе. Самъ Контъ, думая, что вся исторія человѣчества заключена въ законѣ трехъ фазисовъ міросозерцанія, придавалъ слову „законъ“ значеніе общаго плана, по которому будто-бы совершается вся исторія, — взглядъ чисто метафизическій! Другіе готовы были видѣть соціологическіе законы въ чисто эмпирическихъ обобщеніяхъ, какими являются статистическія цифры. Такова точка зрѣнія Кетле, и на ту же точку зрѣнія становится Бокль, принимающій статистическую иллюстрацію закономѣрности дѣйствія общихъ причинъ за самую эту закономѣрность. Первый шагъ къ совершенно правильному пониманію того, что такое законы явленій и какими путями они могутъ быть открываемы, сдѣланъ былъ Миллемъ въ его „Системѣ логики“.

Взглядъ Милля на индукцію въ общественныхъ наукахъ. Послѣдній отдѣлъ этого своего труда Милль посвятилъ „логикѣ нравственныхъ наукъ“. Значительная часть названнаго отдѣла разсматриваетъ вопросъ о „соціальной наукѣ“ и о возможныхъ въ ней методахъ. Здѣсь Милль отдаетъ должное Конту и даже защищаетъ его отъ невѣрнаго пониманія его взглядовъ однимъ изъ своихъ соотечественниковъ, писавшихъ о вопросѣ. Заслуга Милля заключается въ томъ, что онъ ребромъ поставилъ вопросъ, насколько примѣнимы къ соціологіи пріемы, употребляемые въ другихъ наукахъ, и постарался выяснить, какими путями могутъ быть открываемы законы общественныхъ явленій.

Лучшимъ способомъ открытія законовъ въ какой бы то ни было области, повидимому, должна была бы быть индукція, которая есть не что иное, какъ умозаключеніе отъ частнаго къ общему. Найти законъ какихъ-либо явленій именно и значитъ установить нѣкоторую общую формулу, подъ которую подводилось бы множество частныхъ случаевъ одной и той же категоріи. Три мыслителя называются обыкновенно, когда рѣчь заходитъ объ исторіи индукціи, какъ главные дѣятели этой исторіи: первымъ былъ Аристотель, вторымъ—Бэконъ, третьимъ является Милль. Весьма естественно, что его взглядъ на этотъ предметъ имѣетъ особенно важное значеніе. По его ученію, индукція состоитъ въ томъ, что изъ нѣсколькихъ единичныхъ случаевъ, въ которыхъ наблюдается какое-либо явленіе, мы выводимъ, что явленіе это совершается во всѣхъ случаяхъ, сходныхъ съ первыми въ обстоятельствахъ, признаваемыхъ суще-

ственными. Напримѣръ, въ химіи точно сдѣланный единичный опытъ можетъ дать знаніе о свойствахъ какого-либо вещества, и ученый на основаніи одного или нѣсколькихъ примѣровъ убѣдится, что заключенія, къ коимъ онъ пришелъ, будутъ подтверждаться во всемъ мірѣ. Наведеніе бываетъ полнымъ и неполнымъ, каковое и состоитъ въ умозаключеніи отъ нѣсколькихъ случаевъ ко всѣмъ случаямъ: право наше дѣлать такого рода выводы основывается на идеѣ однообразнаго порядка природы (хотя нѣкоторые и возражаютъ, что сама эта идея есть только результатъ неполной же индукціи). Въ сущности, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, на основаніи частныхъ примѣровъ, мы дѣлаемъ общіе выводы, мы беремъ эти частные примѣры, какъ типическіе представители той или другой группы явленій. Задача логики въ данномъ вопросѣ и состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить границы, за которыми индуктивный методъ утрачиваетъ свою правомѣрность въ качествѣ пути, ведущаго къ открытію законовъ. Прежде всего отъ индукціи мы должны отличать то, что Милль называетъ „суммированіемъ фактовъ, описаніемъ сложнаго факта, къ которому простѣйшіе относятся, какъ часть къ цѣлому“: такое описаніе фактовъ не объясняетъ ихъ и не предсказываетъ, иначе говоря, не опредѣляетъ условій, при которыхъ можно ожидать, что подобные факты повторятся. Съ другой стороны, уже Бэконъ указывалъ на недостаточность „наведенія чрезъ простое перечисленіе, въ которомъ не встрѣчается противорѣчивыхъ примѣровъ“ (inductio per enumerationem simplicem, ubi non reperitur instantia contradictoria). Милль основательно говоритъ, что отсутствіе отрицательной инстанціи еще не доказываетъ правильности заключенія. Особенно важно такое его замѣчаніе: лица, заявляющія, что они занимаются нравственными и политическими науками индуктивно, почти исключительно употребляютъ все то же наведеніе чрезъ простое перечисленіе и такимъ образомъ далеко остаются позади бэконовскаго пониманія индукціи. Между тѣмъ весьма многіе, касавшіеся вопросовъ соціологіи, готовы были принимать за настоящіе законы—простыя эмпирическія обобщенія, являющіяся иногда только особымъ способомъ выраженія совокупности частныхъ истинъ: напримѣръ, вмѣсто того, чтобы сказать о каждой планетѣ въ отдѣльности, что она освѣщается солнцемъ, мы говоримъ, что всѣ планеты освѣщаются солнцемъ. Послѣдняя формула не выражаетъ никакого закона, и ей никакой особенной силы не придаетъ то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ общее правило устанавливается безъ единой отрицательной ин-

станціи, такъ какъ, дѣйствительно, каждая планета освѣщается солнцемъ. Но при изученіи соціальныхъ явленій мы почти никогда не можемъ расчитывать на то, чтобы, установляя какое-нибудь общее правило, тотчасъ же не встрѣтиться и съ массою исключеній изъ этого правила. Соціальныя явленія слишкомъ сложны, ибо зависятъ всегда отъ множества различныхъ условій, которыя встрѣчаются въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Эти сочетанія могутъ быть иногда довольно постоянными для извѣстнаго мѣста и времени: въ такихъ случаяхъ наблюдается извѣстная правильность въ повтореніи сходныхъ между собою явленій, но эта правильность, лучше всего обнаруживаемая статистикой, указывая вообще на существованіе закономѣрности общественныхъ явленій, характеризуетъ только данное общественное состояніе, но отнюдь не можетъ быть названа сама закономѣрностью, потому что настоящіе законы должны имѣть силу внѣ особенныхъ условій мѣста и времени. Такова судьба всѣхъ эмпирическихъ обобщеній: будучи сдѣланы на основаніи ограниченнаго количества фактовъ, они не могутъ распространяться на всѣ однородные факты вообще, такъ какъ суммируютъ слѣдствія цѣлой массы причинъ, дѣйствовавшихъ въ извѣстной комбинаціи, а не опредѣляютъ отношеніе каждой причины къ ея слѣдствію.

Недостатки теоріи Милля. Эта сложность общественныхъ явленій, зависящихъ всегда отъ множества причинъ, съ одной стороны, а съ другой—невозможность научныхъ экспериментовъ въ области этихъ явленій и заставляютъ Милля думать, что къ соціологіи совершенно неприменимы тѣ индуктивные пріемы изслѣдованія, которые извѣстны подъ названіями методовъ согласія, различія и сопутствующихъ измѣненій. Правда, съ этимъ выводомъ не согласился Льюисъ, авторъ „Трактата о методахъ наблюденія и разсужденія въ политикѣ" (1852), но возраженія этого писателя не поколебали правильности взгляда Милля. Если что и можно поставить въ упрекъ Миллю, такъ это то, что вопроса о роли индукціи въ общественныхъ наукахъ онъ не разработалъ вполнѣ исчерпывающимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, основныя начала этого метода Милль вывелъ изъ анализа тѣхъ пріемовъ, коими пользуются одни естествоиспытатели. Указавъ на неприложимость именно *этихъ* пріемовъ къ изслѣдованію общественныхъ явленій, онъ не поставилъ вопроса о томъ, какіе индуктивные пріемы были бы возможны въ соціологіи по свойству матеріала, изучаемаго именно этою наукою. Уже послѣ того, какъ была написана „Система логики", въ соціологической литера-

турѣ получило большую важность сравнительное изученіе, которое какъ-разъ пользуется частными фактами для полученія общихъ истинъ. Несмотря, однако, на широкое развитіе сравнительнаго метода, мы до сихъ поръ не имѣемъ еще его общей теоріи. Между тѣмъ, конечно, въ высшей степени важно было бы анализировать отдѣльные пріемы сравнительнаго изученія, дабы опредѣлить правомѣрность и область законнаго примѣненія этихъ пріемовъ. Только благодаря отсутствію критической теоріи сравнительнаго метода, возможны проявленія такого имъ увлеченія, что иногда лишь только въ немъ одномъ полагается все спасеніе соціологіи. Какъ бы то ни было, однако, въ своей „Системѣ логики“ Милль указалъ на недостаточность одного индуктивнаго метода въ изученіи общественныхъ явленій и установилъ необходимость и плодотворность дедукціи. Впрочемъ, послѣдняя играла роль въ соціологіи съ самаго начала и продолжаетъ играть роль до настоящаго времени. Если одни соціологи,—именно тѣ, которые избѣгаютъ общихъ построеній,—пользуются предпочтительно сравнительнымъ методомъ, то другіе,—тѣ именно, которые занимаются болѣе всего общими построеніями,—наоборотъ, употребляютъ методъ дедуктивный. Въ иныхъ случаяхъ послѣдній пріобрѣтаетъ нѣкоторыя особенныя черты, позволяющія различать разные виды дедукціи. Такъ, напримѣръ, органическая школа соціологіи пользуется методомъ аналогическимъ, тѣсно связаннымъ съ самымъ существомъ ученій этой школы. Наоборотъ, экономическіе матеріалисты придаютъ особое значеніе методу діалектическому, который, собственно говоря, внутреннимъ образомъ вовсе не связанъ съ основнымъ принципомъ этого соціологическаго направленія. Кромѣ аналогическаго и діалектическаго методовъ, можно выдѣлить еще методъ гипотетическій, которому Милль приписываетъ важное значеніе и примѣненіе котораго создало всю абстрактную политическую экономію. Въ дальнѣйшемъ мы и коснемся общей теоріи дедуктивнаго метода, равно какъ соціологическаго употребленія методовъ гипотетическаго, аналогическаго и діалектическаго: три послѣдніе съ методомъ сравнительнымъ и являются четырьмя главными способами, при помощи которыхъ думаютъ въ наше время основать общую теорію общества.

Далѣе, говоря о законахъ, Милль имѣетъ въ виду исключительно постоянныя и неизмѣнныя отношенія между причинами и слѣдствіями, т.-е. то, что у насъ было названо выше законами каузальными. О нихъ онъ и думалъ, когда говорилъ о примѣненіи индуктивнаго метода къ изученію общественныхъ явленій.

Но, кромѣ законовъ каузальныхъ, существуютъ еще законы эволюціонные, опредѣляющіе тотъ порядокъ, въ какомъ происходитъ развитіе отдѣльныхъ сторонъ духовной культуры и общественной организаціи. Путемъ сравнительнаго изученія въ настоящее время какъ-разъ и добиваются получить такія формулы культурной и соціальной эволюціи. Милль не имѣлъ въ виду такихъ формулъ и не зналъ сравнительнаго метода. Поэтому всѣ его разсужденія относятся къ способамъ открытія однихъ каузальныхъ законовъ.

Ученіе Милля о дедукціи въ общественныхъ наукахъ. Для открытія законовъ, коими управляется причинность, Милль самымъ лучшимъ находилъ прибѣгать къ дедуктивному методу. Ему, говоритъ онъ, „человѣческій умъ обязанъ всѣми теоріями, подводящими обширныя и сложныя явленія подъ немногіе простые законы, которые, будучи разсматриваемы, какъ законы этихъ великихъ явленій, никогда не могли бы быть открыты прямымъ изслѣдованіемъ явленій". Задачу дедуктивнаго метода Милль видитъ въ нахожденіи закона какого-либо дѣйствія, отправляясь отъ законовъ тѣхъ различныхъ стремленій, которыя совокупно производятъ это дѣйствіе. Разумѣется, нужно предварительно узнать эти законы на основаніи данныхъ наблюденія, но если мы не обнаружимъ законовъ каждой изъ отдѣльныхъ причинъ, участвующихъ въ произведеніи дѣйствія, мы не въ состояніи будемъ итти далѣе въ дедуктивномъ методѣ. Опредѣливъ законы отдѣльныхъ стремленій, совокупность коихъ производитъ дѣйствіе, нужно вычислить, каково будетъ дѣйствіе, произведенное совокупностью извѣстныхъ причинъ, хотя бы послѣднія были и многочисленны, и крайне измѣнчивы. Милль не скрываетъ, что такое вычисленіе можетъ быть только апріористическимъ, и что поэтому „довѣріе къ общимъ заключеніямъ, до которыхъ дошли выводомъ, основательно лишь въ такомъ случаѣ, когда эти заключенія по отрицательномъ сравненіи окажутся согласными съ результатами прямого наблюденія, гдѣ бы они ни представлялись". Лучшій случай такого согласія тотъ, когда теорія дедуктивно приводитъ къ тѣмъ же обобщеніямъ, которыя были найдены эмпирическимъ путемъ. Если, однако, такого совпаденія не получается, мы все-таки должны съ большею или меньшею вѣроятностью знать причину несовпаденія, т.-е. умѣть отвѣчать на вопросъ, чѣмъ могло быть предотвращено ожидавшееся нами дѣйствіе совокупности стремленій, законы каждаго изъ коихъ нами дознаны. Тотъ же самый методъ служитъ и при объясненіи законовъ, т.-е. при разложеніи ихъ на другіе, которые

имѣютъ для насъ бо́льшую достовѣрность или являются болѣе общими законами: безъ такого разложенія мы лишены всякихъ основаній думать, что данные законы выражаютъ отношенія, внутренне необходимыя, и что потому мы можемъ ихъ прилагать къ случаямъ, весьма отличнымъ отъ дѣйствительно наблюдавшихся. Другими словами, Милль требуетъ дедуктивнаго обоснованія эмпирическихъ обобщеній, дабы послѣднія могли быть принимаемы за дѣйствительные законы. Онъ не отрицаетъ значенія эмпирическихъ обобщеній и въ качествѣ данныхъ, поступающихъ затѣмъ въ вѣдѣніе дедуктивнаго метода, и если считаетъ соціологію за науку дедуктивную, то не по образцу геометріи, а по образцу болѣе сложныхъ физическихъ наукъ. Въ видѣ примѣра можно привести то, что онъ самъ говоритъ о полученіи законовъ образованія характера путемъ вывода изъ общихъ законовъ души: по его словамъ, для этого нужно сначала предположить нѣкоторый данный рядъ обстоятельствъ, а потомъ соображать, каково должно быть по законамъ души вліяніе этихъ обстоятельствъ на образованіе характера. Въ изученіи человѣческихъ поступковъ простой эмпиризмъ или невозможенъ, или ни къ чему не ведетъ.

Дедуктивный методъ въ политической экономіи. Милль хорошо былъ знакомъ съ одною наукою, которая была обязана своими успѣхами именно дедуктивному методу. Эта наука — политическая экономія, въ коей дедуктивный методъ принялъ форму такъ называемаго гипотетическаго метода. „Какъ бы ни были сложны явленія, говоритъ Милль, всѣ ихъ послѣдовательности и сосуществованія происходятъ отъ законовъ отдѣльныхъ элементовъ. Дѣйствіе, производимое въ общественныхъ явленіяхъ какимъ-нибудь сложнымъ рядомъ обстоятельствъ, строго равняется суммѣ дѣйствій обстоятельствъ, взятыхъ по одиночкѣ“. Милль совѣтуетъ выводить законъ каждаго явленія изъ законовъ причинности, отъ которыхъ зависитъ это явленіе. Но при этомъ онъ думаетъ, что, употребляя дедуктивный методъ, соціологія не можетъ быть наукой положительныхъ предсказаній, а только наукою о стремленіяхъ. Признавая возможность разсматривать отдѣльно разныя стороны общественнаго бытія, обусловливаемыя дѣйствіемъ разныхъ причинъ (стремленій), Милль останавливается, въ видѣ примѣра, на политической экономіи, изслѣдующей явленія народнаго богатства и исходящей при этомъ изъ предположенія, что явленія эти сводятся къ одной основной причинѣ. „Есть, говоритъ онъ, обширный классъ соціальныхъ явленій, въ которомъ непосредственно опредѣляющими причи-

нами оказываются главнымъ образомъ тѣ, которыя дѣйствуютъ посредствомъ желанія богатства и въ которыхъ главное значеніе принадлежитъ тому общеизвѣстному психологическому закону, что большая выгода предпочитается меньшей... Выходя изъ одного этого закона человѣческой природы и изъ главнѣйшихъ внѣшнихъ обстоятельствъ (или общихъ, или ограниченныхъ частными состояніями общества), дѣйствующихъ на человѣческую душу въ силу этого закона, мы можемъ быть въ состояніи объяснить или предсказать именно эту часть явленій общества, насколько они зависятъ отъ одного лишь класса обстоятельствъ; причемъ мы упускаемъ изъ виду всѣ другія обстоятельства общества и, слѣдовательно, не выслѣживаемъ обстоятельствъ, принимаемыхъ нами въ расчетъ до ихъ возможнаго происхожденія отъ какихъ-нибудь фактовъ общественнаго состоянія и не беремъ во вниманіе того, какъ эти другія обстоятельства могутъ разрушать или видоизмѣнять результаты первыхъ". Милль и указываетъ на то, что политическая экономія „разсуждаетъ вполнѣ отвлеченно (о явленіяхъ общественнаго состоянія, которыя порождаются стремленіемъ въ богатству) отъ всякой другой человѣческой страсти, отъ всякаго побужденія, кромѣ тѣхъ, которыя могутъ быть разсматриваемы, какъ начало, постоянно противодѣйствующее желанію богатства: кромѣ отвращенія къ труду и желанія насладиться дорогими удовольствіями въ настоящемъ... Политическая экономія, продолжаетъ Милль, разсматриваетъ человѣчество, какъ будто оно занято только пріобрѣтеніемъ и потребленіемъ богатства, и цѣль ея показать, каковъ будетъ образъ дѣйствій, къ которому пришли бы люди, живя въ обществѣ, если бы этотъ мотивъ, за исключеніемъ той степени, въ которой онъ задерживается двумя вышеупомянутыми противоположными мотивами, былъ абсолютнымъ двигателемъ человѣческихъ дѣйствій". Къ этому Милль прибавляетъ, что было бы нелѣпо только такъ понимать человѣческую природу, но таковъ именно путь, которымъ необходимо должна итти наука: „если какое-нибудь дѣйствіе зависитъ отъ стеченія причинъ, то эти причины должны быть изучаемы одна за другою, и ихъ законы должны быть изслѣдуемы отдѣльно, если мы желаемъ посредствомъ причинъ получить возможность предсказывать или контролировать дѣйствіе". Человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ желаній и отвращеній, но чтобы судить объ его поведеніи вообще, намъ нужно знать, какъ дѣйствовалъ бы онъ исключительно подъ вліяніемъ каждаго изъ нихъ въ частности. „Политическая экономія, по словамъ Милля,

изслѣдуетъ, каковы были бы дѣйствія, производимыя только однимъ желаніемъ, если бы въ области, о которой идетъ рѣчь, ему не препятствовало никакое другое желаніе". Понятно, что Милль хорошо понимаетъ всю условность основной гипотезы, которая объясняетъ только одну категорію явленій и не можетъ служить для объясненія всѣхъ явленій. Даже имѣя дѣло съ чисто экономическими явленіями, приходится нерѣдко принимать въ расчетъ дѣйствія другихъ причинъ.

Таковъ методъ, который многіе называютъ гипотетическимъ. Милль не пытается рѣшить, какія еще категоріи общественныхъ явленій подлежатъ изученію этимъ методомъ, и дѣлаетъ исключеніе только для одной политической этологіи, какъ онъ называетъ теорію причинъ, опредѣляющихъ характеръ, свойственный какому-либо народу или какому-нибудь вѣку,—тема, относящаяся къ области коллективной психологіи. Раздробляя такимъ образомъ соціологію на разные отдѣлы, въ коихъ изолированно изучаются только опредѣленныя категоріи явленій, Милль отличаетъ этимъ отъ частныхъ наукъ, дѣлающихъ свои выводы только условно, общую науку объ обществѣ, такъ сказать, контролирующую выводы такихъ наукъ, какъ политическая экономія или политическая этологія.

Разсмотрѣніе гипотетическаго метода съ соціологической точки зрѣнія. Остановимся нѣсколько на болѣе подробномъ разсмотрѣніи этого гипотетическаго метода. У экономистовъ онъ получаетъ нерѣдко названіе метода абстрактнаго, которому историческая школа противопоставила свой методъ, получившій названіе историческаго. Абстрактнымъ методомъ работали творцы политической науки и этимъ же методомъ въ теоретической части своего ученія пользовался также Марксъ (который, кромѣ того, занимался экономическими вопросами и исторически). Стремленіе нѣкоторыхъ представителей исторической школы совершенно вытѣснить абстрактное направленіе, замѣнивъ послѣднее однимъ историзмомъ, должно признать большою научною односторонностью, подобною той, въ какую впадаютъ защитники исключительно сравнительнаго изученія, изгоняя изъ соціологіи всякія умозрѣнія. Пользуясь гипотетическимъ методомъ, мы, такъ сказать, изолируемъ извѣстную категорію явленій, принимая, что послѣднія имѣютъ въ своей основѣ одну и ту же причину или вызываются дѣйствіемъ одной и той же силы. Сама эта причина или сила вовсе не является какой-то гипотезой. Напротивъ, такія науки, какъ, напримѣръ, политическая экономія, опираются не на предположенія, а на дѣйствитель-

ные факты. Гипотетичными здѣсь могутъ быть названы только выводы, отнюдь не посылки, которыя, напротивъ, бываютъ добыты индуктивнымъ путемъ. Изолируя дѣйствіе какой-либо причины или силы, гипотетическій методъ ведетъ только къ открытію того, что можно назвать законами стремленій: разъ даны извѣстныя стремленія, законы ихъ будутъ дѣйствовать независимо отъ условій пространства и времени, но зато такіе законы никогда и не будутъ съ совершенною точностью соотвѣтствовать дѣйствительности. Это не значитъ, однако, что открываемые такимъ путемъ законы должны страдать неточностью или противорѣчіемъ дѣйствительности. Напримѣръ, физика формулируетъ общій законъ паденія тѣлъ, выводя его изъ дѣйствія одной только силы тяжести, но на самомъ дѣлѣ паденіе тѣлъ совершается не вполнѣ по формулѣ этого закона, ибо на паденіе тѣлъ въ дѣйствительныхъ случаяхъ оказываютъ вліяніе и другія условія (напримѣръ, сопротивленіе среды, въ которой происходитъ паденіе, отклоненіе падающаго тѣла отъ вертикальной линіи, обусловливаемое вращеніемъ земли вокругъ своей оси). Если, однако, нельзя говорить о неточности такихъ законовъ или о противорѣчіи ихъ съ дѣйствительностью, то можно и должно говорить объ ихъ односторонности. Научныя положенія, добываемыя гипотетическимъ методомъ, не могутъ быть поэтому провѣряемы на фактахъ, такъ какъ въ образованіи послѣднихъ участвуютъ и другія силы, видоизмѣняющія или парализующія дѣйствіе тѣхъ единичныхъ силъ, которыя исключительно принимаются въ расчетъ при пользованіи гипотетическимъ методомъ. Вотъ почему построенія абстрактной политической экономіи получаютъ характеръ своего рода идеологіи и напоминаютъ намъ своею идеальностью такъ называемыя юридическія конструкціи, въ коихъ устанавливаются извѣстныя отношенія не между дѣйствительными фактами, а между отвлеченными понятіями. Такимъ образомъ гипотетическій методъ можетъ употребляться въ наукѣ только съ извѣстными оговорками. Во всякомъ случаѣ онъ непригоденъ къ изученію общественныхъ явленій во всей ихъ сложности. Построить соціологію вполнѣ по образцу абстрактной политической экономіи оказывается совершенно невозможнымъ. Между тѣмъ нѣкоторыя соціологическія школы, сами того не подозрѣвая, идутъ именно такимъ путемъ. Это бываетъ тогда, когда дѣлаются попытки изъ одного начала или однимъ закономъ объяснить *всѣ* явленія соціальной жизни. Отдѣльныя соціологическія направленія, которыя нами были разсмотрѣны раньше, исходятъ изъ того или другого общаго представленія, превосходно объяс-

ляющаго одни явленія, но совершенно непригоднаго для объясненія другихъ. Экономистъ, пользующійся гипотетическимъ методомъ, отдаетъ себѣ отчетъ въ каждомъ своемъ шагѣ, зная настоящую цѣну этого метода и понимая, что выводы, такимъ образомъ полученные, не будутъ выражать собою всей дѣйствительности, и въ этомъ заключается его научное превосходство надъ такимъ соціологомъ, который употребляетъ тотъ же методъ, не задаваясь вопросомъ, насколько онъ компетентенъ рѣшать самые сложные вопросы общественной жизни.

Частные примѣры злоупотребленія изолирующей дедукціей. Въ этомъ отношеніи прежде всего погрѣшаетъ то направленіе соціологіи, которое выше было названо дарвинистическимъ. Біологическая теорія великаго англійскаго натуралиста представляетъ изъ себя одинъ изъ самыхъ блестящихъ примѣровъ плодотворной научной дедукціи, посылки которой были установлены, конечно, индуктивнымъ путемъ. Дарвинъ исходитъ изъ нѣкоторыхъ общихъ стремленій, наблюдаемыхъ въ природѣ, комбинируя ихъ съ другими общими явленіями, чтобы объяснить возможность измѣненій въ растительныхъ и животныхъ формахъ органическаго міра. Совсѣмъ другое дѣлаютъ соціологи, полагающіе, что изъ одного и того же принципа можно объяснить и всѣ явленія общественной жизни, которыя имѣютъ въ своей основѣ не одно только желаніе отдѣльной особи отстоять себя въ борьбѣ за существованіе. Поскольку дарвинистическая соціологія объясняетъ лишь одну категорію явленій (именно явленія борьбы), она строитъ свои объясненія совершенно вѣрно и не въ противорѣчіи съ дѣйствительностью, но односторонне, т.-е. не исчерпывая всей дѣйствительности. Самъ Дарвинъ въ своей біологической теоріи разсматривалъ и борьбу за существованіе, и наслѣдственность, и естественный подборъ съ точки зрѣнія тѣхъ результатовъ, которые они стремятся произвести, совершенно такъ же, какъ экономистъ беретъ такъ называемый хозяйственный расчетъ въ смыслѣ фактора, стремящагося тоже къ произведенію извѣстныхъ результатовъ. Общественная жизнь со всѣми своими сложными и разнообразными стремленіями не можетъ быть объяснена цѣликомъ изъ одного какого-либо стремленія, которое играло бы роль основной причины или единственной движущей силы. Между тѣмъ и экономическій матеріализмъ дѣлаетъ именно такую же ошибку, примѣняя къ объясненію всѣхъ соціальныхъ явленій принципъ, пригодный къ объясненію только одной категоріи этихъ явленій. Представители этого направленія пользуются гипотетическимъ методомъ, ко-

торый удобенъ лишь при изолированномъ изученіи извѣстной категоріи явленій, какъ это и дѣлается въ политической экономіи. Итальянскій ученый Лоріа въ своей книгѣ „Экономическія основы общественнаго строя“ (1893) даже прямо утверждаетъ, будто вся духовная культура и весь строй общества могутъ быть объяснены изъ одного своекорыстія, т.-е. изъ того самаго принципа, который является точкой отправленія экономистовъ въ построеніи теоріи явленій народнаго хозяйства. Настоящіе экономическіе матеріалисты школы Маркса понимаютъ дѣло не такъ грубо, но, въ сущности, и они употребляютъ тотъ же самый методъ. Обнаруживъ индуктивнымъ путемъ, что экономическія отношенія оказываютъ то или другое вліяніе на разныя стороны культурной и соціальной жизни, они дѣлаютъ это обобщеніе исходнымъ пунктомъ своей соціологической дедукціи, обращая все свое вниманіе лишь на присущее экономическимъ отношеніямъ стремленіе порождать слѣдствія и въ другихъ областяхъ общественной жизни, но совершенно забывая, что въ дѣйствительной жизни существуютъ и другія причины или силы, коимъ тоже можно приписывать стремленіе производить извѣстные результаты. Гипотетически, хотя и на основаніи индуктивныхъ данныхъ, мы можемъ установить въ окружающемъ насъ мірѣ, множество всякаго рода стремленій: каждое тѣло на землѣ стремится къ центру земли; каждый растительный или животный видъ стремится къ размноженію въ геометрической прогрессіи; наслѣдственность стремится къ увѣковѣченію въ неизмѣнномъ состояніи существующихъ растительныхъ и животныхъ видовъ и т. п. Каждое такое стремленіе можетъ быть изучаемо въ результатахъ, которые имъ порождаются, и служить для объясненія тѣхъ или другихъ явленій, и въ такомъ случаѣ методъ изолирующей дедукціи слѣдуетъ признавать вполнѣ законнымъ. Но совершенно непозволительно злоупотреблять этимъ методомъ, сводя все лишь къ одному изъ такихъ стремленій, къ одной силѣ или одной причинѣ. И это можетъ быть сказано не только о дарвинистической соціологіи и экономическомъ матеріализмѣ, которые соотвѣтствуютъ дѣйствительности лишь односторонне. Органическая школа, особенно въ лицѣ Спенсера, равнымъ образомъ пользуется дедукціей, исходя изъ идеи, въ которой вѣрно, но односторонне формулируется нѣчто, дѣйствительно наблюдаемое въ общественной жизни. Въ каждомъ соціальномъ аггрегатѣ, пользуясь выраженіемъ Спенсера, можно обнаружить взаимно другъ друга обусловливающіе процессы интеграціи и дифференціаціи, стремящіеся, такъ сказать, превратить общественный аггрегатъ

въ организмъ. Но это только одно изъ стремленій, существующихъ въ общественной жизни, и имъ, конечно, можно пользоваться для объясненія однѣхъ сторонъ этой жизни, прибѣгая къ помощи изолирующей дедукціи. Но рядомъ съ органическою тенденціей общественности существуютъ другія тенденціи, изъ коихъ, напримѣръ, одна даже прямо противоборствуетъ стремленію общества превратиться въ подобіе организма. Такимъ образомъ односторонняя соціологическія теоріи не выдерживаютъ строгой критики и съ методологической точки зрѣнія. Подобнаго рода ошибки могутъ, конечно, дѣлаться и на почвѣ психологическаго объясненія соціальныхъ фактовъ. И здѣсь возможны, да и на самомъ дѣлѣ встрѣчаются случаи примѣненія изолирующей дедукціи къ объясненію не только извѣстныхъ разрядовъ явленій, это допускающихъ, но и къ объясненію явленій, которыя требуютъ, если не другихъ пріемовъ изученія, то другихъ основныхъ предположеній. Наиболѣе замѣчательный примѣръ такой дедукціи даетъ намъ самъ Контъ, полагая, что основнымъ закономъ, объясняющимъ всю эволюцію человѣчества, является законъ трехъ фазисовъ міросозерцанія. Это обобщеніе, полученное, конечно, индуктивнымъ путемъ, можетъ быть исходнымъ пунктомъ для цѣлаго дедуктивнаго построенія, но послѣднее будетъ имѣть научное значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда будетъ примѣняться къ фактамъ изъ умственной жизни человѣчества, а не ко всѣмъ сторонамъ историческаго его существованія. Въ сущности, и Контъ, формулируя свой знаменитый законъ, имѣлъ дѣло лишь съ однимъ изъ стремленій, наблюдаемыхъ въ человѣческой жизни, именно съ стремленіемъ человѣческаго ума понять окружающій міръ. Отдѣльныя соціальныя науки могутъ изолированно изучать разныя категоріи подобныхъ стремленій и изслѣдовать ихъ законы дедуктивно-гипотетическимъ методомъ. Задача соціологіи — понять общественную жизнь въ ея цѣломъ, въ нераздѣльной совокупности ея явленій, изъ которыхъ каждое можетъ разсматриваться, какъ осуществленіе нѣсколькихъ стремленій, одно другому содѣйствующихъ или противодѣйствующихъ. Съ точки зрѣнія метода соціологія не можетъ итти ни по стопамъ абстрактной политической экономіи, ни по тому пути, на который вступаютъ отдѣльныя теоріи, которыя пытаются видѣть во всей сложности и разнообразіи явленій соціальной жизни осуществленіе только одного принципа.

Но кромѣ гипотетическаго метода, изслѣдователи общественныхъ явленій, стремящіеся къ созданію общихъ теорій, пользуются еще двумя разновидностями дедуктивнаго метода. Одинъ

изъ нихъ въ ходу у представителей органическаго направленія: это—методъ аналогическій. Другому методу—діалектическому—приписываютъ важное значеніе сторонники экономическаго матеріализма. Вкратцѣ мы разсмотримъ и тотъ и другой.

Аналогическій методъ въ соціологіи. Логическое значеніе аналогіи довольно разнообразно. Между прочимъ заключеніе по аналогіи можетъ разсматриваться, какъ одинъ изъ способовъ доказательства, хотя и тутъ возможны разныя степени вѣроятности—отъ полной достовѣрности до нуля. Иногда аналогія только наводитъ изслѣдователя на надлежащій путь или является своего рода подготовленіемъ для наведенія или вывода: въ такомъ случаѣ роль аналогіи бываетъ только временной, и чѣмъ скорѣе мы переходимъ отъ аналогіи къ чему-нибудь болѣе положительному, тѣмъ болѣе плодотворною должны считать данную аналогію. Но во многихъ случаяхъ аналогія наводитъ на невѣрный путь и становится источникомъ не истины, а заблужденія. То, что можно назвать аналогическимъ методомъ въ соціологіи, имѣетъ цѣлью не столько доказательство какой-либо мысли, сколько открытіе законовъ, управляющихъ общественными явленіями, и за аналогіей въ такомъ случаѣ признается роль не временного предположенія, а, такъ сказать, постояннаго пріема мысли. На такой точкѣ зрѣнія именно и стоитъ органическая школа, исходящая изъ уподобленія общества организму и дѣлающая отсюда цѣлый рядъ соціологическихъ выводовъ. Одинъ изъ новѣйшихъ представителей этого направленія, Вормсъ, въ своемъ сочиненіи „Общественный организмъ" говоритъ, что біологія должна служить „аналогичнымъ путеводителемъ для опредѣленія предмета изученія въ общественной наукѣ и для установленія метода, котораго надо держаться", прибавляя, что и заключенія въ біологіи должны быть полезны для истолкованія фактовъ, засвидѣтельствованныхъ соціологомъ. Правда, на словахъ Вормсъ протестуетъ противъ утвержденія, будто „науку объ обществахъ можно построить дедуктивнымъ путемъ, ставя въ основу ея разсужденій законы, добытые біологіей"; но на самомъ дѣлѣ онъ строитъ соціологію совершенно по аналогіи съ біологіей. „Подраздѣленіе соціологіи, говоритъ онъ, соотвѣтствуетъ точка-въ-точку подраздѣленіямъ біологіи: примѣръ послѣдней позволяетъ намъ установить содержаніе первой". Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что знаніе результатовъ, полученныхъ біологіей, весьма важно для соціологіи, такъ какъ аналогія оказываетъ помощь въ изученіи общественныхъ явленій, позволяя въ нихъ надлежащимъ образомъ раз-

бираться. Такимъ образомъ, аналогія является здѣсь не особымъ пріемомъ для доказательства какого-либо частнаго положенія, а основнымъ методомъ для объясненія общественныхъ явленій и открытія законовъ, которые ими управляютъ. Правильность такой точки зрѣнія въ методологическомъ отношеніи подлежитъ еще доказательству. Однако, представители органической соціологіи не брали на себя такой задачи, и логически ихъ дедуктивно-аналогическій методъ не былъ надлежащимъ образомъ обоснованъ. Наоборотъ, то, что обыкновенно говорятъ авторы логическихъ трактатовъ о научномъ значеніи аналогіи, не особенно располагаетъ къ признанію за аналогическимъ методомъ органической школы высокаго научнаго значенія. Критическую и въ общемъ отрицательную разработку этого вопроса представляетъ изъ себя статья Михайловскаго „Аналогическій методъ въ общественной наукѣ" (1869). Эта работа имѣетъ характеръ критическаго разбора книги Стронина „Исторія и методъ" (1869) въ связи съ нѣкоторыми другими литературными явленіями той эпохи, но въ статьѣ есть нѣсколько страницъ, имѣющихъ значеніе и независимо отъ обстоятельствъ, заставившихъ автора писать объ аналогическомъ методѣ. Исходя изъ классификаціи наукъ Конта, Михайловскій признаётъ явленія математическія, механическія, физическія, химическія, біологическія и соціологическія различными, т.-е. имѣющими свои особые законы. „Аналогія, говоритъ онъ еще, сама не можетъ доказать, что въ двухъ сравниваемыхъ случаяхъ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же законъ", и къ этому онъ прибавляетъ, что „аналогія тѣмъ лучше, чѣмъ она быстрѣе смѣняется полнымъ наведеніемъ или выводомъ". Если, по его мнѣнію, за аналогіей и признавать цѣнность, то это относится лишь къ тѣмъ случаямъ, когда аналогіи проводятся между явленіями одного и того же порядка, т.-е. между явленіями соціологическими и соціологическими, біологическими и біологическими. „Совершенно никакой цѣны, говоритъ онъ, не имѣютъ аналогіи между нѣкоторымъ спеціальнымъ остаткомъ (какой, поясннмъ мы, наблюдается въ каждой послѣдующей абстрактной наукѣ въ сравненіи съ наукой предыдущей) и явленіями низшаго порядка, или между двумя спеціальными остатками. Подобныя аналогіи, продолжаетъ онъ, (если только онѣ не аналогіи въ смыслѣ равенства отношеній), не имѣютъ никакой будущности, или, вѣрнѣе, имъ предстоитъ слишкомъ долгая будущность: такъ какъ явленія двухъ спеціальныхъ остатковъ наличныя силы науки должны признать не подлежащими какимъ-либо общимъ законамъ, то аналогія не имѣетъ никакой

надежды смѣниться полнымъ наведеніемъ, а сама открыть общій двумъ явленіямъ законъ она не въ силахъ. Такова аналогія между организмомъ — остаткомъ біологіи, и обществомъ — спеціальнымъ остаткомъ соціологіи. Здѣсь-то, заключаетъ онъ, аналогія и разростается въ аналогическій методъ". Замѣчаніе Михайловскаго весьма важно для критики положеній органической школы и въ методологическомъ отношеніи. Названное направленіе необходимо предполагаетъ употребленіе аналогическаго метода, въ данномъ случаѣ заключающагося въ выведеніи положеній соціологіи изъ положеній біологіи. Къ той же категоріи нужно отнести и дарвинистическую соціологію, которая, исходя изъ аналогіи между борьбою за существованіе въ природѣ и конкурренціей въ обществѣ, дѣлаетъ изъ этой аналогіи общіе выводы соціологическаго характера, т.-е. пытается построить теорію общества дедуктивно-аналогическимъ методомъ, ставя въ основу ея разсужденій законы, добытые въ біологіи. Такое разсмотрѣніе общественныхъ фактовъ съ чисто біологической точки зрѣнія, сопровождаемое игнорированіемъ того, что не подлежитъ подобному толкованію, тоже представляетъ изъ себя примѣръ незаконнаго употребленія аналогическаго метода. Самымъ любопытнымъ образчикомъ такого ненаучнаго аналогизированія въ русской литературѣ и является книга Стронина, давшая Михайловскому поводъ подвергнуть критикѣ этотъ сомнительный методъ.

Діалектическій методъ экономическихъ матеріалистовъ. Доктрина органической школы и аналогическій методъ находятся въ самой тѣсной связи между собою. Совсѣмъ не то наблюдаемъ мы, когда обращаемся къ тому соединенію односторонняго экономизма съ діалектическимъ методомъ, которое характеризуетъ теорію экономическаго матеріализма. Внутренней связи между выведеніемъ всѣхъ культурныхъ и соціальныхъ явленій изъ экономической основы и употребленіемъ діалектическаго метода рѣшительно нѣтъ никакой. Другими словами, діалектическій методъ пристегнутъ къ экономическому матеріализму чисто внѣшнимъ образомъ. Такое отношеніе объясняется лишь тѣмъ, что родоначальникъ экономическаго матеріализма, заимствовавъ у французскихъ соціалистовъ исключительно экономическое пониманіе общества, въ философскомъ отношеніи остался вѣренъ своему учителю Гегелю, система котораго, какъ извѣстно, отличалась чисто діалектическимъ характеромъ. Оставляя здѣсь поэтому въ сторонѣ вопросъ о вѣрности или невѣрности основной точки зрѣнія экономическаго матеріализма, мы

скажемъ только нѣсколько словъ о діалектическомъ методѣ самомъ въ себѣ. Представители экономическаго матеріализма приписываютъ ему важное научное достоинство, не обосновывая, однако, своего утвержденія и какъ бы забывая, что этотъ методъ былъ созданъ философіей, которая считала возможнымъ построить міръ изъ идей и пользовалась данными опыта и наблюденія лишь для подтвержденія или иллюстраціи весьма произвольныхъ положеній. Мало того, высказывалось мнѣніе, что экономическій матеріализмъ было бы лучше называть „діалектическимъ матеріализмомъ", какъ будто самое главное въ этомъ ученіи не экономизмъ, а діалектика.

Діалектическій методъ былъ созданъ метафизической философіей, которая также имѣетъ свою логику открытія. Исходя изъ идеи тождества бытія и мышленія, Гегель видѣлъ въ логикѣ науку о чистыхъ понятіяхъ, которыя, по его представленію, a priori присущи человѣческому уму и вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ имѣть примѣненіе къ объективному бытію: діалектическій методъ и есть тотъ способъ, посредствомъ коего находятся чистыя понятія. Но такъ какъ, по представленію Гегеля, логика совпадала съ онтологіей, то субъективнымъ логическимъ категоріямъ должны были соотвѣтствовать и объективныя стадіи развитія бытія. Въ основѣ этого воззрѣнія лежитъ именно принципъ тождества бытія и мышленія,—принципъ, котораго не можетъ принять положительная наука и котораго, конечно, не должны раздѣлять представители экономическаго матеріализма. Трудно представить себѣ бо̀льшую противоположность, нежели та, которая существуетъ между строго научнымъ методомъ и произвольными построеніями гегельянской діалектики. Гегель думалъ, что настоящее научное умозрѣніе должно заключаться въ томъ, чтобы само содержаніе знанія діалектически развивалось изъ себя въ формѣ логическихъ понятій и такимъ образомъ переходило въ полную и внутренне связанную систему. Если даже устранить отсюда соображеніе объ единствѣ бытія и мышленія, научная дѣятельность, руководимая исключительно діалектическимъ методомъ, будетъ не чѣмъ инымъ, какъ самотворчествомъ разума, извлекающаго изъ своихъ идей все содержаніе знанія. Понятное дѣло, что такая логика открытія новыхъ истинъ непригодна для объясненія явленій, изъ коихъ складывается окружающая насъ дѣйствительность. Діалектическимъ методомъ позволительно пользоваться для цѣлей критики отвлеченныхъ понятій или принциповъ нашего ума, отнюдь не для изслѣдованія реальныхъ явленій, наблюдаемыхъ нами въ дѣйствительности.

Между тѣмъ задача соціологіи заключается какъ-разъ во второмъ, а не въ первомъ. Діалектика можетъ научить насъ выводить одни понятія изъ другихъ и примирять въ высшемъ синтезѣ положенія съ ихъ противоположеніями, какъ то дѣлалъ Гегель, но этотъ путь совершенно непригоденъ для нахожденія причинъ, коими позволительно было бы объяснять наблюдаемыя нами явленія дѣйствительности и для открытія законовъ, управляющихъ этими явленіями. Экономическіе матеріалисты, говоря о важности діалектическаго метода, не произвели даже ни малѣйшей попытки, чтобы, пользуясь доставляемыми имъ средствами, сдѣлать для насъ понятною основную идею всего своего ученія. Если даже діалектическій методъ имѣетъ важныя преимущества въ дѣлѣ выработки нашихъ понятій и приведенія ихъ въ систему, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы и развитіе объективныхъ формъ жизни представляло собою діалектическій процессъ, какъ то весьма послѣдовательно думалъ Гегель, стоявшій на точкѣ зрѣнія тождества мышленія и бытія, и какъ непослѣдовательно думаютъ экономическіе матеріалисты, ставящіе мышленіе (субъективный процессъ) въ зависимость отъ бытія (объективнаго процесса). Все это не значитъ еще, чтобы за діалектическимъ методомъ мы имѣли право отрицать всякое значеніе; но ни въ коемъ случаѣ этотъ методъ не можетъ имѣть значенія, какъ путь для открытія научныхъ законовъ. Это методъ скорѣе философскаго синтеза, чѣмъ научнаго анализа.

Взглядъ Милля на методъ соціологіи. Вернемся, однако, къ Миллю. Тотъ методъ, который онъ считаетъ пригоднымъ для политической экономіи, онъ признаётъ совершенно неподходящимъ для соціологіи. Общая наука объ обществѣ, говоритъ онъ, отлична отъ отдѣльныхъ областей науки, изъ коихъ каждая дѣлаетъ свои выводы только условно, подвергая ихъ верховному контролю законовъ общей науки. Въ другомъ мѣстѣ онъ также замѣчаетъ, что общею наукою объ обществѣ должны быть ограничиваемы и повѣряемы заключенія болѣе спеціальныхъ наукъ: здѣсь вопросъ не въ томъ, каково будетъ дѣйствіе данной причины въ извѣстномъ состояніи общества, а въ томъ, какія причины производятъ и какія явленія характеризуютъ состоянія общества вообще. Если такая наука, какъ политическая экономія, изолируетъ извѣстный классъ явленій, то соціологія, наоборотъ, должна разсматривать общее состояніе общества, т.-е. естественное соотношеніе между отдѣльными соціальными явленіями, иначе говоря, ихъ общій consensus. „Существуетъ, говоритъ Милль, однообразіе сосуществованія между

состояніями различныхъ соціальныхъ явленій. Въ самомъ дѣлѣ, прибавляетъ онъ, таково необходимое слѣдствіе вліянія, производимаго каждымъ изъ этихъ явленій на всякое другое". Сводя законы сосуществованія къ законамъ причиненія, Милль полагаетъ, что основная задача соціологіи заключается въ нахожденіи „законовъ, по которымъ каждое состояніе общества производитъ состояніе, слѣдующее за нимъ и занимающее его мѣсто". Въ сущности, эту задачу Милль сводитъ къ формулированію законовъ соціальной эволюціи. Наиболѣе пригоднымъ для этого онъ признаётъ способъ, употребленный Контомъ. Милль даетъ ему названіе историческаго метода, хотя далеко и не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово обыкновенно употребляется. „Этотъ методъ, говоритъ онъ самъ, состоитъ въ попыткѣ посредствомъ изученія и анализа главныхъ фактовъ въ исторіи открыть законъ, который далъ бы намъ возможность предсказывать будущія событія подобно тому, какъ по немногимъ членамъ безконечнаго ряда въ алгебрѣ мы можемъ опредѣлить принципъ правильности ихъ составленія и предсказать остальной рядъ до такого числа членовъ, до какого угодно". Правда, Милль оговаривается, что этотъ методъ легко поддается извращенію, но, въ сущности, онъ стоитъ за этотъ методъ, желая только, чтобы положенія, найденныя эмпирическимъ путемъ, получали и дедуктивное обоснованіе. Въ данномъ случаѣ Милль разсуждаетъ подъ сильнымъ вліяніемъ Конта. Въ такомъ трудномъ дѣлѣ, говоритъ онъ, „мы получили бы большую помощь, если бы оказалось фактомъ, что который-либо изъ элементовъ сложнаго существованія общественнаго человѣка господствуетъ надъ всѣми другими, какъ primus agens соціальнаго движенія. Въ такомъ случаѣ мы могли бы взять прогрессъ одного этого элемента за центральную цѣпь, съ каждымъ послѣдовательнымъ звеномъ которой соединяются соотвѣтствующія звенья всѣхъ другихъ прогрессій". Совсѣмъ такъ же, какъ Контъ, Милль думаетъ, что дѣйствительно есть „соціальный элементъ, имѣющій перевѣсъ и почти господство между силами общественнаго прогресса: этотъ элементъ—состояніе умозрительныхъ способностей людей со включеніемъ свойства вѣрованій, которыхъ они какимъ бы то ни было способомъ достигли относительно самихъ себя и окружающаго міра". Это уже совершенно контовская точка зрѣнія, ставящая всю общественную эволюцію, такъ сказать, въ зависимость отъ процесса, совершающагося въ мірѣ человѣческой мысли. Самъ Милль находитъ, что сочиненіе Конта есть „доселѣ единственный примѣръ изученія соціаль-

ныхъ явленій, согласнаго съ такимъ пониманіемъ историческаго метода".

Слабыя стороны взгляда Милля на соціологическій методъ. Едва ли, однако, эту часть методологическихъ соображеній Милля можно назвать лучшею въ его трактатѣ. Разъ мы признаемъ крайнюю сложность общественныхъ явленій, мы не имѣемъ права выдѣлять одно изъ нихъ въ качествѣ основного или, какъ выражается Милль, primi agentis. Выборъ такого принципа будетъ необходимо нѣсколько произвольнымъ. Контъ, а за нимъ Милль могли думать, что „перевѣсъ и почти господство между силами общественнаго прогресса" принадлежитъ состоянію умозрительныхъ способностей людей, тогда какъ Марксъ и его послѣдователи полагаютъ, что такое значеніе принадлежитъ состоянію производительныхъ силъ. Ошибочно сводить всю соціальную эволюцію къ одной причинѣ, къ одному фактору, къ одному закону. То, что въ данномъ случаѣ рекомендуетъ Милль, находится въ противорѣчіи съ его собственными взглядами на значеніе изолирующей дедукціи, съ какою мы имѣемъ дѣло въ политической экономіи. Притомъ соціальная динамика Конта,—въ ней, собственно говоря, и былъ примѣненъ „историческій методъ",—давала не общую теорію историческаго процесса, а своего рода философію дѣйствительно совершившейся исторіи. Милль недостаточно различаетъ задачи абстрактной и конкретной науки. Его увлеченіе соціальной динамикой Конта весьма естественно, но если бы онъ строже отнесся къ только-что упомянутому различенію, онъ долженъ былъ бы признать, что законы общественной эволюціи должны быть находимы не такимъ путемъ. Въ данномъ случаѣ лучшій методъ есть методъ индуктивно-сравнительный. Въ настоящее время соціологическая литература пользуется вотъ какимъ пріемомъ: берется какая-либо частная эволюція (эволюція брака и семьи, эволюція общественной власти и государства, эволюція собственности и раздѣленія труда и т. д.), и изучается на фактахъ, взятыхъ изъ исторіи разныхъ странъ и народовъ, жившихъ въ разныя эпохи, причемъ отмѣчаются пункты сходства и различія и опредѣляются причины какъ первыхъ, такъ и вторыхъ. Исходя изъ идеи однообразія процессовъ, изъ коихъ складывается общественная эволюція, мы должны объяснять всѣ наблюдаемыя различія особыми условіями мѣста и времени, относя, наоборотъ, случаи сходства на счетъ дѣйствія общихъ законовъ соціальнаго развитія. Здѣсь также приходится изолировать одинъ процессъ отъ другого, но для изученія его методомъ индуктивно-сравнитель-

нымъ, а не дедуктивно-гипотетическимъ, какой употребляется въ абстрактной политической экономіи. Послѣдній пригоденъ для открытія законовъ стремленій, законы же развитій открываются первымъ. Оба эти метода въ извѣстной комбинаціи пригодны и для изученія тѣхъ взаимоотношеній, которыя существуютъ между отдѣльными тенденціями и эволюціями общественной жизни. Самъ Милль, наконецъ, принимаетъ методъ, посредствомъ котораго Контъ строилъ свою соціальную динамику, лишь съ весьма важными оговорками, изъ коихъ одна заслуживаетъ особаго вниманія. Именно онъ говоритъ о невозможности опредѣленія a priori порядка, въ которомъ должно происходить человѣческое развитіе и о невозможности сведенія порядка послѣдовательности, который мы можемъ показать между различными состояніями общества и цивилизаціи, къ какому-либо закону. Между тѣмъ Контъ мечталъ какъ-разъ о послѣднемъ и прямо конструировалъ исторію не лучше Гегеля. Сравнительное изученіе историческихъ фактовъ во всякомъ случаѣ является путемъ гораздо болѣе надежнымъ, нежели тотъ „историческій методъ“, который былъ примѣненъ Контомъ къ разсмотрѣнію всей прошлой жизни человѣчества. Однимъ словомъ, въ той части разсужденія Милля, гдѣ рѣчь идетъ о соціологическомъ методѣ, многое нуждается въ пересмотрѣ и передѣлкѣ на основаніи успѣховъ новѣйшаго сравнительнаго изученія эволюціи культурныхъ и соціальныхъ явленій.

До сихъ поръ „Система логики“ Милля остается наиболѣе авторитетнымъ общимъ трудомъ по вопросу о методахъ положительныхъ наукъ вообще и въ частности наукъ общественныхъ. Нельзя, однако, не замѣтить все-таки, что современному состоянію соціологіи многое въ этомъ трактатѣ уже болѣе не соотвѣтствуетъ. Во всякомъ случаѣ Миллю принадлежитъ заслуга внесенія въ логику наукъ—вопросовъ соціологической методологіи. Болѣе поздніе писатели, разрабатывавшіе эти вопросы, шли уже по стопамъ Милля и находились прямо подъ его вліяніемъ, хотя и не во всемъ съ нимъ соглашались. Иногда сравнительно съ Миллемъ они дѣлали даже шаги назадъ.

Логика общественныхъ наукъ Бэна. Послѣднее приходится сказать, напримѣръ, объ „Индуктивной и дедуктивной логикѣ“ Бэна (1871). Въ общемъ этотъ авторъ слѣдуетъ за Миллемъ, мѣстами отступая отъ него подъ вліяніемъ упоминавшагося выше Корнуэля Льюиса (по вопросу о приложимости методовъ индуктивнаго изслѣдованія къ общественнымъ явленіямъ). Одно изъ достоинствъ Милля заключается въ томъ, что онъ

строго отдѣляетъ „науки, въ настоящемъ смыслѣ слова, т.-е. изслѣдованія хода природы“ отъ прикладныхъ наукъ или искусствъ, заключающихъ въ себѣ практическія правила или предписанія. Между тѣмъ Бэнъ трактуетъ о методахъ общественныхъ наукъ въ отдѣлѣ, посвященномъ „логикѣ практическихъ наукъ“. Такимъ образомъ у него общественныя науки берутся преимущественно, какъ чисто прикладныя дисциплины. Мало того: сами теоретическія изслѣдованія въ этой области, повидимому, кажутся ему заслуживающими вниманія лишь въ качествѣ основъ, на которыхъ слѣдуетъ строить системы практическихъ правилъ. Наконецъ, Бэнъ прямо даже обнаруживаетъ очень неясное пониманіе того, что такое „теоретическая наука объ обществѣ, иногда называемая философіей исторіи“. Онъ не показываетъ, напримѣръ, въ какомъ отношеніи должна она находиться къ политикѣ, которая, по его опредѣленію, „касается дѣйствій человѣческихъ существъ въ обществѣ“, причемъ „къ предметамъ собственно политики“ онъ относитъ „форму правленія и законодательство во всѣхъ пунктахъ, незатронутыхъ въ отдѣлахъ“, которые для упрощенія политическаго изслѣдованія „полезно и удобно изъять изъ обширной области общественной науки“. Такими отдѣлами онъ считаетъ юриспруденцію, международное право, политическую экономію и статистику. Характеризуя каждую изъ этихъ наукъ въ отдѣльности, онъ имѣетъ въ виду всегда тѣ или другія практическія потребности общественной жизни, коимъ удовлетворяетъ каждая изъ этихъ наукъ. Правда, Бэнъ касается вопроса и о томъ, какъ должна разрабатываться „теоретическая политика“, но приводимые имъ примѣры обнаруживаютъ, что онъ весьма мало знакомъ съ чисто соціологическими вопросами. Впрочемъ, онъ и прославился болѣе, какъ психологъ.

Взгляды Вундта на методы общественныхъ наукъ. Другой знаменитый психологъ нашего времени, Вильгельмъ Вундтъ, тоже разработалъ логику общественныхъ наукъ. Хотя въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Душа человѣка и животныхъ“ (1863) онъ подвергъ разсмотрѣнію вопросъ объ общественности человѣка сравнительно съ общественностью животныхъ,—тема, имѣющая несомнѣнно соціологическій интересъ,—но въ общемъ онъ всегда болѣе занимался человѣкомъ индивидуальнымъ (съ физіологической, психологической и этической точекъ зрѣнія), чѣмъ человѣкомъ общественнымъ. Притомъ, подобно большинству своихъ соотечественниковъ, онъ гораздо менѣе, чѣмъ мыслители другихъ странъ, испыталъ на себѣ вліяніе позитивной соціологіи

Конта. Если, однако, онъ признаётъ необходимость соціологіи и даже прямо разсматриваетъ вопросъ о ея методѣ, то это указываетъ лишь на то, что и на нѣмецкой литературѣ о научной методологіи сказалось вліяніе Конта, хотя бы и не въ особенно сильной степени [1]).

Въ громадной „Логикѣ" Вундта методологіи общественныхъ наукъ отведено весьма важное мѣсто. Кое съ чѣмъ изъ взглядовъ Вундта мы имѣли уже случай познакомить читателя. Мы видѣли между прочимъ, что соціологіи онъ ставитъ хотя и очень важную, но весьма ограниченную задачу. Это не мѣшаетъ, однако, признавать за его „Логикой" большую важность въ исторіи соціологической методологіи. Особенно интересны параграфы о каузальномъ и телеологическомъ разсмотрѣніи въ области наукъ гуманитарныхъ, о понятіи закона въ этихъ же наукахъ, объ историческихъ законахъ, о понятіи цѣли въ исторіи, о соціальныхъ законахъ и соціальныхъ нормахъ. Важны также методологическія соображенія Вундта въ такихъ областяхъ, какъ этнологія, демологія, политика, политическая экономія и юриспруденція. Мы видѣли, что, по его мнѣнію, главнѣйшія задачи, какія можно поставить соціологіи, разрѣшаются этнологіей, демологіей и политикой. Поэтому у него не можетъ быть и рѣчи объ особой соціологической методологіи. Если онъ ставитъ еще задачею соціологіи изслѣдованія общихъ принциповъ, принимаемыхъ всѣми общественными науками, то это, какъ самъ онъ говоритъ, есть задача логическая. Логика наукъ имѣетъ свою особую цѣль, не совпадающую съ цѣлью самихъ этихъ наукъ. Здѣсь у насъ идетъ рѣчь лишь о методахъ, коими должна пользоваться соціологія. Полагая, что задачи послѣдней разрѣшаются тремя отдѣльными дисциплинами, Вундтъ могъ, разсматривая методы этнологіи, демологіи и политики, тѣмъ самымъ сдѣлать свой вкладъ и въ методологію соціологіи.

Главнымъ методомъ въ этнологіи Вундтъ признаетъ методъ сравнительный. Этому методу вообще во всѣхъ гуманитарныхъ

[1]) Въ другой большой нѣмецкой логикѣ — Зигварта (1893), второй томъ коей посвященъ методологіи (Methodenlehre), мы напрасно стали бы искать слово „соціологія". Между тѣмъ Зигвартъ касается методовъ отдѣльныхъ наукъ, какъ-то: этики, исторіи, политической экономіи, коллективной психологіи (Völkerpsychologie), статистики. Впрочемъ, вмѣстѣ съ соціологіей отсутствуютъ у него еще политика и юриспруденція. Конечно, это не лишаетъ „Логику" Зигварта ея значенія, но отмѣченное явленіе характеризуетъ отношеніе къ соціологіи многихъ философовъ. Ср. то, что по этому поводу сказано въ предисловіи (о книгѣ Дильтея), а также на стр. 157 (слова Вундта).

наукахъ онъ посвятилъ особый параграфъ, въ которомъ (какъ и въ параграфѣ о сравнительномъ методѣ въ естествознаніи) различаетъ между сравненіемъ индивидуальнымъ и генерическимъ. Первое можетъ имѣть важное значеніе въ исторіи, но въ этнологіи вся сила — въ генерическомъ сравненіи возможно наибольшаго числа повторяющихся явленій (именно процессовъ): индивидуальное сравненіе можетъ играть роль лишь „пріема, подготовляющаго генерическое сравненіе“. Этнологія изучаетъ общественную жизнь съ качественной стороны, демологія — со стороны количественной. Въ этой послѣдней наукѣ вся сила принадлежитъ статистическому методу, при помощи коего, между прочимъ, удобно установлять эмпирическіе законы. Вундтъ даетъ здѣсь чуть не цѣлый трактатъ по теоріи статистики. Наконецъ, политика изучаетъ общество со стороны его организаціи, которую Вундтъ мыслитъ главнымъ образомъ, какъ государство [1]. И въ этой области главными методами онъ признаётъ обѣ формы сравнительнаго изученія — индивидуально-историческій и генерическій. Однимъ изъ крупныхъ недостатковъ его логики наукъ (если только признать контовское дѣленіе наукъ на конкретныя и абстрактныя) заключается въ томъ, что онъ не отдѣляетъ разсмотрѣнія методовъ, коими слѣдуетъ пользоваться въ абстрактномъ знаніи, отъ разсмотрѣнія методовъ, при помощи коихъ совершается изслѣдованіе тѣхъ или другихъ конкретныхъ явленій. Между тѣмъ различеніе индивидуальнаго и генерическаго сравненія относится именно къ этой категоріи понятій: индивидуальнымъ сравненіемъ можетъ пользоваться исторія, наука конкретная; для соціологіи, науки абстрактной, важно сравненіе генерическое. Но въ политикѣ Вундтъ признаетъ еще необходимость разсмотрѣнія четырехъ вспомогательныхъ методовъ, которые онъ „по господствующимъ въ нихъ главнѣйшимъ точкамъ зрѣнія“ называетъ физическимъ (physikalisch), біологическимъ, юридическимъ и соціологическимъ, т.-е. это — точки зрѣнія отдѣльныхъ наукъ, причемъ, — что особенно интересно, — соціологическій методъ у Вундта не есть методъ общей науки объ обществѣ, а одинъ изъ вспомогательныхъ методовъ политики, не столько характеризующійся пріемами изслѣдованія, сколько точкою зрѣнія на предметъ. Первые два метода (въ этомъ употребленіи слова) заимствуются изъ естествознанія. Въ самомъ началѣ своей „Методологіи гуманитарныхъ наукъ“ (Ло-

[1]) Для краткости мы обходимъ здѣсь молчаніемъ, почему Вундтъ политику ставитъ въ болѣе тѣсную связь съ соціологіей, чѣмъ юриспруденцію и экономику: разсмотрѣніе этого отвлекло бы насъ въ сторону отъ главной темы.

гика, т. II, ч. II) Вундтъ вообще разсматриваетъ вопросъ объ отношеніи методовъ этихъ наукъ къ методамъ естествознанія, характеризующихся широкимъ примѣненіемъ эксперимента. Говоря о методахъ физическомъ и біологическомъ въ политикѣ, онъ поднимаетъ въ сущности тотъ же самый вопросъ. Въ виду того, что съ самаго своего начала соціологія обратилась за помощью къ естествознанію и заимствовала изъ него методологическія соображенія, коими потомъ и стала пользоваться для своихъ цѣлей, мы и остановимся нѣсколько подробнѣе на касающихся этого предмета взглядахъ Вундта.

Методы политики по Вундту. „Физическій методъ, говоритъ онъ, коренится въ воззрѣніяхъ механической философіи природы". Вундтъ имѣетъ здѣсь въ виду взглядъ Гоббса и матеріалистическихъ представителей идеи естественнаго права на государство, какъ на „искусственное тѣло", но, продолжаетъ онъ, „въ дальнѣйшемъ развитіи физическаго метода отъ него отдѣляется эта метафизическая точка зрѣнія: не потому, что общество есть составное тѣло, а потому, что оно есть вообще составное понятіе, къ изслѣдованію его должны быть примѣнены методы, созданные физикой для анализа такихъ конкретныхъ явленій, въ коихъ дѣйствія, получающіяся въ результатѣ, разсматриваются, какъ необходимыя слѣдствія изъ качествъ отдѣльныхъ слагаемыхъ или составныхъ частей. Таковъ смыслъ сдѣланнаго Контомъ различенія между соціальной статикой и динамикой, таковъ смыслъ и даннаго Кетле общественной наукѣ названія—соціальная физика". Впрочемъ, по мнѣнію Вундта, Контъ (а также и Спенсеръ) стоитъ посрединѣ между физической и біологической точками зрѣнія, самымъ же характернымъ представителемъ физическаго метода онъ считаетъ Милля, который особенно напиралъ на то, что „общественныя явленія совершенно такъ же могутъ быть выведены изъ природы индивидуальнаго человѣка, какъ въ физикѣ изъ свойствъ отдѣльныхъ тѣлъ—явленія ихъ совокупнаго дѣйствія. Вотъ почему, продолжаетъ Вундтъ, соціологія для Милля по основному своему характеру есть наука дедуктивная: прежде всего она должна вывести психологически изъ свойствъ индивидуума соціальные законы, дабы потомъ подвергнуть повѣркѣ полученные результаты путемъ прямого наблюденія". Это, какъ мы видѣли, тотъ методъ, коимъ создана была абстрактная политическая экономія, и въ послѣднемъ заключается его научное оправданіе. Но мы видѣли, что, какъ общій соціологическій методъ, такой пріемъ не выдерживаетъ критики. Вундтъ,—который, замѣтимъ мимоходомъ, подвергаетъ отдѣльному разсмо-

трѣнію и методы политической экономіи (въ особомъ параграфѣ),— признаётъ, что образцомъ для попытки „представить общественныя науки, какъ дедуктивныя науки въ смыслѣ теоретической физики“ послужила теоретическая политическая экономія, но онъ думаетъ, что и тутъ была допущена нѣкоторая ошибка. Это впрочемъ, другой вопросъ, прямо соціологіи не касающійся. Безусловно съ Вундтомъ можно согласиться лишь въ томъ, что, какъ методъ общей науки объ обществѣ, физическій методъ непригоденъ. Въ немъ онъ основательно усматриваетъ предостереженіе противъ перенесенія по аналогіи принциповъ однѣхъ наукъ въ другія.

То же самое можно сказать и о біологическомъ методѣ, подъ коимъ Вундтъ разумѣетъ основную точку зрѣнія органической школы — отождествленіе общества съ организмомъ. И здѣсь онъ усматриваетъ отраженіе на соціологическомъ воззрѣніи извѣстной философіи природы, будетъ ли то мистическая натуръ-философія Шеллинга, родственная нѣмецкой органической школѣ государствовѣдѣнія (organische Staatslehre), или реалистическая философія природы Конта и Спенсера. Вундтъ по этому поводу написалъ нѣсколько страницъ, которыя коечто прибавляютъ къ критикѣ воззрѣній органической школы (Спенсера, Лиліенфельда и Шэффле). Съ методологической точки зрѣнія, насъ здѣсь интересующей, онъ признаётъ за „реальными аналогіями“ двоякаго рода значеніе. Первое значеніе — дидактическое: „біологическій образъ“ дѣлаетъ болѣе наглядною картину общественныхъ отношеній. Важнѣе второе значеніе, эвристическое: біологическая аналогія можетъ заставить обратить вниманіе на такія стороны общественной жизни, которыя ранѣе отъ нашего вниманія ускользали. Только въ этомъ смыслѣ біологическій методъ заслуживаетъ названія особаго пріема изслѣдованія. Въ немъ кроется, однако, большая опасность; для ея устраненія необходимо пользованіе этимъ методомъ подчинить общимъ требованіямъ метода сравнительнаго. Вундтъ вѣрно замѣчаетъ, что отыскиваніе аналогій можетъ сдѣлаться господствующею страстью, если его не сдерживать: сравнительный методъ складывается изъ метода совпаденій и метода различеній.

Переходимъ къ двумъ другимъ вспомогательнымъ методамъ политики по Вундту. У него есть цѣлый большой параграфъ, въ коемъ разсматриваются особо методы, употребляемые юриспруденціей, но этотъ предметъ мы оставляемъ въ сторонѣ. Юридическимъ же методомъ въ политикѣ онъ называетъ „отноше-

ніе къ государству, а равно и къ другимъ общественнымъ союзамъ политическаго характера, какъ къ правовымъ организаціямъ, причемъ напередъ принимается, что вездѣ только положительное право упорядочиваетъ отношенія этихъ формъ организаціи". Въ частности изъ всѣхъ юридическихъ методовъ здѣсь примѣняется методъ цивилистическій (перенесеніе частноправовыхъ понятій въ сферу политическихъ отношеній). Съ этой точки зрѣнія „единственнымъ реальнымъ объектомъ соціологіи и политики является отдѣльный человѣкъ, а общественныя организаціи, въ особенности государство, поэтому или дѣйствительно суть произвольныя созданія индивидуумомъ, или по своему юридическому значенію должны разсматриваться, какъ таковыя". Вундтъ указываетъ, какіе дальнѣйшіе выводы отсюда дѣлаются, и заключаетъ, что „юридическій методъ покоится на строго индивидуалистическомъ пониманіи общества". Подобные взгляды можно еще найти въ литературѣ по государствовѣдѣнію, но соціологіи это не касается. Напротивъ, можно сказать, что соціологія съ самаго начала слишкомъ далеко держала себя отъ юриспруденціи, чтобы сколько-нибудь испытывать на себѣ вліяніе юридической методологіи. За юридическимъ методомъ Вундтъ все-таки признаетъ нѣкоторое значеніе въ политикѣ, хотя и весьма подчиненное. По его объясненію, этотъ методъ тоже исходитъ изъ „реальныхъ аналогій" между формами общественнаго устройства разныхъ ступеней, т.-е. естественныхъ и искусственныхъ (договорныхъ) организацій. Дѣло въ томъ, что разныя соціальныя организаціи имѣютъ не одинаковое происхожденіе, и по однимъ нельзя судить о другихъ. Узнать способъ происхожденія той или другой категоріи можно лишь путемъ сравнительно-историческаго изученія, такъ что на долю юридическаго метода остается лишь одно—способствовать пониманію существующихъ уже организацій, сравнивая болѣе сложныя съ болѣе простыми. Разборъ юридическаго метода въ политикѣ вызванъ былъ у Вундта современнымъ состояніемъ государствовѣдѣнія. Если бы Вундтъ обратилъ больше вниманія на соціологію, то долженъ былъ бы съ такимъ же основаніемъ заговорить и объ экономическомъ методѣ въ политикѣ (мы употребляемъ слово „методъ" въ условномъ смыслѣ, а въ виду имѣемъ экономическій матеріализмъ. Молчаніе Вундта о послѣднемъ хорошій примѣръ того, какъ мало еще обращаетъ на себя вниманія экономическій матеріализмъ въ соціологической литературѣ).

То, что Вундтъ говоритъ о соціологическомъ методѣ, крайне поверхностно. Не забудемъ, что для него это одинъ изъ вспо-

могательныхъ методовъ политики—и только. Притомъ въ теперешнемъ его примѣненіи Вундтъ находитъ его одностороннимъ и причину этой односторонности видитъ, во-первыхъ, въ недостаточномъ психологическомъ знаніи соціальныхъ стремленій человѣка, а во-вторыхъ, въ сосредоточеніи всего вниманія на вопросѣ о происхожденіи соціальныхъ и политическихъ образованій. Такимъ образомъ онъ не разсматриваетъ методовъ самой соціологіи, а то, что называетъ соціологическимъ методомъ, самъ беретъ крайне произвольно, какъ будто соціологія и на самомъ дѣлѣ занимается только генезисомъ общественныхъ организацій и ищетъ ихъ объясненія исключительно въ соціальныхъ инстинктахъ. Вундтъ думаетъ именно, что современная соціологія главнымъ образомъ создана этнологіей, занимающейся между прочимъ соціальными организаціями первобытныхъ народовъ, и дарвинизмомъ, который открываетъ передъ нами еще болѣе примитивныя формы совмѣстной жизни у животныхъ, а оба эти направленія сходятся одно съ другимъ въ томъ, что „разсматриваютъ общественныя соединенія въ ихъ происхожденіи, какъ естественныя порожденія общихъ человѣческихъ инстинктовъ“. Но вѣдь въ этомъ не вся же еще соціологія, а потому Вундтъ очень узко понимаетъ соціологическій методъ, когда утверждаетъ, что онъ „имѣетъ зоологическую и этнологическую основу“. Мало того: онъ говоритъ вдобавокъ, что „зоологическая точка зрѣнія въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ этнологическая, повліяла на общій характеръ основныхъ воззрѣній“ соціологіи. Въ сущности онъ критикуетъ здѣсь не соціологическій методъ, а одностороннее построеніе всей соціологіи на идеѣ борьбы за существованіе, т.-е. дарвинистическую соціологію, а это вѣдь большая разница.

Необходимость спеціальной разработки соціологической методологіи. Включеніе въ логику такъ называемой логики наукъ и возникновеніе особой логики наукъ общественныхъ было, конечно, важнымъ шагомъ въ развитіи научнаго знанія. Но мы видѣли, что логика общественныхъ наукъ и логика соціологіи не одно и то же: соціологія—лишь одна изъ общественныхъ наукъ, и поскольку она отличается, напр., отъ исторіи или отъ политической экономіи, методы ея не могутъ быть тѣ же, что у этихъ послѣднихъ. Историческая наука имѣетъ свою методологію съ довольно богатой литературой, въ коей за послѣднее время особенно видное мѣсто занимаетъ книга Бернгейма „Руководство историческаго метода“ [1]), выдержавшая въ

[1]) Въ ней авторъ касается и соціологіи, но его разсужденія объ этой наукѣ оставляютъ желать весьма многаго.

короткое время два изданія (1889 и 1894). Обширная литература по методологіи существуетъ и у политической экономіи. Назовемъ, какъ наиболѣе обстоятельное изъ новѣйшихъ трудовъ, „Изслѣдованія о методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности" Карла Менгера (1883),—сочиненіе, въ коемъ, такъ сказать, разсматривается тяжба между абстрактнымъ и историческимъ методами [1]) въ политической экономіи и попутно рѣшаются нѣкоторые вопросы прямо соціологическаго характера (книга III: „Органическое пониманіе соціальныхъ явленій" съ разборомъ аналогическаго метода). Весьма естественно, что такія частныя методологіи пишутся спеціалистами данныхъ наукъ: Бернгеймъ—профессоръ исторіи, Менгеръ—профессоръ политической экономіи и т. д. Надлежало бы, чтобы и соціологическая методологія разрабатывалась преимущественно спеціалистами въ области соціологіи и притомъ, конечно, не въ угоду той или другой односторонней доктрины. Мы подробно разсмотрѣли взгляды наиболѣе видныхъ представителей научной логики, но ни одинъ изъ нихъ, ни Милль, ни Бэнъ, ни Вундтъ не были соціологами, а между тѣмъ по данному вопросу ихъ сочиненія совершенно нечѣмъ замѣнить. Правда, во многихъ соціологическихъ сочиненіяхъ по нѣскольку страницъ бываетъ отведено вопросу о методѣ, но эти немногія страницы, а равно и отдѣльныя статейки, посвященныя тому же вопросу, далеко не исчерпываютъ предмета, до сихъ поръ остающагося весьма мало разработаннымъ. Итакъ, соціологическую методологію не могутъ замѣнить ни общая логика общественныхъ наукъ, ни методологія исторіи, политической экономіи, юриспруденціи, государствовѣдѣнія: соціологическая методологія должна быть создана самими соціологами.

„Изученіе соціологіи" Спенсера. Книга Спенсера „Изученіе соціологіи" (1873) не можетъ считаться исполненіемъ такой задачи. Онъ предпослалъ ее своимъ „Основамъ соціологіи", какъ общій трактатъ о томъ, чѣмъ должна быть соціологія, дабы имѣть характеръ науки, но во всей книгѣ преобладаютъ указанія не положительнаго, а отрицательнаго свойства: именно авторъ главнымъ образомъ говоритъ о томъ, какъ не слѣдуетъ относиться къ соціальнымъ явленіямъ. Спенсеръ разрушаетъ здѣсь разныя ложныя представленія, какія существуютъ въ публикѣ относительно общественныхъ явленій,—между прочимъ относительно ихъ предвидѣнія и воздѣйствія на нихъ,—и разбираетъ трудности,

[1]) Въ русской литературѣ тому же предмету посвящена книга проф. В. Ф. Левитскаго „Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ". 1890.

соединенныя съ изученіемъ этихъ явленій. Особенно подробно разсматриваетъ онъ разныя субъективныя затрудненія, вытекающія изъ личныхъ свойствъ, воспитанія, а также національныхъ, сословныхъ, партійныхъ и вѣроисповѣдныхъ предразсудковъ и пристрастій лицъ, которыя занимаются изученіемъ соціальныхъ явленій. Все это, конечно, весьма важно, но научный объективизмъ, проповѣдуемый Спенсеромъ, нуженъ во всѣхъ вообще общественныхъ наукахъ (особенно въ исторіи), а затѣмъ все это вопросы не метода, а общаго научнаго отношенія. Другими словами, здѣсь рѣчь идетъ главнымъ образомъ о дисциплинѣ ума. „Правильное пониманіе какого бы то ни было предмета, говоритъ Спенсеръ, очень много зависитъ отъ привычки мыслить, а эта привычка, отчасти природная, зависитъ въ нѣкоторой степени и отъ искусственныхъ вліяній, дѣйствовавшихъ на умъ... Привычка правильно мыслить, замѣчаетъ онъ еще, составляетъ важнѣйшее условіе при изученіи соціологіи, а эта привычка можетъ быть пріобрѣтена только изученіемъ наукъ вообще, потому что соціологія есть наука, обнимающая явленія всѣхъ другихъ наукъ". Поэтому, думаетъ онъ, для правильныхъ сужденій въ соціологіи „умъ долженъ ознакомиться съ основными идеями, вносимыми каждымъ классомъ наукъ и не подчиняться идеямъ одного класса или двухъ классовъ наукъ". Такими идеями онъ считаетъ идеи необходимости отношеній (логика и математика), связи причины и слѣдствія (физика и химія), непрерывности, сложности и связности (астрономія и геологія), плодотворящей причинности (біологія). Особенно важною считаетъ онъ біологическую и психологическую подготовку. Но усвоеніе основныхъ идей разныхъ наукъ для примѣненія ихъ къ изученію соціальныхъ явленій не есть еще выработка методовъ, коими эти соціальныя явленія должны изучаться. Такою постановкою вопроса о дисциплинѣ ума Спенсеръ какъ-бы совершенно устраняетъ вопросъ о пріемахъ изученія соціальныхъ явленій. Одно дѣло—дисциплинировать свой умъ путемъ усвоенія научной идеи о связи причины и слѣдствія, другое дѣло—знать тѣ пріемы, при помощи коихъ можно открывать каузальныя отношенія въ разныхъ категоріяхъ явленій для научнаго пониманія даннаго конкретнаго факта или для выведенія общаго абстрактнаго закона. Логическіе пріемы совсѣмъ устранены изъ книги Спенсера, наполненной, наоборотъ, соображеніями уже чисто соціологическаго содержанія. Вотъ почему „Изученіе соціологіи" нельзя, строго говоря, отнести къ чисто методологической литературѣ. Спенсеръ вообще не обратилъ должнаго вниманія на

вопросы этой категоріи и даже не счелъ нужнымъ теоретически обосновать свой аналогическій методъ, посредствомъ коего онъ изслѣдуетъ общество, беря основныя идеи изъ біологіи, или тотъ сравнительный методъ, коимъ онъ такъ плодотворно пользуется тамъ, гдѣ оставляетъ свою органическую аналогію.

Вопросъ о методахъ соціологіи въ новѣйшей литературѣ. Современные соціологи сами теперь чувствуютъ все бо́льшую и бо́льшую потребность разобраться въ методологическихъ вопросахъ. Одни изъ нихъ отводятъ нѣкоторое мѣсто этимъ вопросамъ въ трудахъ болѣе общаго характера, другіе посвящаютъ имъ спеціальныя работы [1]). За послѣдніе годы соціологическая литература до такой степени разрослась, что одни наблюденія надъ методами, коими пользуются отдѣльные писатели, даютъ богатый матеріалъ для выработки общей соціологической методологіи, не считая матеріала, заключающагося въ мнѣніяхъ, какія высказываются самими авторами соціологическихъ трактатовъ. Въ послѣднемъ отношеніи интересны страницы, посвященныя этому предмету въ „Принципахъ соціологіи" Гиддинса, о чемъ будетъ сказано въ слѣдующемъ параграфѣ. Методологическіе вопросы дѣлались предметомъ изслѣдованія и въ отдѣльныхъ работахъ. Таковы, напр., написанная по-латыни диссертація Вормса „О сущности и методѣ соціологіи" (1896) или „Правила соціологическаго метода Дюркгейма".

Недавно вопросъ о методахъ соціологіи былъ затронутъ въ книжкѣ Бугле „Общественныя науки въ Германіи" (1896), въ которой сдѣлана между прочимъ попытка періодизаціи въ исторіи европейской соціологической мысли XIX вѣка. По мнѣнію автора, эта мысль прошла четыре періода, характеризующіеся господствомъ умозрѣнія, историзма, натурализма и психологизма: вѣрнѣе говоря, именно въ настоящее время она находится въ періодѣ психологизма. Историзмъ явился въ видѣ реакціи противъ крайностей умозрительнаго направленія, но скоро онъ самъ пришелъ къ необходимости общей теоріи, чтобы не растеряться въ массѣ конкретныхъ фактовъ. Эта потребность нашла свое удовлетвореніе въ обращеніи къ обобщеніямъ и гипотезамъ естествознанія, въ чемъ и состояло вступленіе общественныхъ наукъ въ періодъ натурализма. Но перенесеніе въ ученіе объ обществѣ

[1]) Одинъ русскій писатель отнесъ къ числу сочиненій по логикѣ общественныхъ наукъ книгу Тарда „Соціальная логика" (1895), очевидно, введенный въ заблужденіе заглавіемъ. У Тарда соціологія раздѣляется на соціальную телеологію (изученіе общественныхъ цѣлей) и соціальную логику (изученіе общественныхъ вѣрованій).

принциповъ біологіи оказалось не приводящимъ къ цѣли, и вотъ пришли къ признанію важности психологіи для объясненія общественныхъ явленій. Къ сожалѣнію, указывая на то, что за послѣднее время замѣчается поворотъ къ психологизму, Бугле не различаетъ между психологизмомъ, исходящимъ изъ понятій, родственныхъ органическому направленію, и психологизмомъ, который видитъ элементы общества въ отдѣльныхъ личностяхъ. То, что авторъ говоритъ спеціально о Германіи, можетъ быть отнесено и къ другимъ странамъ, ибо вездѣ за послѣднее время въ изученіи соціологіи все сильнѣе и сильнѣе выдвигается психологическая точка зрѣнія, которая, конечно, отражается и на методѣ соціологіи. Въ видѣ образца того, какъ вопросъ ставится въ современной литературѣ, мы познакомимъ читателя съ методологическими взглядами Гиддинса.

Методологическіе взгляды Гиддинса. По мнѣнію Гиддинса, „главы, которыя Милль посвящаетъ логикѣ нравственныхъ наукъ, остаются навсегда прочнымъ основаніемъ соціологическаго метода“, хотя „послѣдніе успѣхи научнаго духа и вынуждаютъ сдѣлать нѣкоторыя добавленія“. Гиддинсъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что соціологія должна пользоваться всѣми методами: пренебречь какимъ-нибудь методомъ значитъ сдѣлать безполезнымъ употребленіе всѣхъ остальныхъ. Споръ, занимавшій цѣлое поколѣніе объ относительныхъ достоинствахъ историческаго и апріорнаго методовъ въ общественныхъ наукахъ онъ предлагаетъ поэтому сдать въ архивъ. Исторія безъ дедукціи есть хаосъ. Дедукція безъ провѣрки есть „свѣтъ, какого никогда не видали ни на сушѣ, ни на морѣ“. Тѣмъ не менѣе Гиддинсъ выдвигаетъ въ соціологіи на первый планъ „обобщенія, объясняемыя посредствомъ дедукціи“, т.-е. соціологія „должна обыкновенно начинать свои изслѣдованія наблюденіемъ, а оканчивать ихъ дедуктивнымъ подтвержденіемъ и объясненіемъ“. Однако, онъ не считаетъ и этого правила безусловнымъ. „Единственное строгое правило заключается въ томъ, чтобы во всякомъ изслѣдованіи любой науки дедукція и опытъ комбинировались въ томъ или другомъ порядкѣ. Мало того: если хорошенько поразобраться, мы найдемъ, что въ каждомъ пріемѣ заключается и другой. Мы не только не должны исключать дедукцію изъ предварительнаго пріема наблюденія или наблюденіе изъ окончательнаго объясненія, но и не могли бы этого сдѣлать“. Гиддинсъ хочетъ только, чтобы изслѣдованія, въ коихъ дедукція играетъ наименьшую роль, всегда предшествовали изслѣдованіямъ, въ коихъ ей принадлежитъ наибольшее значеніе. Онъ

старается даже установить порядокъ, въ какомъ должны вестись соціологическія изслѣдованія, по степени преобладанія въ нихъ индукціи или дедукціи, причемъ чѣмъ далѣе подвигается соціологъ въ своемъ изслѣдованіи, тѣмъ сложнѣе дѣлаются пріемы, къ которымъ онъ долженъ обращаться. Въ частности Гиддинсъ останавливается на пріемахъ классификаціи, обобщенія и дедукціи, отмѣчая попутно ошибки, какія дѣлаются современной соціологической литературой въ методологическомъ отношеніи. Между прочимъ онъ протестуетъ противъ того, что „большая часть соціологической литературы написана въ стилѣ біологической номенклатуры", такъ какъ соціологи имѣютъ обыкновеніе подводить общественныя явленія подъ чисто біологическія категоріи. Каждая отдѣльная наука должна имѣть свои классификаціи, свои собственные термины. Эмпирическія обобщенія, которыя соціологія дѣлаетъ при помощи сравнительнаго и историческаго методовъ, „этихъ двухъ формъ метода сопутствующихъ измѣненій", могутъ достигать большой точности, но все-таки они имѣютъ значеніе только вѣроятностей и должны быть контролируемы при помощи дедукціи. Что касается до послѣдней, то Гиддинсъ не скрываетъ ея опасности. „Въ теченіе долгаго времени, говоритъ онъ, общественныя науки шли совершенно противонаучнымъ путемъ. Разрѣшивъ человѣческую природу въ рядъ абстракцій, пытались провѣрять всевозможныя дедукціи посредствомъ прямого сравненія со статистикой и исторіей, какъ будто эти конкретныя вещи могли соотвѣтствовать дедуктивнымъ истинамъ, пока послѣднія еще не комбинировались въ одно сложное цѣлое". Гиддинсъ рекомендуетъ непремѣнно соединять отдѣльные отвлеченные выводы, чтобы получать нѣкоторыя общія заключенія, которыя уже и не будутъ отличаться отъ обобщеній исторіи и статистики. Напримѣръ, съ одной точки зрѣнія мы имѣемъ право смотрѣть на всѣхъ предпринимателей одного и того же рода, какъ на конкуррентовъ, и это можетъ объяснить намъ очень многія явленія экономической жизни, но для пониманія всей дѣйствительности мы не должны упускать изъ виду и другой точки зрѣнія, съ которой тѣ же самые предприниматели окажутся по отношенію другъ къ другу товарищами, солидарными въ защитѣ интересовъ своего класса. Поэтому, говоритъ Гиддинсъ, и отличительный пріемъ соціологіи долженъ быть развитымъ въ конструктивный методъ, который позволительно назвать методомъ психологическаго синтеза. Соціологъ долженъ стремиться къ постоянному вниманію по отношенію къ психическимъ возможностямъ великаго цѣлаго, въ коемъ происходитъ

человѣческая борьба. Онъ долженъ съ большимъ вниманіемъ относиться къ пренебрегаемымъ или незамѣченнымъ факторамъ человѣческаго дѣйствія, какъ химикъ къ неизвѣстнымъ элементамъ. Если онъ обладаетъ способностью научнаго воображенія, онъ долженъ идеально соединять всѣ факторы и пытаться открыть условія и законы ихъ комбинацій. Только тогда соціологъ будетъ въ состояніи сдѣлать изъ дедукціи пробный камень сравненія съ историческими фактами и научными данными.

Общій выводъ Гиддинса—въ пользу психологическаго синтеза. Само собой разумѣется, что психологію онъ беретъ въ научномъ смыслѣ. „Призраки и символы фантастической психологіи, говоритъ онъ, довольно долго господствовали въ общественныхъ наукахъ. Пріятно ли намъ это или нѣтъ, мы должны отказаться отъ нашихъ иллюзій и научиться замѣнять ихъ истинами разумной психологіи". Отъ каждаго, занимающагося соціальными науками, онъ требуетъ умѣнія быть критическимъ наблюдателемъ психологическихъ данныхъ, на которыхъ основываются эти науки. Долговременный споръ объ относительномъ достоинствѣ дедукціи или исторіи Гиддинсъ считаетъ возможнымъ разрѣшить окончательно на основаніи того, что представляетъ собою современное научное движеніе въ сферѣ общественныхъ наукъ. „Кто, говоритъ онъ, лѣтъ двѣнадцать-пятнадцать тому назадъ надѣялся, что наука сдѣлаетъ гигантскіе шаги впередъ отъ приложенія историческихъ изслѣдованій къ политическимъ и экономическимъ вопросамъ, не мало долженъ былъ разочароваться. Произошла очевидная реакція въ сторону болѣе свободнаго пользованія анализомъ и дедукціей, но эти методы нельзя уже употреблять такъ, какъ прежде. Основы изслѣдованія должны быть расширены; безчисленные факты, прежде игнорировавшіеся, должны быть приняты въ расчетъ. Интересно отмѣтить, что въ то самое время, какъ этотъ выводъ медленно входилъ въ научное сознаніе, новый духъ былъ сообщенъ теоретическимъ занятіямъ людьми, которые подошли къ нимъ съ психологической стороны. Несомнѣнно, новымъ направленіемъ, чувствуемымъ во всѣхъ отрасляхъ экономической науки, мы обязаны тому изслѣдованію, какому эти люди подвергли психологическія предпосылки политической экономіи. То же самое можно сказать о сравнительномъ правовѣдѣніи. Но здѣсь новые взгляды непохожи на старые. Послѣ того, какъ историческія изысканія обнаружили существенную относительность всѣхъ системъ права, изслѣдованіе направляется теперь на субъективную или психологическую основу историческихъ системъ. Ко-

печно, ученіе, которое должно отсюда возникнуть, не будетъ похоже на представленія XVIII вѣка, но каково бы оно ни было, еще болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе, что будущіе успѣхи наукъ о правѣ въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ болѣе глубокаго узученія психолологіи права. А вѣдь правовѣдѣніе и политическая экономія суть лишь двѣ науки изъ обширнаго круга наукъ, основаннаго на соціальной психологіи".

Вопросы соціологической методологіи въ русской литературѣ. Русская литература даетъ весьма мало для рѣшенія методологическихъ вопросовъ. Правда, въ ней мы находимъ такіе труды, какъ „Задача и метода государственныхъ наукъ" В. И. Сергѣевича (1871), „Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и пріемы изученія права" М. М. Ковалевскаго (1880), „Основанія классификаціи государствъ въ связи съ общимъ ученіемъ о классификаціи" (1883) Н. А. Звѣрева [1]), „Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ" (1890) В. Ф. Левитскаго и т. п., но все это труды по методологіи отдѣльныхъ общественныхъ наукъ, а не соціологіи. Въ нашей спеціально-соціологической литературѣ мы найдемъ мало методологическихъ изслѣдованій въ родѣ упоминавшейся уже статьи Михайловскаго объ аналогическомъ методѣ. Можно сказать, что русскіе соціологи, производя самостоятельный синтезъ западноевропейскихъ теорій, въ то же время самымъ широкимъ образомъ рѣшили для себя и методологическіе вопросы, положивъ въ основу своихъ взглядовъ „Систему логики" Милля. Но за то ни въ одной литературѣ такъ настойчиво не ставился и такъ обстоятельно не разрабатывался вопросъ о субъективизмѣ и объективизмѣ въ соціологіи. Объ этомъ предметѣ мы будемъ говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Отмѣтимъ только, что въ одной изъ недавнихъ статей своихъ въ „Русскомъ Богатствѣ" Южаковъ, хотя и коротко, но очень опредѣленно высказалъ весьма цѣльный взглядъ на соціологическую методологію. Что касается до русскихъ представителей экономическаго матеріализма, развивающихъ свои идеи, такъ сказать, въ сторонѣ отъ большой дороги соціологическаго мышленія, то ихъ болѣе интересуютъ

---

[1]) „Сравнительно-историческое изученіе общественныхъ явленій, рекомендуемое современною методологіею, говоритъ авторъ, ставитъ на первое мѣсто вопросъ о классификаціи изучаемаго матеріала. Для политическихъ и юридическихъ наукъ, прибавляетъ онъ, это—начальный и вмѣстѣ роковой шагъ изслѣдованія". Признавая „глубокую методологическую важность" вопроса, онъ посвятилъ разсмотрѣнію его почти цѣлую половину названнаго труда.

вопросы гносеологіи, нежели вопросы методологіи. Конечно, всякая философская теорія знанія, коей держится та или другая школа, всегда даетъ извѣстную окраску научнымъ изслѣдованіямъ, но въ ближайшемъ отношеніи эта теорія не находится ни къ одной изъ отдѣльныхъ наукъ. Въ частности, представители экономическаго матеріализма пытаются дать своему ученію гносеологическое обоснованіе въ духѣ нео-кантіанства, которое, къ сожалѣнію, въ настоящее время нерѣдко служитъ только наукообразнымъ прикрытіемъ для метафизическихъ стремленій. Оправдать гносеологически экономическій матеріализмъ никому еще не удавалось, да и работа это излишняя: гносеологически можно лишь осудить метафизику въ соціологіи и тѣмъ самымъ оправдать построеніе соціологіи на тѣхъ же самыхъ научныхъ принципахъ, которые лежатъ въ основѣ всѣхъ положительныхъ наукъ: рѣшеніе дальнѣйшихъ вопросовъ соціологіи зависитъ отъ особенностей того матеріала, съ какимъ имѣетъ дѣло эта наука, и тѣхъ методовъ, при помощи коихъ этотъ матеріалъ долженъ изучаться. Гносеологическія разсужденія, притягиваемыя на службу экономическому матеріализму, лишь отвлекаютъ какъ послѣдователей этого ученія, такъ и ихъ читателей отъ постановки и рѣшенія методологическихъ вопросовъ. Такое пользованіе логикой отводитъ глаза отъ предметовъ, наиболѣе соприкасающихся съ вопросомъ о томъ, что такое общество и какъ совершается его исторія, — и направляетъ взоры на вещи, хотя важныя и интересныя, но не имѣющія такого непосредственнаго отношенія къ соціологіи. Гносеологія, опредѣляющая вообще границы и условія нашего знанія, отнюдь не можетъ дать какого бы то ни было рѣшенія вопросу, является ли экономическій процессъ основою всего процесса соціальнаго: вопросъ этотъ можетъ получить свое разрѣшеніе только на иной почвѣ. Экономическій матеріализмъ, какъ соціологическая теорія, не имѣетъ своей методологіи, ибо послѣдователи его даже не ставили вопроса о томъ, при помощи какого метода можно обнаруживать ту зависимость всѣхъ культурныхъ и соціальныхъ явленій отъ экономическаго процесса, которая составляетъ основу всей теоріи. Только малою сравнительно разработанностью соціологической методологіи какъ вообще, такъ и въ нашей литературѣ въ особенности и можно объяснить такое пренебрежительное отношеніе къ вопросамъ этого рода у представителей экономическаго матеріализма и за границей, и у насъ.

ГЛАВА XI.

Предвидѣніе и воздѣйствіе въ общественной жизни.

Двоякое значеніе знанія соціологическихъ законовъ. Задача соціологической методологіи заключается въ установленіи способовъ, при помощи которыхъ можно было бы открывать законы, управляющіе общественными явленіями. Подобно тому, какъ это наблюдается и въ другихъ наукахъ, знаніе соціологическихъ законовъ можетъ имѣть двоякое значеніе: чисто теоретическое и прямо практическое. Всякая чистая наука довольствуется знаніемъ того, что есть (а также того, что было или что будетъ). Соціологія, какъ представлялъ ее себѣ Контъ, должна была быть именно такою чистою наукою. Въ то же время, однако, Контъ разсматривалъ всякую научную теорію, какъ единственно надежную основу для практики. Исходя изъ той идеи, что общественныя явленія совершаются по законамъ, наука, открывающая эти законы, ставитъ насъ въ возможность, съ одной стороны, предвидѣть или предсказывать будущее, съ другой—воздѣйствовать на настоящее для полученія желательнаго будущаго. Если бы общественныя явленія не были подчинены никакимъ законамъ, то и рѣчи не могло бы быть о возможности предсказыванія и воздѣйствія. Въ мірѣ безпричинно ничего не происходитъ, а причины вызываютъ свои слѣдствія всегда закономѣрно. Самыя неожиданныя событія, являющіяся слѣдствіями совершенно случайной, непредвидѣнной комбинаціи причинъ, отнюдь не могутъ быть названы наступающими произвольно, вопреки дѣйствію законовъ. Равнымъ образомъ, и человѣкъ произвольно не можетъ внести въ исторію что-нибудь, что могло бы разсматриваться, какъ нѣчто безпричинное и противорѣчащее соціологической закономѣрности. Желая предсказывать или воздѣйствовать, мы тѣмъ самымъ допускаемъ существованіе нѣкоторой общей основы, которая позволяетъ намъ одинаково и предсказывать, и воздѣйствовать. Эта основа—закономѣрность общественныхъ явленій. Отсюда практическое значеніе соціологіи.

Разные роды общественныхъ предсказаній. Въ мірѣ явленій господствуетъ причинность. Зная неизмѣнное отношеніе между причиной и слѣдствіемъ, т.-е. зная ихъ законъ, мы можемъ заключать отъ причины къ слѣдствію и отъ слѣдствія къ причинѣ. На этомъ и основывается возможность предсказанія

слѣдствій, разъ даны порождающія ихъ причины. Предсказанія такого рода должны по необходимости имѣть чисто условную форму: если будетъ дано *A*, то слѣдствіемъ его явится *B*. Такую же условную форму получаютъ и вытекающія изъ знанія законовъ наставленія, какъ слѣдуетъ дѣйствовать: если цѣлью твоихъ стремленій является *B*, то для достиженія этой цѣли дѣлай *A*. Но предвидѣнія могутъ быть и другого рода, именно когда можно категорически заявлять, что нѣчто случится. Таковы астрономическія предсказанія, напримѣръ, предсказанія, касающіяся солнечныхъ и лунныхъ затменій. Въ данномъ случаѣ намъ даны движенія земли и луны и законы этихъ движеній: наукѣ остается только вычислить, когда одно изъ этихъ тѣлъ будетъ загораживать собою солнце отъ другого, причемъ существуетъ полная возможность опредѣлить заранѣе характеръ затменія (полнаго или частнаго, а въ случаѣ солнечнаго затменія и кольцеобразнаго), пункты на земномъ шарѣ, гдѣ затменіе будетъ наблюдаться, и отдѣльные моменты этого явленія. Здѣсь предсказаніе уже не имѣетъ условнаго характера: извѣстная комбинація причинъ должна наступить или уже наступила, а что изъ всего этого выйдетъ, можетъ быть поэтому заранѣе опредѣлено. Понятно, чѣмъ меньшее количество факторовъ участвуетъ въ возникновеніи явленія и чѣмъ проще ихъ комбинація, тѣмъ легче предсказать наступленіе явленія. Наоборотъ, по мѣрѣ увеличенія числа факторовъ и усложненія ихъ взаимоотношеній, точное предсказаніе дѣлается менѣе возможнымъ: достовѣрность уступаетъ мѣсто вѣроятности, которая сама уменьшается съ умноженіемъ числа факторовъ и усложненіемъ ихъ комбинацій; совершенная точность уступаетъ мѣсто приблизительности, и послѣдняя все болѣе и болѣе отдаляется отъ точности пропорціонально увеличенію числа дѣйствующихъ причинъ и усложненію ихъ взаимоотношеній. Вотъ почему такъ легко предсказывать въ астрономіи и такъ трудно предсказывать въ политикѣ. Это превосходно сознавалъ уже Контъ, положившій въ основу своей классификаціи наукъ между прочимъ принципъ возрастающей сложности. Настоящее всегда чревато будущимъ, но это будущее въ нѣкоторыхъ случаяхъ зависитъ и отъ нашего воздѣйствія. Конечно, человѣкъ не въ состояніи предотвратить солнечное или лунное заменіе, не въ состояніи также ускорить или замедлить моментъ его наступленія, ибо движенія земли и луны находятся внѣ сферы того, что доступно нашему воздѣйствію. Другое дѣло, напримѣръ, въ политикѣ: здѣсь возможны только предсказанія разныхъ степеней вѣроятности и приблизительности, т.-е. пред-

сказанія болѣе или менѣе ошибочныя, но за то здѣсь же существуетъ и бо́льшая или меньшая возможность предотвращать грядущія событія, разъ противъ нихъ принимаютъ мѣры, задерживать ихъ наступленіе или ослаблять ихъ дѣйствіе, даже прямо подготовлять или создавать событія по желанію, если только мы знаемъ, какъ и на что̀ слѣдуетъ оказывать воздѣйствіе. Невозможность вѣрности и точности предвидѣнія вознаграждается тутъ возможностью вѣрности и точности воздѣйствія. Что̀ въ первомъ случаѣ является дѣломъ науки, то во второмъ случаѣ становится дѣломъ искусства. Всякое искусство предполагаетъ знаніе того матеріала, который подлежитъ воздѣйствію, и тѣхъ законовъ, коими управляется порожденіе слѣдствій причинами. Напримѣръ, для успѣшной экономической политики нужно хорошее знаніе данныхъ экономическихъ отношеній со всѣми заключающимися въ нихъ возможностями, а также знаніе общихъ законовъ, управляющихъ экономическими явленіями. Во всякомъ случаѣ предвидѣніе и воздѣйствіе должны тутъ итти одно рука объ руку съ другимъ, хотя бы предвидѣніе выражалось въ видѣ простой предусмотрительности, а воздѣйствіе ограничивалось устраненіемъ наиболѣе нежелательныхъ слѣдствій, какія могутъ влечь за собою имѣющія совершиться событія. Двумя разсмотрѣнными категоріями случаевъ не ограничивается еще возможность предсказыванія. Извѣстныя событія могутъ наступать, но могутъ и не наступать: все зависитъ отъ того, какъ складываются обстоятельства, обусловливаемыя разными рядами причинъ, т.-е. событія, если можно такъ выразиться не имѣютъ тутъ внутренней необходимости. Есть, наоборотъ, событія, которыя мы можемъ безусловно предсказывать—именно въ силу ихъ внутренней необходимости, хотя бы основная причина послѣдней и не была намъ извѣстна. Примѣромъ событія такого рода въ жизни каждаго живого существа является наступленіе такого момента, когда въ немъ прекращаются жизненные процессы, т.-е. когда оно умираетъ. Къ числу такихъ же событій, коимъ мы приписываемъ внутреннюю необходимость, мы относимъ и разнаго рода измѣненія, совокупность коихъ мы называемъ органическимъ развитіемъ. Послѣднее совершается въ опредѣленномъ порядкѣ, и отдѣльныя измѣненія слѣдуютъ одно за другимъ вполнѣ закономѣрно. Здѣсь весьма легко бываетъ предсказывать наступленіе тѣхъ или другихъ измѣненій и, наоборотъ, невозможно предотвращать этихъ измѣненій. Другими словами, нѣкоторыя событія и перемѣны вытекаютъ какъ-будто изъ самой природы вещей: необходимость является чисто внутреннею, а не внѣшнею.

для извѣстныхъ предсказаній въ случаяхъ этого рода нѣтъ ни малѣйшей надобности комбинировать какіе бы то ни было разрозненно существующіе и отдѣльно намъ данные элементы. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ отдѣльными событіями, изъ коихъ одно является причиной, другое—слѣдствіемъ, а съ цѣлыми процессами, протекающими въ извѣстномъ порядкѣ, совершающимися по опредѣленнымъ законамъ. Найти законъ такого процесса значитъ опредѣлить его путь, начертать линію, по которой происходитъ движеніе: когда найденъ законъ такой линіи, то по пройденной части пути можно судить о другой части, которую еще только предстоитъ пройти. Но разъ тотъ или другой путь обусловленъ самою природою процесса, а не одною комбинаціею внѣшнихъ причинъ, движеніе, совершающееся по этому пути, получаетъ характеръ неотвратимаго хода, всѣ стадіи коего могутъ быть предсказаны. Выше мы упоминали о разницѣ между законами каузальными и эволюціонными. Эти послѣдніе законы мы и имѣемъ здѣсь въ виду,—законы, къ открытію которыхъ отчасти и стремится сравнительное изученіе. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ отношеніе эволюціонныхъ законовъ къ каузальнымъ недостаточно выяснено, какъ недостаточно разработанъ и вопросъ о значеніи сравнительнаго метода въ дѣлѣ открытія эволюціонныхъ законовъ.

Методологическая сторона предсказаній въ области соціальныхъ явленій. Итакъ, мы различили предсказыванія трояка го рода. Условныя предсказанія, основанныя на знаніи связи отдѣльно взятыхъ причинъ съ ихъ слѣдствіями, предполагаютъ методъ изолирующей дедукціи, къ какому прибѣгаетъ, напримѣръ, абстрактная политическая экономія. То же самое знаніе, которое нужно для такихъ предсказаній, ложится въ основу и практическихъ правилъ, изъ коихъ складываются прикладныя науки. Предсказанія второго рода основываются уже на предвидѣніи грядущихъ событій, которое предполагаетъ уже хорошее знаніе и пониманіе данныхъ конкретныхъ обстоятельствъ. Здѣсь недостаточно обладать знаніемъ абстрактныхъ отношеній между причинами и слѣдствіями: тутъ нужно имѣть ясное представленіе о дѣйствительныхъ отношеніяхъ и притомъ въ той комбинаціи, въ какой они намъ даются въ опытѣ. Когда по даннымъ настоящаго мы стремимся опредѣлить будущее, то, въ сущности, мы заключаемъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, принимая въ расчетъ данныя обстоятельства. По методу такихъ опредѣленій совершаются многія научныя открытія, и нѣтъ надобности, чтобы предугадываемые факты были непремѣнно

фактами будущаго. Такимъ, напримѣръ, способомъ было угадано въ настоящемъ существованіе Нептуна, которое только впослѣдствіи подтвердилось прямымъ наблюденіемъ. Точно также историкамъ приходится иногда изслѣдовать такъ называемые „скрытые факты“ прошлаго, отыскивая остающіяся неизвѣстными причины тѣхъ или иныхъ данныхъ явленій, причемъ иногда случайныя открытія въ фактическомъ матеріалѣ блистательно подтверждаютъ подобныя догадки. Дѣйствительно, здѣсь совершенно безразлично, будутъ ли подобнаго рода нахожденія неизвѣстныхъ фактовъ относиться къ будущему, настоящему или прошедшему временамъ: астрономамъ рѣшительно все равно, вычислить ли какое-либо затменіе чрезъ тысячу лѣтъ впередъ или за тысячу лѣтъ назадъ. Самое важное въ случаяхъ подобнаго рода — это знать данную комбинацію и умѣть опредѣлить или ея слѣдствія, или и ея причины. Но изученіе данныхъ въ дѣйствительности комбинацій есть дѣло конкретныхъ наукъ, каковы, напримѣръ, исторія или статистика. Если предсказанія первой категоріи возможны лишь въ изолирующихъ наукахъ въ родѣ абстрактной политической экономіи, а предсказанія второго рода предполагаютъ фактическія знанія, сообщаемыя конкретными науками, каковы исторія или статистика, то соціологія, которая изучаетъ общій consensus соціальныхъ явленій и притомъ не конкретно, а абстрактно, должна достигнуть возможности дѣлать предсказанія третьяго рода. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Одною изъ главныхъ задачъ соціологіи многіе ставятъ научное опредѣленіе дальнѣйшихъ фазисовъ общественной эволюціи или, что̀ то же, будущія судьбы человѣчества. Изъ того или другого пониманія этого вопроса выводятся даже своего рода правила общественнаго поведенія.

Контъ о предвидѣніи и воздѣйствіи въ области общественныхъ явленій. Подобнаго рода идеи прежде всего мы находимъ у самого Конта. „Нужно, говоритъ онъ, разсматривать изученіе природы, какъ нѣчто долженствующее служить истиннымъ раціональнымъ основаніемъ для дѣйствій человѣка на природу, потому что знаніе законовъ явленій, постоянный результатъ коего заключается въ возможности предвидѣть явленія, одно только, очевидно, въ состояніи позволить намъ въ нашей дѣятельной жизни измѣнять ихъ къ нашей выгодѣ, дѣйствуя на одни посредствомъ другихъ. Наши естественныя и прямыя средства для воздѣйствія на окружающія насъ тѣла чрезвычайно слабы и совсѣмъ не соотвѣтствуютъ нашимъ нуждамъ. Каждый разъ, когда намъ удается произве-

сти сильное дѣйствіе, это происходитъ лишь потому, что знаніе естественныхъ законовъ позволяетъ намъ вводить въ опредѣленныя обстоятельства, подъ вліяніемъ коихъ совершаются различныя явленія,—нѣкоторые измѣняющіе элементы, которыхъ, какъ бы слабы они ни были. бываетъ достаточно въ извѣстныхъ случаяхъ, чтобы направить въ нашу пользу окончательные результаты совокупности внѣшнихъ причинъ. Однимъ словомъ, заключаетъ Контъ, *наука, откуда возможность предвидѣнія; возможность предвидѣнія, откуда дѣйствіе*, — такова весьма простая формула, которая точнымъ образомъ выражаетъ общія отношенія науки и искусства". Приведенныя слова находятся во второй главѣ перваго тома „Курса" и имѣютъ отношеніе вообще ко всякому чистому знанію. Соціологія, по мысли Конта, и съ этой стороны не должна представлять изъ себя какого-либо исключенія. Въ возможности предвидѣнія Контъ усматриваетъ даже „непререкаемый критерій научной положительности". Отъ соціологіи онъ прямо требуетъ, чтобы она могла это дѣлать, потому что „одна мысль о раціональномъ предвидѣніи предполагаетъ, что человѣческій умъ окончательно оставилъ въ политической философіи область метафизическихъ идеальностей, чтобы на вѣчныя времена утвердиться на почвѣ доступныхъ наблюденію реальностей". И къ этой мысли Контъ возвращается съ особою охотою. Исходя изъ того принципа, что, чѣмъ сложнѣе явленія, тѣмъ они измѣнчивѣе, онъ полагаетъ, что, чѣмъ они измѣнчивѣе, тѣмъ болѣе могутъ быть предметомъ нашего воздѣйствія. Положительная философія, по его словамъ, не только отвергаетъ человѣческое воздѣйствіе, но, наоборотъ, вызываетъ мудрое и дѣятельное приложеніе нашихъ силъ. И эту послѣднюю мысль Контъ не одинъ разъ повторяетъ въ разныхъ мѣстахъ своего труда. Извѣстно, что самая идея о новой наукѣ возникла у него подъ вліяніемъ сознанной необходимости дать прочныя научныя основанія для политическаго искусства. Ему одинаково были не по душѣ и политическая метафизика XVIII вѣка, и чисто эмпирическіе способы воздѣйствія на общество, какіе были всегда въ ходу у политиковъ-практиковъ. Нами уже было выше отмѣчено, что всѣ свои усилія Контъ направилъ на соціальную динамику, въ которой онъ искалъ закона общественнаго развитія. Этотъ законъ долженъ былъ не только объяснить прошлое, но и опредѣлить будущее, т.-е. дать понятіе о томъ общественномъ строѣ, который могъ бы считаться завершеніемъ соціальной эволюціи. Здѣсь не мѣсто разсматривать, какой общественный строй принимался Кон-

томъ за окончательный: важно только, что соціологіи ставилась такая задача. Можно также не говорить здѣсь о томъ, какимъ путемъ создалъ Контъ свое представленіе о будущемъ строѣ общества. Интересно главнымъ образомъ то, что, по мнѣнію Конта, будущая соціальная организація должна была быть только исполненіемъ извѣстнаго закона, естественнымъ завершеніемъ столь же естественнаго процесса соціальной эволюціи.

Въ сущности, то же самое мы находимъ и у другихъ соціологовъ. Напримѣръ, Спенсеръ, создавшій свою собственную формулу общественной эволюціи, равнымъ образомъ представляетъ себѣ извѣстное общественное состояніе, какъ „естественный предѣлъ“ соціальной эволюціи, какъ наступленіе внутренняго равновѣсія. Свою формулу общественнаго развитія имѣетъ и теорія экономическаго матеріализма. Предъ умственнымъ взоромъ Маркса точно также стоялъ извѣстный общественный строй, какъ результатъ діалектической эволюціи производительныхъ силъ. Можно даже сказать, что подобнаго рода соціологическія пророчества для многихъ были особенно заманчивой задачей, и мы еще увидимъ, какую роль въ построеніи подобныхъ формулъ кромѣ теоретической любознательности играли мотивы болѣе субъективнаго характера. Прибавимъ только, что совершенно такую же задачу разрѣшалъ и Гегель въ своей „Философіи исторіи“, хотя бы и чисто метафизическими средствами, думая, впрочемъ, что остается совершенно объективнымъ изслѣдователемъ закона, по которому происходитъ историческое развитіе человѣчества.

Утопизмъ прежнихъ построеній будущаго общества. Занимаясь подобнаго рода предсказаніями, соціологія переходитъ въ область идеальныхъ построеній лучшей организаціи общества. Тема эта, дающая благодарный матеріалъ для дѣйствія воображенія и изобрѣтательности, занимала, какъ извѣстно, многихъ писателей, начиная съ Платона и кончая, положимъ, такимъ современнымъ писателемъ, какъ Белламп, стяжавшій себѣ въ послѣдніе годы громадную популярность въ Америкѣ и Европѣ. Правда, многіе изъ этихъ писателей въ осуществленіи своихъ мечтаній не шли далѣе литературнаго успѣха и, пользуясь беллетристической формой, не скрывали фантастичности своихъ изображеній идеальнаго общественнаго строя, какъ бы симпатичны имъ ни были воображаемыя соціальныя формы по своимъ принципамъ. Только въ началѣ XIX вѣка проповѣдь лучшаго общественнаго строя, долженствующаго смѣнить собою современныя отношенія, стала вестись не въ формѣ

„государственныхъ романовъ“, а наукообразно и притомъ съ вѣрою въ возможность осуществленія (и даже весьма скораго осуществленія) новаго строя. Такова была проповѣдь С.-Симона, Фурье и Оуэна. Тѣмъ не менѣе, какъ сами они, такъ и ихъ послѣдователи стояли на почвѣ чистаго утопизма. Ихъ представленія о будущемъ создавались путемъ чистой фантазіи и не имѣли научной основы. По общему своему характеру соціальное реформаторство первой трети XIX в. напоминаетъ болѣе религіозное сектантство, чѣмъ научное изслѣдованіе. Одинъ только С.-Симонъ мечталъ еще объ основаніи положительной общественной науки, но и въ немъ самомъ подконецъ религіозный мистицизмъ сталъ брать верхъ надъ научными стремленіями. Послѣднія были унаслѣдованы Контомъ, который даже разошелся со своимъ учителемъ, тогда какъ настоящіе сенъ-симонисты стали, наоборотъ, разрабатывать преимущественно религіозную форму доктрины. По смерти своего учителя они попытались создать цѣлую церковную организацію и даже устроили общежительную общину, изъ которой должна была выйти реформа всего общественнаго строя. Еще болѣе утопическимъ характеромъ отличался фурьеризмъ. Фурье рисовалъ будущее человѣчества, повинуясь преимущественно своему воображенію, которое у него ничѣмъ не сдерживалось. Онъ серьезно думалъ, что, если въ 1822 году будетъ сдѣланъ первый опытъ осуществленія придуманнаго имъ фаланстера, то въ 1826 году его система охватитъ всѣ народы земного шара: для него это былъ лишь вопросъ времени да доброй воли. Мысль самого Конта воспитывалась въ той же атмосферѣ, и если первоначально онъ разошелся съ С.-Симономъ, то впослѣдствіи самъ возвратился къ соціальному утопизму на сектантской подкладкѣ. Свою дѣятельность онъ закончилъ „Системой положительной политики“ (1851—54), въ которой провозгласилъ новую религію человѣчества, поставивъ въ зависимость отъ нея преобразованіе общества и государства. Въ сущности, однако, его новая система была отклоненіемъ отъ прежней. Мы еще увидимъ, что заставило Конта дополнить прежнюю „объективную“ систему новою, „субъективною“, здѣсь же достаточно отмѣтить, что въ данномъ случаѣ Контъ дѣлалъ шагъ назадъ—отъ научности къ утопизму. Онъ даже создавалъ въ своемъ воображеніи планъ постепеннаго осуществленія своихъ соціально-политическихъ принциповъ, полагая въ то же время, что на это не потребуется много времени, что его пророчество имѣетъ осуществиться въ самомъ недалекомъ будущемъ. Но этотъ уто-

низмъ характеризуетъ именно послѣдній фазисъ умственной дѣятельности Конта. Наоборотъ, въ своемъ „Курсѣ“ онъ выдвинулъ на первый планъ идею закономѣрнаго развитія, которая по самому существу своему враждебна всякому утопизму. Въ этомъ отношеніи позитивизмъ осудилъ утопическія мечтанія гораздо ранѣе, нежели то было сдѣлано „научнымъ соціализмомъ“ второй половины XIX в. Первою мыслью Конта было построить будущее на основаніи законовъ соціальной эволюціи, выведенныхъ изъ изученія прошедшаго, а этотъ путь прямо враждебенъ тому, какъ его называетъ Контъ, „субъективному методу“, при помощи коего онъ создавалъ свое представленіе о будущемъ строѣ общества.

Критика утопизма у Энгельса. Соціологія, чтобы оставаться вполнѣ научною, должна совершенно отказаться отъ утопизма. Эта мысль съ особенною настойчивостью проповѣдуется въ настоящее время сторонниками экономическаго матеріализма, и въ этомъ обнаруживается ихъ желаніе рѣшить вопросъ о будущемъ строѣ общества на основаніи строго научныхъ данныхъ. Указывая на это, мы имѣемъ въ виду прежде всего Энгельса, мнѣніе котораго на этотъ счетъ пользуется особою авторитетностью. Энгельсъ былъ, какъ извѣстно, однимъ изъ родоначальниковъ экономическаго матеріализма, послѣдній же въ его представленіи отождествлялся съ научнымъ соціализмомъ, какъ названо было ученіе Маркса въ отличіе отъ разныхъ видовъ соціализма утопическаго, наиболѣе характерными представителями коего являются С.-Симонъ, Фурье и Оуенъ. Яснѣе всего различіе между этими двумя родами соціализма выражено было Энгельсомъ въ его полемическомъ сочиненіи „Дюринговъ переворотъ въ наукѣ“ и въ брошюрѣ, представляющей изъ себя извлеченіе изъ этого сочиненія и прямо озаглавленной — „Развитіе соціализма изъ утопіи въ науку“. Передавая идеи „трехъ великихъ утопистовъ“, Энгельсъ сравниваетъ ихъ съ философами XVIII вѣка, которые хотѣли основать царство разума и вѣчной справедливости. „До сихъ поръ, говоритъ онъ, резюмируя утопическіе взгляды, — до сихъ поръ истинные законы разума и справедливости не были извѣстны человѣчеству, и только по этой причинѣ оно ими не руководствовалось. Для его счастія не доставало того геніальнаго человѣка, который явился теперь повѣдать міру всю истину. Что великое событіе совершилось именно теперь, это вовсе не было результатомъ общаго хода историческаго развитія, неизбѣжно къ нему ведшаго, а просто счастливою случайностью. Геніальный человѣкъ могъ съ такимъ же удобствомъ родиться

пятьсотъ лѣтъ тому назадъ и тѣмъ избавить человѣчество отъ пяти столѣтій заблужденій, борьбы и страданій". Энгельсъ совершенно вѣрно указываетъ на то, что общественный строй будущаго представлялся утопистамъ дѣломъ простого изобрѣтенія или открытія. „Очевидны, замѣчаетъ онъ, были только недостатки общественнаго строя. Найти же средства къ ихъ устраненію казалось задачей мыслящаго разума. Требовалось изобрѣсти новую, наисовершеннѣйшую систему человѣческихъ отношеній и привить ее къ существующему обществу посредствомъ пропаганды, а при возможности и посредствомъ примѣра образцовыхъ учрежденій по новой системѣ. Эти новыя соціальныя системы были заранѣе обречены оставаться утопіями, и чѣмъ старательнѣе разрабатывались ихъ подробности, тѣмъ дальше уносились онѣ въ область чистой фантазіи". Эту характеристику Энгельсъ распространяетъ на всѣхъ прежнихъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ соціалистовъ и коммунистовъ. „Соціализмъ въ ихъ представленіи, говоритъ онъ, есть выраженіе абсолютной истины, разума и справедливости, и нужно только открыть его, чтобы онъ собственною силою покорилъ весь міръ; а такъ какъ абсолютная истина независитъ отъ времени, пространства и историческаго развитія человѣчества, то это уже дѣло чистой случайности, когда и гдѣ она будетъ открыта". Вотъ почему Энгельсъ заявляетъ себя принципіальнымъ противникомъ утопическаго соціализма. „Чтобы сдѣлаться наукой, соціализмъ, по его словамъ, долженъ былъ прежде всего стать на реальную почву". Вмѣстѣ съ своимъ учителемъ и другомъ Марксомъ Энгельсъ думаетъ, что такую почву соціализмъ нашелъ въ новѣйшей нѣмецкой философіи, которая получила свое завершеніе въ гегельянствѣ. Энгельсъ—большой поклонникъ діалектическаго метода и идеи эволюціи, которую онъ самъ понимаетъ, однако, подъ чисто діалектическою формою. Правда, онъ упоминаетъ еще и о Дарвинѣ, такъ много сдѣлавшемъ для упроченія идеи эволюціи въ наукѣ, но совершенно игнорируетъ все остальное, что независимо отъ Гегеля содѣйствовало возникновенію и торжеству идеи закономѣрной исторической эволюціи. „Новѣйшая нѣмецкая философія, говоритъ онъ, нашла свое завершеніе въ Гегелевской системѣ, величайшая заслуга которой состоитъ въ томъ, что она въ первый разъ представила весь естественный, историческій и духовный міръ въ видѣ процесса, т.-е. изслѣдовала его въ безпрерывномъ движеніи, измѣненіи и развитіи и пыталась обнаружить взаимную внутреннюю связь этого движенія и развитія". Съ этой точки зрѣнія, по словамъ Энгельса, исторія человѣчества должна

была перестать казаться „цѣльной путаницей безсмысленныхъ насилій“. Но, прибавимъ мы, Гегель былъ не первый, кто взглянулъ на исторію, какъ на процессъ развитія человѣчества, — а самую идею развитія можно мыслить и не въ гегельянской формѣ. Ради Гегеля Энгельсъ совершенно забылъ всѣ другія историческія ученія XIX в., которыя содѣйствовали замѣнѣ утопизма научностью. Въ данномъ случаѣ весьма видную роль игралъ, конечно, и Контъ своимъ „Курсомъ положительной философіи“. Слѣдующія строки Энгельса выражаютъ въ себѣ основную мысль не только Гегеля и Маркса, но и Конта со всѣми мыслителями, къ нему примыкающими. „Исторія людей, говоритъ Энгельсъ, является процессомъ развитія самого человѣчества, и задача современной мысли состоитъ теперь въ томъ, чтобы прослѣдить постепенныя ступени этого процесса среди всѣхъ его ложныхъ путей и доказать внутреннюю его законосообразность среди всѣхъ кажущихся случайностей“. Нужно, однако, прибавить, что даже у Фурье, построенія котораго отличались наибольшею фантастичностью, мы встрѣчаемся съ попыткою исторически оправдать необходимость наступленія новыхъ отношеній, и что, съ другой стороны, самъ Энгельсъ представлялъ себѣ осуществленіе новаго общественнаго строя, какъ нѣкоторый „скачокъ“ изъ царства необходимости въ царство свободы. Послѣднее обстоятельство не лишаетъ, впрочемъ, основную мысль Энгельса присущей ей силы. Утопизмъ былъ дѣйствительно результатомъ ненаучнаго, т.-е. не-историческаго, не-эволюціоннаго отношенія къ общественнымъ вопросамъ. Предсказывать или, что̀ то же, построять будущее можно лишь на основаніи точнаго знанія дѣйствительности и управляющихъ ею законовъ, а не на основаніи чаяній сердца въ союзѣ съ дѣятельностью оптимистическаго воображенія. Та роль въ разрушеніи утопизма, которую вслѣдъ за Энгельсомъ сторонники экономическаго матеріализма приписываютъ исключительно своему ученію, принадлежитъ въ развитіи современнаго общественнаго сознанія вообще всему научному движенію XIX в. и въ особенности положительной наукѣ объ обществѣ, которая, по выраженію Конта, подчиняетъ воображеніе изслѣдованію.

Научное отношеніе къ будущему. Утопическое отношеніе къ будущему руководствуется исключительно нашими чувствами и желаніями, на помощь которымъ приходитъ воображеніе. Въ этомъ отношеніи всякаго рода утопіи могутъ быть названы чисто субъективными измышленіями. Другой вопросъ, какое значеніе принадлежитъ имъ въ практической жизни, но

въ теоретическомъ отношеніи онѣ, конечно, должны быть осуждены строгою наукою, которая всякимъ субъективнымъ измышленіямъ должна противопоставлять объективныя изслѣдованія. Будущее можетъ быть предметомъ такого же научнаго изслѣдованія, какъ и прошедшее или настоящее, хотя, разумѣется, гораздо легче объяснить то, что уже дано въ опытѣ, нежели предсказать нѣчто еще несуществующее. Каждый изслѣдователь даннаго вопроса долженъ прежде всего вполнѣ освоиться съ тою мыслью, что его личныя желанія не могутъ опредѣлить собою будущее, что будущее зависитъ отъ факторовъ, находящихся внѣ изслѣдователя и отъ него независимыхъ, и что вся задача должна быть рѣшена путемъ чисто объективнаго изслѣдованія, какія слѣдствія естественно и необходимо вытекаютъ изъ такихъ-то и такихъ-то данныхъ, установленныхъ объективною наукою. Слѣдовательно, и это есть прежде всего вопросъ метода.

Исходя изъ идеи единообразія, господствующаго во всѣхъ процессахъ міра явленій, и признавая на этомъ основаніи, что одинаковыя причины вызываютъ и одинаковыя слѣдствія, мы во многихъ случаяхъ своихъ сужденій о будущемъ основываемся на аналогіи. Въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, данныя историческаго опыта могутъ играть важную роль въ нашихъ умозаключеніяхъ, касающихся будущаго. Равнымъ образомъ примѣръ народовъ, ушедшихъ далѣе по пути историческаго развитія, можетъ быть весьма поучителенъ, когда намъ приходится трактовать о томъ, что ждетъ впереди народы, болѣе или менѣе отставшіе въ своемъ историческомъ развитіи. По аналогіей нужно пользоваться съ величайшею осторожностью. Дѣло въ томъ, во-первыхъ, что въ исторіи никогда не повторяется вполнѣ одно и то же сочетаніе обстоятельствъ. Черты сходства всегда въ большей или меньшей пропорціи соединяются съ чертами различія, и изъ того, что въ одномъ случаѣ было такъ, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы и въ другомъ случаѣ, сходномъ съ первымъ, повторилось то же самое. Во-вторыхъ, и при аналогичныхъ обстоятельствахъ бывшіе ранѣе примѣры могутъ имѣть предостерегающее значеніе и, напримѣръ, содѣйствовать тому, чтобы не было сдѣлано старыхъ ошибокъ. Особенно трудно полагаться исключительно на одну аналогію въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ приходится говорить не объ отдѣльныхъ событіяхъ или сторонахъ быта, а объ общихъ судьбахъ и обо всей культурно-соціальной эволюціи цѣлыхъ народовъ. Даже принимая существованіе особыхъ эволюціонныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ исторіи общественной жизни, мы должны необходимо принимать въ

расчетъ два обстоятельства: съ одной стороны, этимъ законамъ приходится дѣйствовать въ неодинаковыхъ условіяхъ; съ другой, имъ приходится дѣйствовать и не въ одинаковомъ сочетаніи.

Понятно, что исторія одного народа не можетъ быть сколкомъ съ исторіи другого народа. Мало того: при извѣстныхъ условіяхъ эволюція, совершающаяся въ данномъ направленіи, можетъ принимать и дѣйствительно принимаетъ направленіе, діаметрально противоположное. Вотъ почему дѣйствительность такъ часто обманываетъ наши ожиданія, основанныя не только на субъективныхъ требованіяхъ нашихъ желаній, но и на объективныхъ данныхъ умозаключенія по аналогіи. Во всякомъ случаѣ нужно прибѣгать и къ другимъ способамъ. Изученіе прошлаго можетъ обнаружить, какія силы дѣйствовали въ общественномъ развитіи и въ какихъ направленіяхъ онѣ дѣйствовали, т.-е. въ чемъ заключались ихъ стремленія, а также какія силы все болѣе и болѣе побѣждали, какія стремленія усиливались и одерживали верхъ, и, наконецъ, въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ находились между собою эти силы и стремленія, то помогавшія однѣ другимъ, то однѣ другимъ мѣшавшія. Дѣло изслѣдователя—изъ опытовъ прошлаго выводить заключенія относительно будущаго: настоящій объективизмъ заключается въ томъ, чтобы принимать эти заключенія независимо отъ ихъ желательности или нежелательности для насъ. Должно, однако, постоянно памятовать, что всѣ подобнаго рода заключенія могутъ считаться только болѣе или менѣе вѣроятными. Полная достовѣрность здѣсь дѣйствительно немыслима: слишкомъ много неизвѣстныхъ величинъ входитъ въ тѣ уравненія, которыя приходится рѣшать. Во многихъ отношеніяхъ подобныя рѣшенія будутъ все-таки имѣть характеръ условный. И на этомъ дѣло еще не кончается. Даже въ томъ случаѣ, если бы наши предсказанія могли быть совершенно достовѣрны и безусловны, они, оставаясь результатами объективнаго изслѣдованія, не могли бы быть вполнѣ освобождены отъ субъективной оцѣнки. Къ извѣстнаго рода пророчествамъ мы не можемъ относиться безучастно: та или другая перспектива можетъ насъ радовать или страшить. Быть можетъ, наши радости или страхи будутъ неосновательны, но къ нашимъ ожиданіямъ всегда примѣшивается оптимистическое или пессимистическое настроеніе. Можно даже сказать, что наши надежды и опасенія примѣшиваются независимо отъ нашей воли къ тому, что мы считаемъ исключительно простымъ рѣшеніемъ задачи— предсказать неизвѣстное на основаніи извѣстныхъ данныхъ. При томъ еще можно сильно сомнѣваться, правильна ли та точка

зрѣнія, съ которой думаютъ опредѣлять общественное будущее, не принимая въ расчетъ человѣческаго желанія (конечно, не личнаго желанія изслѣдователя, а людскихъ желаній вообще). Историческій процессъ осуществляется не иначе, какъ чрезъ человѣческія дѣйствія, которыя имѣютъ свой источникъ въ человѣческихъ желаніяхъ. Игнорировать это нельзя, и такъ или иначе соціологія должна рѣшить вопросъ, насколько отъ нашихъ желаній зависятъ не только наши предсказанія о будущемъ, но и само это будущее. Понятно, что если будущее отъ насъ совершенно не зависитъ, наши о немъ предсказанія не должны никоимъ образомъ отражать на себѣ нашихъ желаній. Если же, наоборотъ, мы можемъ не только предсказывать будущее, но и оказывать на него извѣстное вліяніе, то исполненіе нашихъ предсказаній будетъ въ той или другой мѣрѣ результатомъ нашего собственнаго дѣйствія, а въ такомъ случаѣ и вся постановка вопроса получаетъ совершенно иной характеръ. Именно, задачею соціологіи становится дать общую научную основу не только для предсказаній о будущихъ фазисахъ культурно-соціальнаго развитія, но и для сознательнаго воздѣйствія на это развитіе съ нашей стороны. Такое пониманіе задачи соціологіи мы находимъ уже у Конта. Оно вполнѣ согласно и съ общечеловѣческимъ инстинктомъ, требующимъ, чтобы знаніе было не только простымъ созерцаніемъ, но и дѣйственной силой. Конечно, Контъ могъ быть неправъ, а упомянутый инстинктъ, быть можетъ, и ошибоченъ. Рѣшить вопросъ о роли человѣческаго воздѣйствія (невооруженнаго или вооруженнаго положительнымъ знаніемъ—все равно) на общественную жизнь слѣдуетъ, конечно, опять-таки путемъ научнаго изслѣдованія, и этотъ вопросъ является однимъ изъ наиболѣе важныхъ въ соціологіи. На самомъ дѣлѣ онъ и поставленъ ребромъ въ научной литературѣ, въ которой онъ извѣстенъ главнымъ образомъ подъ названіемъ вопроса о роли личности въ исторіи. Въ сущности онъ составляетъ только часть другого, болѣе общаго вопроса—о взаимныхъ отношеніяхъ личности и общества.

Вопросъ о воздѣйствіи человѣка на среду. Впрочемъ, вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, входитъ въ составъ и другого болѣе общаго вопроса, именно вопроса о воздѣйствіи человѣка на окружающій его міръ явленій. Никто не станетъ отрицать того, что воздѣйствіе человѣка на природу вполнѣ возможно и въ большей или меньшей мѣрѣ достигаетъ своихъ цѣлей. При этомъ человѣкъ пользуется тѣмъ знаніемъ природы, какимъ онъ въ данную минуту обладаетъ, заставляя силы природы служить сво-

имъ цѣлямъ. Прикладное естествознаніе въ XIX вѣкѣ расширило нашу власть надъ природою до такой степени, о какой въ прежніе вѣка и мечтать было нельзя. Но если знаніе законовъ, по коимъ происходятъ явленія въ мірѣ природы, даютъ намъ извѣстную власть надъ этими явленіями, то нѣтъ основанія думать, чтобы міръ человѣческой жизни, какъ индивидуальной, такъ и соціальной, наоборотъ, не могъ быть предметомъ нашего воздѣйствія. Нужно было бы еще доказать, что въ области культурныхъ и соціальныхъ явленій знаніе можетъ имѣть лишь одно теоретическое значеніе, что ни о какихъ прикладныхъ наукахъ въ этой области и рѣчи быть не должно. Мы думаемъ, что пытаться доказывать такой тезисъ—дѣло безнадежное. Съ большимъ успѣхомъ можно было бы, пожалуй, доказывать противоположный тезисъ. Всѣ процессы, какіе мы только наблюдаемъ въ мірѣ природы, происходятъ сами собой, независимо отъ нашихъ желаній и нашихъ поступковъ. Они происходили бы и въ томъ случаѣ, если бы людей и вовсе не существовало. Другое дѣло — міръ общественныхъ явленій: эти послѣднія въ послѣднемъ анализѣ сводятся къ людскимъ дѣятельностямъ или взаимоотношеніямъ, да и сами взаимоотношенія эти слагаются изъ отдѣльныхъ людскихъ поступковъ. Когда человѣкъ оказываетъ воздѣйствіе на окружающую его природу, тутъ происходитъ, такъ сказать, вмѣшательство извнѣ въ какіе-либо процессы, въ природѣ совершающіеся: человѣкъ стремится прервать какой-либо процессъ, замедлить его, дать ему другое направленіе или, наоборотъ, усилить, ускорить, поддержать процессъ, а во многихъ случаяхъ и дать начало новымъ процессамъ, такъ сказать, искусственно ихъ вызывая. Но общественная жизнь, сама слагающаяся изъ отдѣльныхъ человѣческихъ поступковъ, уже по одному этому есть результатъ постояннаго въ нее вмѣшательства со стороны отдѣльныхъ личностей, составляющихъ изъ себя общество. Общественная жизнь не имѣетъ бытія внѣ людей и независимо отъ людей, и само ея внутреннее содержаніе заключается именно въ человѣческой дѣятельности, постоянно её творящей. Это вмѣшательство бываетъ сознательнымъ или безсознательнымъ, преднамѣреннымъ или невольнымъ, произвольнымъ или вынужденнымъ, цѣлесообразнымъ или нецѣлесообразнымъ, успѣшнымъ или неудачнымъ; оно можетъ быть также научнымъ или утопическимъ. Кто желалъ бы доказать, что стремленіе къ воздѣйствію на общественную жизнь не имѣетъ смысла, тотъ долженъ былъ бы прежде всего доказать, что въ образованіи общественныхъ явленій человѣческая дѣятельность столь же ни при чемъ, какъ и въ образованіи

явленій природы. И этого, впрочемъ, было бы еще недостаточно. Нужно было бы еще доказать, что по самой сущности своей общественныя явленія и не могутъ поддаваться человѣческому воздѣйствію, а это значило бы, что общественныя явленія въ этомъ отношеніи существенно отличны отъ явленій естественныхъ, которыя, имѣя существованіе, независимое отъ человѣка, тѣмъ не менѣе до извѣстной степени поддаются человѣческому воздѣйствію. Другими словами, надлежало бы привести какіе-либо разумные доводы въ пользу мнѣнія, будто человѣкъ, имѣющій возможность дѣйствовать въ своихъ цѣляхъ на природу, совершенно безсиленъ по отношенію къ своей собственной общественной жизни. Но это было бы нелѣпостью, ибо сама общественная жизнь была бы совершенно немыслима, если бы такое мнѣніе соотвѣтствовало дѣйствительности.

Всякая соціальная организація преслѣдуетъ общественныя цѣли, т.-е. прибѣгаетъ къ извѣстнаго рода средствамъ для того или другого воздѣйствія на общество, хотя бы въ лицѣ его отдѣльныхъ членовъ. Все дѣло, конечно, въ тѣхъ границахъ, какія въ этомъ отношеніи существуютъ, какъ для силъ человѣка, такъ и для того, что можно назвать податливостью объектовъ его воздѣйствія. Эти границы могутъ быть опредѣлены только наукою, но онѣ не остаются неизмѣнными, ибо, съ одной стороны, успѣхи знанія увеличиваютъ силы человѣка, а съ другой стороны, само развитіе общественности дѣлаетъ въ наше время возможными такія явленія, которыя были совершенно немыслимы въ болѣе отдаленныя времена. Когда не существовало еще знанія законовъ природы, на нее думали дѣйствовать магическими средствами. Вѣра въ магію была соединена съ преувеличеннымъ представленіемъ о той силѣ, какая можетъ быть въ распоряженіи человѣка, знакомаго съ магическими средствами, и съ преувеличеннымъ же представленіемъ о податливости природы, свободной отъ какихъ бы то ни было собственныхъ законовъ. Соціологическій утопизмъ вполнѣ соотвѣтствуетъ подобному умственному настроенію: онъ также придаетъ слишкомъ большое значеніе человѣческому воздѣйствію и слишкомъ мало принимаетъ въ расчетъ, что общественныя явленія подчиняются извѣстнаго рода законамъ. Но реакція противъ утопизма заходитъ слишкомъ далеко, когда приводитъ къ полному отрицанію всякой силы и всякаго значенія за человѣческимъ воздѣйствіемъ на теченіе общественной жизни. Становиться на такую точку зрѣнія въ соціологіи столь же ненаучно, какъ отрицать и возможность техническаго воздѣйствія на природу на томъ лишь основаніи

что магическое воздѣйствіе на природу нелѣпо. Помимо своего высокаго теоретическаго значенія общественныя науки имѣютъ еще значеніе практическое: онѣ создаютъ основаніе для прикладныхъ дисциплинъ, изъ коихъ каждая учитъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать на ту или другую сторону соціальной жизни для достиженія извѣстныхъ жизненныхъ цѣлей. Соціологія въ данномъ случаѣ не должна составлять исключенія. Вырабатывая общую теорію историческаго процесса и опредѣляя ту роль, какую въ немъ играетъ дѣйствіе личности на общество, она является своего рода наставницею жизни въ гораздо болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ тотъ, съ какимъ древніе давали это имя исторіи.

Общій взглядъ на исторію вопроса о роли личности. Теоріи, относящіяся отрицательно къ воздѣйствію личности, слѣдуетъ разсматривать, какъ своего рода реакцію противъ сильно преувеличеннаго представленія, какое на этотъ счетъ весьма часто высказывалось въ литературѣ. Впервые въ новой исторіи личное начало, какъ принципъ, было выдвинуто итальянскими гуманистами. Самъ гуманизмъ, какъ извѣстно, былъ протестомъ личности противъ традиціонныхъ культурныхъ идей и формъ, эманципаціей личности въ области теоретическаго и этическаго міросозерцанія. Въ этомъ культурномъ движеніи личность впервые сознала свои права и почувствовала свои силы. Нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что эти силы она стала преувеличивать въ своемъ представленіи. Дѣятели „просвѣщенія“ XVIII в. въ этомъ отношеніи были прямыми преемниками гуманистовъ. И они также готовы были видѣть въ человѣческомъ воздѣйствіи на общество могучую преобразовывающую силу, предъ которою существующія общественныя отношенія являются лишь пассивнымъ матеріаломъ, легко поддающимся обработкѣ въ желательномъ направленіи. Въ практическомъ отношеніи этимъ создавалась почва для всякаго утопизма. Теоретически такой взглядъ въ наиболѣе крайнемъ своемъ выраженіи приводилъ къ „культу героевъ“, самымъ яркимъ выразителемъ котораго въ XIX в. былъ несомнѣнно Карлейль. Своего кульминаціоннаго пункта этотъ взглядъ достигъ въ эпоху великой французской революціи, задача которой заключалась въ полной перестройкѣ общества и государства путемъ человѣческихъ усилій, направленныхъ на осуществленіе сознаннаго идеала. Когда обнаружилось, что эта цѣль не была достигнута, противъ прежняго взгляда началась реакція. Въ другомъ мѣстѣ нами было уже указано, въ чемъ она заключалась. Ошибка XVIII в. была двоякая: актив-

ная единица слишкомъ выдвигала себя впередъ на счетъ массы, въ которой видѣла лишь нѣчто пассивное, а, съ другой стороны, та же личность слишкомъ вѣрила въ свои творческія силы, мало считаясь съ объективными условіями, среди которыхъ ей приходилось дѣйствовать. Консервативныя партіи весьма искусно воспользовались измѣнившимся общественнымъ настроеніемъ и стали вырабатывать теоріи, которыя требовали отъ личности преклоненія передъ мудростью „народнаго духа“ и закономѣрностью „органическаго развитія“. Понятіе движущей исторической силы было перенесено съ выдающейся личности на однородную массу. Самое крайнее выраженіе этого взгляда мы находимъ въ извѣстныхъ историко-философскихъ разсужденіяхъ автора „Войны и мира“, который прямо приравниваемъ выдающуюся личность нулю. Но все-таки масса есть сумма отдѣльныхъ личностей: признаніе за массою значенія активной исторической силы, въ концѣ концовъ, есть все-таки признаніе того, что движущая сила находится въ самихъ людяхъ. Вся ошибка могла здѣсь заключаться только въ невѣрномъ представленіи, будто слагаемыя общей суммы совершенно одинаковы, т.-е. будто всѣ оказываютъ совершенно одинаковое воздѣйствіе на исторію (по Толстому, за исключеніемъ великихъ людей, которые представляются ему только простыми „ярлыками событій“). Конечно, героевъ не слѣдуетъ выдѣлять изъ толпы ни для того, чтобы за ними одними признавать способность воздѣйствія, ни для того, чтобы ихъ однихъ, наоборотъ, считать неспособными къ воздѣйствію. Разумѣется, масса не есть нѣчто инертное, но и въ активности своей она не есть что-либо однородное, такъ какъ и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніяхъ воздѣйствія, оказываемыя отдѣльными индивидуумами, весьма неодинаковы. Какъ бы тамъ ни было, даже ставъ на ту точку зрѣнія, что дѣятельную силу исторіи нужно видѣть исключительно въ массѣ, мы полагаемъ эту движущую силу все-таки въ людяхъ, а не внѣ людей. Мы видѣли, однако, что на почвѣ реакціи противъ идей XVIII в. зародился и другой взглядъ, по которому историческій процессъ былъ уподобленъ процессу органическому, т.-е. былъ понятъ, какъ саморазвитіе общества, совершающееся независимо отъ людскихъ желаній и стремленій, отъ усилій и дѣйствій отдѣльныхъ членовъ общества, направленныхъ на достиженіе заранѣе поставленныхъ цѣлей. Эту точку зрѣнія мы находимъ въ нѣмецкой исторической школѣ права, въ историко-философскомъ міросозерцаніи Гегеля, въ соціально-динамической теоріи Конта и въ органической соціологіи Спенсера, причемъ каждое изъ этихъ

направленій по-своему поняло ту силу, которая дѣйствуетъ въ исторіи. Иногда въ этомъ отношеніи отдѣльные мыслители становились на совершенно между собою несходныя точки зрѣнія. Конечно, напримѣръ, весьма мало общаго между мистическимъ „народнымъ духомъ“ нѣмецкой юридической школы и реалистически задуманнымъ „общественнымъ организмомъ“ Спенсера. То, что, однако, ихъ между собою роднитъ, заключается въ слѣдующемъ: индивидуальный духъ, такъ сказать, тонетъ въ духѣ народномъ, личность всецѣло поглощается въ общественномъ организмѣ, и все единичное, вполнѣ опредѣляемое окружающею культурно-соціальною средою, лишено всякихъ силъ, способовъ и средствъ для воздѣйствія на эту среду. Одна крайность смѣнилась другою: теорія активной личности, дѣйствующей на пассивную среду, уступила мѣсто теоріи, которая, наоборотъ, средѣ приписываетъ активность, а личности—пассивность. Выходъ изъ этого противорѣчія можетъ заключаться лишь въ признаніи постоянно совершающагося взаимодѣйствія между личностью и средою, какъ это впервые было намѣчено еще Гизо. Этотъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ личности и общественной среды—одинъ изъ наиболѣе важныхъ въ соціологіи: вопросъ о возможности воздѣйствія на среду цѣликомъ заключается именно въ этомъ вопросѣ.

Взглядъ экономическихъ матеріалистовъ на взаимныя отношенія личности и среды. Говоря о взаимныхъ отношеніяхъ личности и общественной среды, мы можемъ понимать среду различнымъ образомъ, т.-е. или выдвигая на первый планъ ту либо другую ея сторону (напримѣръ, культурную или экономическую), или же разсматривая ее во всей ея сложности и разносторонности. Такимъ или инымъ пониманіемъ среды еще вовсе не обусловливается рѣшеніе вопроса объ отношеніи, существующемъ между личностью и средою. Отрицать воздѣйствіе первой на вторую можно одинаково и при культурномъ, и при экономическомъ пониманіи среды. Равнымъ образомъ и признавать воздѣйствіе личности можно, понимая самую личность неодинаково, т.-е. думая, напримѣръ, что дѣятельность личности направляется главнымъ образомъ идейными мотивами или исключительно мотивами матеріальными. Самъ экономическій матеріализмъ получаетъ двоякое развитіе. Именно въ то время, какъ у марксистовъ выдвигается на первый планъ среда, взятая въ чисто экономическомъ смыслѣ, у такого экономическаго матеріалиста, какъ Лоріа, опредѣляющею культурныя и соціальныя формы силою являются эгоисти-

ческія побужденія отдѣльныхъ личностей, которыя приспособляютъ эти формы къ служенію ихъ своекорыстнымъ цѣлямъ. Изъ этого видно, что съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма можно понимать отношенія между личностью и средою двоякимъ образомъ. Между тѣмъ нѣкоторые представители экономическаго матеріализма, особенно у насъ въ Россіи, стали проводить ту мысль, что въ исторіи все объясняется саморазвитіемъ среды, безличною эволюціей производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній. Послѣдовательное, совершенно логическое развитіе этой мысли должно было бы привести къ полному отрицанію всякаго воздѣйствія личности на общественный процессъ. Если экономическіе матеріалисты не дѣлаютъ такого вывода, то лишь вслѣдствіе нѣкоторой непослѣдовательности, да и самый протестъ ихъ противъ ученія о „роли личности въ исторіи" основанъ на недоразумѣніи.

Идеи и поведеніе Маркса. Лучшимъ опроверженіемъ того теоретическаго взгляда, который проповѣдуютъ многіе экономическіе матеріалисты, является самъ родоначальникъ этого ученія, Карлъ Марксъ. По отзывамъ людей, которые его знали, это былъ человѣкъ, въ которомъ все „выражало твердое убѣжденіе въ своемъ призваніи управлять умами, законодательствовать надъ ними и вести ихъ за собой". Вся жизнь его прошла въ борьбѣ за извѣстный общественный идеалъ. Для осуществленія его онъ постоянно стремился воздѣйствовать на окружающую среду путемъ пропаганды своихъ идей и путемъ организаціи общественныхъ силъ для борьбы за эти идеи. Самые завзятые противники Маркса признаютъ, что онъ оказалъ огромное вліяніе на мысли и чувства цѣлыхъ поколѣній. Такъ смотрятъ люди, отрицательно относящіеся къ экономической теоріи Маркса и враждебно настроенные по отношенію къ его практическимъ стремленіямъ. Конечно, никакъ ужъ не марксистамъ умалять историческое значеніе Маркса, какъ въ области теоретической мысли, такъ и въ области практической жизни. Самое существованіе марксизма указываетъ, какой личный слѣдъ въ исторіи оставилъ послѣ себя Марксъ, какъ вліятельно было его воздѣйствіе на общественную среду и въ роли мыслителя, и въ роли политическаго дѣятеля. Быть можетъ даже, марксисты склонны въ этомъ отношеніи скорѣе къ извѣстному преувеличенію исторической роли своего учителя и вождя. Съ другой стороны, Марксъ и теоретически вовсе не благопріятствовалъ отрицанію возможности и необходимости воздѣйствія на общественную среду. Главнымъ недостаткомъ матеріализма

онъ признавалъ то, что ученіе это „разсматривало дѣйствительность, предметный, воспринимаемый внѣшними чувствами міръ лишь въ формѣ объекта или въ формѣ созерцанія, а не въ формѣ конкретной человѣческой дѣятельности, не въ формѣ практики“. Исторія представлялась ему не въ видѣ строго органическаго процесса, который безболѣзненно и мирно порождаетъ новыя формы. Концепція нѣмецкой исторической школы права была далека отъ Маркса, который, наоборотъ, стоитъ ближе къ ученію Іеринга о „борьбѣ за право“. Правда, всю исторію онъ хотѣлъ односторонне объяснить эволюціей производственныхъ отношеній, но самую эту эволюцію онъ ставилъ въ зависимость отъ развитія власти человѣка надъ природой, слѣдовательно, отъ воздѣйствія человѣка. Сама трудовая теорія цѣнности выдвигаетъ опять-таки на первый планъ трудъ человѣка, его воздѣйствіе: за самого человѣка природа ничего не дѣлаетъ. Практическая программа Маркса, вытекавшая изъ его историческаго ученія, менѣе всего могла бы быть оправдана съ точки зрѣнія, которая приравниваетъ личное воздѣйствіе къ нулю во имя того, будто все сдѣлается самою силою вещей. Для Маркса организованный пролетаріатъ получилъ значеніе общественной силы, интересы которой требуютъ радикальной реформы народнаго хозяйства и которая въ состояніи осуществить эту реформу. Другими словами, эманципація рабочаго класса должна быть его собственнымъ дѣломъ. Марксъ признавалъ возможность и того воздѣйствія на общественную среду, которое называется государственнымъ вмѣшательствомъ, но думалъ только, что такое вмѣшательство можетъ сдѣлаться выгоднымъ для пролетаріата лишь тогда, когда государственная власть перестанетъ быть органомъ господствующихъ теперь общественныхъ классовъ. Впрочемъ, онъ и въ настоящее время не отвергалъ такого воздѣйствія во всѣхъ случаяхъ, когда результатомъ его должно было бы явиться усиленіе рабочаго класса въ томъ или другомъ отношеніи. Все это довольно далеко отъ тѣхъ историческихъ теорій, которыя относятся отрицательно къ самой возможности воздѣйствія на общественныя формы. Одинъ изъ представителей идеи органической эволюціи (Вормсъ) даже прямо говоритъ, что у Маркса идея организма замѣняется идеей механизма: развитіе здѣсь объясняется не изъ жизни цѣлаго, а изъ дѣйствія отдѣльныхъ силъ, изъ коихъ это цѣлое складывается. . . .

„Роль личности“ передъ судомъ Струве. Однимъ изъ первыхъ сочиненій, въ коихъ стала въ Россіи проповѣдоваться

теорія экономическаго матеріализма, была книга П. Б. Струве „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“ (1894). Въ самомъ же началѣ этой книги авторъ вооружается противъ русскихъ соціологовъ—Миртова, Михайловскаго и Южакова, признающихъ роль воздѣйствія личностей въ соціальной эволюціи. Нужно замѣтить однако, что воззрѣнія этихъ писателей критикъ передаетъ невѣрно. „Личность, говоритъ онъ, все можетъ въ томъ смыслѣ, что для нея не существуетъ соціологической необходимости“. Въ другомъ мѣстѣ онъ представляетъ дѣло такъ, какъ будто оспариваемый имъ взглядъ „признаетъ въ личности какую-то самопроизвольную творческую силу, ничѣмъ не обусловленную“. Наоборотъ, говоритъ онъ, „то соціологическое ученіе, которое извѣстно подъ названіемъ экономическаго матеріализма, . . . просто игнорируетъ личность, какъ соціологически ничтожную величину“. Авторъ съ особенною настойчивостью повторяетъ, что соціологія можетъ съ легкимъ сердцемъ отбрасывать „маленькіе абсолютно индивидуальные остатки“, получаемые послѣ анализа событій съ точки зрѣнія сведенія каждой индивидуальности къ соціальнымъ воздѣйствіямъ. „Игнорированіе личности въ соціологіи или вѣрнѣе ея устраненіе изъ соціологіи есть, по мнѣнію Струве, въ сущности, только частный случай стремленія къ научному познанію“. Правда, онъ предвидитъ то возраженіе, „что самый процессъ измѣненія видовъ совершается съ точки зрѣнія исторической морфологіи путемъ накопленія благопріятныхъ индивидуальныхъ остатковъ“, но это соображеніе его не безпокоитъ. Онъ все воображаетъ, что разбираемый имъ взглядъ есть своего рода культъ героевъ, основанный на безусловномъ выдѣленіи нѣсколькихъ исключительныхъ личностей, одаренныхъ активностью, изъ совершенно пассивной массы. По его словамъ, опредѣляя послѣднія причины историческихъ событій, нужно вмѣстѣ съ Энгельсомъ „имѣть въ виду не столько побужденія отдѣльныхъ лицъ, хотя бы и самыхъ замѣчательныхъ, сколько тѣ побужденія, которыя приводятъ въ движеніе большія массы“. Но вѣдь эти массы сами состоятъ изъ отдѣльныхъ личностей, и, слѣдовательно, все-таки личныя побужденія, хотя бы и суммированныя, признаются у Струве послѣдними причинами историческихъ событій. Онъ отказывается, напримѣръ, понимать, что вообще можетъ значить — относить ускореніе процесса капитализаціи въ Англіи посредствомъ парламентскихъ актовъ на счетъ роли личности въ исторіи: вѣдь эти парламентскіе акты, говоритъ онъ, исходили отъ парламентскаго большинства, „которое

являлось простымъ выразителемъ извѣстныхъ классовыхъ стремленій". Однако, это парламентское большинство состояло изъ отдѣльныхъ личностей, побужденія которыхъ и объясняютъ намъ парламентскіе акты: не сами же собою явились послѣдніе на свѣтъ Божій! Критикъ, конечно, былъ бы правъ, если бы упомянутые русскіе социологи считали великихъ людей единственными и исключительными двигателями исторіи, но они никогда такого взгляда не высказывали и проводили лишь ту мысль, что соціальная эволюція не есть какой-то стихійный процессъ, въ которомъ стремленіямъ и дѣйствіямъ людей не принадлежитъ никакой роли. Стихійность историческаго процесса составляетъ какъ-разъ одинъ изъ догматовъ экономическаго матеріализма, по представленію Струве. Но, кажется, тутъ дѣло не обходится безъ недоразумѣній. Во-первыхъ, онъ не раздѣляетъ оптимизма экономистовъ, которые думаютъ, будто соціальный прогрессъ, „такъ сказать, естественно, безъ всякой классовой борьбы и безъ всякихъ сознательныхъ усилій, направленныхъ на созданіе принципіально новой организаціи народнаго хозяйства, выростаетъ на почвѣ прогресса экономическаго". Онъ даже рѣшительнѣйшимъ образомъ высказывается противъ идеи безличной эволюціи: „подобно тому, говоритъ онъ, какъ взгляду на органическое развитіе права была противопоставлена идея борьбы за право (Ihering), такъ ученію объ естественномъ и органическомъ ростѣ соціальнаго прогресса можетъ и должно быть противопоставлено ученіе о борьбѣ за соціальный прогрессъ". Но борьба предполагаетъ именно усилія личностей съ цѣлью воздѣйствія на общественную жизнь: какая же тутъ стихійность? Самый переходъ общества къ идеальному экономическому строю представляется Струве не въ смыслѣ результата чисто стихійнаго процесса: онъ можетъ „осуществиться, только какъ *сознательный* актъ *планомѣрной* организаціи народнаго хозяйства". Авторъ приводитъ выдержку изъ одного сочиненія Энгельса, гдѣ говорится, что въ будущемъ, когда осуществится извѣстный соціальный идеалъ, „совокупность окружающихъ человѣка жизненныхъ условій, которая до сихъ поръ господствовала, станетъ подъ господство и контроль людей", и что „съ этого момента люди будутъ съ полнымъ сознаніемъ сами дѣлать свою исторію". Но ему еще предстояло бы доказать, что въ настоящемъ люди суть только безусловные рабы даннаго положенія, какъ въ будущемъ явятся, наоборотъ, безусловными его господами. И то и другое невѣрно: всегда существовали и зависимость отъ среды, и власть надъ средою въ разныхъ только пропорціяхъ. Наконецъ,

Струве прямо заявилъ, что „матеріалистическая теорія исторіи вполнѣ объемлетъ и сознательную цѣлесообразную дѣятельность людей“, что „она только указываетъ на зависимость этой дѣятельности отъ матеріальныхъ экономическихъ условій, выводитъ ее изъ послѣднихъ“.

„Роль личности“ передъ судомъ Бельтова. Совершенно такія же противорѣчія мы находимъ и въ книгѣ Бельтова „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“ (1895). Онъ также подвергаетъ критикѣ ученіе о роли личности въ исторіи, понимая послѣднее въ томъ смыслѣ, будто оно сводится къ выдѣленію личности „въ особую высшую разновидность человѣческаго рода“ и къ противопоставленію ей массы, „способной лишь играть роль глины въ творческихъ рукахъ личности“. Ему кажется далѣе, что за признаніемъ личнаго воздѣйствія скрывается признаніе свободы воли, т.-е. отрицаніе законосообразности, которая „есть необходимая основа всякаго научнаго объясненія явленія“. Онъ хвалитъ Маркса за то, что съ его точки зрѣнія „невозможно противопоставленіе субъективныхъ взглядовъ личности взглядамъ толпы, большинства и т. д., какъ чему-то объективному“, но подобное противопоставленіе ничуть и не вытекаетъ изъ теоріи, которая признаетъ, что исторія создается личною дѣятельностью, что она вовсе не есть безличный процессъ. Но особенно любопытно, что въ книгѣ есть цѣлый рядъ мѣстъ съ содержаніемъ, несомнѣнно благопріятнымъ ученію о роли личнаго воздѣйствія въ исторіи. „Діалектическій матеріализмъ, говоритъ Бельтовъ, не только не стремится, какъ это приписываютъ ему его противники, убѣдить человѣка, что нелѣпо возставать противъ экономической необходимости, но онъ впервые указываетъ, какъ справиться съ нею“. Бельтовъ формулируетъ еще основную мысль Маркса такимъ образомъ: „разъ мы узнали желѣзный законъ необходимости, отъ насъ зависитъ свергнуть его иго, отъ насъ зависитъ сдѣлать необходимость послушной рабой разума“. Или вотъ еще одно мѣсто. „Діалектическій матеріализмъ говоритъ: человѣческій разумъ не могъ быть деміургомъ исторіи, потому что онъ самъ является ея продуктомъ. Но разъ явился этотъ продуктъ, онъ не долженъ и по самой природѣ онъ не можетъ подчиниться завѣщанной прежней исторіей дѣйствительности, онъ по необходимости стремится преобразовать ее по своему образу и подобію, сдѣлать ее разумной“. Свою теорію Бельтовъ даже называетъ прямо философіей дѣйствія. „Отсюда видно, говоритъ онъ, въ чемъ заключается по мнѣнію діалектиковъ роль личности въ исто-

ріи. Далекіе отъ того, чтобы сводить эту роль къ нулю, они ставятъ предъ личностью задачу, которую, употребляя обычный, хотя и неправильный терминъ, надо признать совершенно исключительно идеалистической. Такъ какъ человѣческій разумъ можетъ восторжествовать надъ слѣпою необходимостью, только познавъ ея собственные внутренніе законы, только побивъ ее ея собственной силой, то развитіе знанія, развитіе человѣческаго сознанія является величайшей благороднѣйшей задачей мыслящей личности". И рядомъ съ этимъ постоянныя нападки на людей, обращающихся къ понятіямъ личности и человѣческой природы, безъ которыхъ экономическіе матеріалисты желали бы обходиться, дабы выводить всю исторію изъ условій внѣшней среды!

Взглядъ Булгакова на тотъ же предметъ. Не всегда вообще согласные сами съ собой, представители экономическаго матеріализма по интересующему насъ вопросу и очень даже сильно расходятся другъ съ другомъ. Въ статьѣ С. Н. Булгакова „О закономѣрности соціальныхъ явленій", написанной съ точки зрѣнія этой теоріи и появившейся недавно въ „Вопросахъ философіи и психологіи", дѣло уже представляется совсѣмъ въ иномъ видѣ. Авторъ находитъ, что очень часто закономѣрность человѣческихъ дѣйствій понимаютъ неправильно, сопоставляя ее, напримѣръ, съ закономѣрностью затменія луны. „Законъ затменія луны, говоритъ онъ, есть нѣчто внѣшнее, чуждое, постороннее. Къ нему человѣческое сознаніе должно относиться, какъ къ объекту; между тѣмъ наше собственное *я* есть субъектъ, который въ своемъ непосредственномъ сознаніи полагаетъ себя, какъ первопричину, активно вмѣшивающуюся во внѣшній міръ. И человѣкъ правъ въ этомъ сознаніи, поскольку онъ является дѣйствительно самостоятельной, самобытной причиной въ ряду причинъ внѣшняго міра". При этомъ авторъ указываетъ на то, что „только представленіе о закономѣрности человѣческихъ дѣйствій и дѣлаетъ возможной дѣйствительно свободную, т.-е. разумную, цѣлесообразную дѣятельность... Законъ развитія общества говоритъ не то, что выйдетъ *безъ* нашихъ дѣйствій, а *изъ* нашихъ дѣйствій". Обращаясь затѣмъ къ представленію экономическаго матеріализма о возможности цѣлесообразнаго вмѣшательства въ „естественный" ходъ событій, онъ ставитъ такой вопросъ: „охватываетъ ли законъ развитія человѣческаго общества это вмѣшательство или же оно является, какъ deus ex machina, тревожитъ естественный порядокъ вещей? Можетъ быть, соглашается онъ, у отдѣльныхъ представителей экономическаго

матеріализма и встрѣчаются нѣкоторыя неточности выраженія, способныя подать поводъ къ недоразумѣніямъ", по самому ему дѣло кажется яснымъ: „вмѣшательство въ естественный ходъ развитія, о которомъ говорятъ марксисты, не есть нарушеніе закона, оно есть его выполненіе". Отсюда дѣлается выводъ не въ смыслѣ „пассивнаго преклоненія предъ неотвратимымъ и неумолимымъ ходомъ вещей, а его разумнаго пониманія. При свѣтѣ этого пониманія человѣкъ можетъ цѣлесообразно и разумно направлять свои дѣйствія и не растрачивать силъ въ безумной борьбѣ съ исторіей, пытаясь повернуть ее въ другую сторону". Это дѣйствительно простое рѣшеніе вопроса, и оно какъ-разъ дано было тѣми самыми сторонниками роли личности въ исторіи, на которыхъ ополчились наши представители экономическаго матеріализма. Впрочемъ, и Струве въ новѣйшей статьѣ „Свобода и историческая необходимость" (въ „Вопросахъ философіи и психологіи") самъ отмѣчаетъ нѣкоторыя свои уклоненія отъ взглядовъ, высказанныхъ въ „Критическихъ замѣткахъ". Между прочимъ онъ винитъ самихъ представителей матеріалистическаго пониманія исторіи, которые, „справедливо настаивая на научности своего идеала, часто превращаютъ его въ слишкомъ научный, забывая грань, лежащую между наукой и идеаломъ, между необходимостью того, что совершилось, и необходимостью того, что будетъ" [1]).

Общая причина непослѣдовательности экономическихъ матеріалистовъ. Существуетъ, впрочемъ, нѣкоторая общая причина непослѣдовательности экономическихъ матеріалистовъ въ этомъ вопросѣ. Они весьма послѣдовательны, отрицая роль личности въ исторіи, поскольку понимаютъ историческій процессъ въ духѣ философіи Гегеля, хотя бы и съ замѣной идеализма матеріализмомъ, но въ то же время, отрицая

[1]) Этотъ § былъ уже набранъ, когда мы въ только-что появившейся статьѣ того же автора „Законъ причинности и свобода человѣческихъ дѣйствій" (Новое Слово, 1897, май) прочитали одно мѣсто, гдѣ онъ критикуетъ „субъективную соціологію", которая, по его представленію, „признаетъ личность и ея идеалы какъ бы за самостоятельный и первообразный факторъ, изъ себя производящій исторію, а не являющійся ея неизбѣжнымъ результатомъ". Хотя, замѣчаетъ онъ, эта соціологія и „связываетъ себя съ Контомъ, слѣдовательно, постулируетъ закономѣрность человѣческихъ дѣйствій", тѣмъ не менѣе „указанная точка зрѣнія составляетъ духовную сущность этихъ ученій, сознательно или безсознательно ими принятую". Это положительно невѣрно, какъ невѣрно и то, что „ни одна еще субъективная соціологія не высказалась опредѣленно по вопросу о соотношеніи необходимости и свободы": ссылаемся хотя бы на работы Миртова.

личное воздѣйствіе на исторію, они находятся въ противорѣчіи съ своимъ собственнымъ практическимъ міросозерцаніемъ, для котораго экономическій матеріализмъ долженъ служить теоретическимъ основаніемъ: это міросозерцаніе требуетъ борьбы во имя лучшаго общественнаго строя, а бороться, напрягать свои силы имѣетъ смыслъ лишь подъ условіемъ признанія за человѣческимъ воздѣйствіемъ на общество реальнаго значенія. Нужно еще замѣтить, что съ особою силою ополчились противъ роли личности въ исторіи русскіе теоретики экономическаго матеріализма. Ихъ выступленіе съ проповѣдью новой соціологической теоріи съ самаго начала получило характеръ полемики противъ старшей генераціи русскихъ соціологовъ, которые дѣйствительно много занимались вопросомъ о роли личности въ исторіи.

Русскіе соціологи о роли личности въ исторіи. Нельзя, однако, сказать, чтобы русскіе соціологи разработали этотъ предметъ исчерпывающимъ образомъ, и чтобы ими не были высказаны взгляды односторонніе или преувеличенные, но въ общемъ они стали въ этомъ вопросѣ на вѣрную дорогу. Миртовъ обратилъ особое вниманіе на личный характеръ историческаго процесса вообще, а въ частности на роль личной мысли, какъ фактора, разлагающаго данныя культурно-соціальныя формы, и на роль вождей общества въ качествѣ иниціаторовъ и организаторовъ. Правда, многія мѣста его „Историческихъ писемъ“ (1870) даютъ поводъ говорить о преувеличенномъ значеніи, какое онъ приписывалъ отдѣльнымъ передовымъ личностямъ, но нельзя критиковать взгляды этого автора исключительно на основаніи однихъ „Историческихъ писемъ“. Быть можетъ, Миртовъ въ этомъ сочиненіи находился еще подъ вліяніемъ лѣваго гегельянства и въ частности Бруно Баурера, на котораго въ данномъ случаѣ ссылаются критики. Болѣе позднія соціологическія работы Миртова уже не даютъ повода для подобныхъ замѣчаній. Въ нихъ нѣтъ уже и намека на противоположеніе героевъ и толпы. Въ одной изъ своихъ работъ („Цивилизація и дикія племена“) онъ даже дѣлаетъ попытку классификаціи членовъ одного и того же общества по степени ихъ самостоятельности въ отношеніи къ даннымъ культурно-соціальнымъ формамъ и по характеру ихъ участія въ эволюціи этихъ формъ. Замѣчательно, что къ мысли о необходимости подобной классификаціи отдѣльныхъ личностей, какъ членовъ общества, въ послѣднее время пришелъ и американскій соціологъ Гиддингсъ. Весьма важныя соображенія по тому же вопросу мы находимъ и во „Введеніи въ исторію мысли“ того же автора, т.-е. Миртова. На той же точкѣ зрѣнія, что исто-

рія не есть процессъ безличный, стоитъ и Михайловскій, который равнымъ образомъ обратилъ преимущественное вниманіе на нѣкоторыя частныя стороны вопроса, каковы, напримѣръ, активное отстаиваніе личностью своей цѣльности и самостоятельности или то обаяніе, которое герой (въ особомъ условномъ смыслѣ) оказываетъ на толпу. Точно также и въ „Соціологическихъ этюдахъ“ Южакова развивается мысль объ активности личности. Никто не станетъ утверждать, чтобы въ указанныхъ взглядахъ заключалась цѣлая разработанная теорія. Напротивъ, все это только, какъ говорятъ нѣмцы, Bausteine для будущей теоріи, и вопросъ этотъ нужно именно разрабатывать дальше, а не исключать его изъ соціологіи, какъ вопросъ будто бы праздный. Уже одно то, что сами противники ученія о роли личности въ исторіи признаютъ, однако, возможность и необходимость личныхъ воздѣйствій на общество, говоритъ въ пользу важности всесторонняго и детальнаго изученія вопроса. Можно даже сказать, что въ современной соціологической литературѣ замѣчается нѣкоторый общій поворотъ, благопріятный для этой идеи. То, что лѣтъ двадцать, двадцать пять тому назадъ говорилось русскими соціологами, начинаетъ входить въ силу у новѣйшихъ соціологовъ американскихъ, каковы Лестеръ Уордъ и Гиддинсъ.

Гиддинсъ о волевомъ характерѣ соціальнаго процесса. Объ общемъ характерѣ взглядовъ Л. Уорда уже было сказано въ другомъ мѣстѣ. Воззрѣнія Гиддинса, отличающіяся въ частностяхъ отъ теоріи Уорда, въ общемъ довольно близки къ ея основнымъ положеніямъ. И Гиддинсъ противополагаетъ свое пониманіе пониманію Спенсера, выдвигая на первый планъ идею волевого процесса. По его словамъ, соціальные аггрегаты образуются сначала въ силу чисто внѣшнихъ условій, но потомъ въ лонѣ аггрегата возникаетъ сознаніе рода и начинается волевой процессъ. Гиддинсъ думаетъ даже, что этотъ процессъ и является главной причиной общественныхъ измѣненій. „Въ началѣ, говоритъ онъ, экономическая, политическая и религіозная дѣятельность общества отличается несвязностью. Не существуетъ никакой связи между дѣломъ одного человѣка и дѣломъ другого. Не существуетъ никакой комбинаціи усилій въ охотѣ, въ рыбной ловлѣ или культѣ. Позднѣе возникаютъ обдуманныя комбинаціи въ каждомъ родѣ человѣческой дѣятельности. Въ началѣ всѣ трудятся, думаютъ и молятся сами по себѣ, и только позднѣе появляется всякій способъ труда, всякій порядокъ управленія, всякій оттѣнокъ религіи. Первоначально дѣятельность очень мало обусловливается опредѣленностью цѣлей. Непрерывность усилія

и приспособленіе средствъ къ цѣлямъ характеризуютъ политическую жизнь, веденіе дѣлъ и религіозныя предпріятія". Въ другомъ мѣстѣ Гиддинсъ называетъ „ассоціацію дѣятельности" самымъ могучимъ факторомъ соціальной эволюціи, безъ котораго нельзя было бы даже понять общественныхъ явленій. Онъ прибавляетъ даже, что значительность той роли, какую акты воли играютъ въ соціальной эволюціи, можетъ породить разнаго рода научныя недоразумѣнія. „Соціологъ, говоритъ онъ, на каждомъ шагу встрѣчается съ волевыми явленіями. Въ самомъ дѣлѣ, это—центральныя точки, около которыхъ группируются всѣ другія фазы общественнаго измѣненія". „Волевые акты, прибавляетъ Гиддинсъ, уже по одному тому могутъ быть причинами, что сами являются слѣдствіями, т.-е. входятъ въ составъ причинныхъ рядовъ, порождающихъ общественныя измѣненія".

Частная инициатива и государственное вмѣшательство. Въ заключеніе еще нѣсколько замѣчаній объ общей постановкѣ вопроса. Въ XVIII вѣкѣ многіе мыслители думали, что естественный процессъ общественной жизни въ концѣ концовъ сводится къ достиженію каждымъ своихъ частныхъ цѣлей, и что всякое вмѣшательство въ естественный ходъ вещей должно скорѣе приносить вредъ, нежели пользу. Этотъ взглядъ былъ естественной реакціей противъ той вѣры во всемогущество и благодѣтельность государственнаго вмѣшательства, которая была создана практикой и теоріей предыдущей эпохи. Въ данномъ случаѣ, однако, отрицалась не возможность планомѣрнаго воздѣйствія на общественную жизнь, а спасительность этого воздѣйствія. Другими словами, весь вопросъ сводился къ противоположности между частною иниціативою и правительственнымъ вмѣшательствомъ. Первая разсматривалась, какъ нѣчто осуществляющее общее благополучіе, а во второмъ готовы были видѣть источникъ всякихъ золъ. При этомъ, однако, все объяснялось не безличною какою-то эволюціей, а людскими воздѣйствіями, имѣли ли послѣднія характеръ частныхъ предпріятій, или предпріятій правительственныхъ. Съ особенною силою споръ по этому поводу велся въ области экономическихъ явленій. Цѣлая экономическая школа проповѣдовала исключительную спасительность свободной игры частныхъ интересовъ и, не отрицая, что правительство своими мѣропріятіями можетъ воздѣйствовать на экономическую жизнь, стремилась доказать, что это воздѣйствіе можетъ быть только вреднымъ. Другое направленіе, наоборотъ, въ разрозненности и несогласованности частныхъ предпріятій

стало искать основной причины разнаго рода экономическихъ бѣдствій, а въ силу этого требовало планомѣрной организаціи экономическихъ отношеній. Весь споръ въ данномъ случаѣ сводился къ тому, какое воздѣйствіе на общественную жизнь желательнѣе—воздѣйствіе ли индивидуумовъ, стремящихся къ осуществленію своихъ частныхъ цѣлей, или воздѣйствіе цѣлаго общества, т.-е. извѣстной организаціи, дающей представителямъ общественной власти возможность направлять дѣятельность общества къ одной общей цѣли. Самый этотъ споръ сдѣлался возможенъ, лишь благодаря тому, что противники стояли на одной и той же почвѣ, признавая за человѣческимъ воздѣйствіемъ извѣстную силу и расходясь только въ оцѣнкѣ того, какое воздѣйствіе благодѣтельнѣе,—которое исходитъ отъ отдѣльныхъ лицъ, или отъ органовъ общественной власти. Доказывать пользу одного и вредъ другого значитъ признавать существованіе обоихъ. Въ данномъ отношеніи Спенсеръ, напримѣръ, является убѣжденнымъ защитникомъ невмѣшательства, тогда какъ экономическіе матеріалисты, наоборотъ, стоятъ на противоположной точкѣ зрѣнія.

Переходъ къ слѣдующимъ главамъ. Вѣра въ неограниченную силу людского воздѣйствія на общество и признаніе за этимъ воздѣйствіемъ полнаго безсилія, это—двѣ крайности, изъ коихъ ни та, ни другая не можетъ быть принята научной соціологіей. Но научная соціологія не можетъ также принять ни одного изъ двухъ ученій, разрѣшающихъ односторонне вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между личностью и обществомъ. Въ слѣдующихъ двухъ главахъ будутъ разсмотрѣны, насколько это необходимо для цѣлей настоящаго труда, указанныя отношенія, безъ правильнаго пониманія коихъ не можетъ быть и научнаго отвѣта на вопросъ о воздѣйствіи личности на общество. У предмета есть, впрочемъ, и другая сторона — дѣйствіе общества на личность, а этотъ послѣдній вопросъ имѣетъ не одно теоретическое, но и практическое значеніе. Стремленіе личности оказывать свое воздѣйствіе на общественную среду имѣетъ своею задачею приспособленіе этой среды къ цѣлямъ, какія ставитъ себѣ въ жизни личность. Спрашивается, можно ли, изучая общественныя явленія, игнорировать то вліяніе, какое они оказываютъ на индивидуальную жизнь, взятую притомъ въ ея субъективной сторонѣ, съ субъективною оцѣнкою этого вліянія съ точки зрѣнія благополучія личности. Воздѣйствіе на общество можетъ имѣть разумною цѣлью лишь чье-либо благо, и самое общество получаетъ разумный смыслъ лишь по тому благу, которое оно осуществляетъ. Но самое это благо можетъ

быть только благомъ въ реальномъ значеніи слова, т.-е. благомъ какихъ-либо людей, а не метафизическимъ благомъ. Если смотрѣть на общество, лишь какъ на естественное явленіе, отъ котораго будто бы никому ни тепло, ни холодно, отношеніе наше къ этому предмету изученія будетъ иное, нежели въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что общество существуетъ чрезъ личности и для личностей, т.-е. что посредствомъ общества люди осуществляютъ свои собственныя цѣли. Забвеніе этого послѣдняго обстоятельства или недостаточно ясное пониманіе того значенія, какое оно имѣетъ, приводитъ къ одностороннимъ соціологическимъ теоріямъ. Представители такихъ теорій иногда стараются принципіально себя оправдать ссылкою на требованія научнаго объективизма, усматривая во всякомъ субъективизмѣ отступленіе отъ научности. Къ объективизму въ такомъ пониманіи стремятся представители обѣихъ натуралистическихъ соціологическихъ теорій (органической и дарвинистической) и экономическаго матеріализма, теоретическія же основы для защиты субъективизма даетъ соціологія, опирающаяся на психологію и съ психологической точки зрѣнія стремящаяся освѣтить вопросъ о личности и обществѣ. Такова внутренняя связь между тремя слѣдующими главами, изъ коихъ послѣдняя посвящена именно вопросу о субъективной соціологіи.

ГЛАВА XII.

До-соціологическая постановка вопроса о личности и обществѣ.

Общій взглядъ на вопросъ. Соціологическія теоріи различаются между собою не только по основнымъ взглядамъ на общество или на задачи и методы соціологіи, но и по различному пониманію взаимныхъ отношеній, въ какихъ между собою находятся личность и общество. Вопросъ этотъ въ соціологической литературѣ имѣетъ уже цѣлую исторію, которую пытались даже излагать. Напр., въ книгѣ Бёдана „Индивидуальное право и государство“ (1891), разсматривающей развитіе взглядовъ на взаимныя отношенія личности и государства съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, особый параграфъ посвященъ постановкѣ и рѣшенію вопроса въ соціологіи. Авторъ

вообще отмѣчаетъ тотъ фактъ, что за торжествомъ индивидуализма въ эпоху французской революціи наступила реакція въ сторону расширенія сферы дѣятельности и правъ государства. Соціологія представляется ему просто, какъ одно изъ проявленій, какъ порожденіе этой реакціи. Онъ вообще высказывается противъ новой науки и, хотя различаетъ въ ней разныя направленія, въ одномъ пунктѣ считаетъ всѣ эти направленія солидарными—въ презрѣніи къ человѣческой личности. До возникновенія соціологіи, говоритъ онъ, „человѣкъ разсматривался, какъ субъектъ права, изъ котораго все происходитъ (de qui tout émane), къ которому все возвращается; общество, съ другой стороны, разсматривалось, какъ соединеніе (groupement), являющееся слѣдствіемъ согласія воль, инстинктивнаго и молчаливаго, по мнѣнію однихъ, формальнаго и предначертаннаго, по мнѣнію другихъ. Обѣ идеи одна отъ другой зависятъ, одна другую поддерживаютъ. Позитивистическое ученіе лишаетъ человѣка той роли, какая за нимъ признавалась во всѣ времена: право уже не въ немъ и не для него, оно въ обществѣ и для общества. Въ самомъ дѣлѣ въ глазахъ соціологіи общества—не ассоціаціи свободно соединенныхъ частей, равно какъ не собранія индивидуумовъ, связанныхъ географическими и историческими вліяніями: они суть организмы въ точномъ и полномъ смыслѣ слова, организмы, въ коихъ совершаются жизненныя явленія... Не только, продолжаетъ онъ, общество, въ этомъ представленіи, есть живая личность, отличная и независимая отъ своихъ членовъ, но сверхъ того оно одно на самомъ дѣлѣ имѣетъ собственное существованіе. Оно поглощаетъ индивидуумъ, который по отношенію къ нему есть только функція, органъ организма“. Если бы мы подвергли здѣсь разбору взгляды Бёдана, то нашли бы въ нихъ не мало недочетовъ, но для насъ важно общее впечатлѣніе, какое соціологія способна производить на людей, интересующихся вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ индивидуума и общества съ точки зрѣнія „правъ человѣка и гражданина“. Названный критикъ доходитъ до того, что называетъ соціологовъ своей родины не людьми прогресса, а „выходцами стараго порядка и ренегатами 1789 года“. Другой французскій писатель, Анри Мишель, авторъ превосходнаго труда „Идея государства“, представляющаго собою „Критическій опытъ по исторіи соціальныхъ и политическихъ теорій во Франціи послѣ революціи“ (1896), тоже посвящаетъ значительную часть своей огромной книги постановкѣ и рѣшеніямъ вопроса объ индивидуумѣ и государствѣ у Конта и въ современной соціологіи. И онъ проводитъ ту общую

мысль, что общественныя теоріи XIX в. складывались подъ вліяніемъ реакціи противъ философіи XVIII в. и французской революціи съ ихъ индивидуалистическимъ характеромъ. Самъ авторъ стоялъ первоначально на точкѣ зрѣнія, враждебной доктринамъ прошлаго столѣтія. „Когда я, признается онъ самъ, приступалъ къ своему труду, я, какъ и многіе другіе, находился подъ живымъ впечатлѣніемъ этого метода, называемаго „научнымъ“, и этого метафизическаго реализма, которые такъ странно сочетаются между собою во многихъ новыхъ трудахъ. Я вѣрилъ въ „общественный организмъ“ и во всю совокупность понятій, которыя обыкновенно связываются съ этой идеей. Индивидуализмъ казался мнѣ доктриной устарѣлой, моральный и политическій апріоризмъ философовъ XVIII вѣка — методомъ ошибочнымъ и совершенно заслуженно утратившимъ всякій кредитъ“. Въ своей книгѣ Мишель очень подробно излагаетъ исторію этой реакціи противъ идей XVIII вѣка, къ коимъ самъ онъ находитъ нужнымъ вернуться, вовсе не считая ихъ, какъ то обыкновенно думаютъ, выраженіемъ односторонняго и узкаго индивидуализма. Въ этой реакціи извѣстную роль играетъ и соціологія. „Реакція противъ индивидуализма, говоритъ онъ, велась сначала писателями, говорившими во имя религіи и морали; философами, претендовавшими замѣнить болѣе глубокой метафизикой метафизику, на ихъ взглядъ, узкую и поверхностную; политиками, которые защищали вѣрныя теоріи о происхожденіи и существѣ власти; экономистами, пытавшимися очеловѣчить доктрину съ неподходящими стремленіями; реформаторами, искавшими новой справедливости“. Представители индивидуализма, критиковавшіе этихъ писателей, сначала нападали на нихъ, какъ на утопистовъ, противополагая имъ себя, какъ людей науки, научной мысли и научнаго метода. Но со временемъ роли перемѣнились: противники индивидуализма заговорили сами во имя науки, опровергать же ихъ стали соображеніями моральнаго, идеальнаго свойства. Эта перемѣна роли произошла, по словамъ Мишеля, съ появленіемъ соціологіи. Съ большою ясностью въ своемъ изложеніи доктрины Конта онъ выставляетъ на видъ ея анти-индивидуалистическій характеръ, ея связь съ реакціонными теченіями эпохи. Дѣлая бѣглый обзоръ соціологическихъ теорій, Мишель останавливается главнымъ образомъ на той идеѣ, по которой общество должно разсматриваться, какъ „настоящее существо, имѣющее свои функціи, свои собственныя цѣли, отличныя отъ нашихъ“, или какъ на „живой организмъ“. Съ этой точки зрѣнія и онъ относится къ соціологіи отрицательно: „наука, говоритъ онъ, о коей здѣсь

идетъ рѣчь, есть въ сущности весьма грубая метафизика, плодъ своего рода безсознательнаго реализма [1]), противъ котораго не могутъ себя защитить нѣкоторые умы нашего времени".

Въ подтвержденіе своей общей характеристики отношенія соціологіи къ личности и обществу и Бедапъ, и Мишель ссылаются на цѣлый рядъ видныхъ соціологовъ, который можно было бы, пожалуй, и еще дополнить. На самомъ дѣлѣ, однако, и въ соціологической литературѣ мы встрѣчаемся съ коренными разногласіями по вопросу о личности и обществѣ, такъ что литература эта не такъ ужъ здѣсь однообразна, какъ это можно подумать, да и болѣе старыя общественныя науки еще задолго до возникновенія соціологіи заключали въ себѣ діаметрально противоположныя теоріи касательно личности и общества. Не соціологія породила анти-индивидуалистическіе общественные взгляды, и не всѣми соціологами они раздѣляются, не говоря уже о томъ, что индивидуализмъ индивидуализму рознь и что не всякій индивидуализмъ заслуживаетъ сочувствія. Выше намъ уже не разъ приходилось мимоходомъ касаться вопроса, здѣсь же мы подвергнемъ его болѣе систематическому разсмотрѣнію, начавъ съ краткаго указанія на то, какъ онъ ставился въ философской и научной литературѣ до возникновенія соціологіи.

Постановка вопроса въ разныхъ общественныхъ наукахъ. Въ разныхъ общественныхъ наукахъ интересующій насъ вопросъ съ самаго начала долженъ былъ получить разную постановку, ибо онѣ разсматриваютъ общество въ разныхъ сторонахъ его бытія: это и отражается на разномъ отношеніи ихъ къ одной и той же человѣческой личности.

Политическія науки имѣютъ дѣло съ государствомъ, по отношенію къ которому индивидуумъ можетъ разсматриваться, какъ гражданинъ или подданный; юридическія науки изучаютъ право, и здѣсь личность является субъектомъ или объектомъ права; предметъ наукъ экономическихъ—народное хозяйство, въ коемъ отдѣльный человѣкъ имѣетъ значеніе производителя и потребителя матеріальныхъ благъ. Государство, напр., и народное хозяйство не одно и то же, а потому не одно и то же человѣкъ, взятый съ политической или экономической точки зрѣнія, ибо одною точкою зрѣнія опредѣляется его отношеніе къ цѣлому, часть котораго онъ составляетъ, другою точкою зрѣнія — его отношеніе къ совмѣстному добыванію средствъ жизни, въ коемъ

[1]) Само собою разумѣется, что реализмъ берется здѣсь въ смыслѣ ученія, признающаго общія понятія за реальности, т.-е. въ смыслѣ реализма схоластическаго.

онъ участвуетъ. Поэтому и индивидуализмъ политическій будетъ одно, индивидуализмъ экономическій—другое. Можно говорить еще объ индивидуализмѣ культурномъ, принимая въ расчетъ отношеніе личности къ той духовной атмосферѣ, которая ее окружаетъ и которая въ свою очередь не есть ни государство, ни право, ни народное хозяйство: здѣсь индивидуумъ можетъ разсматриваться, какъ представитель извѣстной группы, имѣющей опредѣленную духовную физіономію, напр., націи, вѣроисповѣданія, профессіи и т. п. Каждое такое отношеніе возбуждаетъ свои особые теоретическіе и практическіе вопросы, и то, что интересуетъ, напр., экономиста, можетъ не представлять большого интереса для культурнаго историка и наоборотъ. Съ другой стороны, и всѣ эти отношенія могутъ находиться между собою въ разныхъ комбинаціяхъ. Подданные одного и того же государства могутъ пользоваться разными правами и играть разную роль въ народномъ хозяйствѣ, причемъ въ данномъ государствѣ одними и тѣми же правами могутъ пользоваться и одинаковыя роли играть равнымъ образомъ подданные другихъ государствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ на одной и той же культурной почвѣ,—напр., въ религіозныхъ вѣрованіяхъ или по степени образованности,—могутъ сближаться между собою и выдѣляться въ особыя группы люди, принадлежащія къ разнымъ государствамъ, пользующіяся разными правами, играющія разную роль въ народномъ хозяйствѣ. Ставя вопросъ о личности и обществѣ, соціологія, конечно, не можетъ заимствовать его рѣшеніе изъ той или другой частной общественной науки, такъ какъ у каждой науки есть своя особая точка зрѣнія, пригодная только въ данной области и непригодная въ другой; но въ то же время, изучая общій consensus политическихъ, юридическихъ и экономическихъ явленій, соціологія должна пользоваться указаніями соотвѣтственныхъ наукъ при рѣшеніи этого сложнаго вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ личности и общества. И этого еще мало. Только-что было упомянуто, что между личностью и обществомъ существуютъ еще отношенія культурныя, а это суть отношенія чисто-духовныя, подлежащія вѣдѣнію коллективной психологіи: соціологія, которая научно не можетъ основываться на чемъ-либо помимо психологіи, должна строить свою теорію о взаимныхъ отношеніяхъ между личностью и обществомъ равнымъ образомъ и на данныхъ коллективной психологіи, изучающей роль индивидуума въ психическомъ взаимодѣйствіи и вліяніе этого взаимодѣйствія на индивидуумъ. Такимъ образомъ и психологія вмѣстѣ съ политикой, юриспруденціей и политической экономіей дѣлаетъ свой вкладъ въ рѣшеніе общаго соціологическаго во-

проса. Наконецъ, еще въ одной научной области ставится и обсуждается интересующій насъ вопросъ, хотя опять-таки съ особой точки зрѣнія. Эта научная область — исторія: здѣсь вопросъ касается индивидуальной инипіативы, какъ историческаго фактора, т.-е. ея вліянія на соціальный процессъ и ея зависимости отъ этого процесса; иными словами, это вопросъ о роли личности въ исторіи и въ смыслѣ противоположенія отдѣльныхъ дѣятелей („личности") массамъ („обществу"), и въ смыслѣ различенія между дѣятельностями личностей и безличнымъ общественнымъ процессомъ.

Общій соціологическій вопросъ о личности и обществѣ въ своихъ частныхъ постановкахъ—политической, юридической, экономической, психологической и исторіологической—имѣетъ весьма любопытную и поучительную исторію. Смыслъ этой исторіи,—по крайней мѣрѣ, для соціологіи—тотъ, что во всѣхъ указанныхъ постановкахъ мы встрѣчаемся съ двумя противоположными тенденціями, выражающимися въ теоріяхъ двухъ категорій: однѣ изъ нихъ выдвигаютъ на первый планъ идею личности, другія — идею общества; для однихъ цѣлымъ и самостоятельнымъ является личность, для другихъ значеніе такого цѣлаго и самостоятельнаго принадлежитъ обществу, отдѣльныя же личности суть только части этого самостоятельнаго цѣлаго. Соціологическая литература не представляетъ исключенія, ибо и въ ней обнаруживаются тѣ же двѣ тенденціи.

Постановка вопроса въ политической литературѣ. Между отдѣльными политическими теоріями существуетъ большое различіе, смотря по тому, какъ въ нихъ понимаются взаимныя отношенія личности и государства. Античное государство, допускавшее гражданина къ широкому участію во власти, до крайности ограничивало личную свободу этого самаго гражданина. Съ этой стороны новое пониманіе свободы существенно отличается отъ античнаго. Въ древности личность гражданина поглощалась государствомъ, и власть послѣдняго надъ первымъ была безграничной: свободою въ такомъ случаѣ называлось участіе въ этомъ властвованіи, какъ бы само по себѣ бывшее цѣлью. Въ новое время участіе гражданъ въ государственномъ правленіи разсматривается, лишь какъ средство для обезпеченія за отдѣльными личностями той индивидуальной свободы, которая состоитъ именно въ независимости личностей, требующей извѣстнаго ограниченія государственной власти въ ея отношеніяхъ къ гражданамъ. Вопросъ, насъ интересующій, и сводится къ двумъ основнымъ понятіямъ: съ одной стороны, мы имѣемъ дѣло съ

правами личности, съ другой — съ предѣлами власти государства. И въ практической жизни, и въ области теоретической мысли вопросъ этотъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ рѣшался различно — или въ сторону расширенія предѣловъ власти государства, или напротивъ, въ сторону расширенія личной свободы. Послѣдовательно проводя первую точку зрѣнія, мы придемъ къ теоретическому коммунизму, дѣлающему изъ отдѣльной личности служебную часть общины, какъ самодовлѣющаго цѣлаго. И наоборотъ, логическое развитіе противоположнаго принципа приводитъ къ теоретическому анархизму, при которомъ личность не признаётъ надъ собою никакой высшей власти, и всякая политическая организація, какъ организація, дѣлается невозможной. Между этими двумя крайностями, обязанными своимъ происхожденіемъ одностороннему возведенію въ принципъ лишь одного изъ основныхъ стремленій человѣческой природы, и располагается вся политическая литература по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ между личностью и обществомъ. Задача политической науки въ данномъ вопросѣ заключается въ томъ, чтобы найти извѣстный критерій, на основаніи котораго можно было бы примирить между собою обѣ противоположности. И, нужно замѣтить, политическая литература заключаетъ въ себѣ немало попытокъ, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи. Но лучше всего вопросъ выясняется путемъ сопоставленія болѣе крайнихъ теорій. Таковы, напримѣръ, политическія ученія двухъ мыслителей XVII вѣка, Гоббса и Локка, сравненіе между которыми особенно поучительно. Оба эти писателя признавали, что государственному быту предшествовало такъ называемое естественное состояніе, въ которомъ человѣкъ былъ вполнѣ предоставленъ своимъ индивидуальнымъ силамъ. Современная наука отвергла эту концепцію, признавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что человѣкъ всегда жилъ въ обществѣ себѣ подобныхъ, и что такого времени, когда бы онъ пользовался абсолютною свободою, никогда не существовало. Далѣе, оба писателя объясняли себѣ происхожденіе государства путемъ договора, который будто бы между собою заключили люди, жившіе раньше въ естественномъ состояніи; только мотивы и условія этого договора обоими писателями были поняты совершенно различно. Различіе мотивовъ, впрочемъ, для насъ здѣсь не имѣетъ существеннаго значенія. Другое дѣло — условія договора. У Гоббса люди отказываются отъ всѣхъ правъ, какими только обладали въ естественномъ состояніи, въ пользу государства, которое, благодаря этому, и пріобрѣтаетъ безграничную власть надъ своими гражданами.

Гоббсъ является настоящимъ предшественникомъ органической школы: его государство есть нѣчто въ родѣ громаднаго живого существа; оно—Левіаѳанъ, какъ бы самостоятельная личность (civitas est persona una). Въ такомъ государствѣ у гражданина нѣтъ ничего своего—до представленія о добрѣ и злѣ включительно. Религія и мораль являются только установленіями государства, коимъ гражданинъ долженъ безусловно повиноваться. Это есть отрицаніе свободы совѣсти во имя государственной религіи. Хорошаго и дурного самихъ по себѣ нѣтъ ничего: хорошимъ и дурнымъ гражданинъ долженъ считать то, что таковымъ предписываетъ ему считать государство. Такимъ образомъ ученіе Гоббса требовало поглощенія личности государствомъ. Оно воспроизводило античный взглядъ и вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствовало стремленіямъ новой государственности, которая утверждала свое всемогущество на развалинахъ средневѣковаго католико-феодальнаго строя. Теорія Локка отмѣтила другой процессъ новой исторіи, ея индивидуалистическую эволюцію, т.-е. стремленіе личности освободиться отъ всякой безграничной власти, гдѣ бы она ни находилась. По представленію Локка, вступая между собою въ договоръ, люди отказываются лишь отъ самой незначительной части своихъ естественныхъ правъ, сохраняя за собою всѣ остальныя. Государство Локка не есть всепоглощающій организмъ; оно только частный союзъ, имѣющій своею цѣлью поддержаніе внутренняго спокойствія и внѣшней безопасности. Благодаря этому, функціи государства у Локка до крайности ограничены, а за гражданами признаётся наибольшая свобода во всѣхъ сферахъ жизни, не касающихся непосредственно внутренняго спокойствія и внѣшней безопасности государства. Въ теоріи Гоббса, такъ сказать, совершенно исчезаетъ человѣческая личность, въ теоріи Локка государство превращается въ простой частный союзъ. Многочисленные критики обоихъ мыслителей XVII вѣка признали, что каждая изъ этихъ двухъ теорій—крайность и односторонность: истина должна лежать гдѣ-нибудь посрединѣ.

Разсматривая политическую литературу новаго времени въ ея историческомъ развитіи, мы находимъ въ ней писателей, которые болѣе отстаивали или права государства, или права личности. Общему духу новаго времени съ его освободительными движеніями гуманизма, протестантизма и „просвѣщенія“ XVIII вѣка болѣе соотвѣтствуетъ литература второго рода. Цѣлый рядъ писателей бралъ на себя благородную задачу утвержденія правъ человѣческой личности и огражденія ихъ отъ всякаго деспотизма. Эти писатели, такъ сказать, исходили изъ того

общаго положенія, что не гражданинъ существуетъ для государства, а государство для гражданина. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Вильгельмъ-фонъ-Гумбольдтъ, Бенжаменъ Констанъ, Джонъ Стюартъ Милль, особенно прославились въ принципіальной защитѣ индивидуальной свободы. Нужно, однако, замѣтить, что въ разное время такая защита происходила въ разныхъ областяхъ и на основаніи различныхъ аргументовъ. Ранѣе всего вопросъ возникъ въ религіозной области, когда реформація XVI вѣка поставила вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ индивидуума и государства въ дѣлахъ вѣры, и въ самомъ протестантизмѣ возникло два теченія, изъ коихъ одно провозгласило принципъ свободы совѣсти, другое — принципъ государственной церкви. Долгое время общій вопросъ получалъ главнымъ образомъ именно такую частную постановку. Въ настоящее время споръ между двумя основными концепціями ведется почти исключительно на другой почвѣ, именно на почвѣ экономической, въ формѣ вопроса о вмѣшательствѣ или невмѣшательствѣ государства въ экономическую жизнь страны. Понятно, что, напримѣръ, религіозная и экономическая области слишкомъ далеки одна отъ другой для того, чтобы можно было рѣшать вопросъ о свободѣ личности и предѣлахъ власти государства совершенно одинаково для обѣихъ областей. Между тѣмъ, политическіе мыслители, отстаивавшіе права личности, долгое время не дѣлали никакого различія между безусловной религіозной свободой и безусловной свободой промышленной, видя въ нихъ лишь два разныхъ примѣненія въ сущности одного и того же принципа.

Постановка вопроса въ экономической литературѣ. Ученіе о невмѣшательствѣ государства въ экономическую жизнь возникло въ XVIII вѣкѣ, сначала въ школѣ физіократовъ, проповѣдовавшихъ „господство природы“, подъ коимъ они разумѣли господство частныхъ интересовъ; тогда же явилась и формула laisser passer, laisser faire, сдѣлавшаяся въ XIX вѣкѣ девизомъ экономическаго либерализма. Такое ученіе было реакціей противъ практики стараго государства, которое налагало свою опеку на всѣ проявленія общественной жизни, вмѣшиваясь одинаково и въ дѣла вѣры, и въ дѣла промышленности во имя такъ или иначе понимаемаго raison d'état. Промышленная свобода сдѣлалась однимъ изъ лозунговъ прогрессивныхъ партій: необходимость ея доказывалась какъ ссылкою на естественное право личности свободно располагать своею собственностью и своимъ трудомъ, такъ и соображеніями общей пользы. Предполагалось,

что каждый лучше, чѣмъ кто-либо другой, знаетъ собственную выгоду и нуждается только въ томъ, чтобы ему немѣшали ее осуществлять, прилагая свой трудъ, какъ и гдѣ ему угодно. Предполагалось также, что свободное соперничество частныхъ интересовъ только одно и способно создать общественную гармонію: государство должно было предоставить экономическую жизнь ея собственному теченію, дѣйствію законовъ природы,—laisser passer, laisser faire! Только съ теченіемъ времени каждому непредубѣжденному человѣку сдѣлалось яснымъ, что такая теорія не выдерживаетъ критики. Если основатель политической экономіи, Адамъ Смитъ, вѣрилъ въ общественную гармонію, осуществляемую посредствомъ свободной конкурренціи частныхъ интересовъ, то въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв. ученія Мальтуса и Рикардо пробили такую брешь въ теоріи экономической гармоніи, что ее нельзя уже было задѣлать никакими софизмами. Уже Сисмонди, этотъ экономистъ-романтикъ въ одной сторонѣ своего ученія и предшественникъ соціализма въ другой, сталъ указывать на государство, какъ на силу, которая должна вмѣшиваться въ экономическую жизнь съ цѣлью защиты слабаго отъ эксплуатаціи сильнымъ. Съ теченіемъ времени эта идея стала дѣлать все большіе успѣхи, пока не побѣдила противоположную точку зрѣнія. Но это уже не то вмѣшательство, противъ котораго возстали экономисты XVIII вѣка. Тогда рѣчь шла о необходимости правительственной регламентаціи въ сферѣ промышленности и въ интересахъ государства, и во имя правъ государства, т.-е. въ сущности ради выгодъ государственной казны и въ видѣ осуществленія притязаній государства на неограниченное господство во всѣхъ областяхъ частной и общественной жизни. Теперь дѣло было поставлено иначе: государственное вмѣшательство стало разсматриваться, какъ средство, цѣль коего—въ непосредственномъ благѣ индивидуумовъ, составляющихъ изъ себя общество, т.-е. это уже вмѣшательство не во имя правъ государства надъ личностью, а во имя правъ личности на общественную защиту, не въ интересахъ государства, какъ цѣлаго, требующаго жертвъ со стороны отдѣльныхъ своихъ частей, а именно въ интересахъ этихъ самыхъ его частей, т.-е. отдѣльныхъ личностей. Послѣднее замѣчаніе позволяетъ намъ сдѣлать такое общее замѣчаніе по интересующему насъ вопросу. Уваженіе къ правамъ личности должно полагать извѣстный предѣлъ государственному вмѣшательству въ частную жизнь, но послѣднее вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть оправдываемо и съ индивидуалистической точки зрѣнія, если вызывается необходимостью помочь личности отстоять и осуществить

свои права въ борьбѣ съ неблагопріятными соціальными условіями, въ какія она можетъ быть поставлена. Новая теорія государственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь и, слѣдовательно, ограниченія промышленной свободы такимъ образомъ отнюдь не противорѣчитъ тому принципу, по которому, напр., государство не имѣетъ права диктовать гражданамъ, во что они должны вѣрить. Одно дѣло—принесеніе личныхъ правъ въ жертву государству, другое дѣло — пользованіе правами государства для огражденія законныхъ интересовъ личности.

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ индивидуума и государства въ экономической области разсматривался и до сихъ поръ разсматривается одинаково и въ политической, и въ экономической литературѣ, поскольку онъ одинаково касается и государства, и экономической жизни. Но въ политической экономіи вопросъ о личности и обществѣ получаетъ еще и другую постановку— о самомъ хозяйственномъ строѣ, который можетъ быть основанъ на двухъ противоположныхъ началахъ индивидуализма и коллективизма. Чисто политическая теорія государственнаго вмѣшательства предполагаетъ, что экономическій строй общества остается тотъ же самый, какой имѣютъ въ виду сторонники принципа laisser passer, laisser faire, т.-е. экономическій строй, основанный на частной собственности и частномъ хозяйствѣ, словомъ, на принципѣ индивидуализма. Все различіе между двумя теоріями въ томъ, что одна предоставляетъ индивидуальнымъ силамъ, участвующимъ въ экономической жизни общества, вѣдаться между собою, какъ онѣ сами того хотятъ или какъ кто можетъ, другая же теорія находитъ нужнымъ вносить сюда извѣстный коррективъ, дабы помогать въ неравной борьбѣ тому, кто въ такой помощи нуждается, но обѣ теоріи признаютъ одинаково правомѣрность экономическаго индивидуализма, разумѣя подъ послѣднимъ систему частныхъ хозяйствъ, хотя бы на самомъ дѣлѣ такая система (наприм., при господствѣ капиталистическаго хозяйства) наименѣе соотвѣтствовала благополучію наибольшаго количества индивидуумовъ въ обществѣ. Экономическая теорія физіократовъ и школы Адама Смита исходила именно изъ индивидуалистическаго представленія о народномъ хозяйствѣ. Въ XIX столѣтіи и противъ этого представленія возникла реакція, выдвинувшая впередъ принципъ не личнаго, индивидуальнаго, а общественнаго, коллективнаго хозяйства. Уже такъ называемые утопическіе соціальные реформаторы начала XIX в., Сенъ-Симонъ, Фурье и Оуэнъ, провозгласили принципъ ассоціаціи, которая должна замѣнить собою экономическую раз-

розненность частныхъ предпріятій. Въ тридцатыхъ годахъ новое направленіе получило и новое названіе—„соціализмъ“, которое и утвердилось за нимъ впослѣдствіи. Это слово должно было выражать противоположность индивидуализма, коему теперь была объявлена война, какъ началу противообщественному, причемъ ранній соціализмъ, исходя главнымъ образомъ изъ моральной идеи, обнаружилъ сильную склонность разрѣшать всѣ спорные пункты между личностью и обществомъ не въ пользу личности. Позднѣйшій соціализмъ сдѣлался ученіемъ преимущественно, если не исключительно, экономическимъ, отказавшись, напр., отъ задачи создать новую соціальную религію, которой должны были бы подчиняться всѣ члены общества. Въ этомъ новомъ, такъ сказать, безпримѣсномъ видѣ соціализмъ является экономической теоріей, ставящей принципъ коллективизма на мѣсто принципа индивидуализма, т.-е. провозглашающей принципъ организованнаго общественнаго хозяйства, вмѣсто системы разрозненныхъ частныхъ хозяйствъ.

Общія замѣчанія о постановкѣ вопроса въ политической и экономической литературѣ. Въ политической и экономической литературѣ вопросъ о личности и обществѣ распадается, собственно говоря, на три вопроса. Два изъ нихъ имѣютъ или спеціально политическій, или спеціально экономическій характеръ: это вопросы о взаимныхъ отношеніяхъ индивидуума и государства и о преимуществахъ индивидуальнаго или коллективнаго хозяйства. Третій вопросъ — о вмѣшательствѣ государства въ промышленную жизнь—имѣетъ и политическое, и экономическое значеніе, представляя изъ себя въ сущности связующее звено между двумя другими вопросами. Разграничивая права индивидуума и права государственной власти, мы должны дѣлать это особо для каждой сферы соціальной жизни въ отдѣльности: и съ этой точки зрѣнія вопросъ о правахъ личности и о правахъ государства въ экономической жизни есть только часть общаго вопроса, рѣшаемаго политической наукой. Съ другой стороны, вмѣшательство государства въ экономическую жизнь есть, такъ сказать, первый шагъ на пути общественной организаціи экономическихъ отношеній, прекращающей отдѣльное и независимое существованіе разрозненныхъ хозяйственныхъ предпріятій: это (въ логическомъ порядкѣ, по крайней мѣрѣ) этапъ отъ полной индивидуализаціи къ полной соціализаціи экономической жизни. Современное научное сознаніе пришло къ тому выводу, что въ интересахъ личнаго развитія и благополучія необходимо довести до minimum'а власть

государства въ духовной сферѣ и, наоборотъ, усилить эту власть въ сферѣ экономической. Въ прежнія времена опасались, что всякое расширеніе сферы дѣятельности государства будетъ опасно для личной свободы, но мало-по-малу научились различать между расширеніемъ этой власти, какъ цѣлью, т.-е. усиленіемъ государственнаго начала самого по себѣ, и расширеніемъ той же власти, какъ средствомъ для достиженія такихъ результатовъ, которые не по силамъ отдѣльнымъ личностямъ. Это принципъ государственнаго вмѣшательства не ради господства надъ обществомъ, какъ совокупностью гражданъ, а ради служенія интересамъ этихъ самыхъ гражданъ. Въ послѣднемъ смыслѣ, напримѣръ, государственная организація народнаго образованія,— которую такіе индивидуалисты, какъ Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ и Бенжаменъ Констанъ, хотѣли бы предоставить всецѣло частной инициативѣ,— является именно однимъ изъ видовъ помощи, какую способно оказывать государство гражданамъ въ ихъ индивидуальныхъ стремленіяхъ, лишь бы эта организація не ставила себѣ тѣхъ цѣлей, какими задавалось старое государство, считавшее себя въ правѣ диктовать своимъ подданнымъ, во что они должны вѣровать, и грозившее имъ карами за неповиновеніе своему всепоглощающему авторитету. Прибавимъ ко всему этому, что государство не только можетъ и должно вмѣшиваться въ экономическія отношенія (не ради господства надъ обществомъ, а ради служенія обществу), но что оно неизбѣжно должно имѣть и свое собственное хозяйство. Прежняя индивидуалистическая теорія высказывалась самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ всякихъ экономическихъ предпріятій государственнаго характера, но жизнь не оправдала пессимистическихъ предсказаній о томъ, что государство въ роли хозяина окажется совершенно несостоятельнымъ. Но вѣдь былъ и такой моментъ — въ эпоху французской революціи, — когда объявлена была во имя индивидуальной свободы война всякому проявленію ассоціаціи въ сферѣ экономическихъ отношеній. Эта пора миновала, и ей больше не вернуться назадъ!

Отъ нашего вниманія не должна ускользнуть и еще одна особенность постановки интересующаго насъ вопроса въ политической и экономической литературѣ. Именно отношеніями между личностью и обществомъ мы можемъ интересоваться чисто теоретически, добиваясь узнать, каковыми они бываютъ, почему они таковы и какъ они измѣняются, или интересоваться, наоборотъ, съ точки зрѣнія болѣе практической, дабы установить, какими эти отношенія должны быть. Въ политической и эко-

номической литературѣ вопросъ получалъ главнымъ образомъ эту послѣднюю постановку, причемъ принципами для рѣшенія какъ общаго, такъ и частныхъ вопросовъ были права личности и общественная польза, между коими, однако, нерѣдко обнаруживался антагонизмъ, заставлявшій многихъ слишкомъ рѣшительно становиться на ту или другую сторону. Но изъ слишкомъ исключительнаго пониманія правъ личности выводилась теорія, которая приводила логически къ праву сильнаго безъ зазрѣнія совѣсти эксплуатировать слабаго, что едва ли входитъ въ программу истиннаго индивидуализма. Или, съ другой стороны, идею общественной пользы можно расширить до такой степени, что она ничѣмъ не будетъ отличаться отъ принципа государственной необходимости (raison d'état), которою оправдывались въ свое время такіе порядки, какъ крѣпостное право, и всякія деспотическія мѣры, нарушавшія самыя элементарныя права личности. Въ постановкѣ вопроса о томъ, каковы *должны быть* отношенія личности и государства (или общества), существенное значеніе имѣетъ та цѣль, которая при этомъ мыслится, какъ принципъ, опредѣляющій собою то или другое долженствованіе. Эта цѣль можетъ заключаться либо въ личностяхъ, изъ коихъ состоитъ общество, либо въ самомъ обществѣ, какъ особомъ существѣ, для котораго только и существуютъ составляющіе его индивидуумы. Послѣдняя точка зрѣнія была представлена въ политической литературѣ особенно Платономъ и Гоббсомъ, а въ новѣйшее время мистическимъ соціализмомъ или сектантскимъ коммунизмомъ. Прежняя политическая литература, беря это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, оставила въ наслѣдство соціологіи эту дилемму: есть ли общество лишь совокупность извѣстнымъ образомъ связанныхъ между собою индивидуумовъ, изъ коихъ каждый въ самомъ себѣ носитъ цѣль своего существованія, или оно само есть особое существо, имѣющее свою цѣль, независимую отъ цѣлей составляющихъ общество единицъ. Мы увидимъ, что соціологія зародилась въ такую эпоху и въ такомъ общественномъ теченіи, въ коихъ довольно рѣшительно выдвинулась впередъ вторая точка зрѣнія. Мы увидимъ также, что въ нѣдрахъ самой соціологіи возникла и оппозиція противъ такой точки зрѣнія.

Еще одно замѣчаніе. Въ какомъ бы смыслѣ старая политическая и экономическая литература ни рѣшала вопросъ (т.-е., говоря коротко, въ пользу личности или въ пользу общества, хотя, конечно, это нельзя назвать точнымъ выраженіемъ дилеммы), она ставила вопросъ исключительно на точку зрѣнія

долженствованія, исходя изъ отвлеченныхъ понятій и давая свои отвѣты на основаніи общихъ соображеній—безъ изученія исторической дѣйствительности. Первый шагъ къ научному рѣшенію вопроса, которое можетъ быть основано лишь на изученіи дѣйствительности, былъ сдѣланъ исторической школою политическихъ мыслителей и изслѣдователей экономическихъ вопросовъ. Всякое рѣшеніе вопроса о должномъ безъ знанія того, что̀ возможно, конечно, будетъ неполно и ошибочно. Историческое изученіе политическихъ и экономическихъ фактовъ открыло, что взаимныя отношенія между личностью и обществомъ въ сферѣ государственной и хозяйственной жизни бываютъ весьма различныя, что опредѣляются они какъ степенью личнаго развитія въ данномъ обществѣ, такъ и внѣшними, и внутренними условіями существованія самого общества, что на разныхъ стадіяхъ соціальнаго развитія одни и тѣ же отношенія были бы неодинаково полезны, если бы даже были возможны, или неодинаково необходимы, если бы даже были вполнѣ справедливы. Сравнительное изученіе тѣхъ же фактовъ позволило установить нѣкоторыя общія истины, касающіяся эволюціи интересующихъ насъ политическихъ и экономическихъ отношеній между личностью и обществомъ. Задача соціологіи—открыть законы этихъ отношеній, охватить все ихъ разнообразіе съ причинами тѣхъ или другихъ комбинацій, какія только здѣсь встрѣчаются, и выяснить тѣ стремленія, которыя производятъ всѣ измѣненія въ этихъ отношеніяхъ и такимъ образомъ вызываютъ ихъ эволюцію.

Тотъ же вопросъ съ юридической точки зрѣнія. Юридическая точка зрѣнія возможна и въ политическихъ, и въ экономическихъ вопросахъ, т.-е. въ вопросахъ государства и хозяйства. Въ цивилизованныхъ націяхъ мѣра свободы гражданъ и предѣлы власти государства получаютъ юридическое опредѣленіе. Юридическія опредѣленія охватываютъ собою и разныя экономическія отношенія общества. Историческое и сравнительное изученіе права показываетъ, что на раннихъ ступеняхъ своего развитія право призвано было охранять интересы не столько отдѣльныхъ личностей, сколько разныхъ общественныхъ союзовъ. Индивидуализмъ въ правѣ—явленіе сравнительно болѣе позднее. Теоретически на точку зрѣнія личности стали ставить вопросы права впервые развѣ только греческіе софисты. Лишь долгимъ процессомъ мысли—да и то подъ вліяніемъ чисто индивидуалистической философіи стоиковъ—римскіе юристы выработали свое „естественное право“, которое провозгласило, что всѣ люди

рождаются свободными. Свобода лица сдѣлалась главнымъ принципомъ юриспруденціи, и было признано, что границею свободы одного лица можетъ служить лишь свобода другого. Эта точка зрѣнія получила особое примѣненіе въ теоретической разработкѣ гражданскаго права, регулирующаго взаимныя отношенія членовъ общества: здѣсь индивидуумъ ставится лицомъ къ лицу не съ цѣлымъ обществомъ, которое такъ или иначе ограничиваетъ его права или стѣсняетъ сферу его дѣятельности, а съ другими индивидуумами, имѣющими права, равныя съ его, даннаго индивидуума, правами. Съ такой точки зрѣнія само общество превращается въ простую совокупность индивидуумовъ, ставящихъ свою свободу и свои интересы подъ защиту права: вся роль государства сводится здѣсь къ тому, чтобы создавать это право (законодательная власть), примѣнять право въ отдѣльныхъ случаяхъ (судебная власть) и фактически возстановлять нарушенное право или наказывать за его нарушеніе. Вся философія естественнаго права, которая господствовала въ общественной литературѣ XVIII в., была не чѣмъ инымъ, какъ перенесеніемъ въ сферу политическихъ и экономическихъ отношеній такого представленія о личности, само же представленіе это выработалось именно въ цивилистикѣ. Гражданское право исходитъ изъ понятія лица, и къ этому понятію возвращается: личность въ себѣ самой носитъ цѣль своего существованія, и ея права находятъ границу лишь въ правахъ другихъ личностей; право личности ограничивается не для того, чтобы сдѣлать ее орудіемъ для достиженія цѣли, ей посторонней, а для того, чтобы помѣшать ей превратить другія личности въ орудія ея собственныхъ цѣлей. Выше лица цивилистика ничего не знаетъ: цѣлыя соединенія отдѣльныхъ лицъ, которыя съ другихъ точекъ зрѣнія могли бы разсматриваться, какъ единицы высшаго порядка, цивилистика включаетъ въ свою систему отдѣльныхъ индивидуумовъ, признавая за ними значеніе только особой категоріи лицъ: эти, какъ ихъ называютъ, юридическія лица пользуются тѣми же правами, какія принадлежатъ и лицамъ физическимъ. Даже само государство для цивилиста можетъ быть лишь такимъ юридическимъ лицомъ. Съ политической точки зрѣнія индивидуумъ есть все-таки часть цѣлаго, а съ юридической (цивилистической) точки зрѣнія онъ прежде всего лицо, т.-е. самъ есть нѣчто цѣлое, самостоятельное, самодовлѣющее.

Понятно, что общественная наука, разсматривающая лишь отношенія личности къ другимъ личностямъ (или къ юридическимъ лицамъ) и притомъ съ одной только точки зрѣнія за-

щиты ея свободы, правъ и интересовъ, не можетъ распространять своихъ положеній на всѣ отношенія, какія возникаютъ между личностью и обществомъ, ибо если съ цивилистической точки зрѣнія общество является простою совокупностью частныхъ лицъ, ограждающихъ свою свободу, свои права и свои интересы, то съ точекъ зрѣнія политической, экономической и культурной общество есть нѣчто большее, по крайней мѣрѣ, нѣчто болѣе сложное. Но, съ другой стороны, соціологія, ставящая своею цѣлью всестороннее изученіе общества, не можетъ игнорировать и той постановки, какую вопросъ о личности и обществѣ, какъ совокупности личностей, получилъ въ цивилистикѣ. Между тѣмъ на первыхъ порахъ соціологія совершенно отрѣшилась отъ такой точки зрѣнія. Положительная наука объ обществѣ зародилась въ эпоху общей реакціи противъ общественной философіи XVIII вѣка, заимствовавшей главныя свои положенія изъ ученій „естественнаго права", но это было большою ошибкою основателя новой науки, что онъ исключилъ идеи гражданскаго права изъ своей системы. Цивилистическое представленіе лица имѣетъ психологическое и этическое основаніе. Оно имѣетъ этическое основаніе потому, что съ нравственной точки зрѣнія личность есть сама своя цѣль и не можетъ разсматриваться, какъ только средство или орудіе для цѣлей, ей чуждыхъ. Но на этической сторонѣ вопроса, о которой рѣчь еще впереди, мы здѣсь настаивать не будемъ. Для нашей цѣли пока достаточно одного психологическаго основанія для признанія за лицомъ того значенія, какое ему приписываетъ юриспруденція. Вѣдь въ человѣческомъ обществѣ мыслятъ и чувствуютъ, наслаждаются и страдаютъ, ощущаютъ желанія и ставятъ себѣ цѣли только отдѣльныя личности, и только онѣ могутъ быть истинными субъектами права.

Подобно государствовѣдѣнію и политической экономіи прежнихъ временъ, старая юриспруденція ставила свои вопросы слишкомъ отвлеченно и безотносительно. Образованіе исторической школы права, возникновеніе сравнительнаго правовѣдѣнія, сближеніе юриспруденціи съ другими общественными науками и вліяніе, какое на нее уже успѣла оказать соціологическая мысль, были весьма важными условіями въ развитіи правильныхъ взглядовъ на положеніе личности въ обществѣ съ цивилистической точки зрѣнія. Новое направленіе науки и здѣсь обнаружило извѣстную эволюцію, которая есть только одна изъ частныхъ сторонъ общей эволюціи взаимныхъ отношеній личности и общества, взятаго и въ смыслѣ простой суммы индивидуумовъ, и въ смыслѣ постоян-

ной системы отношеній, т.-е. въ смыслѣ культурнаго единства и соціальной организаціи.

Постановка вопроса въ психологіи и исторіологіи. Въ моментъ своего возникновенія соціологія имѣла передъ собою, кромѣ индивидуалистической юриспруденціи, которую она сразу отвергла, политическія и экономическія ученія двоякаго рода: одни имѣли характеръ болѣе или менѣе индивидуалистическій и продолжали традиціи XVIII вѣка; въ другихъ, наоборотъ, находила одно изъ своихъ выраженій тогдашняя реакція противъ индивидуализма XVIII вѣка, реакція главнымъ образомъ культурная, соединявшаяся большею частью съ реакціей и политико-соціальнаго характера, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, напротивъ того, ставившая весьма смѣло задачу кореннаго переустройства общества на совершенно новыхъ началахъ, противоположныхъ какъ „старому порядку", такъ и индивидуалистической философіи XVIII вѣка. Контъ вмѣстѣ съ индивидуалистическою юриспруденціей отвергъ и подобнаго же рода политическія и экономическія теоріи, характеризовавшія тогдашній либерализмъ, чтобы примкнуть къ ученіямъ противоположнаго характера. Если бы въ то время уже существовала коллективная психологія, которая сама начала складываться уже подъ вліяніемъ соціологической мысли, онъ, конечно, не преминулъ бы обратиться къ ней для обоснованія своихъ соціологическихъ взглядовъ, но въ его распоряженіи была только одна индивидуальная психологія, и вотъ онъ, объясняя умственную эволюцію человѣчества, совершенно удовлетворился фикціей индивидуума, который вѣчно живетъ и постоянно учится. Мы увидимъ, что въ самой коллективной психологіи, — первыя попытки которой относятся уже къ нашему времени, — возникло двоякое пониманіе взаимныхъ отношеній между индивидуальной и коллективной душой. Уже у реакціонныхъ писателей начала XIX вѣка и въ исторической школѣ права мы встрѣчаемся съ идеей народнаго духа, или коллективнаго сознанія, противополагающагося личному разуму, въ коемъ и крайніе реакціонеры, и самые смѣлые реформаторы видѣли причину всякихъ золъ.

Въ это же самое время происходилъ переворотъ и въ исторіологическихъ взглядахъ, который былъ нами отмѣченъ раньше: XVIII вѣкъ представлялъ историческій процессъ, какъ результатъ дѣятельности личностей, вѣрилъ въ силу человѣческаго творчества и объяснялъ имъ однимъ какъ происхожденіе, такъ и преобразованія языковъ, религій, законовъ, образовъ правленія и т.-п., теперь же явилось ученіе о безличномъ процессѣ

соціальной эволюціи. Философская и исторіологическая постановка вопроса о личности и обществѣ, какую мы находимъ въ литературѣ начала XIX в., равнымъ образомъ исходила изъ желанія опредѣлить, каковы должны быть отношенія между личностью и обществомъ. Предшествующая эпоха провозгласила „права человѣка и гражданина", съ коими должно было сообразоваться и государственное устройство, и этимъ признала за личностью право на переустройство общества, согласное съ ея видами и стремленіями. Реакціонная школа объявила такой взглядъ дерзкой ересью и, выставивъ противоположный тезисъ, взяла на себя задачу теоретически обосновать свою точку зрѣнія. Ею была выработана новая концепція исторіи, какъ процесса, совершающагося въ силу причинъ, глубоко заложенныхъ въ самыя основы общественнаго бытія, но ожесточеніе, съ какимъ представители этого направленія нападали на дерзновенный личный разумъ, обнаруживаетъ, что въ глубинѣ души они считали этотъ личный разумъ далеко не такимъ безсильнымъ, какимъ ему полагалось быть по ихъ исторіологической концепціи. Они смутно вѣрили все-таки въ его силу, но только видѣли въ немъ не орудіе добра, какъ мыслители XVIII вѣка, а причину зла: все доброе для нихъ заключалось въ идеализированномъ общемъ сознаніи или народномъ духѣ, который самъ былъ только олицетвореніемъ традиціоннаго догматизма, стаднаго чувства, инстинктивнаго подчиненія существующимъ порядкамъ и пассивнаго повиновенія установленнымъ властямъ. Понятно, что у реакціонныхъ писателей должна была выработаться и своеобразная психологія, приглашавшая личность къ полному культурному поглощенію въ массѣ.

Реакція противъ индивидуализма въ общественныхъ теоріяхъ начала XIX вѣка. Реакція противъ политической метафизики XVIII вѣка, подготовившая почву для положительной науки объ обществѣ [1]), была и реакціей противъ индивидуализма. Въ то самое время, какъ Жозефъ де Местръ доказывалъ, что общество не есть и быть не можетъ дѣломъ человѣческихъ рукъ, другой писатель той же школы проповѣдовалъ, что общество, какъ всякое живое существо, имѣетъ свои собственныя цѣли, и что эти цѣли имъ самимъ и осуществляются въ его историческомъ бытіи путемъ подчиненія этимъ цѣлямъ—индивидуумовъ, составляющихъ общество. „Человѣкъ, буквально заявлялъ Бональдъ, существуетъ только *для* общества; общество

[1]) См. выше, стр. 9—11.

формируетъ его только *ради* самого себя". По его словамъ, не можетъ быть ни малѣйшаго колебанія, на сторону какой формулы стать изъ двухъ формулъ, раздѣляющихъ между собою всѣ умы въ Европѣ: или „человѣкъ дѣлаетъ самого себя и дѣлаетъ общество", или же „общество само себя дѣлаетъ и дѣлаетъ человѣка". Бональдъ, кромѣ того, ставитъ въ упрекъ философамъ XVIII вѣка, что они занимались лишь индивидуальнымъ человѣкомъ, отдѣльнымъ *я*: свою философію онъ называлъ философіей общественнаго человѣка, философіей не *я*, а *мы* (philosophie du *nous*). Наконецъ, онъ говорилъ, что „въ обществѣ нѣтъ правъ, а есть только обязанности". Балланшъ, тоже писатель реакціонной школы, равнымъ образомъ доказывалъ безсиліе личности и требовалъ ея подчиненія цѣлямъ общества. Съ особою настойчивостью онъ говорилъ о значеніи традиціи и непрерывности общественной жизни во времени и пространствѣ. Человѣкъ съ этой точки зрѣнія только „воспринимаетъ и слѣдуетъ движеніямъ, получаемымъ имъ отъ того цѣлаго (le tout), часть коего онъ составляетъ. Индивидуальность существуетъ не для него въ этомъ мірѣ". Извѣстно, что Жозефъ де Местръ оказалъ сильное вліяніе на Конта. Бональдъ былъ также въ большомъ почетѣ у Сенъ-Симона, непосредственнаго учителя Конта. Самъ сенъ-симонизмъ, особенно у главарей школы, отличался рѣзкимъ анти-индивидуалистическимъ характеромъ: какъ религія, это соціальное ученіе явилось сколкомъ съ средневѣковаго католицизма — до полнаго поглощенія личности въ общинѣ, до безусловнаго подчиненія ея авторитету религіозной власти. Тотъ же духъ, враждебный „правамъ человѣка и гражданина" и индивидуальной свободѣ, царствовалъ и въ мистическихъ системахъ болѣе позднихъ соціальныхъ реформаторовъ, Бюшеза и Пьера Леру. Наконецъ, такимъ же характеромъ отличается коммунизмъ Кабе, у котораго общество, взявшее на себя осуществленіе всеобщаго счастья, „все въ себѣ сосредоточиваетъ, всѣмъ располагаетъ, все направляетъ, подчиняетъ всѣ воли и всѣ дѣйствія своему правилу, своему порядку, своей дисциплинѣ". Среди соціальныхъ ученій двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ только фурьеризмъ отстаивалъ и даже развивалъ до крайнихъ логическихъ послѣдствій принципъ индивидуальной свободы.

ГЛАВА XIII.

Личность и общество въ соціологической литературѣ.

Реакція противъ индивидуализма у Конта. Контъ воспитался и жилъ въ той духовной атмосферѣ, въ которой только и могла зародиться и получить дальнѣйшее развитіе эта реакція противъ индивидуализма. Основатель соціологіи придалъ по этому новой наукѣ рѣзкій анти-индивидуалистическій характеръ. Подобно писателямъ реакціонной школы и представителямъ зарождавшагося соціализма, онъ началъ заниматься общественными вопросами не въ качествѣ чистаго теоретика, а ища выхода изъ кризиса, переживавшагося европейскимъ обществомъ послѣ французской революціи и не одному Конту казавшагося анархіей. Мысль о необходимости соціальной реорганизаціи была такимъ образомъ отправнымъ пунктомъ Конта, и свою задачу онъ думалъ исполнить, отвергнувъ пагубный индивидуализмъ „критической эпохи". Корень этого индивидуализма онъ усматриваетъ въ личномъ разумѣ, который онъ называетъ „свободнымъ изслѣдованіемъ индивидуума" (le libre examen individuel): это—основной источникъ всѣхъ видовъ индивидуальной свободы. Въ свое время этотъ догматъ былъ необходимъ (именно въ формѣ свободы совѣсти), но изъ того, что когда-то онъ принесъ пользу, отнюдь, думаетъ Контъ, не слѣдуетъ, будто это узаконяваетъ его значеніе на вѣчныя времена. Для свободы совѣсти нѣтъ мѣста, да и быть не можетъ мѣста для свободы совѣсти въ астрономіи, физикѣ или химіи; просто нелѣпо было бы не вѣрить на слово (de ne pas croire de confiance) компетентнымъ людямъ, устанавливающимъ истины этихъ наукъ. То же самое должно быть и съ политикою, превращенною въ настоящую науку: нѣтъ общества, если ты провозглашаешь „суверенитетъ каждаго индивидуальнаго разума"! Когда исчезнетъ свобода изслѣдованія, исчезнутъ и учрежденія, съ нею связанныя, а въ ихъ числѣ изчезнетъ и право, это „безнравственное и анархическое понятіе": въ реорганизованномъ обществѣ существовать будутъ лишь обязанности. Индивидуальный человѣкъ есть простая абстракція; реально только общество. Позднѣе Контъ пришелъ къ тому выводу, что люди суть не „отдѣльныя существа" (êtres séparés), а „органы Великаго Существа". Критическая доктрина (т.-е. инди-

видуализмъ XVIII вѣка) только разъединяетъ людей, а потому она должна быть замѣнена принципомъ общительности, который ихъ сближаетъ. Этотъ принципъ Контъ нашелъ, подобно другимъ своимъ современникамъ, въ средневѣковомъ католицизмѣ. Позитивная философія должна только завершить дѣло, столь успѣшно начатое католицизмомъ. Роль духовенства переходитъ къ ученымъ. Въ научной области никто не смѣетъ выражать свое мнѣніе, не запасшись знаніями: не иначе должно быть и въ политикѣ, разъ рѣчь идетъ о самыхъ важныхъ и трудныхъ вопросахъ. Что остается свободнымъ отъ подчиненія духовной власти, то отдается Контомъ въ вѣдѣніе власти свѣтской, которую онъ представляетъ себѣ въ видѣ диктатуры. Недаромъ Милль характеризовалъ политическую систему Конта, какъ „самую законченную систему духовнаго и свѣтскаго деспотизма, которая только выходила изъ головы одного человѣка, за исключеніемъ, быть можетъ, Игнатія Лойолы“. Благодаря именно такому характеру своему, ученіе Конта было встрѣчено враждебно не только реакціонерами, видѣвшими въ основателѣ позитивизма вольнодумца и атеиста, но и либералами за то, что онъ изгонялъ свободу изъ человѣческаго общества. Въ глазахъ многихъ сама соціологія сдѣлалась синонимомъ ученія о поглощеніи личности обществомъ, о подавленіи индивидуальной свободы и о безграничномъ расширеніи правъ общественной власти. Думать, однако, такъ значитъ смѣшивать въ своемъ умѣ двѣ разныя вещи: самую науку объ обществѣ, которая можетъ быть построена и на иномъ пониманіи личнаго начала, и одно изъ общихъ представленій объ обществѣ, нерѣдко высказывавшееся въ литературѣ еще до возникновенія соціологіи и могущее существовать вообще и внѣ соціологіи. Въ Контѣ слѣдуетъ различать основателя положительной науки объ обществѣ, опредѣлившаго ея предметъ, задачу и методъ, и одного изъ представителей идейной реакціи противъ индивидуализма XVIII вѣка. Однимъ изъ первыхъ сумѣлъ сдѣлать это различеніе Милль, авторъ книги „О свободѣ“, одного изъ лучшихъ литературныхъ памятниковъ прогрессивнаго индивидуализма.

Соціологическая постановка вопроса. Соціологія должна ставить вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между личностью и обществомъ и шире, и научнѣе, чѣмъ дѣлали это въ свое время болѣе старыя общественныя науки. По самому существу своему государствовѣдѣніе, юриспруденція и политическая экономія разсматриваютъ только извѣстныя стороны этихъ отношеній, причемъ даже въ своей совокупности они не исчерпываютъ всего

вопроса. Задача соціологіи—разсмотрѣть вопросъ со всѣхъ сторонъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и глубже вникнувъ въ его сущность. Болѣе старыя общественныя науки рѣшали вопросъ о томъ, какія отношенія должны существовать между личностью и обществомъ, разсматривалось ли послѣднее, какъ единое цѣлое, какъ государство (политическая точка зрѣнія), или какъ совокупность индивидуумовъ, т.-е. такъ называемое гражданское общество (цивилистическая точка зрѣнія), или же съ хозяйственной стороны своего существованія (экономическая точка зрѣнія); соціологія же прежде всего должна поставить вопросъ, въ чемъ заключаются взаимныя отношенія между личностью и обществомъ, взятымъ во всѣхъ его проявленіяхъ, какія отношенія бываютъ между ними и вообще между ними возможны. Эта чисто-научная точка зрѣнія, присущая соціологіи, повліяла на постановку вопроса и въ старшихъ наукахъ, которыя въ своихъ историческихъ и сравнительно-историческихъ направленіяхъ изучаютъ въ настоящее время и фактическія отношенія между личностью и обществомъ. Изслѣдуя предметъ со всѣхъ сторонъ и выдвигая на первый планъ общій consensus культурныхъ, экономическихъ, юридическихъ и политическихъ явленій,—къ числу коихъ относятся и различныя отношенія между личностью и обществомъ,—соціологія должна найти ихъ общую основу, тѣ таящіяся въ самой глубинѣ общественной жизни начала, лежащія въ основѣ тѣхъ или другихъ отношеній, какія только наблюдаются въ дѣйствительности. Научное значеніе всѣхъ теорій, возникшихъ въ видѣ реакціи индивидуалистическимъ ученіямъ XVIII вѣка, заключалось въ томъ, что они сдѣлали предметомъ особаго вниманія самую общественность, какъ бы расплывчато и туманно ни было это понятіе въ большей части этихъ теорій. Правда, представители анти-индивидуалистической реакціи поторопились рѣшить вопросъ, не давши себѣ труда его поставить, и рѣшили его въ смыслѣ полнаго отрицанія личности и притомъ подъ вліяніемъ чисто практическихъ соображеній, едва подозрѣвая, что у вопроса есть и чисто теоретическая сторона; но создавая новое понятіе общества, болѣе широкое, чѣмъ понятіе государства или общества, взятаго лишь въ юридическомъ либо экономическомъ смыслѣ, понятіе общества, какъ чего-то, со всѣхъ сторонъ охватывающаго личность и ее опредѣляющаго, образующаго, прямо производящаго, эти писатели вырабатывали, такъ сказать, новый объектъ для научнаго изученія. Контъ, который лучше другихъ понялъ задачу общественной науки, шедшей на смѣну политической ме-

тафизики XVIII вѣка, не сумѣлъ, однако, поставить вопросъ, насъ теперь интересующій, надлежащимъ образомъ. И у него все-таки основная мысль опредѣляется тѣмъ, каковы должны быть отношенія между личностью и обществомъ, да и само общество берется у него преимущественно съ политической своей стороны, какъ извѣстная организація, въ которой должна существовать власть, создающая и поддерживающая въ обществѣ порядокъ и руководящая его движеніями. У Конта, скажемъ даже, еще совсѣмъ нѣтъ настоящей соціологической постановки вопроса о личности и обществѣ: этому вопросу суждено было лишь мало-по-малу выдвинуться впередъ въ соціологической литературѣ. Если XVIII в. преувеличивалъ значеніе личнаго начала, то представители антииндивидуалистической реакціи преувеличили значеніе общественности и прямо дошли до противоположной крайности, сдѣлавъ попытку совсѣмъ устранить личное начало изъ своихъ соображеній о природѣ общества.

Это соціологическое увлеченіе должно было однако вызвать оппозицію со стороны и реакцію въ нѣдрахъ самой позитивной науки объ обществѣ. Оппозиція со стороны не могла, впрочемъ, дать ничего новаго для рѣшенія вопроса: она исходила изъ понятій и вращалась въ кругу идей, противъ которыхъ не безъ основанія возстала новая наука. Гораздо важнѣе была реакція, возникшая въ самой соціологической литературѣ. Если одна часть соціологовъ успокоилась на представленіи общества, какъ организма, даже не подозрѣвая, что существуетъ какой-то вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между общественностью и личнымъ началомъ, то другая часть, усвоивъ новое понятіе общества, пошла далѣе и стала сомнѣваться, вѣрно ли еще то, что научное пониманіе общественности несовмѣстимо съ признаніемъ и личнаго начала. Эта группа соціологовъ,—къ коей слѣдуетъ причислить называвшихся уже не разъ русскихъ представителей нашей науки, весьма рано пришедшихъ къ правильной постановкѣ вопроса,—признала, что хотя общество и состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей, но не есть простая лишь ихъ сумма, а есть особаго рода бытіе, и что, съ другой стороны, состоя изъ личностей, общество существуетъ тѣмъ не менѣе не само собою и не для самого себя, а чрезъ личности и для личностей, изъ коихъ оно состоитъ. Задача, какую поставили себѣ эти соціологи, можетъ быть опредѣлена, какъ желаніе понять взаимныя отношенія личнаго начала и общественности и въ соціальной, и въ индивидуальной жизни и понять ихъ по возможности всесторонне и глубоко. Общественность проявляется

въ различныхъ культурныхъ и соціальныхъ формахъ, опредѣляющихъ и даже подчиняющихъ себѣ отдѣльныя индивидуальныя единицы, изъ коихъ складывается общество: вопросъ въ томъ, насколько личность только опредѣляется этими формами и только имъ подчиняется, и насколько, съ другой стороны, сами эти формы независимы отъ воздѣйствія на нихъ со стороны личности. Въ другой формѣ это—вопросъ о томъ, есть ли исторія общества безличная эволюція или это—личный процессъ, хотя бы и не такой, какимъ представляла его себѣ индивидуалистическая философія XVIII вѣка. Мы уже знаемъ, что точка зрѣнія Конта выражается словами „évolution spontanée“, но еще вопросъ, какими силами производится эта эволюція и какое значеніе принадлежитъ среди этихъ силъ личнымъ дѣйствіямъ. Культурныя и соціальныя формы, въ коихъ проявляется общественность, опредѣляютъ и подчиняютъ себѣ личность, но вопросъ еще, какое значеніе имѣютъ эти опредѣленіе и подчиненіе, почему они пассивно принимаются личностью и всегда ли личность пассивно ихъ принимаетъ, въ этомъ ли, далѣе, заключается цѣль существованія культурныхъ и соціальныхъ формъ или же личность пользуется ими, какъ средствами для достиженія своихъ или чужихъ, во всякомъ случаѣ какихъ-либо личныхъ цѣлей. Другими словами, личность ли существуетъ для общества, или общество для личности, и какъ возникаетъ и въ какихъ направленіяхъ развивается связь между общественностью, стремящейся превратить индивидуумъ въ зависимую и служебную часть нѣкоего бóльшаго цѣлаго, и личнымъ началомъ, отстаивающимъ самостоятельность и самоцѣльность индивидуальнаго бытія? Мы видимъ, насколько такая постановка вопроса о личности и обществѣ отличается отъ постановки его въ частныхъ общественныхъ наукахъ. Эта соціологическая постановка имѣетъ характеръ философскій. Вопросъ самъ по себѣ старъ, такъ даже старъ, какъ стара пытливая мысль: позитивная соціологія даетъ ему лишь новую постановку, являясь съ новыми научными понятіями, и пытается рѣшить его новыми средствами.

Сложность соціологическаго вопроса. Простого рѣшенія этого вопроса, конечно, быть не можетъ. Понятія личнаго начала и общественности слишкомъ сложны, и выражаемыя ими явленія слишкомъ разнообразны для того, чтобы можно было отвѣтить на вопросъ какою-либо одной формулой. Во-первыхъ, подъ личнымъ началомъ разумѣютъ и индивидуальную оригинальность въ разныхъ проявленіяхъ ума, чувства и воли, и эгоистическія стремленія, выражающіяся также различнымъ

образомъ, напр., въ необщительности, въ соціальномъ индифферентизмѣ, даже въ прямыхъ противообщественныхъ дѣйствіяхъ и т. п., и отстаиваніе своей свободы отъ всякаго деспотизма, стремящагося навязать личности то, чего она не хочетъ принять, и пр. и пр. Все это разные виды личнаго начала, соціальное значеніе коихъ весьма различно. Въ отдѣльныхъ индивидуумахъ они существуютъ, такъ сказать, въ разныхъ количествахъ и въ разныхъ комбинаціяхъ: все зависитъ отъ прирожденныхъ свойствъ, отъ внѣшнихъ условій воспитанія и жизни, отъ степени развитія и типа данной культурно-соціальной среды. Съ другой стороны, въ понятіе общественности входятъ весьма несходныя между собою вещи, часто объединяющіяся между собою только отрицательною стороною дѣла, противоположностью личному началу или его отсутствіемъ. Таковы подражательность, изъ коей Тардъ дѣлаетъ основу соціальныхъ явленій, или сознаніе рода, въ которомъ Гиддингсъ усматриваетъ первичный фактъ соціологіи, стадное чувство, альтруизмъ, соціальный инстинктъ, коллективизмъ и пр. и пр. И значеніе всего этого въ личной жизни весьма различно. Вообще между обществомъ и личностью въ каждый данный моментъ времени существуетъ не одно какое-либо отношеніе, а цѣлая система отношеній, которая въ одномъ и томъ же обществѣ, сохраняя извѣстное единство, сильно разнообразится для отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ общественныхъ группъ, и которая иногда не остается неизмѣнною для одной и той же личности. Наука имѣетъ здѣсь дѣло именно съ разными категоріями отношеній психическихъ и экономическихъ, культурныхъ и политическихъ, съ разными ихъ комбинаціями и системами, отличающимися неодинаковыми степенями простоты и сложности, цѣльности и противорѣчивости, съ явленіями, однимъ словомъ, находящимися въ постоянномъ измѣненіи и движеніи, въ вѣчномъ теченіи и развитіи. И зависимость личности отъ общества, и воздѣйствіе личности на общество могутъ быть и бо̀льшими, и меньшими, смотря по личности и по обществу, смотря по свойствамъ даннаго отношенія. Нѣтъ только личности, абсолютно независимой отъ общества; нѣтъ только общества, абсолютно поглощающаго личность. Личность и общество находятся въ непрерывномъ взаимодѣйствіи: одно другимъ обусловливается, опредѣляется, создается. Сложность вопроса увеличивается еще субъективнымъ моментомъ. Фактическая зависимость индивидуума отъ культурно-соціальной среды можетъ быть весьма большою, можетъ доходить чуть не до полнаго поглощенія

индивидуальности средою, но сознаніе этой зависимости у самого индивидуума можетъ быть, наоборотъ, очень слабымъ. Вообще между объективнымъ фактомъ и субъективнымъ его сознаніемъ нѣтъ необходимаго совпаденія. Мало развитой человѣкъ не сознаётъ того, что всѣ его мысли суть не его мысли, а мысли окружающихъ его людей. Напротивъ, оригинальный мыслитель очень хорошо понимаетъ, что умственнымъ своимъ богатствомъ онъ обязанъ другимъ, которые ранѣе его думали о тѣхъ же вещахъ. Равнымъ образомъ одинъ человѣкъ можетъ быть въ весьма сильномъ подчиненіи и очень мало имъ тяготиться, и наоборотъ, другой человѣкъ съ трудомъ переноситъ гораздо меньшее ограниченіе своей свободы. И здѣсь такимъ образомъ субъективное чувство не должно необходимо соотвѣтствовать объективному отношенію.

Одностороннія соціологическія рѣшенія вопроса. Прежде чѣмъ рѣшать этотъ сложный вопросъ, наука должна опредѣлить, что такое индивидуумъ, являющійся для соціологіи составною частью общества. Это — вообще задача біологіи и психологіи, въ особенности же задача послѣдней науки. поскольку общество есть не простое скопленіе организмовъ, а система, выростающая на почвѣ внутренней психической жизни и внѣшняго психическаго взаимодѣйствія индивидуумовъ. Индивидуумъ, какъ составная часть общества, есть прежде всего психическая единица, будетъ ли то, напр., муравей, боберъ или человѣкъ. Чтобы правильно понять цѣлое, нужно прежде всего изслѣдовать части, изъ коихъ это цѣлое слагается: иначе не поймешь ни самого цѣлаго, ни того отношенія, какое существуетъ между цѣлымъ и его частями. Изъ четырехъ основныхъ направленій, различаемыхъ нами въ соціологической литературѣ, этому требованію сколько-нибудь соотвѣтствуетъ только одно, именно направленіе психологическое, которое, какъ мы увидимъ, начинаетъ оказывать все большее и большее вліяніе на всѣ остальныя. Между ними направленіе узко дарвинистическое, въ настоящее время совсѣмъ отжившее, останавливается на біологическомъ объясненіи общества, разсматривая отдѣльные индивидуумы, лишь какъ организмы. На этой почвѣ нельзя рѣшать вопросъ о личности и обществѣ, ибо прежде всего тутъ и общества-то никакого еще нѣтъ, а есть только зоологическій видъ. За то эта точка зрѣнія благопріятна индивидуализму, хотя бы и односторонне: измѣненіе видовъ происходитъ путемъ накопленія и закрѣпленія индивидуальныхъ отклоненій отъ господствующаго типа, т.-е. путемъ, если можно такъ выразиться, своеобразныхъ

личныхъ инпціативъ, и вся жизнь особи проходитъ въ борьбѣ за собственное существованіе или существованіе ея потомства, т.-е. опредѣленныхъ особей, отъ нея отдѣлившихся, причемъ особь вовсе не заботится о благополучіи вида, т.-е. не ставитъ себѣ общественныхъ цѣлей. Другое дѣло — органическая школа и экономическій матеріализмъ. Эти ученія исходятъ не изъ понятія индивидуума, а изъ понятія общественной организаціи, которую одно понимаетъ преимущественно политически, другое — исключительно экономически, одно — какъ организмъ, заключающій въ себѣ отдѣльныя личности, другое — какъ среду, охватывающую эти личности. Психологическое направленіе занимаетъ среднюю позицію: оно указываетъ на то, что индивидуумъ есть не только организмъ, но и психическая единица, и что переходъ отъ индивидуума къ обществу, какъ организаціи, заключающей въ себѣ множество индивидуумовъ, заключается въ психическомъ взаимодѣйствіи этихъ единицъ. Органическая школа и экономическій матеріализмъ пренебрегаютъ психическими элементами общества (личностями) и психическими моментами соціальной жизни (указаннымъ взаимодѣйствіемъ личностей): въ этомъ ихъ недостатокъ, какъ соціологическихъ теорій, если только соціологія должна заключать въ себѣ точную и полную теорію взаимныхъ отношеній между личностью и обществомъ. Но и психологическое объясненіе, вполнѣ отрѣшившееся отъ точки зрѣнія индивидуальной психологіи, можетъ быть одностороннимъ. Оно будетъ одностороннимъ, если остановится на одномъ психическомъ взаимодѣйствіи, оставивъ безъ вниманія общественную организацію, ибо общество есть именно психическое взаимодѣйствіе *плюсъ* извѣстная организація практическихъ отношеній. Психологическое объясненіе будетъ одностороннимъ и въ томъ случаѣ, если не сумѣетъ разрѣшить надлежащимъ образомъ антитезу личности и общества въ психической жизни и, вмѣсто того, чтобы сочетать личное начало и общественность въ изучаемыхъ коллективною психологіей явленіяхъ, принесетъ первое всецѣло въ жертву второму. Вѣдь именно это уже и пытались дѣлать реакціонные писатели начала XIX вѣка въ своей враждѣ къ личному разуму и въ своемъ преклоненіи передъ общимъ сознаніемъ и народнымъ духомъ. Вопросъ, повторяемъ, слишкомъ сложенъ, чтобы его могло удовлетворительно рѣшить какое бы то ни было одностороннее направленіе. Притомъ и одныхъ отвлеченныхъ соображеній, изъ коихъ исходятъ всѣ направленія, не исключая и психологическаго, еще мало для рѣшенія этого

вопроса. Нужно еще знать, какія отношенія вообще существовали между личностью и обществомъ въ различныя времена и въ разныхъ странахъ, при разныхъ условіяхъ и на разныхъ ступеняхъ развитія: только историческое и сравнительное изученіе этихъ отношеній способно пролить и на самомъ дѣлѣ уже проливаетъ надлежащій свѣтъ на этотъ вопросъ. Но и въ только-что указанномъ направленіи соціологіи возможно одностороннее отношеніе къ предмету, именно сосредоточеніе всего вниманія на однѣхъ культурныхъ и соціальныхъ формахъ безотносительно къ личностямъ, чрезъ которыя эти формы существуютъ и для которыхъ онѣ имѣютъ то или другое значеніе. Сравнительно-историческая соціологія ограничивается иногда лишь внѣшнею стороною общественныхъ явленій, формами и учрежденіями, забывая, что эти формы и учрежденія существуютъ не сами по себѣ и не для себя и что дѣло касается живыхъ людей, которые такъ или иначе на нихъ смотрятъ и то или другое отъ нихъ испытываютъ.

Необходимость правильнаго пониманія личности. Разъ пониманію общества должно предшествовать пониманіе личности, необходимо, чтобы послѣднее было вполнѣ научно. Въ настоящее время психологія отрѣшается отъ всякой метафизики, сдавая въ архивъ или оставляя любителямъ неразрѣшимыхъ споровъ вопросъ о матеріализмѣ и спиритуализмѣ. Она знаетъ только „душу“, соединенную съ тѣломъ, но не думаетъ, чтобы душа была только „функціей“ тѣла. Для нея человѣческое *я* есть не какая-то „сущность“, а одно изъ явленій доступнаго нашему знанію міра. Это *я*, какъ „духовное начало“, познается внутреннимъ опытомъ, и внѣ этого опыта нѣтъ иныхъ способовъ познавать это начало: „души“ отдѣльныхъ клѣточекъ (хотя бы и мозговыхъ только), изъ коихъ состоитъ человѣческій организмъ, или „души“ цѣлыхъ обществъ, складывающихся изъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, относятся къ области метафизическаго творчества, и наукѣ до нихъ нѣтъ никакого дѣла. Отрѣшенная отъ метафизики, психологія должна изучать душевную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, на разныхъ ступеняхъ развитія и въ ея отношеніяхъ ко всей окружающей обстановкѣ. Отношенія человѣка къ внѣшней природѣ, къ другимъ людямъ и къ обществу, какъ единому цѣлому, могутъ быть утилитарными, когда человѣкъ видитъ въ природѣ, въ людяхъ, въ общественныхъ учрежденіяхъ лишь орудія либо средства личныхъ цѣлей, или эмоціональными, когда природа, люди, учрежденія возбуждаютъ въ немъ тѣ или другія чувства, или

теоретическими и этическими (послѣдними только къ людямъ и обществу), когда они возбуждаютъ его любознательность или вызываютъ въ немъ представленіе о должномъ. Практическія отношенія человѣка къ человѣку не могутъ быть выведены изъ одного какого-либо источника, равно какъ и отношенія его къ обществу. Въ человѣкѣ совмѣщаются эгоизмъ и альтруизмъ, стремленіе къ личной независимости и соціальный инстинктъ, какъ совмѣщаются способность къ личной инициативѣ и подражательность, сознаніе отдѣльности своего *я* и сознаніе рода. Человѣка дѣлаютъ такимъ или инымъ и его собственная природа, и общественная среда. Люди съ одними и тѣми же прирожденными качествами будутъ непохожи другъ на друга, будучи поставлены въ разныя соціальныя условія, но и одна и та же соціальная обстановка вырабатываетъ далеко не одинаковыхъ людей въ зависимости отъ неодинаковыхъ задатковъ, вложенныхъ въ нихъ природою. Значитъ, общество не создаетъ всего человѣка: нѣчто въ немъ создается природою, которая, несмотря на законъ наслѣдственности, также не отливаетъ всѣхъ въ одну форму. Съ развитіемъ жизни въ личности ростетъ сознаніе ея особности и самостоятельности: развитое *я* не можетъ быть простымъ сколкомъ съ другихъ, однимъ изъ множества одинаковыхъ оттисковъ одной и той же печати, какъ не можетъ примириться съ ролью средства или орудія общественныхъ цѣлей, съ ролью служебнаго органа соціальнаго цѣлаго. Индивидуализмъ имѣетъ глубокій источникъ въ человѣческой природѣ, и на высшихъ ступеняхъ развитія онъ не противорѣчитъ ни альтруизму, ни соціальному инстинкту. Напротивъ того, возведеніе его въ принципъ требуетъ уваженія личности и въ другихъ и влечетъ за собою желаніе дать и обществу такой строй, который наиболѣе обезпечивалъ бы достоинство, права и интересы всѣхъ личностей, его составляющихъ.

Сила философіи XVIII вѣка заключается именно въ глубокомъ пониманіи ею „правъ человѣка и гражданина", хотя она и преувеличила значеніе личнаго разума въ общественной жизни и не всегда вѣрно понимала, какими средствами лучше всего и полнѣе всего обезпечиваются человѣческое достоинство, индивидуальная свобода, идеальныя права и матеріальные интересы членовъ общества. Реакція противъ индивидуализма XVIII вѣка была права, когда стремилась доказать, что однѣ индивидуальныя силы не создаютъ исторіи и не въ состояніи обезпечить за всѣми пользованіе естественными правами человѣка, и только заходила слиш-

комъ далеко, когда совсѣмъ отрицала всякое значеніе за личнымъ разумомъ и личною инниціативою, но она впадала въ самое грубое заблужденіе, когда отвергала то, что было истиннымъ, здоровымъ и достойнымъ считаться въ философіи XVIII вѣка за одно изъ драгоцѣннѣйшихъ пріобрѣтеній человѣчества. Въ признаніи „правъ человѣка и гражданина" эта философія была безусловно права, и ученія, пытавшіяся защитить такія положенія, какъ то, что не общество существуетъ для человѣка, а человѣкъ для общества, или то, что граждане должны быть бѣдны и только республика—богата, были безусловно неправы, ибо ставили абстракціи на мѣсто реальностей, а къ реальностямъ относились, какъ къ абстракціямъ. Если, однако, философія XVIII вѣка ошибалась относительно силы личнаго творчества и благодѣтельности свободнаго соперничества личностей, то ошибка эта заключалась лишь въ преувеличеніи, но и реакція, которая подмѣтила ошибочность этихъ взглядовъ XVIII вѣка, пошла далѣе, чѣмъ слѣдовало, создавъ представленіе объ историческомъ процессѣ, какъ о безличной эволюціи, и породивъ теоріи, которыя отдавали личность яко-бы ради ея собственнаго блага подъ духовную и свѣтскую опеку общественной власти.

Рѣшеніе вопроса въ органической теоріи. Разсмотримъ теперь, какъ рѣшается соціологическій вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ личности и общества съ точки зрѣнія главныхъ направленій соціологической литературы. Этотъ обзоръ мы начнемъ съ органической школы, которая, отождествляя общество съ организмомъ, неизбѣжно приводитъ къ пониманію личности по аналогіи съ клѣточкою организма. Съ точки зрѣнія этого направленія взаимныя отношенія цѣлаго и частей вполнѣ постигаются на готовомъ примѣрѣ, даваемомъ біологическимъ организмомъ: дедуктивная аналогія такимъ образомъ избавляетъ отъ необходимости индуктивнаго, сравнительно-историческаго изученія этихъ отношеній въ ихъ эволюціи. Такъ и должно было бы выходить, если бы представители органическаго направленія были послѣдовательны. Но они именно не всегда отличаются послѣдовательностью. Мы это видѣли уже на примѣрѣ Спенсера, который въ своемъ общественномъ міросозерцаніи является передъ нами даже крайнимъ индивидуалистомъ, примыкающимъ къ традиціямъ XVIII вѣка между прочимъ и по вопросу о невмѣшательствѣ. Логическое развитіе органической теоріи именно и должно было бы приводить къ тому общему заключенію, что реально одно общество, и что индивидуумъ есть лишь его служебная часть, его произведеніе и его орудіе, что во всякомъ

номъ смыслѣ индивидуумъ можетъ быть только абстракціей, что общество развивается силами, присущими его собственному бытію, заставляя индивидуальныя силы только служить своимъ цѣлямъ, и что благосостояніе цѣлаго можетъ быть достигнуто лишь подъ условіемъ наибольшаго подчиненія дѣйствій частей цѣлямъ цѣлаго. Такова именно концепція Конта, и съ ея видоизмѣненіями мы дѣйствительно встрѣчаемся въ соціологической литературѣ. Спенсеръ не дѣлаетъ подобныхъ выводовъ, и въ этомъ его непослѣдовательность. Мы не будемъ, впрочемъ, возвращаться къ этому философу, такъ какъ о немъ по интересующему насъ вопросу достаточно было сказано въ главѣ объ органическомъ направленіи въ соціологіи. Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ новѣйшихъ представителяхъ этого направленія для характеристики того, какъ въ немъ въ настоящее время рѣшается вопросъ о личности и обществѣ.

Вопросъ объ общественномъ раздѣленіи труда и личномъ развитіи. Формула органическаго развитія, прилагаемая представителями органическаго направленія къ обществу, гласитъ, что чѣмъ совершеннѣе цѣлое, тѣмъ болѣе поглощаются въ немъ его составныя части и тѣмъ болѣе эти части отличны одна отъ другой [1]). Съ этой точки зрѣнія въ наиболѣе совершенномъ общественномъ организмѣ личность должна была бы вполнѣ утрачивать свою самостоятельность и цѣлостность. Такой выводъ противорѣчитъ, однако, представленію, которое выработалось въ передовой части человѣчества о совершенномъ обществѣ; онъ противорѣчитъ идеямъ свободы и равенства, которыя суть притомъ не только наши идеи, но объективныя явленія, осуществляемыя историческимъ развитіемъ. Съ точки зрѣнія, такъ сказать, именно этихъ правъ человѣка и гражданина на свободу и равенство и разбираетъ теорію Спенсера Михайловскій, одинъ изъ первыхъ не только обратившій должное вниманіе на эту сторону органической теоріи, но даже долгое время на ней сосредоточивавшій все свое вниманіе. Выработанная имъ формула прогресса (увеличеніе цѣлостности индивидуумовъ съ возможно большимъ раздѣленіемъ труда между органами индивидуума и возможно меньшимъ между самими индивидуумами), формула, подвергшаяся въ свое время обстоятельной критикѣ въ одной статьѣ Миртова [2]), можетъ считаться полною противоположностью органической формулѣ. Вопросъ идетъ именно о значеніи обще-

---

[1]) Ср. выше, стр. 60—61.

[2]) Формула прогресса г. Михайловскаго.

ственнаго раздѣленія труда для личнаго развитія, и это вопросъ, который долженъ быть поставленъ и рѣшенъ соціологіей независимо отъ какихъ бы то ни было органическихъ аналогій. Извѣстно, что впервые понятіе о раздѣленіи труда введено было въ общественныя науки Адамомъ Смитомъ, т.-е. впервые понятіе возникло въ политической экономіи. Лишь позднѣе о раздѣленіи труда (именно между органами недѣлимаго) заговорила біологія, такъ что въ данномъ случаѣ не соціальныя науки воспользовались понятіемъ, выработаннымъ въ естествознаніи, а произошло какъ-разъ наоборотъ. И ранѣе какихъ бы то ни было аналогій между обществомъ и организмомъ было замѣчено, что увеличеніе раздѣленія труда можетъ вредно отзываться на развитіи индивидуума, дѣлая это развитіе одностороннимъ: Михайловскій и сопоставилъ органическое ученіе объ обществѣ съ нѣкоторыми выводами политической экономіи, и сопоставилъ ихъ на чисто психологической почвѣ теоріи личности.

Теорія Дюркгейма о значеніи раздѣленія общественнаго труда для личнаго развитія. Этотъ же самый предметъ разработалъ недавно одинъ французскій соціологъ, Эмиль Дюркгеймъ, въ весьма интересной книгѣ „О раздѣленіи общественнаго труда" (1893). Дюркгейма слѣдуетъ причислить къ представителямъ органической школы и въ то же время къ критикамъ Спенсера, частныя положенія котораго онъ постоянно подвергаетъ разбору. Спенсеръ, напримѣръ, понимаетъ исторію общества, какъ постепенный переходъ отъ военнаго типа къ типу промышленному, и объясняетъ то полное подчиненіе, въ какомъ индивидуумъ находится въ первобытномъ обществѣ, прежде всего военной организаціей этого общества. Дюркгеймъ основательно не соглашается съ такимъ объясненіемъ и ищетъ причины отмѣченнаго явленія не въ организаціи общества, которое на первыхъ порахъ и не могло развить въ себѣ концентраціи силъ, враждебной личной свободѣ, а въ слабомъ развитіи самой личности: такимъ образомъ причина явленія, по его мнѣнію, не въ соціальной формѣ, а въ психическомъ состояніи индивидуума. Что отличаетъ Дюркгейма отъ соціологовъ, думающихъ строить свою науку на чисто біологической основѣ, такъ это—психологическій характеръ его теоріи. Замѣтимъ между прочимъ, что самое уподобленіе общества организму получаетъ у него своеобразный характеръ, указывающій на психологическую концепцію автора. Общество онъ сравниваетъ не со всѣмъ организмомъ, а только съ мозгомъ, клѣточки котораго болѣе однородны между собою, чѣмъ клѣточки организма, взятаго въ цѣломъ.

Основная задача сочиненія Дюркгейма — объяснить, „какимъ образомъ происходитъ то, что, дѣлаясь все болѣе автономнымъ, индивидуумъ подпадаетъ болѣе тѣсной зависимости отъ общества, какимъ образомъ одновременно онъ можетъ дѣлаться болѣе личнымъ и болѣе солидарнымъ“. Отвѣчая на этотъ вопросъ, онъ различаетъ двоякаго рода солидарность, изъ коихъ одну называетъ механическою, другую—органическою. Первая состоитъ въ сходствѣ между отдѣльными индивидуумами: мы назвали бы ее культурнымъ однообразіемъ, невыдѣленностью личности изъ массы въ духовномъ отношеніи; вторая же заключается въ зависимости, въ какой находятся личности отъ общества въ силу взаимной зависимости другъ отъ друга его членовъ. благодаря существующему между ними раздѣленію труда. Мы бы сказали, что изслѣдованіе отношеній перваго рода относится къ области коллективной психологіи, изслѣдованіе отношеній второго рода—къ области соціологіи. Дюркгеймъ и указываетъ на то, какъ въ общественномъ развитіи ослабляется зависимость перваго рода (назовемъ это культурнымъ ростомъ личности) и, наоборотъ, возрастаетъ зависимость другого рода. Конечно, въ этомъ нѣтъ ничего новаго. Въ русской литературѣ культурный ростъ личности былъ одною изъ первыхъ по своему значенію темъ въ соціологическихъ работахъ Миртова, а эволюція другой категоріи отношеній занимала особенно Михайловскаго [1]. Эти два процесса Дюркгеймъ считаетъ не только параллельными, но и взаимно обусловливающимися: механическая солидарность уменьшается по мѣрѣ того, какъ увеличивается солидарность органическая. „Общественная жизнь, говоритъ Дюркгеймъ, вытекаетъ изъ двухъ источниковъ: сходства сознаній и раздѣленія общественнаго труда. Индивидуумъ обобществляется (est socialisé) въ первомъ случаѣ потому, что, не имѣя собственной индивидуальности, онъ тонетъ (se confond) съ себѣ подобными въ одномъ и томъ же коллективномъ типѣ, а во второмъ случаѣ—потому, что хотя онъ и имѣетъ личныя физіономію и дѣятельность, отличающія его отъ другихъ, все-таки онъ зависитъ отъ нихъ въ той же мѣрѣ, какъ отличается, и слѣдовательно зависитъ отъ общества, которое возникаетъ изъ ихъ соединенія“. Оставимъ въ сторонѣ выдѣленіе личной оригинальности изъ коллективнаго типа и бросимъ вмѣстѣ съ Дюркгеймомъ взглядъ на другую сторону процесса. Раздѣленіе труда,

---

[1]) Параграфъ этотъ былъ уже написанъ, когда въ „Русскомъ Богатствѣ“ (1897, іюнь) появилась статья Михайловскаго о книгѣ Дюркгейма, заключающая въ себѣ весьма обстоятельный разборъ теоріи французскаго соціолога.

„какъ и всѣ соціальные факты и, говоря общѣе, всѣ факты біологическіе“, будучи явленіемъ нормальнымъ, можетъ принимать и патологическія формы. Не слѣдуетъ, однако, обобщать вредныя проявленія, чтобы на основаніи ихъ судить о раздѣленіи труда вообще. Нормальное раздѣленіе труда не приковываетъ индивидуума къ выполненію одной только функціи, дальше котораго онъ ничего бы болѣе и знать не могъ. „Но, спрашиваетъ самъ Дюркгеймъ, развѣ раздѣленіе труда, дѣлая каждаго изъ насъ существомъ неполнымъ, не влечетъ за собою ослабленія индивидуальной личности?“ — вопросъ, который ставится и Михайловскимъ въ его критикѣ органической теоріи. Но, говоритъ французскій соціологъ, почему „болѣе соотвѣтствовало бы логикѣ человѣческой природы развиваться больше въ ширину (en surface), чѣмъ въ глубину? Почему дѣятельность болѣе широкая, но и болѣе разбросанная, выше дѣятельности болѣе сосредоточенной, но опредѣленной? Почему слѣдовало бы считать болѣе насъ достойнымъ оставаться цѣльными (complet) и посредственными, чѣмъ жить жизнью болѣе спеціальною, но болѣе напряженною, особенно если мы въ состояніи то, что такимъ образомъ теряемъ, вновь обрѣсти посредствомъ общенія съ другими, обладающими тѣмъ, чего намъ недостаетъ, и потому насъ дополняющими? Исходятъ, говоритъ Дюркгеймъ, изъ того принципа, что человѣкъ долженъ реализировать свою человѣческую природу. Но эта природа не остается чѣмъ-то постояннымъ въ разные моменты исторіи. У низшихъ расъ человѣку свойственно походить на своихъ товарищей, реализировать въ себѣ всѣ черты коллективнаго типа, который тогда и смѣшиваютъ болѣе, чѣмъ теперь, съ общечеловѣческимъ типомъ. Но въ болѣе развитыхъ обществахъ природа человѣка большею частью заключается въ томъ, чтобы быть органомъ общества, и слѣдовательно его дѣло — играть свою роль органа“. Дюркгеймъ думаетъ даже, что личность (la personnalité individuelle) развивается, благодаря раздѣленію труда. „Въ самомъ дѣлѣ, быть личностью значитъ быть автономнымъ источникомъ дѣйствія. Человѣкъ пріобрѣтаетъ это качество лишь въ той мѣрѣ, въ какой въ немъ есть нѣчто свое, ему одному принадлежащее и его индивидуализирующее, и въ какой онъ есть нѣчто большее, чѣмъ простое воплощеніе родового типа своей расы или своей группы“. Но именно раздѣленіе труда „частичнымъ образомъ освобождаетъ индивидуальное сознаніе отъ органической его основы [1]) и отъ соціальной среды,

[1]) Это одно изъ положеній, которое Дюркгеймъ старается доказать.

которая его окружаетъ, и въ силу этой двойной эмансипаціи индивидуумъ дѣлается болѣе независимымъ факторомъ своего собственнаго поведенія". Дѣло въ томъ, что „индивидуальныя натуры, специализируясь, дѣлаются болѣе сложными и тѣмъ самымъ частью освобождаются отъ коллективнаго дѣйствія и отъ наслѣдственныхъ вліяній, которыя имѣютъ силу лишь надъ вещами простыми и общими". Тотъ взглядъ, что личность была болѣе цѣльною, пока въ ея жизнь не вторглось раздѣленіе труда, Дюркгеймъ называетъ обманомъ зрѣнія. „На самомъ дѣлѣ дѣятельность индивидуума не есть здѣсь его дѣятельность. Это общество, это раса дѣйствуютъ въ немъ и чрезъ него; онъ только проводникъ, чрезъ который онѣ реализируются. Его свобода только призрачная, и его личность взята имъ на прокатъ. Такъ какъ жизнь этихъ обществъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ менѣе правильна, то воображаютъ, что оригинальные таланты могутъ здѣсь легче пробить себѣ дорогу, что каждому легче жить тутъ по своему вкусу, что свободному полету фантазіи открытъ большій просторъ. Но это значитъ забывать, что личныя чувства здѣсь очень рѣдки. Если мотивы, которые управляютъ поведеніемъ, не возвращаются съ такою же правильностью, какъ теперь, они не перестаютъ быть коллективными, слѣдовательно— безличными, и то же самое можно сказать о внушаемыхъ ими дѣйствіяхъ". Дюркгеймъ съ особою настойчивостью доказываетъ, что „дѣятельность становится болѣе богатою и напряженною по мѣрѣ того, какъ дѣлается болѣе спеціальною". Прибавимъ еще, что объясненія основного соціальнаго феномена онъ ищетъ не въ личности, а внѣ ея, въ культурной средѣ и общественномъ организмѣ, въ факторахъ, принудительно навязывающихся людямъ извнѣ.

Книга Дюркгейма обратила на себя большое вниманіе въ соціологической литературѣ. Противники органическаго направленія указали на ея изъяны. Нѣсколько критическихъ страницъ посвятилъ его теоріи Анри Мишель въ своей „Идеѣ государства", написанной въ защиту индивидуализма. Тардъ въ своей „Соціальной логикѣ" (1895) особенно отмѣтилъ, что, по представленію Дюркгейма, характеристическая особенность соціальныхъ актовъ заключается въ томъ, что они „насильно навязываются извнѣ", и что у него „соціальные факты, какъ таковые, существуютъ внѣ всякихъ индивидуальныхъ проявленій". „Дюркгеймъ возвращаетъ насъ къ схоластикѣ: соціологія не значитъ онтологія". Съ его взглядами считается и Гиддинсъ въ своихъ „Принципахъ соціологіи", резюмируя ихъ въ томъ смыслѣ,

что сущность соціальнаго процесса заключается „въ подчиненіи каждаго индивидуальнаго духа способамъ дѣйствія, мысли и чувства, которыя приходятъ къ нему извнѣ“. Гиддинсъ, впрочемъ, думаетъ, что Тардъ и Дюркгеймъ, несмотря на свое разногласіе, болѣе, чѣмъ кто-либо, приблизились къ опредѣленію настоящей сущности соціальнаго феномена, взглянувъ на него только съ разныхъ сторонъ, одинъ — со стороны дѣйствія многихъ на одного, другой—со стороны подражанія многихъ одному. Фуллье въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи „Позитивистическое движеніе и соціологическое воззрѣніе на міръ“ также ставитъ въ вину Дюркгейму, что у него соціальные факты являются какъ бы вещами, существующими независимо отъ человѣческой воли, имѣющими какое-то особое бытіе и извнѣ навязывающимися обществу. Анри Мишель и Фуллье обратили большее вниманіе на соціологическую сторону вопроса, Тардъ и Гиддинсъ—на психологическую. Въ вопросѣ о заимныхъ отношеніяхъ личности и общества Дюркгеймъ дѣйствительно различаетъ эти двѣкатегоріи [1]).

Біо-соціологическая теорія Изуле. Представители органической теоріи отнеслись къ основной мысли сочиненія Дюркгейма съ большимъ сочувствіемъ. Въ своей „соціологической метафизикѣ“, озаглавленной „La cité moderne“, недавно только выступившій въ качествѣ соціолога Изуле, который доказываетъ съ точки зрѣнія раздѣленія труда законность и необходимость распаденія общества на руководящее меньшинство (l'élite) и руководимое имъ большинство,—называетъ Дюркгейма однимъ изъ главныхъ своихъ предшественниковъ. Распредѣляя, такъ сказать, психологію въ разныхъ ея сторонахъ между біологіей и соціологіей, онъ равнымъ образомъ требуетъ новой теоріи человѣческой личности, которая, по его словамъ, будучи, съ одной стороны, біологическимъ индивидуумомъ, съ другой, является продуктомъ общежитія. Подобно Дюркгейму, онъ стремится сочетать оба принципа—личное начало и общественность въ понятіи „либертарной солидарности“, одинаково далекой и отъ абсолютной индивидуальной свободы, и отъ абсолютнаго общественнаго эгалитаризма.

Постановка вопроса о личности и обществѣ у Вормса. Что особенно заслуживаетъ вниманія въ этихъ обѣихъ теоріяхъ, такъ это желаніе, не оставляя точки зрѣнія общественнаго

---

[1]) Самую основательную и обстоятельную критику теоріи Дюркгейма дастъ упомянутая выше статья Михайловскаго.

организма, разрѣшить вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ личности и общества безъ необходимости уподобленія личности во всемъ простой клѣточкѣ организма. Органической теоріи не удалось изгнать изъ науки понятіе, которое доминировало во всей общественной философіи XVIII вѣка. Вмѣстѣ съ этимъ обѣ теоріи ставятъ вопросъ на почву коллективной психологіи, но хотя въ обѣихъ, собственно говоря, коллективная душа общества какъ бы предшествуетъ индивидуальной душѣ каждаго отдѣльнаго члена общества и ее образуетъ, все-таки это показываетъ, что за обществомъ обоими соціологами признается духовная природа, а тѣмъ самымъ обоими ими отрицается возможность построенія соціологіи на одной біологической основѣ. Тѣ же черты характеризуютъ и самую послѣднюю соціологическую работу, написанную въ духѣ того же направленія, т.-е. „Общественный организмъ“ Вормса. Говоря объ этой книгѣ, нельзя не упомянуть, что въ ней уподобленіе организма обществу доведено до послѣдней крайности, до обнаруженія у общественныхъ организмовъ половыхъ различій и органовъ выдѣленія, до разговоровъ объ измѣреніи обществъ въ длину, ширину и высоту и т. п. [1]). Правда, Вормсъ послѣ нѣкотораго колебанія между человѣческою парою и отдѣльною личностью готовъ именно въ послѣдней признать общественную клѣточку, но это не мѣшаетъ ему въ вопросѣ о причинахъ, ведущихъ къ раздѣленію труда и обособленію соціальныхъ элементовъ, стать на точку зрѣнія, противоположную той, которая выставлена была Дюркгеймомъ. Послѣднюю онъ и оспариваетъ, утверждая, что главнымъ образомъ индивидуальныя, а не соціальныя причины ведутъ къ раздѣленію труда. Далѣе, подобно Фуллье, находящему, что обѣ теоріи общества вѣрны, т.-е. и та, которая сводитъ жизнь цѣлаго къ жизни составныхъ частей, и та, въ которой, наоборотъ, индивидуальное существованіе подчинено существованію общественному, Вормсъ стремится примирить противорѣчивыя концепціи общества, заявляя, что „общественные элементы и общественное цѣлое суть только двѣ стороны одной и той же дѣйствительности“, и что „каждая изъ нихъ неполна безъ другой“. Зависимость части отъ цѣлаго онъ разсматриваетъ не только съ экономической точки зрѣнія, особенно важной въ вопросѣ о раздѣленіи труда, но и съ точки зрѣнія психологической, признавая даже существованіе особаго общественнаго сознанія. Органическая теорія общества, разъ въ

[1]) Фабрикамъ (и даже корридорамъ въ фабричныхъ зданіяхъ), биржамъ и т. п. Вормсъ также находитъ органическія соотвѣтствованія. Другіе „органицисты“ давно отреклись отъ этого „метода“.

нее вносятся психологическія соображенія, необходимо приводитъ къ сравненію личности не столько съ физическимъ тѣломъ клѣточки организма, сколько съ однимъ изъ тѣхъ слагаемыхъ, общую сумму коихъ составляетъ сознаніе. Но если раздѣльность существованія индивидуумовъ, какъ матеріальныхъ организмовъ, не мѣшала представителямъ органическаго направленія утверждать, что общество тѣмъ не менѣе есть непрерывно-единое цѣлое, подобное организму, то нечего было бы органицистамъ затрудняться и въ рѣшеніи вопроса о единствѣ соціальнаго сознанія въ пользу этого единства. Становясь на психологическую точку зрѣнія, самъ Вормсъ, однако, не рѣшается ипостазировать общественное сознаніе. „Если, говоритъ онъ, подъ общественнымъ сознаніемъ понимать нѣчто отдѣльное отъ личныхъ сознаній, то подобное существо есть миѳъ“. т.-е. „въ общественномъ сознаніи не можетъ быть иныхъ составныхъ частей, кромѣ личныхъ сознаній“. А это значитъ не болѣе и не менѣе, какъ то, что отдѣльные люди думаютъ одинаково и вмѣстѣ съ этимъ сознаютъ еще, что думаютъ они одинаково. Общественный духъ, которымъ порождается духъ индивидуальный (напр., хотя бы и въ представленіи Дюркгейма), въ концѣ-концовъ есть не что иное, какъ сумма индивидуальныхъ психическихъ единицъ, оказывающихъ вліяніе одна на другую. Вормсъ тѣмъ не менѣе самъ впадаетъ въ настоящую миѳологію, утверждая, что общественный организмъ имѣетъ личность. Ему непремѣнно и здѣсь хочется „выступить за предѣлы индивидуализма“, который онъ усматриваетъ въ признаніи простого психическаго взаимодѣйствія личностей. Съ послѣдней точки зрѣнія „выходитъ такъ, говоритъ Вормсъ, что когда существо сознаётъ народное единство, то не столько потому, что оно проникнуто другими *я*, сколько потому, что его собственное *я*, выростая въ нѣкоторомъ родѣ, доходитъ до возможности проникнуться другими *я* и отражать извѣстнымъ образомъ въ себѣ совокупность другихъ умовъ, находящихся въ томъ же обществѣ. Значитъ, по этому ученію, мы не имѣемъ права говорить, что общество сознаётъ себя въ личности: выходитъ, что только личность сознаетъ общество или точнѣе, что она создаетъ общество, сознавая его, такъ какъ общество черпаетъ свое единство въ умѣ этой личности“. Нельзя сказать, чтобы въ приведенныхъ словахъ Вормсъ точно передалъ „индивидуалистическое“ объясненіе сознанія членами общества ихъ единства (напр., національное чувство), но во всякомъ случаѣ онъ ошибается, говоря, что такого объясненія недостаточно. Конечно, „сходство членовъ общества не есть простое представленіе отдѣльныхъ

умовъ: оно—дѣйствительность". Разумѣется, „эти члены въ значительной мѣрѣ тождественны между собою, потому что они подвергаются общему дѣйствію однихъ и тѣхъ же общественныхъ учрежденій" и, прибавили бы мы, постоянно вліяютъ другъ на друга въ процессѣ психическаго взаимодѣйствія. Понятно, наконецъ, что „созданные на одинъ ладъ дѣйствіемъ общества, эти умы признаютъ себя тождественными (хотя отчасти), чувствуютъ себя связанными другъ съ другомъ, считаютъ себя обязанными дѣйствовать сообща и поддерживать свою общность". Все это такъ, но наука прежде всего должна объяснить, почему и какъ это явленіе происходитъ, а не строить на явленіи, не подвергнутомъ еще анализу, выводовъ и новыхъ положеній, получающихъ характеръ своего рода соціологической миѳологіи, какъ то дѣлаетъ Вормсъ. Исходя изъ того, что индивидуумъ „одновременно съ сознаніемъ своего *я* ощущаетъ свою связь съ другими людьми, чувствуетъ себя, какъ члена сообщества, какъ часть цѣлаго, которому онъ предается", и выводя отсюда, что вслѣдствіе этого индивидуальное сознаніе всегда раздвоено на чисто личную и общественную части, Вормсъ не только складываетъ „тождественныя части личныхъ сознаній", чтобы получить въ суммѣ сознаніе общественное, но даже указываетъ на то, гдѣ нужно искать „центръ, въ которомъ соединяются эти составныя части", „общественные осколки личныхъ сознаній", какъ онъ еще выражается. Къ счастью, Вормсъ не рѣшается идти далѣе въ своей миѳологіи. Онъ полагаетъ, что оно сосредоточивается въ отдѣльныхъ лицахъ, отъ коихъ и „исходятъ великіе толчки, обусловливающіе дѣйствіе всего народа". Это—старая теорія великихъ людей, даже не перемѣнившая своего костюма.

Общая психологическая идея въ теоріяхъ Дюркгейма, Изуле и Вормса. Всѣ три новѣйшіе представителя органическаго направленія ставятъ себѣ одну и ту же задачу—опредѣлить отношенія, существующія между личнымъ началомъ и общественностью въ психической жизни индивидуума. Какъ ни важна эта тема, она составляетъ, однако, только одну половину вопроса: существуютъ еще извѣстныя отношенія между индивидуальной иниціативой и соціальной традиціонностью въ культурной жизни цѣлаго общества. Во всякомъ случаѣ, несмотря на всѣ органическія аналогіи, названные соціологи не доходятъ до ученія о полномъ поглощеніи личности въ обществѣ,—ученія, которое дѣлается особенно соблазнительнымъ, когда на взаимныя отношенія личности и общества смотрятъ съ точки зрѣнія раз-

дѣленія труда. Правда, сходство личныхъ сознаній они готовы принять за особое, какъ бы отличное отъ индивидуальнаго сознанія сознаніе соціальное, тогда какъ рѣчь можетъ только итти именно о сходствѣ и несходствѣ мыслей, чувствъ и стремленій членовъ общества или о существованіи у людей мыслей, чувствъ и стремленій либо эгоистическаго характера и личнаго содержанія, либо характера альтруистическаго и содержанія соціальнаго, по развитіе общества они понимаютъ именно въ смыслѣ усиленія личнаго начала. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ Дюркгеймъ, и ту же самую мысль проводитъ Вормсъ, хотя и не соглашающійся съ Дюркгеймомъ на счетъ пониманія эволюціи отношеній между личнымъ началомъ и общественностью въ психической жизни человѣка. Главное здѣсь то, что ими признаётся полная невыдѣленность личности изъ общества въ культурномъ отношеніи на низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія и постепенное ея выдѣленіе въ процессѣ соціальной эволюціи. Индивидуумъ, конечно, всегда былъ и всегда будетъ частью общества, но отношенія между частью и цѣлымъ подлежатъ эволюціи, и, по крайней мѣрѣ, въ одной сторонѣ своей эти отношенія развиваются въ направленіи, не позволяющемъ индивидууму (вопреки основной тенденціи общественнаго раздѣленія труда) превратиться въ простую клѣточку общественнаго организма. Постановка вопроса на психологическую почву дѣлаетъ невозможнымъ изгнаніе изъ соціологіи какого бы то ни было индивидуализма.

Личность и общество съ точки зрѣнія дарвинизма. По принятому нами раньше порядку отъ органической школы переходимъ къ дарвинистической. Мы не будемъ здѣсь возвращаться къ тѣмъ скороспѣлымъ соціологическимъ построеніямъ дарвинистическаго направленія, которыя не шли далѣе понятій борьбы за существованіе и естественнаго подбора и той элементарной мысли, что общеніе полезно въ борьбѣ за существованіе: эти попытки такъ же быстро исчезли, какъ и явились. Не будемъ и того повторять, что сказано было въ своемъ мѣстѣ о положительномъ значеніи дарвинизма для соціологіи. Насъ должна интересовать теперь только одна частная тема. Несомнѣнно, что дарвинизмъ не можетъ благопріятствовать какимъ бы то ни было анти-индивидуалистическимъ теоріямъ. Хотя это направленіе біологической науки занимается судьбами не особей, а видовъ, но вѣдь и виды разсматриваются въ немъ не въ качествѣ какихъ-либо цѣльностей (въ родѣ „общественныхъ организмовъ“), а какъ единицы собирательныя. Хотя, съ другой стороны, въ теоріи Дарвина и играютъ важную роль идея вида, т.-е.

общаго типа особей, и идея наслѣдственности, поддерживающей единство типа, но въ томъ и состоитъ сущность этой теоріи, что видовыя формы не считаются въ ней вѣчными, а факторомъ, дѣйствующимъ въ процессѣ измѣненія формъ, признается индивидуальная измѣнчивость. Далѣе, что можетъ быть „индивидуалистичнѣе“ представленія о борьбѣ за существованіе, этой „войны всѣхъ противъ всѣхъ“, въ которой „человѣкъ для человѣка волкъ“,—представленія, родственнаго наиболѣе индивидуалистическимъ концепціямъ общества, по которымъ все дѣло сводится къ осуществленію каждымъ своего собственнаго интереса и къ возникающему отсюда соперничеству? Наконецъ, дарвинизмъ есть теорія не о жизни отдѣльныхъ видовъ только, но и всей органической жизни на землѣ,—жизни, которая въ своей эволюціи порождаетъ все высшія и высшія формы организмовъ, болѣе сложныя и болѣе совершенныя, причемъ параллельно съ развитіемъ физическимъ идетъ развитіе психическое, завершающееся образованіемъ человѣческаго *я*, т.-е. образованіемъ личности. Если таковы законы жизни, то дѣйствіе ихъ не можетъ не продолжаться и въ обществѣ: чѣмъ развитѣе индивидуумъ, тѣмъ менѣе общество въ состояніи его поглотить. Было бы, однако, односторонне думать, что дарвинизмъ признаётъ только одно личное начало, ибо съ точки зрѣнія этой теоріи подвергнуты были изслѣдованію и альтруистическія чувства съ соціальными инстинктами вездѣ, гдѣ только ни проявляются тѣ или другіе, что дало для соціологіи болѣе важные результаты, чѣмъ простое перенесеніе въ нее понятій борьбы за существованіе и естественнаго подбора. Было обращено вниманіе на то, что въ самой борьбѣ за существованіе есть, такъ сказать, двѣ стороны — борьба за свое существованіе и за существованіе вида или, вѣрнѣе говоря, за существованіе потомства, этотъ источникъ всѣхъ нашихъ альтруистическихъ стремленій, чувствъ и мыслей. Было обращено вниманіе и на эволюцію общественности, развивающей въ особяхъ соціальные инстинкты, этотъ источникъ всѣхъ тѣхъ моральныхъ связей, коими мы соединяемся съ обществомъ. Въ примѣненіи къ человѣку было установлено, что онъ никогда не велъ чисто индивидуальной, т.-е. изолированной, внѣ-общественной жизни, какую въ своемъ воображеніи рисовали подъ названіемъ „естественнаго состоянія“ философы XVII и XVIII вѣковъ. Абсолютный эгоизмъ и естественное состояніе оказались миѳами, которыхъ ничто уже не можетъ воскресить. Въ человѣческомъ индивидуумѣ соединены несліянно и нераздѣльно эгоизмъ и альтруизмъ, личное начало и общественный инстинктъ

въ разныхъ пропорціяхъ и комбинаціяхъ. Какъ и все въ мірѣ, эти соединенія противоположныхъ психическихъ состояній и стремленій, воплощенныя въ отдѣльныхъ индивидуумахъ, находятся въ постоянной эволюціи. Въ этой эволюціи находятся и сами эти соединенія, разсматриваемыя съ количественной и качественной точекъ зрѣнія, и ихъ отдѣльные элементы. И личное начало съ эгоизмомъ и общественность съ альтруистическими чувствами измѣняются въ своемъ характерѣ, въ способахъ своего проявленія, въ своихъ результатахъ: каждая сторона этого соединенія усложняется; проявленія каждой стороны дѣлаются разнообразнѣе; результаты становятся многочисленнѣе. Новая біологическая теорія приглашаетъ насъ прослѣдить генезисъ этихъ противоположныхъ чувствъ въ ихъ комбинаціяхъ и проявленіяхъ на простѣйшихъ формахъ общественной жизни, наблюдаемыхъ нами у животныхъ, и, знакомя насъ съ общественностью животныхъ, проливаетъ новый свѣтъ на интересующій насъ вопросъ.

Теорія Миртова о положеніи особи въ общественной жизни животныхъ. Сравнительное изученіе этнографическаго и историческаго матеріала даетъ въ распоряженіе соціологіи массу наблюденій, на основаніи коихъ мы можемъ прослѣдить эволюцію личнаго начала и общественности въ исторической жизни человѣчества. Къ сожалѣнію, увлеченные изслѣдованіемъ внѣшнихъ формъ, представители этого направленія соціологіи не всегда обращаютъ достаточное вниманіе на эволюцію внутреннихъ отношеній, существующихъ между личнымъ началомъ и общественностью. То же самое можно сказать и объ изслѣдователяхъ животныхъ общежитій, которые, останавливаясь на внѣшнихъ формахъ этихъ общежитій, нерѣдко упускаютъ изъ виду ихъ внутреннюю сторону. Только вслѣдствіе этого многіе изъ нихъ и позволяютъ себѣ находить аналогіи, напр., между пчелинымъ роемъ и монархіей, между муравейникомъ и республикой, т.-е. проводить чисто внѣшнія и поверхностныя сравненія, напоминающія аналогіи органической школы. Прибавимъ еще, что одинъ изъ наиболѣе видныхъ изслѣдователей животныхъ общежитій, Эспинасъ [1]), придерживается вдобавокъ органическаго взгляда на общество. Въ этомъ вопросѣ большая заслуга принадлежитъ Миртову, который, связавъ въ одно цѣлое общественную эволюцію у животныхъ, начиная съ низшихъ и кончая высшими, и въ человѣчествѣ отъ дикарей до цивилизованныхъ

[1]) Его работа „Общества животныхъ“ появилась позднѣе работъ Миртова и въ философскомъ отношеніи стоитъ гораздо ниже.

націй, не только показалъ, какъ нужно сравнивать между собою соціальныя формы зоологическаго и человѣческаго міровъ, но спеціально остановился на изслѣдованіи взаимныхъ отношеній между отдѣльною особью и соціальнымъ цѣлымъ на разныхъ ступеняхъ эволюціи. Основная его мысль та, что чѣмъ выше животный видъ на зоологической лѣстницѣ, тѣмъ менѣе раздѣленіе труда въ обществѣ обусловливается физіологическими свойствами особей, какъ это наблюдается, напр., у пчелъ, и что, съ другой стороны, чѣмъ выше животный видъ, тѣмъ менѣе особь способна пассивно и безропотно подчиняться общему, для всѣхъ разъ навсегда установившемуся укладу даннаго общежитія. Въ этомъ отношеніи высшую ступень среди общественныхъ животныхъ занимаютъ обезьяны, у которыхъ уже существуетъ, такъ сказать, личная свобода, своего рода индивидуализмъ, коего не наблюдается у пчелъ. Вообще съ этой точки зрѣнія не общества насѣкомыхъ, какъ то обыкновенно думаютъ, ближе къ человѣческому обществу, а общества позвоночныхъ. Въ нихъ же впервые появляется и принудительная власть въ лицѣ отдѣльныхъ особей. Миртовъ изслѣдуетъ общественность животныхъ не только со стороны ея организаціи, но и со стороны ея культуры, понимая подъ послѣднею общія повадки и привычки особей, источникъ того самаго „общественнаго духа", который новѣйшіе изслѣдователи находятъ въ началѣ соціальной эволюціи, пока не началось выдѣленіе личной оригинальности. Выводъ Миртова тотъ, что соціальная эволюція сопровождается эманципаціей личности. Можно сказать, что одною изъ самыхъ любимыхъ темъ въ соціологическихъ изслѣдованіяхъ названнаго писателя всегда было разсмотрѣніе того, какъ личная свобода въ культурномъ и соціальномъ смыслахъ все болѣе и болѣе развивается въ человѣческомъ мірѣ.

Антагонизмъ между личностью и обществомъ по теоріи Кидда. Эволюціонная теорія все болѣе и болѣе овладѣваетъ соціологическими построеніями, но и сама она понимается все шире и шире. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, пожалуй, всю новѣйшую соціологію можно назвать дарвинистическою, какъ можно назвать ее съ подобной же точки зрѣнія и контистской. Въ болѣе узкомъ значеніи послѣднимъ соціологическимъ трудомъ въ духѣ дарвинизма является „Соціальная эволюція" Бенжамена Кидда (1895),—трудъ, который отразилъ на себѣ многія пріобрѣтенія, сдѣланныя соціологическою мыслью съ тѣхъ поръ, какъ пробовали объяснить всю соціальную эволюцію борьбой за существованіе и естественнымъ подборомъ. Киддъ и до сихъ поръ ду-

маетъ, что въ этой борьбѣ, именно въ общественномъ соревнованіи или соперничествѣ—ключъ къ объясненію общественнаго развитія, и даже на этой почвѣ полемизируетъ съ соціализмомъ, стремящимся замѣнить индивидуальную конкурренцію соціальной регламентаціей, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ свою теорію онъ вноситъ много такого, чего не содержитъ въ себѣ дарвинизмъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова. Между прочимъ въ его объясненіяхъ играютъ въ высшей степени важную роль чисто психологическія соображенія. Но самое важное, на чемъ намъ слѣдуетъ здѣсь остановиться, это—его ученіе объ основномъ и непримиримомъ антагонизмѣ между индивидуумомъ и обществомъ.

Объ этой непримиримости Киддъ говоритъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги довольно много. Ее онъ прямо называетъ „центральнымъ фактомъ прогрессивныхъ обществъ“, „принципомъ, лежащимъ въ основѣ того общественнаго развитія, которое совершалось во всѣ историческія эпохи, и которое теперь въ нашей современной цивилизаціи идетъ ускореннымъ шагомъ“. Дѣло въ томъ, что въ этомъ развитіи „интересы личности и интересы соціальнаго организма, къ которому принадлежитъ личность, далеко не тождественны. Разумъ индивидуума долженъ всегда учить его, что настоящее и его собственные интересы въ этомъ настоящемъ для него все. Тѣ же силы, которыя вырабатываютъ это развитіе, имѣютъ дѣло не съ интересами личностей, а съ совершенно отличными отъ нихъ интересами соціальнаго организма, подверженнаго совсѣмъ другимъ условіямъ и обладающаго гораздо болѣе продолжительною жизнью“. Въ личности развивается разумъ, который и открываетъ существованіе этого антагонизма. „Если же интересы прогрессивнаго общества, какъ цѣлаго, и интересы составляющихъ это общество личностей по природѣ непримиримы, то очевидно, что для членовъ этого общества никогда не можетъ существовать универсальной санкціи разума по отношенію къ существующему порядку вещей“. Таковъ выводъ, къ которому, по Кидду, неизбѣжно приходитъ эволюціонное ученіе. Всѣ „системы моральной философіи, говоритъ онъ, которыя старались найти разумную санкцію для человѣка въ обществѣ, . . . предпринимали работу, отъ природы невыполнимую“. Киддъ особенно настаиваетъ на томъ, что „основныя органическія условія жизни дѣлаютъ прогрессъ возможнымъ только при условіяхъ, которыя никогда не имѣли, да и теперь не имѣютъ никакой санкціи разума большинства покоряющихся имъ личностей“, что „значительное число людей не имѣетъ никакого личнаго интереса

поддерживать прогрессъ расы или участвовать въ происходящемъ общественномъ развитіи“ и т. п., ибо интересы индивидуума касаются его личнаго благополучія, а интересы общества тѣсно связаны съ благополучіемъ будущихъ поколѣній. Онъ совершенно отрицаетъ исходный пунктъ утилитаристической этики, признающей, что интересы личности и цѣлаго общества совпадаютъ, какъ отрицаетъ и заключеніе этики эволюціонной (Спенсера), что исторія вырабатываетъ постепенное согласованіе между тѣми и другими интересами до полнаго ихъ слиянія воедино въ будущемъ. Этого никогда не было и не будетъ. „Совершающійся въ человѣческомъ обществѣ прогрессъ постоянно развиваетъ двѣ по существу антагонистическія другъ другу тенденціи, а именно тенденцію, требующую все бо́льшаго подчиненія индивидуума обществу, и раціоналистическую тенденцію, заставляющую въ то же время индивидуумъ съ постоянно возрастающей настойчивостью сомнѣваться въ справедливости притязаній общества подчинить его порядку, въ сохраненіи коего онъ не имѣетъ никакого интереса и который дѣйствуетъ главнымъ образомъ въ интересахъ еще не родившихся поколѣній“: Киддъ именно всюду и доказываетъ, что „разумъ не въ состояніи вызвать подобнаго подчиненія“. Но съ другой стороны, онъ признаётъ дѣйствіе въ обществѣ особыхъ этическихъ силъ, подчиняющихъ себѣ человѣка, который поэтому „во всѣ эпохи своего общественнаго развитія и велъ борьбу съ цѣлью покорить себѣ свой же собственный разумъ“. Въ данномъ случаѣ Киддомъ имѣются въ виду, съ одной стороны, альтруистическія чувства, съ другой, то, что онъ называетъ супрараціональными, т.-е. сверхъ-разумными санкціями, которыя, по его мнѣнію, и составляютъ сущность религіозныхъ вѣрованій. Правда, въ исторіи этихъ вѣрованій всегда выдвигалось на первый планъ сверхъ-естественное, но это, по Кидду, черта преходящая: и современный соціализмъ, дающій тоже сверхъ-разумную санкцію поведенію личности въ обществѣ, онъ готовъ назвать религіей, хотя самъ и не раздѣляетъ этой религіи, придерживаясь той идеи, что „личное соревнованіе и жизненная конкурренція не только теперь, но и съ самаго начала жизни являлись основнымъ стимуломъ всего процесса“. Основную силу общественнаго развитія этотъ соціологъ-дарвинистъ, исходящій изъ чисто индивидуалистическихъ воззрѣній и отстаивающій свободную конкурренцію, видитъ не въ прогрессѣ разума, а въ этическомъ движеніи, „снабжающемъ насъ санкціями, необходимыми для обезпеченія постояннаго подчиненія интересовъ самодовлѣющей личности интересамъ цѣлаго обще-

ства". Въ концѣ-концовъ у Кидда, несмотря на весь „натурализмъ" его теоріи, соціальная эволюція представляется, какъ процессъ главнымъ образомъ религіозный (въ указанномъ смыслѣ слова). „Религія, говоритъ онъ, есть образъ вѣрованій, который снабжаетъ ультра-раціональными правилами ту обширную область личной жизни, гдѣ личные интересы и интересы соціальнаго организма противоположны другъ другу, и посредствомъ котораго первые интересы подчиняются вторымъ въ силу общихъ интересовъ эволюціи всей расы". Въ будущемъ онъ пророчитъ религіи (въ такомъ пониманіи слова) не уменьшеніе и ослабленіе, а напротивъ, усиленіе и увеличеніе. И для Кидда „истинной органической единицей, съ которой „должна имѣть дѣло наука", является „соціальная система, основанная на извѣстной формѣ религіознаго вѣрованія", т.-е. культурная группа, объединенная на чисто психической почвѣ одпѣми и тѣми же идеями о должномъ касательно взаимныхъ отношеній личности и общества. Насколько вѣренъ такой взглядъ, — это другое дѣло, но вся важность здѣсь въ переводѣ вопроса на психологическую (и этическую) почву.

Постановка вопроса въ теоріи экономическаго матеріализма. Наибольшее вліяніе на соціологическія теоріи второй половины XIX вѣка, кромѣ Спенсера и Дарвина, оказалъ Марксъ. Вліяніе этихъ трехъ мыслителей сказалось не только въ томъ, что образовалось три разныхъ направленія соціологіи, но и въ томъ, что соціологи, не причисляющіе себя ни къ одной изъ этихъ „школъ", тѣмъ не менѣе могутъ также считаться въ извѣстной мѣрѣ послѣдователями этихъ трехъ мыслителей. Это слѣдуетъ сказать между прочимъ о Миртовѣ и Михайловскомъ, ученіе коихъ о личности сдѣлалось, однако, предметомъ особенно сильной полемики со стороны русскихъ марксистовъ, напавшихъ на принципъ личности, какъ на совершенно ненаучный. Самое существенное въ этой полемикѣ разсмотрѣно нами было выше: вопросъ сводится къ тому, какую роль личность играетъ въ исторіи, какъ эволюціонный факторъ. Отрицаніе этой роли возможно при весьма различныхъ концепціяхъ общества, и наоборотъ, раздѣляя мысль о чисто экономической основѣ общества, можно тѣмъ не менѣе признавать значеніе личнаго воздѣйствія. Вообще въ современныхъ историологическихъ теоріяхъ анти-индивидуалистическая тенденція весьма сильна, образцемъ чего можетъ служить книга Бурдо (1888) „Исторія и историки" [1]). Экономическій матеріализмъ въ этомъ отношеніи не

---

[1]) Бурдо проводитъ въ своей книгѣ ту мысль, что въ исторіи дѣйствуютъ „всѣ", а не отдѣльныя единицы, но на самомъ дѣлѣ онъ превращаетъ коллек-

представляетъ какого-либо исключительнаго явленія. Въ самомъ немъ, однако, въ томъ видѣ, какой онъ имѣетъ въ настоящее время, многое еще между собою несогласовано. Проповѣдуя роковую стихійность историческаго процесса, сторонники этой теоріи не могутъ понимать его въ смыслѣ чисто безличной эволюціи, ибо этотъ процессъ заключается для нихъ въ борьбѣ классовъ, которые суть соединенія индивидуумовъ, въ концѣ-концовъ и выступающихъ коллективно въ этой борьбѣ. И это послѣднее представленіе нельзя считать исключительною собственностью экономическаго матеріализма. Совершенно такой же взглядъ мы находимъ, напр., въ соціологической теоріи Гумпловича, занимающаго въ соціальномъ вопросѣ позицію, прямо противоположную позиціи Маркса. Австрійскій соціологъ стоитъ именно на той точкѣ зрѣнія, что въ наукѣ объ обществѣ нужно исходить не изъ понятія личности и не изъ понятія общества, а изъ понятія общественной группы (скопища, орды, класса и т. п.). Такая группа есть, по его мнѣнію, первичный фактъ, а личность есть уже нѣчто производное. Въ обществѣ, говоритъ онъ, нѣтъ взаимодѣйствія между отдѣльными лицами, а есть только взаимодѣйствіе между отдѣльными группами, ибо лишь группы суть простые элементы, изъ коихъ исходятъ всѣ соціальныя дѣйствія. Государство есть организованное господство одной группы надъ другими. „То, что мыслитъ въ человѣкѣ, прибавляетъ Гумпловичъ, это вовсе не онъ, а его соціальная группа; источникъ его мышленія заключается вовсе не въ немъ, а въ соціальной средѣ, въ коей онъ живетъ, въ соціальной атмосферѣ, коей онъ дышетъ“. Это очень близко подходитъ ко взглядамъ послѣдователей экономическаго матеріализма. Конечно, въ такой концепціи есть сходство и съ ученіями, настаивающими на томъ, что личность есть только соціальный продуктъ (органическая школа), и съ тѣми, которыя выдвигаютъ на первый планъ идею борьбы индивидуумовъ (дарвинистическая школа), съ тѣмъ лишь различіемъ, что личность является здѣсь ближайшимъ образомъ продуктомъ не всего общества, а извѣстной общественной группы,

---

тивную работу многихъ въ безличную работу „всѣхъ“, не различая среди этихъ „всѣхъ“ никакихъ категорій дѣятелей. Положимъ, что такой-то NN совершилъ извѣстный поступокъ: въ сущности онъ совершенъ не этимъ NN, а „всѣми“. Дѣйствіе каждаго на всѣхъ безконечно мало, тогда какъ дѣйствіе всѣхъ на каждаго почти безпредѣльно. Массѣ именно принадлежитъ роль иниціативы и направленія, а единица есть только органъ массы. Въ частностяхъ, однако, Бурдо не выдерживаетъ основной точки зрѣнія, и его теорія страдаетъ отъ цѣлаго ряда противорѣчій, въ которыя онъ впадаетъ на каждомъ шагу.

и что борятся между собою личности не въ одиночку, а соединенными въ извѣстныя общественныя группы.

Личность и общественные классы. Эта соціологическая идея заслуживаетъ того, чтобы на ней здѣсь остановиться для выясненія вопроса о положеніи личности въ обществѣ еще съ новой стороны. Экономическому матеріализму можно поставить въ заслугу, что онъ съ такою настойчивостью проводитъ идею классовой борьбы, заимствованной Марксомъ у французскихъ историковъ и соціальныхъ реформаторовъ. Въ жизненной борьбѣ участвуютъ въ качествѣ сторонъ не только отдѣльные индивидуумы, но и цѣлыя общественныя группы, хотя, конечно, основаніемъ для образованія этихъ группъ могутъ служить не одни матеріальные интересы, не одна принадлежность индивидуумовъ къ одной и той же экономической категоріи. И отдѣльныя личности выступаютъ въ этой борьбѣ, именно какъ представители классовыхъ интересовъ, носители классовыхъ идей, но это еще не значитъ, что классовое сознаніе есть непремѣнно классовое въ экономическомъ смыслѣ, а не групповое вообще (національное, вѣроисповѣдное, партійное и т. п.), какъ не значитъ и того, будто оно вырабатывается само собою, а не отдѣльными личностями съ болѣе развитою инициіативою и не усвоивается отъ нихъ по мѣрѣ своей выработки болѣе пассивными натурами, и будто всѣ проявленія личной жизни и дѣятельности безъ всякаго остатка сводятся къ жизни группы или класса, какъ если бы индивидуумъ былъ только членомъ данной группы, даннаго класса, простымъ продуктомъ групповой или классовой среды безъ всякаго своего *я*. Соціологія должна, конечно, изучать и расчлененіе общества на культурныя группы и соціальные классы съ точки зрѣнія соціальной дифференціаціи и раздѣленія труда, съ точки зрѣнія ихъ мирнаго взаимодѣйствія или борьбы между ними, основанной на несходствѣ мыслей, чувствъ, стремленій ихъ членовъ и совпаденіи либо противоположности ихъ интересовъ съ точки зрѣнія блага, осуществляемаго обмѣномъ разнородныхъ идей, настроеній, стремленій, услугъ и наконецъ продуктовъ, который происходитъ, благодаря соціальной дифференціаціи и раздѣленію труда, или съ точки зрѣнія зла, приносимаго разобщенностью культурныхъ слоевъ общества и эксплуатаціей однихъ классовъ другими, — однимъ словомъ, расчлененіе общества на культурныя группы и соціальные классы соціологія должна изучать съ разныхъ сторонъ, но при этомъ она никоимъ образомъ не имѣетъ права забывать вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ, какія существуютъ между личностью и обществомъ, беря послѣднее не въ смыслѣ „со-

ціальнаго организма“, а и въ смыслѣ всей совокупности, и въ смыслѣ отдѣльныхъ культурно-соціальныхъ группъ и классовъ. Поскольку личность есть продуктъ общества, она, конечно, есть ближайшимъ образомъ продуктъ своей группы, своего класса, но еще вопросъ, можетъ ли быть личность вообще только продуктомъ, можетъ ли группа или классъ вообще всегда поглощать личность безъ остатка, и не происходитъ ли въ группахъ или классахъ психическаго и практическаго взаимодѣйствія между личностями, создающаго групповое сознаніе и классовые интересы, не замѣчается ли еще борьбы личности противъ чрезмѣрныхъ притязаній группы или класса. Если исторія общества есть борьба классовъ, то исторія самихъ классовъ есть борьба личностей, отстаивающихъ себя и своихъ ближайшихъ согражданъ противъ другихъ классовъ и отдѣльныхъ личностей и въ своей жизненной борьбѣ объединяющихся въ классы съ сознаніемъ своего единства и организаціей своихъ силъ. Какъ ни односторонне представляетъ экономическій матеріализмъ содержаніе соціальнаго процесса, но онъ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ органическая теорія или дарвинистическая соціологія: въ данномъ случаѣ онъ довольно вѣрно схватываетъ сущность настоящей исторической науки, которая за внѣшними культурно-соціальными формами ищетъ внутренней исторіи общества, понимаемой, какъ исторія общественныхъ группъ и классовъ (культурныхъ и экономическихъ), между которыми распредѣляются всѣ члены общества, т.-е. живыя человѣческія личности. И здѣсь самъ собою выдвигается теоретическій вопросъ психологическаго содержанія: какъ образуется коллективное (групповое или классовое) сознаніе и въ какомъ отношеніи находится къ нему сознаніе индивидуальное?

Индивидуальная свобода и соціальная необходимость. Въ самое послѣднее время нѣкоторые представители экономическаго матеріализма стали разсматривать антитезу личнаго начала и общественности, какъ антитезу свободы и необходимости. Такую постановку вопроса нельзя назвать удачною. Соціологія съ своимъ ученіемъ о томъ, что общественныя явленія совершаются закономѣрно, и вообще идея о томъ, что человѣческія дѣйствія подчинены дѣйствію законовъ, вызвали противъ себя оппозицію со стороны защитниковъ ученія о свободѣ воли. Но свобода воли въ томъ смыслѣ, въ какомъ въ данномъ случаѣ бралось это понятіе, значитъ въ концѣ-концовъ полное отсутствіе необходимости, т.-е. возможность безпричинныхъ дѣйствій, или такихъ дѣйствій, причины коихъ сами не зависятъ ни отъ ка-

вихъ причинъ. Сторонники этого воззрѣнія явились противниками идеи закономѣрности общественныхъ явленій, поскольку послѣднія слагаются изъ человѣческихъ поступковъ или отъ нихъ зависятъ, какъ идеи, противорѣчащей свободной волѣ человѣка: по ихъ словамъ, соціологія проповѣдуетъ фатализмъ. Теперь экономическіе матеріалисты, такъ сказать, начинаютъ представлять дѣло въ обратномъ смыслѣ. Основываясь на томъ, что въ мірѣ все закономѣрно, все совершается необходимо и подчинено причинности, они думаютъ, будто признаніе личнаго начала противорѣчитъ этой идеѣ, словно это признаніе совершенно равносильно ученію о свободѣ воли. Здѣсь скрывается несомнѣнное недоразумѣніе. Антитеза личности и общества не совпадаетъ съ антитезой свободы и необходимости. И тѣ явленія, которымъ мы приписываемъ характеръ личный, и тѣ, въ коихъ, наоборотъ, находимъ всѣ признаки общественнаго происхожденія, одинаково совершаются закономѣрно, одинаково необходимы: свободы въ смыслѣ безпричинности нѣтъ, ни тамъ, конечно, ни здѣсь. То, что можетъ казаться личною свободою отъ соціальной необходимости, вовсе не есть какое-то проявленіе безпричинности, а результатъ дѣйствія нѣкоторой другой необходимости, т.-е. причинъ не-соціальнаго характера. Соціологическіе законы не устраняютъ дѣйствія законовъ психологическихъ и біологическихъ, и соціальная необходимость постоянно нарушается вторженіемъ въ нее результатовъ необходимости психологической и біологической. Если бы личность была только продуктомъ общества и всецѣло поглощалась обществомъ, ни о какой противоположности между личнымъ началомъ и общественностью не могло бы быть и рѣчи. Дѣло въ томъ, однако, что сводя общественность, какъ это дѣлаютъ экономическіе матеріалисты, къ чисто внѣшней средѣ, въ которой господствуетъ строгая причинность, мы не должны забывать, что общество не есть только среда, что въ то же время оно есть совокупность индивидуумовъ, въ жизни коихъ господствуетъ своя причинность—психологическая и біологическая, и что необходимость соціальная и эта необходимость индивидуальная могутъ между собою не совпадать. Хотя индивидуумъ въ разныхъ сторонахъ своего бытія и обусловливается извнѣ обществомъ, какъ извѣстнаго рода культурною средою и соціальною организаціей, но онъ обусловливается и изнутри физическими и психическими качествами своей индивидуальности, т.-е. собственнаго организма и своего *я*. Велика ли, мала ли эта независимость индивидуума отъ общества, она существуетъ, и признавать ее мы обязаны, нисколько не рискуя

впадать въ заблужденіе, заключающееся въ ученіи о могущей безпричинно дѣйствовать человѣческой волѣ. Экономическіе матеріалисты хотѣли бы объяснять всѣ общественныя явленія одною по отношенію къ людямъ внѣшнею необходимостью. Эта необходимость по отношенію къ самому обществу, взятому, какъ соціальная (экономическая) организація и культурная среда обусловливаемая, по этому ученію, единственно однимъ экономическимъ строемъ, кажется имъ необходимостью внутреннею, и они съ своей точки зрѣнія правы, по этой внутренней необходимости приходится осуществляться среди дѣйствія силъ, по отношенію къ ней внѣшнихъ, т.-е. дѣйствующихъ не въ обществѣ, какъ въ чемъ-то отличномъ отъ человѣка, а въ самомъ человѣкѣ, въ самихъ индивидуумахъ, занимающихъ тѣ или другія мѣста въ этой организаціи. Конечно, нельзя отрицать важности вопроса о необходимости и свободѣ, но въ той постановкѣ, какая ему дается экономическимъ матеріализмомъ, вопросъ этотъ скорѣе запутываетъ, чѣмъ разъясняетъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между личностью и обществомъ. Если при разсмотрѣніи этого предмета нельзя обходиться безъ понятія свободы, то никакъ не въ значеніи чего-то противоположнаго причинности, необходимости и закономѣрности: такой свободы не существуетъ, и говорить о ней, стало-быть, нечего. Но есть другая свобода — свобода отъ всеуравнивающаго вліянія культурной среды, т.-е. выдѣленіе личной оригинальности изъ массоваго однообразія, и свобода отъ всепоглощающей соціальной организаціи, т.-е. изъятіе личности изъ подчиненія лишь тѣмъ цѣлямъ, которыя не суть ея собственныя цѣли. *Этой*, духовной и гражданской свободы не отрицаютъ и экономическіе матеріалисты: они только имѣютъ свой особенный взглядъ на тотъ общественный строй, который способенъ осуществить такую свободу личности, и на строй, идя по которому, общество можетъ осуществить этотъ самый путь. Можно соглашаться или не соглашаться съ ними относительно этого строя или этого пути, можно распространять свое согласіе или несогласіе одновременно на оба эти пункта или только на то или другое, взятое въ отдѣльности, во всякомъ случаѣ постановка вопроса о личности и обществѣ, смѣшивающая этотъ вопросъ съ совершенно другимъ—о свободѣ воли и необходимости или причинности, не можетъ быть признана удачною.

Не разъ уже отмѣчалось выше, что экономическій матеріализмъ возникъ и развился внѣ связи съ остальной соціологической литературой. Только-что указанною постановкою вопроса

о личности и обществѣ представители этого ученія лишь заплатили дань своей особой связи съ нѣмецкой метафизикой и своему малому знакомству съ соціологіей, возникшей на почвѣ позитивныхъ стремленій вѣка.

Вопросъ о личности и обществѣ въ научномъ соціализмѣ. Связанный одною своею стороною съ нѣмецкой метафизикой (съ гегельянствомъ и матеріализмомъ у Маркса, Энгельса, Бельтова, съ неокантіанствомъ у Струве и Булгакова), другою своею стороною экономическій матеріализмъ входитъ, какъ составная часть, въ такъ называемый научный соціализмъ, противополагающій себя соціализму утопическому. О взаимныхъ отношеніяхъ между соціализмомъ вообще и соціологіей рѣчь будетъ итти еще впереди. Здѣсь мы отмѣтимъ только, что теоретическій соціализмъ и соціологія, такъ сказать, примыкаютъ къ одному источнику: первый былъ реакціей противъ индивидуалистичности, второй—противъ метафизичности общественной философіи XVIII в. Сенъ-Симонъ является родоначальникомъ французскаго авторитарнаго соціализма и вдохновителемъ Конта, какъ основателя соціологіи. Мы видѣли, что реакція противъ индивидуализма отразилась и на соціологической теоріи Конта, но и общественный идеалъ Конта былъ близокъ къ идеалу авторитарнаго соціализма. Дальнѣйшее развитіе соціологіи совершалось не въ этомъ направленіи, но и развитіе соціализма пошло равнымъ образомъ не по тому пути, который былъ намѣченъ первыми его проповѣдниками, исключая Фурье съ его проповѣдью индивидуальной свободы, т.-е. того, въ чемъ другіе теоретики соціализма видѣли причину всякаго общественнаго зла. Утопическій соціализмъ былъ своего рода отрицаніемъ правъ личности во имя правъ общества. Карлъ Марксъ и Энгельсъ, съумѣвшіе взглянуть на утопическій соціализмъ съ чисто исторической точки зрѣнія, т.-е. признавшіе его важность, какъ момента въ развитіи соціальной идеи, осудили его зато, какъ научную теорію. Здѣсь не мѣсто разсматривать противоположность обѣихъ формъ соціализма во всѣхъ пунктахъ, тѣмъ болѣе, что нами уже было кое-что сказано объ этой противоположности. Нельзя только не отмѣтить при разсмотрѣніи вопроса о личности и обществѣ, что научный соціализмъ гораздо благосклоннѣе относится къ индивидуальной свободѣ, чѣмъ соціализмъ старыхъ утопистовъ (опять, конечно, исключая Фурье). Марксъ обнаруживаетъ противорѣчіе, существующее въ современномъ обществѣ между соціальнымъ характеромъ производства и индивидуальнымъ характеромъ собственности. Извѣстно, какъ представляетъ себѣ Марксъ выходъ

изъ этого противорѣчія, но этотъ выходъ мыслится имъ въ пользу личностей, а не какого-то отвлеченнаго цѣлаго, не въ пользу гипостазированнаго „единства“ прежнихъ французскихъ соціалистовъ и Конта. Основатели экономическаго матеріализма думаютъ даже, что соціальная эволюція, какъ они ее понимаютъ, ведетъ къ упраздненію государства, какъ государства, хотя это и должно осуществиться посредствомъ переходнаго состоянія, въ которомъ государственное вмѣшательство будетъ доведено до весьма высокой степени. Съ ихъ точки зрѣнія государство, призванное по общераспространенному мнѣнію главнымъ образомъ къ обезпеченію за гражданами ихъ личныхъ правъ и независимости за всею ихъ общностью, служитъ преимущественно тому, чтобы гарантировать за классомъ эксплуатирующихъ ихъ привилегіи,—взглядъ, съ коимъ мы встрѣчаемся и у Гумпловича, противника соціалистовъ и весьма большого государственника, взглядъ, коему притомъ нельзя отказать въ исторической вѣрности. Если смотрѣть на государство только съ этой точки зрѣнія, то дѣйствительно ему ничего не останется дѣлать, какъ упраздниться, когда оно само упразднитъ защищаемыя имъ привилегіи. Научный соціализмъ, однако, не заглядываетъ въ далекое будущее прямо по принципу и не рѣшаетъ вопроса объ отношеніи будущей коллективистической организаціи къ личной свободѣ, которую въ принципѣ же вполнѣ сохраняетъ, отрѣшившись ради идеи блага отдѣльныхъ личностей отъ всѣхъ идей, въ коихъ гипостазировались дѣйствительно коллективныя существованія, каковы нація, государство, человѣчество, общественный организмъ. Его политико-экономическія воззрѣнія гораздо индивидуалистичнѣе по цѣли, которую онъ ставитъ существованію народнаго богатства, чѣмъ положенія той яко-бы индивидуалистической политической экономіи (такъ называемой либеральной), которая вызвала вѣрное замѣчаніе одного стараго критика: „можно подумать, что человѣкъ существуетъ для богатства, а не богатство для человѣка“.

Какое впечатлѣніе съ этой стороны производитъ теорія Маркса на такого безпристрастнаго критика, какъ Анри Мишель, можно видѣть изъ слѣдующихъ его словъ: „вездѣ въ этой доктринѣ я вижу индивидуумъ въ погонѣ за своимъ личнымъ благомъ, и когда я ищу общину (la cité), я уже не нахожу ея болѣе. Будетъ ли столь сложная, столь заваленная дѣломъ администрація, которая станетъ распредѣлять работу, пользованіе, будетъ ли она сколько-нибудь заботиться объ интересахъ общихъ, возвышенныхъ, *коллективныхъ*?“ Не для однихъ марк-

систовъ этотъ выводъ можетъ показаться неожиданнымъ, но его нельзя назвать невѣрнымъ. И въ томъ, что марксизмъ приводитъ къ такой индивидуалистической концепціи, нѣтъ ничего ужаснаго, особенно если принять въ соображеніе существованіе другихъ соціологическихъ взглядовъ, по которымъ личность должна совершенно игнорироваться (quantité négligeable). Прибавимъ, что столь постоянно оспариваемые русскими экономическими матеріалистами—Миртовъ и Михайловскій, эти защитники принципа личности,—въ сущности стоятъ въ пониманіи взаимныхъ отношеній индивидуализма и коллективизма совершенно на той же точкѣ зрѣнія, какъ и Марксъ; изъ этого взгляда они исходятъ и тогда, когда критикуютъ невѣрное пониманіе представителями органической школы и дарвинистической соціологіи тѣхъ отношеній, какія существуютъ между личностью и обществомъ. Вращаясь исключительно въ кругу идей и тезисовъ своей школы или дѣлая экскурсіи лишь въ сторону нѣмецкой философіи,—какъ будто не существуетъ еще цѣлой соціологической литературы, достойной изученія, хотя бы только для полнаго ея ниспроверженія ради лучшаго утвержденія положеній экономическаго матеріализма,—представители этого направленія сами себя лишаютъ возможности поставить вопросъ о личности и обществѣ такъ же широко и научно, какъ дѣлаютъ это соціологи, во многихъ существеннѣйшихъ пунктахъ раздѣляющіе взгляды Маркса, но не думающіе, что въ нихъ вся истина и все одинаково истинно.

Во всякомъ случаѣ и соціологія, и соціализмъ, которые въ эпоху своего возникновенія носили на себѣ рѣзкіе признаки анти-индивидуалистической реакціи, мало-по-малу стали отъ нея отрѣшаться и совершать эволюцію въ сторону признанія за личнымъ началомъ реальнаго значенія въ общественной жизни и въ сторону признанія за личностью правъ, которыя не могутъ быть отчуждены въ пользу какого бы то ни было „единства“. На путь такого сочетанія соціологической идеи и коллективистическаго идеала съ индивидуализмомъ—съ полнымъ пониманіемъ задачи и яснымъ сознаніемъ ея рѣшенія—весьма рано выступила русская соціологическая литература, благодаря своему стремленію къ синтезу отдѣльныхъ одностороннихъ ученій, среди коихъ свое мѣсто принадлежитъ и экономическому матеріализму.

Вопросъ о личности и обществѣ съ психологической точки зрѣнія. Все болѣе и болѣе начиная заниматься личностью, соціологія тѣмъ самымъ все болѣе и болѣе соприкасается съ психологіей, въ которой, съ другой стороны, подъ вліяніемъ соціологической мысли стало развиваться цѣлое на-

правленіе коллективной психологіи. Новѣйшіе соціологическіе трактаты въ значительной мѣрѣ являются и трактатами психологическими. Это можно сказать и о трудахъ, написанныхъ въ духѣ органической теоріи, каковы сочиненія Дюркгейма, Изуле и даже Вормса. Какъ было уже показано, и въ этихъ соціологическихъ работахъ ставится вопросъ объ отношеніяхъ между личнымъ началомъ и общественностью въ психической сферѣ жизни. Но и въ тѣхъ соціологическихъ или родственныхъ попыткахъ, въ коихъ психологическому изслѣдованію отводится самостоятельное значеніе, уже давнымъ давно ставился тотъ же вопросъ—и въ „психологіи народовъ" Лацаруса и Штейнталя (1860), и въ „Психологіи общества" Линднера (1872), не говоря о болѣе позднихъ трудахъ. Подъ вліяніемъ органическихъ воззрѣній въ коллективной психологіи стали высказываться особаго рода взгляды на этотъ предметъ. Явилось представленіе о коллективномъ сознаніи (или соціальной психикѣ), какъ о чемъ-то изначальномъ, предшествующемъ чисто личному сознанію, его образующемъ, какъ о чемъ-то, поглощающемъ индивидуальную психику, которая въ немъ сначала совершенно тонетъ и лишь впослѣдствіи изъ него постепенно выдѣляется. Факты психической зависимости личности отъ окружающей культурной среды и слабаго развитія индивидуальной оригинальности на низшихъ ступеняхъ соціальнаго развитія были не только обобщены, но и положены въ основу научнаго понятія, отъ котораго недалеко до миѳологіи „народнаго духа". Это коллективное сознаніе существуетъ не только въ отдѣльныхъ личностяхъ, какъ бы вложенное въ нихъ извнѣ и ими только „носимое", но и чрезъ личности, какъ нѣчто ими „творимое" и исходящее изъ нихъ для образованія какъ-бы внѣ ихъ—особой культурной среды или того, что нѣмецкіе философы назвали „объективнымъ духомъ" (языкъ, религія, нравы, обычаи народа и т. д.) въ отличіе отъ духа субъективнаго (внутреннихъ состояній личности). Самое воспріятіе отдѣльными носителями коллективнаго сознанія всего того, что составляетъ содержаніе этого „объективнаго духа", т.-е. общихъ цѣлому обществу (или отдѣльнымъ группамъ и классамъ) мыслей, настроеній, стремленій и образовъ дѣйствія, совершается не въ томъ смыслѣ, что какое-то особое существо, называемое обществомъ, формируетъ по образу своему и подобію другое существо, называемое индивидуумомъ, а въ томъ, что одни индивидуумы дѣйствуютъ на другихъ, равно какъ и обратное дѣйствіе индивидуума на общество не есть дѣйствіе маленькаго существа, индивидуума, на большое существо, обще-

ство, а дѣйствіе одной психической единицы на множество другихъ, однородныхъ съ нею психическихъ единицъ. Вообще въ послѣднемъ анализѣ взаимныя отношенія между личностью и обществомъ, взятымъ въ смыслѣ духовнаго единства, сводятся къ дѣйствіямъ, воздѣйствіямъ и взаимодѣйствіямъ между отдѣльными личностями. Общество не организмъ, а система разнаго рода психическихъ дѣйствій, воздѣйствій и взаимодѣйствій, происходящихъ между отдѣльными индивидуумами. На этой почвѣ и нужно изучать,—начиная съ простѣйшихъ,—взаимныя отношенія личности и общества, чтобы постепенно перейти къ болѣе сложнымъ отношеніямъ соціальной организаціи съ ея раздѣленіемъ труда, обмѣномъ услугъ и продуктовъ и борьбою классовъ, съ ея принудительной регламентаціей практическихъ отношеній между отдѣльными индивидуумами, съ ея властью, подчиняющей всѣ части одному цѣлому. Выше было уже отмѣчено, въ какихъ научныхъ направленіяхъ изучается это психическое взаимодѣйствіе. Еще разъ напомнимъ, что въ разработкѣ этого вопроса весьма видное мѣсто принадлежитъ Михайловскому, работы котораго были уже названы въ своемъ мѣстѣ [1]). Исходнымъ пунктомъ психологическаго изученія общества, какъ нѣкотораго единства, должно быть не общество, а составляющія его психическія единицы, т.-е. отдѣльныя личности, однимъ словомъ—„индивидуумъ". Это исходный пунктъ, діаметрально противоположный идеѣ общественнаго организма. Къ числу представителей болѣе вѣрнаго взгляда мы должны отнести и автора „Законовъ подражанія", Тарда, который въ новѣйшемъ трудѣ своемъ „Соціальная логика" (1895) также высказываетъ нѣсколько вѣскихъ замѣчаній противъ органической аналогіи. Сводя соціальныя явленія къ основному факту подражанія,—что, конечно, одностороннее,—онъ признаётъ рядомъ съ нимъ существованіе другого факта—изобрѣтенія, т.-е. инноваціи, личной инициативы, дѣлающейся посредствомъ подражанія достояніемъ общества. Законамъ этого „изобрѣтенія" онъ посвятилъ интересную главу своей „Соціальной логики". Болѣе вѣрный взглядъ на психическія отношенія между личностью и обществомъ мы находимъ также у американскихъ соціологовъ—Лестера Уорда и Гиддинса.

Заключеніе. Общество не есть простая совокупность личностей, находящихся въ психическомъ и практическомъ взаимодѣйствіи, но и цѣлая система этихъ взаимодѣйствій, въ коей послѣднія получаютъ извѣстныя постоянныя формы, извѣстную орга-

---

[1]) См. выше, стр. 63 и 106.

низацію. По отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, составляющимъ общество, совокупность этихъ формъ и эта организація играютъ роль внѣшней среды, дающей личностямъ извѣстную окраску и извѣстнымъ образомъ опредѣляющей ихъ дѣятельность, подчиняющей ихъ себѣ, какъ сложившейся культурно-соціальной системѣ. Но эта среда, являющаяся продуктомъ надъ-органическаго развитія, существуетъ лишь въ отдѣльныхъ личностяхъ (культурныя формы) и чрезъ отдѣльныя личности (соціальная организація). Индивидуумы, однако, суть не только носители общихъ культурныхъ формъ и элементы соціальной организаціи: они—носители готовыхъ идей, настроеній и стремленій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и творцы новыхъ идей, настроеній, стремленій; они—элементы соціальной организаціи, но сама она для нихъ лишь великое орудіе, посредствомъ коего они достигаютъ своихъ цѣлей. Между личностями и этой культурно-соціальною, или надъ-органическою средою совершается постоянное взаимодѣйствіе, все усложняющееся и усложняющееся, но вмѣстѣ съ тѣмъ и все болѣе и болѣе превращающее индивидуумъ изъ носителя чужихъ идей, настроеній и стремленій въ творца своего собственнаго внутренняго міра, изъ простой части общественнаго механизма въ механика, который дѣлаетъ этотъ механизмъ орудіемъ людского благополучія. Философія XVIII вѣка выдвинула идею „личности“, но въ началѣ XIX столѣтія вызвала реакцію, приведшую къ созданію „народнаго духа“ и „общественнаго организма“. Соціологія второй половины XIX вѣка занялась синтезомъ этихъ понятій. Личность и культурно-соціальная среда (народный духъ и общественный организмъ) независимо другъ отъ друга не существуютъ. Нѣтъ и быть не можетъ надъ-органической среды, которая совершенно подчиняла бы личность народному духу и общественному организму, но и личность немыслима внѣ всякой культуры и организаціи. Но если среда эта въ послѣднемъ анализѣ существуетъ лишь въ индивидуумахъ и чрезъ индивидуумы, то существуетъ она и для индивидуумовъ—въ томъ смыслѣ, что дѣятельность ихъ и ихъ взаимодѣйствіе совершаются по ставимымъ ими себѣ цѣлямъ, которыя, хотя и не всегда такъ осуществляются, какъ того хотятъ, или даже вовсе не осуществляются, тѣмъ не менѣе не перестаютъ ставиться людьми и ставиться не перестанутъ, пока люди живы. Развитіе личности и развитіе культурно-соціальной среды сопровождаются преобразованіемъ этихъ цѣлей и средствъ для ихъ достиженія. На извѣстной ступени развитія начинается творчество общественныхъ идеаловъ, и на извѣстной же ступени раз-

витія ставится вопросъ о томъ, какимъ путемъ лучше всего достигнуть идеала.

Этого творчества общественныхъ идеаловъ,—творчества, совершаемаго отдѣльными личностями, идеаловъ, переходящихъ изъ личнаго сознанія въ сознаніе общественное и обусловливающихъ общественную дѣятельность,—соціологія не имѣетъ права игнорировать, по крайней мѣрѣ, какъ одного изъ фактовъ исторической и современной дѣйствительности.

ГЛАВА XIV.

Объективизмъ и субъективизмъ въ соціологіи.

Общія предварительныя соображенія. Различіе, существующее между соціологическими теоріями, обусловливается между прочимъ и тѣмъ, что отдѣльными соціологами неодинаковымъ образомъ понимаются взаимныя отношенія между объективными и субъективными элементами науки, причемъ, кромѣ того, объективизму и субъективизму дается далеко не одинаковое опредѣленіе. Конечно, подобно всякой положительной наукѣ, соціологія должна быть объективна въ томъ смыслѣ, чтобы въ ней все зависѣло отъ данныхъ, представляемыхъ самимъ объектомъ, и ничего не зависѣло отъ личнаго произвола отдѣльныхъ соціологовъ. Это какъ-разъ то самое требованіе, которое формулировано было Контомъ, когда онъ говорилъ, что въ положительной наукѣ воображеніе должно необходимо и непрерывно подчиняться наблюденію, а не наоборотъ, какъ это дѣлается въ метафизикѣ. Въ частности Контъ имѣлъ въ виду политическую метафизику XVIII в., которая дѣйствительно строила свои системы путемъ творчества идеала, а не путемъ изслѣдованія дѣйствительности. Нѣкоторые писатели прошедшаго столѣтія сами заявляли, что для полученія правильныхъ общественныхъ взглядовъ достаточно читать въ своемъ собственномъ сердцѣ. Дѣло въ томъ, однако, что путемъ воображенія и чистаго умозрѣнія они создавали системы, которыя должны были не только представить, каковы настоящіе принципы идеальнаго устройства, но и объяснить, на какихъ началахъ основывается въ самой дѣйствительности общественная жизнь человѣка. Пріемы, годные для рѣшенія вопроса о томъ, каково должно быть общество,

прилагались къ рѣшенію вопроса о томъ, что представляетъ собою общество въ дѣйствительности, и вотъ тутъ-то наблюденіе, какъ выражается Контъ, совершенно подчинялось воображенію.

Таково первое различіе между субъективизмомъ и объективизмомъ. Это—различіе двухъ задачъ, которыя, конечно, не должны смѣшиваться одна съ другою, но изъ коихъ одна отнюдь не мѣшаетъ другой. Оставаясь строго вѣрными требованію научнаго объективизма въ области изслѣдованія общественныхъ явленій, мы въ то же самое время можемъ воображать такія соціальныя формы, которыя удовлетворяли бы наше нравственное чувство или вообще соотвѣтствовали бы нашимъ представленіямъ о должномъ. Въ данномъ случаѣ субъективизмъ только дополняетъ объективизмъ и весь вопросъ заключается въ томъ, нуждается ли соціологія въ такомъ дополненіи или нѣтъ. Самъ Контъ рѣшилъ его для себя въ первомъ смыслѣ: за „Курсомъ положительной философіи“, спустя нѣкоторое время, послѣдовала „Система положительной политики“. Послѣдователи Конта по данному вопросу раздѣлились. Тѣ изъ нихъ, которые приняли позднѣйшее ученіе Конта, признали, что въ этомъ дополненіи главнымъ образомъ и заключается вся сущность позитивизма. Ихъ противники обнаружили гораздо болѣе научнаго духа, отвергнувъ позднѣйшія соціологическія воззрѣнія Конта, но изъ того, что Контъ дурно рѣшилъ свою новую задачу, не всѣ научные позитивисты сдѣлали тотъ выводъ, будто общественная философія должна ограничиваться—подобно естествознанію—однимъ изслѣдованіемъ дѣйствительности и абсолютно удерживаться отъ построенія какого бы то ни было общественнаго идеала. Такимъ образомъ и въ самой научной соціологической литературѣ образовалось два направленія. Представители перваго изъ этихъ двухъ направленій стали упрекать представителей второго въ измѣнѣ требованіямъ научности, но при этомъ, съ одной стороны, они не вполнѣ вѣрно понимали самую сущность субъективной точки зрѣнія, а съ другой стороны, допускали такое толкованіе объективной точки зрѣнія, которое само вызываетъ сильныя возраженія во имя „подчиненія воображенія наблюденію“.

Во-первыхъ, соціологическій субъективизмъ вовсе не можетъ разсматриваться, какъ измѣна научному духу. Въ немъ нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ какого бы то ни было вліянія метафизическихъ идей на рѣшеніе вопроса о томъ, что такое общество и какіе законы управляютъ общественными явленіями. И въ представленіи субъективистовъ соціологія должна быть прежде всего положительною наукою, далекою отъ метафизиче-

скихъ споровъ о сущности вещей и тѣмъ самымъ независимою отъ метафизики. Съ этой точки зрѣнія субъективная соціологія не нуждается въ предпосылкахъ матеріализма или спиритуализма совершенно такъ же, какъ не нуждается въ нихъ современная научная психологія, повидимому, стоящая еще ближе по самому своему предмету къ метафизическимъ вопросамъ, чѣмъ соціологія. Представители субъективнаго направленія думаютъ только, что одно объективное изученіе общественныхъ явленій и формъ безъ субъективной ихъ оцѣнки и идеальныхъ представленій о томъ, каково должно быть общество, не можетъ дать полнаго соціологическаго пониманія. Но въ общихъ принципахъ, на основаніи коихъ они производятъ свою оцѣнку и строятъ свои идеальныя представленія, нѣтъ ничего метафизическаго, если только не считать таковымъ принципа личности, по отношенію къ которой соціальныя формы могутъ казаться дурными или хорошими и по отношенію къ которой только и можетъ научно мыслиться совершенное общество. Съ другой стороны, соціологическій субъективизмъ далекъ отъ какихъ бы то ни было пристрастій, столь часто искажающихъ объективную истину, напримѣръ, въ такой наукѣ, какъ исторія. Субъективное направленіе осуждаетъ соціальный индифферентизмъ, но оно вовсе не требуетъ, чтобы наука принимала какую-либо національную, конфессіональную, партійную и т. п. окраску. На изученіе того, что есть, какъ оно есть, вовсе не должна имѣть вліянія случайная принадлежность изслѣдователя къ тому или другому народу либо государству, къ тому или другому вѣроисповѣданію либо церкви, къ тому или другому общественному классу либо партіи. Такимъ образомъ соціологическій субъективизмъ отнюдь не сходитъ съ той же почвы, на которой утверждаетъ себя объективизмъ, когда протестуетъ противъ зависимости положительной науки объ обществѣ отъ метафизическихъ предположеній и разнаго рода пристрастій общественнаго характера. Если бы субъективисты открыто заявляли и проводили на практикѣ принципъ, въ силу коего соціологія должна подчиняться, съ одной стороны, метафизикѣ, а съ другой, такъ сказать, злобѣ дня со всѣми ея пристрастіями и несправедливостями, то, разумѣется, они подлежали бы только осужденію. Но этого нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, не всегда такъ бываетъ, и споръ между субъективистами и объективистами касается совершенно другихъ вопросовъ.

Другая сторона дѣла заключается именно въ томъ, что можно односторонне понимать и самый объективизмъ, невѣрно представлять себѣ и его требованія. Подчиняя воображеніе наблюде-

нію, Контъ разумѣлъ подъ послѣднимъ исключительно наблюденіе, направленное на данныя опыта внѣшняго. Извѣстно, что всѣ явленія, могущія быть предметомъ научнаго знанія, даются намъ или въ опытѣ внѣшнемъ, или въ опытѣ внутреннемъ. Контъ только за явленіями перваго рода признавалъ научное значеніе. На психологію онъ смотрѣлъ, какъ на простой отдѣлъ физіологіи, и не допускалъ въ ней того, что называется самонаблюденіемъ. Его въ этой области интересовали лишь объективные физіологическіе процессы, происходящіе въ человѣческомъ организмѣ, а не тѣ субъективныя состоянія нашего *я*, коими сопровождаются для насъ эти процессы. Подобнаго рода односторонній объективизмъ возможенъ и въ соціологіи. И здѣсь онъ равносиленъ устраненію изъ общественной жизни ея психическихъ элементовъ, т.-е. равносиленъ одностороннему разсматриванію однѣхъ внѣшнихъ формъ общественной организаціи безъ многоразлично связанныхъ съ ними психическихъ состояній отдѣльныхъ индивидуумовъ, изъ коихъ складывается общество. Устраняя изъ своего разсмотрѣнія эту субъективную сторону общественныхъ явленій, односторонній соціологическій объективизмъ упускаетъ изъ виду, что общественныя формы существуютъ не только не сами по себѣ, но и не для самихъ себя. Субъективная сторона соціальныхъ фактовъ заключается между прочимъ въ томъ дѣйствіи, какое они, эти факты, оказываютъ на членовъ общества. Общественныя формы являются причинами людского благополучія или неблагополучія и съ этой стороны вызываютъ ту или другую оцѣнку самихъ членовъ общества. Соціологическое пониманіе не можетъ быть полнымъ, если мы будемъ разсматривать общество независимо отъ того, какое значеніе имѣютъ тѣ или другія его политическія, юридическія и экономическія формы для лицъ, его составляющихъ. Научный объективизмъ, являющійся синонимомъ безпристрастія, не долженъ быть синонимомъ безстрастія въ смыслѣ нравственной апатіи и общественнаго индифферентизма, а между тѣмъ для нѣкоторыхъ соціологическій объективизмъ долженъ былъ бы быть равносильнымъ какъ-разъ и той, и другому. Наконецъ, одностороннее объективное отношеніе къ соціальнымъ явленіямъ требуетъ, чтобы ихъ послѣдовательность и преемственность разсматривались исключительно съ точки зрѣнія существующихъ между ними причинныхъ связей и эволюціонныхъ отношеній, какъ будто происходящія въ обществѣ измѣненія не улучшаютъ и не ухудшаютъ общества и тѣмъ самымъ не отражаются на благополучіи составляющихъ его единицъ. Становясь на точку зрѣнія

личности и признавая законность творчества общественныхъ идеаловъ, субъективисты находятъ возможнымъ говорить объ историческомъ прогрессѣ или регрессѣ, вкладывая въ эти слова смыслъ извѣстнаго рода оцѣнки. Представители строгаго соціологическаго объективизма и это находятъ ненаучнымъ, утверждая, что соціологія имѣетъ право говорить лишь о развитіи, а не о совершенствованіи, только объ эволюціи, а не о прогрессѣ.

Сущность разногласія между объективизмомъ и субъективизмомъ. Въ концѣ концовъ, споръ между объективистами и субъективистами въ соціологіи сводится къ различному пониманію того, какъ слѣдуетъ смотрѣть на общество и какъ нужно относиться къ человѣческой личности, этому первичному элементу общества. Соціологическій объективизмъ, беря этотъ терминъ въ тѣсномъ и условномъ смыслѣ, есть не что иное, какъ одно изъ проявленій той анти-индивидуалистической реакціи противъ философіи XVIII в., о которой шла рѣчь въ предыдущей главѣ. Политическая метафизика прошлаго столѣтія была дѣйствительно слишкомъ субъективистична, но и реакція противъ нея стала заходить слишкомъ далеко, когда начала разсматривать, напримѣръ, языкъ, право, государство, какъ какія-то объективныя бытія, какъ явленія, будто бы сами по себѣ и сами для себя существующія. Съ другой стороны, сравнительно съ XVIII в. наука XIX столѣтія дѣлала шагъ впередъ, приглашая изучать эти объективныя явленія такъ, какъ естествознаніе изучаетъ предметы и процессы физическаго міра. Подъ вліяніемъ увлеченія аналогіей съ естествознаніемъ и подъ вліяніемъ отрицательнаго отношенія къ философіи XVIII в. легко было, однако, впасть въ односторонность. Разъ слѣдуетъ игнорировать субъективную точку зрѣнія личности и разъ задача соціологическаго изслѣдованія ничѣмъ не отличается отъ задачи, какую мы ставимъ изслѣдованію природы, все, что напоминаетъ собою индивидуализмъ XVIII в., и все, что стало бы отличать обществовѣдѣніе отъ естествознанія, должно было быть признано незаконнымъ и ненаучнымъ. Соціологическій субъективизмъ является только необходимою поправкою и естественнымъ дополненіемъ къ тому, что есть невѣрнаго и односторонняго въ противоположной точкѣ зрѣнія. Именно субъективизмъ,—беря это слово опять-таки въ условномъ смыслѣ,—доказываетъ, что ненаучно изучать общественныя явленія, какъ бы совершенно игнорируя при этомъ мысли, чувства и настроенія человѣческой личности, мотивы ея дѣятельности, производимую ею оцѣнку соціальныхъ

фактовъ и ея интересы, и что пониманіе общественныхъ явленій, какъ чисто внѣшнихъ формъ, яко-бы лишенныхъ подобно матеріальнымъ вещамъ всякаго внутренняго содержанія, равнымъ образомъ не можетъ быть названо вполнѣ научнымъ. Мало того, критическое изслѣдованіе тѣхъ соціологическихъ направленій, которыя гордятся наибольшею вѣрностью объективизму, обнаруживаетъ, что въ сущности требованія такого объективизма и невыполнимы. Приравненіе общества, какъ предмета изученія, къ матеріальнымъ предметамъ окружающаго насъ міра есть не только извѣстное объективное пониманіе общества, но и извѣстное субъективное отношеніе къ обществу. Приписываемъ ли мы обществу нѣчто большее, чѣмъ то, что находимъ въ физическихъ предметахъ, или отрицаемъ въ немъ существованіе чего-либо такого, что отличало бы его отъ матеріальныхъ предметовъ, мы одинаково тѣмъ самымъ высказываемъ свое субъективное отношеніе къ обществу, полагая въ первомъ случаѣ, что общество должно чѣмъ-то быть, имѣть какое-то назначеніе, а во второмъ случаѣ—что общество никакого назначенія не имѣетъ, а потому и быть должно только такимъ, каково оно есть на самомъ дѣлѣ. Однако, въ дѣйствительности оказывается, что ни одинъ объективистъ не рѣшался дѣлать такого заключенія, ибо у каждаго есть нѣкоторый общественный идеалъ, т.-е. нѣкоторое представленіе о томъ, каково должно быть общество. Отсюда разныя непослѣдовательности, какія мы встрѣчаемъ въ объективной соціологіи. Точно также и пренебреженіе къ личности есть въ сущности не объективное пониманіе того, каково значеніе личности въ жизни общества, а опять-таки извѣстнаго рода субъективное къ ней отношеніе. Думать, что личность есть только одинъ изъ тѣхъ первичныхъ элементовъ, изъ коихъ складывается общество, только подчиненная часть цѣлаго, клѣточка общественнаго организма, служебный его органъ, орудіе или средство, коимъ пользуется общество, осуществляя объективныя стремленія своей природы,—думать, что личность не можетъ разсматриваться, какъ нѣчто самостоятельное и въ себѣ самомъ носящее свою цѣль, значитъ не только извѣстнымъ образомъ (конечно, весьма односторонне) понимать личность, но и субъективно относиться къ ней извѣстнымъ образомъ, т.-е. не уважать ея человѣческаго достоинства, не признавать ея правъ, ни во что не ставить ея интересовъ—передъ нѣкоторымъ объективнымъ предметомъ, который называется „общество“. Такого рода субъективное отношеніе къ личности мы и находимъ, дѣйствительно, у реакціонныхъ писателей начала XIX вѣка, исходив-

шихъ въ своихъ общественныхъ взглядахъ изъ того принципа, что „права человѣка и гражданина" грозятъ вѣчными революціями, и что для общественнаго спокойствія и порядка человѣку слѣдуетъ давать какъ можно менѣе воли. Неуваженіе къ достоинству человѣческой личности проявляется и въ другихъ общественныхъ теоріяхъ той эпохи, далекихъ отъ реакціонныхъ стремленій абсолютистовъ, клерикаловъ и феодаловъ, именно въ теоріяхъ утопическихъ соціалистовъ, признававшихъ за индивидуализмомъ анти-соціальный характеръ и также видѣвшихъ „въ декларации правъ человѣка и гражданина" одно торжество эгоизма. И у реакціонеровъ, и у утопическихъ соціалистовъ были свои общественные идеалы, другъ на друга, конечно, непохожіе, но сходившіеся въ одинаковомъ субъективномъ отношеніи къ личности, въ одинаковомъ пренебреженіи къ ея свободѣ во имя правъ и интересовъ общества, хотя и различнымъ образомъ понимаемыхъ. У современныхъ намъ соціологовъ есть тоже свои общественные идеалы, весьма между собой несходные, но ни одинъ изъ нихъ, слѣдуетъ полагать, уже не рѣшился бы стать на ту точку зрѣнія, будто общество имѣетъ всѣ права надъ личностью, будто личность должна быть только орудіемъ или средствомъ для достиженія общественныхъ цѣлей или будто индивидуумъ существуетъ для общества. Если, съ одной стороны, представители различныхъ направленій современной соціологической литературы въ то же время являются носителями извѣстныхъ общественныхъ идеаловъ, какъ бы послѣдніе ни были отличны одинъ отъ другого, и если, съ другой стороны, совершенство общества они видятъ не въ тѣхъ или другихъ объективныхъ признакахъ (въ родѣ, напр., интеграціи и дифференціаціи Спенсера и обобществленія труда марксистовъ), а въ соотвѣтствіи его формъ съ разумными и справедливыми требованіями личностей, составляющихъ общество (съ каковой точки зрѣнія только и обобществленіе труда, напр., можетъ получить свой смыслъ), то лишь по недоразумѣнію теперешніе соціологи могли бы принципіально защищать объективизмъ, которому нѣтъ никакого дѣла ни до того, чѣмъ общество должно быть, ни до требованій, предъявляемыхъ къ соціальной жизни живыми единицами, изъ коихъ слагаются общества. Если даже иногда и въ настоящее время по недоразумѣнію и защищается еще соціологическій объективизмъ, то во всякомъ случаѣ послѣдовательное проведеніе его на дѣлѣ оказывается невозможнымъ. Пожалуй, еще можно объявлять личность за quantité négligeable и въ признаніи принципа личности видѣть научную отсталость, но изучать

общество, взятое въ его цѣломъ, безъ всякаго представленія о томъ, какое общественное устройство наиболѣе соотвѣтствовало бы здоровой и разумной жизни человѣческихъ личностей, значитъ видѣть только одну сторону соціальной жизни—объективные результаты сознательной или безсознательной дѣятельности членовъ общества, отрѣшенные отъ тѣхъ субъективныхъ цѣлей, какія ставятъ люди своей дѣятельности, прямо или косвенно направленной на общество, и отъ тѣхъ субъективныхъ требованій, какія людьми предъявляются обществу. Такъ можно изучать только отдѣльныя стороны общественности или отдѣльные процессы общественной жизни: это, напр., и дѣлается въ сравнительно-историческомъ направленіи, берущемъ своими предметами разныя культурныя и соціальныя формы, какъ объективныя реальности, такъ сказать, оторванныя отъ отдѣльныхъ обществъ, въ коихъ онѣ встрѣчаются, и какъ бы стоящія внѣ какой бы то ни было связи съ благомъ или зломъ личностей или съ тою субъективною оцѣнкою, какую имъ производятъ личности, имѣющія съ ними дѣло.

Важное различіе между естествознаніемъ и гуманитарными науками. Защитники соціологическаго объективизма ссылаются на примѣръ естествознанія, который будто-бы въ данномъ вопросѣ имѣетъ рѣшающее значеніе. Соціологія можетъ оставаться вѣрною требованіямъ научнаго реализма, не становясь на точку зрѣнія грубаго натурализма, т.-е. не перенося въ себя цѣликомъ отдѣльныхъ понятій, отдѣльныхъ пріемовъ изслѣдованія, отдѣльныхъ точекъ зрѣнія, совершенно пригодныхъ при изслѣдованіи предметовъ и процессовъ матеріальной природы, но мало умѣстныхъ или совсѣмъ неумѣстныхъ въ наукахъ, изучающихъ духовную жизнь человѣка или культурную и соціальную жизнь человѣчества. Реализмъ требуетъ, чтобы дѣйствительность изображалась, какъ она есть, т.-е. чтобы дѣйствительность не идеализировалась, но реализмъ не требуетъ, чтобы отрицалась идеальная сторона тамъ, гдѣ она существуетъ. Реализмъ требуетъ также, чтобы изучались сами вещи, а не наши о нихъ идеи взамѣнъ самихъ вещей, но это не мѣшаетъ намъ создавать идеальныя представленія о совершенныхъ предметахъ Реализмъ не есть синонимъ натурализма, какъ объективизмъ не есть синонимъ матеріализма.

Ко всему, что насъ окружаетъ, мы можемъ въ соотвѣтствіи съ расчлененіемъ нашего *я* на умъ, чувства и волю относиться троякимъ образомъ. Отношеніе интеллектуальное есть отношеніе теоретическое: это есть отношеніе объективнаго знанія,

отношеніе строго научное. Интересъ къ чистой истинѣ долженъ здѣсь стоять на первомъ планѣ, именно интересъ къ самой истинѣ, независимо отъ той пользы, какую можно извлечь изъ обладанія ею, и не взирая на то, что истина можетъ быть намъ прямо непріятна. Другими словами, въ теоретическомъ отношеніи своемъ къ окружающимъ насъ явленіямъ мы должны быть свободны отъ всякихъ утилитарныхъ соображеній и эмоціональныхъ вліяній: въ этомъ заключаются объективизмъ и реализмъ науки. Второе отношеніе есть именно эмоціональное, проявляющееся между прочимъ въ эстетическомъ творчествѣ, въ искусствѣ. Оно вторгается весьма часто въ науку въ видѣ разнаго рода пристрастій, напр., пристрастій національныхъ, политическихъ, вѣроисповѣдныхъ, сословныхъ, партійныхъ и т. п., вплоть до пристрастія къ отдѣльнымъ личностямъ въ исторіи, и проявляется въ видѣ разнаго рода идеализацій дѣйствительности. Это—та точка зрѣнія, съ которой „тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ". Субъективизмъ этого рода одинаково неумѣстенъ и въ естествознаніи, и въ гуманитарныхъ наукахъ. Третье отношеніе есть отношеніе утилитарное: тутъ предметъ имѣетъ для насъ значеніе не объекта для изученія или объекта, возбуждающаго въ насъ то или другое чувство, а простого орудія или средства, изъ коего мы извлекаемъ пользу въ нашей практической дѣятельности. Такое отношеніе къ окружающему міру, перенесенное въ область знанія, придаетъ послѣднему узко утилитарный характеръ, какой и имѣютъ прикладныя науки по сравненію съ науками чистыми. Всѣ три вида отношенія нашего *я* къ тому, что не есть это *я*, одинаково существуютъ въ насъ и для міра природы, и для міра человѣка, и вездѣ теоретическое отношеніе есть основаніе отношенія научнаго, вездѣ научности вредитъ вторженіе въ объективное изслѣдованіе, такъ часто совершаемое разными эмоціями, и вездѣ, наконецъ, утилитарная точка зрѣнія суживаетъ нашу мысль, подчиняя теоретическое отношеніе грубо практическому (какъ въ другихъ случаяхъ съ ущербомъ же для себя оно подчиняется отношенію эмоціональному). Во всемъ этомъ большой разницы между науками гуманитарными и естествознаніемъ не существуетъ. Но дѣло въ томъ, что къ человѣку и ко всему человѣческому, а въ томъ числѣ и къ обществу, кромѣ отношеній теоретическаго, эмоціональнаго и утилитарнаго, можетъ существовать еще особаго рода отношеніе, которое мы называемъ этическимъ. Въ томъ и заключается существенная разница между естественными и гуманитарными науками, что пер-

вія могутъ имѣть лишь значеніе наукъ чистыхъ и прикладныхъ, тогда какъ послѣднія способны заключать въ себѣ, кромѣ теоретическаго и утилитарнаго элементовъ, еще и элементъ этическій.

Было бы ошибочно основывать различіе между естествознаніемъ и гуманитарными науками на чемъ-либо другомъ: само изученіе человѣка раздѣлено между естествознаніемъ и гуманитарными науками. Нельзя, строго говоря, думать, что въ основѣ этого раздѣленія лежитъ противоположность природы и духа, въ соотвѣтствіи съ которою нѣмцы называютъ однѣ науки Naturwissenschaften, другія — Geisteswissenschaften. Въ самомъ дѣлѣ, естествознанію не чуждо изученіе „явленій духа", именно въ психологіи животныхъ и въ тѣхъ отдѣлахъ физіологіи, которые непосредственно соприкасаются съ психологіей. Наоборотъ, гуманитарныя науки не имѣютъ дѣла исключительно съ „явленіями духа". Напримѣръ, такая наука, какъ политическая экономія изучаетъ какъ-разъ матеріальную сторону общественной жизни. Или еще, напримѣръ, археологія имѣетъ своимъ предметомъ опять-таки главнымъ образомъ разныя матеріальныя вещи. Если въ чемъ и полагать существенную разницу между науками естественными и гуманитарными, — разницу, которая имѣла бы не одно только формальное значеніе, — то развѣ въ одномъ: именно въ томъ, что нашло свое выраженіе въ обозначеніи гуманитарныхъ наукъ французами, какъ наукъ моральныхъ. Эта разница заключается въ томъ, что въ естественныхъ наукахъ изучаются вещи, тогда какъ предметъ наукъ гуманитарныхъ есть прежде всего человѣческая личность, а затѣмъ человѣческое общество, какъ совокупность отдѣльныхъ личностей, находящихся между собою въ постоянномъ взаимодѣйствіи. И къ вещамъ, и къ личностямъ наука должна относиться совершенно одинаково только до извѣстной границы, ибо кромѣ теоретическаго отношенія, существующаго одинаково къ вещамъ и личностямъ, къ послѣднимъ можетъ существовать еще отношеніе этическое. Вещи мы приписываемъ только одно существованіе, личности сверхъ того и внутреннее достоинство, требующее съ нашей стороны извѣстнаго къ себѣ уваженія. Вещью мы можемъ пользоваться, какъ орудіемъ или средствомъ для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей, самой вещи совершенно постороннихъ, достоинство же личности состоитъ какъ-разъ въ томъ, что она въ самой себѣ носитъ цѣль своего существованія, что она не можетъ быть только средствомъ или орудіемъ для достиженія цѣлей, ей совершенно постороннихъ. Исключи-

тельно утилитарное отношеніе къ вещамъ не заключаетъ въ себѣ ничего безнравственнаго, хотя, конечно, отсутствіе теоретическаго отношенія къ природѣ и способности получать отъ нея эстетическія эмоціи не можетъ служить хорошей характеристикой человѣка. Наоборотъ, исключительно утилитарное отношеніе къ людямъ безнравственно въ самомъ корнѣ своемъ, такъ какъ состоитъ именно въ отношеніи къ людямъ, какъ къ средствамъ или орудіямъ нашихъ цѣлей. Въ утилитарномъ отношеніи человѣческая личность приравнивается къ вещи, какъ это и было формально принято римскими юристами, учившими, что рабы суть не лица (personae), а вещи (res). Равнымъ образомъ, и исключительно теоретическое отношеніе къ личностямъ, ничѣмъ не отличающееся отъ теоретическаго отношенія къ вещамъ, не можетъ быть оправдано съ этической точки зрѣнія.

Нужно, однако, имѣть въ виду, что эта точка зрѣнія не есть нѣчто противоположное точкѣ зрѣнія теоретической и ее прямо исключающее: одна только дополняетъ другую и притомъ лишь тамъ, гдѣ это дополненіе требуется самымъ существомъ дѣла. Въ самомъ мірѣ человѣческихъ отношеній, беря послѣднее слово въ наиболѣе широкомъ смыслѣ, далеко не все можетъ требовать этическаго къ себѣ отношенія, и въ такихъ случаяхъ гуманитарныя науки въ своемъ отношеніи къ изучаемымъ предметамъ ничѣмъ не отличаются отъ естествознанія. Напримѣръ, такимъ образомъ лингвистика изучаетъ языкъ, археологія—древности и т. п. Но во всѣхъ вопросахъ, такъ или иначе касающихся достоинства человѣческой личности, ея свободы, ея правъ и интересовъ, ея благополучія и развитія, одно теоретическое отношеніе является большою односторонностью, а на практикѣ можетъ приводить даже къ безнравственнымъ результатамъ. Не нужно забывать, что каждая теоретическая наука помимо собственнаго своего значенія, заключающагося въ удовлетвореніи пытливости нашего ума, можетъ имѣть еще и значеніе въ качествѣ наиболѣе надежной основы для какой-либо практической дисциплины, приспособляющей теоретическое знаніе къ служенію тѣмъ или другимъ жизненнымъ цѣлямъ. Всѣ такъ называемыя прикладныя науки имѣютъ чисто утилитарный характеръ, но и ихъ отношеніе къ вещамъ и личностямъ не можетъ быть одинаковымъ. Прикладная наука, которая открыто заявляла бы, что для нея люди суть только орудія или средства для достиженія чуждыхъ имъ цѣлей, была бы наукою прямо безнравственною. Такой характеръ имѣли, напримѣръ, мораль и политика іезуитовъ. Въ общемъ можно сказать, что всѣ прикладныя науки,

показывающія намъ, какъ слѣдуетъ пользоваться вещами для достиженія тѣхъ или другихъ практическихъ цѣлей, полагаютъ эти цѣли въ концѣ-концовъ только въ человѣческихъ личностяхъ. Не иначе относятся къ вопросу и соціальныя прикладныя науки. Правда, имъ приходится имѣть дѣло не съ вещами, а съ такими явленіями, какъ государство, право и народное хозяйство, но было бы и теоретически невѣрно, и этически неправильно полагать, что не государство, право и народное хозяйство должны служить человѣческимъ личностямъ, а, наоборотъ, что человѣческія личности должны быть средствами или орудіями какихъ-то объективныхъ цѣлей государства, права и народнаго хозяйства. Развитое нравственное чувство протестуетъ противъ общественныхъ ученій, приносящихъ человѣческое достоинство личности въ жертву какому бы то ни было объективному бытію. Извѣстное направленіе политической экономіи въ своей погонѣ за увеличеніемъ народнаго богатства совершенно справедливо вызвало замѣчаніе, что по этой теоріи выходитъ, будто не богатство существуетъ для человѣка, а человѣкъ для богатства. Дѣйствительно, это направленіе видѣло въ человѣческой личности лишь производителя, т.-е. одинъ изъ факторовъ, созидающихъ народное богатство, а къ человѣческому труду относилось совершенно такъ же, какъ къ вещамъ, называемымъ землею и капиталомъ, которые вмѣстѣ съ трудомъ человѣка участвуютъ въ производствѣ народнаго богатства. Извѣстно также изреченіе: „fiat justitia, pereat mundus", — изреченіе, лучше всего осужденное евангельскими словами: „не человѣкъ существуетъ для субботы, а суббота для человѣка". Право, требующее для своего торжества гибели всего міра, не можетъ имѣть нравственныхъ основаній. Наконецъ, современное сознаніе свободы протестуетъ противъ безусловнаго подчиненія личности государству, противъ поглощенія личности государствомъ, однимъ словомъ, противъ отношенія къ личности, какъ къ простому средству или орудію государственной цѣли. Реакціонная литература начала XIX в. была своего рода возвращеніемъ къ политическому міросозерцанію, основанному на отрицаніи человѣческаго достоинства личности. На ту же ложную — и въ теоретическомъ, и въ этическомъ отношеніи — дорогу сбились и соціальные реформаторы начала XIX в., представлявшіе себѣ идеальное общество, какъ нѣкоторый объективный порядокъ, коему призвана служить и должна быть подчинена всякая индивидуальность. Современная соціологія и парал-

лельно съ нею современный соціализмъ отказались отъ подобнаго отношенія къ личности.

Совпаденіе требованій научнаго объективизма и этическаго субъективизма. Если чисто теоретическое отношеніе къ изучаемымъ явленіямъ заслуживаетъ быть названо объективнымъ, то отношеніе этическое, конечно, можетъ быть названо субъективнымъ. Однако, въ данномъ случаѣ субъективизмъ, отличаясь отъ объективизма, вовсе не является его противоположностью, а только необходимымъ къ нему дополненіемъ. Противоположность научнаго объективизма составляетъ субъективизмъ эмоціальный, а не субъективизмъ этическій. Объективное или чисто теоретическое отношеніе къ предмету исключаетъ всякое пристрастіе, мѣшающее намъ видѣть, понимать и изображать предметъ такъ, какъ онъ намъ данъ въ дѣйствительности. Пристрастіе, обусловленное нашею принадлежностью къ тому или другому народу и государству, къ тому или другому вѣроисповѣданію и церкви, къ тому или другому общественному классу и партіи, несомнѣнно, противорѣчитъ научности: такой субъективизмъ безъ всякихъ оговорокъ долженъ быть изгоняемъ изъ научной области, чѣмъ, конечно, нисколько не отрицается значеніе и не умаляется сила этого субъективизма въ дѣйствительной жизни. Безпристрастіе является, однако, не только теоретическою добродѣтелью, но и добродѣтелью этическою, такъ что въ данномъ случаѣ научныя и нравственныя требованія совпадаютъ. Національныя, конфессіональныя и партійныя пристрастія вредятъ не одной истинѣ, но и справедливости. Послѣдняя требуетъ именно, чтобы мы относились къ людямъ по ихъ нравственному достоинству и общественнымъ заслугамъ—независимо отъ принадлежности ихъ къ той или другой націи, вѣрѣ или партіи. Такимъ образомъ научному объективизму и этическому субъективизму могутъ мѣшать проявляться одни и тѣ же препятствія, имѣющія свои корни въ эмоціональной сторонѣ человѣческой психики. Но научный объективизмъ и этическій субъективизмъ одинъ другому не противорѣчатъ. Одинъ долженъ совершенно безпристрастно констатировать факты и безпристрастно же дѣлать выводы изъ данныхъ посылокъ, не заботясь о томъ, чтобы результаты изслѣдованія были намъ пріятны или совпадали съ нашими желаніями. Задача этическаго субъективизма—безпристрастно оцѣнивать объективно констатированные факты и безпристрастно же дѣлать тѣ или другія нравственныя заключенія, отправляясь отъ дознанныхъ истинъ, хотя бы оцѣнка эта и эти заключенія вызывали въ насъ горькое чув-

ство и разрушали въ нашихъ глазахъ дорогія намъ иллюзіи. Съ этой точки зрѣнія научный объективизмъ и этическій субъективизмъ не только вовсе одинъ другому не противорѣчатъ, но даже между собою совпадаютъ, будучи какъ бы только двумя разными видами одного и того же отношенія, въ основѣ коего лежитъ соблюденіе однихъ и тѣхъ же требованій безпристрастія и справедливости. Научный объективизмъ поэтому, какъ сказано было выше, только дополняется этическимъ субъективизмомъ тамъ, гдѣ для послѣдняго можетъ быть мѣсто, т.-е. во всѣхъ случаяхъ, когда наукѣ такъ или иначе приходится имѣть дѣло съ достоинствомъ и правами, развитіемъ и счастьемъ человѣческой личности. Другими словами, этическій субъективизмъ въ соціологіи есть не что иное, какъ проявленіе интереса не къ однимъ только внѣшнимъ явленіямъ соціальной жизни, но и къ человѣческой личности, живущей въ обществѣ, интереса, не могущаго быть простымъ теоретическимъ интересомъ, какой способны возбуждать къ себѣ вещи и наравнѣ съ ними разныя внѣшнія общественныя явленія, каковы культурныя и соціальныя формы, т.-е. интереса, въ одно и то же время теоретическаго и этическаго. Соціологическія теоріи, такъ сказать, не удостоивающія своимъ вниманіемъ человѣческую личность, могутъ, пожалуй, гордиться своимъ объективизмомъ, но въ этомъ объективизмѣ нѣтъ большой заслуги. Напротивъ того, онъ искажаетъ представленіе соціальной дѣйствительности, отнимая у нея то, что придаетъ ей наибольшій человѣческій интересъ. Если въ соціологическомъ субъективизмѣ, дополняющемъ собою объективизмъ, проявляется этическое отношеніе къ личности, взятое въ положительномъ смыслѣ, то соціологическій объективизмъ, требующій устраненія такого субъективизма, заключаетъ въ себѣ этическое отношеніе къ личности уже чисто отрицательнаго свойства, т.-е. прямо несправедливое отношеніе къ личности, именно приравниваніе ея къ вещи, что̀ и теоретически невѣрно.

Обѣ точки зрѣнія, объективно-научная и субъективно-этическая, должны дополнять одна другую, притомъ не только въ изученіи общественной дѣйствительности, но и въ творчествѣ общественнаго идеала. Общественные идеалы могутъ быть разные: не всѣ они бываютъ одинаково истинны, и даже бываютъ прямо ложные идеалы, основанные на ненаучномъ отношеніи къ обществу или на неэтическомъ отношеніи къ личности. Истиннымъ идеаломъ нельзя назвать не только что-либо невозможное, но и что-либо негуманное. Романтики, мечтающіе о воскрешеніи прошлаго въ настоящемъ или будущемъ, и утописты, строящіе

будущее безъ знанія прошлаго и настоящаго, осуждаются социологіей — и осуждаются вдвойнѣ, когда вносятъ въ свои представленія не только то, чего не можетъ быть съ точки зрѣнія науки, но и то, чего быть не должно съ этической точки зрѣнія. Реакціонные писатели XIX вѣка, создавшіе многія идеи, которыя потомъ сдѣлались достояніемъ соціологическаго мышленія, стремились къ возстановленію средневѣковаго строя: въ томъ, что они считали возможнымъ воскресить прошлое, заключалась ихъ теоретическая ошибка, которая дополнялась этическимъ заблужденіемъ — пренебреженіемъ къ достоинству человѣческой личности. Современные имъ утописты, — стремленія коихъ и раздѣлялъ основатель соціологіи, — смотрѣли не назадъ, а впередъ, въ чемъ и заключалась ихъ прогрессивная историческая роль, но они тоже дѣлали теоретическую ошибку, думая, что будущее можно сразу построить по искусно придуманному плану, и также впадали въ этическое заблужденіе, превращая личность въ какое-то средство или орудіе общества. И тѣ, и другіе одинаково жили воображеніемъ, подчиняли свои взгляды тѣмъ или другимъ эмоціямъ, т.-е. вносили въ свои теоріи незаконный субъективизмъ, который и оказывался одинаково вреднымъ какъ въ теоретическомъ, такъ и въ этическомъ отношеніяхъ. Обѣ же точки зрѣнія должны одинаково имѣться въ виду и вообще при критикѣ тѣхъ общественныхъ формулъ, по которымъ между собою различаются существующія въ обществѣ партіи.

Научная независимость соціологіи отъ общественныхъ партій. Законный объективизмъ въ соціологіи сводится къ научному и этическому безпристрастію. Въ соціологіи не должно быть мѣста тому узкому національзму, который такъ часто искажаетъ истину въ историческихъ сочиненіяхъ. Лучшимъ примѣромъ того, къ какимъ ненаучнымъ результатамъ приводитъ націоналистическій субъективизмъ въ соціологіи, можетъ служить въ русской литературѣ знаменитая „Россія и Европа" Данилевскаго, дѣлящаго цивилизованныя націи, такъ сказать, на избранныя и отверженныя и отрицающаго существованіе общихъ законовъ соціальной жизни во имя особенностей каждаго отдѣльнаго „культурно-историческаго типа". Если, впрочемъ, чисто культурныя пристрастія національнаго или конфессіональнаго характера вмѣстѣ съ пристрастіями характера соціальнаго, т.-е. сословными, классовыми и партійными — особенно вредятъ научности исторіи, то научности соціологіи можетъ грозить опасность главнымъ образомъ лишь со стороны сословныхъ и классовыхъ стремленій и партійныхъ взглядовъ.

Не должно быть разныхъ социологій въ Англіи или Франціи, у буржуазіи или пролетаріата, у консерваторовъ или радикаловъ, ибо социологія можетъ быть только одна: научность ея зависитъ отъ ея соотвѣтствія съ дѣйствительностью, а не отъ того, насколько она совпадаетъ или не совпадаетъ съ національными особенностями и стремленіями англичанъ и французовъ, съ традиціями и интересами того или другого общественнаго класса, съ принципами и программами той или другой партіи. У каждой партіи есть своя идея общества, но каждая партія создаетъ эту идею не ради научныхъ, а ради практическихъ цѣлей, часто въ зависимости отъ условій чисто мѣстнаго и временного характера, и идея эта главнымъ образомъ выражаетъ не то, что такое общество въ дѣйствительности, а то, чѣмъ оно должно быть въ идеалѣ. Конечно, однѣ партіи въ своихъ соціальныхъ взглядахъ ближе къ реальной и идеальной истинѣ, другія отъ нея дальше, но критерій истины находится внѣ партій. Критеріемъ этимъ является наука, которая должна стоять выше партій во имя принципа безпристрастія: послѣднее у другихъ народовъ даже прямо называется непартійностью (impartialité, Unparteilichkeit).

Раздѣленіе общества на партіи вовсе не есть результатъ чисто теоретическихъ разногласій въ области нерѣшенныхъ научныхъ вопросовъ, — разногласій, раздѣляющихъ между собою отдѣльныя социологическія направленія. Общество раздѣляется на партіи по вопросамъ чисто практическаго свойства, затрогивающимъ интересы, а часто и предразсудки отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ соціальныхъ группъ, — по вопросамъ, въ постановкѣ и рѣшеніи коихъ сильнѣйшимъ образомъ задѣваются волевая и эмоціональная стороны личной жизни, равно какъ всякаго рода интересы, права и традиціи цѣлыхъ общественныхъ группъ. Научный споръ ведется теоретическими аргументами, партійная борьба — практическими средствами, цѣль коихъ доставить торжество тѣмъ или другимъ общественнымъ принципамъ, отнюдь не доказать истинность тѣхъ или другихъ научныхъ тезисовъ: побѣдить можетъ и неправое дѣло; терпятъ пораженіе въ борьбѣ и представители болѣе научныхъ взглядовъ. Правда, партіи пользуются въ своей борьбѣ и теоретическими аргументами, и съ нравственной или научной точки зрѣнія одна партія можетъ быть правѣе другой, но, во-первыхъ, въ борьбѣ это именно и не имѣетъ рѣшающаго значенія, а во-вторыхъ, теоретическіе аргументы въ подобныхъ случаяхъ все-таки припоравливаются къ практическимъ цѣлямъ; послѣднія

иногда даже прямо диктуютъ извѣстныя теоріи для оправданія тѣхъ или другихъ принциповъ и программъ. Если наука должна служить жизни, то, конечно, не въ томъ смыслѣ, въ какомъ этого желали бы нѣкоторыя слишкомъ своекорыстныя или недальновидныя партіи, стремящіяся навязать наукѣ свои рѣшенія чисто теоретическихъ вопросовъ, наиболѣе для нихъ удобныя или выгодныя въ каждомъ данномъ случаѣ. Нельзя истинность теоріи доказывать тѣмъ, что ею оправдывается извѣстная партійная программа. Наука должна служить жизни, самостоятельно рѣшая ставимые послѣднею вопросы. Жизнь, дѣйствительно, постоянно ставитъ новые вопросы, теоретическое рѣшеніе коихъ можетъ принадлежать только наукѣ. Каждое новое общественное теченіе есть новая общественная задача, имѣющая помимо интереса практическаго и теоретическій интересъ. Каждая партія можетъ ставить наукѣ какую-либо задачу, которой раньше не было или поставить которую другія партіи были бы неспособны, но ни одна партія не имѣетъ права диктовать наукѣ, какіе отвѣты должна она давать на какіе бы то ни было поставленные передъ нею вопросы. Наибольшую услугу оказываютъ поэтому наукѣ тѣ партіи, которыя, ставя на ея рѣшеніе новые вопросы, тѣмъ самымъ ее обогащаютъ и, не навязывая ей своихъ рѣшеній, какъ абсолютно истинныхъ, не мѣшаютъ ей свободно дѣлать свое критическое дѣло. Зато и опираться на науку могутъ главнымъ образомъ партіи, способныя итти впередъ, открывающія новые вопросы и не боящіяся научной критики своихъ принциповъ и программъ. Наука можетъ служить жизни лишь однимъ путемъ—ища прежде всего истины, удобна ли или неудобна эта истина для той или другой стороны въ жизненной борьбѣ отдѣльныхъ общественныхъ группъ.

Однимъ словомъ, во имя самостоятельнаго значенія научнаго знанія и въ интересахъ же самого общества, которому не можетъ быть полезнымъ какое бы то ни было искаженіе истины, наука должна быть независима отъ партійнаго духа. Напротивъ, каждая добросовѣстная общественная партія должна искать оправданія своей программы въ независимой общественной наукѣ. Нельзя отрицать фактическую или логическую очевидность лишь потому, что изъ нея вытекаютъ невыгодныя или непріятныя слѣдствія, какъ нельзя искусственно подтасовывать факты и подгонять одинъ къ другому выводы для того, чтобы получить пріятную или выгодную теорію. Соціологическія теоріи не могутъ быть поэтому орудіями отдѣльныхъ партій. Извѣстная соціологическая идея ненаучна не потому, напр., что ее въ инте-

ресахъ своей партіи создали именно реакціонеры, а потому, что она создана въ партійномъ интересѣ вообще. Другая идея, придуманная въ интересахъ прогрессивной партіи, въ силу одного только этого не будетъ непремѣнно научною идеею, если въ основѣ ея не окажется объективной истины. Справедливость требованій еще не гарантируетъ научности тѣхъ принциповъ, на которыхъ эти требованія хотятъ обосновать, равно какъ и не оправдываетъ еще съ научной точки зрѣнія тѣхъ средствъ, при помощи коихъ эти требованія пытаются осуществить. Можно вѣдь быть морально правымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неправымъ научно. Если несправедливыя требованія и нельзя оправдать на научномъ основаніи, то это еще не препятствуетъ несправедливымъ требованіямъ осуществлять себя, пользуясь всѣми средствами науки, противъ праваго дѣла, защищаемаго иногда такими способами, къ которымъ наука можетъ отнестись только отрицательно. Этическая правота партіи еще не есть доказательство вѣрности соціологической теоріи, въ коей данная партія усматриваетъ объективную основу своихъ субъективныхъ требованій.

Соціологія и главныя общественныя направленія XIX вѣка. Въ эпоху возникновенія соціологіи во Франціи, родинѣ новой науки, общественное сознаніе выражалось въ трехъ главныхъ направленіяхъ, изъ коихъ каждое представляло собою интересы одного изъ трехъ большихъ классовъ, на которые дѣлилось тогдашнее общество. Одно направленіе получило названіе реакціи, и его держались бывшіе привилегированныя сословія „стараго порядка“, т.-е. духовенство и дворянство. Съ нимъ находилось въ борьбѣ другое направленіе, стоявшее за прогрессивныя начала общественной жизни и получившее названіе либерализма, общественнымъ же классомъ, который держался этого направленія, была буржуазія. Наконецъ, уже тогда образовалось и третье направленіе, равнымъ образомъ ставившее себѣ прогрессивныя цѣли: это былъ соціализмъ, которому впослѣдствіи суждено было сдѣлаться направленіемъ преимущественно пролетаріата. Соціологія, какъ мы видѣли, стала складываться подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ представленій объ обществѣ, которыя были въ ходу у писателей реакціоннаго направленія, но мысль о новой наукѣ, совершенно свѣтской и даже сознательно отрѣшавшейся отъ теологическихъ принциповъ, не могла, конечно, найти сочувствія у представителей реакціи. И въ послѣдующія времена соціологія была преимущественно, если не исключительно, дѣтищемъ мыслителей прогрессивныхъ направленій. На первыхъ

порахъ, однако, новая наука относилась къ либерализму отрицательно, да и либеральная партія видѣла въ ней лишь одно изъ тѣхъ „лжеученій“, въ которыхъ представители буржуазіи усматривали подрывъ господствующему положенію, занятому ею самою въ общественной жизни. Контъ сходился съ реакціонной школой и съ родоначальниками соціализма въ отношеніи къ либерализму, какъ направленію чисто отрицательному, критическому, разрушительному, но въ то время, какъ реакціонная школа полагала, что общественный идеалъ былъ уже осуществленъ въ аристократическомъ строѣ общества временъ „стараго порядка“, Контъ, наоборотъ, заодно съ утопическими соціалистами мечталъ о новомъ соціальномъ строѣ, основанномъ на болѣе справедливой организаціи труда.

Однако, соціологія не слилась съ соціализмомъ. Послѣдній выступилъ съ представленіемъ объ обществѣ, какимъ оно должно быть, тогда какъ новая наука стремилась быть прежде всего „соціальной физикой“, изслѣдованіемъ общества, какимъ оно дано намъ въ дѣйствительности. Мало того: дальнѣйшее развитіе соціализма и во Франціи, и въ Германіи, куда новое направленіе перешло изъ Франціи, шло внѣ всякаго вліянія со стороны соціологической идеи Конта. Мы не замѣчаемъ этого вліянія ни на Луи Бланѣ съ его тоже чисто отрицательнымъ представленіемъ о либерализмѣ, ни на Марксѣ, родоначальникѣ экономическаго матеріализма. Дальнѣйшіе шаги соціологія сдѣлала прежде всего въ Англіи, но здѣсь новая наука нашла адептовъ въ лицѣ Милля и Спенсера, въ ученіяхъ коихъ соціологическая идея соединяется уже съ либеральною доктриною. Основною чертою либерализма было всегда широкое пониманіе индивидуальной свободы, во имя которой требовалось крайнее ограниченіе вмѣшательства государства въ жизнь общества, но это направленіе мало интересовалось тѣмъ, что какъ-разъ составляло вопросъ жизни и смерти для трудящихся классовъ общества. Именно эти-то интересы и были выдвинуты на первый планъ соціализмомъ, который, наоборотъ, на первыхъ порахъ относился къ индивидуальной свободѣ съ крайнею враждебностью.

Среди современныхъ соціологовъ самымъ рѣзкимъ представителемъ либеральной доктрины со всѣми ея слабыми сторонами является Спенсеръ, который нерѣдко дѣйствительно заслуживаетъ упрековъ въ буржуазности. Спенсеръ выступаетъ въ качествѣ принципіальнаго противника соціализма, но можно назвать немало и другихъ соціологовъ, которые полемизируютъ

съ соціализмомъ и даже высказываютъ ту мысль, что соціологія есть лучшее опроверженіе соціализма. Поэтому и въ противномъ лагерѣ иногда слышится упрекъ соціологіи въ томъ, что она наука чисто буржуазная: пролетаріатъ, говорятъ, не долженъ принимать такой науки, онъ долженъ создать свою науку, которая соотвѣтствовала бы его интересамъ. Но если одни соціологи являются противниками или, по крайней мѣрѣ, не сторонниками соціализма въ той или другой изъ тѣхъ формъ, какія онъ принималъ въ нашемъ столѣтіи, то другіе, наоборотъ, прямо примыкаютъ къ соціализму или, по меньшей мѣрѣ, обнаруживаютъ въ своихъ воззрѣніяхъ нѣкоторое вліяніе соціализма. Это вліяніе чувствуется уже на Миллѣ, какъ экономистѣ, заступающемся за интересы рабочаго класса и не отрицающемъ права государства вмѣшиваться въ экономическія отношенія, хотя Милль въ то же время горячій защитникъ индивидуальной свободы. Самъ соціализмъ отказался мало-по-малу отъ того враждебнаго отношенія къ личной свободѣ, которая характеризуетъ его родоначальниковъ. Между либерализмомъ и соціализмомъ даже происходитъ извѣстнаго рода сближеніе на почвѣ болѣе всесторонняго пониманія взаимныхъ отношеній между личностью и обществомъ, правъ одной и другого, границъ индивидуальной свободы и предѣловъ общественной власти, и это пониманіе вырабатывается соціологіей, незамыкающейся въ узкія партійныя рамки. Но если одни хотѣли бы, чтобы предвзятая мысль соціологіи заключалась въ теоретической оппозиціи соціализму, то другіе, наоборотъ, думаютъ, что вся задача соціологіи состоитъ въ теоретическомъ обоснованіи соціализма. „Соціологія будетъ соціалистическою, или ея вовсе не будетъ“ (la sociologie sera socialiste ou elle ne sera pas),—такъ выразился объ этомъ одинъ писатель, который, конечно, нашелъ бы много людей, думающихъ не иначе [1]). Противъ обоихъ взглядовъ на соціологію можно, однако, возразить указаніемъ на то, что или соціологія будетъ безпартійной, или она не будетъ наукой. Идеи партіи могутъ быть истинными и справедливыми, если совпадаютъ съ результатами научной соціологіи и съ требованіями общечеловѣческой этики, и лишь постольку эти идеи истинны и справедливы, поскольку между ними, съ одной стороны, и наукою и этикою, съ другой, существуетъ совпаденіе. Не соціологія и нравственная философія нуждаются въ партійномъ оправданіи,

---

[1]) Энрико Ферри на одномъ изъ конгрессовъ Международнаго института соціологіи.

а наоборотъ, партіи нуждаются въ оправданіи съ этической и научной точекъ зрѣнія.

Соціологія и этика. Все это ставитъ предъ нами вопросъ объ отношеніи соціологіи къ этикѣ. Мы уже разсматривали отношеніе нашей науки къ другимъ гуманитарнымъ наукамъ, но изъ числа послѣднихъ нельзя же исключать науку, которая имѣетъ своимъ предметомъ одну изъ наиболѣе важныхъ сторонъ личной и общественной жизни—нравственность. Прежде, однако, чѣмъ рѣшать этотъ вопросъ, бросимъ взглядъ на тѣ отношенія, какія наблюдаются между этикой и болѣе старыми общественными науками.

Наиболѣе тѣсная связь существуетъ между этикой и юриспруденціей въ смыслѣ общей теоріи, или философіи права. Вопросы нравственности и права до такой степени между собою переплетаются, что необходимость разграниченія между обѣими областями породила цѣлый рядъ попытокъ опредѣлить, каковы общіе признаки и каковы отличительныя черты нравственности и права. Многочисленность такихъ попытокъ и разногласія, наблюдающіяся въ искомыхъ опредѣленіяхъ, доказываютъ, что это не такая уже легкая задача. Можно только сказать, что чисто соціальная функція нравственности и права одна и та же, но общая цѣль обоихъ достигается не одинаковыми средствами, и что между нравственностью и правомъ существуютъ, такъ сказать, переходныя явленія, которыя именно и затрудняютъ проведеніе опредѣленной границы между обѣими областями. И нравственность, и право суть одинаково явленія общественнаго порядка, но первая мыслима, какъ необходимая принадлежность всякаго общежитія внѣ какой бы то ни было соціальной организаціи, тогда какъ второе достигаетъ своихъ цѣлей, да и возможно вообще лишь подъ условіемъ существованія уже нѣкоторой общественной организаціи.

Союзъ между юриспруденціей и этикой былъ заключенъ еще во времена римскихъ юристовъ, которые, какъ извѣстно, испытали на себѣ весьма сильное вліяніе стоической философіи. Рядомъ съ правомъ положительнымъ, которое для нихъ существовало въ двухъ видахъ—права гражданскаго (jus civile) и права общенароднаго (jus gentium), они создали еще право философское, построенное на этическихъ началахъ и получившее у нихъ названіе права естественнаго (jus naturale). Это естественное право есть не что иное, какъ юридическое выраженіе истинъ нравственнаго порядка. Извѣстно, какую важную роль идея естественнаго права играла въ культурной и соціальной жизни западной

Европы, едва только авторитетъ теологіи смѣнился авторитетомъ философіи. „Просвѣщеніе XVIII вѣка" было эпохой наибольшаго торжества этой идеи. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія этой идеѣ, которая имѣла несомнѣнно метафизическую оболочку, стали одинъ за другимъ наноситься удары. Главный ударъ шелъ со стороны исторической школы права, которая съ самаго начала получила характеръ націоналистическаго консерватизма. Она отвергла идею естественнаго права во имя права положительнаго. Это тоже было въ нѣкоторомъ родѣ замѣною въ юриспруденціи субъективизма объективизмомъ. Не отрицая научныхъ заслугъ исторической школы, мы не можетъ, однако, не отмѣтить, что упомянутая замѣна была до извѣстной степени разлученіемъ юриспруденціи съ этикой. Общечеловѣческій и идеальный характеръ естественнаго права придавалъ ему прогрессивное значеніе въ общественномъ смыслѣ. Историческая школа въ своемъ стремленіи къ объективизму, отвергнувъ съ идеей естественнаго права всякій субъективизмъ этическаго происхожденія, не избѣжала субъективизма націоналистическаго и партійнаго. Общечеловѣческіе принципы въ этой школѣ отступили на задній планъ передъ національными преданіями, а чисто консервативный характеръ школы доводилъ ее прямо до преклоненія предъ существующими фактами. Параллельно съ этимъ историческая школа совершенно устранила личность изъ своихъ теоретическихъ соображеній, съ одной стороны, въ пользу „народнаго духа", продуктомъ котораго для школы и является право, съ другой стороны, въ пользу идеи „органическаго роста" права, будто бы совершающагося безъ человѣческаго участія. Противъ этой части ученія исторической школы, однако, давно уже происходитъ реакція. Особенно съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія соціологовъ теорія Іеринга, возвратившагося къ той мысли, что право существуетъ только посредствомъ дѣятельности личностей и въ интересахъ личностей же: въ этомъ заключается соціологическій смыслъ его сочиненій „Борьба за право" и „Цѣль въ правѣ". Но и дискредитированная идея естественнаго права начинаетъ оживать въ современной юриспруденціи, только отрѣшенная отъ своей прежней метафизической подкладки, благодаря новой постановкѣ вопроса на почву современной научной этики. Въ самомъ дѣлѣ, совершенное устраненіе изъ юриспруденціи идеи естественнаго права было бы равносильно полному отчужденію науки о правѣ отъ какихъ бы то ни было соображеній этическаго характера. Но право есть именно право, а не простой фактъ, благодаря только моральной санкціи.

Историческія отношенія между политикой и этикой были нѣсколько иныя, и дѣло доходило иногда до полной противоположности между обѣими областями. Представители чисто политическаго мышленія ставили нерѣдко впереди всего государственную цѣль (raison d'état) и считали пригодными для достиженія этой цѣли всякія средства, лишь бы они сопровождались успѣхомъ, причемъ они подчиняли и личность государственной цѣли. Договориться до безправія личности въ государствѣ можно лишь при неэтическомъ отношеніи къ личности, а въ этомъ и заключалось устраненіе изъ политики этической идеи человѣческаго достоинства, той самой идеи, на которой зиждется все естественное право. Самымъ характернымъ представителемъ такой политической науки былъ, конечно, Маккіавелли. Но уже въ томъ же XVI в., когда онъ жилъ, получила значительное развитіе политическая литература, въ которой видную роль играетъ защита правъ личности. Одинъ изъ представителей этой литературы (Бьюкананъ), возражая Маккіавелли, указывалъ на то, что въ человѣкѣ есть нѣчто „возвышенное и благородное“, требующее свободы и противное всякому деспотизму. Въ эпоху религіозной реформаціи права личности отстаивались въ политической литературѣ главнымъ образомъ на основаніи аргументовъ теологическихъ: человѣкъ созданъ по образу и подобію Божіему, и Христосъ, искупивъ своею кровью весь родъ человѣческій, сдѣлался единственнымъ господиномъ надъ совѣстью людей. Съ середины XVII вѣка теологическая аргументація уступила мѣсто философской, и вотъ изъ старой идеи естественнаго права стали дѣлаться новые выводы. Однимъ изъ этихъ выводовъ, долженствовавшимъ осуществить эту идею въ дѣйствительности, была „декларація правъ человѣка и гражданина“, основныя положенія которой повторяются во всѣхъ современныхъ конституціяхъ въ видѣ параграфовъ, гарантирующихъ права гражданъ. Но въ XVIII столѣтіи этическая сторона идеи естественнаго права плохо различалась отъ чисто метафизическаго представленія о какомъ-то естественномъ законѣ, который помимо человѣческихъ усилій призванъ осуществлять общественную пользу, лишь бы дѣло не портилось неумѣлымъ вмѣшательствомъ людей. Это воззрѣніе привело къ идеѣ о полной экономической свободѣ, къ преклоненію передъ общественною дѣйствительностью: естественное право превратилось на практикѣ въ право сильнаго, т.-е. въ противоположность основному этическому принципу естественнаго права, какъ его формулировала философія права. На этой почвѣ политическая экономія оказывалась иногда

способною договариваться до совершенно безнравственныхъ ученій и превращалась въ теоретическое оправданіе господства промышленной буржуазіи. Такой результатъ могъ получиться благодаря только извращенному пониманію естественнаго права, какъ права сильнаго, благодаря только изгнанію изъ экономической науки этическаго элемента. Въ буржуазномъ направленіи политической экономіи трудъ человѣка разсматривался наравнѣ съ землей и капиталомъ, какъ простая физическая сила, какъ своего рода вещь, которая можетъ быть превращаема въ предметъ купли-продажи, въ простой товаръ. Противъ такого безсердечнаго направленія науки должно было возмутиться нравственное чувство. Это и было причиной вражды, съ какою относились родоначальники соціализма къ современной имъ политической экономіи, въ которой, какъ извѣстно, они видѣли только школу эгоизма и защиту общественной несправедливости.

Въ эпоху возникновенія соціологіи главнымъ основаніемъ этики служила метафизика. Уже это одно могло заставить Конта отнестись къ этикѣ, въ смыслѣ отдѣльной научной дисциплины, съ извѣстнаго рода недовѣріемъ: такъ вѣдь поступилъ онъ и съ психологіей, устранивъ ее, какъ отдѣльную науку, изъ своей классификаціи наукъ. Наиболѣе реалистическая теорія морали, существовавшая въ его время, но ведшая свое начало еще изъ эпохи матеріалистической философіи XVIII в., заключалась въ признаніи эгоизма за единственное начало, объясняющее всѣ человѣческія дѣйствія и могущее служить разумною основою для научной системы морали. Таково было и воззрѣніе тогдашнихъ экономистовъ. Контъ, видѣвшій причину всѣхъ общественныхъ золъ въ умственной и нравственной анархіи индивидуализма, понятно, не могъ раздѣлять этого взгляда. Въ противоположность понятію эгоизма онъ создалъ новое понятіе, которому далъ и новое названіе альтруизма: эгоизмъ есть начало антисоціальное; въ основѣ общественной жизни можетъ лежать только альтруизмъ. Этотъ послѣдній терминъ вошелъ во всеобщее употребленіе и получилъ право гражданства въ наукѣ. Но Контъ оставилъ этику совершенно неразработанною съ новой точки зрѣнія. Только во второй періодъ своей дѣятельности, когда онъ торжественно провозгласилъ права субъективизма, онъ создалъ особаго рода собственную религіозную этику, которая, однако, отличается совершенною ненаучностью. И все-таки Контомъ для этики была поставлена научная проблема—объяснить существованіе морали безъ метафизическихъ предположеній и вывести мораль не изъ индивидуальной, а изъ соціальной жизни

человѣка, изслѣдовавъ при этомъ тотъ двигатель человѣческихъ поступковъ, которому онъ далъ названіе альтруизма. Это и есть одна изъ задачъ коллективной психологіи, ибо она должна изучать процессы и результаты психическаго взаимодѣйствія между людьми. Съ другой стороны, соціологія не можетъ считать свой предметъ исчерпаннымъ, если не будутъ подвергнуты ея разсмотрѣнію чисто нравственные факторы, оказывающіе свое вліяніе на хозяйственную, правовую и государственную жизнь общества. Эта задача, поставленная Контомъ, была принята тѣми изъ его послѣдователей и продолжателей, которые наименѣе склонны были повторять ошибки основателя новой общественной науки. Особенно въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія Спенсеръ. Свою грандіозную „Систему синтетической философіи“ онъ завершилъ „Основаніями этики“, слѣдующими у него непосредственно за „Основаніями соціологіи“. Самая нравственность разсматривается у Спенсера, какъ соціальное явленіе, имѣющее происхожденіе въ соціальной жизни. Въ его этикѣ нашелъ себѣ мѣсто и принципъ альтруизма, провозглашенный Контомъ. И къ нравственности Спенсеръ примѣнилъ идею эволюціи, съ точки зрѣнія которой уже Контъ хотѣлъ понять исторію человѣческаго общества. Но примѣръ Спенсера не единственный. Подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ идей позитивизма или соціологіи во второй половинѣ XIX в. наука о нравственности подверглась полному преобразованію со стороны своего предмета, своей задачи и своего метода. Подобно другимъ спеціальнымъ общественнымъ наукамъ, т.-е. политикѣ, юриспруденціи и политической экономіи, она должна заключать въ себѣ и теорію соотвѣтственныхъ явленій соціальной жизни, и систему принциповъ, которые должны господствовать въ данной сферѣ отношеній.

Нравственныя явленія могутъ совершенно такъ же, какъ явленія политическія, юридическія и экономическія, изучаться отдѣльно отъ другихъ или въ связи съ другими на общей почвѣ соціальной жизни. Подобно соціальнымъ явленіямъ другихъ категорій, они могутъ, далѣе, изучаться этнографически, исторически, статистически, причемъ и здѣсь возможны конкретная и абстрактная точки зрѣнія (исторія нравственности и теорія нравственности) и вполнѣ, наконецъ, приложимъ сравнительный методъ. Эволюція нравственности составляетъ одну изъ сторонъ соціальной эволюціи вообще, вмѣстѣ съ эволюціей государства, права и народнаго хозяйства. Имѣя между прочимъ дѣло и съ нравственными явленіями общественной жизни, соціологія не можетъ

ограничиваться лишь одною „физикою нравовъ“ безъ всякой ихъ этической оцѣнки, какъ отдѣльныхъ проявленій моральной эволюціи человѣчества, которая въ то же время есть и моральный прогрессъ, т.-е. нравственное улучшеніе человѣческой личности и человѣческаго общества. Этическій элементъ теоретически неустранимъ изъ соціологіи, потому что существуетъ въ самой общественной жизни, какъ бы мы себѣ ни объясняли генезисъ этого элемента. Это одно изъ проявленій той субъективной стороны соціальнаго прогресса, которая заключается въ психическомъ взаимодѣйствіи личностей и не можетъ быть игнорируема соціологіей. Каждое политическое, юридическое и экономическое отношеніе, объективно существующее, является и воплощеніемъ того или другого принципа, который имѣетъ моральное значеніе. Устраненіе этическаго элемента изъ соціологіи было бы не только теоретически ошибочно, но и опасно въ нравственномъ и общественномъ смыслахъ. Пробѣлъ, который образовался бы вслѣдствіе изгнанія этическаго субъективизма изъ соціологіи, или такъ и остался бы пробѣломъ въ смыслѣ совершеннаго моральнаго и соціальнаго индифферентизма, при которомъ не можетъ быть всесторонняго пониманія общественной жизни, или тотчасъ же былъ бы заполненъ ненаучнымъ и неэтичнымъ субъективизмомъ, примѣры коего представляютъ намъ другія общественныя науки, когда отказываются принимать въ расчетъ достоинство человѣческой личности и нравственные запросы, заставляющіе насъ интересоваться общественною жизнью.

Возникновеніе спора между объективистами и субъективистами. Вопросъ объ объективизмѣ и субъективизмѣ въ соціологіи имѣетъ цѣлую исторію, въ которой иногда бываетъ крайне трудно разобраться, благодаря значительной путаницѣ понятій, какая обнаруживается при разсмотрѣніи исторіи этого спора. Главная причина недоразумѣнія заключалась въ томъ, что стали различать между двумя методами въ соціологіи—объективнымъ и субъективнымъ, тогда какъ рѣчь должна была бы идти не о методахъ двоякаго рода, а о двоякаго рода отношеніяхъ (или точкахъ зрѣнія). Начало этому ошибочному различенію было положено самимъ Контомъ, который во второй періодъ своей жизни, когда создавалась „Система положительной политики“, сталъ, если можно такъ выразиться, подчинять наблюденіе воображенію, умъ—сердцу, познавательную способность—любви, симпатическимъ чувствамъ, т.-е. теоретическое отношеніе къ міру сталъ подчинять отношенію эмоціональному. Это новое отношеніе

свое къ предметамъ, которые объективно изучаются въ „Курсѣ положительной философіи“, Контъ и назвалъ субъективнымъ методомъ (méthode subjective). Съ этой точки зрѣнія всѣ науки, не исключая математики, дабы не давать одного сухого и безплоднаго знанія, должны были получить „религіозное освященіе“. Извѣстно, что во второй періодъ своей жизни Контъ сдѣлалъ человѣчество предметомъ религіознаго почитанія и служенія, предъявивъ ученымъ требованіе, чтобы передъ ихъ умственнымъ взоромъ во всѣхъ ихъ изслѣдованіяхъ постоянно предносился предметъ этого культа. Умъ и поведеніе должны были подчиняться чувству, положенному въ основу новой религіи, которую, какъ извѣстно, счелъ нужнымъ создать для человѣчества Контъ въ эту пору своей жизни. Соціологія должна была содержать догматы этой позитивной религіи, но рядомъ съ нею Контъ создавалъ еще соціолатрію (позитивистическій культъ) и соціократію (позитивистическое устройство общества). Правда, онъ настаивалъ на томъ, что между соціологическимъ субъективнымъ методомъ и субъективнымъ методомъ теологическимъ существуетъ большая разница, такъ какъ соціологическій методъ не объективируетъ или не проектируетъ во внѣшній міръ того, что внутренне созерцается при помощи этого метода, но въ сущности, какъ и въ прежнихъ натуралистическихъ религіяхъ, эмоціональному отношенію къ міру здѣсь давался положительный перевѣсъ. Ставъ вмѣстѣ съ тѣмъ на ту совершенно вѣрную въ основѣ своей точку зрѣнія, что наука должна служить всеобщему благополучію, а потому не можетъ быть единственною высшею цѣлью своего собственнаго существованія, онъ упустилъ изъ виду то, что приносить дѣйствительную пользу обществу наука можетъ лишь въ томъ случаѣ, когда она ведетъ свои дѣла такъ, какъ будто бы, кромѣ чистаго знанія отвлеченной истины, у нея не могло быть другихъ задачъ, и забылъ, что возможность такого строго теоретическаго отношенія къ окружающей дѣйствительности обусловливается существованіемъ въ человѣкѣ стремленія къ знанію, хотя бы изъ этого знанія никогда и нигдѣ нельзя было сдѣлать никакого практическаго употребленія. Однимъ словомъ, субъективный методъ Конта былъ прямою измѣною объективизму въ смыслѣ строго теоретическаго отношенія къ природѣ и человѣку. Нельзя отрицать того, что въ этомъ переворотѣ, случившемся съ Контомъ, большую роль играютъ чисто этическія стремленія, которыя сравнительно мало проявлялись въ эпоху написанія „Курса положительной философіи“, но стремленія эти могли бы и не помѣшать ему остаться на

высотѣ научнаго созерцанія. Можно требовать далѣе, чтобы знаніе не оставалось безплоднымъ, но для этого вовсе не нужно, чтобы отдѣльными шагами нашего ума въ дѣлѣ изслѣдованія дѣйствительности руководило—и направляло ихъ къ желанной цѣли—чувство, особенно такое чувство, какъ религіозное, не позволяющее анализировать и критиковать предметъ нашего почитанія и служенія, хотя бы предметомъ этимъ и было „человѣчество". Понятно, что *такой* субъективный методъ, — который, дѣйствительно, былъ методомъ, но только не научнаго изслѣдованія, а своеобразнаго религіознаго творчества,—былъ отвергнутъ тѣми послѣдователями и сторонниками Конта, для коихъ „Система положительной политики" была свидѣтельствомъ полнаго ослабленія умственной силы основателя позитивизма. Они объявили себя противниками этого ненаучнаго метода и всей субъективной соціологіи Конта, а тѣмъ самымъ признавали истинность только одного метода—объективнаго. Въ этомъ отношеніи они были, конечно, правы, но, устраняя изъ соціологіи весь тотъ эмоціональный субъективизмъ, который продиктовалъ Конту его позитивную религію, они распространяли свое нерасположеніе къ субъективизму и на чисто этическое отношеніе къ общественнымъ явленіямъ, ставъ на ту точку зрѣнія, что никакого иного отношенія къ этимъ явленіямъ, кромѣ такого, какое существуетъ въ естествознаніи къ явленіямъ природы, и быть вовсе не должно. Противъ этого послѣдняго вывода возстала, однако, нѣкоторая часть научныхъ послѣдователей Конта. Она стала доказывать законность этическаго отношенія къ общественнымъ явленіямъ, назвавъ такое отношеніе также субъективнымъ методомъ. Къ сожалѣнію, выборъ термина не былъ удачнымъ. Во-первыхъ, тутъ рѣчь должна была идти вовсе не о какомъ-то особомъ методѣ, а только объ особой точкѣ зрѣнія, объ особомъ отношеніи. Во-вторыхъ, пользованіе терминомъ, который у Конта получилъ такое своеобразное значеніе, давало поводъ обвинять субъективистовъ въ томъ, что они хотятъ подчинить науку соображеніямъ ненаучнаго характера.

Взглядъ Конта на отношеніе субъективнаго метода къ объективному. Впрочемъ, самъ Контъ вовсе не думалъ, что субъективный методъ долженъ совершенно упразднить методъ объективный. Даже въ „Системѣ положительной политики" онъ стоитъ за первенство объективнаго метода и даетъ только долю участія субъективному методу въ выработкѣ естественной философіи. Онъ требуетъ лишь сочетанія обоихъ методовъ, ибо только въ прошломъ, по его мнѣнію, они могли быть непримиримы. Онъ не

разъ заявляетъ, что основаніе соціологіи переродило или возродило субъективный методъ, придавъ ему позитивный характеръ. „Основная гармонія обоихъ методовъ, объективнаго и субъективнаго, говоритъ Контъ, составляетъ истинную человѣческую логику, т.-е. совокупность средствъ, способныхъ открывать нужныя намъ истины“. Перечитывая, однако, страницы, посвященныя этому вопросу въ первомъ томѣ „Системы положительной политики“, и сравнивая ихъ съ тѣмъ, что писалось о томъ же предметѣ другими защитниками субъективизма въ соціологіи, мы ясно видимъ, какая громадная разница существуетъ между обоими субъективными методами.

Вопросъ о соціологическомъ субъективизмѣ въ русской литературѣ. Нигдѣ вопросъ о субъективномъ методѣ въ соціологіи не вызывалъ такихъ споровъ и разногласій, какъ именно у насъ. Русская литература выставила горячихъ защитниковъ этическаго субъективизма въ лицѣ преимущественно Миртова и Михайловскаго. Одно время (въ семидесятыхъ годахъ) говорилось даже объ особой русской соціологической школѣ, какъ школѣ субъективной, да и теперь указываютъ на то, что она задолго предвосхитила идеи, характеризующія новѣйшую американскую школу соціологовъ (Уорда и Гиддинса), тоже становящуюся на субъективную точку зрѣнія. Именно съ точки зрѣнія этическаго субъективизма въ русской литературѣ подвергнуты были критикѣ главныя положенія органическаго направленія и разныя примѣненія дарвинизма къ соціологіи. Въ этой литературѣ можно найти и краснорѣчивыя страницы противъ соціологическаго объективизма, за которымъ нерѣдко скрываются на самомъ дѣлѣ или соціальный индифферентизмъ, или какія-либо тенденціи невысокой нравственной пробы. Русскіе соціологи и теоретически доказывали правильность этическаго отношенія къ общественнымъ явленіямъ въ наукѣ, ихъ изучающей. Нужно сожалѣть только, что они съ самаго начала стали употреблять выраженіе „субъективный методъ“, какъ будто изслѣдованіе естественныхъ и общественныхъ явленій должно было бы вестись не однимъ и тѣмъ же общенаучнымъ методомъ, т.-е. не на основаніи однихъ и тѣхъ же логическихъ пріемовъ мысли. По вопросу о субъективномъ *методѣ* отъ Миртова и Михайловскаго даже отдѣлился третій соціологъ одного съ ними направленія (Южаковъ), что и вызвало между ними печатный обмѣнъ мнѣній. Потомъ вопросъ въ теченіе нѣкотораго времени можно было считать сданнымъ въ архивъ, но недавно онъ снова былъ поднятъ, благодаря появленію въ нашей литературѣ экономическаго матеріализма:

именно оно сопровождалось нападеніемъ на „субъективную соціологію", коей стали противополагать экономическій матеріализмъ, какъ ученіе чисто объективное, и потому будто бы одно только и имѣющее право считаться строго научнымъ. Субъективизмъ былъ объявленъ прямо синонимомъ ненаучности и произвола. Прибавимъ къ этому, что субъективизмъ русской соціологической школы былъ связанъ не только съ этическимъ отношеніемъ къ личности и обществу, но и съ признаніемъ внутренней, психической, субъективной стороны въ самой общественной жизни: представители этого направленія считали невозможнымъ построить соціологію безъ помощи не только этики, но и психологіи. Понятно, что они не могли сдѣлаться поэтому сторонниками построенія соціологіи непосредственно на біологіи, какъ того хотѣли соціологи органическаго и дарвинистическаго направленій. На томъ же основаніи съ ихъ стороны не могъ встрѣтить сочувствія и экономическій матеріализмъ, хотя они сами вполнѣ устранили то, что составляетъ этическую сторону ученія Маркса въ смыслѣ общественнаго идеала и приняли его экономическую теорію. Изъ всей этой исторіи спорнаго вопроса въ русской литературѣ въ настоящее время выясняется, что чистый объективизмъ въ соціологіи съ точки зрѣнія русскихъ его противниковъ является синонимомъ соціологіи, построяемой безъ помощи психологіи и безъ участія этики, а къ такой соціологіи приводятъ идеи „общественнаго организма", какъ реальнаго существа, „борьбы за существованіе", какъ основного фактора общественной жизни, и „экономическаго матеріализма", какъ обоснованія всей культурной и соціальной жизни на одномъ экономическомъ началѣ.

Разборъ Южаковымъ вопроса о субъективномъ методѣ. Первое заявленіе о необходимости примѣненія къ изученію общественныхъ явленій особаго субъективнаго метода было сдѣлано въ нашей литературѣ Миртовымъ въ „Историческихъ письмахъ" и „Задачахъ позитивизма", написанныхъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Около того же времени, но позднѣе Миртова съ подобнаго же рода заявленіемъ выступилъ и Михайловскій въ статьяхъ „Что такое прогрессъ?" и „Теорія Дарвина и общественная наука". Между аргументаціей обоихъ авторовъ существуетъ, однако, довольно значительная разница, и первый въ своемъ субъективизмѣ идетъ гораздо далѣе второго, но оба они вполнѣ сходятся между собою въ томъ, что принимаютъ субъективизмъ за особый научный методъ, который долженъ быть употребляемъ при изученіи общественныхъ явленій. Въ началѣ

семидесятыхъ годовъ взгляды названныхъ писателей были подвергнуты критикѣ Южаковымъ въ особомъ этюдѣ, появившемся тогда въ журналѣ „Знаніе“ и перепечатанномъ впослѣдствіи въ первомъ выпускѣ „Соціологическихъ этюдовъ“ (1891). Съ своей стороны Миртовъ и Михайловскій возражали Южакову. Въ этой полемикѣ задѣто было не мало интересныхъ темъ, но главный споръ вращался около вопроса, можно ли называть субъективизмъ особымъ методомъ и слѣдуетъ ли думать, что естествознаніе и обществовѣдѣніе должны пользоваться двумя различными методами. Южаковъ стоитъ за единство научнаго метода во всей области знанія и старается доказать, что въ основѣ идеи о субъективномъ методѣ лежитъ рядъ недоразумѣній, которыя онъ и счелъ нужнымъ разъяснить въ своей статьѣ.

Но, отрицая необходимость и научность особаго метода, который былъ бы чѣмъ-то инымъ сравнительно съ методомъ естествознанія, Южаковъ призналъ вполнѣ правильнымъ субъективизмъ въ смыслѣ точки зрѣнія или отношенія къ предмету. „Вдумываясь, говоритъ онъ, въ филіацію мыслей приверженцевъ субъективной школы, можно дать слѣдующее опредѣленіе защищаемому ими методу: оцѣнка относительной важности явленій на основаніи нравственнаго міросозерцанія (идеала) изслѣдователя и построеніе научной теоріи при помощи того же критерія,—вотъ, прибавляетъ онъ, отличительная черта, существенный признакъ субъективнаго метода“. Въ другомъ мѣстѣ онъ даетъ еще такое „исправленное“ опредѣленіе субъективнаго метода: его особенность „заключается въ оцѣнкѣ относительной важности общественныхъ явленій на основаніи взглядовъ изслѣдователя на нормальныя отношенія членовъ общества другъ къ другу и въ построеніи научной теоріи при помощи того же критерія“. Въ этомъ смыслѣ Южаковъ стоитъ за субъективизмъ, но онъ не думаетъ, чтобы въ такомъ пониманіи субъективизмъ противорѣчилъ общенаучнымъ объективнымъ пріемамъ изслѣдованія и чтобы поэтому онъ ихъ исключалъ. Наоборотъ, такая нравственная оцѣнка является только дополненіемъ къ этимъ пріемамъ, необходимымъ ихъ усложненіемъ при усложненіи самого матеріала, подлежащаго изслѣдованію. Давъ „исправленное“ опредѣленіе субъективнаго метода, критикъ замѣчаетъ, далѣе, что „въ такомъ видѣ требованіе, заявляемое этимъ методомъ (съ нѣкоторыми оговорками), весьма легко можетъ быть принято самымъ ярымъ и нетерпимымъ приверженцемъ единства научнаго метода во всѣхъ сферахъ человѣческаго мышленія. Дѣло въ томъ, продолжаетъ онъ, „что тутъ никакого особеннаго метода даже и нѣтъ вовсе, а есть просто

провозглашеніе одной весьма важной теоремы соціологіи, именно что общество основано на личностяхъ, и что развитіе общества совершается не иначе, какъ личностями, чрезъ личности и въ личностяхъ. Если соціологъ признаетъ эту теорему, то онъ, изслѣдуя извѣстное общественное явленіе, всегда будетъ останавливать свое вниманіе не только на послѣдствіяхъ его для общественной среды, культуры, но и на вліяніи его на созидателей этой среды, на тѣ общественные атомы, чрезъ которые единственно и могли возникнуть наблюдаемыя имъ измѣненія общественной среды". Этими словами Южаковъ заявляетъ полную свою солидарность съ соціологическими воззрѣніями разбираемыхъ авторовъ, но при этомъ онъ не видитъ причины „приписывать значенію личностей въ обществѣ какой-либо особенный методъ". „Игнорированіе теоремы, говоритъ онъ, на которой настаиваетъ субъективная школа, есть грубая и непростительная ошибка со стороны соціологовъ; приступать къ построенію какой-либо части соціологіи, не уяснивъ себѣ предварительно значенія личности для общественной среды и среды для личностей или даже прямо отвергая это значеніе, все равно, что дѣлать какія-либо изысканія по небесной механикѣ, отвергая теорему объ обратной пропорціональности силы тяготѣнія квадратамъ разстоянія. Признаніе этихъ теоремъ необходимо для обѣихъ наукъ, и нельзя достаточно благодарить нашихъ авторовъ за рѣзкое и постоянное настаиваніе на первостепенной важности личности въ обществѣ, но все-таки гдѣ же тутъ особый методъ?" Южаковъ особенно напираетъ на то, что теоремы, защищаемыя Миртовымъ и Михайловскимъ, „суть теоремы соціологическія, а отнюдь не логическія и что поэтому онѣ должны вліять на содержаніе заключеній, а отнюдь не на пріемы изслѣдованія, отнюдь не на методъ". При распаденіи обществознанія на нѣсколько самостоятельныхъ наукъ сдѣлалось возможнымъ только, что „этика, существующая совершенно обособленно, иногда игнорируется мыслителями при построеніи ими общественно-научныхъ теорій, и выходитъ тотъ quasi-объективный методъ, противъ котораго справедливо ратуетъ субъективная школа", въ глазахъ которой „принципы этики получаютъ значеніе верховнаго и единственно научнаго критерія". Но, прибавляетъ Южаковъ, „теоремы науки, какъ бы онѣ истинны и важны ни были, не могутъ служить методологическимъ критеріемъ, не извративъ самаго характера научной работы... Введеніе нравственнаго элемента въ изслѣдованіе нисколько не измѣняетъ его существеннаго характера. Соціологическое изслѣдованіе можетъ и должно держаться обще-

научнаго метода и притомъ тѣмъ строже и неотступнѣе, чѣмъ сложнѣе матеріалъ, надъ которымъ приходится работать пытливости соціолога. Если объективность заключается въ томъ, чтобы игнорировать значеніе общественныхъ событій для личностей и значеніе личностей для общественныхъ событій, чтобы отмахиваться отъ соціологическихъ выводовъ, вытекающихъ изъ этическихъ теоремъ, то это вовсе не объективность и безпристрастіе, а просто опасное для науки заблужденіе, непониманіе того, что различные элементы общественнаго цѣлаго находятся въ тѣсной зависимости между собою. Богъ съ ней, съ такою объективностью; я готовъ выдать ее головою нашимъ субъективистамъ. Но если, съ другой стороны, субъективность заключается въ томъ, чтобы, вмѣсто признанія желательнымъ и должнымъ истиннаго, объявлять истиннымъ желательное, въ томъ, чтобы снимать съ соціолога-изслѣдователя узду всякихъ общеобязательныхъ логическихъ формъ мышленія, въ томъ, чтобы теоремы одной изъ областей науки, какъ бы эта область ни была важна сама по себѣ, возводить въ методологическій критерій всякаго общественно-научнаго мышленія,—если *это* значитъ субъективный методъ, то да будетъ всякій соціологъ подальше отъ такого орудія, и чѣмъ талантливѣе мыслитель, тѣмъ опаснѣе для науки подобное направленіе".

Нельзя не согласиться съ правильностью этого взгляда, высказаннаго относительно субъективнаго метода Южаковымъ. Но дѣло касается именно только особаго метода, а не этической точки зрѣнія при изученіи общественныхъ явленій. „Нравственный элементъ, говоритъ критикъ, какъ процессъ приспособленія жизни къ условіямъ общественнаго существованія, слишкомъ важенъ и нравственная доктрина поэтому слишкомъ обширная по своему значенію область соціологіи, чтобы человѣкъ, неспособный разглядѣть перваго и чуждый второй, могъ съ успѣхомъ заниматься соціологіей... Мысля общественныя явленія, мы необходимо мыслимъ пользу, вредъ, благо и прочія категоріи, окрашенныя для насъ въ цвѣтъ желательности или нежелательности", а это обстоятельство неизбѣжно налагаетъ на насъ „обязанность строить общественную науку, исходя изъ положеній одного изъ отдѣловъ ея, изъ нравственныхъ теорій". Поэтому Южаковъ совершенно правильно считаетъ борьбу съ указанною окраскою для всякаго мыслителя и невозможною, и безполезною: „всѣ слова, относящіяся къ обществу, запечатлѣны ею; всѣ отвлеченныя и почти всѣ общія конкретныя названія въ соціологической терминологіи непремѣнно или прямо означаютъ или со-

означаютъ пользу, вредъ, благо или что-либо подобное". Общій выводъ Южакова таковъ: „аргументація субъективной школы, которою она старается доказать непримѣнимость къ соціологіи объективнаго метода,.. ...не выдерживаетъ критики", но въ основаніи положительной стороны субъективизма „лежитъ глубоко истинная идея о значеніи нравственной доктрины въ соціологіи". Нравственная доктрина однако, по мнѣнію Южакова, „есть ученіе объ отношеніи личности къ обществу, о приспособленіи жизни къ условіямъ общественнаго существованія, такъ что ея значеніе въ соціологіи понятно и безъ какихъ-либо субъективныхъ подставокъ. Ошибка субъективистовъ заключалась въ томъ, что они теоремы соціологіи приняли за теоремы логики и доктрину, долженствующую влiять на содержаніе науки, объявили методологическимъ критеріемъ". Такую постановку вопроса Южаковъ называетъ даже отрицаніемъ соціологіи, какъ чистой науки, отождествленіемъ ея съ политикой въ смыслѣ науки прикладной.

Мы не станемъ разсматривать возраженій, какія были вызваны статьей Южакова. Нельзя сказать, чтобы полемика сколько-нибудь разъяснила вопросъ. Употребленіе слова „методъ" не въ болѣе узкомъ смыслѣ пріема изслѣдованія, а въ болѣе широкомъ смыслѣ „процесса" мышленія, и возможность противополагать субъективное объективному въ весьма разнообразныхъ смыслахъ не позволили спорящимъ прійти къ какому-либо заключенію. Выяснилось только, что субъективисты вовсе не безусловные противники того, что они называютъ объективнымъ методомъ. Въ статьѣ „О методѣ въ соціологіи", которую Миртовъ помѣстилъ въ „Знаніи", даже прямо говорится, что въ соціологіи возможны и объективные методы изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ методовъ не употребляется исключительно въ одной какой-либо области науки. Въ одномъ только обѣ стороны согласились, но въ этомъ пунктѣ между ними и никакого разногласія не было, именно въ необходимости внимательнаго отношенія къ человѣческой личности въ смыслѣ психологическаго объясненія общественныхъ явленій, и въ смыслѣ оцѣнки этихъ явленій съ этической точки зрѣнія. Общественныя явленія существуютъ чрезъ личности и по отношенію къ личностямъ, и русскіе соціологи были правы, когда искали основаній для своего субъективизма и въ свойствахъ изслѣдуемыхъ явленій, и въ свойствахъ изслѣдующаго субъекта.

Нѣкоторыя проявленія субъективизма въ иностранной литературѣ. Можно, слѣдовательно, сказать, что русскій

соціологическій субъективизмъ сводится въ концѣ-концовъ къ тому, что общественныя явленія нельзя изучать, игнорируя участіе мыслей, чувствъ и стремленій личностей, создающихъ ихъ своею дѣятельностью (психологическая точка зрѣнія) и игнорируя значеніе этихъ явленій для самихъ личностей, требующее нравственной оцѣнки (этическая точка зрѣнія). Довольно близкое пониманіе сущности и задачи соціологіи было высказано въ недавнее время и въ Америкѣ. Прежде всего это было сдѣлано Уордомъ въ его „Динамической соціологіи", въ которой общественный процессъ понимается, какъ процессъ антропо-телеологическій: человѣкъ ставитъ цѣли для своей дѣятельности, которая и создаетъ общественный процессъ, а потому общественныя явленія и подлежатъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія человѣческихъ цѣлей. „Динамическая соціологія" направлена главнымъ образомъ противъ Спенсера съ его объективизмомъ, который былъ также предметомъ протестовъ и Михайловскаго. Въ этомъ смыслѣ Уордъ является тоже представителемъ соціологическаго субъективизма, но послѣдній нашелъ сторонника и въ другомъ американскомъ соціологѣ, именно въ Гиддинсѣ, на которомъ мы остановимся еще нѣсколько подробнѣе. Отмѣтимъ, кромѣ того, что и вообще на Западѣ замѣчается поворотъ въ сторону постановки соціологическихъ вопросовъ на объективную точку зрѣнія. Въ видѣ примѣра можно сослаться на два новѣйшихъ соціологическихъ трактата, изъ коихъ одинъ написанъ въ духѣ органической теоріи, другой—въ духѣ дарвинизма, т.-е. оба написаны въ направленіяхъ, объективизмъ которыхъ въ былыя времена и вызывалъ противъ себя этическій протестъ защитниковъ субъективнаго метода. Первый изъ этихъ трактатовъ—книга Дюркгейма „О раздѣленіи общественнаго труда". „Эта книга, говоритъ самъ ея авторъ, есть прежде всего попытка разсмотрѣнія фактовъ моральной жизни по методу положительныхъ наукъ. Но изъ этого слова сдѣлали употребленіе, искажающее его смыслъ и далекое отъ нашего пониманія. Моралисты, которые выводятъ свое ученіе не изъ апріорнаго принципа, но изъ нѣкоторыхъ положеній, заимствованныхъ у одной или нѣсколькихъ положительныхъ наукъ, каковы біологія, психологія, соціологія, называютъ свою мораль научною. Не таковъ способъ, коему мы думаемъ слѣдовать. Мы не хотимъ извлекать нравственность изъ науки, но хотимъ строить науку о нравственности, что не одно и то же. Моральныя явленія—такія же явленія, какъ и другіе факты; поэтому должно быть вполнѣ возможнымъ наблюдать ихъ, описывать, классифицировать и отыскивать законы, ихъ объясняющіе...

Нравственность образуется, преобразуется и сохраняется по причинамъ, доступнымъ опытному знанію (pour des raison d'ordre expérimental), и только однѣ эти причины стремится опредѣлить наука о нравственности. Но изъ того, что мы предполагаемъ прежде всего изучать дѣйствительность, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы мы должны были отказаться отъ ея улучшенія; мы признали бы, что наши изслѣдованія не стоили бы ни одного часа работы, если бы они должны были имѣть лишь одно — умозрительный интересъ. Если мы заботливо отдѣляемъ теоретическія проблемы отъ проблемъ практическихъ, то вовсе не изъ пренебреженія къ послѣднимъ, а наоборотъ, именно для того, чтобы быть въ состояніи ихъ лучше разрѣшить". Дюркгеймъ требуетъ еще, чтобы „наука о морали не дѣлала изъ насъ равнодушныхъ или покорныхъ созерцателей дѣйствительности". Являясь защитникомъ научнаго (объективнаго) метода въ наукѣ о нравственности противъ метафизиковъ, онъ не хочетъ, однако, чтобы эта научность была синонимомъ этическаго безразличія. Любопытно, что все это разсужденіе предпослано чисто соціологическому трактату „О раздѣленіи общественнаго труда", въ коемъ изучаются отношенія между индивидуальной личностью и соціальной солидарностью. Дѣло въ томъ, что вопросъ о раздѣленіи труда, по Дюркгейму, глубоко затрогиваетъ нашу нравственную жизнь, ибо это вопросъ о томъ, чѣмъ быть человѣку, и въ чемъ заключается нашъ долгъ — „стремиться ли ему къ тому, чтобы быть законченнымъ и полнымъ существомъ, самодовлѣющимъ цѣлымъ (un tous qui se suffit à soi-même) или же, наоборотъ, быть только частью цѣлаго, органомъ организма?" Но это какъ-разъ тотъ самый вопросъ, который особенно обстоятельно разсматривался съ субъективной точки зрѣнія Михайловскимъ, когда онъ разбиралъ соціологическую теорію Спенсера, который въ своемъ объективномъ отношеніи къ дѣйствительности, конечно, и не подозрѣвалъ, что такой вопросъ можетъ существовать. Другая книга, о коей здѣсь слѣдуетъ упомянуть, это — „Соціальная эволюція" Кидда. Уже изъ того, что о ней было сказано въ предыдущей главѣ, можно видѣть, какое значеніе этотъ реалистъ въ соціологіи, думающій получить главныя руководящія идеи общественной науки изъ біологической теоріи Дарвина, приписываетъ тѣмъ не менѣе внутреннему, психологическому и этическому фактору въ соціальной эволюціи. Вотъ ужъ никакъ нельзя сказать, чтобы эта книга представляла „соціальную эволюцію" безъ всякаго отношенія къ этическому субъективизму.

Различеніе Гиддинсомъ объективной и субъективной сторонъ общественнаго процесса. Подобно своему соотечественнику Уорду, Гиддинсъ исходитъ изъ того положенія, что „спенсеровская соціологія вообще, формулирована ли она самимъ Спенсеромъ или писателями, испытавшими на себѣ его вліяніе, есть прежде всего физическая философія общества". Чисто „физическое объясненіе" Гиддинсъ считаетъ недостаточнымъ, требуя, чтобы это „объективное объясненіе" было дополнено „объясненіемъ субъективнымъ". По его словамъ, соціологія должна объяснять свой предметъ, съ одной стороны, фактами сознанія, съ другой — нѣкоторымъ физическимъ принципомъ. „Субъективный и объективный процессы должны явиться неразлучными, такъ какъ каждый изъ нихъ всегда подчиненъ другому". Гиддинсъ, впрочемъ, оговаривается, что это положеніе не должно быть понимаемо въ смыслѣ философскаго дуализма. „Идеалистъ, говоритъ онъ, сведетъ физическій процессъ на функцію мысли, матеріалистъ, если это ему удастся, сведетъ субъективный процессъ на функцію энергіи", но для науки это безразлично. Онъ готовъ согласиться, что физическій процессъ, подлежащій объективному объясненію, одинъ и тотъ же и въ обществѣ, и въ мірѣ небесныхъ свѣтилъ: — это эволюція формы чрезъ уравновѣшеніе энергіи. Въ другомъ мѣстѣ мы уже видѣли, что элементарнымъ и самобытнымъ субъективнымъ фактомъ общества Гиддинсъ считаетъ „сознаніе рода": „наше поведеніе съ тѣми, говоритъ онъ, съ кѣмъ мы чувствуемъ бо́льшее сходство, инстинктивно и раціонально отличается отъ нашего поведенія по отношенію къ тѣмъ, кого мы считаемъ болѣе отличными отъ насъ". Выработать полное субъективное объясненіе общества значитъ изучить реальное значеніе „сознанія рода" во всѣхъ его общественныхъ проявленіяхъ. Между обоими процессами или, какъ выражается въ одномъ мѣстѣ Гиддинсъ, между физическими силами и психическими мотивами существуетъ постоянное взаимодѣйствіе, коимъ только мы и можемъ объяснить общественный процессъ, какъ таковой. Вообще, идея взаимодѣйствія играетъ роль въ соціологической теоріи Гиддинса, въ частности идея взаимодѣйствія между отдѣльными личностями въ обществѣ, имѣющаго, по его мнѣнію, двоякій характеръ. Физической основой естественнаго общества онъ признаетъ аггрегацію индивидуумовъ, какъ результатъ дѣйствія чисто внѣшнихъ физическихъ причинъ, но это только простая основа: истинная ассоціація есть процессъ психическій, въ коемъ играетъ роль взаимодѣйствіе между индивидуумами. Факторами соціальной инте-

граціи индивидуальныхъ вѣрованій и желаній Гиддинсъ считаетъ подражаніе и симпатію. Начало настоящаго человѣческаго общества онъ относитъ къ тому моменту, когда созданныя этими факторами общественныя сознанія и традиціи достигаютъ уже такого развитія, что начинаютъ существовать не только объективно, какъ привычныя явленія общества, но и субъективно—въ мысляхъ, чувствахъ и намѣреніяхъ отдѣльныхъ членовъ общества. „Когда, замѣчаетъ Гиддинсъ, общество существуетъ въ идеяхъ, какъ и въ привычныхъ фактахъ, идея начинаетъ оказывать свое воздѣйствіе на всѣ объективныя отношенія. Идея общества, которая была сначала простымъ воспріятіемъ или представленіемъ, становится идеаломъ, который общежитіе и стремится осуществить. Съ этого момента формы самой ассоціаціи и ассоціированной дѣятельности, опредѣленныя отчасти непосредственною физическою причинностью, отчасти опредѣляются и общественнымъ духомъ“. Подобно русскимъ субъективистамъ, американскій соціологъ полагаетъ большой интересъ въ научномъ вопросѣ „объ отношеніяхъ между субъективнымъ развитіемъ индивидуума и измѣненіями въ структурѣ и дѣятельностяхъ общества“. Не входя въ подробности, отмѣтимъ только, что, по представленію Гиддинса, общество стремится къ „этическому типу“, какъ наиболѣе высокой и прочной формѣ. Соотвѣтственно съ этимъ прогрессъ опредѣляется у него двояко — и съ объективной, и съ субъективной точекъ зрѣнія. На каждомъ шагу онъ считаетъ задачу соціолога также двоякою: соціологъ долженъ слѣдить за тѣмъ, какъ, съ одной стороны, развивались общественныя отношенія и какое, съ другой стороны, воздѣйствіе оказывали эти отношенія на развитіе личности. Между индивидуумомъ и обществомъ происходитъ постоянное взаимодѣйствіе, въ коемъ не всѣ роли, какія играются отдѣльными личностями, одинаковы.

Изложенные взгляды Гиддинса весьма сильно напоминаютъ русскую „субъективную соціологію“ съ ея психологическими и этическими соображеніями, съ ея интересомъ къ человѣческой личности, который, наоборотъ, столь слабъ у представителей всякой объективной соціологіи. Къ сторонникамъ послѣднихъ причисляютъ себя между прочимъ русскіе представители теоріи экономическаго матеріализма: они могли бы найти кое-что для себя поучительное въ „Принципахъ соціологіи“ Гиддинса. Американскій соціологъ признаётъ, что во времени объективный процессъ съ его чисто матеріальными причинами и экономическими отношеніями дѣйствительно предшествуетъ процессу субъ-

ективному и тѣмъ самымъ извнѣ его обусловливаетъ: это могло бы служить въ пользу экономическому матеріализму, если бы Гиддинсъ не доказывалъ, кромѣ того, что однимъ объективнымъ процессомъ нельзя объяснить всю общественную жизнь. Съ другой стороны, своимъ основнымъ принципомъ „сознанія рода“ Гиддинсъ объясняетъ ту внутреннюю связь, которая существуетъ между людьми во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они чувствуютъ и сознаютъ себя похожими другъ на друга, но это сходство можетъ быть результатомъ и чисто внѣшнихъ причинъ, и того психическаго взаимодѣйствія, которое имѣетъ въ своей основѣ подражаніе и симпатію. Такихъ соединеній съ сознаніемъ внутренней связи можетъ быть великое множество, начиная съ первобытной орды и кончая всѣмъ человѣчествомъ. (Прибавимъ, что этическое отношеніе къ человѣческой личности можетъ быть сведено къ признанію въ другихъ людяхъ существъ одного съ нами рода). Именно „сознаніе рода“ обнаруживается въ національномъ чувствѣ, въ крѣпкой связи, существующей между лицами, по убѣжденію принадлежащими къ одному и тому же вѣроисповѣданію, въ сословныхъ предразсудкахъ и т. д. и т. д. Къ категоріи этого же рода явленій относится и то, что экономическіе матеріалисты кладутъ въ основу своей исторіологіи: классовое самосознаніе есть только одна изъ многихъ формъ, въ коихъ обнаруживается это „сознаніе рода“, т.-е. сознаніе бо̀льшаго своего сходства съ одними людьми, нежели съ другими. Сами экономическіе матеріалисты, говоря о классовомъ самосознаніи, тѣмъ самымъ прибѣгаютъ къ „субъективному объясненію“ въ смыслѣ Гиддинса. Вся ошибка ихъ въ томъ, что классовое сознаніе для нихъ единственная форма проявленія „сознанія рода“ и что эту форму они ставятъ въ зависимость исключительно отъ внѣшняго экономическаго процесса, какъ будто бы здѣсь не было еще психическаго процесса подражанія и симпатіи, создающихъ всякое общественное сознаніе.

Отношеніе экономическаго матеріализма къ объективизму и субъективизму. Экономическій матеріализмъ, конечно, не отвергаетъ субъективной стороны общественнаго процесса. Онъ только разсматриваетъ эту сторону, какъ простое отраженіе въ сознаніи нашемъ объективнаго общественнаго процесса, понятаго притомъ исключительно въ смыслѣ процесса экономическаго. Выше не разъ уже отмѣчалась историческая связь этого ученія съ гегельянствомъ: эта связь существуетъ и для даннаго вопроса. По философіи Гегеля, весь объективный процессъ исто-

ріи былъ не чѣмъ инымъ, какъ внѣшнею оболочкою настоящаго внутренняго содержанія, каковымъ признавался процессъ субъективный. Вмѣсто того, чтобы въ корнѣ разрушить ошибочность такого представленія, экономическій матеріализмъ только перемѣнилъ мѣста обоихъ процессовъ, признавъ реальное значеніе лишь за процессомъ объективнымъ и объявивъ, что процессъ субъективный есть лишь простое отраженіе процесса объективнаго. Весьма естественно, что когда это ученіе нашло послѣдователей въ русской литературѣ, то они должны были выступить противниками господствовавшаго субъективнаго направленія и противопоставить ему свое направленіе, какъ объективное по преимуществу. Они, если можно такъ выразиться, стали даже гордиться своимъ объективизмомъ, своею особою научностью и особенно тѣмъ, что личность, которою такъ много занимаются субъективисты, ихъ мало интересуетъ.

Однако, этотъ объективизмъ при ближайшемъ изученіи дѣла оказывается призрачнымъ. Прежде всего экономическій матеріализмъ, имѣя чисто партійное происхожденіе, носитъ на себѣ и слѣды именно такого происхожденія. Въ Германіи, родинѣ этого ученія, даже прямо проповѣдуется та мысль, что теорія экономическаго матеріализма создана для оправданія стремленій соціальной демократіи. Въ этомъ отношеніи весьма любопытна работа Меринга „Объ историческомъ матеріализмѣ" (1893). Вполнѣ раздѣляя ученіе школы о томъ, что всякая идеологія (въ томъ числѣ и научная) зависитъ отъ объективнаго экономическаго процесса, авторъ провозглашаетъ экономическій матеріализмъ философіей рабочаго пролетаріата. Какъ-разъ въ томъ, что это философія рабочаго пролетаріата, онъ и видитъ основаніе, по которому слѣдуетъ принимать положенія экономическаго матеріализма и отвергать всѣ несогласныя съ нимъ теоріи, какъ порожденія „буржуазной лже-науки". „Историческій идеализмъ, говоритъ онъ, есть историческое міросозерцаніе буржуазіи, какъ историческій матеріализмъ есть историческое міросозерцаніе рабочаго класса". Такое утвержденіе, однако, вдвойнѣ невѣрно. Съ одной стороны, экономическій матеріализмъ принимается многими лицами, которыя въ соціальномъ отношеніи должны быть причислены къ буржуазіи, и наоборотъ, существуютъ защитники интересовъ рабочаго класса и соціалисты, которые, по терминологіи Меринга, должны быть отнесены къ представителямъ историческаго идеализма. Во-вторыхъ, Мерингъ ставитъ въ упрекъ идеологамъ буржуазіи, что они смотрятъ на исторію съ своей классовой точки зрѣнія, не замѣчая самъ противорѣчія,

въ которое онъ при этомъ впадаетъ. Если классовые интересы способны искажать объективную истину, то вина въ данномъ отношеніи должна падать не на то, что это—интересы буржуазіи, а то, что это интересы вообще классовые. Такимъ образомъ у Меринга, да и у другихъ нѣмецкихъ представителей того же направленія, экономическій матеріализмъ является ученіемъ, имѣющимъ несомнѣнный и даже прямо признаваемый оттѣнокъ классового или партійнаго субъективизма. Мерингъ объявляетъ, что научная истина доступна не всякому мыслящему уму, ибо признаніе истины можетъ быть лишь результатомъ принадлежности человѣка къ извѣстному классу или къ извѣстной соціальной партіи. И нужно сказать, что все это весьма послѣдовательно, разъ всякая идеологія, будучи только отраженіемъ въ сознаніи извѣстныхъ объективныхъ отношеній, тѣмъ самымъ утрачиваетъ всякую объективную самостоятельность.

Русскіе представители экономическаго матеріализма стараются, наоборотъ, представить дѣло такъ, что ихъ ученіе имѣетъ строго объективное основаніе, и за послѣднее время обратились для его теоретическаго оправданія къ „теоріи познанія“, хотя сомнительно, чтобы можно было найти гносеологическія основанія для того положенія школы, по которому идеологія общества и, слѣдовательно, всѣ знанія его членовъ суть только отраженія въ сознаніи извѣстныхъ объективныхъ экономическихъ отношеній: Кантъ, къ коему обратились экономическіе матеріалисты, конечно, не будетъ на ихъ сторонѣ. На самомъ дѣлѣ, однако и у насъ теоретики этого ученія выступили подъ знаменемъ партійнаго субъективизма. Съ народниками, противъ коихъ направлена ихъ полемика, они расходятся по вопросамъ капитализма, общины, кустарнаго производства и артели въ практическомъ примѣненіи ихъ къ Россіи, и хотя ихъ противники весьма часто сами являются въ теоріи экономическими матеріалистами (В. В., Николай—онъ и др.), но марксисты всѣмъ народникамъ приписываютъ субъективный идеализмъ, а въ число народниковъ записываютъ Миртова [1]), Михайловскаго, Южакова и другихъ представителей субъективнаго направленія. Въ книгѣ „Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“, на которую уже дѣлались ссылки раньше, прямо и притомъ не разъ заявляется, что экономическій экономизмъ даетъ научное позна-

[1]) Любопытно, что этого писателя Ковалевскій причисляетъ къ сторонникамъ экономическаго матеріализма.

ніе, и что „игнорированіе личности въ соціологіи или, вѣрнѣе, ея устраненіе изъ соціологіи есть въ сущности только частный случай стремленія къ научному познанію". Авторъ упрекаетъ теорію Михайловскаго объ отношеніяхъ между личностью и обществомъ въ томъ, что на ней „лежитъ нескрываемая печать субъективныхъ идеаловъ". Между тѣмъ критикъ „субъективной соціологіи" самъ проповѣдуетъ ученіе, на которомъ тоже вѣдь „лежитъ нескрываемая печать субъективныхъ идеаловъ". Онъ упрекаетъ народниковъ за идеализацію, но это не есть упрекъ за идеализацію вообще, а за идеализацію того, къ чему самъ критикъ „относится холодно", по собственному его признанію, не замѣчая, что вѣдь и онъ идеализируетъ побѣдное шествіе капитализма, какъ силы, которая одна въ состояніи осуществить „планомѣрную организацію народнаго хозяйства". Во всякомъ случаѣ, подробный анализъ названной книги приводитъ къ тому заключенію, что ученіе, излагаемое авторомъ, изгоняя изъ соціологіи этическій субъективизмъ (безъ коего, однако, нельзя понять общественнаго идеала представителей школы), оказывается само ученіемъ съ сильною окраскою партійнаго субъективизма. Это, пожалуй, можетъ быть источникомъ силы этого ученія въ смыслѣ его внѣшняго успѣха; но это — несомнѣнный признакъ его слабости, какъ чистой теоріи. Другой критикъ „субъективной соціологіи" (Бельтовъ) отличается такимъ же партійнымъ субъективизмомъ. И если въ Германіи эта партійность связана съ классовою борьбою буржуазіи и пролетаріата, то у насъ распря идетъ между двумя литературными партіями, одинаково стремящимися защищать народные интересы и только неодинаково ихъ понимающими, хотя часто и вполнѣ сходящимися между собою на почвѣ одной и той же теоріи экономическаго матеріализма. Такимъ образомъ экономическій матеріализмъ не такъ ужъ чуждъ „субъективнаго метода" и притомъ какъ-разъ въ томъ его пониманіи, противъ котораго весьма справедливо возставалъ Южаковъ [1]).

Замѣчанія проф. Милюкова о субъективной соціологіи. Въ самое послѣднее время взгляды защитниковъ экономическаго матеріализма на основныя положенія субъективной

---

[1]) Въ цитированной уже раньше (см. стр. 234, прим.) статьѣ одного изъ самыхъ новыхъ теоретиковъ экономическаго матеріализма въ русской литературѣ критика субъективной соціологіи, будто бы изъемлющей личность изъ дѣйствія закона причинности, сопровождается замѣчаніемъ, что „матеріалистическое пониманіе исторіи наиболѣе сурово выступило противъ этого культа личности", и что оно „справедливо гордится своей неумолимой объективностью".

школы были съ сочувствіемъ отмѣчены П. Н. Милюковымъ въ его „Очеркахъ по исторіи русской культуры“ (1896 и 1897). Впервые свое несогласіе съ субъективною соціологіею онъ высказалъ еще десять лѣтъ тому назадъ въ журнальной статьѣ („Русская Мысль“, 1887), написанной по поводу одной историко-философской книги. На эту свою статью онъ ссылается и теперь, какъ на изложеніе своего взгляда „на теорію субъективной школы“. Въ послѣдней онъ видитъ именно „только одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ обломковъ давно разрушеннаго міровоззрѣнія“, — мысль, правильности которой онъ, однако, не доказываетъ, по крайней мѣрѣ—сколько-нибудь обстоятельно. Едва ли который-либо изъ элементовъ, изъ коихъ складывается соціологическій субъективизмъ Миртова, Михайловскаго, Южакова и др., заключаетъ въ себѣ какой-нибудь метафизическій принципъ. Самъ Милюковъ принадлежитъ къ числу тѣхъ историковъ, которые выдвигаютъ на первый планъ экономическую сторону общественной жизни, но онъ не считаетъ себя экономическимъ матеріалистомъ. Философскій монизмъ, сводящійся къ стройному проведенію идеи закономѣрности въ соціологіи, по его словамъ, „нисколько не требуетъ, чтобы закономѣрное объясненіе соціологическихъ явленій сводилось къ одному экономическому фактору. Можетъ показаться на первый взглядъ, продолжаетъ онъ, что представленіе о духовной культурѣ, какъ о надстройкѣ надъ матеріальной, удовлетворяетъ тому спеціальному виду монизма, который называется философскимъ матеріализмомъ“. Но онъ же самъ при этомъ находитъ, что „для самого экономическаго матеріализма связывать свою судьбу съ философскимъ матеріализмомъ и неудобно, и безполезно“. Съ одной стороны, „философскій матеріализмъ есть одинъ изъ самыхъ плохихъ видовъ монизма“, а съ другой — „матеріальный характеръ экономическаго фактора только кажущійся: на самомъ дѣлѣ явленія человѣческой экономики происходятъ въ той же психической средѣ, какъ и всѣ другія явленія общественности“. Эти слова сопровождаются еще нѣсколькими критическими замѣчаніями о томъ, что авторъ „Очерковъ“ прямо называетъ „предразсудкомъ экономическаго объясненія исторіи“. Въ частности, присоединяясь „къ критикѣ теоретическихъ воззрѣній русской субъективной школы въ соціологіи“, какую представляетъ собою книга Бельтова, Милюковъ замѣчаетъ, что „выведеніе идеологій высшаго порядка изъ экономической основы представляетъ въ этой книгѣ отчасти пробѣлъ, отчасти самое слабое мѣсто“. Это не мѣшаетъ ему, однако, заявить, что „при всемъ своемъ разно-

гласіи съ выводами экономическаго матеріализма онъ стоитъ несравненно ближе къ его принципіальнымъ основамъ, чѣмъ къ антропоцентрическому міросозерцанію его противниковъ". „Мы не будемъ, говоритъ онъ, впрочемъ, останавливаться на предразсудкахъ субъективнаго толкованія соціальныхъ явленій", но, заявляя это, онъ самъ отказывается такимъ образомъ отъ развитія той мысли, будто здѣсь мы имѣемъ дѣло съ антропоцентризмомъ, какъ обломкомъ пережитыхъ міросозерцаній. Критикъ только присоединяется къ мнѣнію, что „за этическими и соціологическими аргументами субъективной школы въ соціологіи скрывается старая метафизика", и къ этому прибавляетъ, что „готовъ присоединиться и къ протесту противъ метафизической свободы личности".

Но такъ ли понимаетъ и вѣрно ли еще передаетъ авторъ „Очерковъ", въ чемъ заключается оспариваемый имъ субъективизмъ. Ни одинъ представитель этого направленія не проповѣдовалъ свободы воли: напротивъ, всѣ они стоятъ на точкѣ зрѣнія строгаго детерминизма, причинной необходимости и закономѣрности. Если субъективисты и говорятъ о цѣлесообразности, то лишь въ томъ смыслѣ, что въ своей дѣятельности люди руководятся цѣлями, коихъ нельзя упускать изъ виду ни при объясненіи общественныхъ явленій, ни при ихъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія того блага, которое есть цѣль человѣческихъ стремленій, какъ бы различно люди это благо ни понимали. Субъективизмъ отнюдь не противопоставляетъ, какъ хотѣлось бы думать его критику, „свободное творчество личности законамъ историческаго процесса", и „несомнѣнной печати философскаго дуализма", которую онъ видитъ на этомъ направленіи, здѣсь не оказывается. Если же именно такъ дѣло представляется автору книги „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію", то это положительно невѣрно, на что уже и указывалось въ разборахъ этой книги. Что касается до „антропоцентризма", то большая разница между взглядомъ, по которому человѣкъ есть центръ вселенной и все мірозданіе существуетъ для человѣка, и взглядомъ, по которому единственное реальное существо въ обществѣ есть человѣческая личность, и что скорѣе общество существуетъ для личности, чѣмъ личность для общества. Милюковъ напрасно думаетъ, что „тамъ, гдѣ ученый спрашиваетъ о *причинѣ* явленія, практическій дѣятель спрашиваетъ о *цѣли*, вызвавшей это явленіе къ жизни". Дѣло въ томъ, что и ученый, изучая общественныя явленія, можетъ задаваться вопросами о цѣляхъ, какія ставили своей дѣятельности люди, сознательно

или непреднамѣренно ихъ вызвавшіе. Говоря о грозѣ или бурѣ, можно ставить вопросъ только о причинѣ, но изучая возстанія и революціи, мы интересуемся не только ихъ причинами, но и тѣми цѣлями, къ достиженію которыхъ стремились массы и отдѣльныя личности, ихъ производившія и въ нихъ участвовавшія. Нельзя говорить о цѣли существованія спутниковъ у планетъ, но можно говорить о цѣли существованія въ обществѣ судовъ или школъ и не съ практической только точки зрѣнія, но и съ научной, хотя бы, напр., по вопросу о томъ, насколько въ такую-то эпоху существованіе у такого-то народа суда или школы соотвѣтствовало своей цѣли. Притомъ практическій дѣятель интересуется не отвлеченнымъ вопросомъ „о цѣли, вызвавшей явленіе къ жизни": это—вопросъ ученаго, который въ иныхъ случаяхъ дополняетъ объясненіе изъ причины объясненіемъ изъ цѣли, разумѣется, когда это дополненіе возможно и необходимо; практическій же дѣятель интересуется вопросомъ о томъ, какія средства ведутъ къ намѣченной имъ цѣли. Авторъ поясняетъ свою мысль тѣмъ еще, что, ставя свои вопросы, ученый „стремится къ уясненію закономѣрности историческаго процесса", а практическій дѣятель „старается постигнуть его цѣлесообразность", т.-е. „первый ищетъ въ исторіи только причинной связи явленій, второй добивается его смысла". И тутъ „практическій дѣятель" Милюкова мало чѣмъ отличается отъ ученаго: онъ не дѣйствуетъ и даже не создаетъ плана дѣйствій, а „старается постигнуть", какъ ученый „стремится уяснить", или „добивается смысла", какъ ученый „ищетъ причинной связи". Другими словами, практическій дѣятель выступаетъ здѣсь въ той же роли, что и ученый,—въ роли изслѣдователя, съ тѣмъ лишь различіемъ, что одинъ—строгій объективистъ, а другой—субъективистъ, ищущій причинъ общественныхъ явленій между прочимъ въ тѣхъ цѣляхъ, какія ставятъ люди своей дѣятельности, но которыя суть сами слѣдствія какихъ-либо причинъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ производящій оцѣнку общественныхъ явленій съ точки зрѣнія соотвѣтствія ихъ тѣмъ цѣлямъ, какія люди предъявляютъ обществу. Милюковъ проводитъ и далѣе свою параллель между ученымъ и практическимъ дѣятелемъ, уже дѣйствительно имѣя передъ собою на этотъ разъ практическаго дѣятеля, который „не ограничивается спокойнымъ наблюденіемъ фактовъ и не удовлетворяется открытіемъ ихъ внутренняго отношенія", но „вмѣшивается въ ходъ событій и старается установить между ними то отношеніе, какое ему желательно". Но вѣдь „спокойное наблюденіе фактовъ" можетъ оставаться спо-

койнымъ и въ томъ случаѣ, когда они получаютъ субъективное объясненіе изъ ихъ психическихъ мотивовъ (цѣлей), а „открытіе ихъ внутренняго отношенія“ можетъ заключаться и въ опредѣленіи ихъ смысла, дѣлѣ тоже чисто теоретическомъ, и въ ихъ этической оцѣнкѣ, не заключающей въ себѣ еще никакого вторженія въ ходъ событій. Конечно, ученый второго пошиба стоитъ ближе къ вопросамъ практической жизни, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ опредѣленія и оцѣнки ставящихся въ ней цѣлей, но онъ отнюдь не отрицаетъ причинности и закономѣрности, внося въ свои соображенія понятія цѣли и смысла.

И самъ Милюковъ прибавляетъ, что „во всемъ этомъ параллелизмѣ нѣтъ ничего неправильнаго и незаконнаго“. Но есть, по его мнѣнію, въ этомъ и опасность. „Какъ членъ даннаго общества, соціологъ необходимо чувствуетъ потребность или обязанность прилагать свое знаніе къ оцѣнкѣ окружающей его общественной дѣйствительности. Въ большей или меньшей степени, слѣдовательно,—своей дѣятельностью или даже просто своими мнѣніями—онъ поневолѣ призванъ играть роль общественнаго дѣятеля. Весьма естественно, что обязанности общественнаго дѣятеля оказываютъ воздѣйствіе на направленіе ученой работы, и точка зрѣнія цѣлесообразности переносится въ непринадлежащую ей область причиннаго объясненія“. Критикъ „субъективной школы“ называетъ это „вполнѣ естественнымъ психологически, но неправильнымъ“. Да, оно неправильно, если „точка зрѣнія цѣлесообразности“ вытѣсняетъ точку зрѣнія причинности, т.-е., говоря общѣе, когда дѣйствительность со всѣми ея отношеніями понимается не такъ, какъ она есть, и когда искажается ея научное воспроизведеніе въ угоду „обязанностей“. налагаемыхъ на общественнаго дѣятеля его принадлежностью къ извѣстному народу, государству, сословію, партіи,—неправильно потому, что это есть одно изъ проявленій ненаучнаго субъективизма. Но у ученаго, какъ у человѣка, какъ у личности вообще и какъ у животнаго общественнаго, не можетъ не быть этическаго отношенія къ человѣческой личности и къ человѣческому обществу, и пусть побольше и почаще это отношеніе „оказываетъ воздѣйствіе на направленіе ученыхъ работъ въ соціологіи“, лишь бы только, конечно, оно оставалось этическимъ отношеніемъ и не претендовало замѣнить собою научное объясненіе. Съ этой точки зрѣнія никакой „неправильности“ въ субъективизмѣ нѣтъ.

ГЛАВА XV.

Соціологическая проблема прогресса.

Связь этой проблемы съ вопросомъ о субъективизмѣ въ соціологіи. Уже Контъ поставилъ соціологіи задачу изучать общество въ его развитіи и сталъ употреблять слово „эволюція" для выраженія понятія о развитіи. Это сдѣлалось одною изъ наиболѣе основныхъ чертъ новой науки во всѣхъ направленіяхъ, какія въ ней образовались. Ученія Спенсера и Дарвина, столь вообще сильно повліявшія на соціологическую литературу, носятъ имя эволюціонизма по преимуществу. Эволюціонная точка зрѣнія, заимствованная Марксомъ изъ философіи Гегеля, представлявшей весь міръ, какъ процессъ діалектическаго развитія, характеризуетъ также и теорію экономическаго матеріализма. Притомъ во всѣхъ этихъ направленіяхъ мы наблюдаемъ одно и то же стремленіе понять общественную эволюцію въ ея цѣломъ, т.-е. не только объяснить уже данные въ историческомъ опытѣ моменты общественнаго развитія, но и предсказать, какіе моменты предстоитъ еще переживать человѣческому обществу въ дальнѣйшей его эволюціи. Ставя подобнымъ образомъ вопросъ объ изученіи общества, соціологія желаетъ достигнуть прежде всего чисто объективнаго знанія этой эволюціи. Она старается именно предсказать будущее, какъ оно должно намъ представляться не на основаніи нашихъ желаній, а на основаніи совершенно независящихъ отъ насъ данныхъ. Совсѣмъ такимъ же образомъ астрономія стремится предсказать судьбу земного шара и всей солнечной системы— съ тою только маленькою разницею, что въ этой судьбѣ человѣкъ не при чемъ, тогда какъ судьба общества до извѣстной степени есть дѣло рукъ человѣческихъ. Замѣчательно вмѣстѣ съ тѣмъ, что всѣ соціологическія предсказанія, за очень немногими исключеніями, отличаются большимъ оптимизмомъ.

Хотя наиболѣе строгіе объективисты и настаиваютъ на томъ, что къ общественной эволюціи нужно относиться, какъ ко всякому другому естественному процессу, изслѣдуя только его причины безъ какихъ бы то ни было предположеній о его цѣли и безъ какой бы то ни было оцѣнки процесса по категоріямъ добра и зла, тѣмъ не менѣе ихъ предсказанія кажутся продиктованными вѣрою въ то, что общество стремится осуществить нѣкоторый идеалъ, и что въ этомъ стремленіи заключается весь смыслъ соціальной эволюціи. Оптимистами выступаютъ въ со-

ціологіи всѣ представители органической школы. Оптимизмъ лежитъ въ основѣ и матеріалистическаго объясненія исторіи. Съ строго критической точки зрѣнія можетъ, однако, возникнуть сомнѣніе, основывается ли этотъ оптимизмъ на непререкаемыхъ выводахъ объективной науки или, такъ сказать, на чаяніяхъ нашего сердца. Съ другой стороны, если уже допустить, что при современномъ состояніи соціологіи вполнѣ точное и опредѣленное предсказаніе будущаго невозможно и что во всѣхъ предсказаніяхъ кое-что—и притомъ весьма существенное—бываетъ продиктовано, хотя бы и безъ нашего вѣдома, нашими желаніями и ожиданіями, все-таки еще возникаетъ вопросъ, во что мы тутъ болѣе вѣримъ— въ то ли, что естественный ходъ вещей самъ устроитъ все по хорошему, или же въ то, что достиженіе общественнаго идеала будетъ результатомъ сознательной дѣятельности человѣка. Однимъ словомъ, на почвѣ вопроса объ общемъ направленіи соціальной эволюціи возникаетъ вопросъ о совершенствованіи общества, о соціальномъ прогрессѣ. Мы увидимъ дальше, что особая забота о научной объективности заставила нѣкоторыхъ соціологовъ объявить, что субъективное понятіе прогресса совершенно ненаучно, и что соціологіи достаточно имѣть дѣло лишь съ объективнымъ понятіемъ эволюціи. Однако, изгоняя слово „прогрессъ", эти соціологи оказывались не въ состояніи совсѣмъ отрѣшиться отъ выражаемаго имъ понятія—каждый разъ, когда брали для своего разсмотрѣнія соціальную эволюцію на всемъ ея протяженіи, т.-е. въ прошломъ, какъ предметѣ объясненія, и въ будущемъ, какъ предметѣ предсказанія.

Эту идею прогресса соціологія унаслѣдовала, какъ теоретическую проблему, отъ того философскаго отношенія къ исторіи, которое порождено было „просвѣщеніемъ" XVIII в. Самая идея имѣетъ, впрочемъ, болѣе старое происхожденіе. Уже въ древности дѣлались наблюденія чисто объективнаго характера, которыя свидѣтельствовали, что—въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ—родъ человѣческій идетъ впередъ. Съ тѣхъ поръ накопилось великое множество новыхъ фактовъ, которые только подтверждаютъ прежній выводъ. Такимъ образомъ идея прогресса имѣетъ несомнѣнно весьма старое и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно объективное происхожденіе. Но исторія этой идеи указываетъ на существованіе у нея и другого источника уже прямо субъективнаго характера. Этимъ источникомъ является религіозная мысль о томъ, что въ будущемъ передъ человѣчествомъ добро окончательно побѣдитъ зло, и что исторія человѣчества въ этой

побѣдѣ имѣетъ самую цѣль своего существованія. Однимъ словомъ, въ идеѣ прогресса необходимо различать объективно-научную и субъективно-этическую сторону. Послѣдняя можетъ, пожалуй, считаться „обломкомъ“ пережитого міросозерцанія, но этотъ обломокъ критическимъ анализомъ обнаруживается даже въ такой „матеріалистической“ соціологіи, какую представляетъ собою экономическое объясненіе исторіи съ его вѣрою въ то, что процессъ діалектическаго развитія самъ собою ведетъ къ осуществленію идеальнаго строя общества, основаннаго на коллективизмѣ. Другими словами, даже въ томъ случаѣ, когда соціологическая теорія преднамѣренно отказывается отъ психологическаго объясненія и этической оцѣнки, полагая въ этомъ отказѣ главный признакъ своего объективизма, извѣстный субъективизмъ все-таки проникаетъ въ эту теорію, едва только, не ограничиваясь объясненіемъ прошлаго, она пытается и предсказать будущее. Чтобы быть абсолютно объективною, соціологія должна была бы совершенно не касаться вопроса о томъ, чего еще нѣтъ и чего никогда не было, т.-е. совершенно исключить будущее изъ своихъ соображеній и построеній.

Общій взглядъ на исторію идеи прогресса. Бросимъ общій взглядъ на исторію идеи прогресса до возникновенія соціологіи. Самой глубокой древности эта идея была совершенно чужда. Наоборотъ, долго вѣрили въ то, что золотой вѣкъ былъ далеко позади, и что человѣчество постепенно вырождается. Первыя наблюденія, которыя привели къ мысли о совершенствованіи человѣчества, были сдѣланы въ умственной сферѣ. Уже у классическихъ писателей мы встрѣчаемся съ выраженіемъ того взгляда, что умъ человѣческій дѣлаетъ постоянные успѣхи, что человѣкъ постепенно исторгаетъ у природы ея тайны и подчиняетъ себѣ ея силы. Но по вопросу о нравственности античный міръ продолжалъ стоять на той точкѣ зрѣнія, что человѣчество становится все хуже и хуже. Иные даже думали, что нравственный регрессъ необходимо сопровождаетъ успѣхи, которые происходятъ въ умственной жизни человѣка. Наконецъ, въ политической области древніе усматривали одно вѣчное круговращеніе, рядъ постоянныхъ улучшеній и ухудшеній безъ опредѣленнаго движенія въ какую бы то ни было сторону. Такимъ образомъ въ классическомъ мірѣ совершено было открытіе одного умственнаго прогресса. Замѣчательно вообще, что ранѣе всего прогрессъ былъ открытъ именно въ умственной сферѣ. Но этотъ прогрессъ какъ-разъ и никогда не подвергался сомнѣнію. Мало того: когда идея прогресса была приложена къ философскому

истолкованію исторіи и къ построенію теоріи общественнаго развитія, именно успѣхи человѣческаго ума были приняты прежде всего за главный факторъ прогрессивнаго движенія человѣчества.

Классической идеѣ моральнаго вырожденія христіанство противопоставило идею нравственнаго возрожденія. Золотой вѣкъ человѣчества мыслился теперь не позади, а впереди, какъ царство Божіе, которое постепенно осуществляется исторіей. Субъективно этическое происхожденіе такого взгляда не подлежитъ сомнѣнію: идея прогресса была здѣсь результатомъ чаяній сердца. Но не все тутъ было субъективно. Нравственное возрожденіе каждый могъ наблюдать на самомъ себѣ, когда совлекалъ съ себя ветхаго Адама, дабы облечься въ Адама новаго. Съ нравственной точки зрѣнія Новый Завѣтъ справедливо оцѣнивался, какъ нѣчто высшее сравнительно съ Ветхимъ Завѣтомъ. Будущее человѣчества представлялось, какъ продолженіе и завершеніе прогресса, частью уже совершившагося въ прошломъ. Онъ создавался нравственною силою, и ему предстояло осуществить высшія требованія справедливости въ общественныхъ отношеніяхъ. Разнаго рода секты, коими полна исторія христіанскаго міра съ древнѣйшихъ временъ до временъ новѣйшихъ, выступали съ требованіями чисто соціальнаго характера, вѣрили въ наступленіе лучшихъ общественныхъ порядковъ и нерѣдко носили всѣ признаки „утопическаго соціализма".

Средніе вѣка и новое время ничего не прибавили къ античной и христіанской постановкамъ вопроса о прогрессѣ. Еще въ XVIII столѣтіи итальянскій мыслитель Вико проповѣдовалъ теорію историческаго круговорота, а Руссо раздѣлялъ классическую идею о томъ, что въ умственномъ отношеніи человѣчество совершенствуется, но въ нравственномъ вырождается, и воздыхалъ по естественномъ состояніи, этомъ своего рода золотомъ вѣкѣ древнихъ. Но въ томъ же самомъ XVIII столѣтіи выступилъ рядъ писателей, которые объединили въ одной идеѣ объективную и субъективную точки зрѣнія на прогрессъ, сдѣлавъ изъ наблюденій надъ прошлымъ основу для своихъ чаяній относительно будущаго. Эти же писатели поняли прогрессъ, какъ совокупность умственнаго, нравственнаго и общественнаго совершенствованія человѣчества. Первымъ въ ряду этихъ писателей былъ замѣчательный философъ, экономистъ и государственный дѣятель второй половины XVIII в., Тюрго. Въ его представленіи прогрессъ указывалъ исторіи идеальную цѣль и требовалъ отъ человѣка усилій для ея осуществленія. Другими писателями, содѣйствовавшими историко-философскому пониманію прогресса, были Изелинъ, Гердеръ, Кантъ и

Кондорсэ. Послѣдній, по признанію самого Конта, былъ однимъ изъ его предшественниковъ въ попыткѣ основать новую науку объ обществѣ. Прибавимъ, что Кондорсэ выдвигалъ на первый планъ идею прогресса умственнаго, Гердеръ — прогресса моральнаго, Кантъ — прогресса соціальнаго (политическаго).

Реакціонная школа начала XIX в., съ которою, какъ не разъ мы уже видѣли, у Конта были точки соприкосновенія, отнеслась къ идеѣ прогресса, какъ къ своего рода вредному и опасному заблужденію. Впрочемъ, иного и нельзя было бы ожидать отъ людей, смотрѣвшихъ не впередъ, а назадъ, и осуждавшихъ все, что было сдѣлано исторіей съ конца среднихъ вѣковъ. Въ этомъ отношеніи зарождавшійся тогда утопическій соціализмъ и соціологія примыкали вполнѣ къ умственной традиціи XVIII в. и вмѣстѣ съ тѣмъ шли рука объ руку съ представителями тогдашняго либерализма, съ которыми такъ сильно, наоборотъ, расходились въ другихъ отношеніяхъ; впрочемъ, въ пониманіи прогресса между обоими направленіями, въ коихъ въ то время выражалась прогрессивная мысль, не было согласія. Контъ жилъ въ ту эпоху, когда о прогрессѣ говорили либеральные историки (Гизо), идеалистическіе философы (Гегель) и отзывавшіеся на злобу дня поэты и романисты. Ближайшимъ образомъ основатель соціологіи былъ связанъ съ тѣмъ пониманіемъ прогресса, какое мы находимъ у современныхъ ему соціальныхъ реформаторовъ, особенно у С.-Симона и его послѣдователей. Отправляясь отъ идеи прогресса умственнаго въ духѣ ученія Кондорсэ, С.-Симонъ пришелъ къ идеѣ прогресса нравственнаго и соціальнаго, служить коему, по его теоріи, должна была,—совсѣмъ какъ впослѣдствіи у Конта,—новая религія. Уже въ XVIII в. Кантъ указывалъ на то, что исторія постепенно осуществляетъ совершенное государство, но С.-Симонъ понялъ соціальный прогрессъ въ смыслѣ улучшенія и экономическихъ отношеній. Обобщая явленія, которыя совершались на его родинѣ съ конца XVIII в., онъ создалъ формулу перехода общества отъ военнаго типа къ типу промышленному, — формулу, которой пришлось играть большую роль въ соціологіи Конта, Спенсера и др. Сенъ-симонизму же принадлежитъ и формула исторической смѣны рабства крѣпостничествомъ, а крѣпостничества наемнымъ трудомъ, которому въ будущемъ суждено уступить мѣсто совершенно новой организаціи труда: формула Маркса въ историческомъ отношеніи примыкаетъ именно къ этому представленію сенъ-симонизма объ исторической эволюціи экономическихъ классовъ. Начиная съ Тюрго и кончая

С.-Симономъ и его современниками, идея прогресса постепенно вырабатывалась такимъ образомъ на двоякой основѣ — научной и этической. На научной основѣ подведенія итоговъ подъ объективными наблюденіями создавалась именно новая идея, вполнѣ соотвѣтствовавшая тѣмъ субъективнымъ чаяніямъ сердца, которыя вызывались умственнымъ и общественнымъ движеніемъ эпохи: вѣдь эта эпоха открывалась „просвѣщеніемъ“ XVIII в., включала въ себя великую французскую революцію и заканчивалась возникновеніемъ утопическаго соціализма, во всѣхъ же этихъ движеніяхъ важную роль играли нравственное воодушевленіе и надежды на лучшее будущее. Эту идею разрабатывали одновременно раціоналисты и мистики, индивидуалисты и соціалисты, историки и философы, соціальные реформаторы и поэты. Изъ этой же научной и этической идеи постепенно и выработалась исключительно научная идея эволюціи.

Идея прогресса у Конта. Въ соціологіи Конта идея прогресса играетъ весьма видную роль. Какъ извѣстно, онъ дѣлилъ соціологію на соціальную статику и соціальную динамику: первая должна была дать теорію порядка, вторая—теорію прогресса человѣческихъ обществъ. Сама соціальная динамика, составляющая V и VI томы „Курса положительной философіи“, была не чѣмъ инымъ, какъ грандіознымъ опытомъ философскаго обзора всемірной исторіи съ совершающимся въ ней прогрессомъ въ смыслѣ перехода человѣчества изъ теологическаго фазиса чрезъ метафизическій въ позитивный. И позднѣе эпиграфомъ своей „Системы положительной политики“ Контъ поставилъ слова: „любовь, какъ начало; порядокъ, какъ основаніе, и прогрессъ, какъ цѣль“.

Съ другой стороны, самъ Контъ высказывалъ уже ту мысль, что изъ этой идеи нужно изгнать элементъ субъективной оцѣнки. Ему же, прибавимъ кстати, принадлежитъ понятіе „спонтанейной эволюціи“ (évolution spontanée), т.-е. понятіе процесса развитія, происходящаго непроизвольно и не преднамѣренно. Мы уже видѣли, что едва ли научно было исключить изъ идеи соціальной эволюціи представленіе активности человѣка съ ея внутренними мотивами и внѣшними цѣлями. Но это другой вопросъ. Здѣсь интересно только отмѣтить, что Контъ старался изгнать (хотя изгонялъ только на словахъ) оцѣнку эволюціи, какъ прогресса. По его мнѣнію, наука не имѣетъ права говорить о совершенствованіи (perfectionnement), а только о развитіи (développement). „Всю соціальную физику, говоритъ онъ, можно было бы разсматривать, ни разу не употребляя слова

совершенствованіе, а замѣняя его научнымъ выраженіемъ *развитіе*, которое обозначаетъ безъ всякой нравственной оцѣнки общій неоспоримый фактъ". Слѣдуя примѣру біологовъ, онъ совѣтуетъ „устранить праздныя и неразумныя контроверсы объ относительномъ достоинствѣ разныхъ общественныхъ состояній, слѣдующихъ одно за другимъ, дабы ограничиться изученіемъ законовъ ихъ дѣйствительной послѣдовательности". Только Контъ упускаетъ изъ виду, что и біологи дѣлаютъ сравнительную оцѣнку разныхъ состояній организма, считая, напр., здоровое состояніе нормальнымъ, болѣзненное—ненормальнымъ и весьма различно смотря на значеніе для организма его молодости и старости. Контъ самъ притомъ говоритъ объ относительномъ достоинствѣ разныхъ умственныхъ состояній общества, смотря по тому, насколько считаетъ господствующія въ обществѣ идеи истинными или ложными: почему споръ о категоріяхъ истиннаго и ложнаго не есть неразумная и праздная контроверса, а споръ о томъ, какое общественное устройство болѣе полезно или болѣе вредно для людей, коимъ приходится жить при этомъ устройствѣ, оказывается тщетнымъ и празднымъ вопросомъ? Проводя требованія объективизма до конца, слѣдовало бы, изучая исторію и логику философскаго и научнаго мышленія, тоже ограничиваться изложеніемъ филіаціи идей и способовъ ихъ добыванія, не ставя себѣ вопроса объ истинности этихъ идей и вѣрности этихъ способовъ. Контъ говоритъ еще, что вслѣдствіе „чисто относительнаго смысла (ésprit essentiellement rélatif), въ какомъ должны отнынѣ употребляться всѣ какія бы то ни было понятія положительной политики", нужно „устранить отсюда безповоротно, въ качествѣ тщетнаго и празднаго вопроса, пустую метафизическую контроверсу объ увеличеніи человѣческаго счастья въ разныя эпохи цивилизаціи". Сравнивать между собою общественныя положенія съ точки зрѣнія бо̀льшаго или меньшаго счастья личностей, которыя въ этихъ положеніяхъ находятся, „все равно, думаетъ онъ, что поставить неразрѣшимый и безсмысленный вопросъ объ относительномъ счастьѣ различныхъ животныхъ видовъ или обоихъ половъ каждаго вида". Контъ точно не хочетъ видѣть, что caeteris paribus рабъ несчастнѣе свободнаго человѣка, человѣкъ, экономически необезпеченный,—человѣка, экономически обезпеченнаго, или что государство, въ которомъ не гарантированы права личности, есть уже само своего рода несчастье въ сравненіи съ государствомъ, гдѣ къ личности человѣка относятся, не какъ къ бездушной вещи. Впрочемъ, Контъ не обнаруживаетъ большой склонности, да и способности также, удержи-

вать себя отъ субъективной оцѣнки эволюціи. У него же самого мы читаемъ, напр., такія заявленія: „общій результатъ нашего основного развитія заключается не только въ улучшеніи матеріальнаго положенія человѣка въ силу постояннаго расширенія его дѣйствія на внѣшній міръ, но также и особенно въ развитіи—путемъ все болѣе и болѣе усиливающагося упражненія—нашихъ самыхъ выдающихся способностей, будетъ ли оно состоять въ безпрерывномъ уменьшеніи господства чисто животныхъ стремленій, или въ усиленіи разныхъ общественныхъ инстинктовъ, или же, наконецъ, въ постоянномъ возбужденіи наиболѣе высокихъ отправленій нашего ума и въ само собою происходящемъ увеличеніи привычнаго вліянія разума на поведеніе человѣка". Такимъ образомъ въ Контѣ по вопросу объ эволюціи-прогрессѣ борятся между собою объективистъ и субъективистъ. Въ „Курсѣ" побѣждаетъ, повидимому, первый, въ „Системѣ"—второй, но уже въ ненаучномъ смыслѣ.

Замѣна идеи прогресса идеей эволюціи въ послѣдующее время. По стопамъ Конта, когда онъ замѣнялъ слово „совершенствованіе" словомъ „развитіе", пошелъ и Спенсеръ. Въ раннихъ трудахъ своихъ Спенсеръ еще говорилъ о прогрессѣ; съ нимъ, напр., мы встрѣчаемся въ „Соціальной статикѣ" (1850). Но впослѣдствіи, начиная именно съ „Основныхъ началъ", Спенсеръ постоянно говоритъ лишь объ эволюціи. Въ его „Опытѣ о прогрессѣ" есть даже прямо аналогичное контовскому разсужденіе, гдѣ прямо указывается на связь ходячаго понятія о прогрессѣ съ конечными причинами, тогда какъ, по мнѣнію Спенсера, для вѣрнаго пониманія прогресса нужно только изслѣдовать природу общественныхъ перемѣнъ, вполнѣ отвлекаясь отъ ихъ отношенія къ нашимъ интересамъ и нашему благополучію. Подобный взглядъ былъ усвоенъ весьма многими писателями; нѣкоторые же изъ нихъ прямо выводили его изъ обязательнаго для всѣхъ общественныхъ наукъ объективизма, ссылаясь въ данномъ случаѣ на примѣръ естествознанія. Протестъ противъ соціологическаго объективизма, раздавшійся въ статьяхъ Михайловскаго, былъ именно связанъ съ критикою спенсеровскаго пониманія соціальнаго прогресса по аналогіи съ органической эволюціей. Объективно общественное развитіе можетъ заключаться въ интеграціи и дифференціаціи, но въ этомъ не можетъ заключаться улучшеніе общества. Впослѣдствіи Спенсеръ написалъ „Основанія этики", въ коихъ уже оставлена эта точка зрѣнія въ пользу другой, болѣе субъективной. Но объективисты, возражая противъ „моральной оцѣнки" эволюціи и употребленія

слова „прогрессъ“ въ смыслѣ совершенствованія, ссылались не только на естественныя науки вообще, но въ частности и на біологическую теорію Дарвина. И по этому послѣднему пункту противъ объективнаго пониманія прогресса выступили русскіе субъективисты. Признавъ эту теорію, какъ біологическую истину, они старались доказать, что соціальный прогрессъ происходитъ нѣсколько иначе, чѣмъ біологическая эволюція. Дѣло въ томъ, что теорія Дарвина изгнала изъ объясненія явленій природы всякую телеологію: эволюція совершается *потому что*, а не *для того, чтобы*. Если у Спенсера она идетъ въ направленіи большаго усложненія, то у Дарвина—въ направленіи большей приспособленности, хотя бы послѣдняя покупалась цѣною упрощенія. Цѣлое общество можетъ быть очень сложно и превосходно приспособлено къ условіямъ своего существованія, а составляющія его единицы — отлично приспособлены къ данной соціальной дифференціаціи, но мы еще не назовемъ его совершеннымъ въ человѣческомъ смыслѣ. Пусть этотъ антропологическій субъективизмъ кажется представителямъ натуралистическаго объективизма антропоцентризмомъ—у субъективистовъ есть свои основанія его защищать, и они не примутъ слѣдующихъ, напр., заявленій Рибо въ его книгѣ „Наслѣдственность“: „болѣе точный, говоритъ онъ именно, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе широкій взглядъ приводитъ насъ къ пониманію того, что человѣческій прогрессъ есть только часть общаго прогресса, и къ замѣнѣ этого двусмысленнаго слова болѣе подходящими терминами эволюціи и развитія. Это измѣненіе, прибавляетъ онъ, имѣетъ громадное значеніе, ибо на мѣсто мнѣнія человѣческаго, субъективнаго, гипотетическаго оно ставитъ космическую, объективную, научную доктрину“. По Рибо выходитъ такъ, что человѣческое мнѣніе можно противополагать космической доктринѣ, какъ будто она не есть тоже одно изъ человѣческихъ мнѣній, и какъ будто космосъ можетъ имѣть свои доктрины, которыми человѣку остается замѣнять свои мнѣнія. „Идея, говоритъ Рибо еще, идея, которую соединяютъ съ словомъ „прогрессъ“, не только отличается туманностью, но является ошибочною. Смѣшиваютъ прогрессъ самъ по себѣ съ выгодами и полезными слѣдствіями, приносимыми имъ человѣку. Такое отношеніе къ дѣлу принимаетъ тѣнь за самую вещь. Для того, чтобы хорошо понимать, что такое прогрессъ, нужно изслѣдовать независимо отъ нашего интереса, въ чемъ заключается сущность производящихъ его перемѣнъ“. Совсѣмъ нѣтъ. Субъективизмъ не принимаетъ тѣни человѣка за самого человѣка, а только, продолжая данную мета-

фору, признаётъ, что человѣкъ бросаетъ тѣнь, видѣть которую еще не значитъ принимать ее за самого человѣка. Субъективизмъ не отрицаетъ необходимости изучать сущность перемѣнъ, производящихъ прогрессъ, но такое изученіе можетъ быть дополнено изслѣдованіемъ выгодъ и полезныхъ слѣдствій, приносимыхъ прогрессомъ человѣку. Изъ того, что субъективистъ, слыша звуки, изъ коихъ состоитъ какое-либо слово, желаетъ знать и то, что оно значитъ, вовсе не слѣдуетъ, будто фонетическая сторона слова замѣняется у него стороною семасіологическою. Скорѣе вотъ объективисту онъ можетъ поставить въ упрекъ то, что, опасаясь, какъ бы желаніе понять смыслъ произносимаго слова не помѣшало правильно разслышать его звукъ, онъ запрещаетъ говорить, что слова имѣютъ смыслъ.

Научная сторона идеи прогресса. Вопросъ о прогрессѣ связанъ въ соціологіи тѣснѣйшимъ образомъ съ вопросомъ о субъективизмѣ и о роли личности въ исторіи: слѣдуетъ ли въ идею прогресса вводить субъективный элементъ и играетъ ли въ созиданіи прогресса какую-либо роль человѣческая личность? Этимъ двумъ вопросамъ посвящены двѣ отдѣльныя главы нашей книги (XI и XIII). Соціологическія теоріи объективистическаго направленія обыкновенно представляютъ и историческій процессъ, какъ безличную эволюцію. Въ обоихъ отношеніяхъ онѣ правы лишь тогда, когда являются результатомъ критики ученій о прогрессѣ, въ коихъ субъективизмъ получаетъ характеръ чистаго творчества въ вопросахъ, подлежащихъ научному изслѣдованію, а роль личности въ исторіи понимается, какъ роль опять-таки исключительно творческая, т.-е. когда субъективизмъ дѣлается совершенно произвольнымъ, за личностью же признаётся свободная воля въ смыслѣ способности производить измѣненія во внѣшнемъ мірѣ, которыя ничѣмъ не обусловлены помимо желанія личности, въ свою очередь уже ничѣмъ не обусловленнаго. Такія представленія мы дѣйствительно и встрѣчаемъ, съ одной стороны, у метафизическихъ философовъ, съ другой у утопическихъ соціалистовъ: общественный идеалъ, какъ цѣль прогрессивнаго хода исторіи, является тутъ продуктомъ личнаго творчества, счастливымъ изобрѣтеніемъ человѣческаго ума, и для осуществленія этого идеала достаточно одной доброй воли да соотвѣтственныхъ усилій самихъ людей. Другими словами, будущую исторію можно выдумать по своему вкусу для того, чтобы и осуществить потомъ эту выдумку по своему желанію. Такой взглядъ, конечно, ненаученъ, и въ критикѣ этого взгляда заключаются вѣрныя стороны объективной соціологіи и научнаго соціализма, направленныя про-

тивъ метафизиковъ и утопистовъ. Но эта реакція заходитъ слишкомъ далеко, когда отрицаетъ за человѣческими цѣлями и дѣйствіями всякое значеніе—и въ самомъ историческомъ процессѣ, и въ наукѣ, изучающей этотъ процессъ, отвлеченно взятый.

Новое отношеніе къ идеѣ прогресса, которое возникло и развилось въ XIX в., выдвинуло на первый планъ объективныя начала общественнаго развитія, которыя ранѣе игнорировались. Прежде будущее общества создавалось чистою дѣятельностью воображенія безъ всякаго отношенія къ тому, что можно было бы сказать объ этомъ будущемъ на основаніи наблюденій надъ прожитыми уже моментами общественной эволюціи. Новое направленіе ставило задачу предсказать будущее по объективнымъ даннымъ прошлаго и настоящаго, но при этомъ весьма часто совсѣмъ не принималось въ расчетъ, что въ созиданіи этого будущаго, кромѣ объективныхъ началъ, принимаютъ извѣстное участіе и человѣческія желанія. Точно также старое пониманіе сводилось къ тому, что людямъ стоитъ только сдѣлать соотвѣтственныя усилія, дабы получить желаемое, какъ будто дѣятельность людей совершается внѣ всякой среды, которая оказывала бы вліяніе на эту дѣятельность, и какъ будто эта дѣятельность направлена на совершенно пассивный матеріалъ, неспособный оказывать какое бы то ни было сопротивленіе обращеннымъ на него усиліямъ. Новый взглядъ выдвинулъ впередъ эту среду и этотъ матеріалъ, понявъ ихъ, какъ объективныя явленія, закономѣрно развивающіяся, но тѣмъ самымъ будто бы находящіяся внѣ всякаго воздѣйствія со стороны человѣческихъ усилій, словно человѣческое вмѣшательство въ естественно совершающіеся процессы равносильно устраненію закономѣрности, словно само это вмѣшательство не есть результатъ тоже одного изъ естественныхъ процессовъ и не подчинено дѣйствію никакихъ законовъ. Субъективная соціологія не есть возвращеніе къ старому, совершенно ненаучному воззрѣнію: она сумѣла только, принявъ новый взглядъ, избѣжать тѣхъ невѣрныхъ выводовъ, которые были сдѣланы изъ этого взгляда, т.-е. она исправляетъ и дополняетъ этотъ новый взглядъ.

На научное пониманіе прогресса въ современной соціологіи оказали вліяніе главнымъ образомъ три эволюціонныя ученія, освѣтившія процессъ общественнаго развитія съ трехъ новыхъ точекъ зрѣнія. Философія Спенсера связала этотъ процессъ съ всеобщимъ процессомъ, совершающимся въ исторіи вселенной. Одинъ есть часть, другой—цѣлое, но въ обоихъ господствуетъ одинъ и тотъ же процессъ интеграціи и дифференціаціи. Эта

формула, однако, не даетъ всеобъемлющаго объясненія соціальной эволюціи. Она только показываетъ, что движеніе впередъ есть общій законъ всего сущаго и что въ извѣстномъ отношеніи это движеніе во всѣхъ своихъ проявленіяхъ подчинено одному и тому же закону. Но въ то же время эволюція состоитъ въ постоянномъ развитіи изъ данныхъ уже основаній—явленій новаго порядка, которыя уже не могутъ всецѣло управляться законами предыдущихъ—въ эволюціонномъ процессѣ—явленій. Самъ Спенсеръ примѣнилъ эту идею къ изученію нравственности и пришелъ къ заключеніямъ иного рода, чѣмъ тѣ, которыя вытекаютъ изъ взгляда на общественный процессъ, какъ на простое повтореніе интеграціи и дифференціаціи безъ всякаго новаго начала, выработаннаго до-общественною эволюцію и разрабатываемаго эволюціей общественною. Другое эволюціонное ученіе, оказавшее вліяніе на научное пониманіе прогресса, есть дарвинизмъ. Эта біологическая теорія показала, что общественному прогрессу, о которомъ давно уже говорили философы и историки, предшествовалъ прогрессъ въ мірѣ органической природы въ смыслѣ развитія высшихъ организмовъ изъ низшихъ, и что въ самомъ человѣчествѣ, кромѣ чисто внѣшнихъ культурныхъ и соціальныхъ перемѣнъ, къ коимъ прежде сводили обыкновенно весь прогрессъ, происходитъ еще совершенствованіе самой человѣческой природы путемъ наслѣдственнаго закрѣпленія за новыми поколѣніями качествъ, пріобрѣтавшихся ихъ предками въ процессѣ органической эволюціи постепенно. Одна изъ особенностей дарвинизма заключается въ томъ, что онъ объясняетъ біологическую эволюцію совершенно механически, безъ какой бы то ни было телеологіи, и въ этомъ онъ сходится съ эволюціонизмомъ Спенсера. Но на основаніи того же самаго принципа эволюціи, какъ постояннаго и постепеннаго творчества природою новыхъ и новыхъ явленій, соціологія не можетъ довольствоваться для объясненія соціальной эволюціи принципами, которые вполнѣ пригодны для объясненія эволюціи біологической, какъ и сама біологія не можетъ довольствоваться принципами, пригодными только для объясненія эволюціи неорганической. Та телеологія, съ какою имѣетъ дѣло соціологія, не есть нѣчто нарушающее принципъ эволюціи и произвольно сочиняемое соціологами. Существа, способныя ставить себѣ цѣли и дѣятельно стремиться къ ихъ осуществленію, сами являются продуктами постепенной эволюціи, и въ реальности этихъ существъ мы не имѣемъ никакого права сомнѣваться, ибо это — мы сами, т.-е. каждый изъ насъ въ отдѣльности и всѣ намъ

подобные: всѣ мы дѣйствуемъ по цѣлямъ и сознаёмъ, что именно дѣйствуемъ такимъ образомъ.

Если оба только-что разсмотрѣнныя эволюціонныя ученія, оказавшія вліяніе на научное пониманіе прогресса, будучи весьма близки одно къ другому, одинаково ставятъ вопросъ о прогрессѣ на почву широкихъ обобщеній въ области окружающей насъ природы и даже всего космоса, то третье эволюціонное ученіе, о которомъ здѣсь слѣдуетъ упомянуть, во-первыхъ, стоитъ особнякомъ отъ первыхъ двухъ, а во-вторыхъ, имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ наблюденія, произведенныя лишь въ одной области общественной эволюціи, да и то взятой только въ одномъ изъ ея фазисовъ. Мы говоримъ здѣсь объ экономическомъ матеріализмѣ, зародившемся въ головѣ Маркса въ связи съ извѣстнымъ пониманіемъ сущности перехода западной Европы отъ средневѣковаго, феодальнаго хозяйства къ хозяйству новому, капиталистическому, и въ связи съ представленіемъ о томъ, въ какую новую форму стремится перейти само это капиталистическое хозяйство. Послѣдователи экономическаго матеріализма, указывая на одно изъ объективныхъ началъ соціальной эволюціи и на механическій характеръ процессовъ въ развитіи этого начала, совершенно правы, когда критикуютъ представителей метафизическаго и утопическаго взгляда, не считавшихся ни съ какими объективными началами, ни съ какими механическими процессами соціальной эволюціи. Хотя по своему общественному содержанію экономическій матеріализмъ неизмѣримо ближе къ соціологіи, чѣмъ космическій эволюціонизмъ Спенсера и біологическій эволюціонизмъ Дарвина, онъ все-таки не можетъ самъ по себѣ считаться философіей соціальнаго прогресса, какъ бы, съ другой стороны, ни было важно то, что этимъ ученіемъ поставленъ былъ вопросъ о роли экономическаго начала въ соціальной эволюціи. Съ точки зрѣнія Спенсера соціальная эволюція есть только часть или одно изъ проявленій эволюціи космической, только продолженіе той эволюціи органической, теорію которой разработалъ Дарвинъ. Здѣсь общественный прогрессъ объясняется или изъ нѣкотораго цѣлаго, часть котораго онъ составляетъ, или изъ другой подобной же части этого цѣлаго. Наоборотъ, экономическій матеріализмъ стремится объяснить соціальную эволюцію лишь одною изъ ея собственныхъ сторонъ. Каждое изъ трехъ разсмотрѣнныхъ эволюціонныхъ ученій даетъ извѣстный идейный и фактическій матеріалъ для научнаго обоснованія и пониманія общественнаго прогресса. Но соціологія не должна быть простою пристройкою безъ самостоятельнаго зна-

ченія ни къ космологіи или біологіи, ни къ политической экономіи. На этомъ главнымъ образомъ и настаиваютъ субъективисты, которые за объясненіемъ прогресса обращаются, кромѣ біологіи и экономической исторіи, къ психологіи и къ культурной исторіи, а наиболѣе широкія свои обобщенія ставятъ въ связь не только съ космологіей, но и съ этикой.

Само собою разумѣется, что психологія, о которой здѣсь говорится, не есть старая метафизическая психологія спиритуалистическаго или матеріалистическаго пошиба. Позитивизмъ Конта сходится съ критической философіей Канта въ признаніи, что нашему знанію доступны только явленія, а не ихъ сущность. Современная наука о душевныхъ явленіяхъ стоитъ именно на такой точкѣ зрѣнія, изучая законы, по которымъ происходятъ эти явленія. Во второй половинѣ XIX в. и эта наука усвоила себѣ эволюціонную точку зрѣнія, т.-е. стала изучать психическія явленія въ ихъ постепенномъ развитіи отъ низшихъ ступеней органической жизни до наиболѣе сознательныхъ и цѣлесообразныхъ дѣйствій человѣка. Эволюціонная психологія, разсматривая душевныя явленія въ качествѣ своеобразныхъ продуктовъ эволюціи, должна ставить себѣ вопросъ о томъ, какую роль эти явленія играютъ въ эволюціи въ качествѣ ея факторовъ, а роль факторовъ эволюціи они именно по тому и могутъ играть, что сами суть вмѣстѣ съ тѣмъ ея продукты, т.-е. не приходятъ въ нее извнѣ, а вырабатываются въ ней самой. Само собою разумѣется, что смѣшно было бы говорить о роли психическихъ факторовъ въ эволюціи космической, взятой въ ея цѣломъ. Другое дѣло — вопросъ о значеніи психической эволюціи для эволюціи соціальной: послѣдняя прямо немыслима безъ психической основы. Равнымъ образомъ и этика, имѣющая столь тѣсную связь съ психологіей, поставлена въ настоящее время на эволюціонную точку зрѣнія. Такое состояніе психологіи и этики, отразившее на себѣ одинъ и тотъ же научный духъ, который проявляется и въ космологіи, и въ біологіи, и въ политической экономіи, уже само собою не позволяетъ соціологическому субъективизму въ пониманіи общественнаго прогресса быть простымъ возрожденіемъ политическаго раціонализма XVIII в. и соціальнаго утопизма XIX в. Идея прогресса въ такой постановкѣ, удовлетворяя чаяніямъ нашего сердца, вырабатывается, однако, не на основаніи этихъ чаяній, а на основаніи научныхъ наблюденій надъ дѣйствіемъ реальныхъ силъ, проявляющихся въ исторіи мірозданія вообще и органическаго міра въ частности, въ исторіи человѣчества, какъ части этого міра, и въ исторіи духовныхъ и обществен-

ныхъ явленій, отличающихъ человѣка отъ другихъ животныхъ. Ту часть міровой эволюціи, которая совершается въ человѣческомъ мірѣ, мы понимаемъ совершенно такъ же, какъ и то цѣлое, часть коего она составляетъ, но у этой части есть свои специфическія особенности: онѣ-то и позволяютъ намъ и особеннымъ образомъ относиться къ этой части, нисколько тѣмъ не нарушая общаго принципа, прилагаемаго къ разсмотрѣнію цѣлаго и всѣхъ его отдѣльныхъ частей. Идея прогресса есть только извѣстное субъективное понимапіе эволюціи съ психологической и этической точекъ зрѣнія, безъ всякихъ метафизическихъ предположеній о томъ, чтобы въ этой эволюціи проявляла свое дѣйствіе свобода человѣческой воли, какъ сила, берущаяся откуда-то внѣ этой эволюціи, и о томъ, что у этой эволюціи есть нѣкоторая объективная телеологія, т.-е. что общественнымъ процессомъ осуществляются нѣкоторыя заранѣе намѣченныя цѣли, а не цѣли, ставимыя себѣ людьми въ зависимости отъ той самой эволюціи, въ коей стремленіе къ нимъ является и продуктомъ, и факторомъ. Въ такомъ пониманіи идея прогресса является синтезомъ этическихъ стремленій раціонализма и утопизма съ теоретическими выводами науки.

Вопросы *такой* теоріи прогресса: 1) *почему* и *какъ* происходитъ соціальная эволюція и 2) въ какихъ случаяхъ она получаетъ для насъ *прогрессивное значеніе*? Первый вопросъ есть вопросъ о *причинахъ* и *факторахъ* всякой эволюціи, все равно— прогрессивной и регрессивной, и этотъ вопросъ отнюдь не выходитъ за предѣлы научной компетенціи въ самомъ объективномъ смыслѣ слова. Второй вопросъ, повидимому, чисто субъективный, есть въ сущности вопросъ о *значеніи*, какое для человѣка, какъ для существа мыслящаго, чувствующаго и ставящаго себѣ цѣли, и какъ для существа живущаго и дѣйствующаго въ обществѣ, имѣетъ объективный процессъ эволюціи, но и этотъ вопросъ можетъ быть рѣшаемъ на основаніи объективныхъ данныхъ, какія, напримѣръ, для послѣдняго періода нашей цивилизаціи заключаетъ въ себѣ статистика.

Жизненное значеніе соціологической идеи прогресса. Въ своемъ нерасположеніи къ субъективизму нѣкоторые крайніе объективисты доходили до утвержденія, что ставить себѣ цѣли значитъ предаваться ненаучнымъ иллюзіямъ и что стремиться къ ихъ осуществленію значитъ совершенно безплодно расточать свои силы. Но это только логическій выводъ изъ того представленія объ эволюціи, которое исключаетъ всякій идеализмъ и всякую активность человѣка въ процессѣ измѣненія общественныхъ

формъ. Послѣдовательно проведенный объективизмъ долженъ былъ бы вообще приводить къ отрицанію разумности и цѣлесообразности какой бы то ни было общественной дѣятельности, разъ соціальная эволюція совершается сама собою и безъ какого бы то ни было отношенія къ желаніямъ, цѣлямъ и стремленіямъ человѣка. Если стать на эту точку зрѣнія, нужно отвергнуть мысль о практическомъ значеніи всякой прикладной общественной науки, значеніе которой состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ примѣненіи теоретическихъ истинъ къ достиженію жизненныхъ цѣлей. Извѣстно даже, что чистыя науки, ставящія себѣ исключительно теоретическія цѣли, такъ сказать, выросли изъ знаній прикладного, практическаго характера. То же самое было и съ соціологіей. У Конта—и еще раньше у С.-Симона—первая мысль о необходимости строго научнаго изученія общественныхъ явленій явилась подъ вліяніемъ мысли о необходимости общественной реорганизаціи. Если въ областяхъ такихъ общественныхъ наукъ, какъ государствовѣдѣніе, юриспруденція и политическая экономія, чисто теоретическія системы могутъ получать и прямо практическое значеніе, то не приходится отказывать въ этомъ практическомъ значеніи и теоретическимъ истинамъ соціологіи. Дѣло въ томъ, что разъ три названныя науки учатъ, какъ служить практическимъ интересамъ жизни въ спеціальныхъ отношеніяхъ или спеціальными средствами государства, права и народнаго хозяйства, такъ и соціологія должна учить, какимъ образомъ можно воздѣйствовать на соціальную эволюцію, дабы послѣдняя имѣла прогрессивный характеръ и дабы, съ одной стороны, ускорять процессы, приближающіе общество къ болѣе совершенному состоянію, а съ другой—смягчать тѣ неудобства, какія для настоящаго могутъ заключаться въ этихъ процессахъ. При этомъ соціологія должна не только указывать на средства и способы прогрессивной общественной дѣятельности, но и опредѣлять конечныя цѣли этой дѣятельности. Послѣдняя задача не подъ силу спеціальнымъ общественнымъ наукамъ, такъ какъ и государство, и право, и народное хозяйство сами по себѣ имѣютъ значеніе лишь средствъ общественнаго благополучія, и такъ какъ строить общественный идеалъ возможно, только принимая въ расчетъ всѣ стороны соціальной жизни. Всякій общественный идеалъ, построенный лишь изъ понятій одной изъ спеціальныхъ наукъ, необходимо будетъ отличаться односторонностью. Таковъ былъ бы, напримѣръ, общественный идеалъ съ исключительно юридической точки зрѣнія, ибо онъ сводился бы къ одному раз-

граниченію между собою частныхъ интересовъ, т.-е. отношеній между отдѣльными лицами, взятыми въ качествѣ субъектовъ права, и не касался бы ни политической, ни экономической стороны общественной жизни или касался бы этихъ сторонъ лишь постольку, поскольку государство охраняетъ частныя права и поскольку съ этими правами связаны имущественные интересы. Политическій идеалъ, выработанный философіей XVIII в. и сдѣлавшійся цѣлью стремленій господствующихъ партій французской революціи, тоже отличался односторонностью, такъ какъ принималъ въ расчетъ лишь взаимныя отношенія между отдѣльною личностью и обществомъ, взятомъ въ политическомъ смыслѣ, т.-е. государствомъ, оставляя безъ вниманія отношенія между тою же личностью и тѣмъ же обществомъ, взятымъ въ экономической сторонѣ его бытія. И чисто экономическій идеалъ можетъ отличаться крайнею односторонностью, когда упускаются изъ виду нематеріальныя блага, къ которымъ можетъ стремиться человѣкъ, т.-е. когда этическія соображенія или совершенно отсутствуютъ, или искажаются подъ вліяніемъ соображеній чисто матеріальнаго характера. Первый случай представляетъ собою такъ называемая манчестерская школа политической экономіи, второй—разныя соціальныя утопіи первой половины XIX в. Манчестерская школа во имя экономическаго прогресса требовала полной промышленной свободы, устраняя при этомъ всякія этическія соображенія, тогда какъ упомянутыя утопіи, исходя изъ этическаго стремленія дать всѣмъ равномѣрное участіе въ экономическихъ благахъ, думали достигнуть этой цѣли полнымъ подавленіемъ индивидуальной свободы, что указываетъ лишь на одностороннее этическое пониманіе.

Задача соціологіи и заключается въ изслѣдованіи того, при какихъ общественныхъ принципахъ возможно было бы совмѣстное удовлетвореніе тѣхъ требованій, какія одновременно могутъ предъявляться обществу съ этической, экономической, юридической и политической точекъ зрѣнія. Такое идеальное построеніе должно быть основано не на благородныхъ желаніяхъ, какія мы можемъ носить въ своемъ сердцѣ, но на теоретическомъ знаніи законовъ, управляющихъ общественными явленіями, и главнымъ образомъ на основаніи знанія законовъ соціальной эволюціи. Нужно, чтобы общественный идеалъ не только соотвѣтствовалъ высшимъ цѣлямъ, какія могутъ ставиться соціальной жизни съ этической и юридической, экономической и политической точекъ зрѣнія, но чтобы онъ былъ еще психологически и соціологически возможенъ, чтобы осуществленіе его было вѣроятнымъ,

чтобы онъ даже могъ разсматриваться, какъ необходимый результатъ всей соціальной эволюціи. Въ этомъ и заключается жизненное значеніе соціологической идеи прогресса—въ выработкѣ именно эволюціоннаго общественнаго идеала, въ выработкѣ формулы, которая заключала бы въ себѣ указаніе на цѣли и средства прогресса.

То, что мы называемъ прогрессомъ, осуществлялось еще въ тѣ времена, когда люди о прогрессѣ совсѣмъ не думали и сознательно не ставили себѣ прогрессивныхъ цѣлей. Если, однако, прогрессъ безсознательно и непреднамѣренно осуществлялся уже ранѣе, благодаря разрозненному дѣйствію производившихъ его силъ, то сознательная и преднамѣренная организація этихъ силъ не представляетъ изъ себя ничего невозможнаго. Мало того: сознательное стремленіе къ прогрессу и дѣятельность, преднамѣренно направленная къ достиженію прогрессивныхъ цѣлей, могутъ и быстрѣе, и вѣрнѣе осуществлять прогрессъ (конечно, подъ условіемъ правильнаго пониманія цѣлей и средствъ прогресса вообще и правильнаго пониманія ближайшихъ задачъ и особенныхъ обстоятельствъ данной общественной среды въ частности). Сущность всякаго цѣлесообразнаго воздѣйствія человѣка на тотъ или другой предметъ заключается именно въ знаніи свойствъ этого предмета. Съ этой точки зрѣнія знаніе свойствъ соціальной эволюціи и тѣхъ силъ, благодаря которымъ она можетъ принимать прогрессивный характеръ, конечно, имѣетъ величайшее практическое значеніе. И это практическое значеніе можетъ быть двоякаго рода: во-первыхъ, подобнаго рода знаніе открываетъ передъ нами перспективу болѣе цѣлесообразной и успѣшной дѣятельности, а во-вторыхъ, оно одно только можетъ сообщить общественной дѣятельности высшій нравственный смыслъ, такъ какъ указываетъ на этическую цѣль этой дѣятельности. Идея прогресса, способная вызывать въ человѣкѣ чисто религіозное одушевленіе, можетъ тѣмъ самымъ играть роль могучаго общественнаго фактора. Съ точки зрѣнія идеи прогресса общественныя задачи и фактическія отношенія современности въ нашихъ глазахъ получаютъ совершенно новое освѣщеніе. Чѣмъ большее количество членовъ общества вѣритъ въ прогрессъ и его желаетъ, тѣмъ болѣе имѣется шансовъ въ пользу того, чтобы и на самомъ дѣлѣ общество развивалось въ прогрессивномъ направленіи. Только эпохи реакціи и разочарованія характеризуются пессимизмомъ, отрицающимъ прогрессъ. Даже тѣ объективисты, которые въ теоріи отрицаютъ научность идеи прогресса и думаютъ, что въ мірѣ все совершается путемъ безцѣльной и без-

личной эволюціи, на практикѣ находятся подъ вліяніемъ этой идеи и безсознательно вѣрятъ въ то, что безцѣльная соціальная эволюція ведетъ къ осуществленію ихъ желаній, и сами опредѣляютъ характеръ своей дѣятельности, какъ наиболѣе совпадающей съ пониманіемъ настоящихъ стремленій безличной соціальной эволюціи.

Различныя формулы прогресса. При современномъ состояніи соціологіи трудно было бы ожидать, чтобы въ ней могла существовать единая общепризнанная теорія прогресса и въ смыслѣ его содержанія, и въ смыслѣ его формы, т.-е., съ одной стороны, его цѣли или конечнаго результата, съ другой—способовъ его осуществленія или производящихъ его силъ. По одной формулѣ все дѣло заключается въ интеграціи и дифференціаціи; по другой—въ борьбѣ за существованіе и естественномъ подборѣ; по третьей—въ развитіи производительныхъ силъ и т. д. и т. д. Каждая такая формула является несомнѣннымъ обобщеніемъ тѣхъ или другихъ явленій, наблюдаемыхъ или на протяженіи всей соціальной эволюціи, или на извѣстныхъ ея ступеняхъ. Задача научной критики заключается въ томъ, чтобы опредѣлять относительныя достоинства этихъ формулъ, отмѣчать ихъ недостатки, провѣрять ихъ одпѣ другими, комбинировать ихъ въ болѣе сложныя и многостороннія формулы и создавать системы понятій и положеній, которыя были бы синтезомъ всего фактически вѣрнаго и логически правильнаго въ отдѣльныхъ направленіяхъ и частныхъ изслѣдованіяхъ, какія только заключаются въ соціологической литературѣ. Такой синтезъ дѣйствительно и производится во всѣхъ тѣхъ соціологическихъ теоріяхъ, въ которыхъ работа ведется чисто критическимъ путемъ, надъ которыми не тяготѣетъ рокъ догматизма школы или партіи съ ихъ предвзятою мыслью, будто истина уже найдена и будто задача науки заключается лишь въ развитіи и примѣненіи найденной истины, получающей такимъ образомъ характеръ непоколебимаго догмата. Такого рода догматизмъ характеризуетъ, напримѣръ, правовѣрныхъ контистовъ, которые откололись отъ позитивистовъ, рѣшившихся принять не все ученіе Конта. Среди самихъ позитивистовъ возникло своего рода правовѣріе Литтре и Вырубова. Развитіе соціологической идеи Конта пошло не по этимъ двумъ путямъ: настоящими его продолжателями явились люди, которые, принявъ поставленную имъ задачу, критически пересмотрѣли всѣ идеи, изъ коихъ складывалось рѣшеніе этой задачи самимъ Контомъ. Если только наукѣ принадлежитъ роль прогрессивнаго общественнаго фактора, она можетъ выполнить

свою функцію, лишь идя строго критическимъ путемъ, лишь руководясь той идеей, что истина еще впереди, что существующія теоріи суть лишь ступени, ведущія къ этой истинѣ. Въ настоящее время наиболѣе догматическимъ духомъ отличается теорія экономическаго матеріализма. Каково бы ни было соціальное значеніе тѣхъ практическихъ выводовъ, которые экономическіе матеріалисты связываютъ съ своей соціологической теоріей, послѣдняя имѣетъ чисто догматическій характеръ. Но, въ сущности, догматическія традиціи господствуютъ и въ другихъ направленіяхъ соціологіи. Напримѣръ, идея общественнаго организма есть тоже своего рода соціологическій догматъ.

Конечно, раздѣленіе всякой науки на школы служитъ лишь свидѣтельствомъ того, что данная наука еще не выработала основныхъ истинъ, которыя могли бы расчитывать на всеобщее признаніе. Самое возникновеніе школъ указываетъ на то, что истину приходится искать въ разныхъ направленіяхъ и разными путями. Но идеалъ науки заключается въ томъ, чтобы эти разные пути приводили къ одной истинѣ. То же самое происходитъ и въ общественной жизни. Здѣсь научнымъ школамъ соотвѣтствуютъ общественныя партіи. Весьма часто въ настоящее время общественныя партіи совпадаютъ съ научными школами, заимствуя у послѣднихъ свои аргументы или навязывая имъ свои рѣшенія чисто теоретическихъ вопросовъ. За исключеніемъ общественныхъ партій, которыя ни мало не заботятся о прогрессѣ или даже относятся къ нему враждебно во имя сохраненія существующаго или во имя поворота къ старому, всѣ остальныя партіи считаютъ себя призванными служить прогрессу, но только понимаютъ свои задачи различнымъ образомъ. Это различное партійное пониманіе прогресса весьма часто отражается и на соціологическихъ теоріяхъ, причемъ справедливость требованій не всегда совпадаетъ съ цѣлесообразностью средствъ, а цѣлесообразность средствъ—съ вѣрностью теоретическаго пониманія. Оно и понятно. Каждая партія осуществляетъ то, что ею уже признано за истину, но каждой партіи грозитъ въ будущемъ такой же застой, на какой обречены въ теоретическомъ отношеніи всѣ догматическія школы, если въ ней самой не происходитъ движенія впередъ подъ двойнымъ вліяніемъ развитія практической жизни и теоретической мысли. То, что могло имѣть смыслъ въ свое время при наличности извѣстныхъ отношеній и извѣстныхъ понятій, въ другое время превращается въ источникъ не истины, а заблужденія. Развитіе жизни и мысли должно сопровождаться развитіемъ партій и школъ. Иначе онѣ пере-

стаютъ быть факторами прогресса, превращаются даже въ его тормазы въ томъ или другомъ отношеніи. И партія, весьма прогрессивная въ жизни, благодаря теоретическому догматизму, можетъ въ тоже самое время тормозить прогрессивное развитіе науки. Напримѣръ, въ нашей литературѣ экономическіе матеріалисты, упрекающіе народниковъ (тоже весьма часто стоящихъ на точкѣ зрѣнія экономическаго матеріализма) въ практической отсталости, сами вызываютъ противъ себя упрекъ (но не со стороны народниковъ) въ отсталости теоретической, такъ какъ вся ихъ соціологическая теорія основывается на своего рода догматѣ, провозглашенномъ за цѣлое полустолѣтіе, въ теченіе котораго произошло все развитіе современной соціологіи.

Въ жизни происходитъ постоянная борьба между отдѣльными личностями и цѣлыми націями и государствами, между классами и партіями одного и того же общества. Въ этой борьбѣ кто-либо побѣждаетъ, кто-либо бываетъ побѣжденъ, а успѣхъ или неудача всегда влечетъ за собою тѣ или другія слѣдствія въ смыслѣ прогресса или регресса общества. Если даже борящіяся между собою силы и не думаютъ совсѣмъ о прогрессѣ, ихъ принципы и программы, ихъ торжество или пораженіе имѣютъ непремѣнно такое или иное отношеніе къ прогрессу. Однѣ силы завѣдомо являются тормазами, другія—факторами прогресса. Но и отдѣльные прогрессивные дѣятели, и цѣлыя прогрессивныя группы могутъ различно понимать прогрессъ и пробовать осуществить его разными путями. Отсюда разнообразіе и формулъ прогресса у его сторонниковъ. Наука должна изучать, анализировать, критиковать общественныя движенія, классифицируя ихъ на прогрессивныя и регрессивныя и различая между первыми разныя направленія, которыя могутъ имѣть весьма неодинаковое значеніе и по широтѣ своихъ этическихъ или научныхъ взглядовъ, и по цѣлесообразности средствъ или умѣлости въ ихъ примѣненіи, и по большей или меньшей научности теоретическаго пониманія, по большей или меньшей силѣ въ жизни, по лучшей или худшей организаціи соотвѣтствующихъ общественныхъ стремленій.

ГЛАВА XVI.

Взглядъ на современное состояніе соціологіи.

Общій взглядъ на соціологическую литературу. За послѣднія десятилѣтія соціологическая литература достигла весьма значительныхъ размѣровъ. Конечно, въ ней не все одинаково цѣнно, и многія произведенія являются соціологическими только по имени или имѣютъ крайне ненаучный характеръ. Иные авторы берутъ у Конта и всего современнаго научнаго направленія только названіе соціологіи, давая ему свой особый смыслъ. Въ своемъ мѣстѣ была уже отмѣчена „Соціологія“ Чичерина, представляющая изъ себя чисто метафизическій трактатъ объ обществѣ, взятомъ въ противоположность государству. Во французской литературѣ отмѣтимъ недавнія „Соціологическія заключенія“ графа Шамбрёна, написанныя съ нѣкоторой религіозною окраскою. Съ другой стороны, бываетъ и такъ, что сочиненіе съ соціологическимъ заглавіемъ, дѣйствительно, относится къ данной научной области, но заключаетъ въ себѣ изложеніе совершенно устарѣлыхъ взглядовъ. Напримѣръ, „Принципы соціологіи“ Барье (1867) представляютъ изъ себя не что иное, какъ переработку взглядовъ Фурье, причемъ цѣлью ихъ является непосредственное созданіе общественнаго идеала. Еще любопытнѣе вышедшая въ 1889 г. французская книга Combes-de-Lestrade'а подъ заглавіемъ „Элементы соціологіи“. Авторъ этого труда возвращается къ традиціи общественнаго договора, распространяя эту идею на всю соціальную жизнь, возникновеніе которой объясняется у него почти такъ, какъ въ XVIII в. объясняли происхожденіе государства. Перечисленіе подобныхъ произведеній въ соціологической литературѣ завело бы насъ слишкомъ далеко. Достаточно только отмѣтить вообще существованіе соціологическихъ работъ, на которыхъ иногда совсѣмъ не видно слѣдовъ научнаго духа второй половины XIX в. Нельзя не прибавить къ этому, что за соціологическіе трактаты берутся нерѣдко люди безъ надлежащей научной подготовки. Напримѣръ, упомянутый Combes-de-Lestrade по своей спеціальности инженеръ, занимающійся притомъ предпріятіями чисто промышленнаго характера. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ роли соціологовъ выступаютъ экономисты или юристы, антропологи или историки, они вносятъ въ свои сочиненія спеціальные интересы и точки зрѣнія своихъ частныхъ наукъ, т.-е.

разсматриваютъ общество лишь въ одномъ какомъ-либо отношеніи. Такова, напримѣръ, „уголовная соціологія“, разрабатываемая преимущественно въ Италіи. Наконецъ, самое понимание того, что слѣдуетъ разумѣть подъ соціологіей, до-нельзя разнообразится, особенно у людей, не изучавшихъ соціологической литературы. Названіе „соціологія“ сдѣлалось даже до извѣстной степени моднымъ въ литературномъ и общественномъ обиходѣ, получивъ, благодаря этому, крайне неопредѣленный характеръ.

Несмотря, однако, на указанныя явленія, въ соціологической литературѣ существуетъ весьма много сочиненій, которыя объединяются приблизительно одинаковымъ пониманіемъ предмета и задачи соціологіи. Всѣ они находятся въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ Конту и, хотя могутъ быть распредѣлены между разными направленіями, имѣютъ между собою массу точекъ соприкосновенія. Нѣсколько особнякомъ стоитъ только экономическій матеріализмъ, но и тутъ можно сказать, что мало-по-малу его научные выводы станутъ входить въ общее достояніе соціологіи, а его представители начнутъ сближаться съ другими направленіями общей науки объ обществѣ.

Эта обширная литература существуетъ, кромѣ того, на разныхъ языкахъ. Въ настоящее время трудно указать на какую-либо культурную націю, на языкѣ которой не существовало бы хоть небольшой соціологической литературы. По недавнимъ извѣстіямъ, даже Японія пріобщилась къ этому общему научному движенію и завела у себя каѳедру соціологіи. Подобно тому, какъ это всегда бываетъ съ разными явленіями духовной жизни, въ каждой отдѣльной націи соціологія приняла даже ту или другую особенную окраску или въ смыслѣ темъ, на которыя обращается больше всего вниманія, или въ смыслѣ методовъ, къ которымъ охотнѣе прибѣгаютъ, или прямо въ смыслѣ тѣхъ или другихъ взглядовъ на общество, какіе оказываются преобладающими въ извѣстной литературѣ. Это весьма понятно—и притомъ по двумъ главнымъ причинамъ. Во-первыхъ, въ каждой національной литературѣ существуютъ свои научныя и философскія традиціи, которыя продолжаютъ оказывать свое вліяніе и на развитіе соціологической мысли. Недаромъ, напримѣръ, изъ двухъ сосѣднихъ съ Франціей странъ одна, именно Англія, весьма рано испытала на себѣ вліяніе Конта, которое вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось здѣсь и довольно глубокимъ, тогда какъ другая, Германія, наоборотъ, стала знакомиться съ Контомъ довольно поздно и гораздо менѣе подчинилась его вліянію. Дѣло въ

томъ, что вся предшествующая умственная подготовка у англичанъ и нѣмцевъ была не одинакова. Философія однихъ всегда имѣла болѣе реалистическій характеръ, тогда какъ философія другихъ развивалась, наоборотъ, преимущественно въ идеалистическомъ направленіи. Если бы заняться опредѣленіемъ болѣе частныхъ національныхъ традицій, сказывающихся на соціологической литературѣ отдѣльныхъ странъ, могли бы быть получены весьма интересные результаты. Съ другой стороны, на соціологіи обнаруживается вліяніе и разныхъ фактическихъ отношеній данной страны. Напримѣръ, критика уже не разъ указывала на то, что соціологическая теорія Гумпловича, приписывающаго такое важное значеніе борьбѣ расъ, была ему, такъ сказать, внушена австрійскою дѣйствительностью, именно тою борьбою разнородныхъ національныхъ элементовъ, которая происходитъ въ монархіи Габсбурговъ. Весьма естественно, что практическія задачи общественной жизни не остаются безъ вліянія на постановку отвлеченныхъ вопросовъ соціологіи. Какъ бы ни были, однако, сильны научныя и философскія традиціи, съ одной стороны, и какъ бы, съ другой стороны, ни отражались на соціологическихъ теоріяхъ разныя обстоятельства данной среды, отнюдь не слѣдуетъ преувеличивать значеніе національныхъ различій въ соціологической литературѣ. Въ настоящее время обмѣнъ идей, совершающійся между отдѣльными народами, отличается особою быстротою и широтою. Въ каждомъ народѣ существуютъ разныя философскія направленія и научныя школы, разныя общественныя партіи, и онѣ все болѣе и болѣе сближаются съ однородными направленіями, школами и партіями у другихъ народовъ. Что касается до взаимодѣйствія между отдѣльными соціологическими литературами, то за послѣднее время и оно сдѣлалось особенно тѣснымъ. Между прочимъ на разныхъ языкахъ растетъ и переводная соціологическая литература. Быть можетъ, нигдѣ до такой степени не сказывается все это съ такою силою, какъ въ Россіи, несмотря на сравнительную бѣдность нашихъ научныхъ силъ, хотя, къ сожалѣнію, русская соціологическая литература остается до сихъ поръ совершенно неизвѣстною на Западѣ. Одна изъ особенностей этой литературы заключается въ томъ, что, будучи обязана своимъ происхожденіемъ прогрессивному теченію нашей общественной мысли, она въ то же время совершала самостоятельный синтезъ разнообразныхъ научныхъ идей, возникавшихъ у другихъ народовъ.

Необходимость систематическаго обзора соціологической литературы. Для дальнѣйшихъ успѣховъ соціологіи не-

обходимо привести въ извѣстность все, что до сихъ поръ было сдѣлано въ этой области знанія, а это представляетъ изъ себя работу далеко нелегкую — при массѣ и разбросанности накопившагося уже матеріала. Можно указать нѣсколько попытокъ историческихъ и систематическихъ обзоровъ соціологической литературы, по большею частью они имѣютъ характеръ нѣсколько отрывочный. Лѣтъ двадцать тому назадъ былъ предпринятъ болѣе полный обзоръ Смоликовскимъ въ книгѣ „Ученіе Ог. Конта объ обществѣ", но эта книга, во-первыхъ, не была окончена, а во-вторыхъ, въ данную минуту уже не можетъ считаться соотвѣтствующею современному состоянію соціологіи, тѣмъ болѣе, что и для своего времени она заключала въ себѣ кое-какіе существенные пробѣлы. Далѣе въ истекающемъ десятилѣтіи появилось нѣсколько подобныхъ работъ на нѣмецкомъ языкѣ, о которыхъ здѣсь слѣдуетъ упомянуть. Одна изъ нихъ, называющаяся „Позитивизмъ отъ смерти Конта до нашихъ дней" и вышедшая въ свѣтъ въ 1891 г., была написана іезуитомъ Германомъ Груберомъ, авторомъ раньше (1889) изданной книги подъ заглавіемъ „Авг. Контъ, основатель позитивизма". Въ своемъ трудѣ авторъ даетъ намъ обзоръ позитивистической философіи, понимая послѣднюю въ черезъ-чуръ уже широкомъ смыслѣ, напримѣръ, включая сюда, съ одной стороны, философію Тэна и Рибо, съ другой — ортодоксальный позитивизмъ религіознаго характера. Гораздо важнѣе и научнѣе книга Генриха Вентига, вышедшая въ свѣтъ въ 1893 г. Она называется „Ог. Контъ и его значеніе для развитія соціальной науки" и раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ первая посвящена самому Конту, а во второй разсматривается его вліяніе въ странахъ французскаго, англійскаго и нѣмецкаго языковъ, т.-е. во Франціи и Бельгіи, въ Англіи и Сѣв. Америкѣ, въ Германіи, Австріи и Швейцаріи. Въ данную минуту этотъ обзоръ изъ имѣющихся нужно считать наиболѣе полнымъ, хотя въ немъ и не говорится ничего о соціологіи въ другихъ литературахъ, кромѣ перечисленныхъ. Главный недостатокъ книги Вентига заключается въ нѣкоторой краткости и даже иногда поверхностности замѣчаній объ отдѣльныхъ соціологическихъ теоріяхъ, да и сами онѣ притомъ группируются у него прежде всего не по принадлежности къ тому или другому направленію, а по тому или другому языку. Нужно, впрочемъ, оговориться, что Вентигъ довольно удачно подмѣчаетъ нѣкоторыя національныя особенности соціологической литературы. Другимъ недостаткомъ болѣе частнаго характера въ его книгѣ является то, что имъ лишь слегка затрогивается экономическій

матеріализмъ (который, впрочемъ, вообще до сихъ поръ сравнительно мало обращалъ на себя вниманіе соціологовъ другихъ направленій). Этому ученію Вентигъ посвящаетъ едва полторы страницы, замѣчая между прочимъ, что Контъ назвалъ бы его метафизическимъ. Нужно еще прибавить, что авторъ не обнаруживаетъ по отношенію къ экономическому матеріализму и достаточнаго безпристрастія, перенося на него свое нерасположеніе къ соціалъ-демократіи, когда слѣдовало бы разсматривать вопросъ съ исключительно теоретической точки зрѣнія. Имѣетъ значеніе въ смыслѣ обзора и сочиненіе Раппопорта „Къ характеристикѣ метода и главныхъ направленій философіи исторіи", вышедшее въ свѣтъ въ 1896 г. Многое можно найти и въ новѣйшемъ трудѣ (1897) бернскаго профессора Людвига Штейна „Соціальный вопросъ въ философскомъ освѣщеніи". Особенно соотвѣтствуетъ задачѣ, о которой идетъ рѣчь, и только что вышедшій въ свѣтъ первый томъ книги лейпцигскаго философа Барта „Философія исторіи, какъ соціологія", заключающій въ себѣ обзоръ разныхъ соціологическихъ теорій [1]). За самое послѣднее время, наконецъ, возникли еще спеціальныя повременныя изданія по соціологіи, которыя ставятъ своею цѣлью между прочимъ слѣдить за развитіемъ соціологической литературы и тѣмъ облегчаютъ работу будущихъ составителей обзоровъ соціологической литературы

Между тѣмъ отсутствіе хорошихъ систематическихъ обзоровъ даетъ себя чувствовать при сколько-нибудь внимательномъ отношеніи къ предмету. Весьма часто въ соціологической литературѣ наблюдаются случаи незнакомства съ тѣмъ, что уже раньше было сдѣлано другими, особенно если это касается авторовъ, писавшихъ на разныхъ языкахъ. Нерѣдко выдается за новость нѣчто такое, что прежде уже высказывалось, или повторяются вещи, которыя раньше были уже опровергнуты съ достаточною убѣдительностью. Бываетъ и такъ, что автору остаются совершенно неизвѣстными вызванныя его книгою критическія замѣ-

[1]) Бартъ, который, между прочимъ, ранѣе написалъ книжку объ историко-философскомъ пониманіи Гегеля и гегельянцевъ до Гартмана и Маркса включительно, различаетъ въ соціологіи направленія классифицирующее, біологическое и дуалистическое, а въ исторіологіи — направленія индивидуалистическое, антропогеографическое, этнологическое, культурное, политическое, идеологическое и экономическое. Во второмъ томѣ онъ обѣщаетъ дать изложеніе своихъ собственныхъ воззрѣній. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что Бартъ по-своему понимаетъ отношеніе соціологіи къ философіи исторіи, что сказалось и на заглавіи его труда.

чанія. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, укажемъ на то, что едва ли Дюркгеймъ когда-либо самъ узнаетъ о существованіи критической статьи Михайловскаго, посвященной его книгѣ „О раздѣленіи общественнаго труда“, а между тѣмъ изъ всѣхъ критикъ, какія доселѣ были вызваны этимъ трудомъ Дюркгейма, самая сильная и глубокая принадлежитъ именно названному русскому соціологу. Вообще занятія какой бы то ни было наукою требуютъ знакомства съ ея исторіей и современнымъ состояніемъ, но какъ-разъ въ области соціологіи, гдѣ это было бы особенно необходимо, съ подобнаго рода знаніями до послѣдняго, по крайней мѣрѣ, времени, мы встрѣчаемся весьма рѣдко. Этимъ объясняется и то, что о соціологіи существуютъ крайне смутныя и противорѣчивыя представленія у спеціалистовъ другихъ научныхъ областей, даже близкихъ къ соціологіи, не говоря уже о болѣе широкихъ кругахъ общества.

Въ соціологической литературѣ можно намѣтить нѣсколько крупныхъ направленій, находящихся между собою въ довольно разнообразныхъ и сложныхъ отношеніяхъ. Эти направленія, какъ мы видѣли, различаются между собою по основнымъ взглядамъ на природу общества, по методамъ и даже пониманію задачъ самой науки, по философскимъ, этическимъ и соціальнымъ воззрѣніямъ, которыя съ ними связаны. Сопоставленіе и сравненіе этихъ направленій показываетъ, что̀ уже принимается ими за общую основу, а взаимная ихъ критика ведетъ къ выясненію недоразумѣній, мѣшающихъ образованію болѣе широкихъ, всестороннихъ и основательныхъ представленій объ устройствѣ жизни и развитіи общества.

Соціологическіе журналы. Весьма важными органами научнаго знанія въ XIX в. сдѣлались спеціальные журналы, посвященные отдѣльнымъ спеціальностямъ. Развитіе этой прессы идетъ параллельно съ успѣхами соотвѣтственныхъ отраслей знанія. До 1893 года соціологія не имѣла, однако, ни одного такого органа. Правда, одно время существовалъ спеціальный позитивистическій журналъ (La philosophie positive, 1867—1883), издававшійся Литтре и Вырубовымъ, но его значеніе для соціологіи было весьма незначительно. Соціологическія работы могли находить пріютъ только въ журналахъ, посвященныхъ другимъ родственнымъ спеціальностямъ, или въ журналахъ общаго характера. Послѣднее явленіе наблюдается преимущественно въ Россіи съ конца 60-тыхъ годовъ, когда у насъ началось развитіе соціологической литературы. Наиболѣе важныя работы

Мартова, Михайловскаго, Южакова и др. печатались въ видѣ статей въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и въ „Знаніи“. Впрочемъ, и до настоящаго времени въ разныхъ спеціальныхъ и общихъ журналахъ продолжаютъ появляться статьи соціологическаго содержанія. Нѣкоторыя спеціальныя изданія за послѣднее время стали даже обращать особое вниманіе на соціологію. Таково, напримѣръ, французское „Философское Обозрѣніе“, издаваемое подъ редакціей Рибо. Понятно, однако, что на ряду съ другими научными спеціальностями и соціологіи нужно было обзавестись собственными органами. Примѣръ въ 1893 г. былъ поданъ Франціей и нашелъ подражаніе въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ.

Вообще, во Франціи въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ было предпринято весьма многое для организаціи научныхъ работъ по соціологіи и для популяризаціи этой отрасли знанія. Къ этому времени относится, кромѣ основанія спеціальнаго „Международнаго Соціологическаго Обозрѣнія“, учрежденіе въ Парижѣ Соціологическаго Общества, затѣмъ Международнаго Соціологическаго Института съ періодическими съѣздами, изданіе цѣлой серіи соціологическихъ трудовъ подъ общимъ заглавіемъ „Международной Соціологической Библіотеки“ и устройство соціологическихъ курсовъ. Въ этомъ движеніи особенно дѣятельную роль играетъ Рене Вормсъ, авторъ нѣсколькихъ соціологическихъ работъ, изъ которыхъ болѣе другихъ извѣстенъ „Общественный организмъ“. Онъ-то и основалъ упомянутый соціологическій журналъ, сдѣлавшись и его редакторомъ. Въ первый годъ своего существованія журналъ выходилъ черезъ каждые два мѣсяца, но съ 1894 г. превратился въ ежемѣсячный органъ. Редакторъ очень широко понялъ свою задачу и принимаетъ статьи, которыя, пожалуй, съ большимъ удобствомъ могли бы помѣщаться въ другихъ спеціальныхъ органахъ: до такой степени иныя статьи мало соотвѣтствуютъ понятію соціологіи. Въ каждой книжкѣ журнала, кромѣ того, можно найти „хронику соціальнаго движенія“ въ разныхъ странахъ и рецензіи книгъ по общественнымъ наукамъ Будучи самъ ярымъ приверженцемъ органическаго взгляда на общество, Вормсъ не исключаетъ изъ своего журнала другихъ существующихъ въ наукѣ направленій, благодаря чему сумѣлъ привлечь въ число сотрудниковъ довольно значительное количество извѣстныхъ ученыхъ не изъ одной Франціи. Независимо отъ журнала, Вормсъ предпринялъ изданіе „Международной Соціо-

логической Библіотеки", состоящей изъ отдѣльныхъ сочиненій, каковыхъ уже вышло семь томовъ [1]).

Примѣру Франціи вскорѣ послѣдовали и нѣкоторыя другія страны. Съ весны 1894 по конецъ 1896 г. издавалось въ Италіи ежемѣсячное „Соціологическое Обозрѣніе", въ которомъ, впрочемъ, преобладали статьи по политической экономіи. Въ первые мѣсяцы 1897 г. не было, впрочемъ, издано ни одной книжки этого журнала, но за то съ іюля 1897 г. сталъ выходить новый органъ (двухмѣсячный)—„Итальянское Соціологическое Обозрѣніе". Въ Испаніи въ 1895 г. было предпринято изданіе „Юридическаго и Соціологическаго Обозрѣнія", но просуществовало оно весьма не долго. Болѣе прочное положеніе создалъ себѣ „Американскій Соціологическій Журналъ", выходящій въ свѣтъ съ 1895 г. Этотъ двухмѣсячный органъ особенно важенъ своими библіографическими указателями по всѣмъ соціальнымъ наукамъ, причемъ отмѣчаются не только новыя книги и брошюры, но и статьи въ разныхъ научныхъ изданіяхъ на главнѣйшихъ языкахъ. Въ этомъ отношеніи американскій журналъ гораздо выше французскаго. Въ Германіи съ осени 1897 г. предпринимается также изданіе ежемѣсячнаго соціологическаго журнала (Zeitschrift für Socialwissenschaft), который, впрочемъ, будетъ посвященъ вообще всѣмъ общественнымъ наукамъ. Въ связи съ нимъ предполагается изданіе цѣлой серіи книгъ общественно-научнаго содержанія (Socialwissenschaftliche Zeitfragen).

Международный Соціологическій Институтъ. Все болѣе и болѣе распространяющееся стремленіе къ основанію ученыхъ обществъ и устройству научныхъ съѣздовъ коснулось также соціологіи. Первая попытка образовать соціологическое общество была сдѣлана во Франціи еще Литтре въ 1872 году, но попытка не имѣла успѣха. Общество было основано, но весьма скоро распалось, не успѣвъ сдѣлать ничего для развитія соціологіи. Такой результатъ былъ, впрочемъ, тогда же предсказанъ на основаніи первыхъ шаговъ общества Миртовымъ въ статьѣ „Соціологи-позитивисты", помѣщенной въ журналѣ „Знаніе". Съ 1896 года въ Парижѣ существуетъ новое соціологи-

---

[1]) Организмъ и общество, *Вормса* (сущ. и въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ „Общественный организмъ").—Соціальная патологія, *Лиліенфельда*.—Населеніе и соціальная система, *Нитти*.—Современныя теоріи о происхожденіи семьи, общества и государства, *Позада*.—Государство, какъ организація принужденія въ политическомъ обществѣ, *Билимскаго*.—Общественныя сознаніе и воля, *Новикова*.—Принципы соціологіи, *Гиддинса*.

гское общество, которое, повидимому, имѣетъ будущность, потому что потребность въ такомъ обществѣ вполнѣ созрѣла для такого научнаго центра, какъ Парижъ. У насъ, напримѣръ, до этого еще далеко, тѣмъ болѣе, что два, по крайней мѣрѣ, ученыхъ общества—Историческое въ Петербургѣ и Юридическое въ Москвѣ—не исключаютъ соціологіи изъ предметовъ своихъ занятій.

Гораздо болѣе важное значеніе для соціологіи долженъ имѣть „Международный Соціологическій Институтъ“, основанный въ іюлѣ 1893 г. въ Парижѣ при ближайшемъ участіи Вормса, который и занимаетъ въ этомъ учрежденіи должность генеральнаго секретаря. Институтъ, дѣйствительно, оправдываетъ свое названіе „международнаго“, такъ какъ имѣетъ своихъ членовъ въ большей части цивилизованныхъ странъ Стараго и Новаго Свѣта. Вмѣстѣ съ этимъ члены его являются представителями довольно различныхъ спеціальностей въ области общественныхъ наукъ, а равно принадлежатъ къ разнымъ соціологическимъ направленіямъ. Немногія общія положенія, болѣе или менѣе принимаемыя всѣми, сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ, которые были формулированы основателями Института:

1) „разсматривать всѣ категоріи соціальныхъ фактовъ, какъ тѣсно связанныя между собою, не опуская ни одной изъ нихъ въ своихъ изслѣдованіяхъ;

2) „при изученіи каждой изъ нихъ пользоваться болѣе методомъ объективнымъ, нежели субъективнымъ, т.-е. наблюдать, классифицировать, дѣлать наведенія, вмѣсто того, чтобы заниматься произвольнымъ построеніемъ;

3) „вслѣдствіе этого стремиться къ тому, чтобы хорошо узнать общественный міръ, каковъ онъ есть, что одно позволитъ говорить, какимъ онъ могъ бы и долженъ бы быть; изучать прежде, чѣмъ предпринимать реформы; знать для того, чтобы дѣйствовать, но знать прежде, нежели дѣйствовать“.

Цѣль Института—соединять соціологовъ разныхъ странъ для совмѣстнаго занятія соціологическими вопросами, и съ этою цѣлью онъ собираетъ въ Парижѣ международные конгрессы, труды коихъ потомъ и печатаетъ подъ заглавіемъ „Лѣтописей Международнаго Соціологическаго Института“. Первый такой съѣздъ состоялся въ началѣ октября 1894 года, и въ немъ приняли участіе ученые изъ разныхъ странъ. На немъ было прочтено нѣсколько рефератовъ по принципіальнымъ вопросамъ соціологіи, и можно сказать, что каждое изъ главныхъ

направленій, существующихъ въ современной соціологіи, имѣло здѣсь своего представителя. Съ рефератомъ въ духѣ органической школы („Методъ индукціи или органическій методъ въ примѣненіи къ изученію общественныхъ явленій“) выступилъ Лиліенфельдъ. Въ качествѣ соціолога-дарвиниста говорилъ („Справедливость и дарвинизмъ“) Новиковъ, авторъ книги „Борьба между человѣческими обществами“. Весьма горячими защитниками экономическаго матеріализма явился Энрико Ферри („Соціологія и соціализмъ“), а также Краузъ, принимавшій участіе въ преніяхъ, вызванныхъ другими рефератами, и самъ прочитавшій рефератъ („Психіатрія и наука объ идеяхъ“), въ коемъ между прочимъ коснулся тезисовъ экономическаго матеріализма. Тардъ, авторъ „Законовъ подражанія“ и „Соціальной логики“ въ своемъ сообщеніи („Элементарная соціологія“) былъ на конгрессѣ самымъ виднымъ представителемъ того направленія соціологіи, которое выдвигаетъ на первый планъ психологическое объясненіе. Рядомъ съ этими чисто абстрактными направленіями и направленіе сравнительно-историческое было представлено Ковалевскимъ въ прочитанномъ имъ рефератѣ о результатахъ изученія до-историческихъ временъ въ Россіи. Для слѣдующаго своего конгресса Институтъ намѣтилъ нѣсколько вопросовъ, изъ коихъ два имѣютъ принципіальное значеніе. Первый вопросъ касается „разныхъ опредѣленій соціологіи“; представить по этому предмету докладъ было поручено Вормсу. Другой вопросъ, докладъ по коему взялся приготовить Тардъ, касается существованія закона эволюціи политическихъ формъ,—существуетъ ли она или нѣтъ. Прибавимъ къ этому, что на первомъ соціологическомъ конгрессѣ изъ пятидесяти шести тогдашнихъ членовъ Института присутствовали двадцать восемь человѣкъ, а на второмъ конгрессѣ изъ девятидесяти—тридцать восемь.

На этомъ второмъ конгрессѣ, засѣдавшемъ въ концѣ сентября и началѣ октября 1895 г., было прочитано и большее количество рефератовъ. И здѣсь равнымъ образомъ были представлены всѣ главныя соціологическія направленія (не исключая и итальянской „уголовной соціологіи“). Принципіальные вопросы заняли не мало времени. Вормсъ сдѣлалъ сообщеніе о разныхъ взглядахъ на соціологію, Штейнмецъ—о методѣ соціологіи, Combes-de-Lestrade—о языкѣ соціологіи, Лиліенфельдъ (вмѣсто Тарда) о томъ, существуетъ ли законъ эволюціи политическихъ формъ. Нѣсколько рефератовъ было посвящено эволюціи отдѣльныхъ соціальныхъ явленій на основаніи сравнительно историческаго

изученія (рефераты Вестермарка, Гумпловича, Ковалевскаго и другихъ, причемъ въ качествѣ оппонентовъ выступаютъ Летурно, Вормсъ и др.). Вопросъ о преступленіи, какъ соціальномъ явленіи, вызвалъ даже цѣлыхъ пять рефератовъ (Энрико Ферри, Гарофало и др.).

Третій конгрессъ состоялся въ іюлѣ 1897 г., но въ промежутокъ времени между вторымъ и третьимъ конгрессами Институтъ издалъ третій томъ своихъ работъ. На этомъ послѣднемъ конгрессѣ, на которомъ, къ сожалѣнію, собралось гораздо меньше, чѣмъ прежде, число членовъ Института, главнымъ предметомъ дебатовъ была органическая теорія общества, представителями коей на конгрессѣ были Лиліенфельдъ (предсѣдатель), Вормсъ (генеральный секретарь) и Новиковъ. За исключеніемъ названныхъ лицъ, всѣ другіе члены конгресса, принимавшіе участіе въ преніяхъ (Гарофало, Краузъ, Лоріа, Тардъ, Старке, Мопенъ, Штейнмецъ, Людвигъ Штейнъ и др.) выступили рѣшительными противниками теоріи, наиболѣе рьяные защитники коей съ своей стороны утверждали, будто въ ней единственно возможная основа соціологіи, какъ науки. Во время преній выяснилось также, что не всѣ собравшіеся на конгрессъ соціологи знали о существованіи экономическаго матеріализма, и имъ пришлось прямо объяснять, въ чемъ заключается эта соціологическая теорія. Не смотря на это, вопросъ объ экономическомъ матеріализмѣ поставленъ на очередь для будущаго конгресса, имѣющаго собраться въ 1899 (въ Бернѣ) или 1900 г. (въ Парижѣ). Прибавимъ еще, что нѣкоторые рефераты и по темамъ своимъ, и по постановкѣ вопросовъ имѣли, къ сожалѣнію, характеръ совсѣмъ не соціологическій. Труды послѣдняго конгресса будутъ опубликованы въ четвертомъ томѣ „Лѣтописей“ Института.

Преподаваніе соціологіи въ университетахъ. За эти же послѣдніе годы соціологія стала дѣлаться предметомъ университетскаго преподаванія. Соціологія такъ тѣсно связана съ другими общественными науками и такъ давно уже начала оказывать вліяніе на нѣкоторыхъ представителей этихъ наукъ, что уже ранѣе могла въ томъ или другомъ видѣ излагаться съ университетскихъ каѳедръ. Напримѣръ, у насъ въ Россіи еще въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ московскомъ университетѣ читались Ковалевскимъ, занимавшимъ тогда каѳедру государственнаго права и исторіи иностранныхъ законодательствъ, курсы по эволюціи общественныхъ формъ на основаніи сравнительнаго изученія. Другой примѣръ предста-

вляютъ собою лекціи петербургскаго профессора Коркунова по энциклопедіи права, въ коихъ отводится довольно видное мѣсто чисто соціологическимъ вопросамъ. Наконецъ, въ петербургскомъ же университетѣ уже нѣсколько лѣтъ читаются курсы по теоріи исторіи, которые по самому существу дѣла имѣютъ чисто соціологическое содержаніе [1]).

Обыкновенно каждая новая наука и проникаетъ въ университетское преподаваніе именно такимъ путемъ, пока не созрѣетъ потребность и не представится возможность учрежденія для новой науки особой каѳедры. На западѣ Европы и въ Америкѣ такая потребность, несомнѣнно, даетъ себя чувствовать уже довольно сильно. На это указываетъ между прочимъ и то, что вопросъ объ университетскомъ преподаваніи соціологіи сдѣлался за послѣдніе годы предметомъ довольно оживленнаго обсужденія въ отдѣльныхъ брошюрахъ и статьяхъ, изъ коихъ многія помѣщены въ „Международномъ Соціологическомъ Обозрѣніи“. Въ нихъ доказывается необходимость и возможность преподаванія соціологіи и разсматриваются другіе вопросы, связанные съ главнымъ вопросомъ,—напримѣръ, о томъ, къ какому факультету, историко-филологическому или юридическому, слѣдуетъ пріурочить это преподаваніе. Въ числѣ авторовъ, говорившихъ объ этомъ предметѣ, мы находимъ и Гиддинса, который еще въ 1891 году написалъ объ этомъ статью, а затѣмъ посвятилъ тому же вопросу нѣсколько страницъ въ своихъ „Принципахъ соціологіи“. Ему вмѣстѣ съ тѣмъ удалось и осуществить свою идею, занявши каѳедру соціологіи въ нью-іоркскомъ университетѣ. Въ настоящее время въ Америкѣ это движеніе принимаетъ все бо̀льшіе размѣры, а 1895 году въ Гартфордѣ возникла даже особая соціологическая коллегія съ трехгодичнымъ курсомъ, дающая даже степень баккалавра соціологіи. Но и въ данномъ отношеніи движеніе началось среди французскихъ соціологовъ. Въ 1886 году Греефъ въ своемъ „Введеніи въ соціологію“ горячо доказывалъ необходимость учрежденія каѳедръ соціологіи и даже особаго соціологическаго факультета. И ему также удалось добиться осуществленія своей идеи и занять каѳедру соціологіи въ вольномъ брюссельскомъ университетѣ Собственно въ самой Франціи первый университетскій курсъ по соціологіи началъ читать въ Бордо профессоръ историко-филологическаго факультета Дюркгеймъ, а четыре года спустя въ томъ же городѣ профессоръ юридическаго факультета Дюги организовалъ соціологическій

[1]) См. въ предисловіи къ настоящей книгѣ.

семинарій. Въ 1892 г. ліонскій муниципальный совѣтъ учредилъ популярный курсъ по соціологіи, поручивъ его чтеніе члену мѣстнаго историко-филологическаго факультета Бертрану. Съ 1894 г. соціологія читается Марселемъ Бернесомъ и на историко-филологическомъ факультетѣ въ Монпеллье. Понятно, что Парижъ не отсталъ отъ провинціи. Въ немъ при разныхъ учрежденіяхъ читаются небольшіе курсы соціологіи: Летурно (въ Антропологической школѣ), Вормсомъ (въ Союзѣ французской молодежи съ 1895 г.), Тардомъ (въ Свободной школѣ политическихъ наукъ съ 1896 г.) и Дельбе (въ Свободной коллегіи соціальныхъ наукъ [1]). Въ серединѣ 1897 г. палата депутатовъ утвердила проектъ основанія въ Collège de France особой каѳедры по соціальной философіи, на которую, по послѣднимъ извѣстіямъ, приглашенъ Изуле.

Въ настояще время соціологія, какъ предметъ преподаванія, существуетъ еще въ Берлинѣ (Зиммель), въ Гельсингфорсѣ (Вестермаркъ), въ Утрехтѣ (Штейнмецъ), въ Копенгагенѣ (Старке), въ Токіо и др., хотя въ большинствѣ случаевъ и не въ видѣ особой каѳедры.

Мнѣнія Гиддинса о преподаваніи соціологіи. Противъ введенія соціологіи въ число предметовъ университетскаго преподаванія дѣлаются разныя возраженія. Когда въ 1888 г. открывался новый Брюссельскій университетъ, его ректоръ Фанъ-деръ-Рестъ, возражая Греефу, сдѣлалъ темой своей вступительной рѣчи соціологію въ ея отношеніяхъ къ спеціальнымъ общественнымъ наукамъ. По его словамъ, соціологія есть „наука, не имѣющая точнаго опредѣленія, плохо отграниченная отъ моральныхъ и политическихъ наукъ и касающаяся безконечнаго множества вопросовъ, которые всѣ входятъ въ программу существующихъ каѳедръ“. Поэтому, думаетъ онъ, соціологія можетъ быть только или „совокупностью нашихъ моральныхъ и политическихъ наукъ, связанныхъ между собою нѣкоторымъ химерическимъ единствомъ“, или простымъ изложеніемъ „общихъ взглядовъ на общественный прогрессъ“, ничѣмъ не отличающимся отъ науки болѣе старой — философіи исторіи. Это мнѣніе бельгійскаго соціолога, которое раздѣляется весьма многими учеными, между прочимъ и у насъ, было подвергнуто критикѣ Гиддинсомъ. Амери-

---

[1]) Collège libre des sciences sociales извѣстенъ гораздо менѣе, чѣмъ Ecole libre des sciences politiques. На 1897—98 г., кромѣ курса Delbet, стоящаго во главѣ всего учрежденія (La sociologie d'aprés A. Comte), въ этомъ учрежденіи объявлены еще курсы Сеньобоса (Приложеніе историческаго метода къ общественнымъ наукамъ) и Тарда (Очеркъ соціологіи).

канскій соціологъ въ принципѣ соглашается съ тѣмъ, что, если соціологія дѣйствительно есть нѣчто туманное и неопредѣленное, она не можетъ входить въ программу университетскаго преподаванія. Но онъ именно и не признаётъ правильности такого взгляда на соціологію. Въ другомъ мѣстѣ уже было указано на то, какъ самъ Гиддинсъ понимаетъ соціологію: для него это — общая наука о соціальныхъ явленіяхъ или, вѣрнѣе, о тѣхъ основныхъ чертахъ общественной жизни, которыя наблюдаются во всѣхъ отдѣльныхъ категоріяхъ соціальныхъ явленій. Съ этой точки зрѣнія соціологія, какъ предметъ преподаванія, является у Гиддинса своего рода пропедевтикой для лицъ, изучающихъ другія общественныя науки. „Анализъ общихъ основныхъ признаковъ соціальныхъ явленій, говоритъ онъ, и выясненіе общихъ законовъ соціальной эволюціи должны составлять основу для спеціальныхъ занятій во всѣхъ отдѣлахъ общественной науки“. Въ другомъ мѣстѣ своей книги Гиддинсъ касается вопроса о преподаваніи соціологіи и съ методологической точки зрѣнія. Каждая наука имѣетъ свои особые методы, и науки, наиболѣе между собою родственныя, сходятся между собою и въ методахъ. Есть умы, болѣе расположенные къ однимъ пріемамъ мысли и способамъ изслѣдованія, нежели къ другимъ. Гиддинсъ думаетъ, что соціологія, какъ предметъ университетскаго преподаванія, должна считаться и съ этимъ обстоятельствомъ. „Если, говоритъ онъ, какая-либо наука болѣе близка къ одной категоріи наукъ по своему предмету, а къ другой категоріи — по своему методу, она имѣетъ мало шансовъ завоевать симпатіи студентовъ. Разъ соціологія интересуетъ преимущественно тѣхъ, которые занимаются науками экономическими, юридическими и политическими и разъ она должна пользоваться методами, мало обычными для этихъ наукъ, лучше, пожалуй, оставить всякую надежду на введеніе соціологіи въ программу университетовъ“. Однако, самъ Гиддинсъ считаетъ это соображеніе не настолько важнымъ, чтобы оно могло смущать студента, изучающаго соціологію, или профессора, ее преподающаго. „Если методъ соціологіи, продолжаетъ Гиддинсъ, представляетъ особыя трудности для студентовъ, изучающихъ политическую экономію, государствовѣдѣніе и науки историческія, виноваты въ этомъ сами названныя науки, отнюдь не соціологія. Кто изучаетъ какую-либо общественную науку, тотъ долженъ быть знакомъ съ историческими и сравнительными методами въ ихъ качественной и статистической формахъ. Съ этимъ, конечно, согласится всякій. Подлежать спору можетъ единственно только вопросъ о дедук-

тивномъ пріемѣ: можно ли требовать отъ тѣхъ, которые изучаютъ науки экономическія политическія и юридическія, хорошаго умѣнія обращаться съ методомъ психологическаго синтеза". Съ методологическими взглядами Гиддинса мы уже отчасти знакомы, и намъ долженъ быть совершенно понятенъ тотъ отвѣтъ, который имъ дается на только-что поставленный вопросъ. Именно онъ говоритъ, что между вещами, съ коими знакомятся студенты, изучающіе общественныя науки, ничто другое не можетъ быть для нихъ столь необходимо, какъ знакомство съ методомъ психологическаго синтеза. „Молодой человѣкъ, прибавляетъ онъ, который въ настоящее время приступаетъ къ изученію экономіи или права, весьма скоро увидитъ, что если только онъ хочетъ стоять въ уровень съ этими науками, онъ долженъ сдѣлаться критическимъ наблюдателемъ тѣхъ психологическихъ данныхъ, на которыхъ онѣ основываются".

Нѣсколько мыслей о томъ же предметѣ. Мы остановились на этихъ соображеніяхъ американскаго профессора соціологіи въ виду того, что они касаются самаго существа дѣла. Въ неопредѣленности содержанія обвиняютъ не одну соціологію. Каждая новая наука не сразу получаетъ точныя границы; да и старыя науки нерѣдко понимаются не одинаковымъ образомъ у разныхъ представителей одной и той же спеціальности. Въ расплывчатости, напримѣръ, еще очень недавно обвиняли антропологію, что не помѣшало, однако, этой наукѣ войти въ число предметовъ университетскаго преподаванія (у насъ всего только лѣтъ пятнадцать тому назадъ). Такой предметъ, какъ полицейское право, преподаваемое на юридическихъ факультетахъ, равнымъ образомъ весьма неодинаково понимается разными представителями этой каѳедры. Но особенно важенъ примѣръ такъ называемой энциклопедіи права, о предметѣ и задачѣ которой въ литературѣ даже велись нескончаемые споры и которая въ настоящее время представляетъ изъ себя далеко не то, чѣмъ была въ эпоху своего включенія въ число предметовъ университетскаго преподаванія. Примѣръ этотъ особенно важенъ въ томъ отношеніи, что нѣкоторые профессора энциклопедіи права въ пониманіи задачи этого предмета давно уже стали на ту точку зрѣнія, которая въ настоящее время защищается Гиддинсомъ. Особенно къ ней близокъ у насъ Коркуновъ, превращающій энциклопедію права въ „общую теорію права", разсматривающій въ этой теоріи основные вопросы государствовѣдѣнія и вводящій въ нее довольно значительный психологическій и соціологическій матеріалъ. Въ такомъ видѣ энциклопедія права

превращается въ своего рода философскую пропедевтику обществовѣдѣнія, и ей только не хватаетъ одного—разсмотрѣнія общества съ экономической точки зрѣнія, чтобы получить значеніе настоящаго соціологическаго курса; именно въ такой пропедевтикѣ и удобнѣе всего познакомить студентовъ съ разнообразіемъ методовъ, коими должны пользоваться общественныя науки. Въ этомъ смыслѣ энциклопедія права на нашихъ юридическихъ факультетахъ является уже готовой формой для соціологическаго преподаванія.

Еще въ одномъ отношеніи Гиддинсъ повторяетъ то же самое, что давно уже высказывалось профессорами энциклопедіи права. Его соціологія, какъ предметъ университетскаго преподаванія, имѣетъ прежде всего значеніе пропедевтики для людей, посвящающихъ себя изученію юридическихъ, политическихъ и экономическихъ наукъ. Совершенно на такой точкѣ зрѣнія стоитъ, напримѣръ, и Коркуновъ въ своихъ извѣстныхъ „Лекціяхъ по общей теоріи права", хотя въ то же самое время онъ, не въ примѣръ другимъ преподавателямъ этого предмета, выдвигаетъ впередъ и другую точку зрѣнія, справедливо указывая на то, что „общее ученіе о правѣ служитъ лучшимъ средствомъ ознакомленія съ правомъ и въ интересѣ пополненія общаго образованія, въ которомъ и наука права должна, конечно, занять свое мѣсто". Вообще же всѣ энциклопедисты, какъ замѣчаетъ проф. Звѣревъ, согласны между собою въ чисто педагогическомъ назначеніи ихъ предмета: „главнѣйшая задача энциклопедіи состоитъ, по ихъ мнѣнію, въ томъ, чтобы вводить начинающаго въ изученіе избранной имъ спеціальности". Едва ли, однако, правильно было бы смотрѣть на соціологію, какъ на спеціальный предметъ, который долженъ быть пріуроченъ къ одному факультету, да и то въ качествѣ общаго введенія въ данный кругъ наукъ. Соціологія столь же важна и для историковъ или для людей, спеціализирующихся въ изученіи культурныхъ сторонъ общественной жизни, каковы, напримѣръ, религія или литература. Наконецъ, она важна и въ качествѣ такого предмета общаго образованія, съ которымъ, по своему значенію, не можетъ сравниться ни одна изъ частныхъ общественныхъ наукъ.

Послѣднее соображеніе также нужно имѣть въ виду. Соціологія относится къ числу предметовъ, особенно привлекающихъ къ себѣ общественное вниманіе. Книги по соціологіи пользуются популярностью и охотно переводятся на иностранные языки. Соціологическія статьи появляются въ общихъ журналахъ и на-

ходятъ многочисленныхъ читателей. Въ числѣ вопросовъ, возбуждающихъ отвлеченные споры среди лицъ, интересующихся научнымъ знаніемъ, вопросамъ соціологіи по ихъ тѣсной связи съ вопросами жизни принадлежитъ далеко не послѣднее мѣсто. Странно было бы, если бы только съ университетской каѳедры не раздавалось ни единаго слова по поводу этихъ вопросовъ. Одинъ фактъ существованія обширной соціологической литературы и ея раздѣленія между нѣсколькими довольно ясно обозначившимися направленіями, не долженъ оставаться незамѣченнымъ со стороны университета, если только университетъ призванъ оказывать свое вліяніе на общественную жизнь. Для соціологіи также было бы важно войти въ кругъ университетскаго преподаванія. Въ исторіи каждой науки громадное значеніе принадлежитъ систематизаціи добытыхъ истинъ, а такая систематизація лучше всего достигается путемъ выработки курсовъ для устнаго преподаванія и составленія учебныхъ пособій для печати.

Соціологическая каѳедра въ университетѣ. При существующемъ дѣленіи университета на факультеты соціологія должна быть пріурочена къ одному изъ существующихъ факультетовъ. Тамъ, гдѣ уже начинаютъ вводить преподаваніе соціологіи, вопросъ этотъ получилъ прямо практическое значеніе и даже вызвалъ прямой споръ. Такъ произошло именно во Франціи, гдѣ между сторонниками новаго предмета произошелъ нѣкоторый расколъ: одни хотѣли бы, чтобы соціологія была предметомъ историко-филологическаго факультета (faculté des lettres), другіе стоятъ за факультетъ юридическій (faculté de droit). Это указываетъ лишь на то, что соціологія можетъ и должна получить весьма широкое значеніе: она выходитъ изъ современныхъ факультетскихъ рамокъ. Вообще, теперешнее дѣленіе университета на факультеты, сложившееся чисто историческимъ путемъ и въ своемъ развитіи испытавшее не мало перемѣнъ, во многихъ отношеніяхъ не соотвѣтствуетъ болѣе современному состоянію отдѣльныхъ наукъ и существующихъ между ними частныхъ связей, а потому должно было бы подвергнуться пересмотру. Что соціологія не можетъ быть предметомъ исключительно историко-филологическаго или юридическаго факультета, это не подлежитъ сомнѣнію. Если въ однихъ мѣстахъ соціологія преподается на одномъ факультетѣ, въ другихъ—на другомъ, то это зависитъ лишь отъ чисто случайныхъ причинъ, смотря по тому, гдѣ какой профессоръ бралъ на себя иниціативу. Въ Бордо, гдѣ впервые стала преподаваться соціо-

логія, рядомъ съ курсомъ, читаемымъ на историко-филологическомъ факультетѣ, на юридическомъ ведется соціологическій семинарій по образцу научныхъ семинаріевъ, существующихъ въ нѣмецкихъ университетахъ. Нѣтъ также никакихъ основаній для того, чтобы отстаивать особыя права филологовъ или юристовъ на занятія университетскихъ каѳедръ соціологіи. Эта наука не должна разсматриваться, какъ какой-то придатокъ, напримѣръ, къ исторіи или къ одной изъ частныхъ общественныхъ наукъ. Конечно, лицо, занимающееся соціологіей, нуждается въ болѣе энциклопедическомъ образованіи сравнительно съ лицами, посвящающими себя другимъ отраслямъ знанія, но для успѣха дѣла необходимо, чтобы соціологія въ университетскомъ преподаваніи не являлась съ какою-либо спеціальною окраскою, напримѣръ, психологическою или историческою, юридическою или экономическою и т. п. Соціологія, какъ предметъ университетскаго преподаванія, должна быть совершенно отдѣльною и самостоятельною наукою, отъ представителей которой должно требовать опредѣленныхъ фактическихъ и литературныхъ знаній, подобно тому, какъ это дѣлается по отношенію къ другимъ наукамъ. Само собою разумѣется, что, пока къ занятію соціологическихъ каѳедръ не будутъ спеціально готовиться, какъ это дѣлается по отношенію къ другимъ каѳедрамъ, въ качествѣ преподавателей соціологіи будутъ выступать представители другихъ родственныхъ наукъ. Повидимому, однако, во Франціи соціологія, какъ таковая, начинаетъ входить въ кругъ предметовъ, по которымъ пишутся диссертаціи и на ученыя степени. Напримѣръ, обѣ докторскія диссертаціи (thèse latine и thèse française) Вормса имѣютъ соціологическое содержаніе („О сущности и методѣ соціологіи" и „Общественный организмъ"). Книга Изуле „La cité moderne" была также диссертаціей на ученую степень. Это указываетъ на то, что соціологія начинаетъ проникать въ академическую жизнь и путемъ соисканія ученыхъ степеней,—лишнее указаніе на то, что за послѣдніе годы эта наука дѣйствительно занимаетъ все болѣе и болѣе упрочивающееся положеніе въ ученомъ мірѣ. Самый споръ о томъ, къ какому факультету пріурочить эту науку, указываетъ на то, что ею начинаютъ сильно дорожить представители другихъ спеціальностей, хотя едва ли вѣрно утвержденіе Фора, автора статьи „Соціологія на юридическомъ факультетѣ во Франціи", будто здѣсь новая наука пользуется неоспоримо и общимъ признаніемъ.

Необходимость систематизаціи соціологіи. Чтеніе соціологическихъ курсовъ, какъ сказано было выше, можетъ имѣть

важное значеніе и въ дѣлѣ систематизаціи соціологіи. Ничто до такой степени не содѣйствуетъ систематизаціи тѣхъ или другихъ знаній, какъ преподаваніе, конечно, когда послѣднему ставится цѣлью изложеніе данной отрасли во всемъ ея объемѣ, хотя бы изложеніе это было элементарнымъ. Не нужно, однако, думать, что это единственный способъ систематизировать научныя знанія. Необходимость систематизаціи вызывается не только потребностями преподаванія, но и задачами самого изученія науки лицами, которыя думаютъ посвятить себя спеціальнымъ ею занятіямъ. Соціологія въ данную минуту именно и находится на той стадіи развитія, на которой уже чувствуется потребность въ общемъ сводѣ болѣе или менѣе установившихся истинъ или, по крайней мѣрѣ, въ общей системѣ главныхъ и основныхъ вопросовъ. Правда, уже ранѣе не разъ дѣлались попытки систематическаго изложенія соціологіи, но на первыхъ порахъ онѣ не могли не быть преждевременными, а вмѣстѣ съ тѣмъ это были большею частью системы чисто личнаго характера. Конечно, двѣ вещи совершенно различныя — выработать систему изъ имѣющагося уже въ наличности научнаго матеріала или создать систему на основаніи чисто апріорныхъ соображеній. Въ послѣднемъ случаѣ всегда съ необходимостью будетъ повторяться то, что наблюдается въ исторіи философіи: одна система совершенно непохожа на другую, и въ каждой изъ нихъ находитъ свое выраженіе личность ея автора со всѣми особенностями его ума и характера. Когда соціологія была, такъ сказать, только идеей науки, а не наукой, только формою безъ соотвѣтственнаго содержанія, личному произволу представлялся широкій просторъ и въ смыслѣ опредѣленія круга вопросовъ, коими соціологія должна заниматься, и въ смыслѣ содержанія тѣхъ отвѣтовъ, какіе нужно было дать на эти вопросы. Въ настоящее время, благодаря развитію соціологической литературы въ разныхъ направленіяхъ, накопился богатый матеріалъ, съ которымъ по необходимости долженъ считаться каждый соціологъ, если только онъ желаетъ идти по одному пути съ представителями другихъ научныхъ спеціальностей. Если ранѣе соціологія была формой, такъ сказать, готовою наполниться какимъ угодно содержаніемъ, то теперь уже существуетъ извѣстное содержаніе, которое ищетъ соотвѣтственной формы. Какъ ни великъ элементъ личнаго пониманія въ наукѣ, наличность даннаго матеріала, выработаннаго совокупными трудами многихъ ученыхъ, уже не позволяетъ строить произвольныя соціологическія системы, одна на другую совершенно непохожія,

не объединенныя общими вопросами и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ общими отвѣтами. Уже одно то, что въ социологической литературѣ образовалось нѣсколько направлений съ весьма опредѣленнымъ характеромъ, свидѣтельствуетъ, что существуютъ многие важные пункты, по коимъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые социологи между собою согласны. Съ другой стороны, рядомъ съ представителями отдѣльныхъ направлений, все болѣе и болѣе принимающими въ расчетъ идеи чужихъ направлений, существуютъ писатели, идущие болѣе вѣрными путями критики одностороннихъ учений и синтеза частныхъ истинъ, заключающихся въ этихъ ученияхъ. Влияние социологической мысли на специалистовъ разныхъ областей обществовѣдѣния было уже настолько продолжительно и сильно, что и съ этой стороны для социологии было кое-что сдѣлано—въ смыслѣ обработки материала по новымъ методамъ и въ виду новыхъ вопросовъ. Наконецъ, одно сравнительно - историческое изучение социальныхъ формъ и ихъ эволюции создало громадный социологический материалъ обобщенныхъ наблюдений и болѣе или менѣе вѣроятныхъ гипотезъ, которыя во всей своей совокупности не только могутъ быть предметомъ систематизации, но даже прямо ея требуютъ.

Ничего этого не было, когда впервые возникла мысль о социологии въ головѣ Конта, который сразу задумалъ дать вполнѣ готовую систему новой науки, и которому пришлось, если можно такъ выразиться, создавать ее изъ ничего. Долгое время программу вопросовъ, на какие должна была отвѣтить социология, каждый могъ сочинять по-своему. Ставя тѣ или другие вопросы, кромѣ того, нельзя было указать на монографическия сочинения, гдѣ бы эти вопросы были такъ или иначе разработаны. Между тѣмъ, потребность въ такихъ программахъ, очевидно, чувствовалась, хотя дѣло иногда сводилось къ воспроизведению — съ новыми только заголовками—программъ болѣе старыхъ общественныхъ наукъ. Теперь социологъ находится въ болѣе счастливомъ положении. Ему уже нѣтъ надобности самому придумывать вопросы, изъ коихъ должна складываться полная система социологии. Они поставлены уже самою социологическою литературою, и остается только опредѣлить взаимныя отношения, существующия между этими вопросами, для того, чтобы опредѣлить всю область социологии и внутренний распорядокъ ея частей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, намѣчая тотъ или другой вопросъ, социологъ теперь въ состоянии указать и на соотвѣтствующую литературу предмета, о которомъ идетъ рѣчь.

Преподаваніе соціологіи съ университетскихъ каѳедръ оживило систематизацію соціологическихъ вопросовъ. „Международное Соціологическое Обозрѣніе“ доставляетъ нѣкоторыя данныя для сужденія о томъ, какъ идетъ это дѣло въ странахъ, гдѣ существуетъ преподаваніе соціологіи. Особенно въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе довольно значительная статья Марселя Бернеса, озаглавленная „Программа курса общей соціологіи“. Кромѣ того, по этому же изданію мы можемъ познакомиться съ программами другихъ соціологическихъ курсовъ (напр., Вормса). То же самое наблюдается и въ Америкѣ, судя по даннымъ тамошняго соціологическаго журнала. Когда въ распоряженіи нашемъ будетъ большее количество подобныхъ программъ, мы въ состояніи будемъ путемъ ихъ сравненія и критики прійти къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ результатамъ на этотъ счетъ, но пока мы имѣемъ предъ собою только первые опыты систематизаціи соціологическихъ вопросовъ въ цѣляхъ преподаванія, а первые опыты никогда не могутъ имѣть рѣшающаго значенія. — Необходимость систематизаціи соціологическихъ вопросовъ вызывается еще одною потребностью, существующею въ современномъ обществѣ. Широкое стремленіе къ самообразованію естественно захватываетъ въ кругъ своихъ интересовъ и соціологію. Въ то самое время, какъ по другимъ наукамъ можно всегда указать на общія пособія въ родѣ школьныхъ учебниковъ или университетскихъ курсовъ, по соціологіи нельзя указать рѣшительно ничего. Ищущему соціологическаго образованія путемъ такъ называемаго домашняго чтенія приходится на первыхъ же порахъ обращаться къ цѣлому ряду сочиненій, изъ коихъ можно было бы познакомиться съ тѣмъ или другимъ вопросомъ, хотя бы даже и въ одностороннемъ освѣщеніи. Во всякомъ случаѣ для такихъ занятій требуется извѣстная программа, а составить подобную программу значитъ какъ бы прямо намѣтить содержаніе систематическаго курса соціологіи. Въ послѣдніе годы и въ русской литературѣ сдѣланы были двѣ попытки подобнаго рода. Одна изъ нихъ появилась въ „Программахъ чтенія для самообразованія“, гдѣ даются двѣ программы соціологіи — одна болѣе отрывочная и сокращенная, другая болѣе полная и систематическая (вторая программа появилась только во 2-мъ изданіи „Программъ“). Другая подобная попытка принадлежитъ Южакову. Онъ напечаталъ свой планъ цѣлаго курса соціологіи въ предисловіи ко второму тому „Соціологическихъ этюдовъ“, но въ болѣе разработанномъ видѣ помѣстилъ его въ „Русскомъ Богатствѣ“ за 1895 годъ. Обѣ

эти попытки представляютъ собою систематическіе перечни основныхъ вопросовъ соціологіи съ указаніями на тѣ сочиненія, на основаніи которыхъ удобнѣе всего, по мнѣнію составителей, можно познакомиться съ тѣмъ или другимъ вопросомъ. Понятное дѣло, что такой способъ ознакомленія съ соціологіей для начинающихъ представляетъ большія неудобства, тѣмъ болѣе, что при несходствѣ отдѣльныхъ направленій соціологіи читателю можетъ быть не особенно легко оріентироваться среди этихъ направленій. Если бы даже указанныя попытки и не достигали вполнѣ своей непосредственной цѣли, т.-е. если бы онѣ на практикѣ оказались мало приложимыми, нельзя отрицать ихъ чисто теоретическаго значенія: только такимъ путемъ можно отграничить соціологію отъ другихъ родственныхъ наукъ, опредѣлить ея существенное содержаніе и выяснить относительное значеніе ея отдѣльныхъ вопросовъ. А все это, несомнѣнно, важно для дальнѣйшаго развитія самой соціологіи, въ разработку которой пора внести болѣе сознательности и планомѣрности.

Невыработанность соціологической терминологіи. Весьма существеннымъ недостаткомъ современной соціологіи является и невыработанность ея терминологіи. Наука не можетъ успѣшно итти впередъ, если у нея нѣтъ своего общепринятаго и всѣмъ одинаково понятнаго языка. Чѣмъ совершеннѣе наука, тѣмъ точнѣе ея общія понятія, тѣмъ прочнѣе ея терминологія. Въ этомъ отношеніи соціологія оставляетъ желать еще весьма и весьма многаго. Ея понятія не всегда бываютъ строго опредѣлены, и одни и тѣ же слова разными писателями употребляются въ различныхъ смыслахъ. Случается даже такъ, что нѣкоторыя понятія, встрѣчающіяся у однихъ писателей, совершенно отсутствуютъ у другихъ. Еще хуже дѣло обстоитъ съ соціологической номенклатурой. Очень часто въ науку объ обществѣ переносятся — безъ всякаго измѣненія смысла или съ нѣкоторымъ измѣненіемъ смысла — техническія выраженія, употребляющіяся въ другихъ наукахъ. Общее состояніе соціологическаго лексикона таково, что постоянно ощущается потребность въ созданіи новыхъ терминовъ, но нерѣдко для одного и того же новаго понятія одновременно создается два и три новыхъ слова, которыя остаются очень часто личнымъ достояніемъ своихъ изобрѣтателей, т.-е. не входя въ общее употребленіе, продолжаютъ появляться въ работахъ своихъ изобрѣтателей. Иногда страсть къ неологизмамъ въ области соціологіи получаетъ прямо даже чудовищные размѣры. Когда 25 лѣтъ тому назадъ Литтре основывалъ въ Парижѣ соціологическое обще-

ство, то написалъ „Трактатъ соціологіи“, въ коемъ далъ цѣлую серію новыхъ названій для раздѣленій и подраздѣленій соціологіи: соціодинамія, соціомерія, соціоэргія, соціауксія, соціопорія, соціогатія, соціокалія, соціолетія, соціархія и т. п. Въ русской литературѣ такую же наклонность къ неологизмамъ проявилъ въ свое время Строининъ. Понятное дѣло, что это сочинительство научныхъ терминовъ давало удобный поводъ для разнаго рода насмѣшекъ, но, несомнѣнно, въ немъ была и своего рода серьезная сторона. Знакомясь съ соціологической литературой, мы нерѣдко наблюдаемъ одно любопытное явленіе. Авторы, работающіе внѣ всякаго вліянія другъ на друга, очень часто приходятъ къ однѣмъ и тѣмъ же идеямъ, но для выраженія ихъ употребляютъ столь различныя слова, что только при особой внимательности можно бываетъ обнаружить сходство ихъ мыслей, доходящее нерѣдко до тождества. Когда одно и то же понятіе обозначается различными словами, съ которыми невольно ассоціируются другія, весьма между собою несходныя представленія, весьма естественно возникаютъ разныя недоразумѣнія, взаимное непониманіе и ненужные споры о словахъ. Съ другой стороны, одни и тѣ же термины очень часто употребляются въ весьма различныхъ смыслахъ, а это, конечно, также не можетъ содѣйствовать взаимному пониманію соціологами другъ друга. Такое состояніе соціологическаго лексикона вполнѣ зависитъ отъ переживаемаго этою наукою момента развитія. Простымъ сочинительствомъ новыхъ словъ бѣдѣ, разумѣется, помочь нельзя: научный языкъ, подобно всякому языку, не создается посредствомъ общественнаго договора. Лексическое объединеніе можетъ явиться результатомъ только бо̀льшаго объединенія въ мысляхъ. Соціологи должны сами, однако, способствовать этому объединенію, анализируя употребляющіяся въ соціологической литературѣ понятія, сближая и сравнивая ихъ между собою, классифицируя ихъ и подмѣчая, какіе термины все болѣе и болѣе входятъ въ общее употребленіе. Въ другихъ отрасляхъ знанія никто не ставитъ себѣ въ заслугу оригинальности въ терминологіи. Наоборотъ, въ соціологической литературѣ наблюдается иногда обратное стремленіе, конечно, весьма невыгодно отзывающееся на интересахъ самой науки. Особенно это ставитъ въ большое затрудненіе неспеціалистовъ, которые легко могутъ увидѣть разногласіе тамъ, гдѣ его нѣтъ, или не замѣтить полнаго совпаденія въ мысляхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда однѣ и тѣ же идеи выражаются разными

словами. Понятно, что такое состояніе соціологическаго лексикона дастъ лишнее оружіе въ руки противниковъ соціологіи, какъ самостоятельной науки, могущей сдѣлаться особымъ предметомъ преподаванія. Нужно надѣяться, что бо̀льшее сближеніе между соціологами, которому весьма много содѣйствуютъ спеціальные органы и общества, съѣзды и т. п., будетъ имѣть своимъ результатомъ бо̀льшее единство въ научной терминологіи безъ всякихъ особыхъ соглашеній. Удачное слово найдетъ себѣ ходъ и мало-по-малу вытѣснитъ другія, менѣе удачныя выраженія. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ примѣръ самаго названія соціологіи: сколько ни протестовали противъ него и какіе термины ни предлагались для его замѣны, оно утвердилось въ наукѣ, несмотря на свое полулатинское, полугреческое происхожденіе.

Заключеніе. Современное состояніе соціологіи позволяетъ намъ намѣтить, въ какомъ направленіи должно совершаться дальнѣйшее развитіе этой науки. Мыслью Конта было создать такую науку объ обществѣ, которая могла бы быть поставлена рядомъ съ науками, изучающими природу. Первое условіе для этого заключалось въ полной эмансипаціи изученія общественныхъ явленій отъ какой бы то ни было метафизики. Въ данномъ случаѣ Контъ вполнѣ сходился съ Кантомъ въ признаніи того, что нашему знанію доступны только явленія, данныя намъ въ опытѣ, отнюдь не сверхчувственная сущность этихъ явленій. Въ настоящее время дѣйствительно общественныя науки все болѣе и болѣе освобождаются отъ старыхъ метафизическихъ традицій. Ни постановка вопросовъ, ни ихъ разрѣшеніе въ этой области знанія не должны зависѣть отъ тѣхъ или другихъ представленій, какія умъ человѣческій можетъ вырабатывать относительно сущности вещей. Въ этомъ смыслѣ соціологія можетъ и должна быть такою же наукою, какъ, напримѣръ, физика или химія, изучающія явленія, которыя происходятъ въ матеріи, независимо отъ того, какъ можно понимать метафизически сущность матеріи. Нашему опыту даны явленія двухъ несходныхъ между собою категорій, одна на другую въ предѣлахъ опыта несводимыхъ, и наука должна ихъ изучать именно такъ, какъ они намъ даны, предоставляя философамъ продолжать нескончаемый споръ о матеріализмѣ и спиритуализмѣ. Ненаучность прежняго отношенія къ общественнымъ явленіямъ заключалась въ томъ, что явленія эти понимались обыкновенно съ точки зрѣнія спиритуалистической метафизики. Соціологіи, какъ наукѣ, слѣдуетъ отказаться отъ

всякой метафизики, и если нѣкоторые представители экономическаго матеріализма обосновываютъ свое научное пониманіе исторіи на метафизическомъ пониманіи міровой сущности, какъ матеріи, то, конечно, этого нельзя назвать научнымъ прогрессомъ. Гораздо правильнѣе поступаютъ тѣ представители этого ученія, которые становятся на точку зрѣнія критической философіи Канта. Но и эта философія, собственно говоря, не предрѣшаетъ вопроса о томъ, какую роль экономизмъ играетъ въ соціальной жизни. Основныя теоремы въ соціологіи должны доказываться средствами самой этой науки или другихъ наукъ, изучающихъ міръ явленій, а тѣ или другія гносеологическія теоріи тутъ ни при чемъ: онѣ могутъ заключать въ себѣ извѣстные принципы для всей области человѣческаго знанія, отнюдь не спеціальныя данныя для доказательства отдѣльныхъ научныхъ теоремъ.

Постепенное освобожденіе соціологіи отъ метафизики, однако, не можетъ считаться равносильнымъ отказу отъ всякаго философствованія при изученіи общественныхъ явленій. Среди соціологовъ существуетъ не мало такихъ, которые относятся съ величайшимъ недовѣріемъ ко всякому умозрѣнію въ этой области, полагая, что вся задача соціологіи въ настоящее время заключается въ обработкѣ фактическаго матеріала разныхъ категорій посредствомъ сравнительно-исторической индукціи. Нѣкоторые изъ нихъ даже утверждаютъ, что лишь тогда можно будетъ создавать соціологическія теоріи, когда весь міръ общественныхъ явленій будетъ изученъ указаннымъ способомъ. Но они забываютъ, что во всѣхъ областяхъ знанія рядомъ съ изслѣдованіемъ фактовъ происходитъ построеніе теорій. Если бы всѣ такъ разсуждали, человѣчество никогда не вышло бы за предѣлы простого накопленія и детальной разработки фактическаго матеріала. Когда мы не въ состояніи имѣть вполнѣ точныхъ знаній, мы довольствуемся знаніями приблизительными, и странно было бы отказываться отъ такихъ знаній, чтобы накоплять и разрабатывать фактическій матеріалъ, на основаніи котораго только будущія поколѣнія начали бы строить научныя теоріи. И наша любознательность, и практическія требованія жизни одинаково требуютъ, чтобы у насъ были если не вполнѣ точныя, то хоть сколько-нибудь приближающіяся къ истинѣ теоретическія знанія въ области общественныхъ явленій. Сторонники исключительнаго господства сравнительно-историческихъ изслѣдованій въ соціологіи забываютъ еще, что общія теоріи, хотя бы и крайне несовершенныя, нужны и имъ самимъ въ качествѣ

такъ называемыхъ рабочихъ гипотезъ, т.-е. извѣстнаго рода предположеній, которыя временно принимаются для того, чтобы имѣть какія-нибудь руководящія начала при изученіи фактическаго матеріала. Во всѣхъ наукахъ опытъ и умозрѣніе, изслѣдованіе фактовъ и построеніе теорій идутъ рука объ руку, взаимно другъ друга контролируя, другъ друга направляя. Нормальныя отношенія между обоими направленіями должны заключаться въ стремленіи къ одной и той же цѣли, причемъ ни одно направленіе не должно считаться исключительно пригоднымъ для достиженія цѣли.

Реакція противъ метафизики въ соціологіи заходитъ иногда слишкомъ далеко и въ другомъ отношеніи. Ставя образцемъ для соціологіи естествознаніе, нѣкоторые современные писатели утверждаютъ, что въ наукѣ къ явленіямъ человѣческаго міра не должно существовать никакого иного отношенія, кромѣ того, какое господствуетъ въ естествознаніи къ изучаемымъ въ немъ явленіямъ природы. Требуютъ, чтобы изъ соціологіи были устранены всякія этическія идеи и соображенія, какъ совершенно ненаучныя Въ этомъ полагаютъ научный объективизмъ, смѣшивая научное безпристрастіе съ нравственнымъ безразличіемъ и предполагая, будто всякая моральная оцѣнка непремѣнно диктуется какой-нибудь метафизикой. Въ данномъ случаѣ забывается одно: въ общественныхъ явленіяхъ, какъ они намъ даны въ самомъ опытѣ, заключаются такіе моменты, коихъ лишены явленія природы, какъ опять-таки эти явленія намъ даны въ опытѣ. Если метафизики вкладывали въ общественныя явленія то, чего въ нихъ вовсе не заключается, то, наоборотъ, люди, о которыхъ идетъ рѣчь, хотятъ видѣть въ этихъ явленіяхъ не все, что дѣйствительно въ нихъ заключается. Это уже прямой грѣхъ противъ требованій научнаго реализма. Соціологія можетъ оставаться вполнѣ на научной почвѣ, съ одной стороны, строя общія теоріи, съ другой — внося въ эти теоріи и этическую точку зрѣнія. По этому именно пути и совершается въ настоящее время развитіе соціологіи. „Компаративисты“ и „объективисты“ представляютъ собою только крайніе лагери антиметафизической тенденціи, быть можетъ, и необходимые въ общей экономіи науки, которая безъ надлежащихъ сдержекъ легко могла бы и теперь еще сбиваться на старую дорогу метафизическихъ традицій. Желательно только, чтобы сдерживающія силы не превращались въ силы тормазящія.

Мысль Конта о томъ, что соціологія должна быть наукою абстрактною, т.-е. изучающею общество, взятое отвлеченно, тоже

все болѣе и болѣе осуществляется современнымъ развитіемъ нашей науки. Правда, соціологія пошла не по той дорогѣ, которую открывалъ передъ ней Контъ своею соціальною динамикою, но въ данномъ случаѣ онъ смѣшалъ понятія общаго и абстрактнаго и вмѣсто общей теоріи соціальной эволюціи, отвлеченно взятой, далъ абстрактную исторію дѣйствительно совершавшагося развитія человѣчества. Ошибка Конта была исправлена, и въ настоящее время даже у тѣхъ соціологовъ, которые не согласны съ классификаціей наукъ Конта (каковы Спенсеръ, Гиддингсъ и др.), соціологія является именно общей теоріей эволюціи соціальныхъ явленій. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы въ будущемъ соціологія сошла съ этой дороги, такъ какъ въ данномъ случаѣ исторія соціологіи повторяетъ собою то, что происходило раньше съ другими науками.

И то мѣсто, которое соціологія занимаетъ среди другихъ наукъ, дѣлается все болѣе и болѣе опредѣленнымъ и точнымъ. Одна изъ заслугъ Конта заключалась въ томъ, что онъ связалъ обществовѣдѣніе съ естествознаніемъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ однимъ изъ родоначальниковъ того научнаго движенія, которое поставило своею цѣлью сблизить между собою двѣ великія области человѣческаго знанія. Правда, уже ранѣе признавалась важность изученія вліянія внѣшней природы на исторію, а потомъ стали говорить и о важности изученія расовыхъ особенностей человѣчества для объясненія исторіи, но впервые только Контъ въ своей классификаціи наукъ далъ философскую формулу тѣхъ отношеній, какія должны существовать между соціологіей, съ одной стороны, и естествознаніемъ, а въ особенности біологіей, съ другой. Зависимость соціальныхъ явленій отъ явленій біологическихъ сдѣлалась однимъ изъ основныхъ принциповъ новой науки. Но и тутъ дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ односторонностей и увлеченій, примѣромъ которыхъ могутъ служить органическая теорія общества и соціологическій дарвинизмъ. Однако, въ самой же соціологіи возникла и реакція противъ такого „натурализма“ въ наукѣ объ обществѣ. Уже первые критики классификаціи наукъ Конта указывали на то, что въ своемъ знаменитомъ ряду наукъ онъ долженъ былъ бы между біологіей и соціологіей помѣстить еще одну абстрактную науку—психологію. Въ настоящее время эта поправка къ классификаціи наукъ Конта пользуется, можно сказать, всеобщимъ признаніемъ. При этомъ въ психологіи все болѣе и болѣе развивается направленіе, которое дѣлаетъ своимъ предметомъ изученіе психическаго взаимодѣйствія, происходящаго между членами

общества. Нужно ожидать, что психологія въ будущемъ станетъ оказывать соціологіи все бо̀льшія и бо̀льшія услуги. По крайней мѣрѣ, именно въ этомъ направленіи совершается теперешнее развитіе соціологіи. Даже экономическій матеріализмъ, который обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ замѣнѣ психологіи экономіей, едва ли долго устоитъ на первоначальной своей точкѣ зрѣнія. Нужно, наконецъ, ожидать, что соціологія будущаго выработается изъ научнаго синтеза біологическихъ, психологическихъ и экономическихъ объясненій. Рядомъ съ односторонними направленіями въ соціологической литературѣ, по крайней мѣрѣ, никогда не было недостатка въ болѣе широкомъ пониманіи, современное же движеніе въ соціологіи ведетъ скорѣе къ сближенію, а не къ бо̀льшему разъединенію отдѣльныхъ направленій.

Выяснилось точно также въ достаточной мѣрѣ и отношеніе соціологіи къ другимъ общественнымъ наукамъ. Сначала было не совсѣмъ ясно, что должна была представлять собою соціологія рядомъ съ такими старыми науками, какъ исторія, государствовѣдѣніе, юриспруденція и политическая экономія. Теперь между большинствомъ соціологовъ относительно этого пункта не можетъ быть сколько-нибудь значительныхъ разногласій. Соціологія вовсе не призвана упразднить или замѣнить собою названныя науки. Она должна стать рядомъ съ ними, какъ совершенно отдѣльная и самостоятельная наука. Отъ общей исторіи она отличается, какъ абстрактная наука отъ науки конкретной, а отъ спеціальныхъ наукъ о государствѣ, правѣ и народномъ хозяйствѣ она отличается тѣмъ, что изучаетъ общество какъ-разъ не съ спеціально политической, юридической или экономической точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія общаго consensus'а общественныхъ явленій. Мало того: соціологія уже успѣла оказать свое вліяніе на постановку и рѣшеніе разныхъ историческихъ, политическихъ, юридическихъ и экономическихъ вопросовъ. Можно надѣяться, что это вліяніе со временемъ будетъ только возрастать, и что на общей соціологической почвѣ все болѣе будутъ сближаться между собою отдѣльныя общественныя науки. Съ другой стороны, то недовѣріе, съ какимъ Контъ относился къ политической экономіи и особенно къ юриспруденціи, уже исчезаетъ среди теперешнихъ соціологовъ. Весьма естественно, что общая наука объ обществѣ должна пользоваться результатами частныхъ наукъ: въ будущемъ слѣдуетъ ожидать все бо̀льшаго и бо̀льшаго сближенія между соціологіей и другими общественными науками и въ этомъ отношеніи. Ручательствомъ служитъ положеніе дѣла въ настоящую минуту.

Таковы виды на будущее, которые подсказываются намъ современнымъ состояніемъ соціологіи. Пути ея уже достаточно ясно намѣчены ея полувѣковымъ развитіемъ, и только при маломъ знакомствѣ съ дѣломъ о соціологіи можно теперь повторять то, что говорили о ней скептики въ эпоху ея возникновенія.

БИБЛIОГРАФИЧЕСКIЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Большая часть книгъ, брошюръ и статей, названныхъ въ этомъ указателѣ, относится непосредственно къ области соцiологiи, включая въ послѣднюю общiя работы по теорiи исторiи (исторiологiи) и по теорiи прогресса. Сочиненiя по первобытной культурѣ или по исторiи развитiя отдѣльныхъ сторонъ соцiальной жизни, равно какъ по частнымъ общественнымъ наукамъ (политической экономiи, юриспруденцiи, государствовѣдѣнiю) называются здѣсь лишь въ тѣхъ сравнительно немногихъ случаяхъ, когда имѣютъ болѣе близкое отношенiе къ соцiологiи или когда упоминаются въ настоящей книгѣ. Равнымъ образомъ въ указатель не включается и вся литература по соцiальному вопросу, какъ не относящаяся прямо къ соцiологiи, понимаемой въ смыслѣ чистой и отвлеченной науки.

Въ указателѣ иностранныхъ сочиненiй называются преимущественно отдѣльныя изданiя (книги и брошюры). Исключенiе дѣлается лишь для статей, помѣщенныхъ въ спецiально-соцiологическихъ изданiяхъ или въ такихъ изданiяхъ, въ коихъ онѣ встрѣчаются особенно часто. О большей полнотѣ составитель хлопоталъ лишь по отношенiю къ русской литературѣ, хотя, съ другой стороны, и не ставилъ себѣ задачи отмѣтить все, что по русски писалось о соцiологiи [1]).

Въ основу этой соцiологической библiографiи положенъ указатель, помѣщенный въ „Основныхъ вопросахъ философiи исторiи" (см. особенно изд. 2). Въ немъ было, однако, названо весьма много сочиненiй чисто историко-философскаго (не соцiологическаго) содержанiя и чисто метафизическаго (не научнаго) характера. Здѣсь названiя

[1]) Тѣмъ не менѣе осмѣливаемся высказать увѣренность, что настоящiй указатель самый полный изъ существующихъ.

такихъ трудовъ не повторяются, и вообще отмѣчаются преимущественно сочиненія, вышедшія въ свѣтъ послѣ „Курса положительной философіи“ Конта.

ИНОСТРАННЫЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Abramowski, E. Les bases psychologiques de la sociologie (Rev. intern. de sociologie. 1897).

Achelis, Th. Die Idee einer vergleichenden Rechtswissenschaft auf ethnologischer Basis (Nord und Süd, 1892).

Alex, P. Du droit et du positivisme. 1876.

Aly, Fr. Der Einbruch des Materialismus in die historischen Wissenschaften (Preuss. Jahrbücher, 1895).

Ammon, Otto. Darwinismus gegen Socialdemokratie. Hamburg. 1891.

——— Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen. 1895.

Annales de l'institut international de sociologie. Вышло три тома. 1895—1897.

Anzilotti, D. La filosofia del diritto e la sociologia. Firenze. 1892.

Armao. L'individuo e lo stato, comme fattori di progresso. Palermo. 1880.

Asturado, Alfonso. La faculté de sociologie dans les Universités (Rev. int. de sociologie. 1894).

——— La sociologia e suoi metodi e le sue scoperte. Genova. 1897.

Bachofen. Das Mutterrecht. Eine Untersuchung über Gynaekokratie der alten Welt. 1861.

Baerenbach, Fr. Die Socialwissenschaften. Lpzg. 1882.

Bagehot, Walter. Physics and Politics. London. 1873.

——— Lois scientifiques du développement des nations dans leurs rapports avec les principes de la sélection naturelle et de l'hérédité (франц. пер. предыдущаго соч.).

Bagnaux, J. de. Qu'est-ce que la liberté? (Phil. posit., 1868).

Bain. Logic.

Balicki, Sigismond. L'état comme organisation coërcitive de la société politique. 1896.

——— L'organisation spontanée de la société politique (Rev. int. de sociologie. 1895).

Barlet. Principes de sociologie synthétique.

Barr, H. Essais sur la science de l'histoire. La méthode statistique et la question des grands hommes à propos d'ouvrages récents (La nouvelle revue, 1890).

Barrier, F. Principes de sociologie. P. 1867.

Barth, Paul. Die Geschichtsphilosophie Hegel's und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann. 1890.

— Die sogenannte materialistische Geschichtsphilosophie (Jahrbüch. für Nationaloek. und Statistik. 1896).

——— Zu Hegels und Marx' Geschichtsphilosophie (Archiv für Geschichte der Philosophie. 1895).

Kritik der „Principles of Sociology“ von H. Spencer (Viertejahrschrift für wissenschaftliche Philosophie. XVI).

Bascom, John. Sociology. New-York. 1887.

Bastian, A. Der Mensch in der Geschichte. Leipzig. 1860.
——— Der Völkergedanke im Aufbau einer Wissenschaft vom Menschen. 1881.
Beaurin-Gressier. La science et l'art en sociologie (Rev. intern. de sociologie, 1897).
——— Les forces qui déterminent l'évolution sociale (Rev. int. de sociologie. 1896).
Bebel. Die Frau und der Socialismus (экон. матер.).
Belot. Science et pratique sociales d'après les publications récentes (Revue philos., 1895).
Below. G. v. Статья о книгѣ Штаммлера (Hist. Zeitschrift, 1897).
Bernardo, Domenico di. La publica administrazione e la sociologia.
Bernès Marcel. La sociologie. Son importance scientifique et sociale (Rev. de métaphysique et de morale. 1895).
——— Les deux directions de la sociologie contemporaine. 1891.
——— Programme d'un cours de sociologie générale (Rev. int. de sociologie 1895—1896).
——— Quelques réflexions sur l'enseignement de la sociologie (Rev. int. de sociologie. 1895).
——— Sociologie et morale. Paris. 1897.
——— Sur la méthode de la sociologie (Revue philosophique. 1895).
Bernheim. Lehrbuch der historischen Methode. 1889 и 1894.
——— Geschichtsforschung und Geschichtsphilosophie. 1880.
Bersot, Ernest. De la philosophie sociale.
Bertolini, Angelo. Egoismo individuale ed egoismo di specie nella vita sociale. 1892.
Bertrand, Alexis. Leçon d'ouverture d'un cours municipal de sociologie. Lyon. 1892.
Beudant, Ch. Le droit individuel et l'état. 2 éd. P. 1891.
Beulot. La logique sociale d'après Tarde (Rev. philosoph., 1896).
Bibliographia sociologica, publiée par l'office international de bibliographie de Bruxelles.
Blackmar, The story of human progress. 1897.
Blondel. Les sciences abstraites et les sciences concrètes (Phil. posit., 1882).
Boccardo, G. L'economia politica e la sociologia. 1883.
——— Le positivisme social (Phil. posit., 1881).
Bordier. La vie des sociétés. 1887.
Boucher, A. Darwinisme et socialisme.
Bouglé. Les sciences sociales en Allemagne. Les méthodes actuelles. P. 1896.
Bouillier. Y a-t-il une philosophie de l'histoire? (Rev. philosoph., 1886).
Bourdeau. Histoire et historiens. Essai critique sur l'histoire considérée comme science positive. 1888.
Bowne. The philosophy of H. Spencer. New-York. 1874
Bresson, L. Études de sociologie. Les trois évolutions intellectuelle, sociale, morale. 1888.
Bridges. Position of sociology among the sciences (Fortnightly Rewiew. 1878).
Brückner. Der Fortschritt in der Geschichte (Nord und Süd. 1885).
——— Zur Theorie der Geschichte (Nordische Rundschau. 1887).
——— Ueber Thatsachenreihe in der Geschichte. Dorpat. 1886.
Brütt, M. Der Positivismus, nach seiner ursprünglichen Fassung dargestellt und beurtheilt. Hamburg. 1889.

Brooks, A. The law of civilisation. New-York. 1897.
Bücher, Karl. Die Entstehung der Volkswirthschaft. 1893.
Buckle. History of civilisation in England. 1858.
Caird, Edward. The social philosophy and religion of Comte. Glasgow. 1885.
—— The Evolution of Religion. 2 vol. Glasgow. 1893.
Cartellieri, A. Evolution und Geschichte (Preuss. Jahrbücher, 1897).
Caspari. Urgeschichte der Menschheit mit Rücksicht auf die natürliche Entwickelung des frühesten Geisteslebens. 1873.
Chailley-Bert et A. Fontaine. Les lois sociales.
Chambrun, Comte de. Mes conclusions sociologiques. Paris. 1893.
Chrzanowski, T. Badania z historyozofii (1888—1891).
Caporali. Filosofia delle scienze sociali (La nuova scienza, 1891).
Chiapelli, A. Le premesse filosofiche del socialismo. Napoli. 1897 (Экономич. матер.).
Clavel. Questions sociologiques. Liberté et autorité (Philos. posit., 1882).
Collins, F. Howard. An epitome of the synthetic philosophy with a preface by H. Spencer.
Colajanni, N. Socialismo e sociologia criminale. Catania. 1884.
Colorado. Fundamentos de la sociologia. Plasencia. 1883.
Combes de Lestrade. Eléments de sociologie. P. 1889.
—— La langue de la sociologie (An. de l'Inst. intern. de sociologie. II).
—— La sociologie et la politique (An. de l'Inst. intern. de sociologie. III).
Comte, Auguste. Cours de philosophie positive (1830—1842 и три позднѣйшихъ изданія).
—— Système de politique positive ou traité de sociologie instituant la religion de l'humanité. Paris. 1851—1854.
—— Synthèse subjective ou système universel des conceptions. propres à l'état normal de l'humanité (Système de logique positive). 1856.
—— Lettres d'A. Comte à John Stuart Mill. P. 1877.
—— System of positive polity or treatise upon sociology. 1875—1877.
Cosentini. Importanza della „Scienza Nuova" di Vico rispetto alla filosofia della storia ed alla sociologia moderna. 1895.
Coste, Ad. Les conditions sociales du bonheur et de la force.
Courcel-Seneuil. Études sur la science sociale.
—— Préparation à l'étude du droit.
Croce, Benedetto. Le teorie storiche del prof. Loria. Napoli. 1897.
—— Sulla concezione materialistica della storia (Osservazioni lette all' Ac. Pontaniana. Napoli, 1896).
— Il concetto della storia nelle sue relazioni col concetto dell' arte. Roma. 1896.
Crozier. Civilisation and progress. 1885.
Cunow. Sociologie, Ethnologie und material Geschichtsauffassung (Neue Zeit).
Dallemagne, Jules. Biologie et sociologie. 1897.
—— Principes de Sociologie (Bulletin de la société d'anthropologie de Bruxelles. 1886).
Danten. A. De la nature des choses (въ духѣ оргаи. соціологіи).
Dargun, L. Sociologische Studien. Leipzig. 1895.
—— Mutterrecht und Raubehe. 1883.
—— Mutterrecht und Vaterrecht. 1892.
—— Ursprung und Entwickelungsgeschichte des Eigenthums (Zeitschr. für vergleichende Rechtswissenschaft. 1892).

Darwin, Ch. The descent of man.
Dauriac, L. Idéalisme et positivisme d'après M. Fouillée (Rev. philos., 1897).
Dean. History of the civilisation. 1868—69 (въ дарвин. направленіи).
Delaunay. Le programme de sociologie. 1872.
Dénis, H. Deux conférences sur la sociologie. 1891.
De Marinis. Natura ed oggetto di sociologia (Rassegna critica di filosofia, 1890).
Demour, Massart et Vandervelde. L'évolution regressive en biologie et en sociologie. 1897.
Depasse, H. Transformations sociales.
Des Boisjoslins. Observations d'histoire comparée (Philosophie positive, 1883).
Dietzel, Carl. Die Volkswirtschaft und ihr Verhältniss zu Gesellschaft und Staat. Frankfurt a. M. 1864.
Doergens. Ueber das Bewegungsgesetz der Geschichte als Einführung in das Verständniss der Weltgeschichte. Leipzig. 1878.
Dippe. Das Geschichtsstudium mit seinen Zielen und Fragen. 1891.
Doherty. Philosophy of history and social evolution. 1874.
Dolci, P. Sintesi di scienza storica. 1887.
Donnat, Léon. La politique expérimentale. P. 1891.
Doormann, K. Ueber Gesetz und Gesetzmässigkeit (Programm des kgl. Gymnasiums zu Brieg, 1888).
Dorado, Pedro. La sociologie et le droit pénal (An. de l'Inst. int. de sociologie. I.).
Dreyfus, Camille. Evolution des mondes et des sociétés.
Droysen. Erhebung der Geschichte zum Rang einer Wissenschaft.
Du Bois-Reymond. Kulturgeschichte und Naturwissenschaft. 1878.
Dugas. Auguste Comte (Rev. philosoph., 1895).
Duguit, Léon. Les fonctions de l'état moderne. Études de sociologie juridique (Rev. int. de sociologie. 1894).
——— Un séminaire de sociologie (Rev. int. de sociologie. 1893).
——— Le droit constitutionnel et la sociologie (Rev. intern. de l'enseignement supérieur. 1889).
Durkheim. Elements de sociologie. 1889.
——— De la division du travail social. P. 1893.
——— Les règles de la méthode sociologique. 1895.
——— Le suicide. Étude de sociologie. Paris. 1897.
——— Les études de science sociale (Rev. philosoph., 1886).
——— Cours de science sociale. Leçon d'ouverture d'un cours de science sociale à la faculté des lettres de Bordeaux. P. 1888.
Ecker. Der Kampf um's Dasein in der Natur und im Völkerleben. Konstanz. 1871.
Engels, Fr. Herrn E. Dühring Umwälzung der Wissenschaft.
——— Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staates. 1884.
——— Ueber den historischen Materialismus (Neue Zeit, 1893).
Espinas. Les études sociologiques en France (Revue philosophique. 1882).
——— Sociétés animales. 1882.
——— Etudes nouvelles de psychologie comparée (Rev. philosoph., V).
Eucken, Rudolf. Zur Würdigung Comte's und des Positivismus (Zeller gewidm. Aufsätze. Lpzg. 1887).

—— Comte und der Positivismus. Jena. 1887.
Etienne. Le positivisme dans l'histoire (Revue des deux mondes. 1868).
F. K. Nasza historyozofia (Ateneum, 1876).
Felix. Entwickelungsgeschichte des Eigenthums.
—— Der Einfluss der Natur auf die Entwickelung des Eigenthums. 1885.
Ferguson, J. H. The philosophy of civilization. A sociological study. 1889.
Ferneuil. Nature et fin de la société.
Fairbanks, Arthur. Classification of social phenomena.
Faure, Fernand. La sociologie dans les facultés de droit de France (Rev. int. de sociologie. 1893).
Federici. Le leggi de progresso. Roma. 1882 (франц. пер.).
Ferrari, Celso. La nazionalità e la vita sociale. 1896.
—— La sociologia ed il diritto internazionale. 1896.
—— Il materialismo storico e lo stato (Nuova Antologia. 1896).
Ferraz. Étude sur la philosophie en France au XIX s. Le socialisme, le naturalisme et le positivisme. 1878.
Ferri, Enrico. La sociologie criminelle. 1893.
—— Socialismo e scienza positiva. Darwin, Spencer, Marx. Roma. 1894.
—— Sociologie et socialisme (An. de l'Inst. int. de sociologie. I.).
Ferron. Théorie du progrès. P. 1867.
Fiamingo, Giuseppe. Sociology in Italy (Am. journ. of sociology. 1895).
—— Une loi sociologique (Rev. int. de sociologie. 1894).
Fischer, E. L. Ueber das Gesetz der Entwickelung auf psychisch-ethischem Gebiet. 1875.
Fischer. K. Ist eine Philosophie der Geschichte wissenschaftlich erforderlich, bzw. möglich? (Programm des Gymnasiums zu Dillenburg, 1889).
Flint. The philosophy of history in Europe. 1874 (франц. пер.).
Fouillée, Alfred. Idée moderne du droit.
—— La science sociale contemporaine 1880.
—— Le mouvement positiviste et la conception sociologique du monde. 1896.
—— Les études récentes de sociologie (Rev. int. de sociologie. 1895).
—— L'évolutionnisme des idée-forces. 1893.
—— Psychologie des idées-forces. 1891.
—— Vues synthétiques sur la sociologie (Rev. philosoph., IX).
Fragapane, S. Contrattualismo e sociologia contemporanea. 1892.
Frantz, C. Vorschule zur Physiologie der Staaten. Lpzg. 1869.
—— Die Naturlehre des Staates als Grundlage aller Staatswissenschaft. 1870.
Freeman. Comparative politics. 1873.
Frisange, E. de. M. Léon Say et la sociologie (Rev. int. de sociologie. 1896).
Froude. The science of history (Short studies on great subjects, 1867).
Fulcomer, Daniel. Instruction in sociology in institutions of learning. 1958.
Funck-Brentano. La civilisation et ses lois. 1876.
—— La science sociale. 1897.
Giddins. The theory of Sociology.
—— The principles of sociology. 1896 (франц. пер.)
—— The theory of socialization. A Syllabus of sociological principles. New-York. 1897.
—— Sociology as a University Study (Political Science quarterly. 1891).
—— The province of Sociology (Annals of the American Academy of political and social science. Vol. I. Philadelphia. 1890).

Gaupp, O. Darwinismus wider Socialismus (Gegenwart, 1893).
Giraud-Teulon. Les origines de la famille. Genève. 1874.
Golberg, Mécislas. L'origine des races et de la division du travail (An. de l'Inst. int. de sociologie. II).
Gore. The scientific basis of national progress including that of morality. 1882.
Gothein, E. Die Aufgaben der Kulturgeschichte. Lpzg. 1889.
——— Gesellschaft und Gesellschaftswissenschaft (Handwörterbuch der Staatswissenschaften).
Gramegna. Progresso e bisogni. 1894.
Grasserie, Raoul de la. De la forme graphique de l'évolution (Rev. int. de sociologie. 1895).
——— De la structure politique de la société (Rev. int. de sociologie. 1896).
——— Des causes efficientes et téléologiques dans les faits linguistiques et juridiques (Rev. phil., 1897).
Groppali, Alessandro. Il presente momento storico della sociologia.
——— I caratteri del fenomeno sociale.
——— La scuola analogico-organica nella sociologia.
——— Un proposito di una recente publicazione sul materialismo storico. 1897.
Grosse, E. Die Formen der Familie. Freiburg. 1896.
Greef, Guillaume. Introduction à la sociologie. Bruxelles. 1886.
——— Lois sociologiques. 1893,
——— Le transformisme social. 1895.
Gruber, Hermann, S. J. August Comte, der Begründer des Positivismus, sein Leben und seine Lehre. Freiburg i. B. 1889.
——— Der Positivismus vom Tode Aug. Comtes bis auf unsere Zeit (1857—1891). Freiburg i. B 1891.
Grupp, G. System und Geschichte der Cultur. 1892.
Guarin de Vitry. Sociologie abstraite (Rev. philosoph., I).
——— Esquisse d'un traité de sociologie (Phil. posit., 1874).
——— Considération sur la constitution de la science sociale (Phil. posit., 1876).
——— Questions de sociologie (Phil. posit., 1877).
Gumplowicz, Ludwig. Der Rassenkampf. Sociologische Untersuchungen. 1883.
——— Philosophisches Staatsrecht. 1877.
——— Die sociologische Staatsidee. Gratz. 1892.
——— Grundriss der Sociologie. Wien. 1885 (франц. пер.).
——— Sociologie und Politik. Leipzig. 1892.
——— Un programme de sociologie (An. de l'Inst. int. de sociologie. I. 1895).
H. C. Darwinismus contra Socialismus (Neue Zeit. 1890).
Haffner. Der Materialismus in der Culturgeschichte. Mainz, 1865.
Hansen, G. Die drei Bevölkerungsstufen. 1889 (Противъ экон. матер.).
Haurion, Maurice. La science sociale traditionnelle. P. 1896.
——— Réponse à un docteur en droit sur la sociologie (Rev. int. de sociologie. 1894).
Harcourt. Quelques réflexions sur les lois sociales. 1886.
Harrison, F. The meaning of history. London and New-York. 1894.
Hearn. The aryan haushold. London. 1878.
Hellwald. Der Kampf ums Dasein im Menschen- und Völkerleben (Ausland. 1872, №№ 5 и 6).
——— Culturgeschichte in ihrer natürlichen Entwickelung. 1875 (Новое изд. 1890).

Henne-Am-Rhyn. Die Kulturgeschichte im Lichte des Fortschrittes. Leipzig. 1869.
——— Die culturgeschichtliche Literatur der letzten zwanzig Jahre (Unsere Zeit, 1876).
——— Culturgeschichtliche Werke der neuesten Zeit (Unsere Zeit, 1885).
Kulturgeschichtliche Werke der neuesten Zait (Unsere Zeit, 1885).
Hinneberg. Die philosophischen Grundlagen der Geschichtswissenschaft (Hist. Zeitschrift. 1890).
Hinze, O. Ueber individualistische und kollektivistische Geschichtsauffassung (Hist. Zeitschrift. 1897).
Hildenbrand, R. Recht und Sitte auf den verschiedenen wirthschaftlichen Culturstufen. Jena. 1896.
Hirszband. Synteza badań filozoficznych nad dziejami ludźkości (Ateneum. 1884).
Hobson, John. Mr. Kidd's Social evolution (Am. Journ. of sociology. 1895).
Hoffmann. Der Einfluss der Natur auf die Culturentwickelung der Menschen, 1885.
Honegger. Katechismus der Culturgeschichte. 1879 (новое изд. 1889).
——— Allgemeine Kulturgeschichte. 1882.
Houssay. Sociabilité et morale chez les animaux (Rev. philosoph., 1893).
Houten, S. van. Das Kausalitätsgesetz in der Socialwissenschaft. Harlem. 1888.
Howerth. A programme for social study (Am. Journ. of Sociology. 1897).
——— Present condition of sociology in the United States (American Academy. 1894).
Huxley, Th. H. Sociale Essays. 1897 [1]).
Izoulet. La cité moderne. 1894.
Jacoby. Études sur la sélection dans ses rapports avec l'hérédité chez l'homme. 1881.
Janet, Paul. Les origines de la philosophie d'Auguste Comte — Saint-Simon (Revue des deux mondes. 1887).
Jansen. Die Idee des Fortschritts in der Universalgeschichte. 1863.
Javary. De l'idée de progrès. P. 1851.
Jäger, G. Die Darwin'sche Theorie und ihre Stellung zu Moral und Religion. Stuttgart. 1869.
Jhering, Rudolph. Kampf um's Recht. 1872.
——— Ziel im Recht. 1877—1883.
Jentsch. Die materialistische Geschichtskonstruction und das Christenthum. (Die Zeit. № 48 и 49).
Jodl. Die Kulturgeschichte, ihre Entwickelung und Probleme. 1878.
Kalousek, J. Historie a materialismus (Čas. česk. mus., 1883).
Kautsky. Ein materialistischer Historiker (Neue Zeit).
——— Was will und kann die materialistische Geschichtsauffassung leisten? (ibid., 1896—97).
——— Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft. 1880.
——— Entstehung der Ehe und Familie.
Kidd, Benjamin. Social evolution. London. 1895.
— —

[1]) Отмѣчаемъ статьи: Naturliche und politische Rechte. — Der Daseinskampf in der menschlichen Gesellschaft. — Ethik und Entwickelung.

Klebs, F. Eine französische Geschichtstheorie (Hist. Zeitschrift, 1897).
Knies, Carl. Die politische Ökonomie vom geschichtlichen Standpunkte. 2 Aufl. Braunschweig. 1883.
Kovalevsky, Maxime. Les origines du devoir (Rev. int. de sociologie. 1894).
——— Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété. Stokholm. 1890.
Krause, Gerhard. Die Entwickelung der Geschichtsauffassung bis auf Karl Marx. B. 1891.
Krauz. La loi de la rétrospection révolutionnaire, vis-à-vis de la théorie de l'imitation (An. de l'Inst. int. de sociologie. II.).
——— Un sociologue polonais St. Krusinski (An. de l'Inst. intern. de sociologie. III).
Kriecken. Ueber die organische Staatstheorie. 1873.
——— Ueber die Begriffe Gesellschaft, Gesellschaftsrecht und Gesellschaftswissenschaft. 1882.
Krohn. Beiträge zur Kenntniss und Würdigung der Sociologie (Jahrb. für Nationalökon. u. Statistik. 1880).
Krusinski, Stanisław. Szkice socyologiczne. Warszawa. 1891—1892.
Labriola, L. Del materialismo storico. Roma. 1896.
——— Essai sur la conception matérialiste de l'histoire. 1897.
——— Die Probleme einer Philosophie der Geschichte. 1888.
Lacombe. Histoire considérée comme science. 1894.
Lafargue, Paul. L'idéalisme et le matérialisme dans la conception de l'histoire.
——— Le matérialisme économique de Charles Marx (нѣм. переводъ).
Lampertico, Federico. Transformismo e sociologia. 1884.
Lamprecht, K. Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft. Berlin. 1896.
——— Was ist Kulturgeschichte? (Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft).
——— Der Ausgang des geschichtwissenschaftlichen Kampfes (Die Zukunft. 1897).
——— Zum Unterschiede der älteren und jüngeren Richtungen der Geschichtswissenschaft (Hist. Zeitschrift, 1896). Съ возраженіемъ Meinecke.
——— Die gegenwärtige Lage der Geschichtswissenschaft (Die Zukunft. 1896).
Lapie. L'année sociologique (Rev. de métaphysique. 1895).
Lapouge, G. de. Transmutation et sélection par éducation (Rev. int. de sociologie. 1895).
——— Le darwinisme dans la science sociale (Rev. int. de sociologie. 1893).
——— Les sélections sociales. 1896.
——— Lois de la vie et de la mort des nations (Rev. int. de sociologie. 1894).
Laveleye. De la propriété et de ses formes primitives. P. 1874.
Lavollée. La morale dans l'histoire. Etude sur les principaux systèmes de philosophie de l'histoire. Paris, 1892.
Lazarus. Einige synthetische Gedanken zur Völkerpsychologie (Zeitschr. für Völkerpsych. 1862).
——— Ueber die Ideen in der Geschichte (ibid. 1861).
——— und Steinthal. Einleitende Gedanken über Völkerpsychologie (ibid. 1861).
Le Bon, G. Les lois psychologiques de l'évolution des peuples.
——— L'homme et les sociétés, leurs origines et leur histoire. 1881.
——— La psychologie des foules. 1895.

Letourneau, Charles. La sociologie d'après l'ethnographie. 1880.
——— L'évolution de la morale. 1887.
——— L'évolution du mariage et de famille. 1888.
——— L'évolution de la propriété. 1889.
——— L'évolution juridique dans les diverses races humaines. 1891.
——— L'évolution littéraire dans les diverses races.
——— L'évolution politique dans les races humaines.
——— La guerre dans les diverses races humaines.
——— L'évolution de l'esclavage dans les diverses races humaines.
Lewes, G. H. Comte's philosophy of the positive sciences. 1847.
——— Auguste Comte. 1865.
Lewis, George Cornewall. A treatise on the methods of observation and reasoning in politics. London. 1852.
Lexis. Zur Theorie der Massenerscheinungen im Gesellschaftsleben. 1877.
Lietz, Hermann. Die Probleme im Begriff der Gesellschaft bei Aug. Comte. Dresden. 1886.
Lilienfeld, Paul von. Gedanken über die Socialwissenschaft der Zukunft. 1873 sq. T. I. Die menschliche Gesellschaft als realer Organismus. T. II. Die socialen Gesetze. T. III. Die Sociale Psychophysik. T. IV. Die Sociale Physiologie. T. V. Versuch einer natürlichen Theologie.
——— La méthode d'induction ou méthode organique, appliquée à l'étude des phénomènes sociaux (An. de l'Inst. intern. de sociologie. I).
——— La methode graphique en sociologie (An. de l'Inst. intern. de sociologie, III).
——— La pathologie sociale. 1896.
——— L'organismo sociale e un superorganismo?
——— Y a-t-il une loi de l'évolution des formes politiques? (An. de l'Inst. int. de sociologie. II. 1896).
Limanowski, Boleslas. La classification des sciences et la sociologie (Rev. int. de sociologie. 1894).
Limousin. L'économie politique et le socialisme devant la sociologie (An. de l'Inst. intern. de sociologie, III).
Lindner. Ideen über die Psychologie der Gesellschaft. 1872.
Lippert. Allgemeine Geschichte des Priesterthums. 1883.
——— Die Geschichte der Familie. 1884.
——— Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau. 1885—1887.
Littré, E. Analyse raisonnée du cours de philosophie positive. 1845.
——— Application de la philosophie positive au gouvernement des sociétés. 1849.
——— Conservation, révolution, positivisme. 1852.
——— Auguste Comte et la philosophie positive. 1863.
——— Principes de philosophie positive. 1868.
——— De la condition essentielle qui sépare la sociologie de la biologie (Philos. posit., 1868).
——— De l'histoire de la civilisation en Angleterre par Buckle (Philos. posit., 1868).
——— De la méthode en sociologie (Phil. posit., 1870).
——— Plan d'un traité de sociologie (Phil. posit., 1872).
——— Le droit et la philosophie positive (Phil. posit., 1878).
Lorenz, O. Die Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen und Aufgaben. Berlin. 1886.

——— Die materialistische Geschichtsauffassung. 1897.
——— Die bürgerliche und die naturwissenschaftliche Geschichte (Hist. Zeitschrift. XXXIX).
Loria, Achille. La theoria economica della costituzione politica.
——— Bases économiques de la constitution sociale. P. 1893 (нѣм. пер.).
——— Le darwinisme social (Rev. int. de sociologie. 1896).
Lo Savio, N. L'economia sociale con riguardo ai dati della sociologia contemporanea.
Lubbock. Origin of Civilisation and primitive condition of man. London. 1870.
Mackensie, J. S. Introduction to the social philosophy. New-York. 1895.
Mac-Lennan. Primitive Marriage. London. 1865.
Maine, Sumner. Ancient Law. London. 1871.
——— Lectures on the early history of institutions. London. 1875.
Majorana, Angelo. Teoria sociologica della costituzione politica. 1895.
——— I primi principii della sociologia. Roma. 1891.
Martineau, miss Harriett. The positive philosophy of A. Comte freely translated and condensed. London. 1874 (франц. пер.).
Mandello, Jules. Essai sur la méthode des recherches sociologiques.
Marx, Karl Zur Kritik der politischen Oekonomie. 1859.
Masaryk. Versuch einer concreten Logik. Classification und Organisation der Wissenschaften. 1887.
——— Theorie dějin dle zásad T. H. Buclea. Praha. 1884.
Maurenbrecher, W. Ueber die Objectivität des Historikers (Hist. Taschenbuch, 1882).
Maury, L. Essai sur les origines de l'idée du progrès. 1891.
Mayo-Smith. Statistics and Sociology. New-York. 1895.
Mayr. Die Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben. München. 1877.
——— Statistik und Gesellschaftslehre. 1895.
Mazel, Henri. La synergie sociale. P. 1896.
Metchnikoff, L. La civilisation et les grands fleuves historiques. 1889.
Meil. Die vergleichende Rechtswissenschaft (Zukunft. 1894).
Mehring. Ueber den historischen Materialismus (въ приложении къ книгѣ Lessings-Legende. 1893).
Menger, Carl. Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der politischen Oekonomie insbesondere. Leipzig. 1883.
——— Die Irrthümer des Historismus in der deutschen Nationalœkonomie. Wien. 1884.
Michel, Henri. L'idée de l'état. Essai critique sur l'histoire des théories sociales et politiques en France depuis la révolution. P. 1896.
Mill, John Stuart. System of logic.
——— Essays on some unsettled questions of political Economy.
——— Auguste Comte and the positivism. 1865.
——— On liberty.
Mismer. Principes sociologiques (Phil. posit., 1882).
Morgan, H. Lewis. Ancient Society or Researches in the lines of human progress from savagery through barbarism to civilisation. 1877.
——— System of consanguinity. London. 1871.
Morselli, E. Carlo Darwin ed il darwinismo nelle scienze. Milano. 1892.
Moses. Nature of sociology (Journ. of political economy. 1894)
Mougeole. La vie des sociétés.

——— La statique des civilisations.
——— Les problèmes de l'histoire. Paris. 1886.
Mucke. Horde und Familie in ihrer urgeschichtlichen Entwickelung. Stuttgart. 1895.
Nitti, Francesco. La population et le système social.
Novicow, J. La politique internationale. P. 1886 (съ дарвинистической точки зрѣнія).
——— Essai de notation sociologique (Rev. int. de sociologie. 1895).
——— La croissance et la décroissance des sociétés en fonction du temps (Rev. int. de sociologie. 1894).
——— La justice et le darwinisme (An. de l'Inst. int. de sociologie. I).
——— Les luttes entre les sociétés humaines et leurs phases successives. Paris. 1893.
——— Conscience et volonté sociales.
——— La théorie de Darwin et la justice (Rev. scient., 1893).
Odin. Genèse des grands hommes. 1895.
Orth. Versuch einer Theorie der historischen Wissenschaft. Rostock, 1869.
Pareto, V. Il compito della sociologia fra le scienze sociali (Riv. ital. di sociologia. 1897).
Passy, H. Des formes du gouvernement et des lois qui les régissent.
Patten. The failure of biological sociology (American Academy. 1894).
——— The organic concept of society (ibid., 1894).
——— The theory of social forces. Philadelphia. 1896.
Pawiński. Kilka słów o Bucklu. 1867.
Pellarin. Qu'est-ce que la civilisation? 1868.
Perès. Coenologie ou philosophie de l'humaine société. P. 1871—72.
Pichard, P. Etude de la sociologie par H. Spencer (Philos. posit., 1875).
Piche, Albert. De la place de la sociologie dans les connaissances humaines. P. 1893.
Pilo, A. I gruppi sociali umani e la legge di loro evoluzione. Genova. 1897.
Pioger. La vie sociale, la morale et le progrès. 1894.
——— Théorie organique de la vie sociale (Rev. int. de sociologie).
Poëy. Le positivisme. 1876.
——— M. Littré et Auguste Comte. 1879.
Plechanow. Holbach, Helvetius und Marx. Beiträge zur Geschichte des Materialismus. 1896 (экономическій матеріализмъ).
——— Zu Hegel's sechzigsten Todestag (Neue Zeit. 1891. Экон. матер.).
Posada, Adolfo. La sociologie et l'anarchisme (An. de l'Inst. int. de sociologie. I).
——— Les sociétés animales et les sociétés humaines primitives (An. de l'Inst. intern. de sociologie. III).
——— Theorias modernas del origen de la familia, de la sociedad y del estado. Madrid. 1892 (франц. пер.).
——— Principios de derecho politico. Madrid. 1884.
Post, A. H. Das Naturgesetz des Rechts. 1867.
——— Einleitung in eine Naturwissenschaft des Rechtes. 1872.
——— Der Ursprung des Rechtes. 1876.
——— Die Anfänge des Staats- und Rechtslebens. 1878.
——— Bausteine für eine allgemeine Rechtwissenschaft auf vergleichend ethnologischer Basis. Oldenburg. 1880—81.

——— Aufgaben einer allgemeinen Rechtswissenschaft. 1892.
——— Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz. 1895.
——— Die Geschlechtsgenossenschaft der Urzeit und die Entstehung der Ehe. 1875.
Powers. Terminology and the sociological conferences (American academy. 1895).
Protopopescu, C. Sociologia si dreptul.
Puglia, F. La causalité en sociologie (An. de l'Inst. intern. de sociologie. III).
Quade, Th. Die Geschichte in ihrem Verhältniss zur Statistik und Philosophie (Programm des kgl. Gymnasiums zu Inowrazlaw, 1878).
Quételet, Adolphe. Du système social. Paris. 1848.
——— Physique sociale. Paris. 1869.
Rachfall, F. Статья о брошюрѣ Лампрехта: Alte und neue Richtungen (Preuss. Jahrbücher, 1896).
Rappoport. Zur Characteristik der Methode und Hauptrichtungen der Philosophie der Geschichte. Bern. 1896.
Rassegna di sociologia e scienze affini [1].
Ratzinger, G. Die Volkswirthschaft in ihren sittlichen Grundlagen. Ethisch-sociale Studien über Cultur und Civilisation. 1881.
Reich, Ed. Studien über die Volksseele. Jena. 1876.
——— Die Abhängigkeit der Civilisation von der Persönlichkeit des Menschen und von der Befriedigung der Lebensbedürfnisse. 1883.
Reichesberg, N. A. Quételet. Bern 1896. (Есть нѣсколько страницъ о значеніи Кетле для соціологіи).
Reid. The law of history. 1875.
Renouvier, Ch. Introduction à la philosophie analytique de l'histoire.
Rest, M. van der. La sociologie. Bruxelles. 1888.
——— Enseignement des sciences sociales. Bruxelles. 1889.
Revel, H. Evolution économique de l'humanité (Phil. posit., 1872).
Revista de Derecho y de Sociologia. Madrid. 1895 sq.
Revue internationale de sociologie, publiée par Worms. P. 1893 sq. [2].
Richard. Le socialisme et la science sociale. 1897.
——— La sociologie ethnographique et l'histoire (Rev. philosoph., 1895).
Rickert. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. Eine logische Einleitung in die historischen Wissenschaften. 1896.
Rig, Jules. La philosophie positive par Aug. Comte, résumée. P. 1880.
Rigolade, Emile. La sociologie par Auguste Comte. P. 1897 (новое изданіе предыдущаго труда).
Ritti, A. M. E. Vacherot et la loi des trois états (Phil. posit., 1881).
Rivista di Sociologia. Roma. 1894 sq.
Roberty, E. de. Comte et Spencer.
——— La sociologie. P. 1881.
——— Notes sociologiques (Philos. positive, 1876 sq.).
——— Le psychisme social. 1897.
Robertson, John M. Buckle and his critics. 1896.

---

[1]) Только что начавшее выходить прибавленіе къ журналу „Il pensiero italiano".

[2]) Многія статьи, помѣщенныя въ этомъ журналѣ, вышли въ свѣтъ и отдѣльными брошюрами.

Robinet. Notice sur l'œuvre et la vie d'Auguste Comte. 3 édit. Paris. 1891.
Rocholl. Die Philosophie der Geschichte. 1878 и 1893.
Rogers, Thorold. Economic interpretation of history (франц. пер.)
Royer, m-me Clémence. Origine de l'homme et des sociétés. Paris. 1870.
Rolando, A. Intorno all' indole ed al metodo della storia (Annuario della Ac. scientifico-litter. di Milano, 1895—96).
Romanes, G. Mental evolution in man. Origine of human faculty. 1881.
Ross, E. A. Social control (Am. Journ. of sociology. 1896).
Roscher, Wilhelm. Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswirthschaft nach geschichtlicher Methode. Göttingen. 1843.
Rümelin, G. Ueber den Begriff eines socialen Gesetzes (Reden und Aufsätze, 1875).
——— Ueber Gesetze der Geschichte (Reden und Aufsätze. Neue Folge, 1881).
Sales y Ferré, Tratado de sociologia.
Salvadori, C. Sociologia e sue applicazioni. Milano, 1885.
Santa Maria de Paredes. El concepto de organismo social. 1896.
Sasse, E. Das Zahlengesetz in der Völkerreizbarkeit, eine Anregung zur mathematischen Behandlung der Weltgeschichte. Brandenburg. 1877.
——— Das Zahlengesetz in der Weltgeschichte (Vom Fels zum Meer, 1887—1888).
Schäfer. Das eigentliche Arbeitsgebiet der Geschichte. Jena. 1888.
——— Geschichte und Culturgeschichte. 1891.
Schäffle, Albert. Bau und Leben des socialen Körpers. Tübingen. 1875 sq.
——— Ueber die Entstehung der Gesellschaft nach den Anschauungen einer sociologischen Zuchtwahltheorie (Vierteljahrschrift für wissensch. Philosophie, 1877).
——— Ueber Recht und Sitte vom Standpunkt der sociologischen Erweiterung der Zuchtwahltheorie (ibid. 1878).
Schilder, Sigmund. Ueber Bedeutung des Genies in der Geschichte. Leipzig. 1894.
Schitlowsky. Beiträge zur Geschichte und Kritik des Marxismus (Deutsche Worte, 1895—96).
Schlosser, G. Fortschritt und Fortentwickelung im Kulturleben. 1887.
Schmidt, Conrad. Ein neues Buch über die materialistische Geschichtsauffassung (Der sozialistische Akademiker. 1896, №№ 7 и 8).
Schmidt-Warneck, J. Social, socialistisch, sociologisch. Braunschweig. 1891.
——— Die Sociologie im Umriss ihrer Grundprincipien. Braunschweig. 1889.
Schömning. Ueber die Gesetze der Culturentwickelung. 1869.
Schröder, E. Das Recht der Wirthschaft. 1896.
Sdralek. Die Stellung der Geschichte zur Philosophie und Naturwissenschaft. Rektoratsrede. Münster, 1887.
Sharp M'Kechnie. The state and the individual. Glasgow. 1896.
Siciliani. La scuola popolare nella sociologia moderna. Genova. 1882.
——— Socialismo, darvinismo e sociologia moderna. Bologna. 1885.
——— Die Nothwendigkeit einer soc.-pol. Propädeutik. 2 Aufl. Berlin. 1885.
Sidgwick. The historical method (Mind. 1886).
Sighele. La foule criminelle. Essai de psychologie collective. 1892.
Simmel, Georg. Die Probleme der Geschichtsphilosophie. Lpzg. 1892.
——— Influence du nombre des unités sociales sur les caractères des sociétés (An. de l'Inst. int. de sociologie. I).
——— Le problème de la sociologie (Rev. de métaphysique et de morale. 1894).

——— Problem of sociology (American Academy. 1895).
——— Superiority and subordination as subject-matter of sociology (Am. journ. of sociology. 1896).
——— Ueber sociale Differenzirung. 1890.
——— Zur Methodik der Socialwissenschaft (Schmollers Jahrbuch).
——— Zur Sociologie der Familie (Sonntagsbeilage der „Vossischen Zeitung“, 7 Juli 1895).
——— Massenpsychologie (Die Zeit. 1895).
——— Einleitung in die Moralwissenschaft.
Simiaud, F. L'année sociologique française de 1896 (Revue de métaphysique et de morale. 1897).
Sitta, Pietro. Le regolarità dei fenomeni sociali.
Small, Albion W. An introduction to thy study of society. 1894.
——— Sociology and economics (Journal of political economy. 1895).
——— Static and dynamic sociology (Am. journ. of sociology. 1895).
——— The organic concept of society (American Academy. 1895).
Small and Wincent. An introduction to the study of sociology. New-York. 1894.
Smolikowski, S. Krytyczny obraz nowszych badań historyozoficznych (Bibl. warsz.. 1881).
Sobek, Fr. Dějepis a psychologie kde a jak se stýkají (Progr. realného gymnasia v Chrudimi, 1879—80).
Sociologie. Traité de l'équilibre et du mouvement des sociétés. P. 1882.
Sommer, Hugo. Die positive Philosophie Auguste Comte's (Holtzendorff und Virchows Sammlung gemeinverst. wissenschaft. Vorträge, XX. Serie. Heft 480. Berlin. 1886).
Spencer. Social statics. 1851.
——— Essays, reprinted from periodicals. 1858—63 [1]).
——— First principles (1860—62).
——— The classification of sciences to which are added reasons for dissenting from the philosophy of M. Comte. 1864.
——— The principles of Biology (1863—67), Psychology (1855), Sociology (1876—96), Morality (1879—1897).
——— The study of sociology 1876.
——— Descriptive sociology.
——— The man versus the state. 1884.
——— The relations of biology, psychology und sociology (Appletons popular science monthly, 1896).
Springer, R. A. Comte und seine Philosophie (Deutsches Museum, 1867).
Stammler, Rudolf. Wirthschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung. Eine socialphilosophische Untersuchung. Lpzg. 1896.
Starke. Die primitive Familie in ihrer Entstehung und Entwickelung. 1888.
Steinthal. Philologie, Geschichte und Psychologie.
——— Begriff der Völkerpsychologie (Zeitschrift für Völkerpsychologie. 1887).
Steinmetz. Ethnologische Studien zur ersten Entwickelung der Strafe. Leipzig. 1894.

[1]) Важны статьи: The social organism, а также Progress, its law and causes.

—— Quelques mots sur la méthode de la sociologie (An. de l'Inst. int. de sociologie. II).
Steinhausen, G. Die Culturgeschichte und die deutschen Universitäten (Gegenwart, 1892).
—— Professoren der Culturgeschichte (Zeitschr. für Culturgeschichte, 1895).
Stern Einfluss der socialen Zustände auf alle Zweige des Culturlebens. 1889.
Strada, J. La loi de l'histoire. Constitution scientifique de l'histoire. 1891.
Tarde. Les traits communs de la nature et de l'histoire (Revue philosophique. 1882).
—— Darvinisme naturel et darwinisme social (Rev. philosoph., 1884).
—— La dialectique sociale (Rev. philosoph., 1888).
—— Catégories logiques et institutions sociales (Rev. philosoph., 1889).
—— Les lois de l'imitation. Etudes sociologiques. 1890.
—— La foule criminelle (Essai de psychologie collective). P. 1892.
—— Les transformations du droit. Étude sociologigue. 1893.
—— Les monades et la science sociale (Revue intern. de sociologie. 1893).
—— Le transformisme social (Rev. philosoph., 1895).
—— Sur l'idée de l'organisme social (Rev. philosoph., 1896).
—— Essais et mélanges sociologiques. 1895.
—— Logique sociale. 1895.
—— La sociologie élémentaire (An. de l'Inst. int. de sociologie. I).
—— Note sur les rapports de la biologie et de la sociologie (An. de l'Inst. intern. de sociologie. III).
Tche-k, O. Essay de Sociologie. Paris. 1884.
Texcira Bastos. Curso di philosophia positiva de A. Comte. 1883.
—— Comte o positivismo. 1881.
The american journal of Sociology, 1895 sq.
The science of history (Westminster Rewiew. 1881).
Thon, O. The present state of sociology in Germany (Am. journ. of sociology. 1897).
Toennies, Ferdinand. Erscheinungen der Sociologie aus den Jahren 1893 und 1894.
—— Gemeinschaft und Gesellschaft. Lpzg. 1887.
—— Historismus und Rationalismus (Arch. für system. Philosophie, I).
—— Herbert Spencer's sociologisches Werk (Philos. Monatshefte, XXV).
—— Werke zur Philosophie des socialen Lebens und der Geschichte (ibid., XXVIII—XXIX).
—— Neuere Philosophie der Geschichte: Hegel, Marx, Comte (Arch. für Gesch. der Philosophie, VII).
Tortori, Alfredo. La sociologia e il diritto commerciale.
Trezza. Il darwinismo e le formazioni storiche (Rivista di filosofia scientifica. 1882).
Tufts, J. H. Recent Sociological tendencies in France (Am. journ. of sociology, 1895).
Twesten, Carl. Die religiösen, politischen und socialen Ideen der asiatischen Kulturvölker. Berlin. 1872. (Во введеніи изложеніе философіи Конта).
—— Lehre und Schriften Aug. Comtes (Preuss. Jahrbüch. 1872).
Ueber die Auflösung der Arten durch natürliche Zuchtwahl. Oder die Zukunft des organischen Reiches mit Rücksicht auf die Culturgeschichte, von einem Ungenannten. Hannover. 1872.

Ulmann. Ueber wissenschaftliche Geschichtsdarstellung (Historische Zeitschrift, 1885).
Un docteur en droit. La sociologie et les facultés de droit (Revue intern. de sociologie. 1894).
Usinger. Thomas Buckle (Histor. Zeitschrift, 1888).
Vaccaro. La lotta per l'esistenza e i suoi effetti nel l'umanità. Roma. 1886.
Vadala-Papale. Darwinismo naturale e darwinismo sociale. Torino. 1882.
——— La sociologia, la filosofia de la storia, la filosofia del diritto. 1883.
——— Programma critico di sociologia. Perugia. 1880.
——— Prime linee di un programma critico di sociologia, Perugia. 1888.
Vanni, Icilio. La filosofia del diritto in Germania et la ricerca positiva.
Vida, J. La familia como celula. Madrid. 1887.
Vignes, Maurice. La science sociale d'après les principes de Le Play et de son école. 1897.
Villari. Filosofia positiva e il metodo storico (Saggi di storia, di critica et di politica. 1886).
——— La storia è una scienza? (Nuova Antologia. 1891. Нѣм. пер. 1892).
Vincent, G. E. The province of sociology. Syllabus of a course given by the author at the university of Chicaco in 1895 (Am. journ. of sociology. 1896).
Vorländner, K. H. Spencer's Sociologie (Zeitschr. für Philosophie und philosoph. Kritik. CVIII).
Waentig, H. Auguste Comte und seine Bedeutung für die Entwickelung der Socialwissenschaft. 1894.
Ward Lester. Dynamic Sociology or applied social science. New-York. 1883.
——— The physic factors of civilization. Boston. 1893.
——— Ethical aspects of social questions [1]).
——— Psychologic basis of Economics.
——— Social forces.
——— Social genesis.
——— Sociology and cosmology.
——— Sociology and biology.
——— Sociology and anthropology.
——— Sociology and psychology.
——— The data of sociology.
——— The mechanics of Society.
——— The place of sociology among the sciences.
——— The principles of sociology.
——— The pourpose of sociology.
Watson, John. Comte, Mill and Spencer. An outline of philosophy. Glasgow. 1895.
Weisengrün, Paul. Die Entwickelungsgesetze der Menschheit. 1888.
——— Verschiedene Geschichtsauffassungen. Lpzg. 1890.
Weryho. Marx als Philosoph. Bern. 1895.
Westermark. History of human marriage. London. 1891 (Нѣм. и франц. пер.)
——— Méthode pour la recherche des institutions préhistoriques (Rev. intern. de sociologie. 1897).
Whewell. Comte and positivism (Macmillan's Magazin, 1866).

[1]) Слѣдующія сочиненія Уорда помѣщены въ Amer. journ. of sociology.

White. On studies in general history and the history of civilization. New-York, 1885.
Windelband, W. Geschichte und Naturwissenschaft. Strassburg. 1894.
Winter, G. Geschichte und Politik (Vierteljahrschrift für Volkswirthschaft, Politik und Kulturgeschichte, 1889).
Winwood Read. The martyrdom of man. 1872 (дарвин.).
Wittaker, Th. A critical essay in the philosophy of history. 1891.
Worms, Emile. L'avenir économique des sociétés (An. de l'Inst. int. de Sociologie. I. 1895).
Worms, René. De natura et methodo sociologiae. 1894.
— — Organisme et société. 1896.
——— La sociologie (Rev. int. de sociologie. 1893).
——— Sur la définition de la sociologie (Rev. int. de sociologie. 1893).
——— Essai de classification des sciences sociales (Rev. int. de sociologie. 1893).
——— La sociologie et l'économie politique (Rev. int. de sociologie. 1894).
——— L'organisation scientifique de l'histoire (Rev. int. de sociologie. 1894).
——— La science et l'art en matière sociale (An. de l'Inst. int. de sociologie. I).
——— Un laboratoire de sociologie (Rev. int. de sociologie. 1895).
——— Une faculté des sciences sociales (Rev. int. de sociologie. 1895).
——— La sociologie et le droit (Rev. int. de sociologie. 1895).
——— Les diverses conceptions de la sociologie (An. de l'Inst. int. de sociologie. II).
——— La sociologie et la morale (An. de l'Inst. intern. de sociologie. III).
Wróblewska. Die gegenwärtige sociologische Bewegung in Frankreich mit besonderer Rücksicht auf G. Tarde (Arch. für Gesch. der Philosophie, 1896.
Wundt. Ueber Ziele und Wege der Völkerpsychologie (Philosophische Studien. 1888).
——— Vorlesungen über Menschen- und Thierseele (Старое изданіе, гдѣ говорится объ общественности).
——— Logik. 2 Bd. Methodenlehre. Stuttgart. 1883.
——— Ueber den Begriff des Gesetzes (Philosophische Studien. 1886).
Wyrouboff. La sociologie et sa méthode (Phil. posit., 1881).
Zibrt. Kulturní historie. Praha. 1892.
Ziegler, H. E. Die Naturwissenschaft und die socialdemokratische Theorie. Ihr Verhältniss dargelegt auf Grund der Werke von Darwin und Bebel. Stuttgart. 1894.
Zimmermann. Kant und die positive Philosophie (Sitzungsberichte der kais. Akademie der Wissenschaften, 1874).
——— Kant und Comte in ihrem Verhältniss zur Metaphysik. Wien. 1885.
Zitelmann. Der Materialismus in der Geschichtsschreibung (Preussische Jahrbücher, XXXVII).
Żychliński. Pogląd na historyczny rozwój idei postępu (Bibl. Warschawska. 1882).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Ан—скій, С. Идеализмъ и матеріализмъ въ исторіи (Нов. Слово, 1896).
А—н—. Изслѣдованія о первобытномъ человѣчествѣ (по поводу „Основаній соціологіи" Спенсера. Вѣстн. Евр., 1876).
Ардашевъ, П. Н. Психологія въ исторіи („Вопросы философіи и психологіи", 1895).
——— Исторія, какъ наука (Рус. Бог., 1896).
Астафьевъ, П. Е. Смыслъ исторіи и идеалы прогресса. 1885.
Бельтовъ, Н. Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. 1895.
Боборыкинъ, П. Попытка соціологической системы (Рус. Мысль, 1897).
Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи.
Б—скій, П. Нѣчто о діалектическомъ методѣ (Рус. Бог., 1895).
Булгаковъ, С. О закономѣрности соціальныхъ явленій (Вопросы философіи и психологіи, 1896).
——— Законъ причинности и свобода человѣческихъ дѣйствій (Нов. Слово, 1897).
В. В. Экономическій матеріализмъ на русской почвѣ (Нов. Слово, 1895).
В. К. Позитивизмъ въ русской литературѣ (Рус. Бог., 1889).
Вагнеръ. О значеніи общественности въ развитіи животныхъ организмовъ (Рѣчи и протоколы VI съѣзда естествоиспытателей. Спб. 1880).
Ватсонъ, Э. К. Огюстъ Контъ и позитивная философія (Этюды и очерки. 1892).
Виноградовъ, П. Г. Вліяніе рѣкъ на происхожденіе цивилизаціи (Сѣверн. Вѣст., 1892).
Вормсъ, Р. Общественный организмъ. 1897.
Вундтъ. Душа человѣка и животныхъ. 1868 (Первое изд. книги, гдѣ есть, большой отдѣлъ объ общественности, выпущенный изъ второго изданія).
——— Индивидуумъ и общество. Спб. 1896.
Гёксли, Ш. Эволюція и этика (Рус. Мысль, 1893).
Глинка. Наука о человѣческомъ обществѣ. 1873.
Гольцевъ, В. А. По поводу статьи г. Оболенскаго (Вопросы филос. и псих., 1896).
——— Объ экономическомъ матеріализмѣ (Рус. Мысль, 1896).
——— Историческая эволюція и психологическіе законы (тамъ же, 1895).
——— Соціологія на экономической основѣ (тамъ же, 1893).
——— Успѣхи общественныхъ наукъ (тамъ же, 1885).
Греефъ. Общественный прогрессъ и регрессъ. Спб., 1896.
Гротъ, Н. Я. Къ вопросу о классификаціи наукъ (Рус. Бог., 1881).
——— Опытъ новаго опредѣленія понятія прогресса. 1884.
Гумпловичъ, Л. Соціологія и политика. 1895.
Данилевскій, Н. Я. Россія и Европа. 1871.
Дебольскій, Н. Г. Цѣль и значеніе классификаціи наукъ (Книжн. Вѣст., 1866).
——— О діалектическомъ методѣ. Спб. 1872.
——— О высшемъ благѣ или о верховной цѣли нравственной дѣятельности. Спб. 1886.
Де-Роберти. Соціологія 1880.
Де-Турвиль. Соціальная наука представляетъ ли науку? Спб. 1895.
Д—овъ, Н. Психологія преступной толпы (Рус. Мысль, 1894).

Друммондъ. Прогрессъ и эволюція человѣка. 1896.
Жиро-Телонъ. Происхожденіе семьи. 1876.
З(иберъ), Н. Діалектика въ ея примѣненіи къ наукѣ (Слово, 1879).
Закъ, Л. Историческій матеріализмъ (Рус. Бог., 1895).
Залшупинъ, А. Органическая теорія общества по ученію Краузе и Аренса (Рус. Богат., 1892).
Залѣсскій. Сравнительный методъ въ исторіи и основные инстинкты (Дѣло, 1872).
Звѣревъ, Н. Основанія классификаціи государствъ въ связи съ общимъ ученіемъ о классификаціи. М. 1883.
Зиберъ, Н. И. Новая попытка въ области соціологіи (Юрид. Вѣстн., 1881).
——— Сравнительное изученіе первобытнаго права (тамъ же, 84).
——— Первобытная экономическая культура. 1883.
Зигель, О. О. Исторія права (Юрид. Вѣстн., 1884—1886).
И. Г. Соціологія и право (Рус. Мысль, 1897).
И. Н. К. Исторія, какъ наука (Рус. Мысль, 1895).
Ивановскій, В. В. Соціологія, какъ наука и какъ предметъ преподаванія во Франціи (Рус. Мысль, 1896).
Исаевъ А. О себялюбіи, какъ единственномъ двигателѣ въ общественной жизни (Сѣв. Вѣстникъ, 1894).
——— По вопросу о развитіи общества (тамъ же, 1896).
Іодль. Этика и политическая экономія. Спб. 1895.
Іорданскій, Н. Къ вопросу о теоріи общества (Рус. Бог., 1897).
Каблицъ, І. Основы народничества. Спб. 1888—1893.
Казанскій, С. П. Личный и общественный элементъ въ исторіи (Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній, т. VI. Спб. 1896).
Кантеревъ. Толпа и отдѣльная личность (Образованіе, 1893).
Карѣевъ, Н. Основные вопросы философіи исторіи. Три изданія (1883, 1887 и 1897).
——— Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. 1890.
——— Историко-философскіе и соціологическіе этюды. 1895 [1]).
——— Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. 1896.
——— Формула прогресса въ изученіи исторіи. Варшава. 1879.
——— Моимъ критикамъ (Защита книги „Основные вопросы философіи исторіи"). Варшава. 1884 [2]).
——— Личное начало и роковыя силы въ исторіи. Спб. 1889.
——— Философія исторіи и теорія прогресса (Знаніе. 1876).
——— Замѣтка объ обществахъ животныхъ (Юрид. Вѣст., 1882).
——— Къ вопросу о роли субъективнаго элемента въ соціальныхъ наукахъ (тамъ же, 1884).
——— Юриспруденція и теорія историческаго процесса (тамъ же, 1890).

[1]) Въ этой книгѣ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ соціологіи имѣютъ статьи: Теоретическіе вопросы исторической науки. — Философія, исторія и теорія прогресса. — Свобода воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса. — О субъективизмѣ въ соціологіи. — Общество и организмъ. — Экономическій матеріализмъ въ исторіи. — Идея прогресса въ ея историческомъ развитіи.

[2]) Въ этой книгѣ перечислены отдѣльные отвѣты автора его критикамъ, помѣщенные имъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ. См. также дополненіе къ названной книжкѣ: „Новые отвѣты критикамъ" (Рус. Бог., 1890).

——— Соціологія и соціальная этика (тамъ же, 1884).
——— Теорія культурно-историческихъ типовъ (Рус. Мысль, 1889).
——— Чѣмъ должна быть теорія прогресса (Рус. Бог., 1886).
——— Источники историческихъ перемѣнъ (тамъ же, 1892).
——— Новая попытка экономическаго обоснованія исторіи (тамъ же, 1894).
——— Новая историческая теорія (Сѣв. Вѣстн., 1890).
——— Задачи соціологіи и теоріи исторіи (Нов. Слово. 1897).
——— Политическая экономія и теорія историческаго процесса (Историч. Обозр., II).
——— Новый трудъ по теоріи исторіи (тамъ же, VIII).
——— Экономическій матеріализмъ и закономѣрность соціальныхъ явленій (Вопросы филос. и психологіи. 1897).
——— Програма соціологіи (Программы чтенія для самообразованія. Спб. 1895—1897).
Катковъ, В. Къ теоріи общества (Рус. Бог., 1897).
Каутскій. Очерки и этюды. 1895 [1]).
——— Возникновеніе брака и семьи. 1895.
Кетле, А. Соціальная система и законы, ею управляющіе. Спб. 1866.
——— Человѣкъ и развитіе его способностей, или опытъ общественной физики. Спб. 1865.
Киддъ, В. Соціальное развитіе. 1897.
Ковалевскій, М. М. Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и пріемы изученія права. 1880.
——— Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. 1895.
——— Соціологія и соціологи (Сборникъ въ пользу недостат. студ. Моск. унив. 1897).
——— Програма государственнаго права (Программы чтенія для самообразованія. Изд. 2. Спб. 1896).
——— Современный обычай и древній законъ. М. 1886.
——— О методологическихъ пріемахъ при изученіи ранняго періода въ исторіи учрежденій (Юрид. Вѣстн., 1878).
Козловъ, А. Тардъ и его теорія общества. 1886.
——— Разборъ „Историческихъ писемъ“ Миртова-Лаврова (Знаніе. 1871).
Коллинсъ. Философія Герберта Спенсера. 1892.
Коркуновъ, Н. М. Лекціи по общей теоріи права. 1883. (Есть и болѣе новыя изданія).
Крживицкій. Генезисъ идей (Міръ Божій, 1897. Эком. мат.).
Кудринъ, Н. На высотахъ объективной истины (Рус. Бог., 1895).
Л. Д. С. Взгляды Шеффле на общество (Рус. Мысль, 1892)
Лавдинскій. Новое направленіе въ исторической наукѣ (Ист. Вѣстн., 1893. Объ экон. мат.).
Лакомбъ. Соціологическія основы исторіи. 1895.
Леббокъ. Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка. Нравственное и общественное состояніе дикихъ народовъ. 1871.
Лебонъ. Психологія народовъ и массъ. 1896.
Левитскій, В. Ф. Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ. 1890.

[1]) Здѣсь помѣщены статьи: Общественные инстинкты въ мірѣ животныхъ. — Общественные инстинкты у людей. (Другія статьи не имѣютъ прямого отношенія къ соціологіи).

Лепскій. Случайность и необходимость въ исторіи (Дѣло, 1885).
——— Историческій прогрессъ (тамъ же).
Лесевичъ. Очеркъ развитія идеи прогресса (Соврем. Обозрѣніе, 1868).
——— Очеркъ развитія идеи прогресса (тамъ же, 1868).
——— Философія исторіи на научной почвѣ (Отеч. Зап., 1869).
——— Позитивизмъ послѣ Конта (тамъ же, 1869).
——— Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи. 1877.
Летурно. Соціологія на основаніи этнографическихъ данныхъ. 1896.
——— Эволюція собственности. 1889.
Липпертъ. Исторія культуры. 1894.
Л(иліенфельдъ), П. Мысли о соціальной наукѣ будущаго. 1872.
Лоскутовъ. Духовный прогрессъ и счастье. 1895.
Лучицкій. Отношеніе исторіи къ наукѣ объ обществѣ (Знаніе, 1875).
Льюисъ и Милль. Огюстъ Контъ и положительная философія. 1867.
Любовичъ, Н. Вопросъ о сущности историческаго процесса (Рус. Мысль, 1891).
М. Г. Парижскій соціологическій конгрессъ (Рус. Бог., 1895).
——— Старое и новое направленіе въ исторической наукѣ (Рус. Мысль, 1896)
Майръ Законосообразности въ общественной жизни. 1886.
Менгеръ. Изслѣдованія о методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности. 1894.
Мензбиръ. Общественная жизнь животныхъ (Юрид. Вѣст., 1882).
Милль, Спенсеръ и Уордъ. Огюстъ Контъ и позитивизмъ. 1897.
Милюковъ, П. Н. Исторіософія г. Карѣева (Рус. Мысль, 1887).
——— Очерки по исторіи русской культуры. 1896.
Миртовъ. Очерки вопросовъ практической философіи (Очеркъ теоріи личности). 1860.
——— Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе (Соврем. Обозр., 1868).
——— Историческія письма. 1870.
——— Опытъ исторіи мысли. 1876.
——— Цивилизація и дикія племена (Отеч. Зап., 1869).
——— Формула прогресса г. Михайловскаго (тамъ же, 1870).
——— До человѣка (тамъ же, 1870).
——— Единственный русскій соціологъ (Дѣло, 1879).
——— Соціологи-позитивисты (Знаніе, 1873).
——— Научныя основы исторіи цивилизаціи (тамъ же, 1872).
——— О методѣ въ соціологіи (тамъ же, 1874).
——— Очерки систематическаго знанія (тамъ же, 1875).
——— О методѣ въ соціологіи (тамъ же, 1873).
——— Теорія и практика прогресса (Слово, 1881).
Михайловскій, Н. К. [1]) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.
——— Что такое прогрессъ?
——— Борьба за индивидуальность.
——— Вольница и подвижники.
——— Герои и толпа.
——— Научныя письма.

[1]) Статьи Михайловскаго появлялись въ „Отеч. Зап.", „Сѣв. Вѣстн." и „Рус. Бог.", а потомъ издавались въ собраніяхъ сочиненій.

——— Органъ, недѣлимое, общество.
——— Патологическая магія.
——— Что такое счастье? [1])
——— Теорія Дарвина и общественная наука.
——— Идеалы человѣчества и естественный ходъ вещей.
——— Политическая экономія и общественная наука.
——— Герои и толпа.
——— Научныя письма (къ вопросу о герояхъ и толпѣ)
——— Еще о герояхъ.
——— Еще о толпѣ.
——— Литература и жизнь [2]).
——— Записки профана [3]).
——— Страшенъ сонъ да милостивъ Богъ (Рус. Мысль, 1886. Отвѣтъ на критику Слонимскаго).
Мичуринъ. Рычагъ прогресса (Рус. Богат., 1887).
Мокіевскій, П. В. Двѣ новыя работы школы Ле-Плэ (Рус. Бог., 1895).
Муромцевъ, С. А. Очерки общей теоріи гражданскаго права. 1877.
——— Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. 1879.
——— Соціологическіе очерки (Рус. Мысль).
Мэнъ. Древнее право. 1873.
——— Древнѣйшая исторія учрежденій. 1875.
П. Г. Научно-историческія теоріи и общественная дѣятельность (Нов. Слово, 1896).
Н. І. Психическіе факторы цивилизаціи (Рус. Бог., 1895).
Н К. Изъ Франціи (корреспонденція о второмъ конгрессѣ Международнаго Соціологическаго Института. въ Рус. Бог., 1895).
Николаевъ. П. Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. 1892 [4]).
Новгородцевъ. Историческая школа юристовъ. 1896.
Оболенскій, Л. Е. Организмъ и органическая теорія (Свѣтъ, 1879).
——— Нравственныя и общественныя чувства (тамъ же).
——— Теорія Мальтуса и дарвинизмъ (тамъ же).
——— Личность и прогрессъ (Мысль, 1880).
——— Общественная безсознательность (тамъ же).
——— Субъективный и объективный методы въ соціологіи и ихъ относительное значеніе (тамъ же, 1881).
——— Попытка обоснованія новыхъ началъ въ экономической наукѣ (тамъ же, 1882).
——— Свобода воли (Рус. Богат., 1883).
——— Эволюція свободы воли (тамъ же).

---

[1]) Статья эта содержитъ разборъ „Соціальной статики Спенсера".

[2]) Въ статьяхъ, печатающихся подъ этимъ заглавіемъ, встрѣчаются весьма часто и такія, которыя относятся къ соціологіи. См., напр., Рус. Бог. 1893 (IV—VI) о психологіи толпы, 1894 (I, II, X) и 1895 (I) объ экономич. матеріализмѣ, 1895 (IX)—объ эволюціонизмѣ, 1896 (I, II и IV, V)—о ст. Туганъ-Барановскаго „Значеніе экономическаго фактора въ исторіи", 96 (V и VI)—о кн. Кидда „Соціальная эволюція", 97 (IV)—о ст. Ковалевскаго „Соціологія и соціологи", 97 (IV и VI) -о книгѣ Дюркгейма „Раздѣленіе общественнаго труда".

[3]) Разборъ „Изученія соціологіи" Спенсера.

[4]) Рядъ статей, печатавшихся въ „Рус. Мысли".

——— О свободѣ воли (тамъ же, 1884).
——— Что такое прогрессъ (тамъ же, 1885).
——— Наше ученіе о прогрессѣ (тамъ же, 1886).
——— Въ области европейской мысли. Новости соціологіи (Нов. Слово, 1896).
——— Толпа и ея герои (тамъ же, 1896).
——— Автономія человѣка въ прогрессѣ и ея стадіи (Вопр. филос. и психол., 1895).
——— Личное совершенствованіе и измѣненіе общественныхъ формъ (Рус. Мысль, 1893).
——— Новая псевдонаука (Рус. Мысль, 1894).
——— Самосознаніе классовъ въ общественномъ прогрессѣ (Вопросы филос. и психол., 1896).
——— Основной вопросъ прогресса (Рус. Мысль, 1894).
——— Человѣческое творчество и эволюція (тамъ же, 1894).
——— Соціальныя предсказанія (тамъ же, 1892).
——— Новый расколъ въ нашей интеллигенціи (Рус. Мысль, 1895).
——— Зависимость общественнаго прогресса отъ чувствованій (тамъ же, 1894).
Оршанскій, И. Г. Позитивизмъ и контизмъ (Зап. Харьк. Универс., 1893).
Павловскій, Н. Классификація наукъ (Отеч. Зап., 1871).
П—въ, Н. Мысли Милля о позитивной философіи Конта (Отеч. Зап., 1865).
Петрушевскій, Д. М.
Писаревъ, Д. И. Историческія идеи Ог. Конта (Сочиненія).
Позада. Современныя ученія о происхожденіи семьи, общества и государства. 1897.
Позитивистъ. Г. Слонимскій и соціологія. Казань. 1889.
Полетика, И. Критика философской системы Конта. Спб. 1873.
Рашковскій, Н. С. Н. К. Михайловскій передъ судомъ критики. Одесса. 1889 (По поводу полемики съ Слонимскимъ).
Ромэнсъ. Умъ животныхъ. Спб. 1886 (Есть между прочимъ объ общественности животныхъ).
Рюмелинъ, Г. Что такое соціальный законъ? (Изд. Бейленсона и Юровскаго).
Сергѣевичъ, В. И. Задача и метода государственныхъ наукъ. 1871.
——— Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. 1883. Введеніе.
Сигеле. Преступная толпа. Опытъ коллективной психологіи. 1893.
Слонимскій, Л. Законы исторіи и соціальный прогрессъ (Вѣстн. Евр. 1883).
——— О теоріяхъ прогресса (тамъ же, 1888).
——— Мнимая соціологія (тамъ же, 1889).
——— Основные вопросы политики.
Случевскій, В. К. Толпа и ея психологія (Книжки Недѣли, 1893).
Смоликовскій, С. Ученіе Огюста Конта объ обществѣ. 1881.
——— Изложеніе началъ позитивной философіи и соціологіи Конта. 1886.
С—нъ. Николай. Существуютъ ли законы исторіи? (Научное Обозрѣніе, 1896).
Спенсеръ. Опыты.
——— Основныя начала.
——— Классификація наукъ. 1866 (Перепечатана въ книгѣ: Милль, Спенсеръ и Уордъ. О. Контъ и позитивизмъ).
——— Соціологія, какъ предметъ изученія. 1896 (старое изданіе: Изученіе соціологіи. 1874—75).
——— Основанія соціологіи. 1877.
——— Начала соціологіи. 1880.

——— Описательная соціологія или группы соціологическихъ фактовъ (Англія). Кіевъ. 1880.
——— Развитіе политическихъ учрежденій. 1882.
——— Грядущее рабство. Спб. 1884.
——— Научныя основанія нравственности. 1896.
Стронинъ. Исторія и методъ. 1869.
——— Политика, какъ наука. 1872.
——— Исторія общественности. 1885.
Струве, П. Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. 1894.
——— Новая книга Гумпловича („Рус. Богат.", 1892).
——— Свобода и историческая необходимость. (Вопросы философіи и психологіи. 1897).
——— Еще о свободѣ и необходимости. (Новое Слово. 1897).
Т—е, Евг. Проклятые вопросы и ученые отвѣты (по поводу „Соціологіи" Чичерина. Нов. Слово, 1896).
Тардъ, Ж. Законы подражанія. Спб. 1892.
——— Преступленія толпы. 1893.
——— Общественная логика въ области чувствъ (Научн. Обозр., 1894, № 10).
Тимирязевъ, К. А. Историческій методъ въ біологіи (Рус. Мысль, 1894).
Трачевскій, А. С. Предисловіе къ книгѣ Вормса „Общественный организмъ" (взглядъ на современную соціологію).
Туганъ-Барановскій, М. И. Значеніе экономическаго фактора въ исторіи (Міръ Божій, 1895).
——— Экономическій факторъ и идеи (Міръ Божій, 1897).
Уордъ, Л. Психическіе факторы цивилизаціи. 1896.
——— См. Милль, Спенсеръ, Уордъ.
Ушаковъ, С. Нѣсколько словъ въ защиту экономическаго матеріализма (Рус. Мысль, 1896).
Фикъ. Теорія Дарвина на юридической почвѣ (Знаніе, 1872).
Фриманъ. Сравнительная политика. 1880.
Фулье. Современная наука объ обществѣ. 1895.
Хлѣбниковъ, П. И. Новыя явленія нашей позитивистической и дарвинистической литературы (Кіевскія Унив. Извѣстія, 1880).
——— Цивилизація, формы ея происхожденія, развитія и причины ея паденія (тамъ же, 1878).
——— Что такое цивилизація? (тамъ же, 1878).
Чернышевскій, Н. Г. Антропологическій принципъ философіи (Современникъ, 1860).
Чичеринъ, С. Н. Соціологія (Курсъ государственной науки, часть II). 1896.
Чупровъ, А. И. Статистика, какъ связующее звено между естествознаніемъ и обществовѣдѣніемъ (Сборн. правовѣдѣнія и обществ. знаній, т. III Спб. 1894).
Шелгуновъ, Н. Историческая сила критической личности (Дѣло, 1870).
Яроцкій, В. Г. Отношеніе личности къ государству съ точки зрѣнія Спенсера (Сѣв. Вѣстн., 1885).
——— Односторонняя теорія экономическаго развитія (Нов. Слово, 1895).
Энгельсъ. Происхожденіе семьи, собственности и государства. 1896.
Эспинасъ. Соціальная жизнь животныхъ.

Южаковъ, С. Соціологическіе этюды. 1891 и 1896.
——— Общежитіе и обществовѣдѣніе. (Рус. Бог., 1895).
——— Дневникъ журналиста (Рус. Бог., 1895, XI—XII. Объ изученіи соціологіи и программа соціологіи).
Юзовъ Соціологическіе этюды. 1883 (См. Кабницъ).

2007096070